

Российская академия наук
Институт психологии

МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
Е. А. Никитина,
Н. Е. Харламенкова*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2019

УДК 159.9

ББК 88

М 54

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*Г. А. Виленская, А. Л. Журавлев (отв. ред.), В. В. Знаков, А. Н. Книголюбова,
Т. А. Нестик, Е. А. Никитина (отв. ред.), Е. А. Сергиенко, Д. В. Ушаков,
Н. Е. Харламенкова (отв. ред.), А. В. Юревич*

М 54 **Методология, теория, история психологии личности** / Отв. ред.
А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. — М.: Изд-во
«Институт психологии РАН», 2019. — 734 с. (Методология, исто-
рия и теория психологии)

ISBN 978-5-9270-0397-6

УДК 159.9

ББК 88

Книга подготовлена и издана в год празднования 95-летия со дня рождения Л. И. Анцыферовой — известного российского ученого с мировым именем. В настоящем издании представлены результаты современных исследований, посвященных проблемам психологии личности — методологическим и теоретико-эмпирическим разработкам в этой области психологии, историко-психологическим исследованиям личности, психологии развития и социальной психологии личности, проблеме жизнеспособности личности и совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях. Обсуждается широкий спектр вопросов, в котором отражена актуальность и востребованность анализа проблемы личности в психологии, показана преемственность исследований в этой области знания.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2019

ISBN 978-5-9270-0397-6

Содержание

<i>Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.</i> Вместо предисловия. Междисциплинарный, системный, динамический подход Л. И. Анцыферовой: история, состояние, перспективы.	11
---	----

Раздел I МЕТОДОЛОГИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

<i>Гришина Н. В.</i> Процессуальная природа личности: «выход за свои пределы»	23
<i>Лебедев А. Н.</i> Исследование психологических механизмов саморазвития личности в рамках системного подхода	31
<i>Немов Р. С., Яценко Д. А.</i> Основы метанаучного конструктивно-критического анализа психологических теорий, опытных исследований и методов работы с личностью.	38
<i>Овчинникова Т. Н.</i> Саморегуляция в развитии человека и ее диалогическая природа	45
<i>Ожиганова Г. В.</i> Высшие творческие способности: подходы и методы исследования (в контексте идей Л. И. Анцыферовой)	54
<i>Плющ А. Н.</i> Теоретические подходы к исследованию личности и их метаанализ	61
<i>Прохоров А. О.</i> Структурно-функциональная организация ментальной регуляции психических состояний	69
<i>Рябкина З. И.</i> Проблемы и тренды развития методологии современной психологии	78
<i>Селиванов В. В.</i> Личностная динамика субъекта в виртуальной реальности	86

Раздел II
ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Барабанищikov В. А., Лупенко Е. А., Шунто А. С.</i> Восприятие и оценка индивидуально-психологических характеристик человека при разном способе его изображения	97
<i>Бызова В. М., Перикова Е. И.</i> Метакогнитивная включенность в структуру личностного потенциала человека	106
<i>Головей Л. А., Данилова Ю. Ю.</i> Субъективное благополучие подростков в разных ситуациях развития в связи с событийной насыщенностью жизни	114
<i>Дорфман Л. Я., Гасимова В. А., Ковалева Г. В.</i> Субъективное пространство как фактор креативного мышления	123
<i>Калугин А. Ю.</i> Обобщенные свойства темперамента и ценностно-смысловой сферы личности	133
<i>Мишкевич А. М., Щебетенко С. А.</i> Половые различия в поведенческих индикаторах открытости опыту	142
<i>Моросанова В. И., Бондаренко И. Н.</i> Дифференциально-типологические ресурсы академической успешности и саморазвития: состояние проблемы	150
<i>Нартова-Бочавер С. К.</i> Средовая идентичность личности и моральные мотивы	156
<i>Ребеко Т. А.</i> Успешность построения искусственного понятия у больных атопическим дерматитом и псориазом	164
<i>Руднова Н. А., Корниенко Д. С.</i> Различия в личностных характеристиках в связи с уровнем прокрастинации	173
<i>Шляпников В. Н.</i> Структура самооценки волевых качеств личности у представителей различных этнических групп	180

Раздел III
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛИЧНОСТИ

<i>Васильченко Н. А.</i> Личность летчика: история изучения и современность	193
<i>Воловикова М. И.</i> Лаборатория психологии личности ИП РАН в период с 1984 по 1991 г.	200
<i>Галкина Т. В.</i> Научное творчество Я. А. Пономарева: основные идеи и открытия	208

<i>Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н.</i> Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.)	218
<i>Жалагина Т. А.</i> Алексей Фёдорович Шикун – от истории психологии в Тверском регионе к ее перспективам.	234
<i>Жалагина Т. А., Короткина Е. Д.</i> Развитие психологической науки и практики в Твери: вклад Х. И. Лейбовича	244
<i>Костригин А. А. Г. Я.</i> Трошин в Праге	255
<i>Мазилев В. А.</i> Профессионал и время: о работах Л. И. Анцыферовой в области истории психологии	261
<i>Матан В. В.</i> Карьера: историко-психологический анализ понятия.	274
<i>Мироненко И. А.</i> Личность ученого: Борис Дмитриевич Парыгин	281
<i>Няголова М. Д.</i> Вклад Л. И. Анцыферовой в изучение истории французской психологии XX в.	291
<i>Прокушенкова О. И.</i> Содержание индивидуальных представлений об образе Бога у подростков московских школ	300
<i>Стоюхина Н. Ю.</i> Жизнь и творчество И. П. Четверикова	314
<i>Холондович Е. Н.</i> Жизненный путь гения	321
<i>Юров И. А.</i> Психология личности в отечественной парадигме	337

Раздел IV
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМА
ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

<i>Будрина Е. Г.</i> Специфика интеллектуального развития в младшем школьном и младшем подростковом возрасте	349
<i>Виленская Г. А.</i> Контроль поведения у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья и с типичным развитием.	358
<i>Гильманов С. А.</i> Психология мудрости и образование: теоретические и практические аспекты	367
<i>Иванкова Д. Л.</i> Изучение жизненной компетентности личности в контексте принятия и решения возрастных задач	376

<i>Ипполитова Е. А.</i> Субъективная картина жизненного пути пожилых людей, переживших смерть брачного партнера . . .	385
<i>Кашанов М. М.</i> Профессионализация мышления как ресурс жизненного пути личности	392
<i>Клементьева М. В.</i> Биографическая рефлексия в структурно-функциональной организации жизненного пути личности	400
<i>Лоскутова М. Е.</i> Направленность личности студентов среднего профессионального образования	408
<i>Мурзина Ю. С.</i> Обзор современных теорий мудрости: от личности к нейросети	415
<i>Никитина Е. А.</i> Представления людей разного возраста о мудрости	425
<i>Савина О. О.</i> Идентичность подростков в аспекте ресоциализации	433
<i>Хазова С. А., Беляева Т. И.</i> Образ жизненного пути у лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата	441
<i>Честюнина Ю. В., Трушина И. А., Веденева Е. В.</i> Ценности и удовлетворенность жизнью людей пенсионного возраста в стареющем обществе	450
<i>Швец Т. А.</i> Особенности возрастной идентичности младших подростков из различных регионов РФ	457

Раздел V СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Адамян А. А.</i> Чувствительность к справедливости: исследование предсказательной валидности опросника . .	467
<i>Алдашева А. А., Рунец О. В.</i> Индивидуальные стратегии совладания в профессиональной деятельности	474
<i>Вавакина Т. С.</i> Проявление субъектности в партнерском взаимодействии	484
<i>Кисляков П. А., Шмелева Е. А.</i> Факторы просоциальной субъектности личности	494
<i>Китова Д. А., Апрелькова Н. Р.</i> Потребности российских интернет-пользователей в знаниях о психологии (на примере поисковых запросов в Яндексe)	501
<i>Ковалева Ю. В., Арутюнян К. Р.</i> Разработка анкеты для измерения Веры и Надежды как составляющих оптимистической триады	511

<i>Кондратьев М. Д., Штомпель С. Т.</i> Временная перспектива подростков, планирующих переезд (на примере Москвы и Магадана)	518
<i>Короткина Т. И., Якунин А. П.</i> Ролевая толерантность подростков как частный вид социальной толерантности . . .	525
<i>Мустафина Л. Ш.</i> Представления о совести и выраженность психопатологической симптоматики у студентов.	535
<i>Нестик Т. А.</i> Ответственность перед будущими поколениями и отношение личности к глобальным рискам	543
<i>Нестик Т. А., Новикова О. В.</i> Долгосрочная ориентация психологов-исследователей и их представления о будущем психологии.	552
<i>Позняков В. П.</i> Ценностные ориентации личности и психологические отношения субъектов экономической деятельности.	561
<i>Пономарева И. В., Сизова Я. Н.</i> Выученная беспомощность мигрантов на различных этапах адаптации: теоретическая модель исследования	568
<i>Самохвалова А. Г.</i> Коммуникативные трудности подростков-жертв школьного насилия в поликультурной образовательной среде.	575
<i>Синельникова Е. С., Леонтьева А. А.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта и предпочтения способов взаимодействия в конфликте у студенческой молодежи . . .	583
<i>Хавыло А. В., Лобанкова И. В.</i> Личностные детерминанты сетевого поведения молодежи	588
<i>Честюнина Ю. В., Забелина Е. В.</i> Временная перспектива и экономические аттитюды (сравнительное исследование представителей российской и японской молодежи)	596
<i>Честюнина Ю. В., Сизова Я. Н., Овчинников М. В.</i> Субъективная оценка уровня дохода людьми пенсионного возраста в условиях стареющего общества . . .	605

Раздел VI

ЛИЧНОСТЬ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ: ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ

<i>Адеева Т. Н.</i> Характеристика внутренней картины дефекта у младших школьников с нарушениями зрения.	615
--	-----

<i>Бехтер А. А.</i> Развитие проактивного совладающего поведения первокурсников с помощью рефлексивного тренинга	624
<i>Бузина А. А.</i> ИмPLICITные представления об оскорблении	632
<i>Евстафеева Е. А., Забелина Е. В., Пономарева И. В., Циринг Д. А.</i> К вопросу о психологических факторах выживаемости больных злокачественными новообразованиями	640
<i>Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Лим В. С., Костенко Е. В.</i> Жизнестойкость и копинг-стратегии в контексте диагностики профессионального здоровья летчиков	647
<i>Карпова Е. А.</i> Мотивационные детерминанты жизнестойкости личности	657
<i>Крылова М. А.</i> Отношение молодых людей к трудным жизненным ситуациям: ментальная репрезентация и совладающее поведение	663
<i>Крюкова Т. Л., Воронцова О. Р.</i> Когнитивно-поведенческие маркеры средней взрослости (40–60 лет): готовность к переменам и стратегии межличностных отношений	672
<i>Куфтяк Е. В.</i> Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания	680
<i>Никитина Д. А., Харламенкова Н. Е.</i> Личность в трудных жизненных ситуациях: преемственность идей	690
<i>Польская Н. А., Цейтлина М. Д.</i> К вопросу о связи стыда и нарциссизма.	698
<i>Салихова А. Б.</i> Толерантность личности к неопределенности и мотивация исследовательской деятельности аспирантов	705
<i>Чернов А. В.</i> Роль мотивации и рефлексии в регуляции психических состояний студентов	715
<i>Шестова М. А.</i> Когнитивная регуляция эмоций в структуре интеллектуально-личностного потенциала	722
Авторы	732

*Посвящается 95-летию со дня рождения
Людмилы Ивановны Анцыферовой*

Вместо предисловия

Междисциплинарный, системный, динамический подход Л. И. Анцыферовой: история, состояние, перспективы

А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова

В сентябре 2019 года исполнилось 95 лет со дня рождения известного отечественного психолога с мировым именем – Людмилы Ивановны Анцыферовой (1924–2013). Обладая редким по своей многоплановости и масштабности талантом, Л. И. Анцыферова в значительной мере смогла реализовать его, много и интересно работая над *фундаментальными проблемами* психологической науки. Уникальный дар ученого проявил себя в способности широко мыслить, анализировать, сопоставлять и обобщать информацию, с одобрением или обоснованной критикой относиться к публикациям, выступлениям других ученых, обнаруживать неиссякаемый познавательный интерес к своей профессии, своему делу. К одному из редких проявлений одаренности Л. И. Анцыферовой как ученого можно отнести способность творить, постоянно решая задачи междисциплинарного характера, но при этом не редуцируя психическое к явлениям другого порядка (физиологическим, социальным, юридическим). *Междисциплинарный статус* исследований, проведенных Анцыферовой, состоит в осмыслении психических механизмов и закономерностей на таком уровне обобщения, который соответствует построению картины мира средствами «философского языка». Понимая важность и необходимость разработки методологических вопросов психологии, Анцыферова аргументированно показывала и доказывала, что психология не стоит обособленно от других наук, а делает существенный вклад в развитие *системного знания*, отвечающего критериям научности.

Идеи, высказанные Людмилой Ивановной Анцыферовой в разные периоды профессиональной деятельности, не теряют своей притягательности и актуальности сегодня. «Феномен Анцыферовой» состоит в том, что в любую историческую эпоху – в советский период,

в «перестроечное время» и в последующие за ним годы – научные тексты ученого каждый раз открываются читателю по-новому. Создается впечатление, что «задача Секея», решение которой заключалось в выделении латентных признаков объекта (Анцыферова, 1960), является ключом (своеобразной подсказкой) для прочтения статей и книг ученого. Этот «ключ» открывает возможности для формулировки новых гипотез и построения оригинальных теоретических и эмпирических моделей.

Несомненен тот факт, что любой научный текст Л. И. Анцыферовой будет долгие годы оставаться современным и глубоким, щедрым на подарки для тех, кто занимается наукой честно и бескорыстно.

Цель конференции «Методология, теория, история психологии личности», посвященной 95-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой, материалы которой опубликованы в настоящем издании, состоит в обсуждении актуальных вопросов современной психологии, предметом которых является личность: ее жизненный опыт, становление и развитие как субъекта социальных отношений, индивидуально-психологические особенности, психологические трудности и проблемы, жизнеспособность и совладающее поведение. *Психология личности* является лишь одной из сфер профессионального и личного интереса Л. И. Анцыферовой, тем не менее, она тесно связана в работах ученого с другими актуальными проблемами психологии – проблемами сознания и самосознания, мышления, творчества, деятельности, психического развития. В понимании Анцыферовой, личность включена в процесс постоянного развития и изменения и в той или иной мере реализует свои возможности; личность активна по отношению к миру и находится в непрекращающемся диалоге с собой, поскольку, развиваясь, проявляет «рефлексивное отношение к себе, способность творчески относиться к прошлому и настоящему, соединять их в будущем сквозными динамическими тенденциями» (Анцыферова, 2004, с. 223).

Проблемы *методологии и теории психологии* были актуальными для Л. И. Анцыферовой с самого начала ее профессионального пути. Эта направленность на обсуждение фундаментальных проблем психологии во многом была подкреплена тесным взаимодействием со своим руководителем и наставником – Сергеем Леонидовичем Рубинштейном. Однако сила влияния Рубинштейна, скорее всего, была бы малозначительной, если бы не существовало «внутренних условий», собственного интереса его ученицы к науке будущего – психологии. Экспериментальные исследования мышления сопро-

вождались глубоким интересом к зарубежным и отечественным *теориям мышления, к теориям личности*, без понимания природы которой исследование мышления было бы существенно ограничено рамками несубъектной, безличностной когнитивной психологии.

Тенденция рассматривать предмет исследования не узко локально, а в контексте решения общетеоретических и методологических вопросов позволила реализовать *системный и динамический подход* к анализу психического в целом и в соотношении с изучением личности как актуальной научной задачи, показать, что личность как социальное явление проявляет свою активность во взаимодействии с социальным миром, развивая ум, овладевая эмоциями, интегрируя опыт прошлого с задачами настоящего и перспективами на будущее (подробнее о ее авторском подходе к исследованию личности см.: Журавлев, Харламенкова, 2017; и др.). Утверждается, что «каждая личность до некоторой степени сама создает ту систему, тот мир, в котором живет и „логика“ которого формирует ее свойства» (Анцыферова, 1982, с. 142).

Заложенный для будущих поколений ученых научный базис определил перечень актуальных вопросов психологии личности, задал надежные ориентиры в изучении личности как системной и динамичной целостности, владеющей огромным внутренним потенциалом и мотивированной на присвоение всего ценного, что дает человеку окружающий мир.

Благодаря работам Анцыферовой, психология личности продолжает развиваться как самостоятельная область исследования, но, наряду с этим, презентует себя и как один из центральных теоретико-эмпирических конструктов и факторов, учитывая который при изучении когнитивных, эмоциональных, социальных и других процессов можно получить более надежные и валидные результаты.

Существенный вклад Л. И. Анцыферовой в разработку проблемы личности в психологии состоит в анализе этого вопроса в соответствии с нормативами научного исследования, одним из которых является реализация *гипотетико-дедуктивного принципа* исследования. Обращаясь к работам Анцыферовой, можно заметить, что личность выступает по как теоретический конструкт, который изучается с помощью системы научных процедур и возводится на самый высокий уровень научного знания, то как эмпирический объект, через призму которого просматривается реальный живой человек с его конкретными трудностями, потребностями, проблемами, переживаниями. Подобный тип исследования может гарантировать полу-

чение достоверных результатов, детально и одновременно системно описывающих изучаемую область реальности так, что самые обобщенные теоретические схемы способны охватить все варианты существования личности.

Масштабность поставленных и решаемых Л. И. Анцыферовой задач, конечно, не могла исчерпывающим образом объяснить все множество проблем психологии личности. Много было сделано, но многое еще предстояло сделать. Анцыферова писала так: «В психологии почти совсем не исследованы стадии развития ума, мотивов и чувств зрелого человека, кризисы, вызываемые противоречиями в его жизненных отношениях, и способы их разрешения» (Анцыферова, 1982, с. 142). Вследствие некоторых стереотипных установок, оказались слабо изученными поздние годы жизни человека, типы продуктивного старения, жизнеспособность и жизнестойкость личности на этапе «осени жизни». Эти и многие другие задачи стали, благодаря Анцыферовой, определяться как перспективные направления развития научной психологии личности. Актуальными остаются вопросы методологии и теории личности, применимости адекватных методов и методик исследования, изучения личности как субъекта средового пространства (Нартова-Бочавер, 2017), включенного в разные контексты жизни (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018).

Определяя перспективы развития психологии и высказывая свои пожелания молодым, Л. И. Анцыферова подчеркивала важность более глубокой разработки методологического аппарата психологии, необходимость конструирования теоретических подходов к исследованию личности и создание оригинальных личностных методик, исследование личности взрослого человека, анализ «максимума имеющихся у личности потенциалов» (Анцыферова, 1992).

Формулировка *перспективных задач* психологического исследования личности стала основным ориентиром в определении ведущих научных направлений работы конференции.

В настоящем издании представлены научные статьи, которые были включены в разделы I и II «*Методология и фундаментальные проблемы современной психологии личности*» и «*Теоретико-эмпирические проблемы исследования личности в современной психологии*». В своих работах авторы соотносят результаты собственных исследований с тематикой, которая разрабатывалась Л. И. Анцыферовой. Большое значение придается проблеме развития личности, ее системной организации, проблеме регуляции психических состояний, саморазвитию и самоорганизации личности, высшим творческим способностям личности как субъекта жизни, проблеме методологии

психологии и систематизации методологических принципов. Теоретико-эмпирические исследования охватывают широкий круг научных задач, решаемых различными методами. Существенное внимание уделяется тематике, в той или иной мере связанной с позитивной психологией. Это исследование проблем субъективного благополучия, личностного потенциала, рефлексивности и др.; представлены интересные работы, в которых обобщаются результаты исследования структуры самооценок волевых качеств личности, средовой идентичности и моральных мотивов, свойств темперамента и ценностно-смысловых ориентаций. Обоснование результатов исследования строится в соответствии с правилами формулировки теоретических обобщений и выводов.

Раздел III *«Историко-психологические исследования личности»* посвящен анализу творчества Л. И. Анцыферовой в области истории психологии, а также научного творчества других ученых, в разные годы разрабатывавших методологические проблемы психологии; обсуждаются общие вопросы истории психологии как области исследования, позволяющей сохранять и транслировать информацию об известных и менее известных ученых прошлых лет, определять возможные тренды развития современной науки. Преимущество научных стратегий организации исследования, методологических подходов и теоретических обобщений, принципов и планов проведения эмпирических исследований, выбора различных схем и моделей интерпретации результатов как одна из задач, которая стоит перед историками психологии, позволяет учитывать опыт предыдущих поколений в развитии исследований в области психологии в целом и психологии личности в частности.

Раздел IV *«Психология развития и проблема жизненного пути личности»* традиционно посвящен теме, которая в работах Л. И. Анцыферовой была представлена как динамический подход к исследованию личности. В настоящем разделе объединены исследования, проведенные на разных выборках респондентов – детях, подростках, взрослых. Анализируются результаты исследования возрастной идентичности и нравственного развития детей, становления регулятивных функций. На обсуждение представлены тема профессионализации мышления как ресурса жизненного пути, проблемы жизненной компетентности и биографической рефлексии. Тема мудрости рассматривается в широком возрастном контексте; заметное внимание уделяется психологии пожилого человека. В ряде работ затрагиваются вопросы реализации принципа развития в современных исследованиях, продолжая тем самым разработку теоретических

проблем, предпринятую Анцыферовой еще в 1970-е годы (подробнее см.: Принцип развития..., 2016).

В целом раздел «*Социальная психология личности*» отражает традиционную проблематику исследования личности в различных социальных контекстах. Представленные в этом разделе статьи в той или иной мере согласуются с высказываниями Л. И. Анцыферовой о важности социальных условий для развития личности и одновременно о значимости положения об активности личности, о ее способности делать выбор, изменять условия жизни, либо, если это невозможно, менять отношение к ним. В статьях обсуждаются проблемы ответственности перед будущими поколениями и отношение к глобальным рискам, экономические аттитюды в аспекте разработки проблемы временной перспективы, тема личности и ее благополучия в контексте поликультурной образовательной среды, проявление субъектности в партнерских отношениях. Доверие личности к себе рассматривается как важнейшая составляющая успешности профессиональной деятельности.

В разделе VI «*Личность в трудных жизненных ситуациях: жизнеспособность и совладающее поведение*» способность личности к преодолению актуальных трудных жизненных ситуаций (например, таких как экстремальные виды деятельности, угрожающие жизни заболевания, трудности коммуникации и др.) представлена широким спектром используемых ресурсов. Обсуждается важная проблема совладания с трудными ситуациями в периоды взросления и в более старшем возрасте, тема реактивного и проактивного совладания. Мотивационный и волевой аспекты преодоления трудных ситуаций и их последствий занимают существенное место в работах, включенных в данный раздел книги. Его содержание реально развивает то научное направление исследований совладающего поведения, которое сложилось к настоящему времени (см., напр.: Психология повседневного и травматического стресса..., 2016; Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; и др.). Трудности совладания с жизненными проблемами часто возникают в связи с неспособностью регуляции эмоций и психических состояний и, как показано в ряде работ данного раздела, требуют особого внимания и изучения. Интересными представляются конкретные исследования проблемы оскорбления (психологического насилия) и его последствий для личности, стыда и нарциссизма, изучение толерантности к неопределенности и жизнестойкости. В отдельных работах рассматривается тема социальной поддержки личности в трудной ситуации, хотя общим знаменателем представленных в этом разделе

ле исследований остается тема внутренних ресурсов личности, актуализации своих возможностей в целях преодоления психологических и иных последствий переживания жизненных трудностей.

Широкий круг поставленных вопросов адекватно отражает современное состояние исследований в области психологии личности (см., напр.: Личность профессионала..., 2013; Психологические исследования личности..., 2016; Психологическое здоровье личности..., 2014; и др.). Преемственность работ современных авторов и работ Л. И. Анцыферовой отмечается в интенсивной разработке тем личностного развития, трудных жизненных ситуаций и совладания с ними. Новым в этом направлении стали задачи системного изучения стратегий совладания с учетом конкретной ситуации и возможностей личности. Эта тенденция, наметившаяся в работах Анцыферовой, стала очевидной в настоящее время. Таким же активно развивающимся направлением следует назвать изучение личности взрослого человека и человека пожилого и старческого возраста: пересечения с работами Анцыферовой состоят в акцентировании темы позитивного старения и доказательстве уникальности человека, его возможностей на разных этапах онтогенеза, стимулирующих и поддерживающих его поступательное когнитивное, эмоциональное и личностное развитие.

Исследование личности вне ее истории, вне жизненного пространства было предметом серьезной критики Л. И. Анцыферовой. Спустя несколько десятилетий современная психология все с большей интенсивностью ищет доказательства верифицируемости гипотезы о важности поиска контекстных переменных для повышения внутренней и внешней валидности результатов, полученных в области психологии личности. Кроме того, контекст может рассматриваться и как дополнительный ресурс, обеспечивающий психологическую и объективную безопасность личности, однако, с точки зрения современных исследователей, важнейшим ресурсом остается не столько сама по себе объективная ситуация, сколько субъективное отношение к ней и мотивация личности, поддерживающая достаточный уровень активности человека.

Психология личности имеет прошлое, настоящее и будущее. *Прошлое* психологии личности (особенно отечественной) связано с разработкой методологических и теоретических вопросов ее научного исследования. Это вопросы социальной природы и становления личности, вопросы структуры личности и мотивации, формирования характера, волевых качеств, развития самосознания. *Настоящее* психологии личности определяется бурным развитием

психодиагностики и реализацией замыслов ученых в ходе проведения эмпирических исследований. Следует с некоторым сожалением констатировать, что сбор данных часто осуществляется без тщательного планирования исследования, поэтому полученные результаты не всегда оправдывают ожидания исследователя. Тем не менее, психология личности продолжает развиваться, во многом открывая перспективы, отмеченные как важные в работах исследователей прошлых лет. Говоря о *будущем* психологии личности, хотелось бы думать, что методология и теория, значительно отставшие от интенсивно набирающего темпы опытного знания (экспериментирования, эмпирического исследования), также станут предметом устойчивого интереса будущих ученых.

Понятие «личность» иногда невольно замещается другими понятиями или используется наряду с ними, но лишь как некоторая дополнительная категория, занимающая подчиненное место. Представляется, что изданный труд опровергает это мнение и демонстрирует высокий уровень значимости области исследования, которая обозначается категорией «личность».

Заслуга Л. И. Анцыферовой состоит в том, что в условиях социальной действительности, когда практически вся феноменология личности была заключена в «прокрустово ложе», называемое деятельностью, Анцыферова заявила свою собственную позицию относительно природы личности и показала, что она не исчерпывается решением «деятельностных задач», но обнаруживает себя в самых разных проявлениях недействительного характера (например, в созерцании). Сопоставляя между собой феномен субъекта и личности, Л. И. Анцыферова писала, что субъект «инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации... создает условия для развития личности и т. д. Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое и характеризует человека как личность...» (Анцыферова, 2004, с. 362). Духовность, гуманность, нравственность, совесть, добродетель и др., по мнению Людмилы Ивановны, не входят в число особенностей субъекта, но именно они имеют самое непосредственное отношение к личности и выступают перспективными направлениями исследования, благодаря которым могут воссоединиться методология, теория и эмпирические исследования личности, открыться новые возможности в изучении сложной, но одновременно и крайне увлекательной области исследования — психологии личности.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Роль анализа в познании причинно-следственных отношений // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 102–120.
- Анцыферова Л. И.* Системный подход к изучению формирования и развития личности // Проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1982. С. 140–147.
- Анцыферова Л. И.* Желаю молодым большей научной честности (интервью с Л. И. Анцыферовой провел В. И. Артамонов) // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 123–138.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психологии личности // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–23.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Нартова-Бочавер С. К.* Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы /
Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.:
Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред.
А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психо-
логии РАН», 2011.

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Процессуальная природа личности: «выход за свои пределы»

Н. В. Гришина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
n.v.grishina@spbu.ru

Развитие идей процессуального подхода в психологии личности — важная часть творчества Л. И. Анцыферовой. Один из тезисов ее динамического подхода — о существовании личности в процессе несовпадения с собой, выхода за свои пределы. В развиваемом нами подходе многомерный мир человека описывается через выделение разных контекстов его существования, каждому из которых соответствует своя психологическая феноменология. Разные контексты находятся в отношениях взаимосвязи и взаимовлияния. Процессуальная природа личности проявляется в наличии динамических «переходных зон», связанных с переходом психологической феноменологии на другой уровень сложности. Именно здесь возникает необходимость выхода за пределы своих обычных возможностей, а на высшем, «бытийном» уровне существования личности — в сфере ее «истинного бытия». Тема «выхода личности за свои пределы» — постоянная тема творчества Л. И. Анцыферовой, реализованная ею в изучении преодоления личностью трудных жизненных ситуаций, в разработке темы развития личности в старших возрастах, в описании мудрости как особого способа отношений человека с миром.

Ключевые слова: динамический подход Анцыферовой, выход за пределы, контексты существования, зоны изменчивости.

Одной из актуальных тенденций современной психологии личности является развитие идей процессуального подхода.

Истоки процессуального, или динамического, подхода в отечественной психологии относятся к работам С.Л. Рубинштейна. Они получают дальнейшее развитие в трудах А. В. Брушлинского, обсуж-

даются в работах других отечественных ученых. Однако в области приложения идей процессуального, динамического подхода к проблемам психологии личности безусловный приоритет принадлежит Л. И. Анцыферовой.

Неудовлетворенность доминировавшими подходами к психологии личности, рассматривавшими ее как совокупность устойчивых свойств, измеряемых опросниками, приводит Л. И. Анцыферову к развитию идей динамического подхода к исследованию личности. Его основные идеи были сформулированы ею уже к концу 70—началу 80-х годов, когда в своих работах Л. И. Анцыферова обосновывает преимущество процессуально-динамического подхода к личности. Для ее последующего творчества характерен все возрастающий интерес к проблематике психологии личности (Харламенкова, 2014).

Динамический подход к исследованию личности, в понимании Л. И. Анцыферовой, исходит из активности человека, взаимодействия с окружающим миром, из активности субъекта, для которого характерно «постоянное движение, преобразование, изменение, рост и развитие душевной жизни человека». Тем самым акцент делается на динамических характеристиках личности. При этом речь идет не просто об активности человека, но человеке как «активном делателе», преобразователе себя и своего мира. Эти два положения — о личности как непрерывно развивающейся целостности, для которой развитие является основным способом бытия, и о решающей роли активности самой личности в ее развитии — являются основополагающими для подхода Л. И. Анцыферовой. Очевидность этих тезисов сегодня не умаляет значимости их формулировок Л. И. Анцыферовой — не стоит забывать, что идеи процессуально-динамического подхода к личности, которые сейчас начинают привлекать к себе все большее внимание, были сформулированы ею несколько десятков лет назад.

«Личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой...»

Динамический подход к личности означает не только акцент на ее динамических характеристиках, обеспечивающих ее изменчивость, движение и развитие.

Одним из важнейших тезисов, сформулированных Анцыферовой при разработке нового подхода к психологии личности, является представление о том, что «личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пре-

делу». Еще более определенно эта мысль выражена ею в утверждении: «Сфера истинного бытия человека как личности – это сфера его выхода за пределы себя» (Анцыферова, 2006, с. 39).

Данная идея в разной форме присутствует в работах ученых прошлого и современности.

М. М. Бахтин писал о бытии, выходящем за пределы «вещного» мира, о «подлинной жизни», которая «совершается как бы в точке... несовпадения человека с самим собой, в точке выхода за пределы всего того, что он есть как вещное бытие» (Бахтин, 1972, с. 101).

Практически в тех же словах В. Франкл определяет самотрансценденцию, которая, по его мнению, является сущностью человеческого существования: «Единство человеческого способа бытия, преодолевающее многообразие различных форм бытия... обнаружить можно лишь в высшем измерении, в измерении специфически человеческих проявлений... Быть человеком – значит выходить за пределы самого себя» (Франкл, 1990, с. 51).

В. В. Знаков использует понятие метаперсональной самоинтерпретации субъекта, которая определяется им как «идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством» (Знаков, 2010, с. 107).

При некотором различии понятий и интерпретаций, используемых авторами, очевидна общность их позиций, связанных со способностью человека «выходить за пределы самого себя», более того, именно здесь и осуществляется «истинное бытие человека как личности».

Описание и понимание данной феноменологии не может быть реализовано в рамках традиционных подходов к изучению личности и требует новой методологии. Следует отдать должное Л. И. Анцыферовой, которая еще в 80-х годах прошлого века писала о необходимости перехода от «структурно-статичного исследования психологической организации личности к процессуально-динамическому» (Анцыферова, 1978, с. 39).

Контекстуальность в описании психологической феноменологии

В развиваемых нами представлениях о предмете современной психологии личности психологическая феноменология описывается в соответствии с разными уровнями существования личности (Гри-

шина, Костромина, Мироненко, 2018). В современной психологии все более признанным становится представление о необходимости контекстуального принципа изучения психологических феноменов.

Многомерный мир человека описывается через выделение разных типов реальности или контекстов существования человека (Гришина, 2018).

В соответствии с разрабатываемым нами подходом ситуационный, жизненный и бытийный (экзистенциальный) контексты существования человека образуют единое, целостное пространство жизни человека, что, однако, не лишает целесообразности выделение отдельных уровней, поскольку каждому из этих уровней соответствует своя психологическая феноменология.

Взаимосвязь разных контекстов существования человека проявляется в их взаимовлиянии, однако, в соответствии с нашей теоретической моделью, это взаимовлияние имеет разный характер, от низшего к высшему уровню и наоборот. «Высшие» уровни существования человека через их ценностно-смысловое содержание определяют направленность личности, цели, жизненные планы и задачи, решаемые в повседневном существовании человека; в свою очередь, это содержание повседневной жизни человека, жизненный стиль, формирующийся в жизненном контексте, оказывают влияние на активность, цели, стратегии поведения в ситуационном контексте.

Влияние «высших» уровней личности на «низшие» может быть — по аналогии — обозначено так, как Л. И. Анцыферова описывает соотношение различных этапов развития человека: «Позднейшие новообразования, стратегии и тактики не отменяют, но качественно видоизменяют — обогащают, ограничивают, регулируют, подчиняют себе образования более ранних стадий и уровней через включение их в новые системы психологических отношений личности к миру, в новые жизненные позиции» (Анцыферова, 1978, с. 41). По сути, «высшие» уровни личности оказывают то же влияние на «низшие», качественно их преобразуя и видоизменяя через включение в новые ценностно-смысловые отношения с окружающим миром.

Однако и «низшие» уровни — ситуационный контекст по отношению к жизненному и жизненный по отношению к бытийному — оказывают влияние на формирование психологической феноменологии более высокого уровня. Это влияние не может иметь определяющего характера. Стоит прислушаться к предостережению В. Франкла, который в своих законах димензиональной онтологии пишет о недопустимости интерпретации «высших измерений» человека на основе «низших проекций». Данные, полученные в плоскости низших

измерений, подчеркивает Франкл, только в пределах этой плоскости и сохраняют свою значимость (утверждая это, он приводит в качестве примера рефлексологию Павлова, бихевиоризм Уотсона, психоанализ Фрейда и др.) (Франкл, 1990).

Процессуальность личности: зоны изменчивости

В соответствии с развиваемыми нами идеями динамического подхода к личности, ее процессуальная природа проявляется в наличии своего рода динамических «переходных зон», связанных с переходом психологической феноменологии на другой уровень сложности.

При описании проблемных полей психологии личности нами были выделены зоны наиболее изменчивой феноменологии. В рамках уровневой структуры личности наибольшей эластичностью и восприимчивостью к изменениям обладают пограничные, или переходные зоны между разными уровнями личности или регионами ее жизненного пространства. Именно здесь возникают напряжения, ведущие к изменениям личности, ее жизненного пространства и жизненного сценария.

На ситуационном уровне поведение человека в наибольшей степени определяется устойчивыми характеристиками и чертами личности, сложившимися паттернами поведения, привычными формами реагирования на привычные обстоятельства. Единицей ситуационного контекста является ситуация. Повторяющийся репертуар ситуаций и проблем, с которыми сталкивается человек, способствует формированию у человека индивидуального стиля деятельности и поведения. Стилевые особенности поведения человека, складывающиеся в ежедневной активности, становятся основанием формирования жизненного стиля, описывающего поведение человека в жизненном контексте.

Столкновение с новыми проблемами, непривычными ситуациями, в которых не «работают» привычные паттерны поведения, ставит человека перед необходимостью использования новых способов реагирования. Эти новые решения дополняют репертуар стратегий поведения. Особенное значение имеют трудные (или критические) ситуации, для которых характерно отсутствие сформированных моделей поведения, необходимых знаний, навыков, умений для совладания с данной ситуацией и т.д. Уже здесь на этом базовом уровне возникает необходимость выхода за пределы своих привычных возможностей.

Л. И. Анцыферова, обсуждая проблему разных мотивационных стратегий поведения, говорит о способствующих развитию личнос-

ти стратегиях, которые она характеризует как «стратегии поиска трудностей, риска», фактически направленные на выявление своих собственных возможностей (Анцыферова, 2006, с. 27). В. А. Петровский проводит важное различие между ситуациями-стимулами, предопределяющими поведение человека, и ситуациями-вызовами, допускающими разные способы реагирования и потому ставящими человека перед выбором – идти за требованиями ситуации или «действовать над порогом ситуативной необходимости, вопреки ситуативным ограничениям деятельности» (Петровский, 2010, с. 82).

Жизненный контекст – это социокультурный мир и повседневная реальность существования человека. Социальную ситуацию мы рассматриваем как единицу описания социокультурной реальности, а жизненное пространство – как единицу описания реальности отдельного человека. В жизненном контексте складывается жизненный сценарий человека, жизненные модели его активности в основных сферах жизнедеятельности. Эта активность, определяемая его жизненными целями и планами и структурированием времени повседневности, интегрируется в его жизненном стиле.

За пределами привычного жизненного мира человека, за его «границами» находятся пограничные ситуации, которые находятся на границе жизненного и бытийного, или экзистенциального, контекста. Как известно, понятие «пограничные ситуации» было введено в психологию К. Ясперсом, обозначавшим этим термином ситуации потрясений, драматические ситуации жизни человека, создающие «пробуждение к экзистенции» и выводящие его в плоскость бытийного существования. Это также «выход за пределы себя», точнее, выход в сферу «истинного бытия» личности.

Бытийный уровень, связанный с экзистенциальными универсалиями существования человека, опосредованно подвержен влиянию более «низкого» жизненного контекста. Пограничные ситуации являются основными «каналами» этого влияния, однако несомненное влияние на «высший» уровень оказывает и жизненный стиль человека. Жизненный стиль как устойчивый способ поведения, основанный на жизненных целях и ценностях человека, становится одним из базовых оснований, на котором складывается экзистенциальная матрица взаимодействия человека с реальностью.

К «пограничным» ситуациям могут быть отнесены и ситуации «вершинного опыта» (peak experience). Проведенное нами исследование этих ситуаций позволило выявить их повторяющиеся в описаниях разных людей инвариантные характеристики, в том числе разрушение привычных пространственно-временных рамок су-

ществования человека. Нарушается привычное восприятие времени, длительность «вершинного» опыта не определяется. Разрушение привычных границ своего ощущения в пространстве проявляется в повторяющихся высказываниях об опыте ощущения себя частью этого пространства («я и этот мир – единое целое»). Человек «выходит» за привычные для него рамки собственной телесности, ощущая свое слияние с окружающим миром.

Таким образом, не лишенное метафоричности выражение о выходе личности за свои пределы, отражает реальную психологическую феноменологию. Данная феноменология может быть исследована с помощью обозначенных в работах Л. И. Анцыферовой и других ученых механизмов использования личностью поисковых стратегий взаимодействия как с актуальной ситуацией, так и с окружающим миром в целом.

Заключение

Одной из особенностей подхода Л. И. Анцыферовой к разработке тематики психологии личности является то, что ее работы всегда были связаны с самой жизнью человека, ориентированы на решение «жизненных» проблем. В одной из своих ранних работ, конца 50-х годов, она формулирует задачу изучения того, как личность преодолевает жизненные трудности. Эта тема, разрабатываемая Л. И. Анцыферовой в последующие годы и даже десятилетия, по сути, смыкается с темой «выхода человека за свои пределы». Проживание им трудных жизненных ситуаций – это не просто способность преодоления или переосмысления им возникших обстоятельств, но изменение своей индивидуальной истории. И разве тема развития личности в пожилом и старческом возрасте, методологически по-новому осмысленная Л. И. Анцыферовой, – это не о выходе человека за привычные рамки?

Литература

- Анцыферова Л. И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 37–50.
- Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
- Гришина Н. В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
- Знаков В. В.* Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 105–119.
- Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Харламенкова Н. Е.* Жизнь ученого – поиск и открытие неявного знания в явном (К юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 5–16.

Processual nature of personality: “going beyond own limits”

N. V. Grishina

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

The development of ideas of a processual approach in the personality psychology is the important part of L. I. Antziferova’s works. One of the main theses of her dynamic approach is about an existence of a personality in the process of non-coincidence with him/herself, going beyond his/her limits. In the approach we are developing, the multidimensional world of a person is described through the identification of different contexts of his/her existence, each of which has its own psychological phenomenology. The interrelation of different contexts is manifested in their mutual influence. The processual nature of personality is manifested in the presence of dynamic “transitional zones” associated with a transition of psychological phenomenology to another level of complexity. It is here that the need to go beyond the limits of ordinary capabilities arises, and the need to go into the sphere of his/her “true being” arises on a higher, existential level of being of an individual. The theme of “going beyond one’s personality” is a constant theme of L. I. Antziferova’s creativity, implemented by her in studying how a person overcomes difficult life situations, in developing of a theme of personality development in older age, in describing a wisdom as a special way of relations between person and the world.

Keywords: Antziferova’s dynamic approach, going beyond limits, contexts of existence, zones of variability.

Исследование психологических механизмов саморазвития личности в рамках системного подхода

А. Н. Лебедев

Институт психологии РАН, Москва
lebedev-lubimov@yandex.ru

Концепция саморазвития приобрела особую популярность в психологии личности во второй половине XX в. До настоящего времени она является одной из наиболее интересных и сложных для исследователей. Под саморазвитием понимают то, что люди в равной степени являются как продуктами, так и авторами (создателями) собственного развития. Основные положения психологии саморазвития личности в нашей стране были сформулированы С. Л. Рубинштейном в начале 20-х годов XX в. Можно выделить три наиболее интересных методологических подхода к изучению данного феномена. Первый представлен теориями самодетерминации (Э. Деси и Р. Райан). Второй основан на принципах синергетики (Г. Хакен). Третий подход связан с именами российских ученых. В рамках данного подхода личность рассматривается не как психическое «свойство», а как наивысший уровень психического развития (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, Я. А. Пономарев, Б. Ф. Ломов и др.). В этом случае значимым фактором саморазвития личности становится рефлексивное мышление, которое рассматривается не только как логический, но и как логико-стохастический процесс.

Ключевые слова: личность, саморазвитие, самосознание, самодетерминация, синергетика, рефлексивное мышление, творчество.

Концепция саморазвития приобрела особую популярность в психологии личности во второй половине XX в. и до настоящего времени является одной из наиболее интересных и сложных

Исследование проводится в рамках НИР лаборатории психологии личности ИП РАН (№ 0159-2019-003 «Личность в современной России: психологические характеристики, социальные проявления, факторы формирования»).

для исследователей (С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов, М.А. Шукина, Е.Е. Сапогова, Н.А. Низовских, А.Н. Лебедев). По мнению Л.И. Анцыферовой, «личность – это субъект своего собственного развития, постоянно находящийся в поиске и построении тех видов деятельностного отношения к миру, в которых могут вполне проявиться и развиваться уникальные потенции конкретного индивида» (Анцыферова, 1981, с. 5).

Как отмечает М.А. Шукина, современный этап исследования саморазвития начался на рубеже 1990–2000-х гг. Ему предшествовал период изучения саморазвития (1920–1960 гг.) как сугубо философской категории (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.). Следующий период активного интереса к проблеме саморазвития в 1970–1980 гг. проходил в рамках изучения самовоспитания (А.А. Бодалев, Ю.М. Орлов), самосознания (И.И. Чеснокова), самодетерминации (А.Г. Асеев), жизненных стратегий (К.А. Абульханова-Славская). В это время наблюдался рост интереса к методикам поддержки саморазвития детей в детских садах и средней школе.

В зарубежной науке проблема саморазвития представлена во многих научных направлениях и школах. Термин «саморазвитие» в зарубежной психологической литературе часто применяется в исследованиях таких явлений, как самосознание, самоактуализация, самооценка, самопрезентация, Я-концепция и аналогичных им (Э. Фромм, В. Франкл, У. Джеймс, Ж. Пиаже, Э. Эриксон, Дж. Келли, Г. Олпорт, А. Бандура, А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мэй, Дж. Бьюдженталь, И. Ялом и др.).

По мнению Р. Мэя, свобода личности проявляется в ее возможности и способности управлять своим развитием, что связано с самосознанием, открытостью, готовностью к изменениям. Обсуждая проблему внутренней свободы личности, В. Франкл рассматривал условия, при которых человек имеет возможность занять по отношению к обстоятельствам собственную внутреннюю позицию. Однако, по мнению В. Франкла, саморазвитие ради самоактуализации не является основой личностного роста.

Основные положения психологии саморазвития в нашей стране были сформулированы С.Л. Рубинштейном; еще в начале 20-х годов XX в. он активно продвигал идею «творческой самостоятельности» личности, обозначая этим термином процесс саморазвития личности. Основная идея С.Л. Рубинштейна в понимании механизмов саморазвития, как известно, состояла в том, что «внешнее» трансформируется во «внутреннее» не непосредственно, а через сформировавшиеся до этого «внутренние условия».

Именно это положение его концепции напрямую выводило на идею саморазвития, когда личность представляет собой не результат непосредственного социального влияния, как, например, в теории символического интеракционизма Дж. Мида или социальном бихевиоризме А. Бандуры, а именно критическое осмысление всего того, с чем формирующаяся личность сталкивается в процессе общения и совместной деятельности с другими людьми. Глубокое теоретическое осмысление этого явления стало основой для понимания С.Л. Рубинштейном роли поступка в нравственном поведении личности. Изучение осознанного действия – поступка, в отличие от многих его современников, С.Л. Рубинштейн считал важнейшей задачей отечественной психологии, что было реализовано им в концепции субъекта, а позже – в таком направлении, как психология нравственности (Журавлев, Юревич, 2013).

Известно, что С.Л. Рубинштейн считал основой развития сознания социально заданную деятельность, а основой саморазвития личности – деятельность творческую. Он писал о том, что деятельность, определяющая объект, над которым она производится, определяет и субъект, который ее производит. То есть в творчестве, по С.Л. Рубинштейну, создается и сам творец (Рубинштейн, 1986).

Типологический подход, развиваемый К. А. Абульхановой, рассматривает феномен саморазвития как один из типов жизненных стратегий, которые выбирает личность. Личность в этом случае может иметь либо прогрессивно-поступательный, либо возрастно-застойный характер (Абульханова, 2002). В одном случае личность выбирает виды деятельности, которые учитывают только ее актуальные возможности. В другом – личность активно саморазвивается.

Как отмечает А. В. Брушлинский, будучи изначально активным, человеческий индивид таким не рождается, но становится субъектом в процессе общения и деятельности. Согласно позиции приобретенной субъектности, субъектом не рождаются, а становятся (Брушлинский, 1994).

Несмотря на значительный интерес к феномену саморазвития, сегодня при обсуждении вопросов формирования личности все еще достаточно часто говорят о биологических и социальных факторах развития личности как основных и определяющих, подчеркивая, что человек – «биосоциальное» существо. По мнению ряда авторов, при использовании биографического метода в науках, предметом которых являются выдающиеся личности, существенной социальной предрасположенности к высоким личным достижениям

или соответствующей наследственности часто выявить не удастся. Их не находят у значительного числа выдающихся ученых, писателей, математиков, изобретателей и др. Так, например, близкие родственники многих выдающихся ученых (М. В. Ломоносов, И. П. Павлов, Э. Резерфорд, М. Кюри), писателей (Э. М. Ремарк, Э. Хэмингуэй), предпринимателей и топ-менеджеров (С. Хонда, Г. Форд), полководцев (Н. Бонапарт), философов (И. Кант), изобретателей (Н. Тесла, Т. Эдисон), математиков (К. Ф. Гаусс, И. Ньютон) и др. были достаточно заурядными и часто даже малообразованными людьми. Сами выдающиеся личности во многих случаях не имели соответствующей социальной среды, которая бы выступала очевидным стимулом к их упорному труду и достижениям.

Некоторые исследователи полагают, что под саморазвитием личности следует понимать процесс, в результате которого она демонстрирует мощную мотивацию и значительные выдающиеся, социально востребованные достижения. В этом случае не должно быть оснований утверждать, что человек обладает какими-либо незаурядными врожденными способностями или длительное время находился в условиях целенаправленного социального влияния. Другие считают, что обычные способности, не выходящие за рамки средних, также формируются в результате саморазвития.

По нашему мнению, можно выделить три наиболее интересных методологических подхода к изучению феномена саморазвития личности. Первый представлен рядом теорий самодетерминации. Например, к ним следует отнести теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Второй основан на принципах синергетики, разрабатываемой рядом ученых как за рубежом, так и в нашей стране (Хакен, 2003; Капица, Курдюмов, Малинецкий, 1997; и др.). Третий подход может быть связан с именем российских ученых, прежде всего С. Л. Рубинштейна, Б. Ф. Ломова, Я. А. Пономарева, Л. И. Анцыферовой, К. А. Абульхановой и др. В рамках данного подхода предлагается рассматривать личность не как психическое «свойство», наряду с темпераментом, характером и пр., а как наивысший уровень психического развития (Ломов, 1984).

Теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана относят к позитивной психологии, основная задача которой – исправление негативного в личности и формирование ее позитивных качеств (Desi, Ryan, 2008). Авторы теории предполагают наличие у человека неких врожденных потребностей, обеспечивающих механизм самодетерминации. Это потребности в автономии, компетентности и связи с другими людьми. Когда удовлетворены базовые потребности, по-

вышается уровень субъективного благополучия и жизненных сил человека, что и создает условия для саморазвития.

В рамках данной теории под автономией понимают ситуацию, когда самооценка поступков человека совпадает с его личными интересами и ценностям. Она обеспечивается отсутствием контроля со стороны социального окружения. Потребность в компетентности реализуется в социальной группе, если социум ставит перед человеком задачи оптимальной сложности и обеспечивает позитивную оценку результатам. Потребность в единении с окружающими реализуется при наличии заботы и позитивного отношения социума к личности.

Однако теория самодетерминации, по нашему мнению, не дает четкого ответа на ряд вопросов. В частности, какова природа «врожденной» потребности к саморазвитию? Почему эта потребность в полной мере реализуется у одних людей, но у других не проявляется, а третьи вместо развития демонстрируют деградацию? Почему личность часто демонстрирует значительные достижения не при положительном влиянии социальной среды на нее, а, наоборот, при крайне негативном отношении? Какова роль механизмов саморазвития при неспособности человека к общепринятым видам деятельности и стремлении создавать новые? То есть какова роль дистинктивного поведения в саморазвитии личности (Лебедев, 2017).

В рамках синергетики, рассматривая механизмы саморазвития личности, Г. Хакен полагает, что они изоморфны для любых объектов, к которым применимо понятие системы. В синергетике личность рассматривается как открытая система, способная к самоорганизации. Механизм саморазвития здесь представляет собой результат изначально хаотичных процессов, когда могут возникать некие устойчивые явления часто с переходом системы на более высокий уровень организации. К личности как объекту исследования здесь применяются такие понятия синергетики, как диссипативность, точка бифуркации, аттрактор и др. (Хакен, 2003).

В соответствии с основами синергетики саморазвитие личности происходит в результате действия очень незначительных случайных факторов, поэтому, в каком именно состоянии окажется вся система, т. е., какой именно будет личность, заранее предсказать невозможно. Таким образом, в основе синергетического подхода лежит принцип не строгой (лапласовской) каузальной детерминации, а принцип детерминации стохастической.

Несмотря на значительное количество публикаций по вопросу саморазвития личности, до сих пор в этом направлении остаются не-

решенными многие проблемы. В частности, отсутствуют убедительные теоретические критерии саморазвития, позволяющие описать его психологические механизмы на уровне, пригодном для решения практических задач. Также сегодня чувствуется недостаток адекватных методик и методических приемов, которые дали бы возможность изучать саморазвитие не только на уровне представлений о нем респондентов, но и как реальный процесс, т. е. непосредственно в рамках актуального поведения и деятельности конкретного человека.

В настоящее время направление исследований саморазвития личности, основанное на варианте системного подхода, предложенного Б. Ф. Ломовым, является, по нашему мнению, крайне перспективным для изучения проблемы саморазвития личности. Оно учитывает предшествующий опыт субъектного подхода С. Л. Рубинштейна, а также многие положения синергетики.

Здесь личность представляет собой высший уровень саморазвития, механизмы которого соответствуют принципу Пономарева—Ломова. В соответствии с данным принципом, этапы развития системы становятся уровнями ее организации (Ломов, 1984). В этом случае значимым фактором саморазвития личности выступает рефлексивное мышление, а само мышление рассматривается не только как логический, но и как логико-стохастический процесс (Лебедев, 2016).

Литература

- Абульханова К. А.* Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.
- Анцыферова Л. И.* Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997.
- Лебедев А. Н.* Логико-стохастические задачи в нейромаркетинге // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. №4. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document281.pdf>.
- Лебедев А. Н.* Мотивация и психологические механизмы саморазвития личности // Фундаментальные и прикладные исследования

современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 751–757.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.

Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Ижевск: ИКИ, 2003.

Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macro theory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. V. 49. P. 182–185.

Studying of psychological mechanisms of personality self-development within the framework of system approach

A. N. Lebedev

Institute of Psychology RAS, Moscow

The concept of self-development has gained particular popularity in the psychology of personality in the second half of the twentieth century. To date, it is one of the most interesting and challenging for researchers. Self-development is understood as the fact that people are equally products and authors (creators) of their own development. The main provisions of the psychology of self-development in Russia were formulated by S. L. Rubinstein in the early 20s of the twentieth century. There are three most interesting methodological approaches to the study of this phenomenon. The first is represented by theories of self-determination (E. Deci, R. Ryan). The second is based on the principles of synergetics (G. Haken). The third approach is related to the names of Russian scientists. In the framework of this approach, the personality is considered not as a mental “property”, but as the highest level of mental development (S. L. Rubinstein, A. V. Brushlinsky, Y. A. Ponomarev, B. F. Lomov etc.). In this case, the reflexive thinking, which is considered not only as a logical, but also as a logical-stochastic process, becomes a significant factor in the self-development of the personality.

Keywords: personality, self-development, self-consciousness, self-determination, synergetics, reflexive thinking, creativity.

Основы метанаучного конструктивно-критического анализа психологических теорий, опытных исследований и методов работы с личностью

Р. С. Немов*, Д. А. Яценко**

* Московский городской педагогический университет, Москва

rnemov@mail.ru

** Московский институт психоанализа, Москва

da947@mail.ru

В статье излагаются основы метанаучного, конструктивно-критического анализа психологических исследований личности, раскрываются его методологические принципы. Обсуждаются итоги его применения по отношению к существующим психологическим теориям личности. Акцент ставится на конструктивных возможностях предлагаемой системы метанаучного (методологического) анализа.

Ключевые слова: личность, психологические теории личности, методология психологии, метанаучный конструктивно-критический анализ научных и практических разработок в области психологии личности.

Авторами настоящей статьи на уровне выполнения диссертационного исследования (Д. А. Яценко — соискатель, Р. С. Немов — научный консультант) разработаны основы метанаучного конструктивно-критического анализа научных исследований и методов практической психологии личности, существенной частью которого является организация и проведение анализа психологических теорий личности. Этот анализ в проведенном исследовании охватил 39 зарубежных и отечественных психологических теорий личности. Он основывался на следующих методологических положениях.

1. Современная научная и практическая психология личности представляют собой большое количество частных, авторских теорий личности, каждая из которых ограничена по своей проблематике, и все эти теории содержательно, концептуально (по используемым в них понятиям и обсуждаемым вопросам) мало согласованы друг с другом. Наряду с многочисленными теориями личности существуют многие, недостаточно связанные с теориями личности, опытные (эксперименталь-

ные) исследования. Наконец, отдельно от них существует, будучи в недостаточной степени соотнесенной с научными теориями и с результатами опытных (экспериментальных) исследований, практика психокоррекционной и психотерапевтической работы с личностью.

2. Среди характерных для психологических теорий личности неудовлетворительно решенных проблем можно назвать следующие: отсутствие единой теории личности, четких критериев отличия личностных от других психологических свойств человека, существование большого числа неполных, мало согласованных друг с другом представлений о структуре личности, отсутствие ответов на многие другие вопросы, связанные с личностью, в том числе о ее происхождении, о формировании и развитии, об изменениях, которые происходят в личности под влиянием различных жизненных обстоятельств, и другие. Научные понятия, используемые в разных теориях личности, отличаются как по названиям, так и по своему объему и содержанию. Во многих случаях они выступают как не операционализированные и не верифицированные.
3. Для того чтобы исправить описанное выше, не вполне удовлетворительное положение дел в этой области научных теоретических знаний, исследований и практики, необходимо, прежде всего, провести углубленный методологический анализ соответствующих теорий личности. Однако методология психологии, сложившаяся в настоящее время, не вполне готова к решению данной задачи, поскольку специальная методология, касающаяся анализа исследований личности, до сих пор в полной мере не разработана. Существующие методологические исследования, касающиеся психических явлений, до настоящего времени были в основном ориентированы на изучение познавательных процессов.
4. Главные трудности методологического характера, которые необходимо преодолеть в процессе организации и проведения методологического анализа научных и практических разработок в области личности, представляются следующими:
  - само название «методология психологии» не полностью соответствует реальной проблематике исследований, проводимых в этой области научных знаний. Исследования, называемые методологическими, давно уже вышли за пределы изучения и оценки собственно методов исследований. В них в настоящее время ставятся и обсуждаются многие вопросы, не имеющие прямо-

го отношения к методам исследования. Вместе с тем в методологии психологии, несмотря на то, что она, судя по ее названию, должна преимущественно касаться методов изучения психических явлений, этому вопросу уделяется недостаточное внимание. И это происходит, несмотря на то, что в методах психологических исследований, в частности – в методах изучения личности, существует немало недостатков, касающихся их валидности, надежности, точности и однозначности;

- психология, как наука, давно уже разделилась на много фундаментальных и прикладных наук, на значительное количество направлений и школ, видов практики, в то время как методология психологии по-прежнему остается не дифференцированной системой знаний. Этот недостаток осознается многими ведущими психологами – методологами, которые предлагали ей альтернативные названия, например: «теоретическая психология», «метанаучная психология», «философия психологии» и др. Но все эти предложения касались изменения названия данной области научных знаний, но не ее дифференциации или разделения на отдельные отрасли.
5. В связи со сказанным выше, прежде чем станет возможным проведение методологического анализа научных и практических разработок в области психологии личности, необходимо реформировать саму систему методологических исследований. Это реформирование должно включать в себя разделение методологических исследований на отдельные отрасли в соответствии со сложившейся системой психологических наук и видов практики, и их последующее объединение под новым названием, отличным от прежнего. Другими словами, нужно привести в соответствие систему сложившихся научных и методологических знаний и исследований, обеспечить наличие между ними изоморфных отношений.
  6. В проведенном исследовании, результаты которого излагаются в настоящей статье, предложено разделить проводимые методологические психологические исследования на следующие частные направления: философию психологии, логику психологии, методологию психологии, понимаемую в узком, исторически исходном и лингвистически адекватном значении этого слова (как наука о методах исследования), метатеоретическую психологию, метаэмпирическую (включая метаэкспериментальную) психологию, метапрактическую психологию, внутридисципли-

нарную метапсихологию и междисциплинарную метапсихологию, объединенных под новым общим названием «метапсихология». Авторами раскрыто и описано предполагаемое содержание этих отраслей методологических исследований, а всю их систему предложено назвать «метанаучной психологией».

7. В рамках перечисленных выше отдельных направлений метанаучных психологических исследований метапсихологию личности предложено выделить в отдельную отрасль метанаучных знаний.
8. Для организации и проведения метанаучных исследований в области психологии личности необходима разработка новой системы методологических принципов, отличных от тех, которые были сформулированы применительно к изучению познавательных процессов. В их число предлагается дополнительно включить принцип комплексной, социально-культурной и природной обусловленности личности, принцип стабильности и изменчивости личности, принцип единства общего и индивидуального в личности, принцип множественности жизненных проявлений личности.
9. Метанаучный анализ научных и практических разработок в области психологии личности, рекомендуется сделать не только критическим, но и конструктивным – таким, который содержал бы в себе конкретные идеи и предложения, касающиеся дальнейшего совершенствования соответствующих исследований, а также пути их практической реализации. Имеется в виду то, что психолог-методолог не должен ограничиваться только критикой оцениваемых им исследований. Он должен быть готовым предложить и при необходимости практически реализовать конструктивные предложения, касающиеся устранения указанных им недостатков и дальнейшей разработки обсуждаемой проблемы.
10. Для проведения конструктивно-критического метанаучного анализа научных и практических разработок в области психологии личности требуется также новая система критериев, параметров, признаков и показателей, а также шкалы их точных и дифференцированных оценок, пользуясь которыми, можно было бы отдельно проводить метанаучный анализ научных теорий, эмпирических (экспериментальных) исследований, методов практической психологии личности и их согласованности между собой. Такая система критериев, параметров, признаков и показателей предлагается авторами настоящей статьи.

11. Для выполнения конструктивно-критического метанаучного анализа научных и практических разработок в области личности необходимы также обобщенные (эталонные) модели соответствующих исследований и видов практики, сравнивая с которыми существующие научные и практические разработки, можно было бы судить об имеющихся в них недоработках, намечать конкретные пути их совершенствования. Подобные модели предлагаются Д. А. Яценко в выполненном им диссертационном исследовании.
12. В ходе проведенного исследования одного из авторов настоящей статьи практически реализована конструктивная часть предложенной системы метанаучного анализа. Это сделано, в частности, на примере дальнейшей разработки теорий личности Г. Оллпорта и А. Н. Леонтьева, а также при создании многомерной системной теории личности, в состав которой в обобщенном и интегрированном виде вошли ключевые идеи, сформулированные многими известными психологами-авторами теорий личности.
13. Предложенная система метанаучного конструктивно-критического анализа психологических теорий личности отличается от предлагаемых зарубежными авторами систем критического анализа психологических теорий личности большей степенью дифференцированности, точности, конструктивной направленностью.
14. В ходе рассматриваемого исследования проведена, кроме того, трехсторонняя перекрестная валидизация предложенной системы конструктивно-критического метанаучного анализа психологических теорий, опытных (экспериментальных) исследований и методов практической психологии личности, а также их согласованности между собой. Она показала, что разработанная система метанаучного анализа является валидной и надежной.
15. Оценки научных и практических разработок в области психологии личности, предложенные на основе разработанной системы метанаучного конструктивно-критического анализа, являются не только качественными, но количественными.
16. Многомерная модель психологической теории, разработанная в настоящем исследовании как пример практической реализации конструктивных аспектов предложенной системы метанаучного анализа, позволяет сравнивать между собой существующие теории личности, точнее определять имеющиеся в них

недостатки, а главное — устанавливать пути их дальнейшей разработки (устранения указанных недостатков).

17. Проведенный с помощью этой модели метанаучный критический анализ психологических теорий личности показал, что эти теории имеют немало существенных недостатков и нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

В заключительной части статьи остановимся на вопросе о том, каким образом можно было бы устранить главный недостаток всех психологических теорий личности: их множественность, раздробленность и парциальный характер, т. е. сблизить теории личности, разработанные в русле различных современных направлений ее изучения: гуманистического, психоаналитического (глубинного), факторно-аналитического (теория черт личности) и когнитивно-психологического.

Такая возможность, на наш взгляд, существует и может быть реализована по следующим причинам:

- все эти теории касаются описания одного и того же объекта — личности человека, причем с единых научных позиций — психологических;
- каких-либо непреодолимых противоречий в представлениях о личности в рамках существующих теорий личности на самом деле нет. В действительности они не конфликтуют друг с другом, а лишь по-разному, с разных сторон описывают один и тот же объект.

Интеграция теоретических представлений о личности, содержащихся в разных теориях личности, возможна на основе следующих методологических принципов.

1. В каждом из этих направлений и в соответствующих их частных (авторских) теориях личности представлены (отражены) существенные аспекты психологически понимаемой личности. Следовательно, в интегральной (общей) теории личности их нужно не противопоставлять, а представлять вместе, изучая и описывая связи, существующие между ними, т. е. представлять личность как целостное, системное образование, которое может быть адекватно описано с позиций разных (всех без исключения) теорий личности.
2. Акцент в психологическом изучении личности в этом случае должен ставиться не на исследовании ее отдельных свойств, представленных в разных теориях, а на системных связях между ними, в частности, на отношениях, существующих между созна-

тельными и бессознательными личностными образованиями, когнитивными и мотивационными составляющими личности, ее психологическими и поведенческими компонентами, а также между всеми перечисленными личностными образованиями, вместе взятыми.

3. То же касается представлений о процессах формирования и развитии личности. Они также в интегральной теории личности должны иметь целостный, системный характер, включать в себя все аспекты личности, рассматриваемые в совместной динамике: сознательные, бессознательные, когнитивные, мотивационные, психологические и поведенческие.
4. В коррекционной и развивающей практической работе с личностью (в процессе разработки и применения методов практического воздействия на нее) также надо отказаться от их узкой направленности на формирование и развитие отдельных психологических свойств или форм поведения и перейти к системным воздействиям на личность в целом.

Bases of meta-scientific, constructive-critical analysis of psychological theories, experimental researches and practical methods of working with personality

R. S. Nемов*, D. A. Yatsenko**

* Moscow City Pedagogical University, Moscow

** Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

The article outlines the basics of a meta-scientific, constructive-critical analysis of psychological research of a personality, reveals its methodological principles. The results of its application in relation to the existing psychological theories of personality are discussed. Emphasis is placed on the design capabilities of the proposed system of meta-scientific (methodological) analysis.

Keywords: personality, psychological theories of personality, methodology of psychology, meta-scientific constructive-critical analysis of scientific and practical developments in the field of personality psychology.

Саморегуляция в развитии человека и ее диалогическая природа

Т. Н. Овчинникова

Московский социально-гуманитарный институт, Москва
tatjana.nik.ov@mail.ru

Проблема развития человека в психологии стояла всегда очень остро, поскольку от ее решения зависит как теоретическое понимание происходящего, так и практическая реализация имеющихся знаний. Заложенные Л. С. Выготским основы культурно-исторического подхода, а также философское обоснование С.Л. Рубинштейном методологических проблем психологии послужили фундаментом современных исследований в психологии. Проработка философских оснований психологии, заложенных С.Л. Рубинштейном, осуществлена в работах Л. И. Анцыферовой, которая, являясь его последователем, стремилась к изучению психических процессов и функций в контексте целостного развития психики человека, в его взаимоотношении с окружающим миром как саморазвивающейся системы. Акцент на развитии целостной личности и предпочтение системного подхода к ее рассмотрению является одной из заслуг ученого, противопоставляющего свои исследования широко распространенному в то время деятельностному подходу. В данной работе представлен краткий анализ развития человека с позиций диалектического подхода, что позволяет рассмотреть развитие личности в процессе диалогического взаимодействия сфер сознания у людей разного возраста.

Ключевые слова: диалогическое взаимодействие, зона ближайшего развития, логика механических систем, логика органических систем, цель.

Психология, предметом которой является постоянно развивающийся человек, отличается от других наук своим подходом к его рассмотрению, а главное, логикой его изучения. Если для исследования особенностей *вещного* мира используется известная всем логика *механических систем*, то изучение особенностей психики *развиваю-*

цегося человека необходимо вести с помощью логики *органических систем*, направленной на *анализ целостной* психики с учетом особенностей ее развития.

Развиваясь при благоприятных условиях по логике *органических систем*, человек вынужден взаимодействовать с окружающим его миром, который развивается по иным законам: по логике *механических систем*. Теперь несколько слов о содержании понятий *органической* и *механической систем*, учитывать особенности развития которых необходимо при *взаимодействии* с людьми. (Эти положения детально проработаны Э. В. Ильенковым, В. С. Библером, А. С. Арсеньевым, Ф. Т. Михайловым при осмыслении ими наследия Л. С. Выготского.)

«Сами понятия „органического“ и „неорганического“ (механического) могут быть отнесены не только к каким-то объективно существующим предметам и системам, но также к способам мышления, восприятия и понимания мира. Это как бы два различных подхода, два различных взгляда на мир, понимание мира и, соответственно, его познания» (Арсеньев, 2001, с. 127).

Так, *органическая система* является *саморазвивающейся*, проходящей различные фазы и ступени развития, что является собой развитие реального *живого* существа. Его развитие начинается с *целого*, как правило, с одиночной клетки, где еще не дифференцированы ни органы, ни ткани. В любом живом существе господствует детерминация целым своих частей, где *целое* предшествует *частям*. Итак, «каждая *органическая система* развивается, будучи детерминирема двумя противоположными способами: детерминацией, идущей из прошлого, — *причиной*, и детерминацией, идущей из будущего, — *целевой*. При этом детерминация *целевая* должна иметь определенные преимущества, быть, так сказать, первичной по отношению к детерминации *причинной*, ибо в противном случае не было бы эволюции от прошлого к будущему» (Арсеньев, 2001, с. 131).

В *неорганической системе*, примером которой может быть любой неодушевленный предмет (*вещь*), наоборот, определенная конструкция *из частей*, соединение этих *частей* детерминирует собой свойства полученного *целого*. Рассматривая мир как *механическую систему*, мы можем иметь дело лишь с *причинными* зависимостями, где главенствует *детерминация прошлым*, которая автоматически переносится в те области и сферы деятельности, где осуществляется работа с *живыми* людьми (медицина, образование, культура и пр.). Поскольку человек — *живое саморазвивающееся* существо, то, будучи включенным в работающую по особой логике *механических систем социальную и государственную машину*, он действительно ока-

зывается лишь *средством* для ее работы. Если для развития разных сфер промышленности, производства различных товаров характерна логика *механических систем*, где возможно создать *целое из частей*, где господствуют *причинно-следственные* отношения, то для развития сфер культуры, науки, медицины, образования и пр. при благоприятных условиях необходимо использование логики *органических систем*, ориентированной на *развивающиеся* потребности людей, направленной *в будущее*, для достижения поставленных *целей*. Только возможность человека действовать *самостоятельно*, в соответствии с поставленной *целью*, в процессе *свободного выбора* открывает пути для его развития.

Живой, развивающийся человек, можно сказать, *выстраивается изнутри*, как бы постепенно «прорастая» в процессе своего развития и определяя характер *взаимоотношений и взаимодействий* с окружающей средой *в системе*, где человек занимает центральное место. В этом случае *система* будет *органична*, соответствуя *развивающимся* запросам человека, общества, коллектива, открывая людям *возможности реализации* их сил, являясь их достоянием.

В настоящей работе рассмотрение особенностей развития субъекта концентрируется на его *взаимоотношениях* с окружающим миром. Опираясь на положения *диалектического* подхода к пониманию развития человека (Э. В. Ильенков, А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Ф. Т. Михайлов), где он рассматривается как *саморазвивающаяся открытая* система, мы предлагаем проследить характер его *взаимоотношений и взаимодействий* с окружающей средой, как способствующих, так и препятствующих его развитию.

Поскольку человек живет в *двойственном* по своей природе мире (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Ю. М. Лотман и др.), то любую выполняемую субъектом деятельность следует рассматривать как имеющую *двойственную* природу. Это означает, что субъективный мир человека и окружающая его реальность, находясь в постоянном *взаимодействии*, порождают *двойко детерминированную* активность субъекта. Поэтому практически любую активность субъекта можно рассматривать или как деятельность, имеющую *двойственный* характер побудительности, или же как две совершенно разные по своему характеру сферы сознания (деятельности) — *операционально-техническую и смысловую*, — находящиеся в постоянном *взаимодействии*.

Если *операционально-техническая* сторона деятельности направлена на преобразование *внешней* действительности, на решение поставленной *внешней* задачи (на *то, что делается*), то *смысловая* ориентация личности направлена на поиск *смысла или переосмысление*

сложившейся ситуации (*на то, ради чего что-то делается*). Логика их развития диаметрально противоположна. Так, если *целенаправленность смысловой* сферы сознания (деятельности) можно охарактеризовать как *поиск средств для достижения* постепенно меняющейся цели, то *планомерность операционально-технической* сферы сознания (деятельности) – применением имеющихся в опыте, а также усвоением предложенных с этой целью *средств* для получения должного *результата*.

Любую активность субъекта (деятельность, общение, поступок и пр.) можно рассматривать как «равнодействующую» выделенных *сфер сознания*, при *взаимодействии* которых также порождается «я» субъекта, развивается его психика (Овчинникова, 2013). *Взаимодействие* сфер сознания (деятельности) и степень его выраженности проявляется в способности субъекта менять ориентацию *с внешней на внутреннюю* и наоборот, а также в умении согласовать характер их побудительности между собой. О полноценном *творческом развитии* субъекта можно говорить только тогда, когда задействованы примерно в равной степени обе составляющие, т. е. когда субъект способен одновременно изменять *себя* и *внешний мир*. В таком случае речь идет о *гармоничном* развитии, что способствует легкому переключению с одной сферы деятельности (сознания) на другую. Полноценное развитие человека происходит в процессе достижения им *личностно-значимых целей*, корректируемых принятыми в социуме нормами и правилами, но не наоборот: от усвоения норм к «поиску» себя.

При этом если *операционально-техническую* сферу сознания характеризуют *причинно-следственные отношения*, ориентированные на прошлое, на уже имеющийся опыт, то для *смысловой* сферы сознания, направленной *на будущее*, на поставленную *цель*, характерен поиск *средств* для ее достижения.

Часто в процессе *осмысления* поставленной *цели* происходит постепенная конкретизация *цели* от *общего, еще неопределенного* ко *все более явному и конкретному*. Конкретизация поставленной *цели* позволяет гибко подходить к *выбору средств, видоизменяя их* и увеличивая *их диапазон*, что развивает субъекта, расширяя его возможности. В этом случае имеет место *свободный выбор*, позволяющий субъекту действовать самостоятельно, что способствует также его *самоопределению*.

Развитие психики человека, в процессе которого происходит становление личностной *смысловой* и *операционально-технической* сфер сознания (деятельности) в их *взаимодействии*, можно охарактеризовать как «деятельное проживание» осуществляемой актив-

ности. В этом случае *чувственная* и *рациональная* ткани сознания реализуют себя в совместной работе, *во взаимодействии*, в творческом *поиске*, обращаясь то к *прошлому* (имеющийся опыт), то к *будущему* (*цели и смыслы*).

Особую *диалогическую* по форме работу сознания отмечает В. С. Библер в своих исследованиях. «Сознание предполагает, — по своему смыслу — невозможное (и насущное) несовпадение моего Я с самим собой, беседу, общение с собой, — общение незавершенного, незаконченного, нерешенного, мгновенного, открытого, — со мной завершённым, замкнутым на себя, уже состоявшимся, отрешенным от всех изменений, но — могущим быть «перерешенным». В сознании мое бытие неизбежно сдвоено. Ведь именно (и только) в сознании бытие не совпадает с самим собой, отличается от себя самого, насущно себе самому. Сознание есть (по логике Бахтина) бытие как событие, как Диалог» (Библер, 1991, с. 126). Именно в этом и состоит феномен развития, в процессе которого осуществляется постоянное *взаимодействие смысловой и операционально-технической* сторон сознания (деятельности).

Существуя в тесном единстве по *логике диалога, смысловая и операционально-техническая* сферы сознания (деятельности) способны оборачиваться, подменяя друг друга в роли *цели и средства*. Аналогичным образом может видоизменяться любая деятельность, меняя свой *предмет*. Более того, этого можно добиться, сознательно *переосмыслив* ее в контексте имеющихся обстоятельств и изменившихся потребностей.

Так, полноценное выполнение любой деятельности основано на *параллельном* использовании обеих указанных логик с акцентом на одной из них. Например, в случае направленности на выполнение конкретной, практической деятельности, когда особое значение имеет полученный *конкретный результат*, доминирует, как правило, *планомерная* деятельность, где осуществляемые действия по логике *причинно-следственных* отношений подчинены обычно изначально заданному *плану*. В случае же устремленности человека к *самовыражению*, к *самоутверждению* и пр., действия его, несмотря на выполнение той же по виду деятельности, направлены на достижение совсем иной *цели*, что кардинально меняет как саму направленность деятельности (т. е. ее *предмет*), так и характер ее выполнения. Этого, как уже было сказано, можно добиться, произвольно *переосмыслив* осуществляемую деятельность.

Отметим, что формирование, становление личности субъекта в процессе *творческой* деятельности происходит как бы в «зазоре»

между *внешней* и *внутренней целью* деятельности. (Эти положения и принципы *диалогического* общения были положены В. С. Библером в основу концепции «Школы диалога культур», которая, несмотря на значительные отличия, имеет много общего с принципами школы *развивающего* обучения В. В. Давыдова (2000).) Ситуация же преодоления *внутренними субъективными* факторами *внешних (ситуативных)* факторов или условий (но не наоборот!), может считаться *развивающей* личностью. Так, например, *развивающее* обучение, реализация ребенком себя на уроке в процессе *общения*, как бы увеличивая этот «зазор», способствует более полноценному развитию каждой из выделенных сфер сознания, а их *взаимодействие* – развитию личности учащегося.

Происходит это, видимо, потому что дети, например, в школе *развивающего* обучения (В. В. Давыдов) имеют возможность постоянно менять *позицию*, входя в роль *учителя, собеседника, учащегося, наблюдателя* в течение урока, что способствует укреплению и развитию связей между выделенными сферами сознания. Аналогичную роль может выполнять игра детей в «театре», как это имеет место в школе «Диалога культур» В. С. Библера. В случае же уменьшения – до полного исчезновения этого «зазора» – две выделенные сферы сознания как бы превращаются в одну единую, *функциональную* по своей природе, сферу сознания (деятельность), что можно наблюдать в современной традиционной школе. Происходит это потому, что учащиеся вынуждены действовать только по указанию педагога, не имея *собственной цели*, что сильно тормозит их развитие.

Интересующий нас характер *взаимоотношений* и *взаимодействий* ребенка со взрослым наиболее явно выражен в понятии (ЗБР) *зоны ближайшего развития* (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин), значение которого трудно переоценить.

Зоной ближайшего развития ребенка Л. С. Выготский называет те процессы, которые еще не созрели, но находятся в стадии созревания. Исследуя, что ребенок способен выполнять в сотрудничестве, мы определяем развитие завтрашнего дня. «Вся эта область незрелых, но созревающих процессов и составляет *зону ближайшего развития* ребенка» (Выготский, 1991, с. 204). При этом он отмечает, что «*существенным признаком* обучения является то, что оно создает *зону ближайшего развития*, т. е. вызывает ребенка к жизни, пробуждает и приводит в движение *ряд внутренних процессов* развития» (Выготский, 1982, с. 388).

Чтобы не употреблять понятие ЗБР в упрощенном виде, как характеристику изменения конкретных действий ребенка при *взаимо-*

действию со взрослым, а также после этого, т. е. как *внешне* проявляемых результатов, без учета побудительных сил, а это часто делается в педагогической практике, мы рассмотрим ЗБР иначе, с *диалектических* позиций, позволяющих вскрыть характер изменения побудительности при *взаимодействии* ребенка и взрослого. Так, например, один взрослый стремится к тому, чтобы ребенок добился как можно скорее *верного результата*, другой хочет заинтересовать его выполняемым делом, ставя превыше всего *интерес ребенка* к делу, третий же направляет свою инициативу на то, чтобы ребенок освоил общий принцип решения подобных задач, *обучаясь думать*, и пр.

Действия детей тоже подчинены определенной мотивации, которая может меняться, в зависимости от его интересов и направленности воздействий взрослого. Итак, направленность действий и мотивации взрослого и ребенка, характеризуя особенности *диалогического взаимодействия*, оказывают большое влияние на формирование ЗБР.

Отметим, что в основе предложенного и проработанного В. С. Библером понятия *диалогического* взаимодействия выделенных сфер сознания, на наш взгляд, лежит понятие *социальной ситуации развития*, введенное Л. С. Выготским, над осмыслением философских основ концепции которого длительно работал автор.

«*Социальная ситуация развития*, — отмечает Л. С. Выготский, — не является ничем другим, кроме *системы* отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью. И если ребенок изменился коренным образом, неизбежно должны перестроиться и эти отношения» (Выготский, 1982, с. 260). Однако *система отношений* впоследствии была заменена единым *поведением*, характеризующим ЗБР как возможность ребенка *завтра самостоятельно сделать то, что сегодня он делал вместе со взрослым*. При этом действия ученика характеризуются со стороны их содержания, не затрагивая особенности побудительности.

Возможны, по крайней мере, две разные интерпретации этого понятия, зависящие от того, какой смысл вкладывается в слово «отношение». «Отношения» здесь следует понимать так, как предлагает Л. С. Выготский. Он отмечает, что возникновение у изменившегося коренным образом ребенка новой структуры сознания «неизбежно означает и новый характер восприятия внешней действительности и деятельности в ней, новый характер восприятия внутренней жизни самого ребенка и внутренней активности его психических функций» (там же, с. 259). Еще более прозрачно сходную мысль он высказывает, утверждая, что «возникающие к концу данного возраста *новообразования* приводят к перестройке всей структуры сознания

ребенка и тем самым изменяют всю систему его отношений к внешней действительности и к самому себе» (там же, с. 260). *В результате новый цикл развития начинается с того, что возникает новая социальная ситуация развития, т. е. новый характер восприятия внешней действительности и деятельности в ней.*

Если при традиционном обучении *развитие* ребенка является как бы следствием *воздействия внешней* среды в процессе *ведущей* в данном возрасте деятельности, активирующей его психические процессы, то при *диалектическом* подходе развитие субъекта происходит в процессе *диалогического взаимодействия* выделенных сфер сознания. *Диалогическим* этот процесс *взаимодействия* указанных сфер сознания назван потому, что *взаимодействие* их между собой осуществляется в процессе *диалога* по типу «маятника» (В. С. Библер), как бы порождая последующее *взаимодействие* на основе предыдущего.

Именно этот путь развития осваивается детьми в школах *развивающего обучения* (В. В. Давыдов, Г. Г. и Е. Е. Кравцовы) и в школе *Диалога культур* (В. С. Библер). Предлагаемые в них формы обучения направлены на развитие у детей логики *целесолагания*, что способствует развитию *смысловой* сферы их сознания, способности ставить *цели* самостоятельно и достигать их.

Традиционное же образование в России, в отличие от приведенных выше школ, использует в обучении детей, — а это касается любых форм обучения, начиная с раннего возраста, — логику *причинно-следственных отношений* («я сделал, а ты повтори»). А это не только не способствует, но даже препятствует формированию столь необходимого для развития детей *диалогического* взаимодействия между выделенными сферами сознания, а также «зазора» между ними. Однако об ином подходе дети и даже учителя в традиционных школах представления не имеют: любая *цель* осуществляемой при таком обучении деятельности известна только педагогу, от ребенка же требуется лишь послушание.

Литература

- Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности. М.: Академия, 2001.
- Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. На путях к гуманитарному разуму. М.: Прогресс—Гнозис, 1991.
- Вьготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1982. С. 243—403.

Выготский Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения» // Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. С. 374–449.
Овчинникова Т. Н. Развивающийся человек в меняющемся мире // Психотерапия. 2013. № 4. С. 63–70.

Self-regulation in human development and its dialogic nature

T. N. Ovchinnikova

Moscow Social and Humanitarian Institute, Moscow

The problem of human development in psychology has always been very acute, since its solution depends on both the theoretical understanding of what is happening and the practical realization of existing knowledge. Fundamentals of cultural and historical approach laid by L. S. Vygotsky, as well as a philosophical foundation of methodological problems of psychology by S. L. Rubinstein served as the foundation of modern research in psychology. The study of the philosophical foundations of psychology laid down by S. L. Rubinstein, carried out in the works of L. I. Antziferova, who, being his follower, sought to study mental processes and functions in the context of the holistic development of the human psyche, in its relationship with the outside world, as a self-developing system. The emphasis on the development of a holistic personality and the preference for a systematic approach to its consideration is one of the merits of a scientist who contrasts his research with the activity approach that was widespread at that time. This paper presents a brief analysis of human development from the standpoint of the dialectical approach, which allows us to consider the development of personality in the process of the dialogical interaction of spheres of consciousness in people of different ages.

Keywords: dialogical interaction, zone of proximal development, logic of mechanical systems, logic of organic systems, goal.

Высшие творческие способности: подходы и методы исследования (в контексте идей Л. И. Анцыферовой)

Г. В. Ожиганова

Институт психологии РАН, Москва
symposium2016@rambler.ru

Рассматривается понятие «высшие творческие способности», приводятся их основные характеристики. Предлагаются разные ракурсы изучения высших творческих способностей: а) в связи с созданием творческих продуктов; б) в отношении самосозидания; в) касательно проектирования своей жизни. Подробно рассматривается субъектный подход к изучению высших проявлений личности и связанных с ними высших способностей; предлагаются и другие подходы, а также методы исследования. Особое внимание уделено вкладу Л. И. Анцыферовой в развитие субъектного подхода и использованию ее идей для обоснования понятия «высшие творческие способности».

Ключевые слова: высшие творческие способности, самосозидание, субъектный подход, личность, субъект.

Изучение творческих возможностей и способностей человека представляет собой особую значимость в современном мире, когда резко меняющаяся информационная среда повышает требования к творческим качествам личности.

Исследования в области психологии творчества являются важными и актуальными также потому, что творческие способности человека связаны с духовным ресурсом и, реализуясь в ценных творческих продуктах, способствуют культурному и духовно-нравственному развитию социума.

Современному изучению творчества и творческих проявлений личности посвящены многие работы как зарубежных (Torrance, 2003; и др.), так и отечественных ученых (Богоявленская, 2002; Кашапов, 2017; и др.).

В данном теоретическом исследовании выдвигаются следующие цели: рассмотреть понятие высших творческих способностей, а также проанализировать подходы и методы их изучения.

Высшие способности позволяют реализовать высшие человеческие качества и возможности. Они включаются в категорию духовных способностей, позволяющих продвигаться к духовному Я субъекта, основу которого составляет морально-ценностное и ценностно-смысловое отношение к себе, другим, миру, выражающееся наиболее четко в духовной направленности личности.

Высшие творческие способности имеют следующие характеристики:

- 1) ориентация на высшие ценности красоты, истины, добра, любви к людям, т. е. на выход за пределы эгоцентрического Я;
- 2) стремление к творческому самовыражению;
- 3) наслаждение самим процессом творчества, независимость от вознаграждения.

Мы считаем, что высшие творческие способности могут рассматриваться в отношении:

- а) создания творческих продуктов;
- б) творческого конструирования собственной личности (самосозидание);
- в) творческого проектирования и созидания своей жизни.

Высшие творческие способности и создание творческих продуктов

Высшие творческие способности позволяют проявляться высшим качествам личности в связи с созданием ценных творческих продуктов. В этом смысле высшие творческие продукты характеризуются следующим.

1. Духовно-нравственная направленность. Прекрасный творческий продукт (объективно) возвышает, облагораживает зрителя, читателя и пр. Автор, создавая свое творение, изначально ставит цель – помочь людям стать совершеннее, делать добро, стремиться к высоким идеалам, культивировать высоконравственное поведение.
2. Мотивация творческого самовыражения («творю из любви к самому творчеству, не могу не творить, не могу не создавать что-то новое»), связанная с личностно значимой проблемой, задачей, которую автор сам выбирает для себя и решает подходящими для него творческими способами.
3. Мотивация творческого самовыражения внутренняя (интринсивная), противоположная внешней (экстринсивной), когда

творчество осуществляется ради денег и/или славы (Ожиганова, 2018).

Исследование высших творческих способностей в связи с созданием творческих продуктов может осуществляться как с использованием номотетического подхода, так и идеографического: например, в рамках предложенного нами Метода пролонгированной диагностики и формирования креативности (Ожиганова, 2001, 2005), когда экспериментальный метод и психометрические процедуры сочетаются с ситуационным подходом и описанием индивидуальных творческих проявлений.

Высшие творческие способности и самосозидание, творческое проектирование своей жизни

Высшие творческие способности могут обеспечивать эффективность жизнедеятельности не только в связи с созданием социально значимых творческих продуктов, относящихся к материальной и духовной культуре (новые технологии, научные открытия и изобретения, художественные произведения и пр.), но также служить для творческого созидания и позитивной трансформации собственной личности и своей жизни в целом. Эти аспекты и функции высших творческих способностей могут исследоваться, прежде всего, исходя из субъектного подхода.

Субъектный подход позволяет рассматривать человека как активного творческого строителя объективного мира, а также как конструктора своей личности, творца своей жизни, архитектора своей судьбы. «Субъект творит истину, преобразуя объект, себя и свое знание о мире и объекте» (Микешина, Опенков, 1997, с. 66).

В концепции С.Л. Рубинштейна, обрисовывается «облик человека-творца, который, изменяя природу и перестраивая общество, изменяет свою собственную природу...» (Рубинштейн, 2002, с. 644); отмечается, что для личностного развития и позитивного самоизменения необходима «внутренняя работа, в которой формируется личность в ее самых высших проявлениях» (там же, с. 678), т.е. выделяется ее высший уровень, связанный с творческим преобразованием.

В этой связи большой вклад в развитие субъектного подхода внесла Л.И. Анцыферова. Она пишет о необходимости для человека «постоянного творения и креативной трансформации как себя, так и условий своей жизни» (Анцыферова, 2006, с. 223); поднимает

вопрос о творческом самосозидании, выделяя важнейшую способность человека относиться к себе как к части мира, как к объекту своего сознания и созидания.

Подчеркивая активность субъекта, Л. И. Анцыферова отмечает: «Личность как субъект „ваяет“ себя, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир» (там же). Она говорит о том, что историческая значимость личности, ее масштабность и содержательность зависят от меры собственной активности человека как субъекта и степени его креативного отношения к жизни.

Сочетая субъектный подход с процессуально-динамическим, Л. И. Анцыферова представляет процесс развития личности как ее качественное преобразование, связанное с повышением уровня организации, со способностью «осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать по-новому мир: более структурированным, интегрированным и содержательным» (там же, с. 71). Она также выделяет способность творчески относиться к прошлому и настоящему, соединять их с будущим сквозными динамическими тенденциями; говорит о том, что человек способен подниматься над своим исходным бытием и преобразовывать его в одно из условий конструирования новых путей жизни. Эти способности, выделенные Л. И. Анцыферовой, можно рассматривать как высшие творческие способности, имеющие отношение к самосозиданию, творческому самопреобразованию и проектированию своей жизни. Они продвигают личность к более высоким уровням бытия.

Используя принцип развития личности для рассмотрения высшей формы ее динамики, Л. И. Анцыферова подчеркивает важность субъектного подхода, отмечая, что «сформированность личности как субъекта жизни в значительной степени определяет качество ее развития» (там же, с. 71), и пишет о необходимости наличия способности к активности – главного свойства субъекта.

Субъект выдвигает цели и задачи, намечая жизненные планы, выбирает соответствующие стратегии для их реализации. Субъект инициирует и регулирует свою жизнедеятельность, творит свое бытие через различные проявления внутренней и внешней активности: порождает жизненно важные цели и осуществляет их: совершает поступки, преодолевая препятствия на пути к их достижению; стремится совладать с трудными ситуациями, управлять волей и эмоциями, что создает условия для эффективного развития личности.

Л. И. Анцыферова подчеркивает существование разных уровней развития личности как субъекта – созидателя своей жизни. Она

пишет: «Определение личности как успешного творца собственно индивидуального жизненного пути, достигающего высокие цели, несмотря на трудности, противодействия и давления внешних и внутренних сил, относится лишь к самому высокому уровню развития личности, а скорее всего, выступает идеалом отношения человека к своей жизни» (там же, с. 224). В этой связи она ставит вопрос о жизнетворческих способностях, обеспечивающих возможность перехода личности на более высокий уровень ее субъектности, позволяющих сделать жизнь более содержательной, значительной, наполненной, продуктивной. Выделение более высоких уровней развития личности сопряжено с актуализацией, либо формированием и более высоких способностей, соответствующих требованиям этого уровня. Таким образом, выделение нами высших творческих способностей, как особого рода способностей, имеющих отношение к высшим рубежам развития человека, получает обоснование в рамках идей Л. И. Анцыферовой.

Отмечая преимущества субъектного подхода, Л. И. Анцыферова в то же время подчеркивает и его слабые стороны: отсутствие ценностно-смыслового измерения субъекта, связанного с понятиями духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности, что характеризует человека как личность. Она соотносит понятия «личность» и «субъект» и приходит к выводу: «Высокое развитие человека как личности невозможно без столь же высокого развития его как субъекта. Человек должен утверждать, защищать, реализовывать в поступках, в межличностных отношениях, в делах свою духовность, нравственность, ценности истины, справедливости, добра. Эти функции, включающие реальное преобразование мира, адаптацию к нему, совладание с трудностями, самосозидание, рефлексивные операции, и выполняет субъект» (там же, с. 227); мы можем добавить, что эти функции субъект реализует благодаря высшим способностям (рефлексивным, саморегулятивным, включая и творческие), основу которых составляет духовно-нравственный компонент, служащий критерием отнесения высших способностей к категории духовных (Ожиганова, 2016).

Таким образом, следуя логике Л. И. Анцыферовой, проводящей анализ возможностей субъектного подхода, можно говорить о необходимости сочетания субъектного, личностно-ориентированного и процессуально-динамического подходов при изучении высших проявлений человека и его высших способностей.

В качестве методов изучения высших творческих способностей в связи с творческим созиданием собственной личности и сво-

ей жизни может применяться биографический метод (включая автобиографии, самоотчеты, метод анализа индивидуальных случаев и прочие качественные методы). Эти методы для изучения личности Л. И. Анцыферова активно применяла в своих научных трудах.

Таким образом, основываясь на идеях Л. И. Анцыферовой, можно сказать, что высшие творческие способности, обеспечивающие творческое самовыражение личности в процессе самосозидания и проектирования своего жизненного пути, имеют отношение к высшим уровням развития человека, и обладают структурой, включающей ряд частных способностей.

Высшие творческие способности представляют собой сверхсложный психологический феномен, относящийся к высшим рубежам развития личности, связанным с духовно-нравственным содержанием, поэтому ученые вынуждены прибегать к мультипарадигмальным исследованиям, включающим сочетание разных подходов и методов.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.
- Кашапов М. М.* Психология творческого мышления: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2017.
- Микешина Л. А., Опенков М. Ю.* Новые образы познания и реальности. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
- Ожиганова Г. В.* Диагностика и формирование креативности у детей в процессе учебной деятельности // Психологический журнал. 2001. № 2. С. 75–85.
- Ожиганова Г. В.* Метод пролонгированной диагностики и формирования креативности у детей младшего школьного возраста. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Ожиганова Г. В.* Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Ожиганова Г. В.* Высшие моральные и творческие способности и продуктивная жизнедеятельность в процессе обучения // Вестник КГУ. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2018. № 3. С. 44–48.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Torrance E. P.* The millennium: A time for looking forward and looking back // Journal of Secondary Gifted Education. 2003. № 15. P. 6–12.

**Higher creative capacities: approaches to the study
(in the context of the ideas of L. I. Antziferova)**

G. V. Ozhiganova

Institute of Psychology RAS, Moscow

In this article the notion of the higher creative capacities is considered; the main characteristics of the higher creative capacities are given. Different perspectives are offered to study the higher creative capacities: a) in connection with the producing of creative products; b) regarding the self-creation; c) in relation to the creative designing of one's own life. A detailed consideration is given to the subject approach concerning the study of higher manifestations of the personality and the associated higher capacities; other approaches are proposed, as well as research methods. Particular attention is paid to the contribution of L. I. Antziferova to the development of the subject approach and the use of her ideas to substantiate the concept of "higher creative capacities".

Keywords: higher creative capacities, self-creation, subject approach, personality, subject.

Теоретические подходы к исследованию личности и их метаанализ

А. Н. Плющ

Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, Киев
plyushch11@mail.ru

Выделены три базовых подхода к изучению личности, в рамках которых она рассматривается как внутреннее образование человека, как системный конструкт отношений и деятельности субъекта во внешней среде, как автор проекта самореализации в рамках предполагаемых жизненных целей. Эти подходы отражают три парадигмы мышления (синкретическую, системную, синергетическую), для которых характерны следующие виды анализа изучаемых объектов: целостный, контекстуальный, самоорганизационный. В рамках синкретической парадигмы мир рассматривается как целостность, и эта логика анализа, в рамках которого контекст не выделяется, используется при конструировании модели автономной целостной личности. Применение системной парадигмы предполагает контекстуальный анализ, в рамках которого личность рассматривается во взаимодействии со средой. Синергетическая парадигма используется для объяснения самоорганизации открытых систем, что предоставляет возможность рассматривать личность как автора жизненного текста. Этот автор оказывается в контексте ситуативной деятельности, которая, в свою очередь, помещена в контекст жизнедеятельности.

Ключевые слова: личность, целостность, контекст, самоорганизация, автор текста, метаанализ.

Постановка проблемы

Выделим основные теоретические подходы к изучению личности. Личность понимается как условное обозначение некоего комплекса свойств, как особое образование в человеке, преломляющее внешние воздействия на человека и определяющее его поведенческие ответы

(Иванников, 2019). Это образование может иметь различные форматы: ядро и периферия свойств личности, уровневые и/или динамические структуры. Вместе с тем личность – не сущность, отдельная от общества, а конфигурация практики социальных отношений, анализируемая в автобиографической перспективе линии или траектории жизни (Хорошилов, 2019). Объяснение поведения личности должно строиться с опорой на непосредственное взаимодействие субъекта со средой, прежде всего с социокультурной средой, которая тем самым начинает рассматриваться как неотъемлемая часть когнитивной системы личности. При этом личность понимается как субъект отношений и деятельности, когда форма анализа смещается от автономной личности в область контекстуальной, взаимодействующей с другими или являющейся частью группы, коллектива, общества (Знаков, 2017; Иванников, 2019). Как социальная ипостась человека личность в осмысленном взаимодействии с другими представляет собой место встречи многих дискурсов (Хорошилов, 2019). Реконструируя дискурсы коллективных субъектов, в деятельности которых принимает участие, личность выстраивает субъективную значимость этих дискурсов в рамках собственных жизненных целей. Достаточно часто с личностью соотносят только социально значимые жизненные цели. Подобную логику анализа предметного содержания психологии личности предлагают и другие авторы, которые понимают это содержание как пересечение структурно-функционального, контекстуального и экзистенциального полей личности (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018).

Задание метода

В связи с невозможностью однозначной интерпретации какого бы то ни было текста, постмодерн предусматривает постоянные сомнения в истинности любой теории, техники и метода, преодолевать которые можно, используя формат метатеоретизирования (Троцук, 2017). Под метаанализом будем понимать рефлексивное изучение общей логики используемых подходов для понимания их возможностей. Учитывая, что ментальный инструмент исследователей обуславливает сложность конструируемых ими теоретических моделей, попытаемся реконструировать логику анализа, на которую опираются исследователи этих подходов.

При проведении метаанализа будем опираться на основные постулаты культурно-исторической психологии, заложенные Л. С. Выготским (Выготский, 1984). В их рамках развитие рассматривается

не просто как функция, определяемая наследственностью и средой (внутренним и внешним), но и как непрерывный самообуславливаемый процесс. На первом этапе познания изучаемый объект выделяется из окружающего мира, на втором – помещается в контекст(ы), на третьем – рассматривается в развитии.

Исследование проблемы

Углубление понимания природы личности предполагает, что исследователь расширяет способы ее анализа, используя дополнительный инструментарий. Для изучения автономной целостной личности используется синкретическая парадигма мышления. В рамках этой парадигмы мир рассматривается как целостность и этот подход переносится на другие объекты изучения, когда контекст не выделяется, и личность анализируется как целостный мир.

Использование системной парадигмы предусматривает контекстуальный анализ, в рамках которого личность рассматривается как продукт взаимодействий со средой. Личность размещается во множественных контекстах, и анализируется как системный конструкт социальных практик, проявляемых в этих контекстах.

Синергетическая парадигма используется для объяснения самоорганизации открытых систем, что предоставляет возможность рассматривать личность как автора жизненного текста. Этот автор оказывается одновременно в двух контекстах, организованных по принципу «текст в тексте»: в контексте ситуативной деятельности, которая, в свою очередь, помещена в контекст жизнедеятельности (Плющ, 2018). Как часть общества личность, пребывая в различных социальных контекстах, дискурсы которых могут конкурировать, конструирует коллективного автора, опираясь на собственные жизненные цели. Исследователь, использующий синергетическую методологию и анализирующий самоорганизующуюся личность как автора жизненного текста, реконструирует и значимые социальные контексты личности, и ее предполагаемые жизненные цели.

Функционирование личности в двойном контексте (в ситуации как части жизнедеятельности) предполагает возможность трансформации жизненных целей. Хотя ситуативная деятельность подчинена жизненным целям и протекает в рамках их достижения, в конкретной ситуации могут появляться новые цели. Ситуативные и жизненные цели субъекта оказываются связанными по принципу круговой причинности, влияя друг на друга. Если ситуативные цели начинают проявляться в других контекстах, то это может привести к изме-

нению автора жизненного текста, который, в свою очередь, вносит изменения в замысел этого текста.

Выделенные виды анализа (целостный, контекстуальный, самоорганизационный) предполагают следующую логику исследования личности: от автономной личности к помещению ее в различные контексты, до приписывания ей жизненных целей в качестве представителя одного из дискурсов, функционирующих в обществе. Автором этого дискурса является коллективный субъект, конструируемый личностью. Как иллюстрацию возможностей предложенного метаанализа рассмотрим развертывание понимания картины И. М. Крамского «Иисус в пустыне». В результате первого прочтения обнаруживаем одиноко сидящего человека. Всмотриваясь и добавляя детали, видим нищего странника в каменистой пустыне. И только находясь в лоне культуры и будучи зрелым ее субъектом, способным воспринимать транслируемые ею смыслы, можно разглядеть представителя человечества, размышляющего о будущем справедливом устройстве мира и тяжком пути к нему. Заметим, что на холсте ни человечество, ни цели человека не представлены, эти смыслы вносит зритель, подготовленный зритель. У зрителя запускаются процессы самоорганизации, когда понимание информации обусловлено не только элементами знакового текста, но и соотношением частичных прочтений (Плющ, 2017). Реконструкция идеи автора предполагает переход от одной логики анализа к другой, когда происходит и углубление понимания, и обогащение смыслов путем установления взаимосвязей не только между элементами картины, но и между ее интерпретациями.

В понимании личности как автора жизненного текста, имеющего его проект, заложена возможность ее самоорганизации. В ходе жизнедеятельности личность «нарезает» жизненный мир на фрагменты текста, в рамках которых реконструируется роль личности как авторов этих фрагментов. В ходе этой операции целостный автор жизнедеятельности развертывается в коллективного автора, составленного из авторов отдельных фрагментов жизненного текста. Каждый новый жизненный фрагмент приводит к наращиванию сложности имеющегося текста и к возможному изменению организации его коллективного автора. В новых жизненных ситуациях у личности могут появляться новые роли с иными жизненными целями, что может привести к переструктурированию коллективного автора. Между личностью как автором целостного текста жизнедеятельности и автором отдельного фрагмента устанавливаются взаимоотношения по принципу круговой причинности. Автор целостного текста и ав-

торы фрагментов могут влиять друг на друга посредством организации коллективного субъекта.

Предложенные подходы к анализу личности можно использовать и при анализе автора жизненного текста личности. При этом автор целостного текста жизнедеятельности разворачивается в коллективного автора, которого составляют авторы частных фрагментов жизнедеятельности. Самоорганизующийся автор жизненного текста представляет собой рефлексирующего автора, который вначале должен разобраться в себе, сконструировать собственное понимание жизненных целей, которое позволит понять принципы конструирования коллективного автора. Рассмотрение личности как функционирующей в двойном контексте предполагает предварительное задание принципов организации коллективного автора жизненного текста. Это приводит к тому, что в ситуации конструирования этого автора личность находится также и в метапозиции по отношению к этой ситуации, поскольку эти принципы обусловлены жизненными целями личности как автора целостного текста жизнедеятельности.

Применение результатов

Философские принципы не могут быть применены в исследованиях каждой науки непосредственно: они преломляются через принципы специальной методологии. Учитывая, что пути психологического, как и всякого вообще научного исследования, более или менее осознанно определяются той теоретической концепцией, которая лежит в его основе, следует различать теорию как результат научного исследования и предтеорию как комплекс исходных методологических представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Проводя исследования, мы изучаем не личность саму по себе, а личность, представленную нашему методу познания, включающему как теорию, так и ее методологические предпосылки.

Представления о природе личности в разных культурах отличаются, поскольку, в том числе, базируются на различных методологических подходах, укорененных в культуре. Построение целостной теории личности предполагает метакультурную позицию исследователя, в которой он может интегрировать и различные теории, и методологические подходы, в рамках которых сформированы эти теории. Причем способы интеграции могут отличаться способами конструирования коллективного автора этой теории.

Выход в метакультурную позицию и способы построения коллективного автора совместного текста в разных культурах базируются на имплицитном позиционировании своего общества в общем пространстве с другими странами. В англосаксонской философско-методологической традиции отношения с миром видятся как субъект-объектные, при этом внешний по отношению к субъекту мир воспринимается как источник несвободы и контроля (Бондаренко, 2012). Отсюда происходит стремление управлять конструированием коллективного автора во всех сферах совместной деятельности с представителями других культур и претензии на глобальное авторство. В отечественной методологической традиции, опирающейся на корни русской культуры, во главу философских подходов к трактовке человека и человеческого назначения в мире выносятся, прежде всего, онтологические и аксиологические понятия (Бондаренко, 2012). Русской культуре свойственно именно доверие к нравственности собственных чувств, к своему чувству справедливости, стремление к нравственному совершенствованию человека, нравственной ответственности, которая является, по сути, производной от ценностно-смысловой, в сущности, этической организации личности. Это понимание личности обычно называют «соборным», и оно несет в себе смысл изначальной немыслимости человека вне его рода и Мира, но так, что вся ответственность падает именно на нее (Соколов, Ячин, 2007).

Эти философско-методологические основания культур проявляются и в конкретных видах психологических практик. Например, если американский психотерапевт цель своей работы усматривает в освобождении клиента от тиранического «должен», то в отечественном психотерапевтическом дискурсе понятие долга понимается в контексте русской культуры — как высшая, мыслимая, божественная сущность человека (Бондаренко, 2012).

Заключение

Существующие теоретические подходы к изучению личности отражают эволюцию не только воззрений на природу личности, но и используемых парадигм мышления, в рамках которых разворачивается построение этих теорий. Фокусирование на фрагментах жизнедеятельности личности, с целью ее лучшего понимания, приводит к отвлечению от других ракурсов анализа, поэтому парадигмы, будучи по отдельности неполными, дополняют друг друга, позволяя организовать всесторонне изучение личности. На основе прове-

дения метаанализа были выделены следующие парадигмы мышления: синкретическая, системная, синергетическая, для каждой из которых характерна собственная логика анализа личности: целостная, контекстуальная, самоорганизационная. Выход исследователя в метапозицию по отношению к применяемому им теоретическому подходу предоставляет возможность интегрировать частные теории различных подходов, путем создания коллективного автора интегративной теории, если это позволяет потенциал исследователя.

В рамках международной науки приходится интегрировать не только различные теории исследователей, но и их философско-методологические основания, базирующиеся на культуре обществ. Если в первом случае коллективного автора составляют индивидуальные исследователи, то во втором — эти исследователи являются представителями культуры своего общества. Использование метаанализа позволяет наращивать сложность организации ментального инструмента коллективного автора науки, что предоставляет возможность решать межкультурные проблемы человеческих взаимоотношений. Вместе с тем в рамках нашей культуры никуда не исчезает вопрос, во имя чего используется власть науки при решении социальных проблем. Для извлечения прибыли, для обеспечения власти над другими или для понимания предназначения человека, общества, человечества во Вселенной.

Литература

- Бондаренко А. Ф.* Язык. Культура. Психотерапия. К.: Кафедра, 2012.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1984.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35. doi: 10.7868/S0205-959218010038.
- Знаков В. В.* Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–16.
- Иванников В. А.* Особенности представлений о личности в советской психологии // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 156–167.
- Плющ А. Н.* Конструируемый текст идентичности // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 28–39.
- Плющ А. Н.* Социально-психологические механизмы информационного влияния. Нежин: Аспект-Поліграф, 2017.

- Соколов В. Н., Ячин С. Е. Состояние «Мета...». Метакультурное общество // Альманах «Восток». 2007. № 2 (43). URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1197 (дата обращения: 14.03.2019).
- Троцук И. В. О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 12–21.
- Хорошилов Д. А. Антропоморфизм – методологическая стратегия или ловушка для социальной психологии? // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 63. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.05.2019).

Theoretical approaches to study of the personality and their meta-analysis

A. N. Plyushch

Institute for Social and Political Psychology of NAES of Ukraine, Kiev, Ukraine

Three basic approaches to investigation of the personality are defined. Within their framework, the personality is considered as internal creation of the human, or as system construct of the relationships and activities of the subject in its environment, or as the author of the self-realization project in the context of supposed life goals. These approaches reflect three types of thinking (syncretic, system, and synergetic) which are characterized by different types of analysis of the research object: holistic, contextual and self-organizational. Syncretic thinking provides the understanding of the world as the integrity, and this analysis logic, within the framework of which the context is not evolved, is applied for constructing of the model of autonomous holistic personality. The system approach means that the contextual analysis is used, and the personality is examined in its interaction with environment. The synergetic thinking is used for explanation of self-organization of open systems, which gives an opportunity to understand the personality as the author of life text. This author is revealed in the context of situational activity which is, respectively, placed in the context of livelihood.

Keywords: personality, integrity, context, self-organization, author of the text, meta-analysis.

Структурно-функциональная организация ментальной регуляции психических состояний

А. О. Прохоров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
alprokhor1011@gmail.com

Рассматривается наименее изученная сторона регуляторного процесса: значение и роль структур сознания в регуляции состояний. Показано, что основной «опорой» данных концепций являются психологические качества субъекта, а вектором процесса регуляции — деятельность или поведение. Предложена авторская модель структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний, основанием для построения которой являются многолетние исследования взаимоотношений между психическими состояниями и структурами сознания субъекта. Составляющими модели являются ментальный (субъективный) опыт, смысловые структуры, рефлексия, переживания, ментальные репрезентации, целевые характеристики, ситуации, пространство культуры, образ жизни, регуляторные действия, обратная связь, временные факторы. Структуры сознания, интегрированные в ментальный (субъективный) опыт, характеризуются спецификой влияния на психические состояния, а также особенными, специфическими отношениями между собой.

Ключевые слова: психическое состояние, регуляция, сознание, опыт, рефлексия, смысл, переживание, репрезентация, структура, функция.

При взаимодействии с окружающим миром человек непрерывно сталкивается с ситуацией выбора различных способов реализации своей активности в зависимости от социальных условий окружающей его действительности, поставленных целей, собственных индивидуальных особенностей и особенностей лиц, с которыми

ми он общается. В ситуации выбора уменьшение неопределенности возможно лишь средствами регуляции: человек сам исследует ситуацию, программирует свою активность, контролирует и корректирует результаты.

Функция регуляции настолько важна, что невозможно представить направленного целевого действия без участия сознания в регуляторном процессе – саморегуляция пронизывает все психические явления, присущие человеку: психические процессы, состояния и поведение (действия и поступки).

Среди отечественных общепсихологических концепций регуляции, прошедших верификацию временем и практикой, наиболее значимыми, задающими векторы современных исследований, на наш взгляд, являются следующие теории. К ним, прежде всего, относится концепция осознанного регулирования деятельности О. А. Конопкина–В. И. Моросановой, согласно которой структура регуляторного процесса включает в себя принятую субъектом цель деятельности, субъективную модель значимых условий, программу исполнительских действий, систему субъективных критериев достижения цели, контроль и оценку реальных результатов, а также решения о коррекции системы саморегулирования (Конопкин, 1980). В контексте данной теории разрабатывается концепт «индивидуального стиля саморегуляции» (Моросанова, 2010), выделены регуляторно-личностные свойства, оказывающие влияние на всю систему психической регуляции (гибкость, самостоятельность и др.).

Психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей представлен концепцией контроля поведения Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2011). Контроль рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции: когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль, интеграция которых создает индивидуальный паттерн саморегуляции.

Отдельно отметим фундаментальные труды, выполненные в профессиональной и организационной психологии (Ломов, 2006; Костин, Голиков, 2014). Так, А. Н. Костиным и Ю. Я. Голиковым с позиций организационно-процессуального подхода была разработана обобщенная модель регуляции сложной профессиональной деятельности, ключевым звеном которой является концепция проблемностей. В модель входят текущая, ситуативная и долгосрочная регуляции, включенные, соответственно, в проблемные моменты,

проблемные ситуации и в проблемы. Классы проблемностей являются средством содержательного анализа особенностей психической активности и регуляции субъекта.

В зарубежной психологии проблема саморегуляция рассматривается как способность или навык, который развивается по мере выполнения соответствующих упражнений или естественным образом, в ходе достижения различных целей жизнедеятельности. В исследованиях применяются различные подходы: нейрокогнитивный, психоанализ, социобиохевиоризм, кибернетика, теория динамических систем, теория хаоса и катастроф и др. Так же, как и в отечественной психологии, в качестве основных концептов в регуляции выступают «обратная связь» (feedback) и «иерархия целей» индивида, а в последних работах по саморегуляции прослеживается тенденция учитывать индивидуальные различия и социальный контекст.

«Передовой край» исследований по саморегуляции представлен в большом руководстве за 2017 г. (Handbook of self-regulation..., 2017). В его содержание входят статьи наиболее авторитетных исследователей по нейрологическим, физиологическим, когнитивным, аффективным, социальным, культуральным и др. измерениям саморегуляции, вопросам автоматической и осознанной регуляции, индивидуально-психологическим аспектам саморегуляции, по развитию саморегуляции в онтогенезе.

Обращаясь к психическим состояниям, отметим, что жизнедеятельность человека актуализирует состояния различной модальности, длительности, интенсивности и знака. Необходимость в регуляции собственных состояний возникает, как правило, у человека в случае неадекватности его состояния обстоятельствам и ситуациям жизнедеятельности. Существенным условием саморегуляции является осознание человеком необходимости в изменении собственного состояния.

В области регуляции психических состояний, основными, на наш взгляд, являются работы Л. Г. Дикой (Дикая, 2003) и А. Б. Леоновой (Леонова, 2007). По мнению Л. Г. Дикой, психическая саморегуляция функциональных состояний (психофизиологических) представляет собой специфический вид деятельности субъекта, для которой характерны определенные отношения с профессиональной деятельностью и развитие которой обуславливает становление адаптивных личностных свойств субъекта, обеспечивающих эффективность, надежность, работоспособность и др. характеристики профессиональной деятельности. Психическая саморегуляция не только обусловлена взаимодействием с личностными и деятель-

ностными механизмами регуляции, но одновременно и сама является важной «внутренней» детерминантой деятельности субъекта.

Концептуальные позиции саморегуляции функциональных состояний А. Б. Леоновой (структурно-интегративный подход) базируются на деятельностной парадигме А. Н. Леонтьева. Саморегуляция ею рассматривается на уровнях операционально-технического обеспечения деятельности (операции); изменений в целевой структуре деятельности (действия); смены доминирующей мотивационной направленности субъекта труда (деятельность в целом).

В литературе по саморегуляции состояний широко представлены различные методы оптимизации психических состояний (включая адаптированные зарубежные технологии): аутогенная и психомышечная тренировка (И. Г. Шульц, А. Т. Филатов, Л. Д. Гиссен, А. В. Алексеев, В. Л. Маришук и др.), методы активной релаксации (Дж. Эверли, Р. Розенфельд, Э. Джекобсон и др.), идеомоторная тренировка, сенсорная репродукция, медитация (Г. Ш. Габдреева, Н. М. Пейсахов, Р. Бэндлер, Дж. Гриндер и др.), методы вербально-музыкальной саморегуляции (Г. Д. Горбунов, В. Н. Некрасов) и др. Разработаны комплексные программы обучения навыкам саморегуляции (А. Б. Леонова, А. С. Кузнецова), включающие нервно-мышечную релаксацию, цветомузыкальные средства, позотоническую гимнастику и самомассаж (см. Прохоров, 2017).

При всех достоинствах представленных взглядов исследователей на регуляцию состояний, в которых основной «опорой» являются психологические качества субъекта, а вектором процесса регуляции является деятельность или поведение, наименее разработанной в этих концепциях является ментальная составляющая регуляторного процесса: недостаточно изучены отношения регуляторного процесса и структур сознания, не изучен вклад последних в изменения состояний субъекта, их роль и значение в регуляторном процессе.

В контексте предмета нашего исследования – психических состояний, обратимся к предлагаемой нами модели структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний субъекта.

Модель представляет собой структуру взаимоотношений между психическими состояниями, характеристиками сознания (репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный (субъективный) опыт) и внешними факторами (ситуации, пространство культуры, образ жизни, временные факторы и социальная среда) вкпе с регуляторными действиями и обратной связью).

В совокупности весь регуляторный комплекс является составляющей частью субъективного (ментального) регуляторного опыта человека. Включенность опыта в ситуациях жизнедеятельности проявляется в актуализации психического состояния определенного качества, в использовании наиболее часто употребляемых способов и приемов регуляции состояний, «наработанных» или «выработанных», или стихийно сложившихся в ходе освоения деятельности и жизнедеятельности, в целом, а также в организации «упорядоченных» структур сознания, образующих функциональный комплекс, «настроенных» на регуляцию состояний определенного качества, модальности и интенсивности. Она (организация) формируется в связи со спецификой комплексов (блоков), состоящих из состояний, средств регуляции и ментальных структур, образующихся в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности.

Психологическим механизмом организации опыта является память, представляющая процесс самоорганизации индивидуального опыта. Память выполняет две функции относительно опыта: организацию элементов, т. е. упорядоченное размещение их во времени, а также организацию элементов по признаку их жизненной значимости. Опыт не хранится в памяти, а непрерывно циркулирует в ней.

Включение «цели» как составляющей субъективного (ментального) опыта связано с тем, что цель является системообразующим фактором: организация ментальных структур осуществляется соответственно цели регуляторного процесса (Ломов, 2006; Сергиенко, 2011).

Субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, конструкты, смысловые установки и ориентации и др.), ментальные репрезентации, входящие в структуру знаний (ассоциативные, оценочные, понятийные, образные характеристики), переживания, значения с категориальными структурами сознания, рефлексии и ее виды, образы, процессы понимания. Роль последних в субъективном (ментальном) опыте убедительно показана в описании экзистенциального опыта В. В. Знаковым (Знаков, 2016).

Составной частью опыта являются смысловые структуры сознания. Именно смысловые структуры приводят в соответствие бытие и субъекта, наполняют бытие смыслом, обеспечивая смысловое принятие жизни. Состояния являются отражением этого процесса и свидетельствуют о качестве «внутренней» жизни субъекта в соотнесении с его бытием. Актуализация смысловых структур зависит от специфики ситуации как психологического образования. В си-

туации «выделяется» не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая удовлетворяет смысловую сферу субъекта. Отраженная психикой совокупность элементов ситуации (объектов, условий, обстоятельств и т. д.) становится значимой для субъекта, только приобретая для него определенный смысл: лишь после акта личностного смыслообразования сформировавшаяся актуальная психологическая ситуация начинает детерминировать активность субъекта и ее проявления. Взаимодействие ситуации и смысловых структур приводит к формированию корреляционных образований (констелляций) из отдельных «ведущих» смысловых структур сознания и значимых составляющих (объектов) ситуации. Корреляции влияют на переживания, психические функции, вегетативные реакции и другие характеристики субъекта, эти изменения актуализируются в виде психического состояния, которое, в свою очередь, объективируется через деятельность, общение и поведение субъекта, обеспечивая соответствие субъекта актуальной ситуации жизнедеятельности.

Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях. «Окрашивание» смыслом значения приводит к своеобразному связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Те или иные значения приобретают «пристрастность», которая впоследствии выражается в состоянии субъекта. Причем есть основания полагать, что за определенными значениями (объектами, предметами) в повторяющихся ситуациях в ходе онтогенеза и накопления жизненного опыта закрепляются также типичные по знаку, модальности, интенсивности, длительности психические состояния. То есть чаще всего в таких ситуациях и обстоятельствах при одинаковом или близком личностном смысле может быть актуализировано определенное психическое состояние. Поэтому, видимо, не случайно изучение семантических пространств психических состояний показывает, что семантические пространства включают в себя следы переживаний, поведения, физиологических реакций и др. Это следы «сцепления» семантических пространств состояний с предметами, ситуациями и обстоятельствами жизнедеятельности субъекта.

Благодаря рефлексии происходит оценка, осознание и сличение актуального состояния с искомым, и далее, в случае необходимости, субъект вносит коррекцию в используемые способы и приемы регуляции. С помощью рефлексии субъект способен спрогнозировать, «проиграть» возможные варианты и результаты регуляции состояний в различных обстоятельствах и ситуациях жизнедеятельности, изменить сложившиеся способы действий, проанализировать

структуру собственных действий, не приводящих к успеху, найти окончательное решение и приступить к исполнительным действиям. Вовлеченность рефлексивных механизмов определяется целью регуляции – потребностью изменения психического состояния как несоответствующего ситуации, взаимодействию субъектов или деятельности. Отметим, что необходимость изменения психического состояния осознается субъектом благодаря рефлексии. Рефлексия также активизирует смысловые структуры сознания, детерминируя их включенность в регуляцию психических состояний (Прохоров, Чернов, 2016).

Результатом рефлексии и означивания является не только придание психическому состоянию конкретного значения, но и появление его образа, репрезентируемого в сознании субъекта как представленность самому себе переживаемого состояния. Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект. Отраженные компоненты психического состояния закрепляются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру. Закрепляясь в структурах памяти, образ становится структурным элементом субъективного опыта переживания состояний. Как составляющая ментальных репрезентаций образ состояния связан различными отношениями (линейными, нелинейными, комплиментарными и др.) с содержательными структурами сознания (рефлексией, смысловыми характеристиками, переживаниями и др.), когнитивными характеристиками субъекта (когнитивными процессами и стилями, субъектно-личностными особенностями (индивидуально-психологическими характеристиками, свойствами личности, интеллектом и др.).

Другая составляющая, связанная с рефлексией и смысловыми структурами в ментальной регуляции психических состояний, переживание. Включение переживания в структуру регуляции психических состояний обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с его бытием, отражением этого бытия, а также отражением его отношения к бытию. Презентация такого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний. Переживание представляет собой накопленное обобщение во внутреннем мире субъекта, своими основаниями оно связано с системой отношений человека. Переживание, с одной стороны, презентует человеку его психические состояния, а с другой – участвует как определенная внутренняя работа субъекта по его формированию. Переживание включено во взаимоотно-

шения с бытийной и рефлексивной структурами сознания, с полагающей, сравнивающей, определяющей, синтезирующей формами и уровнями рефлексии. Переживание, являясь внутренней деятельностью по производству смыслов, изменяет динамическую смысловую систему, перестраивает психологический мир личности, формируя новые смыслы. Соответственно изменяется и психическое состояние. По мнению Л. Р. Фахрутдиновой, переживание, как деятельность по производству смыслов, присутствует постоянно, отражая динамическую связь состояний субъекта и смысловых структур, опосредующих влияние ситуаций внешнего мира. Именно в переживании субъекту дается реальность его психических состояний.

Не акцентируя внимание на опосредующих факторах, влияющих на ментальную регуляцию состояний (ситуация, пространство культуры и образ жизни), отметим только, что образ жизни нами понимается как система деятельностей, характеризующая жизнь людей в определенных условиях. Связь образа жизни и ситуации осуществляется через пространственно-временные характеристики, в которых жизнедеятельность социальных субъектов осуществляется как единство условий сознания и деятельности, а «ситуация» понимается как прошедшие сферу сознания и включенные в повседневную жизнедеятельность людей условия жизни. Поэтому понятие «ситуация» позволяет анализировать отношение субъекта деятельности к обстоятельствам жизни как целостному феномену, в котором реализуются цели и задачи деятельности (образ жизни субъекта). Другими словами, можно сказать, что «образ жизни» — это близкие или повторяющиеся ситуации. Образ жизни через совокупность соответствующих ситуаций сказывается в регуляции психических состояний. В этом же контексте отметим, что ментальная регуляция опосредуется пространством культуры, носителем которой является субъект. Основными формами культуры, посредством которых осуществляется влияние структур сознания, являются вещи (артефакты), знаковые системы (семиосфера) и модели поведения.

Литература

- Дикая Л. Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Конопкин О. А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.

- Костин А. Н., Голиков Ю. Я.* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Леонова А. Б.* Психологические механизмы саморегуляции функциональных состояний // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.—Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 345—370.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Моросанова В. И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
- Прохоров А. О.* Технологии психической саморегуляции. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017.
- Прохоров А. О., Чернов А. В.* Рефлексия и психические состояния студентов при разных формах учебной деятельности студентов // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 47—55.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения с позиций системно-субъектного подхода // Психология саморегуляции в 21 веке / Отв. ред. В. И. Моросанова. СПб. М.: Нестор-История, 2011. С. 188—204.
- Handbook of self-regulation: research, theory, and applications / Ed. by K. D. Vohs, R. F. Baumeister. The Guilford Press, 2017.

Structural-functional organization of mental states mental regulation

A. O. Prokhorov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

The least studied side of the regulatory process is considered: the meaning and role of consciousness structures in states regulation. It is shown that the main “basis” of these concepts are subject’s psychological qualities, and the vector of regulatory process is activity or behavior. The author proposes a model of the structural and functional organization of mental states mental regulation based on the long-term study of the relationship between mental states and subject’s consciousness structures. The components of the model are mental (subjective) experience, semantic structures, reflection, experiences, mental representations, target characteristics, situations, cultural space, lifestyle, regulatory actions, feedback, temporal factors. Structures of consciousness, integrated into mental (subjective) experience, are characterized by specific effects on mental states, as well as by special, specific relationships between themselves.

Keywords: mental state, regulation, consciousness, experience, reflection, meaning, experience, representation, structure, function.

Проблемы и тренды развития методологии современной психологии

З. И. Рябикина

Кубанский государственный университет, Краснодар
z.ryabikina@yandex.ru

В статье рассматриваются деформирующие влияния социокультурных обстоятельств на методологию отечественной психологической науки (идеологические ограничения советской психологии; хаотичность процессов в науке перестроечного и постперестроечного периодов). Акцентируется внимание на важности очерчивания границ методологического пространства, методологической локации выполняемых эмпирических проектов. Сетевой подход в современной науке и признание ее полипарадигмальности предполагают не жестко фиксированный перечень методологических принципов с закрепленным местом в иерархии «значим – менее значим», а обусловленное конкретной трансспективой научного подхода описание методологического пространства как ансамбля.

Ключевые слова: методологическое пространство, ансамбль методологических принципов, взаимообусловленность принципов.

Состояние методологического дискурса, несомненно, является значимым показателем состояния науки в целом. Методологический принцип – это наиболее общие построения психологических объяснений, предполагающие распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован (Корнилова, Смирнов, 2011; Сергиенко, 2015). Сама возможность подобных построений, вследствие достигнутого уровня научной абстракции, свидетельствует о глубине, разносторонности, качестве научного знания.

Отсутствие внятной методологической позиции и построенной на этом основании конструктивной теории, оснащенной обоснованным категориально-понятийным аппаратом, обладающей объяснительным и прогностическим потенциалом, приводит к за-

силью эмпиризма. Отсюда нередко следует ограниченность и несостоятельность тех попыток, которые предпринимает научное сообщество в решении актуальных для общества практических задач. Б. Ф. Ломов писал: «Если теоретическое исследование опирается на нечеткую методологическую (философскую) позицию, то возникает опасность подмены теоретического знания эмпирическим, соскальзывания к эмпиризму со всеми вытекающими отсюда следствиями» (Ломов, 1984, с. 7).

В отечественной психологии советского периода методологическим проблемам всегда придавалось первостепенное значение. Это повышенное внимание к философско-методологическим построениям обеспечивало стройность конкретно-психологических умозаключений, их соотносимость и цельность научного итога.

С другой стороны, жесткость методологических конструкций была избыточна (незыблемость методологических постулатов и зачастую выхолощенность содержания из-за идеологических ограничений), что нередко могло быть причиной искажений в осмыслении исследуемых проблем. Философские методологические основания научного знания, став основой официальной государственной идеологии, обрели гипертрофированное значение и превратились в косный, неспособный к изменению механизм, незыблемость которого поддерживалась институтом политической власти в стране.

Сложный этап в развитии науки и ее методологических оснований в российской психологии наступил вместе с переживаемой страной перестройкой. Изобилие хлынувшей из-за рубежа информации, смесь научных и околонучных представлений, внедрявшихся в ослабленное сознание людей, опоенных чувством вдруг возникшей свободы. Какая там методология... Большая часть сил расходовалась на то, чтобы освоить в краткой версии кое-как изложенные практико-ориентированные подходы и практики психологического вмешательства. Это — «годы хаотических метаний постсоветской психологии, пытавшейся либо определить себя в русле зарубежных школ и направлений, либо использовать эклектическое смешение житейской мудрости с популярными терминами и методиками для решения частных задач» (Шабельников, 2006, с. 23).

Конечно, более серьезно настроенная часть научного сообщества и в этот период сохраняла верность академической науке и стремилась сберечь, поддержать и развить сложившийся методологический курс. Этот момент перехода научного знания, сложившегося в условиях советского времени, в новое качество происходил с активной отсылкой к теме *неартикулированного* знания. Л. И. Анцыферова

пишет о необходимости вернуться к анализу пройденного пути, реинтерпретировать имевшие место в науке подходы, открытия, иную научную информацию (Анцыферова, 1992). Отсутствие ясной соотнесенности между прошлыми достижениями отечественной науки и современными исследованиями не преодолено, и обоснованно относится авторами, анализирующими современную ситуацию в науке, к симптомам неблагополучия, нарушения целостности, коммуникативной эффективности научного сообщества (Юревич, 2001).

Таким образом, наша непростая научная история, участниками и субъектами которой мы были и остаемся, демонстрирует мощные, деформирующие влияния, которым наша наука долгое время подвергалась. Создавая, а затем, пытаясь сохранить методологию советской психологии, мы оказались в постмодерне и в пострациональной модели психологического знания со всем нашим багажом, накопленным на протяженном пути становления отечественной психологии вместе с нашими коллегами с запада, которые шли совершенно иным путем.

В 1984 г. Б. Ф. Ломов писал: «...психологическая наука в современных условиях вступает в качественно новый этап своего развития... В этих условиях резко возрастает потребность в дальнейшей (и более глубокой) разработке методологических проблем психологической науки» (Ломов, 1984, с. 4). Сейчас в 2019 г., еще более обосновано подобное суждение.

Парадоксальная ситуация, о которой пишут А. Л. Журавлев и А. В. Юревич, проявляется в том, что психологическая практика существенно опережает теорию и методологию (Журавлев, Юревич, 2007). Еще одним аспектом, подтверждающим парадоксальность в развитии психологической науки, предстает запаздывание методологической рефлексии по отношению к теоретическим новациям. Новая методология зачастую не эксплицирована. Исследователи грешат невнятной методологической позицией, не выполняют обязательства по уточнению методологической локации выполняемых эмпирических проектов. Хотя именно в связи с размытостью, отсутствием определенности в структурировании современного методологического поля, необходимо более точно очерчивать свою методологическую позицию.

Границы методологического пространства определяются сочетанием категориально-понятийного аппарата с обоснованной системностью методологических принципов, указывающих на существенные закономерности в рассмотрении связей между феноменами, «наполняющими содержанием» понятия и категории. В связи с из-

менением научных представлений наступают изменения разного характера в этом пространстве. Например, характеризуя методологический принцип развития и его роль в анализе психологических проблем, Л. И. Анцыферова рассматривала его как старейший, с наиболее продолжительной историей становления (Анцыферова, 1978). При этом она считала важным подчеркнуть, что содержание методологического принципа претерпевает качественные изменения на разных этапах становления психологической науки, в связи с возрастанием глубины и повышением уровня психологического знания. Когда особое значение начал обретать методологический принцип системности, Л. И. Анцыферова, рассматривая методологию как единство и целостность наиболее существенных научных умозаключений, пишет о тенденции «к соединению принципа развития с принципом системности» (Анцыферова, 1978, с. 4). При этом речь идет не о формальном соединении, когда в исследованиях учитываются принцип развития и принцип системности, но об их *взаимобогащении*, об изменении их трактовки в контексте возникшей диадности.

Характер обогащающего взаимодействия методологических принципов в системе показывает рассуждение Е. А. Сергиенко о «расширении принципа развития принципом субъектности...» (Сергиенко, 2015). Принцип субъектности привносит в рассмотрение развития психического тему активности личности в создании самопроекта и регуляции движения к его исполнению, т. е. тему авторства личности в ее развитии. Раскрыты взаимосвязи принципа субъектности и с другими методологическими принципами: системности, неопределенности, антиципации, непрерывности, которые составляют единую систему принципа развития. В частности, сопряженность принципа субъектности с принципом неопределенности объясняется тем, что именно человек, со свойственной ему «непрозрачностью», задает «неопределенность процесса и результата взаимодействия с миром» (Корнилова, Смирнов, 2011).

Рассматривая методологический принцип развития, Е. А. Сергиенко подчеркивает его роль и место как стержневого и основного в психологии. Ни в коей мере не умаляя значение этого умозаключения и, безусловно, соглашаясь с утверждением о значении принципа развития в научном осмыслении проблем психологии, тем не менее, обратимся к другому аспекту рассуждения. А именно, остановимся на проблеме *ансамбля в организации методологического пространства*. На наш взгляд, сетевой подход в современной науке и признание ее полипарадигмальности предполагают не жестко закрепленный перечень методологических принципов с закрепленным местом

в иерархии «значим — менее значим», а обусловленное конкретной транспективной научной методологией описание методологического пространства как ансамбля. И хотя методологические принципы фиксируют достигнутое в науке, являются масштабным обобщением тех результатов научных изысканий, которые уже осуществлены и доказали свою состоятельность, особенно важно подчеркнуть то, что методологический принцип и включенные в его формулировку научные понятия должны открывать перспективу, обеспечивать «развитие рефлексии внутри самого психологического сообщества, направленной на осмысление последствий глобальных изменений для психологической науки и российского общества в целом» (Юревич, Журавлев, Нестик, 2018, с. 7).

Ансамбль предполагает *связность* (т. е. используемые для обозначения исследуемой феноменологии понятия и категории, а также методологические принципы должны создавать целостное представление о методологической позиции исследователя и методологии развиваемого им подхода), *взаимобусловленность* элементов, из которых создается методологическое пространство научного дискурса, *взаимодополнительность* (т. е. содержание отдельного элемента привносит дополнительное знание, расширяет и одновременно конкретизирует представление о другом элементе ансамбля).

Характеризуя современную науку и ее состояние после «марксистского периода» к основным чертам общенаучной методологии авторы обычно относят: системность, полипарадигмальность, роль коммуникативных оснований и формирование научного дискурса в диалоге (конвенциональность), уровневый характер исследуемых реальностей (в зависимости от этого подчиненность «реальностей» разным законам функционирования), принцип неопределенности, вероятностный характер и пр. В какой степени проявляются, в каком ансамбле предстают названные особенности методологического дискурса в конкретном исследовании — всегда конкретная задача «на самоопределение», которую решает исследователь.

Одновременно происходит деконструкция, переосмысление «старых принципов». Возросший интерес к роли человека в его целостности, как субъекта бытия обуславливает центрирование категории «личность» в понятийном поле психологической науки и центрирование *методологического принципа личности* в методологическом пространстве. Принцип единства бытия и сознания переформатируется в принцип *единства личности и ее бытия*.

Методологический принцип субъекта, определяясь в своей все более возрастающей значимости в трактовке современных проблем

личности и ее бытия, переконфигурирует систему принципов методологического поля. Дополнительные положения, конкретизирующие роль и содержание этого принципа: полипространственность бытия личности и соответствующая дифференциация ее субъектности; полипространственность личностной идентичности и сопутствующий характер субъектности.

Среди принципиально новых направлений исследований большинство экспертов указывает на проблемы, связанные с психологией социальных сетей, виртуальной реальностью. Это обуславливает возрастание роли *принципа общения* в рассмотрении проблем личности. Диалогическая ориентация – один из существенных трендов в конструировании методологического основания современного знания о личности. Рассмотрение личности как обусловленной общением, функционирующей в общении, изменяющейся в отношениях с другими людьми, как формирующей и проживающей свое бытие в общении, т. е. акцент на роли общения в становлении личности и конституировании ею ее бытия, наиболее ярко заявляет себя в диалогической ориентации научной мысли. Личность обретает свою сущность в пространстве коммуникаций (Л. Фейербах, М. Бубер, Ж. Лакан, М. М. Бахтин, Б. Ф. Ломов, Ю. Хабермас и др.). Экономистам, политологам и пр. специалистам, критически рассматривающим сегодняшнюю реальность, свойственно говорить о хаотизации экономических интересов (что когда-то служило надежным основанием для выделения политических классов, социальных страт, в которые вписывалась личность и, благодаря этой социо-экономической упорядоченности, обретала социальную и сопутствующую ей психологическую определенность). Сейчас речь идет о чехарде фракционирования. В качестве основных трендов в структурировании социальной среды называют социальную автономизацию (сепарацию) личности, проявляющуюся, в частности, в ее направленности на индивидуализацию своего социального пути. Отсюда отсутствие укорененности, связываемой с группой происхождения, социальная миграция и пр. феномены. При этом усиливаются эффекты укоренения через *сетевизацию*.

Анализ современного состояния общества, места человека и тех общественных процессов, которые обуславливают его социальное бытие, позволяет заключить о возросшей степени ассоциированности человека с коммуникационными кругами (интернет-сообщества, контакты личности в кибер-пространстве, самоопределение через отношения, складывающиеся в информационном пространстве). Человек оказывается в меньшей степени аффилированным экономи-

ческими, политическими (партийными) структурами, чем когда-либо прежде. Снижается ценность претворения социального интереса (А. Адлер) в структурах, обусловленных государственным устройством, принадлежностью к семье и возрастает ценность социального Я, обусловленного приятельством в социальных сетях, характеризующимся иллюзией близости, мифологизацией круга отношений. Отсюда усиление роли методологического принципа общения, который в уточненной трактовке в контексте субъектно-бытийного подхода к личности претворяется в *принцип со-бытия*.

Литература

- Анциферова Л. И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анциферова. М.: Наука, 1978.
- Анциферова Л. И.* История психологии и психологическая теория личности // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992. С. 9–11.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Введение // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 7–12.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Сергиенко Е. А.* Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 84–116.
- Шабельников В. К.* Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 23–40.
- Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 6–19.

Problems and trends of development of modern psychology methodology

Z. I. Ryabikina

Kuban state university, Krasnodar

The article deals with the deforming effects of socio-cultural circumstances on the methodology of Russian psychological science (ideological limitations of Soviet psychology; chaotic processes in the science of perestroika and post-perestroika periods). The article focuses on the importance of outlining the boundaries of the methodological space, the methodological locations of the empirical projects. A network approach to modern science and the recognition of polyparadigm suppose not rigidly fixed list of methodological principles with a fixed place in the hierarchy of “important—less important”, but the description of the methodological space as the ensemble due to the specific transpective scientific approach.

Keywords: methodological space, the ensemble of methodological principles, the interdependence of the principles.

Личностная динамика субъекта в виртуальной реальности

В. В. Селиванов

Смоленский государственный университет, Смоленск
vvsel@list.ru

Жизнь человека... бесконечно изменчива, полна неожиданностей, изобилует моментами, содержащими стимул для творческого поведения и расширения его сознания.

Л. И. Анцыферова

В работе рассматривается проблема изменения личностных особенностей субъекта при работе с тренинговыми программами виртуальной реальности (ВР). Было показано, что осуществляется взаимодействие личности и ВР. Использование краткосрочных программ в ВР не приводит к изменению базовых черт личности (диагностируемых с помощью теста ММРІ). Работа в ВР прежде всего изменяет функциональные черты личности (например, снижает ситуативную тревожность). Современная ВР может рассматриваться в качестве специфической онтологии, которая в целом позитивно сказывается на личностном развитии. Развивающий эффект ВР обеспечивается возможностью моделирования сложных социальных ситуаций, а также действий субъекта. Изначально сформированные личностные свойства – совестливость, психологическая устойчивость, психическая уравновешенность, низкий уровень психотизма – приводят к позитивному отношению к ВР, использованию программ с аватарами.

Ключевые слова: личность, свойства, виртуальная реальность, изменение, развитие личности.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00663 «Взаимодействие личности и виртуальной реальности: развитие психического, экологичность, темпераментальная и личностная детерминация».

Одной из важных методологических проблем современной психологии личности является установление степени изменчивости, динамизма основных личностных структур. Эта проблематика особенно актуальна по отношению к взаимодействию личности с виртуальной реальностью (VR), которая становится неотъемлемой частью современного человека. В наших исследованиях выделены три основных уровня VR (Селиванов, 2015), в данной статье речь пойдет о высшем уровне VR – информационной среде на электронных носителях, характеризующейся трехмерностью находящихся в ней людей и объектов, задействованностью ощущений нескольких модальностей при ее восприятии, возможностью анимации и интерактивности, эффектом присутствия.

Настоящая VR развивается стремительно. Сегодня VR представляет новую онтологию. Это новое информационное бытие субъекта характеризуется заранее заданным социальным миром, по воспринимаемым свойствам являющимся подобным (а часто – более красочным, дифференцированным) реальному миру, входит в него в качестве части. В современной VR аватары – не просто сходные с людьми агенты, но и сложные по психической активности существа. Там успешно моделируются социальные взаимодействия, созданы интерфейсы мозга человека, совмещенные с компьютером (под моим руководством создается конгломерат интерфейса и шлема VR и социальных сетей). В VR существует развитая возможность симуляции действий с информационными объектами, а в недалекой перспективе – и с реальными предметами.

Ранее VR уже рассматривалась как компьютерно-реализованная онтология (Heim, 1994; Chalmers, 2017). Виртуальный характер этого бытия (онтологии) заключается в информационно смоделированных предметах (не имеющих реальной физической формы), которые имеют функциональную эмуляцию реальных объектов (Metzinger, 2018). Виртуальные объекты обладают заданными программистом свойствами. Например, в VR-аварии нельзя травмироваться, VR-книга не гниет, не горит и т. п. Настоящая VR насыщена чувственными признаками предметов (в основном зрительными, тактильными, слуховыми), а также содержит существенные их свойства (которые и проявляются через взаимодействие с другими предметами) за счет моделирования действий предметов.

Логично предположить, что такая VR-среда будет оказывать существенное влияние на личность, обеспечит личностную динамику, ее движение, формирование, изменение. Это определяется возможностью полноценного моделирования сложных социальных объек-

тов, с которыми субъект встречается в реальной жизни. Технологии ВР обеспечивают экспериментальную реализацию культурно-исторической теории Л. С. Выготского, субъектной концепции С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского в психологии.

Во многих персонологических теориях личностные черты, свойства рассматриваются как предельно статичные образования, часто, неизменные на протяжении всего онтогенеза человека. Личностные свойства гораздо более статичны, чем познавательные процессы, психические состояния. Сходны по стабильности с ними, вероятно, только «сквозные» характеристики психического, такие как темперамент и его реализации в социальных ситуациях – стили деятельности, когнитивные стили.

В моих исследованиях, реализованных в секторе психологии личности, возглавляемом Л. И. Анцыферовой в ИП РАН, показана возможность существенных функциональных личностных подвижек (когнитивных стилей) под влиянием поступательно разворачивающегося мыслительного процесса. Л. И. Анцыферова поддерживала эти данные, сама считала личность динамической системой, способом бытия субъекта, который может выходить за пределы своего бытия регулярно. Способность к саморазвитию, самодвижению и изменению личностных свойств, по ее мнению, характерна и для поздних периодов онтогенеза (Анцыферова, 1992, 2004). Своей жизнью она доказала это положение, демонстрируя не только высокую работоспособность, но и небывалую креативность.

В ходе лонгитюда, нами были установлены разные типы субъекта по способности к сохранению личностных изменений (когнитивного стиля):

- 1) люди со сверхвысоким уровнем сохранения изменений личностных особенностей; они способны закреплять первоначально сформированное в течение года и более;
- 2) личности с высоким уровнем восприимчивости к самоизменениям;
- 3) субъекты с парадоксальным типом, чьи изменения личности не только сохраняются, но и постоянно увеличиваются в прогрессивном направлении;
- 4) испытуемые с умеренным уровнем сохранности изменений; личностные структуры в этом случае переходят на более высокий уровень функционирования, чем при первоначальной диагностике, но более низкий по сравнению с их действием в условиях стимулированных мыслительных процессов;

- 5) субъекты с низкой способностью к сохранению личностной динамики, у которых первоначальные изменения практически не сохраняются в течение времени, а возвращаются на начальный уровень функционирования.

В исследовании личностных свойств, представленных в базовых шкалах ММРІ, была также выявлена их подвижность, подверженность микроизменениям в ходе рациональной терапии.

Обратившиеся в психологическую консультацию по различным поводам первоначально обследовались по нескольким методикам, одной из которых обязательно был развернутый или сокращенный вариант ММРІ. После этого клиентам назначалась субъектная терапия. Длительность процедуры обычно не превышала двух месяцев, включала в себя от 3 до 6 занятий, в среднем по 60 минут каждое.

Средние арифметические результаты по выборке изменились под влиянием рациональной терапии достаточно существенно: показатели ипохондрии (Hs) уменьшились в 1,2 раза, депрессии (D) – в 1,6 раза, истерии (Hu), гипомании (Ma) – в 1,2 раза, психопатии (Pd), паранойяльности (Pa), психастении (Pt) – в 1,4 раза. Все показатели черт, которые в начальной диагностике выходили за рамки нормы, при втором обследовании не превышали уровень нормального.

Эти данные свидетельствуют о том, что и достаточно устойчивые личностные особенности субъекта мышления не выступают в качестве жестких структур, но являются живыми, «дышащими», «питающимися», флуктуирующими образованиями, подверженными микро и, впоследствии, макроизменениям. Одним из существенных факторов движения личности выступает процесс мышления, направленный на переформулирование, переосмысление и решение внешних и внутренних проблем субъекта.

В сравнении с приведенными данными, изменения свойств личности под влиянием тренинговых ВР-программ выглядят гораздо скромнее. Но не будем забывать, что пребывание в ВР-среде было непродолжительным – 10–15 минут, содержание тренингов прямо не было направлено на решение личностных проблем испытуемых.

Материалы и технология

Под нашим руководством были созданы 2 психотерапевтические, тренинговые программы в настоящей виртуальной среде по психологии «Преодоление никтофобии» (боязнь темного пространства), «Преодоление клаустрофобии» (боязнь замкнутого простран-

ва), для взрослых. В каждой из программ присутствуют и действуют аватары мужского пола.

Основная часть экспериментов проводилась с использованием обычных 3-D мониторов, небольшая часть взрослых испытуемых использовала шлем VR Z 8003D Visor.

Проблема исследования. Как было указано, в первой части экспериментов стояла задача проследить изменения основных личностных черт испытуемых под влиянием тренинговых VR-программ.

Процедура и методы исследования

Связь виртуальных образов и личности реализовывалась через тестирование респондентов по ММРІ (был использован его краткий вариант Мини-Мульт) до работы в виртуальной среде и после. Всем испытуемым вначале предлагалось протестировать себя с помощью опросника Мини-Мульт. По прошествии двух и более дней, каждый из них в индивидуальной форме работал с психотерапевтической программой по преодолению одной из фобий. Через 10–15 минут после тренинга испытуемые вторично отвечали на вопросы теста.

В качестве зависимой переменной в эксперименте выступили проявления восьми личностных черт (ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, паранояльности, психастении, шизоидности, гипомании). Инструктивными независимыми переменными являлись параметры работы испытуемых с тренинговыми VR-программами.

Выборка – молодые, взрослые люди в возрасте от 21 до 55 лет (37 человек), получающие или имеющие высшее образование. Среди них – 30 мужчин (81%), 7 – женщин, поскольку тренинговые программы по преодолению фобий были написаны с мужскими аватарами.

Результаты исследования по изменению личностных черт

В целом не было получено существенных изменений базовых личностных черт, диагностируемых с помощью краткого варианта ММРІ. Согласно первичной диагностике абсолютное большинство из обследованных имеют среднее распределение показателей по 8 шкалам. Абсолютное большинство показателей находятся в районе нормы, кроме данных по шкалам: Pd – психопатия, Pt – психастения, Ma – гипомания, они немного завышены (в частности, об этом свидетельствуют средние данные по выборке).

Результаты вторичной диагностики личностных особенностей свидетельствуют о том, что существенных изменений не произошло.

Распределение показателей личностных черт по ММРІ не является нормальным, поэтому для установления значимости различий использовался критерий Вилкоксона. Величины этого критерия означают, что существенных изменений в изменении выраженности личностных черт нет. Во второй экспериментальной группе получены схожие результаты.

Тренинговые ВР-программы по преодолению фобий оказали несущественное влияние и привели к снижению ипохондрии, депрессии, паранояльности, шизоидности (при этом показатели, как и при первой диагностике, остаются в пределах нормы), психастении, гипомании (показатели из зоны высоких значений переместились в самые верхние пределы нормы); увеличились проявления истерии (оставаясь в пределах нормы), психопатии (оставаясь в зоне выше нормы). Таким образом, базовые личностные свойства остаются стабильными и не подвержены изменениям при кратковременной работе в ВР-программах.

В контрольной выборке (17 человек) показатели схожие, т. е. изменения в основной экспериментальной группе не выходят за пределы контрольной.

Нами получены данные о существенном изменении такого показателя, как тревожность личности. Кратко представим данные по этому показателю.

Проблема исследования

Основная задача исследования состояла в том, чтобы проследить влияние тренинговых ВР-программ на уровень тревожности испытуемых. Для диагностики тревоги был взят тест самооценки уровня тревоги Ч. Д. Спилберга–Ю. Л. Ханина.

Процедура и методы исследования

Процедура была практически идентичной с первой выборкой: за несколько дней до работы с ВР-программами каждый тестировался по методике Спилберга–Ханина, после тренинга в ВР по преодолению одной из фобий снова осуществлялась диагностика личностной и реактивной тревожности по тесту.

Выборка – взрослые люди (24–67 лет), обратившиеся в психологическую консультацию Социально-психологического центра СмолГУ (19 человек).

Результаты исследования по изменению уровня тревожности. Приведем только средние значения по выборке. В ходе первичной диагностики среднее арифметическое по всем испытуемым по реактивной тревожности – 54,3; по личностной тревожности – 56. При вторичной диагностике выраженность реактивной тревожности – 36; личностной тревожности – 52.

В целом осуществление деятельности в виртуальной среде с использованием аватара по преодолению страхов существенно сказывается на реактивной тревожности, изменения самооценки личностной тревожности практически не произошло. Реактивная тревожность представляет собой ситуационную, функциональную личностную особенность, проявляющуюся в общем излишнем напряжении, в беспокойстве и нервозности. Личностная тревожность относится к более устойчивой личностной черте, которая проявляется в склонности воспринимать большой круг ситуаций в качестве угрожающих, реагируя состоянием тревоги. Вероятно, что кратковременное погружение в виртуальную десенсибилизирующую среду оказало, прежде всего, влияние на выраженность реактивной тревоги, показатели которой в целом по выборке переместились из высоких значений в умеренные. Конечно, это среднее арифметическое, т.е. не все испытуемые настолько снизили этот показатель, однако он уменьшился в 1,5 раза. Приведенные результаты существенны.

Наши результаты согласуются с данными о снижении разных видов тревожности при кратковременном использовании виртуальных программ по преодолению страха публичного выступления, полученными в США и Израиле (Harris, Kemmerling, North, 2002; Wallach, Bar-Zvi, Safir, 2006). Однако А. Е. Войскунский и его коллеги не получили существенных изменений реактивной (ситуативной) тревоги при работе в ВР-программе с такой социальной фобией, как страх публичной речи. По нашему мнению, эти данные определялись как незначительной выборкой (10 человек), что указывается и самим автором, так и тем, что программа не предусматривала возможности обратной связи (Войскунский, 2010, с. 209).

Некоторые личностные, субъектные, гендерные особенности испытуемых оказывают воздействие на работу в виртуальной среде, на отношение человека к виртуальной реальности (ВР). В ходе лабораторных экспериментов установлено, что в целом темпераментальные свойства не оказывают прямого существенного влияния на отношение человека в ВР. Основным посредником при взаимодействии личности и ВР выступают выработанные когнитивные стили.

Полнезависимые позитивно относятся к работе в ВР, более эффективно взаимодействуют с обучающими ВР-программами. У них развернута подготовительная фаза познавательной деятельности в ВР, они совершают большее количество действий с виртуальными объектами, чем полнезависимые. Сочетание таких личностных свойств как: совестливость, психологическая устойчивость, психическая уравновешенность, низкий уровень психотизма плюс достаточно твердый характер (развитая воля) способствуют позитивному отношению и активному использованию ВР, без формирования аддикций.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 12–25.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Войсункий А. Е.* Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010.
- Селиванов В. В.* Психология виртуальной реальности: Учеб. пособие. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015.
- Chalmers D. J.* The virtual and the real // *Disputatio*. 2017. № 9. P. 309–352. doi: 10.1515/disp-2017–0009.
- Harris S. R., Kemmerling R. L., North M. M.* Brief Virtual Reality Therapy for Public Speaking Anxiety // *Cyber Psychology & Behavior*. 2002. V. 5 (6). P. 543–550.
- Heim M.* The Metaphysics of Virtual Reality. Oxford: Oxford University Press, 1994. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195092585.001.0001.
- Metzinger T. K.* Why is Virtual Reality interesting for Philosophers? // *Frontiers in Psychology*. 2018. *Front. Robot. AI*, 13 September 2018. doi: 10.3389/frobt.2018.00101.
- Wallach H. S., Bar-Zvi M., Safir M.* Virtual Reality-Assisted Treatment of Public Speaking Anxiety // *Cyber Psychology & Behavior*. 2006. V. 9 (6). P. 725–726.

Personal dynamics of the subject in virtual reality

V. V. Selivanov

Smolensk State University, Smolensk

The paper deals with the problem of changing the personal characteristics of the subject when working with training programs of virtual reality (VR). It was shown that the interaction of personality and VR is carried out. The use

of short-term programs in VR does not change the basic personality traits (diagnosed using the MMPI test). Work in VR primarily changes the functional personality traits (for example, reduces situational anxiety). Modern VR can be considered as a specific ontology, which generally has a positive effect on personality development. The developmental effect of VR is provided by the possibility of modeling complex social situations, as well as the actions of the subject. Initially formed personal properties – conscientiousness, psychological stability, mental balance, low level of psychoticism lead to a positive attitude towards VR, the use of programs with avatars.

Keywords: personality, properties, virtual reality, change, personality development.

Раздел II

ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Восприятие и оценка индивидуально-психологических характеристик человека при разном способе его изображения

В. А. Барабанщиков*, *Е. А. Лупенко**, *А. С. Шунто***

* Институт экспериментальной психологии МГППУ, Московский институт психоанализа, Москва
vladimir.barabanshikov@gmail.com
elena-lupenko@yandex.ru

** Московский институт психоанализа, Москва
a.shunto@mail.ru

В статье приводится исследование представлений наблюдателей о личности одного и того же человека, изображенного на художественном портрете и фотографии. В качестве инструмента анализа использовались оценки, данные наблюдателями по известной методике «Личностный дифференциал». Получены данные, свидетельствующие о том, что разный способ изображения приводит к разному восприятию одной и той же личности. Наблюдается большая индивидуальная вариативность состава и количества значимо отличающихся оценок по шкалам в зависимости от воспринимаемого персонажа. По данным факторного анализа, персонажи на фотоизображениях в целом воспринимаются более активными (общительными), чем на портретах.

Ключевые слова: художественный портрет, фотоизображение лица, индивидуально-психологические особенности личности, восприятие личности по изображению лица.

Вопрос о влиянии различных способов презентации личности человека на его восприятие представляет отдельный интерес в контексте изучения проблемы адекватности восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица. Как, насколько полно и глубоко способ презентации человека вовне влияет на представления других людей о его внутреннем мире? Будет ли и каким образом проявляться специфика того или иного изображения лица человека при его восприятии?

В теоретическом плане это один из аспектов проблемы актуализации внутреннего через внешнее, их единства, что вслед за С. Л. Ру-

бинштейном развивается в работах Л. И. Анцыферовой, посвященных формированию и развитию личности: «...внутренний мир — это индивидуально интерпретированный, насыщенный модальностями личностных эмоций, осмысленный в диалогах с реальными и идеальными собеседниками внешний мир, в котором дифференцированы функциональные области с разными уровнями значимости» (Анцыферова, 1981).

Мы исходили из предположения, что образ человека, написанный художником-портретистом, по сравнению с отпечатком внешности на фотобумаге — это более полное, объемное и глубокое отображение внутреннего мира личности, что полнота представленности личностных характеристик и их акцентуированность в художественном портрете должна быть значительно выше, чем на фотоизображении (Барабанщиков, Лупенко, Шунто, 2017). Это достигается благодаря глубокому проникновению художника во внутренний мир персонажа, наличию авторской позиции и богатому арсеналу выразительных средств, которыми фотограф не обладает или обладает в значительно меньшей степени. Задача исследования состояла в том, чтобы операционализировать это общее впечатление, имеющее глобальный недифференцированный характер.

Обращение к подобной теме имеет и методические основания. В настоящее время большинство исследований восприятия эмоциональных состояний и индивидуально-психологических свойств человека выполняется на стандартизированных фотоизображениях лица (Куракова, 2012; Ekman, Friesen, 1978). Портретные изображения человека в основном изучаются в ракурсе проблемы восприятия искусства, преимущественно с целью поиска гендерных различий или различий между разными социальными группами реципиентов. Однако, как показывают эксперименты, использование художественных портретов в качестве стимульного материала предоставляет немалые возможности для психологического анализа не только персонажа художественного произведения, но и зрителя (Лупенко, 2014, 2017; Никитина, 2016; Bruce, Young, 2000).

Исходя из нашего предположения, мы провели исследование, направленное на изучение структуры оценок индивидуально-психологических характеристик при восприятии различных изображений одних и тех же персонажей.

В последнее время при изучении восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица в качестве методического инструментария широко используется известная семантическая методика «Личностный дифференциал». Эта

методика признана как компактный и валидный инструмент изучения определенных свойств личности, позволяет получить точную оценку по 21 шкале личностных свойств и, что особенно важно, с ее помощью можно удобно и легко сравнивать оценки, тем самым на количественном уровне получая различия в восприятии индивидуально-психологических характеристик личности при экспозиции различных изображений человеческого лица (Барабанщиков, 2009).

Методика

Исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым. Для оценки стимульных изображений использовалась методика «Личностный дифференциал» (Бажин, Эткинд, 1983).

В качестве *стимульного материала* использовались 20 изображений: 10 фотографий (черно-белые изображения) и 10 художественных портретов (цветные изображения) одних и тех же персонажей – известных личностей России рубежа XIX–XX вв. (5 мужских и 5 женских), выполненных примерно в одном и том же возрасте. Это: певец Федор Шаляпин, композитор Антон Рубинштейн, поэт Георгий Иванов, князь Феликс Юсупов, поэт Александр Блок, Императрица Мария Фёдоровна, княгиня Зинаида Юсупова, графиня Татьяна Толстая, княгиня Мария Тенишева, меценат Маргарита Морозова. Видеокопии портретов и фотографий были подвергнуты специальной обработке (с помощью программы Adobe Photoshop CS4): удалены все детали интерьера, фон, оставлены только изображения лица анфас без украшений и излишних деталей прически, отцентрированные по линии глаз.

Процедура исследования

Первоначально каждому испытуемому предлагалось произвести самооценку, заполнив бланк методики ЛД. Затем испытуемые с помощью этой же методики оценивали стимульные изображения. Для целей эксперимента с помощью пакета программ PXLab была сконструирована программа предъявления стимульного материала и программа регистрации ответов испытуемых.

Изображения и каждая оценочная шкала последовательно предъявлялись на экране компьютерного дисплея до отметки испытуемым с помощью мыши ПК соответствующего значения шкалы. Разрешение экрана – 1280×1024 пикселей; расстояние испытуемого от экрана – около 55 см, угловые размеры изображения составляли 15×20.

Чтобы избежать рассматривания одними и теми же испытуемыми двух вариантов изображений одного и того же персонажа, выборка разделялась на две равные подгруппы. Испытуемым каждой подгруппы демонстрировались по пять фотографий и по пять художественных портретов, при этом персонажи не повторялись.

Обработка результатов

Полученные данные проходили предварительную обработку, сортировку и объединение в массив в среде Excel. При этом значения шкал были переведены в баллы от 1 до 7. Дальнейшая статистическая обработка производилась с помощью методов описательной статистики, подсчета коэффициентов ранговой корреляции, факторного анализа; значимость различий устанавливалась по критерию U Манна–Уитни и критерию Т-Вилкоксона (использовался статистический пакет программ SPSS 21.0).

Участники исследования: в эксперименте приняли участие 72 чел. — студенты московских вузов и взрослые с высшим образованием в возрасте от 17 до 42 лет (средний возраст — 22 года), 33% мужчин и 67% женщин. Все участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Результаты и обсуждение

При обработке результатов эксперимента использовался метод сравнительных оценок личностных профилей (Барабанщиков, 2009). Для этого для каждого персонажа (для портретного и фотоизображения соответственно) были подсчитаны средние значения по каждой шкале методики ЛД, которые сравнивались между собой. Значимость различий устанавливалась с помощью U-критерия Манна–Уитни.

При сравнении личностных профилей значимые различия по ряду шкал ЛД между оценками портретов и фото были получены для всех персонажей, за исключением изображений А. Блока. Надо отметить, что это единственный персонаж, который при восприятии был узнан тремя испытуемыми, данные этих испытуемых были исключены из обработки.

Наибольшее количество значимых различий получено по шкалам, входящим в фактор Оценка и фактор Активность в интерпретации авторов методики (Бажин, Эткинд, 1983).

Самое большое количество значимых различий по шкалам получено при сравнении оценок, полученных по изображениям Георгия Иванова (15 шкал) и Зинаиды Юсуповой (10 шкал).

Георгий Иванов на портретном изображении, по сравнению с фотографическим, воспринимается как более непривлекательный, сильный, безответственный, упрямый, эгоистичный, независимый, черствый, решительный, энергичный, напряженный, враждебный, раздражительный, спокойный, уверенный, самостоятельный.

Зинаида Юсупова по портретному изображению воспринимается как более обаятельная, слабая, разговорчивая, уступчивая, открытая, добрая, отзывчивая, справедливая, дружелюбная, общительная.

Наименьшее количество различий при оценке портрета и фотоизображения получено для изображений Антона Рубинштейна (3 шкалы) и Татьяны Толстой (4 шкалы).

При оценке портрета и фотоизображения Антона Рубинштейна получены значимые различия только по трем шкалам. По портретному изображению он воспринимается и оценивается как более уступчивый, нерешительный и вялый.

Татьяна Толстая на портретном изображении, по сравнению с фотографическим, воспринимается как более разговорчивая, энергичная, дружелюбная и общительная.

Нередко при оценке портретов и фото значения оценок по шкалам меняются на противоположные, т. е. происходит инверсия, а личность персонажа воспринимается и оценивается по этим шкалам противоположным образом. В число таких шкал входят прежде всего следующие: шкала № 1 – обаятельный–непривлекательный; шкала № 3 – разговорчивый–молчаливый; шкала № 6 – замкнутый–открытый; шкала № 14 – расслабленный–напряженный; в меньшей степени (инверсия встречается реже) – шкала № 5 – упрямый–уступчивый; шкала № 7 – добрый–эгоистичный; шкала № 10 – черствый–отзывчивый; шкала № 18 – нелюдимый–общительный; шкала № 21 – раздражительный–невозмутимый.

Был также произведен анализ наличия значимых различий оценок по шкалам методики ЛД по массиву данных всех персонажей (отдельно по портретным и отдельно по фотоизображениям, использовался критерий Т-Вилкоксона, $p < 0,05$). При таком способе обработки данных были получены значимые различия по следующим шкалам: шкала № 3 – разговорчивый–молчаливый, шкала № 9 – деятельный–пассивный, шкала № 18 – нелюдимый–общительный, шкала № 21 – раздражительный–невозмутимый.

Кроме этого, данные были разделены на две группы по типу изображения: мужские и женские, и произведен подсчет значимости различий оценок по шкалам ЛД между портретами и фото отдельно по каждой группе (критерий Т-Вилкоксона, $p < 0,05$). В этом случае при анализе данных по мужским изображениям значимых различий получено не было, анализ данных по женским изображениям показал различия только по одной шкале – раздражительный–невозмутимый.

Далее данные шкальных оценок по ЛД были подвергнуты процедуре факторного анализа методом Maximum likelihood (максимального правдоподобия) с вращением Varimax normalized, который позволяет статистически оценить минимально допустимое количество факторов для данного числа переменных. В результате факторизации данных мы получили сходную структуру семантического пространства при оценке по шкалам ЛД по портретам и фото стимульных изображений. И в том, и в другом случае выделилось по три фактора.

Таким образом, для портретных и фотоизображений лица выделены одни и те же факторы, в состав которых вошли одни и те же переменные-шкалы. Отличием при факторизации данных ЛД по портретам и фото является разный знак нагрузок, полученных по фактору 2. Это означает, что с этим фактором коррелируют разные полюса вошедших в фактор шкал-переменных. Рассмотрим полученные данные подробнее.

Наиболее мощным фактором, объясняющим наибольшую долю дисперсии результатов, в обоих случаях оказался *фактор 1* (17,4% дисперсии для портретных и 18,2% для фотоизображений). В соответствии с составом вошедших в него переменных он получил интерпретацию «сила». Сюда вошли следующие переменные-шкалы: слабый–сильный; упрямый–уступчивый; зависимый–независимый; деятельный–пассивный; решительный–нерешительный; уверенный–неуверенный; несамостоятельный–самостоятельный. С учетом знака нагрузок, полученных по этому фактору, результаты по портретным и фотоизображениям являются идентичными.

Следующим по мощности оказался *фактор 2* (14,5 и 12,0% дисперсии соответственно), получивший интерпретацию «активность». В него вошли переменные: обаятельный–непривлекательный, разговорчивый–молчаливый; замкнутый–открытый; нелюдимый–общительный. Нагрузки, полученные по этому фактору, имеют разный знак для портретных и фотоизображений, что свидетельствует о том, что фактор коррелирует с разными полюсами шкал. В случае

портретных изображений этот полюс связан с такими характеристиками, как молчаливый, замкнутый, нелюдимый, непривлекательный. С оценками фотоизображений коррелируют противоположные полюса тех же шкал: разговорчивый, открытый, общительный, обаятельный.

В фактор 3 (14,2 и 11,9% дисперсии соответственно), получивший интерпретацию «оценка», вошли переменные: добрый—эгоистичный; черствый—отзывчивый, справедливый—несправедливый; враждебный—дружелюбный, честный—неискренний. Как и в случае с фактором 1, с учетом знака нагрузок, полученных по этому фактору, результаты по портретным и фотоизображениям являются идентичными.

Надо отметить, что две шкалы, вошедшие в фактор 1 «сила» (деятельный—пассивный) и фактор 2 «активность» (обаятельный—непривлекательный), не соответствуют названным факторам в исходной интерпретации авторов методики (Бажин, Эткинд, 1983). По-видимому, это связано с тем, что методика конструировалась довольно давно и набор шкал, входящих в соответствующие факторы, вследствие этого может варьироваться.

Таким образом, факторный анализ оценок по шкалам ЛД портретных и фотоизображений позволил выделить по три общих латентных фактора получивших следующую интерпретацию: 1) «сила», 2) «активность» и 3) «оценка». Для разных стимульных изображений наблюдаются различия в полярности шкал, вошедших в фактор 2 («активность»), что меняет «знак» характеристик-переменных, вошедших в фактор, на противоположный. То есть, если персонажи на фотоизображениях воспринимаются в целом как общительные, разговорчивые, открытые, то персонажи на портретных изображениях, наоборот, как малообщительные, молчаливые, закрытые и т. п.

Заключение

Наличие значимых различий шкальных оценок ЛД между портретными и фотоизображениями практически у всех персонажей говорит о том, что разный способ изображения приводит к разному восприятию одной и той же личности. Наблюдается большая индивидуальная вариативность состава и количества значимо отличающихся оценок по шкалам в зависимости от персонажа.

При факторизации данных оценок по шкалам ЛД портретных и фотоизображений были получены в целом две идентичные факторные структуры. Лицо человека, изображенное разным способом,

таким образом, воспринимается достаточно инвариантно. Отличие заключается лишь в полярности шкал, входящих в фактор 2 («активность»), который коррелирует при оценке портретов и фото с разными полюсами, т. е. персонажи на фотоизображениях воспринимаются более активными (общительными), чем на портретах.

Литература

- Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1981. С. 3–19.
- Бажин Е. Ф., Эткин А. М.* Личностный дифференциал: Метод. рекомендации. Л.: Изд-во Ленинград. научно-исслед. психоневрол. института им. В. М. Бехтерева, 1983.
- Барабанщиков В. А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Барабанщиков В. А., Лупенко Е. А., Шунто А. С.* Восприятие личности человека по изображениям его лица на фотографии и художественном портрете // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 56–73.
- Куракова О. А.* Создание новой базы фотоизображений естественных переходов между базовыми эмоциональными экспрессиями лица // Лицо человека как средство общения. Междисциплинарный подход / Отв. ред. В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 287–309.
- Лупенко Е. А.* Портретное изображение человека как предмет психологического исследования: проблемы и исследовательские подходы // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2014. С. 269–283.
- Лупенко Е. А.* Представление о личности человека по портретному изображению // Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Когито-Центр, 2017. С. 265–303.
- Никитина Е. А.* Направление лиц на портретах // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2016. С. 157–171.
- Bruce V., Young A.* In the eye of beholder. The science of face perception. N. Y.: Oxford University Press, 2000.
- Ekman P., Friesen W.* Facial action coding system. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1978.

Perception and assessment of individual psychological characteristics of a person when he/she is portrayed in different ways

V. A. Barabanshikov*, *E. A. Lupenko**, *A. S. Shunto***

* Institute of Experimental Psychology Moscow City University for Psychology and Education, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

** Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

The article presents a study of the observers' ideas about the individuality of the same person depicted on an artistic portrait and on a photograph. As a tool for analysis, we used the estimates given by observers according to the well-known method "Personality differential". Evidence was obtained that the different ways of imaging led to the different perception of the same person. There was a large individual variation in the contents and number of significantly different ratings on the scales, which depended on the character perceived. According to the factor analysis, the characters in the photographs are generally perceived as being more active (sociable) than in the portraits.

Keywords: artistic portrait, facial image, individual psychological characteristics of a person, perception of a person from a facial image.

Метакогнитивная включенность в структуру личностного потенциала человека

В. М. Бызова, Е. И. Перикова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
vbysova@mail.ru
e.perikova@spbu.ru

Целью исследования было изучение роли метапознания в структуре личностного потенциала студентов в учебной деятельности. Выборка исследования составила 118 студентов Санкт-Петербургского государственного университета. Используются методики: опросник метакогнитивной включенности в деятельность Шро и Деннисон, шкалы психологического благополучия К. Д. Рифф, опросник эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой, дифференциальный тест рефлексивности Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, опросник стилей психосоматического поведения В. М. Бызовой и А. Е. Ловягиной. Статистический анализ проводился с использованием корреляционного, регрессионного и факторного видов анализа. Метакогнитивная включенность оказалась тесно связана с рядом шкал психологического благополучия: «Личностный рост», «Цели в жизни», «Автономия», «Компетентность». Факторный анализ показал, что метакогнитивная включенность входит в структуру личностного потенциала и может быть предиктором успешности личности в различных видах деятельности, в том числе учебной.

Ключевые слова: метакогнитивная включенность, личностный потенциал, психологическое благополучие, рефлексивность, самоорганизация, эмоциональный интеллект.

Введение

Работа посвящена фундаментальной проблеме изучения взаимосвязи между личностными особенностями студентов и успешностью

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, № 18-013-00256а.

совладания с трудными жизненными ситуациями и условиями неопределенности. В научной литературе авторы используют разные термины при описании вклада личностных характеристик в процессы саморегуляции и самодетерминации: «потенциал», «личностные стили», «ресурсы личности». В рамках данной работы рассматривается концепция личностного потенциала, как понятия более широкого, чем вопросы адаптации, направленная на изучение сложных механизмов совладания с изменчивой действительностью.

Как известно, высокий показатель личностного потенциала отражает способности личности формировать гибкие и эффективные паттерны саморегуляционных процессов для достижения конкретных целей и решения актуальных задач. Среди переменных личностного потенциала выделяют группы с различными функциями: ресурсы устойчивости, ресурсы саморегуляции, мотивационные ресурсы, инструментальные ресурсы (Леонтьев, 2011). Структура личностного потенциала не является фиксированной, новые черты личности могут войти в нее на основании эмпирических данных (Иванова, Леонтьев, Осин, 2018).

В период последних десятилетий активно изучается роль метапознания в успешности различных видов деятельности, в том числе оптимизации учебной деятельности и правильного понимания смысла изучаемого. Согласно исследованию С. Van Zile-Tamsen и J. A. Livingston, чем больше мотивация студентов к обучению, тем активнее они используют метакогнитивные стратегии; студенты с более низкой академической успеваемостью в своей учебной деятельности реже применяют стратегии метапознания (Van Zile-Tamsen, Livingston, 1999).

В контексте психологической практики достаточно давно изучаются вопросы взаимосвязи метапознания с достижением личностных целей и психологическим здоровьем. Эмпирические исследования показали взаимосвязь метапознания с самореализацией, уверенностью в себе, удовлетворенностью жизнью, а также самоэффективностью (Kiaei, 2014).

Одним из важных конструктов метапознания является метакогнитивная включенность, которая понимается в двух контекстах: во-первых, это представление человека о субъективном опыте и содержании сознания; во-вторых, осознание переживания настоящего момента как процессов, происходящих в сознании в актуальный момент, например, мышление, чувства, ощущения. Метакогнитивная включенность осуществляет несколько важных функций, обеспечивающих успешное обучение: регуляция учебной деятельности,

контроль за протеканием мыслительных операций, способность обращаться к собственному прошлому опыту, использование приобретенной информации в случае необходимости.

Настоящее исследование объединило методологию гуманистической, позитивной и когнитивной психологии. Целью исследования было изучение роли метакогнитивной включенности в личностном потенциале человека.

В исследовании приняли участие 118 студентов второго курса (77% девушек и 23% юношей) Санкт-Петербургского государственного университета (средний возраст – 19,5 лет).

Использованы шесть методик: опросник метакогнитивной включенности, разработанный G. Schraw и R. S. Dennison в адаптации А. В. Карпова и И. М. Скитяевой (Карпов, Скитяева, 2005); опросник эмоционального интеллекта (ЭИ) Д. В. Люсина (Люсин, 2009); опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой (Мандрикова, 2010); методика дифференциальной диагностики рефлексивности Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина (Леонтьев, Осин, 2014); шкалы психологического благополучия, разработанные К. Д. Рифф, адаптированные Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко (Шевеленкова, Фесенко, 2005); опросник стилей психосоматического поведения В. М. Бызова и А. Е. Ловягиной (Бызова, Ловягина, 2017).

Методики были представлены респондентам в период семестровой учебы. Исследователи объясняли цель и процедуру исследования, подчеркивали конфиденциальность результатов, которые будут использоваться исключительно в исследовательских целях в обобщенном виде. По завершении работы ответы участников были подготовлены для статистического анализа.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics v. 19.0. Применялись методы корреляционного, регрессионного и факторного видов анализа.

Результаты

Статистический анализ выявил нормальность распределения показателей всех шкал методик. Это позволило провести корреляционный анализ с использованием метода Пирсона. Метакогнитивная включенность обнаружила связи с рядом шкал психологического благополучия: «Личностный рост» ($r=0,507$, $p<0,001$), «Цели в жизни» ($r=0,384$, $p<0,001$), «Автономия» ($r=0,317$, $p<0,001$). Выявлены значимые связи метакогнитивной включенности с большинством показателей эмоционального интеллекта: «Межличностный эмоцио-

нальный интеллект» ($r=0,419$, $p<0,001$), «Понимание чужих эмоций» ($r=0,401$, $p<0,001$), «Понимание эмоций в целом» ($r=0,361$, $p<0,001$), «Управление своими эмоциями» ($r=0,314$; $p<0,01$), «Управление чужими эмоциями» ($r=0,280$, $p<0,01$), «Управление эмоциями в целом» ($r=0,241$, $p<0,01$). Обнаружены корреляции с «Общим уровнем самоорганизации деятельности» ($r=0,263$, $p<0,01$) и «Целеустремленностью» ($r=0,260$, $p<0,01$). Стили психосоматического поведения также были связаны с метакогнитивной включенностью в деятельность: «Когнитивный стиль» ($r=0,258$, $p<0,01$) и «Психофизический стиль» ($r=0,341$; $p<0,001$).

Для уточнения влияния метакогнитивной включенности на шкалы психологического благополучия был проведен простой линейный регрессионный анализ в отношении всех шкал опросника. Применение метода дисперсионного анализа обозначило тенденцию влияния предиктора метакогнитивной включенности на зависимые переменные шкал психологического благополучия. Значимые связи обнаружены в случаях, когда зависимой переменной была шкала «Автономность» ($p<0,001$), предиктор объясняет 10,0% дисперсии этой переменной ($R^2=0,100$; $\beta=0,317$); «Компетентность» ($p<0,002$), предиктор объясняет 9,2% дисперсии этой переменной ($R^2=0,092$; $\beta=0,303$); «Личностный рост» ($p<0,001$), предиктор объясняет 25,7% дисперсии этой переменной ($R^2=0,257$; $\beta=0,507$); «Цель в жизни» ($p<0,000$), предиктор объясняет 14,7% дисперсии этой зависимой переменной ($R^2=0,147$; $\beta=0,226$).

В соответствии с целью исследования был проведен эксплораторный факторный анализ, включивший 118 наблюдений. Для определения надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовались тест Кайзера—Мейера—Олкина (КМО) и коэффициент сферичности Бартлетта. В результате применения к 33 шкалам опросников процедуры факторного анализа была составлена матрица смешения размером 33×118 . Использован анализ главных компонент с ротацией факторов Varimax. Значение теста КМО составило 0,638, что может оцениваться как среднее. Соответствующий коэффициенту сферичности Бартлетта уровень значимости составил 0,0001, что отражает приемлемость факторного анализа. В качестве критерия значимости показателя была использована факторная нагрузка более 0,4. Объяснительный потенциал включил 63,65% дисперсии.

В результате факторного анализа было обнаружено семь факторов.

Первый фактор (дисперсия 23,84%) — «Личностный потенциал» выражается в нацеленности на достижения и саморазвитие при высоких уровнях метакогнитивной включенности и эмоционального интеллекта, но низком уровне интроспекции. Первый фактор включил почти все показатели эмоционального интеллекта: «Понимание собственных эмоций» (0,731), «Управление эмоциями» (0,714), «Понимание эмоций» (0,649), «Межличностный ЭИ» (0,641), «Внутриличностный ЭИ» (0,640), «Понимание чужих эмоций» (0,552), «Управление чужими эмоциями» (0,580). Вошли также все шкалы психологического благополучия: «Компетентность» (0,713), «Баланс аффекта» (–0,625), «Самопринятие» (0,618), «Цель в жизни» (0,575), «Личностный рост» (0,570), «Автономия» (0,515), «Позитивные отношения» (0,488) и «Общий уровень психологического благополучия» (0,570). Также вошли следующие показатели: «Метакогнитивная включенность» (0,619); «Когнитивный» (0,503) и «Поведенческий» (0,409) психосоматические стили; «Целеустремленность» (0,575) в качестве характеристики самоорганизации деятельности; показатель «Интроспекции» (–0,526).

Второй фактор (дисперсия 10,1%) — «Психологическое неблагополучие», которое выражается в недовольстве самим собой, чувстве бессмысленности жизни и неспособности организовать свою деятельность, невозможности справиться с повседневными делами при высоком уровне межличностного эмоционального интеллекта. Второй фактор включил ряд шкал психологического благополучия: «Баланс аффекта» (0,491), «Самопринятие» (–0,487), «Цель в жизни» (–0,474), «Компетентность» (–0,421), а также показатели эмоционального интеллекта: «Понимание эмоций» (0,506), «Межличностный ЭИ» (0,464), «Управление чужими эмоциями» (0,406), «Понимание чужих эмоций» (0,506); включен «Суммарный показатель» организации деятельности (–0,410).

Первый и второй факторы представляют единый биполярный конструкт: выраженный личностный потенциал и психологическое неблагополучие с выраженным межличностным эмоциональным интеллектом.

Третий фактор (дисперсия 8,89%) — «Самоорганизация» отражает способность к планированию и самоорганизации деятельности. Фактор включил две шкалы: «Самоорганизация деятельности» (0,545) и «Суммарный показатель деятельности» (0,521), а также три стили психосоматического поведения: «Эмоциональный» (0,727), «Психофизический» (0,477) и «Социокультурный» (0,436).

Четвертый фактор (дисперсия 6,11%) – «Гибкость планирования» отражает гибкость в выборе новых видов деятельности и отсутствие жестких форм планирования. Фактор содержит две шкалы самоорганизации деятельности: «Фиксация» (–0,457) и «Суммарный показатель самоорганизации» (–0,431). Кроме того, фактор включил два стиля психосоматического поведения: «Когнитивный» (0,413) и «Социокультурный» (0,473).

Третий и четвертый факторы обнаруживают биполярный конструкт относительно стремления к планированию и отсутствие такового, что нашло выражение в разных стилях психосоматического поведения.

Пятый фактор (дисперсия 5,8%) – «Волевой контроль» отражает настойчивость в достижении своих целей, волевой контроль собственных эмоциональных состояний при сложностях в понимании эмоций других людей. Фактор включил шкалы эмоционального интеллекта: «Межличностный ЭИ» (–0,413), «Внутриличностный ЭИ» (0,421), «Контроль экспрессии» (0,674), а также «Настойчивость», как характеристику самоорганизации деятельности (0,570).

Шестой фактор (дисперсия 4,7%) – «Отсутствие понимания своих эмоций» включил единственную шкалу с отрицательным знаком – «Понимание своих эмоций» (–0,623).

Седьмой фактор (дисперсия 4,1%) – «Непродуктивные виды рефлексии» включил две шкалы: «Интроспекция» (0,618) и «Квази-рефлексия» (0,511).

Заключение

Метакогнитивная включенность тесно связана со следующими шкалами психологического благополучия: автономность, компетентность, личностный рост, цель в жизни, что согласуется с результатами А. У. Кией (Kiaei, 2014). Факторный анализ показал, что метакогнитивная включенность входит в структуру личностного потенциала и может рассматриваться в качестве потенциальной всеобъемлющей конструкции в прогнозировании личностной успешности в различных видах деятельности, в том числе учебной. Успешная реализация личности в учебной и профессиональной деятельности требует развитого самосознания.

Исследование показало, что метакогнитивная включенность является важной основой не только саморегуляции, но и готовности личности к изменениям путем развития самосознания.

Данное исследование вносит вклад в изучение вопроса о связи личностных ресурсов с уровнем метапознания как интегративной характеристикой успешности личности и деятельности.

Литература

- Бызова В. М., Ловягина А. Е.* Стили психосоматического поведения у студентов с разными приемами саморегуляции в ситуации экзамена // *Экология человека*. 2017. Т. 7. С. 25–31.
- Иванова Т. Ю., Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Рассказова Е. И., Кошелева Н. В.* Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // *Организационная психология*. 2018. Т. 8. № 1. С. 85–121.
- Карпов А. В., Скитяева И. М.* Психология метакогнитивных процессов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
- Леонтьев, Д. А.* Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011.
- Люсин Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.
- Мандрикова Е. Ю.* Разработка опросника самоорганизации деятельности // *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 87–111.
- Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П.* Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // *Психологическая диагностика*. 2005. № 3. С. 95–129.
- Kiaei A. Y.* The relationship between metacognition, self-actualization, and well-being among university students: reviving self-actualization as the purpose of education. FIU Electronic theses and dissertations, 2014. doi: 10.25148/etd.FI14040889.
- Van Zile-Tamsen C., Livingston J. A.* The differential impact of motivation on the self-regulated strategy use of high and low achieving college students // *Journal of College Student Development*. 1999. V. 40. P. 54–59.

Metacognitive awareness in the structure of personal potential

V. M. Bysova, E. I. Perikova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

The aim of this study was to study metacognitive awareness as a component of personal potential among students. The sample consisted of 118 students of Saint-Petersburg State University (an age range of 19–22 years). The following questionnaires were used: Metacognitive Awareness Inventory developed by G. Schraw and R. S. Dennison, The Scales of Psychological Well-Being developed by K. D. Ryff, The Russian emotional intelligence questionnaire developed by D. V. Lyusin, The Self-Organization of Activity Questionnaire developed by E. J. Mandrikova, Differential reflexivity test constructed by D. A. Leontiev and E. N. Osin, The Psychosomatic Behavior Styles questionnaire developed by V. M. Bysova and A. E. Loviagina. We used correlation, regression and factor analysis. Metacognitive awareness was related to the following scales of psychological well-being: “Personal growth”, “Purpose in life”, “Autonomy”, “Competence”. Factor analysis shows, that metacognitive awareness is included in the structure of personal potential, it could be the predictor of success in education.

Keywords: metacognitive awareness, personal potential, psychological well-being, reflexivity, self-organization of activity, emotional intelligence.

Субъективное благополучие подростков в разных ситуациях развития в связи с событийной насыщенностью жизни

Л. А. Головей*, Ю. Ю. Данилова**

* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
lgolovey@yandex.ru

** ГБДОУ детский сад № 30 Красносельского района, Санкт-Петербург
yuliyadanilowa@gmail.com

Задачами работы явилось изучение субъективного благополучия подростков, находящихся в разных жизненных ситуациях в связи с их временной транспективой. Выборка: 286 подростков 15–16 лет (160 девушек, 126 юношей); 77 воспитываются в детском доме, 144 – в полных семьях; 65 – в неполных. Методы: шкала удовлетворенности жизнью Е. Динера; «Психологическая автобиография». Выявлено достоверное снижение уровня субъективного благополучия у воспитанников детского дома и тенденция к его понижению у подростков в неполных семьях. Воспитанники детского дома и подростки из неполных семей называют больше негативных событий в прошлом. В этих группах выявлены положительные связи оценки благополучия жизни и количества негативных событий в прошлом ($p < 0,05$), в группе подростков из полных семей эта связь отрицательная. Взаимосвязи свидетельствуют о том, что негативный опыт прошлого выступает в качестве предпосылки удовлетворенности жизнью в настоящем у подростков, переживших расставание с одним или обоими родителями. У подростков, не переживших такой травмы, негативные события прошлого выступают в качестве фактора, снижающего оценку их жизни как благополучной.

Ключевые слова: субъективное благополучие, социальная ситуация, подростки, события жизни, прошлое, настоящее, будущее.

О возрастании количества сложных жизненных ситуаций в условиях современности Л. И. Анцыферова писала еще в 1994 г., она связывала это с общественно-экономическими перестройками (Ан-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00307-ОГН.

цыферова, 1994). Это в полной мере касается жизни детей и подростков, поскольку постоянно усложняются требования к учебной деятельности, возрастают учебные нагрузки, повышается значимость результатов обучения для последующего образования и адаптации во взрослой жизни. К этому можно добавить значительные сложности, с которыми сталкивается современная семья, и ее кризис. С этим связано возрастающее внимание исследователей к проблемам субъективного благополучия и психологического здоровья детей и подростков. В качестве обобщенного показателя субъективного благополучия рассматривают удовлетворенность жизнью, как субъективное представление о том, что события и ситуации жизни складываются благополучно (Динер, 1984; и др.). Взгляды исследователей на структуру психологического благополучия и его природу не однозначны. Исследователи рассматривают субъективное благополучие, как социально-психологическое образование, интегральный показатель оценки внешней стороны жизни (положения в социуме, материального достатка и т. п.) (Шамянов, 2008; и др.). Вместе с тем имеются исследования, в которых выявлен вклад личностных черт (способности к саморегуляции, внутреннего локуса контроля, оптимизма и др.) в изменчивость субъективного благополучия (Diener, 1984; и др.). Выявлена роль субъективного благополучия в качестве механизма регуляции активности человека в разных сферах жизни, показано, что оно выступает в качестве побудительной силы, регулирующей поведение. Удовлетворенные жизнью подростки менее склонны к проявлениям девиантного поведения, у них ниже риск развития психических расстройств и суицидальных тенденций (Толстых, Прихожан, 2016). Чувство эмоциональной близости и связанности с родителями и семьей, доброжелательное общение в семье играют роль факторов защиты (Головей, Данилова, Данилова, 2017). В подростковом возрасте удовлетворенность жизнью в значительной мере зависит от переживаемого личного опыта и опыта социальных отношений.

Субъективный опыт прошлого, представления о будущем, эмоциональное отношение к событиям своей жизни, психические травмы и переживания ранних этапов развития оказывают влияние на формирование личности и временной транспективы. Выявлены и описаны различия характеристик временной транспективы в связи с уровнем зрелости личности подростка, нормативности развития, типа образовательных учреждений (Толстых, 2010).

Анализируя недостатки исследований человека в трудных жизненных ситуациях, Л. И. Анцыферова (Анцыферова, 1994) указы-

вала на фрагментарность подходов, при которых конкретное событие рассматривается изолированно от жизненной ситуации в целом. Жизненная, социальная ситуация развития представляет своеобразное отношение между ребенком и окружающей его социальной действительностью, она определяет образ жизни, представляет основу развития, исходный момент для всех динамических преобразований возраста (Карабанова, 2007). Трудной жизненной ситуацией для подростка является, прежде всего, ситуация отрыва от родительской семьи или от одного из родителей, т. е. проживание в детском доме и в неполной семье. Выявлено негативное влияние семейной депривации на эмоциональное, личностное, когнитивное развитие, на представления подростков о жизненных перспективах. Воспитанники детских домов, недооценивают значимость событий настоящего, что выражается в меньшей оценке насыщенности настоящего важными событиями, они не рассматривают будущее в качестве возможности развития личности (Толстых, Прихожан, 2016). В исследованиях обнаружены связи психологического здоровья личности и глубины ее временной перспективы (Толстых, 2010).

Исходя из вышеизложенного, в основу работы были положены предположения о наличии взаимосвязи субъективного благополучия личности подростка и жизненных событий прошлого, настоящего, будущего. Мы предположили также, что характер жизненных событий и их взаимосвязь с субъективным благополучием определяется общим контекстом жизненной ситуации в целом, т. е. социальной ситуацией развития подростка. Задачами исследования стали: изучение субъективного благополучия подростков, проживающих в разных социальных условиях; исследование событийной насыщенности жизни подростков в контексте их жизненной ситуации; выявление взаимосвязей субъективного благополучия и событийной насыщенности прошлого, настоящего и будущего.

В исследовании приняли участие 286 подростков в возрасте 15–16 лет (160 девушек и 126 юношей). В том числе 77 подростков – воспитанники детского дома (41 девушка, 36 юношей), 144 – проживают в полных семьях (71 девушка, 73 юноши), 65 – в неполных (30 девушек, 35 юношей).

Методы: опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» Е. Динера (Осин, Леонтьев, 2008); методика «Психологическая автобиография» (Бурлачук, Коржова, 1998). Математико-статистическая обработка данных включала сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ (по Спирмену). Статистические решения принимались на 5% ($p < 0,05$) уровне значимости.

Анализ субъективного благополучия, проведенный в группах с разной социальной ситуацией развития, обнаружил наибольшую удовлетворенность жизнью у подростков, воспитывающихся в полных семьях (24,67 балла). Они считают, что их жизнь складывается благополучно (5,40), удовлетворены ею (5,38) и ничего не хотели бы в ней менять (4,19), что свидетельствует об их субъективном благополучии. В подгруппе подростков из неполных семей все показатели находятся на более низком уровне: общая удовлетворенность жизнью (22,88 балла), удовлетворенность жизнью (4,96), жизнь складывается благополучно (4,92), показатель «в жизни ничего бы не менял» находится на уровне ниже среднего (3,69). В подгруппе подростков из детского дома все показатели ниже, чем у подростков из семей. Общая удовлетворенность жизнью 20,17 балла, т.е. находится на нижней границе нормы. Структура благополучия характеризуется тем, что самый высокий показатель – «в жизни есть все необходимое» (4,86), а самый низкий – «в жизни ничего бы не менял» (2,21). Общая удовлетворенность жизнью, «жизнь складывается благополучно», «в жизни ничего бы не менял» достоверно ниже у воспитанников детского дома по сравнению с подростками из полных семей ($p < 0,05$; $p < 0,001$ соответственно). Для них свойственен сниженный фон настроения и ощущение недостатка необходимых ресурсов для достижения жизненного благополучия, они не удовлетворены тем, как идут дела в большинстве жизненных сфер, негативно воспринимают события своей жизни, сомневаются в правильности своих действий и поступков, хотели бы изменить свою жизнь. Условия неполной семьи позволяют подросткам сохранить, хотя и на несколько сниженном уровне субъективное благополучие, они достоверно отличаются от подростков детского дома тем, что ничего не хотели бы менять в своей жизни ($p < 0,01$). Таким образом, мы видим, что как частичная, так и полная родительская депривация, негативно влияют на субъективное благополучие. Признаком, дифференцирующим неблагополучие, является желание изменить свою жизнь, которое у подростков из детского дома существенно выше.

Анализ жизненных событий проводился с применением качественных и количественных методов. Количественный анализ включал подсчет количества позитивных и негативных событий прошлого, настоящего и будущего, для оценки эмоциональной значимости каждого события применялась 5-балльная шкала (1 – «совсем незначимо», 5 – «очень значимо»). С целью качественного анализа использовался контент-анализ.

Общее количество позитивных событий упомянутых подростками — от 1 до 30, негативных — от 0 до 10 за все периоды жизни. Наибольшее число жизненных событий упомянули подростки из полных семей — 9,8, из неполных — 8,14, наименьшее — подростки из детского дома — 4,8 события ($p < 0,01$). При этом, у подростков из детского дома позитивных событий прошлого меньше, а негативных больше по сравнению с подростками из семей, как полных, так и неполных ($p < 0,001$, $p < 0,009$). События настоящего наиболее представлены у подростков из семей, подростки из детского дома в настоящем практически не отмечают позитивных событий (средний показатель 0,06 означает, что большинство подростков не отметили ни одного позитивного события), зато негативных событий в три раза больше (0,19). В отношении будущего, напротив, они называют больше позитивных событий, практически каждый назвал одно позитивное событие (выпуск из детского дома) и не называют негативных (всего 0,06).

Выявлена высокая степень эмоциональной вовлеченности всех подростков в жизненный контекст, о чем свидетельствуют средние показатели значимости позитивных (4,6 балла) и негативных (4,1 балла) событий, которые приближаются к максимальной оценке. Достоверные различия в эмоциональной значимости событий между группами не обнаружены. При этом во всех группах значимость позитивных событий выше, чем негативных ($p < 0,005$). Меньшую эмоциональную значимость негативных событий можно, вероятно, объяснить действием механизмов психологической защиты (обесценивание, вытеснение).

Контент-анализ позволил выявить качественное своеобразие жизненных событий в группах подростков. Среди позитивных *событий прошлого* подростки из семей упоминают: образование (детский сад, школа), появление сиблингов, занятия спортом, праздники, победы в соревнованиях и конкурсах, переезды. В качестве негативных: развод родителей, смерть близкого, смерть животного, болезнь, смена школы, ссора с друзьями. Подростки из детских домов: отношения с людьми, подарки, общение с животными, детский дом. Негативные события: перевод из одного детского дома в другой, неисполнение желаний, смерть близкого, проблемы родителей, расставание с ними, попадание в детский дом. Среди позитивных *событий настоящего* подростки из семей называют: прогулки, праздники, досуг, общение с родными, учеба, дружба, спорт и т. п. Негативные: проблемы родных, болезни, неудачи в учебе, ссоры с друзьями. Подростки из детского дома среди позитивных называют: позитивный взгляд на жизнь, победы, дружба, праздники, неожиданные звон-

ки от родных и встречи с ними. Негативные события, упомянутые воспитанниками детского дома: необходимость жить в детском доме, кража, расставание с родными, требовательность воспитателя, учителя, ссоры с ровесниками и старшими воспитанниками. Примечательно, что *в будущем* подростки прогнозируют в основном позитивные события. Респонденты из семей: путешествия, иммиграцию, карьеру, высокий заработок, исполнение мечты, победы, ощущение полноценности прожитой жизни. Среди негативных: старость и смерть. Подростки из детского дома отмечают: окончание школы, приобретение специальности, семью. Среди негативных: неопределенность будущего и опасения о нем.

Таким образом, показатели событийной насыщенности жизни отражают особенности жизненного контекста подростков. В целом, можно сказать, что у воспитанников детского дома существенно меньше позитивных событий в прошлом и настоящем по сравнению с семейными подростками. На уровне тенденции отмечено большее количество негативных событий в прошлом у подростков из неполных семей по сравнению с подростками из полных. Необходимо отметить также, что подростки из детского дома существенно меньше событий прогнозируют в будущем, что говорит о нечеткости, несформированности их временной перспективы.

Следующей задачей стало выявление взаимосвязей событийной насыщенности жизни с показателями субъективного благополучия. Для решения этой задачи был применен корреляционный анализ, выявивший различный характер взаимосвязей в группах, различающихся жизненным контекстом. Из всех показателей субъективного благополучия взаимосвязи образовали показатели «жизнь складывается благополучно» и «в жизни есть все необходимое». В группе воспитанников детского дома и подростков из неполных семей выявлены положительные взаимосвязи оценки благополучности жизни с количеством негативных событий в прошлом ($p < 0,05$), в то время как в группе подростков из полных семей эта связь отрицательная. В обеих группах подростков из семей оценка жизни, как благополучной, взаимосвязана с общим количеством позитивных событий всех периодов жизни и количеством позитивных событий настоящего ($p < 0,001$, $p < 0,05$). Показатель «в жизни есть все необходимое» у воспитанников детского дома и подростков из полных семей образовал положительные связи с негативными событиями настоящего ($p < 0,05$). В подгруппе подростков из неполных семей этот показатель имеет две отрицательные взаимосвязи с количеством негативных и позитивных событий, прогнозируемых в будущем ($p < 0,001$, $p < 0,05$).

Результаты корреляционного анализа позволяют сказать, что негативный опыт прошлого выступает в качестве предпосылки удовлетворенности жизнью в настоящем (нежелания изменять в ней что-либо, оценки своей жизни как благополучной) у подростков, переживших травматические события: развод родителей, расставание с семьей и помещение в детский дом. В то время как у подростков из полных семей негативные события прошлого выступают в качестве фактора, снижающего оценку их жизни как благополучной. Возможно, это объясняется действием механизмов психологической защиты у травмированных подростков, либо на фоне психических травм и неблагополучия прошлого настоящее представляется им более благополучным и они не хотели бы ничего в нем изменять. Выявлен факт, заключающийся в том, что количество негативных событий настоящего связано с оценкой степени удовлетворенности потребностей обратной связью, т. е. чем в большей степени потребности удовлетворяются, тем больше негативных событий отмечает подросток. Что касается событий будущего, то в качестве фактора, снижающего направленность в будущее (прогноза количества позитивных и негативных событий) выступает ощущение благополучности жизни и высокая степень удовлетворенности потребностей. Событийная насыщенность жизни у подростков из семей выступает в качестве фактора их субъективного благополучия, спасения от скуки и монотонности.

Проведенное исследование выявило зависимость субъективного благополучия подростков не только от текущей жизненной ситуации, но и от характера пережитых в прошлом событий. Показана неоднозначная роль субъективного благополучия, проявившаяся в том, что высокая степень удовлетворенности потребностей не является фактором, уменьшающим количество негативных событий настоящего, и не служит стимулом к построению планов и перспектив будущего. Выявленные различия во взаимосвязях субъективного благополучия и жизненных событий в группах с разной текущей социальной ситуацией подтверждают тезис Л. И. Анцыферовой о необходимости рассмотрения конкретных событий в контексте целостной жизненной ситуации.

Литература

Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций, психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 13–18.

- Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
- Головей Л. А., Данилова М. В., Данилова Ю. Ю.* Самоотношение и отношения со значимыми взрослыми, как факторы удовлетворенности жизнью у подростков // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С 108–125.
- Карабанова О. А.* Понятие «социальная ситуации развития» в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. № 2 (4). С. 40–56.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Сборник материалов III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов. 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 29.08.2018).
- Толстых Н. Н., Прихожан А. М.* Психология подросткового возраста: Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016.
- Толстых Н. Н.* Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: Автореф. дис ... докт. психол. наук. М., 2010.
- Шамионов Р. М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2008.
- Diener E.* Subjective wellbeing // Psychological bulletin. 1984. № 95 (3). P. 542–575.

Subjective well-being of adolescents in different social situations of development in connection with life event saturation

L. A. Golovey*, *Y. Y. Danilova***

* Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

** State public kindergarten № 30 of combined type in Krasnoselsky district, Saint-Petersburg

The objectives of the work were to study subjective well-being of adolescents in different life situations in connection with their time trans-perspective. Sample: 286 adolescents aged 15–16 years (160 girls, 126 boys); 77 are brought up in an orphanage, 144 – in full families; 65 – in incomplete families. Methods: life satisfaction scale by E. Diener, “Psychological autobiography”. A significant decrease in the level of subjective well-being

in adolescents from orphanage and a tendency to decrease it in adolescents from incomplete families is revealed. Orphanage pupils and teenagers from single-parent families register more negative events in the past. In these groups positive correlations of an assessment of life well-being and quantity of negative events in the past ($p < 0,05$) are revealed, in group of adolescents from full families this correlation is negative. Such correlations indicate that negative experience of the past acts as a prerequisite for satisfaction with life in present time in adolescents, who have experienced separation from one or both parents. In adolescents who have not experienced such trauma, negative events of the past act as a factor, that reduces the assessment of their life as prosperous.

Keywords: subjective well-being, social situation, adolescents, life events, past, present, future.

Субъективное пространство как фактор креативного мышления

Л. Я. Дорфман, В. А. Гасимова, Г. В. Ковалева

Пермский государственный институт культуры, Пермь
dorfman07@yandex.ru

Совершен концептуальный переход от понятия пространства в естественных науках и математике к понятию пространства в психологии, в частности, к субъективному пространству (СП). На СП распространены математический (пространственные отношения) и физический (пространственные метафоры) прототипы. Это позволило рассмотреть СП как 4-мерный конструкт с измерениями по высоте, широте, длине и объему. Общая гипотеза заключалась в том, что с усилением выраженности креативного (дивергентного) мышления становится бóльшим СП. Результаты получили эмпирическую поддержку частично. Они свидетельствуют о том, что высота СП несколько возрастает, а его длина, наоборот, уменьшается благодаря дивергентному мышлению. При помощи структурного моделирования и в терминах латентных переменных показано, что объем СП служит медиатором между дивергентным мышлением и измерениями широты, высоты и длины СП. Значит, объем может выполнять функцию интегратора измерений СП и дивергентного мышления.

Ключевые слова: дивергентное мышление, математический (пространственные отношения) и физический (пространственные метафоры) прототипы, субъективное пространство, высота, широта, длина, объем.

Как известно, важной стороной динамической концепции личности Людмилы Ивановны Анцыферовой (Анцыферова, 2000) является внутренний мир. Внутренний мир — это индивидуальный, субъективный мир личности. Помимо прочего, она является субъектом своего внутреннего мира, своей психической жизни. Л. И. Анцыферова отмечала, что в отечественной психологии не существует категории, которая охватывала бы все формы психической

жизни человека, его удивительной способности относиться к себе как к объекту своего сознания и созидания. Особое направление творчества личности – это созидание ею себя, своего внутреннего мира. Но каковы особенности внутреннего мира личности в связи с особенностями креативности? Некоторый намек на пути изучения этой проблемы можно обнаружить в психолого-пространственных метафорах, которые довольно часто употребляет Л. И. Анцыферова: «многомерность пространства жизни», «психологическое пространство сближающихся или отодвигающихся друг от друга событий», «расстояние между личностью и окружающим миром», «индивидуальное пространство творимой жизни», «личностное пространство», и т. п.

Исходя из этого, можно предложить новую линию осмысления наследия Л. И. Анцыферовой с перспективой его развития в современных условиях. Это интеграция понятий внутреннего мира, креативности и психологического пространства с переходом на уровень теоретико-эмпирических исследований.

У исследований психологического пространства богатая предыстория, представленная работами классиков психологической мысли – З. Фрейда, К. Левина, Дж. Келли (Дорфман, 2017). В современных научных исследованиях понятие психологического пространства также используется широко (Т. Н. Березина, Л. М. Веккер, Б. Б. Величковский, Л. Я. Дорфман, А. Р. Лурия, С. К. Нартова-Бочавер, В. Ф. Петренко, В. М. Петров, А. Ш. Тхостов, В. А. Шкуратова; V. Blum, A. Secor; J. Dixon, K. Durrheim; A. Hermans, A. Hermans-Konopka; L. Jia, E. R. Hirt, S. C. Karpen; J. Malpas). Но относительно мало внимания уделяется разработке понятия психологического пространства как такового. В настоящей работе сделана попытка совершить переход от понятия пространства в естественных науках и математике к понятию пространства в психологии, в частности, к субъективному пространству (СП). Концептуально, прототипами СП рассматриваются математический (пространственные отношения) и физический (пространственные метафоры). Это позволило рассмотреть СП как 4-мерный конструкт с измерениями по высоте (вверх/вниз), широте (влево/вправо), длине (вперед/назад) и объему (масштабу). Кроме того, ментальное пространство (развернутое и без ментальных границ) и ментальное «место» (скорее ограниченное, чем развернутое) (J. Malpas) были выделены в два разных, но сопряженных понимания СП.

Дж. Гилфорд (Guilford, 1968) ввел понятие креативного мышления как дивергентного. Оно определялось как движение мыслей

в разных направлениях, мыслительный процесс, который генерирует множество идей. Они создают почву для нескольких решений проблемы. Решая проблемы, дивергентное мышление генерирует альтернативы, как бы фальцуя их из череды разных вариантов мыслей (Simonton, 2013). Они не равнозначны: одни конвенциональны, тривиальны, банальны либо непрактичны; другие варианты оцениваются как необычные, редкие, оригинальные, полезные. Люди продуцируют и конвенциональные, и оригинальные решения (Runco, Acar, 2010). Согласно С. Меднику (Mednick, 1962), в ответ на стимул вначале даются шаблонные ассоциации. Креативные ассоциации появляются после того, как шаблонные варианты ответов исчерпываются.

Строго говоря, дивергентное мышление не является синонимом креативного мышления. Дивергенция создает лишь благоприятную почву, служит условием и ресурсом креативных мыслей (Runco, Acar, 2010), поскольку генерирование нескольких вариантов ответов на проблему увеличивает вероятность появления оригинальной идеи (Eysenck, 1995; Mednick, 1962). Типичными показателями дивергентного мышления являются беглость (количество идей), гибкость (количество категорий), оригинальность (необычные, редкие идеи) (Аверина, Шебланова, 1996; Guilford, 1968; Wallach, Kogan, 1965). Беглость выражается в появлении множества идей, поворотах мысли в разные стороны, частоте их смены. Гибкость дает те же характеристики идей, производных от категорий, упорядочивающих мысли в группы по каким-либо основаниям. Оригинальность выражается в нестандартных, нестереотипных и неожиданных ходах мысли.

Предпосылки, гипотезы и задачи исследования

Исследования в области креативности весьма разнообразны (Д. Б. Богоявленская, Л. Я. Дорфман, Я. А. Пономарев, Д. В. Ушаков, Н. Eysenck, J. Guilford, С. Martindale, S. Mednick). Однако роль СП как фактора креативного мышления недооценена, хотя имеет большое значение в понимании происхождения креативных идей. Поиск ответов на вопрос «где» вместо вопроса «что?» служит отправным пунктом для выделения СП креативного мышления в самостоятельное направление исследований. С другой стороны, имеются эмпирические свидетельства о том, что СП сопрягаются с Я-концепцией (Дорфман, Гасимова, Ковалева, 2018), но отсутствуют данные о том, может ли СП служить фактором креативного мышления.

Существующие представления о мышлении и мыслях, которые оно производит, возможно углубить при изучении креативных идей и их СП. Дивергентное (креативное) мышление — это мыслительный процесс. Обычно его тестируют через количество мыслей как показателей беглости, гибкости и оригинальности (Guilford, 1968). Вместе с тем можно сформулировать вопрос о локализации идей в СП. Возможно, креативные идеи порождаются и пространственно расходятся «где-то» по ментальной сфере. За немногими исключениями (Jia, Hirt, Karpen, 2009), в значительной части исследований креативного (дивергентного) мышления его отношения с СП не изучаются. Между тем имеются определенные предпосылки полагать, что в ряде случаев некоторые мысли, в том числе креативные идеи, могут занимать разные «места» в СП. Занимают ли творческие мысли особые «места» в ментальном пространстве или нет — это вопрос, который нужно подвергнуть эмпирической верификации.

В ряде исследований неявно просматривается СП как общий корень креативного мышления. В классической теории Дж. Гилфорда (Дорфман, 2016; Guilford, 1968) креативное (дивергентное) мышление можно толковать в ментально-пространственном плане. Предположительно, креативность сопрягается с возрастанием объема СП. С усилением выраженности дивергентного мышления возрастает его вариативность (Дорфман, 2016). Это означает, что в сравнении с низкокреативными, у высококреативных людей СП является более объемным, протяженным и широким.

Согласно С. Меднику (Mednick, 1962), у высококреативных людей преобладают отдаленные ассоциации, у низкокреативных — ближние ассоциации. У высококреативных людей размах ассоциаций полагается шире, чем у низкокреативных людей. Эти данные толкуют как расширение мышления у креативных людей (Eysenck, 1995). В исследованиях внимания дефокусированное внимание (в сравнении с фокусированным) оценивается по расширенному диапазону захватываемых элементов информации. Установлено, что в сравнении с низкокреативными, у высококреативных людей выражено дефокусированное внимание (Дорфман, 2016). Эти результаты свидетельствуют о том, что фокус внимания расширяется в связи с креативным мышлением. Влияние психологической дистанции на креативность изучали L. Jia, E. R. Hirt, S. C. Karpen (Jia, Hirt, Karpen, 2009). Они установили, что креативное мышление и креативный инсайт сопрягаются с отдаленной, а не близкой дистанцией.

Приведенные данные и их интерпретации являются важными предпосылками для теоретической и эмпирической постановки

проблемы СП креативного (дивергентного) мышления. Конечно, эти данные ограничены в сравнении с пространственными измерениями 4-мерного конструкта СП, изложенного выше. Тем не менее, они создают почву для гипотез о СП креативного мышления. Общая гипотеза заключалась в том, что с усилением выраженности креативного (дивергентного) мышления СП увеличивается. Были поставлены несколько задач исследования. Во-первых, нужно было выяснить, существуют ли корреляции между наблюдаемыми переменными СП и креативного (дивергентного) мышления. Во-вторых, требовалось изучить, возникают ли различия между высококреативными и низкокреативными участниками по измерениям СП. В-третьих, следовало оценить отношения между латентными переменными СП и креативного (дивергентного) мышления.

Представления о СП, основанные на математическом и физическом прототипах, которые были обозначены выше, и теория креативного (дивергентного) мышления не являются ни метафизическими, ни спекулятивными. Напротив, тема СП креативных идей имеет смысл, поскольку ее можно верифицировать эмпирически в аспекте количественных исследований.

Метод

В исследовании приняли участие 218 студентов пермских вузов, девушек – 146, и юношей – 72, возраст – в диапазоне от 18 до 31 года ($M=20,6$, $SD=2,18$).

На материале Я-концепции были разработаны оригинальные короткие вопросники «Пространство моего Я» (ПЯ) и «Где Я» (ГЯ). Инструкция к вопроснику ПЯ: «Представьте, что ваше Я имеет пространство. Установите пространственные характеристики вашего Я с помощью одного из слов в каждой паре по семиступенной шкале». Инструкция для вопросника ГЯ: «Представьте, что в вашем сознании имеется некий центр и много мест вокруг него. Найдите место, где находится ваше Я. Установите местонахождение вашего Я в сравнении с центром Вашего сознания с помощью одного из слов в каждой паре по семиступенной шкале».

Каждый вопросник имеет 4 шкалы: объем (V), длину (L), широту (W), высоту (H). В исходных вариантах каждый вопросник включал 24 прямых и обратных пунктов, по 6 пунктов на каждую шкалу, расположенных в случайном порядке. После исключения ненадежных пунктов в вопроснике ПЯ в шкале V остались 3 пункта, например, «маленькое–большое». В шкале L остались 4 пункта, напри-

мер, «близкое—далекое». В шкале *W* остались 5 пунктов, например, «узкое—широкое». В шкале *H* остались 4 пункта, например, «низкое—высокое».

Соответственно в вопроснике ГЯ в шкале *V* остались 3 пункта, например: «там, где меньше — там, где больше». В шкале *L* остались 4 пункта, например: «там, где ближе — там, где дальше». В шкале *W* остались 5 пунктов, например: «там, где уже — там, где шире». В шкале *H* остались 4 пункта, например: «там, где ниже — там, где выше». Одноименные шкалы вопросников положительно коррелировали в диапазоне $r=0,34-0,53$, $p<0,001$. При эксплораторном факторном анализе шкалы вопросников ПЯ и ГЯ входили в одни и те же факторы. Эти данные стали основанием для агрегирования пунктов и шкал ПЯ и ГЯ в общие шкалы (ОШ) СП. В них по α Кронбаха надежность шкалы *V* была 0,78, шкалы *L* — 0,80, шкалы *W* — 0,69, шкалы *H* — 0,76.

Для оценки дивергентного мышления участников просили выполнять тест «Необычное использование» (Wallach, Kogan, 1965), адаптированный к российской популяции И. С. Авериной и Е. И. Щеплановой (Аверина, Щепланова, 1996). Участников просили назвать необычные применения предметов «Кирпич», «Газета», «Карандаш», за исключением их обычного назначения. Ответы фиксировались в течение 3 мин. на один предмет. Переменными были беглость (общее количество ответов), гибкость (количество категорий), оригинальность (редкость ответов в сравнении с ответами других участников). По α Кронбаха надежность переменной беглости была 0,82, гибкости — 0,77, оригинальности — 0,81.

Экстремальные значения по каждой переменной, выходящие за пределы 2 стандартных отклонений, исключались. После этого переменные по показателям асимметрии и эксцесса имели приблизительно нормальное распределение. Были выполнены следующие расчеты. (1) Оценивались корреляции (по Пирсону) между переменными дивергентного мышления (агрегированного показателя в *z*-оценках) и СП (ОШ). (2) Участники исследования были разделены по *z*-оценкам на подгруппы высококреативных и низкокреативных. Показатели их СП (по ОШ) сравнивались (*t*-тест для независимых выборок). (3) Применялось структурное моделирование. Результаты оценивались на материале трех моделей. Модель 1 — прямая. Тестировались латентные пути от дивергентного мышления (экзогенная переменная) к ОШ СП (эндогенные переменные). Модель 2 была медиационной. Она модифицировала модель 1 таким образом, что латентные пути от дивергентного мышления (экзогенная переменная)

проходили к одним пространственным переменным (опосредующие переменные) и от них к другим пространственным переменным (эндогенным переменным). Модель 3 также была медиационной. Она отличалась от модели 2 составом опосредующих переменных. Пригодность моделей оценивалась по 4 индексам: χ^2 статистике, отношению χ^2 статистики к числу степеней свободы (χ^2/df), ошибке аппроксимации по Стейгеру–Линду (RMSEA), индексу пригодности (GFI).

Результаты

Переменная дивергентного мышления коррелировала положительно с показателем $H(r(189)=0,13, p<0,07)$ и отрицательно – с показателем $L(r(191)=-0,20, p<0,01)$. Это значит, что с ростом выраженности креативности высота СП несколько возрастает, а его длина, наоборот, уменьшается. Сходные результаты были получены при разделении участников на подгруппы высококреативных и низкокреативных по показателю длины СП. У первых длина СП была, по сути, значимо меньше длины СП у вторых ($t(189)=1,84, p<0,06$). По другим показателям СП подгруппы высококреативных и низкокреативных участников значимо не отличались.

При структурном моделировании оценивалась модель 1, которая включала прямые латентные пути от дивергентного мышления (экзогенная переменная) к каждой эндогенной переменной СП – V, L, W, H . В рамках медиационной модели 2 оценивались латентные пути от дивергентного мышления (экзогенная переменная) к L измерению СП (опосредующая переменная) и от нее к V, W, H измерениям СП (эндогенные переменные). В рамках медиационной модели 3 оценивались латентные пути от дивергентного мышления (экзогенная переменная) к V измерению СП (опосредующая переменная) и от нее к L, W, H измерениям СП (эндогенные переменные).

Модель 1 с индексами $\chi^2(40)=196,67, p<0,001, \chi^2/df=4,92, RMSEA=0,17, GFI=0,80$ была непригодной. Модель 2 с индексами $\chi^2(40)=123,98, p<0,001, \chi^2/df=3,10, RMSEA=0,11, CFI=0,90$ все еще оставалась непригодной. Модель 3 демонстрировала приемлемую пригодность с индексами $\chi^2(40)=77,41, p<0,001, \chi^2/df=1,94, RMSEA=0,07, CFI=0,95$. Следовательно, модель 3 можно принять, а модели 1 и 2 следует отклонить.

В рамках модели 3 индикаторами латентной экзогенной переменной «дивергентное мышление» были беглость, гибкость и оригинальность. Параметры их оценок находились в диапазоне от 0,90, $p<0,001$ до 0,98, $p<0,001$. Коэффициент пути от дивергентного мыш-

ления к V измерению СП=0,20, $p<0,001$. Коэффициенты путей от V измерения СП к L измерению СП=-0,47, $p<0,001$, к W измерению СП=1,00, $p<0,001$ и к H измерению СП=0,80, $p<0,001$.

Обсуждение

Очевидно, что математический (пространственные отношения) и физический (пространственные метафоры) прототипы создают благоприятную перспективу для исследования СП. Данные показывают, что СП реально существует и характеризуется некоторыми пространственными закономерными отношениями.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что с ростом выраженности дивергентного мышления высота СП несколько возрастает, а его длина, наоборот, уменьшается. По данным корреляционного анализа, однако, прямые вклады объема и широты СП в дивергентное мышление не наблюдались. Контрасты между высококреативными и низкокреативными участниками имели место только по измерению длины СП. Причем длина была значимо меньше у первых, чем у вторых. Все эти результаты согласуются с нашей гипотезой о том, что дивергентное мышление имеет свое СП. Что касается отдельных измерений СП, гипотеза получила частичную поддержку. Теперь она нуждается в уточнениях.

Структурное моделирование показывает, что на латентном уровне дивергентное мышление благоприятствует прежде всего объему СП. Он служит медиатором между дивергентным мышлением и измерениями широты, высоты и длины СП. С другой стороны, объем СП, скорее всего, выполняет функцию латентного интегратора измерений СП и дивергентного мышления. Тогда измерение объема и другие измерения СП вряд ли эквивалентны. Латентно, значение объема является первичным, значения же остальных измерений СП являются вторичными.

Особый интерес представляет вопрос о том, почему измерение длины в СП имеет противоположное направление в сравнении с другими измерениями СП. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Заключение

Установлено, что с ростом выраженности дивергентного мышления высота СП несколько возрастает, а его длина, наоборот, уменьшается. По данным корреляционного анализа, однако, прямые вкла-

ды объема и широты СП в дивергентное мышление не наблюдались. Контрасты между высококреативными и низкокреативными участниками имели место только по измерению длины СП. Причем длина была значимо меньше у первых, чем у вторых.

Структурное моделирование показывает, что на латентном уровне дивергентное мышление благоприятствует, прежде всего, объему СП. Он служит медиатором между дивергентным мышлением и измерениями широты, высоты и длины СП. С другой стороны, объем СП, скорее всего, выполняет функцию латентного интегратора измерений СП и дивергентного мышления.

Литература

- Аверина И. С., Шебланова Е. И.* Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование» М.: Соброрь, 1996.
- Анциферова Л. И.* Психология формирования и развития личности. СПб.: Питер, 2000.
- Дорфман Л. Я.* Креативное ментальное поле, дивергенция и вариативность // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 26–34.
- Дорфман Л. Я.* Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я-концепции // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 124–134.
- Дорфман Л. Я., Гасимова В. А., Ковалева Г. В.* Эмпирические характеристики субъективного пространства // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1446–1455.
- Eysenck H. J.* Genius: The natural history of creativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Guilford J. P.* Intelligence, creativity, and their educational implications. San Diego, CA: EDITS, 1968.
- Jia L., Hirt E. R., Karpen S. C.* Lessons from a faraway land: The effect of spatial distance on creative cognition // Journal of Experimental Social Psychology. 2009. V. 45 (5). P. 1127–1131.
- Mednick S. A.* The associative basis of the creative process // Psychological Review. 1962. V. 69. № 3. P. 220–232.
- Runco M. A., Acar S.* Do tests of divergent thinking have an experiential bias? // Psychology of Aesthetics, Creativity and the Arts. 2010. V. 4. № 3. P. 144–148.

- Simonton D. K.* Creative thought as blind variation and selective retention: Why creativity is inversely related to sightedness // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. 2013. V. 33. № 4. P. 253–266.
- Wallach M. A., Kogan N.* Modes of thinking in young children. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1965.

Mental space as a parameter of creative thinking

L. Ya. Dorfman, V. A. Gasimova, G. V. Kovaleva
Perm State Institute of Culture, Perm

An attempt provided a shift from the concept of space in the natural sciences and mathematics to the concept of space in psychology, in particular, to mental space (MS). Mathematical (spatial relations) and physical (spatial metaphors) prototypes suggest a view of MS. As a consequence, the MS gives rise to a four-dimensional construct with its height, width, length and volume orientations. The general hypothesis was that with increasing of the creative (divergent) thinking the MS became greater. The results received some empirical support. Divergent thinking led to the fact that the height of the MS increased slightly, and its length, on the contrary, decreased. Structural equation modeling revealed that the volume of the MS served a mediator between divergent thinking and orientations of width, height and length of the MS. Thus, the volume of MS can operate an integrator of MS orientations and divergent thinking.

Keywords: divergent thinking, mathematical (spatial relations) and physical (spatial metaphors) prototypes, mental space, volume, width, height and length.

Обобщенные свойства темперамента и ценностно-смысловой сферы личности

А. Ю. Калугин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
kaluginau@yandex.ru

В исследовании изучается связь обобщенных свойств темперамента и ценностно-смысловой сферы личности. Участниками исследования стали 511 человек, из них 231 девушка, 280 юношей, в возрасте от 15 до 24 лет ($M=18,9$; $SD=1,98$). На первом этапе с помощью анализа главных компонент было выявлено четыре компонента, отражающие обобщенные свойства темперамента, и две компонента, отражающие обобщенные свойства ценностно-смысловой сферы личности. На основе выделенных главных компонент каждому респонденту были присвоены нормализованные оценки, таким образом были получены вторичные переменные: «Эмоциональная стабильность», «Экстраверсия», «Сила суперэго», «Интеллект», «Ценностные ориентации» и «Смысложизненные ориентации». Анализ главных компонент, проведенный на вторичных переменных, позволил обнаружить связь «Эмоциональной стабильности» и «Смысложизненных ориентаций» (первая компонента); вторая компонента была представлена «Силой суперэго» и «Ценностными ориентациями»; третья компонента включала «Экстраверсию», «Интеллект» и частично «Смысложизненные ориентации».

Ключевые слова: темперамент, ценностно-смысловая сфера личности, разноуровневые свойства индивидуальности, индивидуальность.

Темперамент и ценностно-смысловая сфера личности редко встречаются в одном исследовании, так как считается, что относятся к разным уровням индивидуальности и детерминированы

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590007.

разными причинами: наследственными — темперамент, социальными — ценности. Это, вероятно, так, однако человек представляет собой не разобщенную систему свойств и уровней индивидуальности, а единый организм. Полагаем, что человек, сознательно или бессознательно, стремится к гармоничности разноуровневых свойств собственной индивидуальности, поэтому нижние и верхние уровни индивидуальности в определенной степени синхронизированы. Согласование разноуровневых свойств индивидуальности становится возможным благодаря тому, что человек способен рефлексировать и воспринимать свои особенности как ментальные ресурсы (Хазова, 2014; Волкова, 2016), т. е. пересматривать и перестраивать систему индивидуальности (характер взаимосвязей между разноуровневыми свойствами индивидуальности), и даже корректировать выраженность свойств, в основном верхних уровней с учетом поставленных целей. В определенной степени это перекликается с идеями Л. И. Анцыферовой об активном субъекте (Анцыферова, 2006), преобразующем и интегрирующем в ходе онтогенеза природные особенности индивида в целостную систему его отношений с социальной действительностью (Журавлев, Харламенкова, 2009, с. 31).

Теоретический анализ исследований темперамента (В. С. Мерлин, В. М. Русалов, Я. Стреляу, А. Н. Buss и R. Plomin, S. Chess и A. Thomas, Н. J. Eysenck, J. A. Gray, J. Kagan, М. К. Rothbart и др.) приводит к выделению двух основных психодинамических характеристик: экстраверсии и нейротизма. Остальные свойства темперамента могут различаться в разных теориях либо сводиться к этим двум свойствам путем факторизации. Вероятно, данные две стороны темперамента являются универсальными. Помимо указанных ключевых характеристик существуют многочисленные частные свойства темперамента, рассматриваемые в различных авторских концепциях.

Соотношение темперамента и личности — известная проблема в психологии. Ученые подходят к ее разрешению с разных позиций: одни разделяют темперамент и личность, понимая личность как «совокупность социальных качеств человека», а темперамент, как врожденные формально-динамические особенности организма; другие считают, что нет четкой границы между темпераментом и личностью, что сама личность имеет сильную наследственную обусловленность, в частности, черты известной модели личности «Большая пятерка» признаются наследственно детерминированными (McCrae, Costa, 2013). Второй подход в последние десятилетия наиболее популярен среди зарубежных ученых, поэтому в нашем исследовании используется опросник «Большая пятерка» для учета и этой позиции.

В предыдущих исследованиях было показано, что ценностно-смысловая сфера личности может быть представлена через три обобщенных вектора ценностной направленности личности: направленность на осмысленность жизни, направленность на мир, направленность на себя (Калугин, 2015). Обобщенные характеристики открывают дополнительные возможности для понимания сущности изучаемых психологических феноменов, так как являются отражением их ядерных свойств.

Ценностно-смысловая сфера личности по многочисленным свидетельствам наиболее активно формируется в юношеском возрасте (Волочков, 2007; Рослякова, 2009). Таким образом, «общим знаменателем», позволяющим изучить как темперамент, так и ценностно-смысловую сферу личности, является юношеский возраст.

Ранее нами были предприняты попытки изучить связь свойств темперамента с различными сторонами ценностно-смысловой сферы человека, и было обнаружено, что такая связь действительно существует. В частности, вклад свойств темперамента в личностные ценности варьировался от 3 до 15 процентов (Калугин, 2016), было выявлено, что существует половая специфика взаимосвязей свойств темперамента с показателями ценностно-смысловой сферы личности (Калугин, 2017).

Методика исследования

Выборку данного исследования составили старшеклассники, студенты средних и высших учебных заведений, курсанты: всего 511 чел., из них 231 девушка, 280 юношей, в возрасте от 15 до 24 лет ($M=18,9$; $SD=1,98$).

Как было отмечено выше, юношеской возраст наиболее чувствителен для формирования ценностно-смысловой сферы личности, поэтому в исследовании важно было учесть возможность одновременного изучения ценностно-смысловой сферы и свойств темперамента. В связи с этим были отобраны методики, предназначенные для диагностики темперамента и прошедшие необходимую психометрическую проверку на надежность и валидность, адаптированные к русской культуре и позволяющие изучать юношеский возраст:

- «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» (ОФДСИ) В. М. Русалова;

- «The Formal Characteristics of Behavior–Temperament Inventory» (FCB-TI) Я. Стреляу, в адаптации О. Митиной, Б. Завадского, Ю. Бабаевой, Т. Менчук;
- «Eysenck Personality Inventory» (EPI) Г. Айзенка, в адаптации А. Г. Шмелева;
- Опросник Грея–Уилсона, в адаптации Г. Г. Князева.

Помимо этого, была включена русская версия опросника «Big Five Inventory – 2» (BFI-2) К. Дж. Сото и О. П. Джона, в адаптации С. А. Щербетенко, А. Ю. Калугина, А. М. Мишкевич, так как по многочисленным свидетельствам концепт «Большая пятерка» имеет значительную биологическую детерминацию.

Для изучения ценностно-смысловой сферы использовались интегративные методики:

- Тест «Аксиологическая направленность личности» (АНЛ) А. В. Капцова;
- Тест «Смыслжизненных ориентаций» (СЖО) Дж. Крамбо и Л. Махолика, в адаптации Д. А. Леонтьева;
- «Шкала чувства связности» (ШЧС) А. Антоновского в адаптации М. Н. Дымщица.

Методы математико-статистической обработки: анализ главных компонент (Principal Component Analysis, PCA).

Результаты

На первом этапе анализа данных был проведен анализ главных компонент на переменных темперамента, Varimax-вращение. Одной из задач на этом этапе было определение оптимального количества главных компонент, с помощью критерия Кайзера было определено 6 главных компонент, в совокупности описывающих 67,33% общей дисперсии переменных. Однако это не является свидетельством лучшего варианта, поэтому был построен график Кеттелла, согласно которому можно рассматривать также вариант с 2 и 4 главными компонентами. Содержательный анализ альтернативных моделей привел нас к выбору в пользу модели с четырьмя компонентами (ДОД=58,84%): первая компонента включает различные проявления эмоциональности и, вероятно, характеризует эмоциональную стабильность – нестабильность (нейротизм); вторая компонента представлена экстраверсией, активностью и различными аспектами коммуникативной сферы по В. М. Русалову, вероятно, это клас-

сическая компонента — экстраверсия—интроверсия. Таким образом, первые две компоненты отражают традиционную двухфакторную структуру темперамента. Третья компонента представлена системой активации поведения (импульсивностью) по Дж. Грею с добросовестностью и доброжелательностью на противоположном полюсе, возможно, данная компонента характеризует «Силу суперэго», по терминологии Г. Айзенка. Четвертая компонента состоит из проявлений интеллектуальной сферы по В. М. Русалову и открытости опыту (BFI-2) и, по всей видимости, отражает формально-динамический аспект интеллекта (см.: Русалов, 2012).

Далее был проведен РСА на переменных ценностно-смысловой сферы, Varimax-вращение, на основе критерия Кайзера количество компонент было ограничено двумя. Первую компоненту составили все шкалы методики АНЛ, таким образом, ее можно охарактеризовать как «Ценностные ориентации». Вторая компонента была представлена методиками СЖО и ШЧС, обобщая, можно обозначить ее как «Смыслжизненные ориентации».

На основе выделенных главных компонент каждому респонденту были присвоены нормализованные оценки, характеризующие их отношение к каждой компоненте. Таким образом, были получены шесть новых переменных (четыре связанных с темпераментом и две — с ценностно-смысловой сферой личности): «Эмоциональная стабильность», «Экстраверсия», «Сила суперэго», «Интеллект», «Ценностные ориентации» и «Смыслжизненные ориентации».

Следующий этап был связан с проведением РСА на вторичных редуцированных переменных (varimax-вращение, количество компонент определено по критерию Кайзера). Была получена трехкомпонентная структура: первая компонента объединила «Эмоциональную стабильность» (0,855) и «Смыслжизненные ориентации» (0,767), вторая — «Силу суперэго» (0,857) и «Ценностные ориентации» (0,775), третья — «Экстраверсию» (0,845), «Интеллект» (0,489) и частично «Смыслжизненные ориентации» (0,423). В совокупности три компонента объяснили 68,5% общей дисперсии вторичных переменных.

Обсуждение результатов

Первичная редукция данных была проведена отдельно по шкалам темперамента и затем по переменным ценностно-смысловой сферы. Это позволило выделить обобщенные свойства темперамента и обобщенные свойства ценностно-смысловой сферы личности — те осо-

бенности индивидуальности, которые являются общими для разных авторских концептов.

Согласно предварительному теоретическому анализу, мы ожидали обнаружить две ключевые характеристики темперамента — экстраверсию и нейротизм, — и действительно, первые две компоненты, вероятно, описывают именно эти две характеристики. Следующие характеристики тоже достаточно четко выделяются и интерпретируются — это «сила суперэго» (противоположность психотизма по Г. Айзенку) и интеллектуальные особенности индивидуальности. Следует отметить, что черты «Большой пятерки» хорошо согласовывались с разными аспектами темперамента, что лишний раз подтверждает сходство концепций «черт личности» и «индивидуальности», а также поднимает важную проблему осмысления содержательных сходств и различий этих подходов.

Разделение ценностных и смысложизненных ориентаций на две самостоятельные компоненты говорит об их сущностных различиях. Ценности — это общественные эталоны, руководящие принципы социального общежития, однако признание значимости той или иной ценности личностью не означает следование ей (этим отличаются эксплицитные и имплицитные ценности, см. два подхода к изучению ценностей Ш. Шварца: нормативные идеалы и индивидуальные приоритеты). Смысложизненные ориентации — это то, на что человек реально опирается в своей повседневной жизнедеятельности, то, как он воспринимает жизнь, которую проживает. Оценка, осмысление своей жизни заставляет человека воспринимать себя как целостное существо, взаимодействующее с миром как с целым. В отличие от ценностных ориентаций, в смысложизненных ориентациях мир не дробится на части, не фрагментируется, а воспринимается как целое. Это означает, что человек оценивает не свое взаимодействие с семьей или с работой, или с хобби отдельно, а охватывает то общее, что характеризует все многообразие его взаимодействия с миром. Восприятие себя как целого означает осознание того, что с миром взаимодействует не только ментальное Я, но и тело, т. е. конституция, особенности нервной системы и темперамента и т. п. Оценка человеком собственного взаимодействия с миром представлена в переживании.

Использование РСА к обобщенным свойствам темперамента и ценностно-смысловой сфере личности позволило обнаружить то общее, что связывает темперамент и личность. В частности, смысложизненные ориентации оказались на одном полюсе с эмоциональной стабильностью (противоположный полюс нейротизма),

что хорошо согласуется с представленным выше объяснением. Эмоционально устойчивый человек легче переносит тяготы жизни, он уверен в себе и своих силах, готов преодолевать препятствия, встающие на его пути (отсюда существенная нагрузка смысловых ориентаций в блоке с экстраверсией), что связано с его высокими оценками позитивного взаимодействия с миром.

Другая компонента связывает «силу суперэго» с ценностными ориентациями. Психогенетические исследования «Большой пятерки» продемонстрировали сильную наследственную составляющую в таких чертах, как «доброжелательность» и «добросовестность» (Vernon, Villani, Vickers et al., 2008). Биологической основой их, помимо всего прочего, может быть «сенсорная чувствительность», которая со значимыми весами вошла в компоненту, обозначенную нами, вслед за Г. Айзенком, как «сила суперэго». Способность человека реагировать даже на слабые стимулы среды позволяет ему быть чутким к социальному взаимодействию, а взаимодействие в обществе требует игры по определенным правилам. Иными словами, развитая чувствительность подталкивает к принятию общественных норм и правил, к усвоению социальных ценностей. Отсюда — нечувствительность к другому и к миру в целом может быть основой психотизма, ухода в фантазии и слабого усвоения норм и ценностей.

Последняя компонента связывает экстраверсию, интеллект и смысловые ориентации. Экстраверсия — это ориентация на внешний мир (в противоположность интроверсии — ориентации на внутренний мир). Вероятно, взаимодействие с миром требует актуализации интеллектуальных ресурсов, отсюда и связь с интеллектом. Смысловые ориентации, как обсуждалось выше, — это, прежде всего, ориентации на осмысление взаимодействия с миром. Вероятно, люди, которые чувствуют позитивную связь с миром — это люди эмоционально устойчивые и экстравертированные.

Заключение

Итак, была получена структура взаимосвязей обобщенных свойств темперамента и обобщенных особенностей ценностно-смысловой сферы личности, которая демонстрирует связь между этими конструктами. Взаимосвязь обобщенных переменных имеет больший вес, нежели взаимосвязи отдельных свойств индивидуальности, так как описывает связь ядерных характеристик темперамента и ценностно-смысловой сферы личности.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Волкова Е. В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Волочков А. А.* Активность субъекта бытия: Интегративный подход. Пермь: ПГПУ, 2007.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Калугин А. Ю.* Взаимосвязь свойств темперамента с характеристиками ценностно-смысловой сферы личности в контексте пола // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2017. № 1. С. 3–21.
- Калугин А. Ю.* Вклад свойств темперамента в ценностно-смысловую сферу личности // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2016. № 2. С. 22–31.
- Калугин А. Ю.* Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): Дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2015.
- Русалов В. М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис ... докт. психол. наук. Кострома, 2014.
- McCrae R. R., Costa P. T. Jr.* The five-factor theory of personality // Handbook of personality: Theory and research. 3rd ed. / Eds O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin. N. Y.: Guilford Press, 2008. P. 159–181.
- Vernon P. A., Villani V. C., Vickers L. C., Harris J. A.* A behavioral genetic investigation of the Dark Triad and the Big 5 // Personality and Individual differences. 2008. Т. 44. № 2. P. 445–452.

Generalized properties of temperament and value-semantic sphere of personality

A. Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

The study explores the relationship of the generalized properties of temperament and value-semantic sphere of personality. Participants of the study were 511 people, including 231 girls, 280 boys, aged 15 to 24 years ($M=18,9$; $SD=1,98$). At the first stage, principal component analysis (PCA) was used. Four components reflecting the generalized properties of temperament and two components reflecting the generalized properties of the value-semantic sphere of personality were identified. Based on the identified principal components each respondent was assigned normalized scores, thus secondary variables were obtained: “Emotional Stability”, “Extraversion”, “Superego Strength”, “Intellect”, “Value Orientations” and “Life-Meaning Orientations”. Next, the PCA was conducted using secondary variables. The first component included “Emotional Stability” and “Life-Meaning Orientations”, the second component was represented by “Superego Strength” and “Value Orientations”, the third component is “Extraversion”, “Intellect” and partly “Life-Meaning Orientations”.

Keywords: temperament, value-semantic sphere of personality, multi-level properties of individuality, individuality.

Половые различия в поведенческих индикаторах открытости опыту

А. М. Мишкевич*, С. А. Шебетенко**

* Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь
arinamishkevich@ya.ru

** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва
sshchebetenko@hse.ru

Исследование посвящено выделению поведенческих индикаторов черты личности «открытость опыту», входящей в Большую Пятерку. 357 студентов пермских вузов заполняли вопросник черт и давали интервью, видеозапись которого в дальнейшем оценивали 3 эксперта-психолога. Кодировка поведения осуществлялась с помощью 64 индикаторов Риверсайдской поведенческой q-сортировки. В целом открытость опыту в лучшем случае слабо коррелировала с поведенческими индикаторами. Структура индикаторов открытости опыту заметно менялась в зависимости от пола респондента. Среди мужчин индикаторы соответствовали профилю черты открытости и касались проявления интеллекта, фантазии, оригинальности и нестереотипности в поведении. Женские поведенческие индикаторы открытости больше совмещались с индикаторами экстраверсии и в целом имели коммуникативный характер. В работе обсуждаются возможные причины выявленных связей.

Ключевые слова: поведение, личность, Большая Пятерка, открытость опыту, q-сортировка.

Традиционно черты личности измеряются с помощью тестов. Черты личности представляют собой обобщенные тенденции в поведении человека, и потому обобщенные мнения людей о своем поведении являются валидным показателем черт. При этом перед исследователями возникает ряд вопросов. Насколько такие обобщенные тенденции сопряжены с поведением человека в той или иной конкретной, ограниченной временными, пространствен-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-00034.

ными и коммуникативными рамками ситуации, а также отличаются ли мужчины и женщины в том, как обобщенные суждения о чертах могут предсказывать поведение?

Черты устойчиво коррелируют с различными видами поведения на макроуровне, т. е. в ситуациях высокой степени абстракции и временной продолжительности. Например, установлена связь черт с учебной успеваемостью, частотой социальных контактов, активностью в социальных сетях и т. д. (см., например, Lodi-Smith, Roberts, 2007). На поведенческом макроуровне открытость опыту как черта, входящая в состав пятифакторной модели (Goldberg, 1990), связана с предпочтениями в искусстве и с когнитивными успехами (Cuperman, Ickes, 2009). Однако предположение о том, будет ли открытость опыту коррелировать с частными формами поведения, наблюдаемыми в конкретных ситуациях, требует дополнительной проверки.

При этом в самоотчетных тестах, как правило, не обнаруживаются половые различия в открытости опыту, но они есть в отдельных фасетах данной черты: женщины более эстетичны и открыты чувствам, мужчины более открыты идеям (Costa, Terracciano, McCrae, 2001).

Существует несколько методик, направленных на кодирование наблюдаемых поведенческих индикаторов. Основаны они, как правило, на методологии q-сортировки (Block, 1961; Funder, Furr, Colvin, 2000), когда эксперту предлагается пронаблюдать поведение объекта, а затем распределить карточки с поведенческими индикаторами по группам от «очень нехарактерно для человека либо противоречит его поведению» до «очень характерно для человека». Количество карточек в каждой группе образует квазинормальное распределение: распределение симметрично, а число карточек увеличивается от крайних групп к центральной.

Одной из таких методик является Риверсайдская поведенческая q-сортировка (Riverside Behavioral Q-Sort; RBQ) (Funder, Furr, Colvin, 2000). RBQ содержит 64 характеристики, описывающих поведение человека на «среднем» уровне (например, «кажется расслабленным, чувствует себя комфортно»); иными словами, поведение не сводится до конкретных поведенческих актов (например, количество кивков), но и не является результатом обобщенной интерпретации экспертов (например, «авторитарный стиль общения»).

В ряде зарубежных исследований показано, что поведенческие индикаторы RBQ умеренно коррелируют с чертами личности Большой Пятерки (Funder, Furr, Colvin, 2000; и др.). В частности, откры-

тость опыту обнаруживает несколько слабых и умеренных корреляций с поведенческими индикаторами. Например, при исследовании детей всего 8 характеристик методики имели значимые корреляции с открытостью опыту (Markey, Markey, Tunsley, 2004).

Целью данной работы стало выявление поведенческих индикаторов открытости опыту на российской выборке. Мы также изучали то, насколько эти индикаторы будут сохраняться при сравнении мужчин и женщин.

Участники исследования: в исследовании приняли участие 400 чел. и три эксперта, оценивавших поведение испытуемых. По техническим причинам эксперты не смогли оценить 19 видеозаписей, которые были исключены из анализа.

Методы исследования и исследовательский план

Исследование состояло из несколько этапов: сначала все участники заполняли опросник черт – русскоязычную версию (Shchebetenko, 2014) вопросника Big Five Inventory (BFI; John, Naumann, Soto, 2008). Субшкалы BFI показали хорошую внутреннюю согласованность, $\alpha=0,84, 0,73, 0,83, 0,84, 0,84$, для экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости соответственно.

После этого испытуемых приглашали поучаствовать еще в одном исследовании – изучении образа вуза. Участники по одному проходили в соседнюю комнату, где находился интервьюер и стояла видеокамера. Интервьюер задавал 11 вопросов на тему представлений о вузе, где обучался участник. Интервьюерами были три человека: двое юношей (один провел 169 интервью (47,3%); второй – 20 интервью (5,6%)) и девушка (168 интервью (47,1%)). В дальнейшем поведение каждого участника по видеозаписи было оценено тремя экспертами-психологами посредством RBQ.

Мы осуществили перевод 64 характеристик RBQ на русский язык. Перевод был оценен экспертами-лингвистами, после чего был осуществлен обратный перевод характеристик на английский язык с последующим обсуждением и коррекцией пунктов, расходящимся с англоязычным оригиналом.

Оценки эксперта по отдельному испытуемому учитывались только при корреляции не менее 0,3 с одним экспертом и 0,2 со вторым. При несогласованности оценок одного из экспертов с двумя другими, его оценки исключались из анализа. Таким образом, видеозаписи 24 участников были исключены. Значение характеристики поведения определялось как ее средний показатель между оценками экспертов.

Итоговую выборку составили 357 чел.; среди них – 116 мужчин (32,5%). Возраст участников варьировался от 17 до 24 лет ($M=19,05$; $SD=1,07$). Все участники являлись студентами непсихологических специальностей пермских вузов.

Результаты

На первом этапе были посчитаны корреляции всех пунктов RBQ с открытостью опыту. Было обнаружено 15 значимых корреляций, размер которых не превышал $r=-|0,18|$. Семь из соответствующих 15 характеристик поведения также коррелировали с экстраверсией, 2 пункта коррелировали с доброжелательностью и экстраверсией, 1 пункт – с добросовестностью. Таким образом, лишь 5 поведенческих характеристик коррелировали с открытостью опыту; размер этих корреляций не превышал $r=-|0,13|$. Поведенческими индикаторами открытости опыту оказались следующие характеристики: «демонстрирует широкий круг интересов» ($r=0,11$), «выражает сочувствие, солидарность к партнеру» ($r=0,13$), «выражает интерес к фантазиям или грезам» ($r=0,12$), «говорит или совершает что-либо интересное во время взаимодействия» ($r=0,12$), «ведет себя дурашливо» ($r=-0,12$).

Поскольку поведенческие индикаторы черт могут иметь половые различия (Funder, Furr, Colvin, 2000), были посчитаны корреляции каждого поведенческого индикатора с открытостью опыту отдельно для мужчин и женщин. Интересно, что корреляции существенно выросли (максимальный для мужчин и женщин $r=-|0,26|$). Кроме этого, у мужчин и женщин не совпал ни один поведенческий индикатор.

В частности, открытость опыту была выше, среди тех мужчин, кто избегал зрительного контакта с интервьюером ($r=-0,21$), проявлял высокий уровень интеллекта ($r=0,18$), имел необычный или нетрадиционный внешний вид ($r=0,20$), проявлял интерес к фантазиям ($r=0,21$) и говорил или делал нечто интересное во время взаимодействия ($r=0,26$). Эти характеристики не коррелировали с другими чертами личности, и поэтому могут считаться индикаторами открытости опыту у мужчин. Сочувствие и солидарность с партнером ($r=0,20$), а также отсутствие чувства вины ($r=-0,18$) коррелировали как с открытостью опыту, так и с экстраверсией. Гендерно стереотипное поведение проявлялось как при низкой открытости ($r=-0,21$), так и при повышенной добросовестности.

Таким образом, открытые опыту мужчины демонстрировали интеллект, эрудированность, интерес к фантазиям, совершали интеле-

ресные действия в процессе интервью, а также избегали зрительного контакта и не выглядели виноватыми. Открытым опыту мужчинам было свойственно скорее «женственное» поведение и необычный внешний вид.

Среди женщин открытость опыту была выше, если они сотрудничали с интервьюером ($r=-0,13$), больше обвиняли других в чем-либо ($r=0,17$) и больше сравнивали себя с другими ($r=0,20$). Эти характеристики не коррелировали с другими чертами личности, и поэтому могут считаться индикаторами открытости опыту у женщин. Еще десять поведенческих характеристик коррелировали как с открытостью, так и с экстраверсией, включая следующие характеристики: «отсутствие осознания того, что ее снимают или она участвует в эксперименте» ($r=-0,19$), «отсутствие дурашливости» ($r=-0,18$), «сопротивление при встрече с препятствиями» ($r=-0,16$), «вовлеченность во взаимодействие» ($r=-0,15$), «готовность делиться информацией о себе» ($r=0,14$), «захват инициативы во взаимодействии» ($r=0,16$), «болтливость» ($r=0,16$), «встречные вопросы интервьюеру» ($r=0,17$), «заинтересованность в словах интервьюера» ($r=0,26$) и «склонность с ним спорить» ($r=-0,25$). Наконец, подчеркивание своей физической привлекательности наблюдалось как при пониженной открытости ($r=-0,14$), так и при высокой добросовестности и высокой экстраверсии.

Таким образом, индикаторы открытости опыту среди девушек заметно отличались от индикаторов открытости опыту среди юношей.

Обсуждение результатов

Черты личности представляют собой обобщенные тренды в поведении человека. В нашем исследовании мы показываем, что такие обобщенные тренды могут коррелировать со множеством форм конкретного поведения, которые человек успел проявить за несколько минут интервью. В настоящем исследовании это касалось одной из базовых черт личности – открытости опыту. Слабые корреляции открытости опыту с поведением, измеряемым RBQ, были обнаружены и в предыдущих исследованиях (напр.: Markey, Markey, Tinskey, 2004). Однако выявленные связи имели отношение только к женщинам, но не к мужчинам. Для мужчин были обнаружены умеренные корреляции поведенческих индикаторов с открытостью, причем содержательный набор поведенческих индикаторов открытости опыту различался у женщин и мужчин.

В выборке мужчин эти взаимосвязи были установлены между открытостью опыту и характеристиками интеллекта, фантазии, оригинальности и нестереотипного поведения. Напротив, женские поведенческие индикаторы открытости опыту были связаны с характеристиками коммуникативной активности. Это касалось как уникальных индикаторов открытости опыту у женщин, так и большого числа индикаторов, общих как для открытости опыту, так и для экстраверсии у девушек. При этом корреляции с экстраверсией для этих индикаторов были значительно сильнее, чем с открытостью. Взаимосвязь экстраверсии и открытости опыту согласуется с моделью стабильности/пластичности (De Young, 2015), где две данные черты образуют фактор личности высшего порядка – пластичность. Хотя в данном исследовании мы не оценивали взаимодействие экстраверсии и открытости с помощью регрессионного анализа, можно предположить, что экстраверсия элиминирует значительную долю связей открытости опыту с данными индикаторами поведения. Таким образом, у женщин, по сравнению с мужчинами, индикаторы поведения, связанные с когнитивной сферой, вообще не показали сопряженности с открытостью опыту.

Как можно объяснить подобный паттерн взаимосвязей? Первое допущение касается половых различий в содержании черты «открытость опыту». Возможно, что мужчины, определяя эту особенность, действительно используют поведенческие признаки открытости: когнитивную активность, креативность и нестереотипность поведения, тогда как у женщин признаки открытости опыту оказываются смешанными с признаками экстраверсии. Именно поэтому девушки с выраженными признаками открытости опыту демонстрировали широкий спектр индикаторов коммуникативной активности. Среди мужчин такие совмещения открытости и экстраверсии также наблюдались, но значительно реже (2 против 10 «общих» корреляций). В этом смысле настоящее исследование ставит вопрос о том, какие именно поведенческие индикаторы используют люди при определении своих черт личности, и насколько эти поведенческие индикаторы релевантны соответствующей черте.

Альтернативная интерпретация полученных результатов касается специфики ситуации, в которой проводилось исследование. Напомним, что это было диалоговое интервью, проходившее в университете, в котором обучались респонденты. Интервьюеры были незнакомыми людьми, близкими по возрасту респондентам. Возможно, что мужчины и женщины по-разному использовали свою открытость опыту в такой ситуации. Так, женщины с высокой от-

крытостью опыту могли проявить большую адаптивность, используя свои коммуникативные навыки в подходящей ситуации. Именно поэтому были обнаружены корреляции между открытостью опыту и экстраверсией, с одной стороны, и целым набором коммуникативных индикаторов, с другой. Возможно, что в другой ситуации, более адекватной проявлению когнитивных качеств и креативности, женщины с выраженной открытостью опыту показали бы иной паттерн поведения. Напротив, мужчины с высокой открытостью опыту могли продемонстрировать большую ригидность, в меньшей степени заботясь о проявлении в ситуации коммуникативных навыков. Вместо этого они, используя различные поведенческие средства, продемонстрировали повышенную открытость опыту. Следует отметить, что данное исследование не позволяет проверить эти альтернативные гипотезы. В будущих исследованиях это можно сделать, в частности, за счет варьирования содержания предъявляемых ситуаций.

Литература

- Block J.* The Q-sort method in personality assessment and psychiatric research. Springfield, IL: Thomas, 1961.
- Costa Jr. P. T., Terracciano A., McCrae R. R.* Gender differences in personality traits across cultures: robust and surprising findings // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. V. 81. № 2. P. 322–331.
- Cuperman R., Ickes W.* Big Five predictors of behavior and perceptions in initial dyadic interactions: Personality similarity helps extraverts and introverts, but hurts “disagreeables” // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 97. № 4. P. 667–684.
- DeYoung C. G.* Cybernetic Big Five theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. V. 56. P. 33–58.
- Goldberg L. R.* An alternative “description of personality”: the big-five factor structure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59. № 6. P. 1216–1229.
- Funder D. C., Furr R. M., Colvin C. R.* The riverside behavioral Q-sort: A tool for the description of social behavior // *Journal of Personality*. 2000. V. 68. № 3. P. 451–489.
- John O. P., Naumann L. P., Soto C. J.* Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy // *Handbook of personality: Theory and research* / O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin (Eds). N. Y.: Guilford Press, 2008. P. 114–158.
- Lodi-Smith J., Roberts B. W.* Social investment and personality: A meta-analysis of the relationship of personality traits to investment in work, fami-

ly, religion and volunteerism // *Personality and Social Psychology Review*. 2007. V. 11. № 1. P. 68–86.

Markey P. M., Markey C. N., Tinsley B. J. Children's behavioral manifestations of the Five-factor model of personality // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. V. 30. № 4. P. 423–432.

Shchebetenko S. A. “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 3. С. 129–148.

Behavioral indicators of openness to experience

A. M. Mishkevich*, *S. A. Shchebetenko***

* Perm State University, Perm

** National Research University Higher School of Economics, Moscow

The study is devoted to the identification of behavioral indicators of personality trait of openness (The Big Five) in the Russian sample. The study involved 381 people, students of Perm universities. Participants filled out a personality traits questionnaire and gave interviews. Behavior of participants was analyzed by three experts using the Riverside Behavioral Q-Sort. As a result, the openness to experience was weakly correlated with behavioral indicators. The structure of the indicators of openness significantly changed depending on the gender of the participant. Among men, the indicators were consistent with the profile traits of openness and dealt with the manifestations of intellect, of imagination, originality and unusual behavior. Women's behavioral indicators of openness were more combined with indicators of extroversion and had a more communicative character. The possible reasons for these results are discussed in the article.

Keywords: behavior, personality, Big Five, openness to experience, q-sort.

Дифференциально-типологические ресурсы академической успешности и саморазвития: состояние проблемы

В. И. Моросанова, И. Н. Бондаренко

Психологический институт РАО, Москва
morosanova@mail.ru
pondi@inbox.ru

Обосновывается научная необходимость и актуальность разработки новых фундаментальных представлений об индивидуально-типологических механизмах осознанной саморегуляции учебной деятельности на основе создания типологии учащихся с различными дифференциально-типологическими профилями регуляторных и личностных ресурсов академических достижений. Для решения этой задачи ведется эмпирическое исследование на масштабной выборке учащихся средней и старшей ступеней обучения.

Ключевые слова: саморегуляция, типология, ресурсы, академические достижения, саморазвитие.

В работах Л. И. Анцыферовой, чей юбилей мы отмечаем в этом году, можно встретить указания на роль осознанной саморегуляции (СР) в развитии личности человека. Так, она писала: «...личность выступает как субъект, сознательно соотносящий цели и мотивы действий, намеренно формирующий ситуации своего поведения, стремящийся предусмотреть прямые и косвенные результаты собственных действий, способный к переделке стихийно сложившихся психических свойств, к произвольному повышению или понижению значимости своих целей, а также к адекватному соотносению собственных возможностей с социальными задачами и требованиями деятельности» (Анцыферова, 1989, с. 432). На современном этапе развития образовательной системы пристальное внимание уделяется индивидуализированным технологиям оптимизации психологических ресурсов учащихся для решения основных задач учебной

Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00257а.

деятельности. В основе такой оптимизации лежит индивидуальный подход – принцип педагогики, согласно которому в учебно-воспитательной работе с детьми учитываются индивидуальные особенности каждого ребенка. Отмечается, что без учета индивидуальности педагогическое воздействие может оказать на ученика совсем не такое влияние, на которое оно было рассчитано.

В этой связи проблема выявления индивидуально-типологических особенностей взаимосвязи осознанной СР и личностных свойств в качестве ресурса успеваемости как никогда актуальна. Исследований в этой области крайне мало. Большинство посвящено изучению когнитивных предикторов, среди которых наиболее значимыми по вкладу в академические достижения являются: скорость переработки информации, чувство числа, пространственная память и время реакции (напр.: Тихомирова, Малых, Тосто и др., 2014; Geary, 2011; Rohde, Thompson, 2007; и др.). Эти базовые процессы лежат в основе когнитивных процессов более высокого порядка (Ackerman, Beier, Boyle, 2005; Colom, Rebollo, Abad et al., 2006). Интеллект при этом является «центральной ядром» во взаимосвязи когнитивной сферы и академической успешности (Rinderman, Neubauer, 2004; Deary, Strand, Smith et al., 2007; Sternberg, Grigorenko, Bundy, 2001; и др.). Наибольшее количество эмпирических работ выполнено на основании моделей таких исследователей как В. Zimmerman, R. Baumeister, М. Boekaerts, Р. Pintrich.

Все чаще исследователи в качестве ресурса достижения учебных целей рассматривают факторы саморегуляции, такие как исполнительные функции (Алексеев, Рупчев, 2010; Ахутина и др., 2016; Мачинская, 2015; Diamond, 2013; Norman, Shallice, 1986; Salthouse, 2005; Stuss, 2011). Сегодня изучается целый ряд функций, таких как инициация и остановка деятельности, планирование, подавление, переключение, рабочая память (Broadway et al., 2010; Friedman, 2012; Jewsbury et al., 2016; McCabe et al., 2010; Baddeley, 2012; и др.). В отечественной психологии комплексные и последовательные исследования проводятся в рамках психологии саморегуляции достижения учебных целей (В. И. Моросанова, Т. В. Корнилова, Е. А. Сергиенко, Д. А. Леонтьев).

Мета-анализ результатов зарубежных работ, обобщивший значительный эмпирический материал по изучению некогнитивных факторов как предикторов успешности обучения (Robbins et al., 2004), предложил объединить их следующим образом: личностные черты, мотивационные факторы, саморегуляция, общий подход к обучению, контекстные факторы.

В отечественной психологии комплексные и последовательные исследования проблемы регуляторных и личностных предикторов как ресурсов академической успеваемости проводятся в ПИ РАО под руководством В. И. Моросановой. Мы используем интегративную когнитивно-личностную модель СР и рассматриваем саморегуляцию как метасистему когнитивных и личностных ресурсов осознанного выдвижения целей и организации их достижения. Зарубежные модели, различаясь в частности, как правило, также включают инструментальные когнитивные и метакогнитивные инструкции, постановку целей и собственные мотивационные стратегии (В. Zimmerman, D. Schunk, R. Baumeister, M. Boekaerts, A. Bandura, P. Winnie, P. Pintrich).

В настоящее время мы продолжаем ранее проводившиеся нами исследования вкладов некогнитивных предикторов – саморегуляции, академической мотивации, личностных особенностей в академическую успеваемость учащихся с 6 по 11 классы. Ранее нами были построены на выборках учащихся каждого из перечисленных классов структурные модели личностных и регуляторных предикторов академической успешности (Morosanova et al., 2018). Это позволило нам в первом приближении выявить общие закономерности вклада некогнитивных предикторов в успеваемость и показать, как изменяются эти вклады в зависимости от образовательных и личностных задач, стоящих перед обучающимися в средней и старшей школе.

На современном этапе разработки данной тематики представляется закономерным переход к исследованию индивидуально-типологических проявлений выявленных общих закономерностей.

Использование в этом проекте развиваемых нами дифференциального и ресурсного подходов расширит возможности прогнозирования индивидуальных результатов обучающихся в средней школе. А также позволит ответить на вопрос, актуальный и в теоретическом, и в практическом смысле: какие компоненты СР интегрируют личностные и мотивационные особенности обучающегося, с целью обеспечения его академической успешности, и каким образом? В каких случаях СР обеспечивает поддержание успеваемости на оптимальном уровне, а в каких способствует развитию и высоким достижениям? Ответы на эти вопросы будут иметь научную ценность, так как позволят прояснить регуляторные механизмы компенсации негативного влияния на академические достижения личностных особенностей.

Отметим, что выполненные ранее исследования позволили изучить экстраверсию и нейротизм как дифференциальную основу профилей СР (Моросанова, Коноз, 2001; Моросанова, Плахотникова, 2007), проанализировать структуру, общие закономерности и ин-

дивидуально-типологические различия во взаимосвязи СР учебной деятельности, мотивации и отношения к учению (Моросанова, Фомина, Цыганов, 2017). Таким образом, удалось показать, что существуют дифференциально-типологические особенности саморегуляции, данные человеку от природы в силу его темперамента и акцентуаций характера (Моросанова, Коноз, 2001; Моросанова, Плахотникова, 2007; Моросанова, Фомина, Цыганов, 2017). По существу – это индивидуальные резервы саморегуляции, которые при высоких степенях развития осознанной СР могут осознаваться субъектом активности и превращаться в психологические ресурсы – сначала достижения целей поведения, а по мере взросления и накопления опыта – в ресурсы саморазвития (Моросанова, 2014).

Отметим, что нам не удалось обнаружить аналогичные масштабные и комплексные исследования индивидуально-типологических профилей СР и личностных свойств в отечественной и зарубежной психологии. В связи с саморегуляцией и успешностью изучаются: годы обучения, достигнутые результаты (оценки преподавателя, стандартизированные результаты тестирования), предсказательная сила СР для оценки производительности труда, здоровья (цит. по: Duckworth, 2013), стратегии СР и результативность достижения в зависимости от момента начала процесса регуляции (Gollwitze et al., 2011). Но пока исследования в этом направлении ограничены небольшими выборками и очень узкой тематикой, связанной с конкретными практическими задачами.

Сложность ответа на поставленные вопросы усугубляется тем, что необходимо учитывать задачи ведущей деятельности, стоящие перед обучающимися (учебная деятельность, интимно-личностное общение, учебно-профессиональная деятельность). Только такой детальный анализ профилей позволит практикам наметить мишени психологической и педагогической помощи учащимся. Отметим, что ранее был нами получен положительный опыт построения личностно-регуляторных типологий, имеющих практическое значение для отдельных профессиональных групп (спасатели, педагоги, спортсмены, политики) (Моросанова, 2011; Моросанова, Индина, 2008; Моросанова, Кондратюк, 2011; Моросанова, Фомина, 2013).

Подводя итог обзору современного состояния проблемы исследования, отметим, что построение психологической типологии учащихся с различными дифференциально-типологическими профилями, включающих их регуляторные, личностно-диспозиционные и мотивационные ресурсы, соответствует мировой тенденции к построению сложных многофакторных моделей детерминации

психических явлений. Углубление представлений о личностно-регуляторных механизмах достижения учебных целей послужит научной основой для разработки индивидуализированных технологий при работе с учащимися, что, в свою очередь, явится реальным вкладом не только в академические достижения обучающихся, но и внесет вклад в их психологическое благополучие в школе.

Литература

- Анциферова Л. И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / Сост. Е. В. Филиппова; отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 426–433.
- Бондаренко И. Н., Цыганов И. Ю., Моросанова В. И.* Регуляторные и личностные предикторы познавательной активности учащихся // Личность, интеллект, метакогниции: Материалы II Международной научно-практической конференции. 20–22 апреля 2017. Калуга, 2017. С. 51–59.
- Моросанова В. И.* Развитие теории осознанной саморегуляции: дифференциальный подход // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 106–118.
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция человека как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. С. 16–38.
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2017. С. 501–509.
- Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Цыганов И. Ю.* Осознанная саморегуляция и отношение к учению: типологические особенности учащихся как специальные ресурсы академической успешности // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 64–75.
- Цыганов И. Ю.* Индивидуально-типологические проявления взаимосвязи осознанной саморегуляции и отношения к учению с результатами выпускных экзаменов // Российский научный журнал. 2013. № 5 (36). С. 267–273.
- Morosanova V. I., Fomina T. G., Kovas Y. V., Bogdanova O. E.* Cognitive and regulatory characteristics and mathematical performance in high school students // Personality and Individual Differences. 2016. P. 177–186.

Differential-typological resources of academic success and self-development: the state of the issue

V. I. Morosanova, I. N. Bondarenko

Psychological Institute RAE, Moscow

The article substantiates the scientific necessity and relevance of the development of new fundamental concepts of individual-typological mechanisms of conscious self-regulation of learning activity based on a creation of a typology of students with different differential-typological profiles of regulatory and personal resources of academic achievement. To achieve this goal we conduct an empirical research on a large sample of students of secondary and senior levels of education.

Keywords: self-regulation, typology, personality, noncognitive resources, academic success, self-development.

Средовая идентичность личности и моральные мотивы

С. К. Нартова-Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва
s-nartova@yandex.ru

Средовая идентичность — это представление о себе, демонстрирующее меру того, насколько человек переживает себя частью природы, чувствует себя укорененным в ней и подчиненным ее законам; это одна из многих идентичностей личности. Ранее проведенные работы показали, что средовая идентичность играет важную роль в выработке экологических установок и поддержании психологического благополучия субъекта. В настоящем исследовании изучается, не может ли средовая идентичность быть связана также и с моральными мотивами личности. Использовались Шкала средовой идентичности и Модель моральных мотивов. На выборке из 274 студентов (из них 218 женского пола) показано, что, в соответствии с нашими ожиданиями, средовая идентичность выполняет в жизни людей не только адаптивную и социализирующую функции, но также облагораживающую. Показатели средовой идентичности, мотивов непричинения вреда и усердия оказались выше в женской группе. Также показано, что средовая идентичность положительно связана со всеми моральными мотивами, но в женской группе — кроме социального порядка, а в мужской — кроме социальной справедливости и самоограничения. Таким образом, средовая идентичность действительно представляет собой феномен, способствующий расширению чувства взаимозависимости человека с живым миром, включая других людей.

Ключевые слова: средовая идентичность, моральный мотив, личность, проскриптивный мотив, прескриптивный мотив.

Современная психология личности становится все более дифференцированной и специализированной, с одной стороны, по

Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00216.

вышая требования доказательности, а с другой — иногда теряя связь с другими частными и конкретными областями познания и, как результат, не достигая высокого уровня обобщения. Нечто подобное происходит и в психологии среды, которая, возникнув как экологически валидная прикладная сфера познания человеческого поведения и личности, со временем, на наш взгляд, иногда утрачивает связь с классическими теориями личности, интерпретирующими человека как осмысленного, морально ответственного субъекта (Анцыферова, 1993). Поэтому актуальны и высоко востребованы подходы, которые не только изучают конкретные экологические привычки, действия или установки человека, а стараются увидеть целостную личность как часть природы и оценить последствия подобного понимания.

Средовая (природная) идентичность — это отношение человека к себе как части природы, переживание своей укорененности и неразрывной связанности с ней (Clayton, 2003). Это одна из человеческих идентичностей — наряду с социальной, этнической, экономической, религиозной и многими другими.

Понятие средовой идентичности возникло не сразу и не так уж давно проникло в отечественную психологию, хотя идея важности связи с природой для разных аспектов человеческой личности существовала практически всегда. Наиболее явно она была сформулирована еще А. Швейцером, постулировавшим в этике благоговения перед жизнью, что каждая форма жизни достойна уважения, и все живые существа имеют волю к жизни, которая, тем не менее, часто попирается другими живыми существами, чаще всего людьми, и поэтому людям должно испытывать экзистенциальную вину перед теми, кого они притесняют или уничтожают (Швейцер, 1973). Такое видение делает их гуманными и побуждает менять свое поведение в сторону более альтруистического.

Ближние идеи мы находим и в современных работах: так, Ш. Шварц утверждает, что ценность универсализма способна вывести человека за пределы его частного существования и понять другие формы бытия, способствуя любопытству и толерантности к этим формам (Шварц, Бутенко, Седова и др., 2012), а D. Crimston в теории моральной экспансивности отмечает, что люди различаются по тому, кого из других существ они готовы рассматривать в качестве субъектов морального отношения (Crimston, Bain, Hornsey et al., 2016).

Необходимо отметить, что в отечественной традиции изучения психологии личности присутствует выраженный тренд в сторону социального понимания личности и субъекта; отличная точка зрения представлена в основном лишь в психотерапевтических направлени-

ях, подчеркивающих важность осознания и интеграции собственной телесности в Я-концепцию человека. Лишь совсем недавно начались исследования, показывающие, что конструкты связанности с природой и средовой идентичностью, имея культурную специфику, все же хорошо работают и в российской культуре (Клейтон, Ирхин, Нартова-Бочавер, 2019; Чистопольская, Ениколопов, Николаев и др., 2017; Capaldi, Passmore, Ishii et al., 2017).

Связь с природой, понимание своей отнесенности к физическому конечному миру, конечно же, способны изменить мироотношение личности, потому что способствуют изменению эгоцентрической и антропоцентрической личностной позиции на трансцендентную, которая позволяет подняться над своими личными или видовыми интересами. Исследования показывают, что средовая идентичность связана с экологическими сознанием и поведением, готовностью участвовать в разных волонтерских активностях, подобных посадке деревьев в городе, а также положительно коррелирует с разными параметрами психологического благополучия — осознанностью, позитивным аффектом, концентрацией внимания (Чистопольская, Ениколопов, Николаев и др., 2017). Более того, показано, что средовая идентичность намного сильнее связана с эмпатией природе, чем людям (Клейтон, Ирхин, Нартова-Бочавер, 2019). Однако возникает вопрос — не может ли случиться, что, предсказывая про-экологическое поведение и психологическое благополучие самого субъекта, эта личностная характеристика никак не изменяет его нравственного отношения к другим людям? Обязательно ли человек, любящий самого себя, флору и фауну, так же хорошо относится к другим людям? Исследований, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, практически нет, хотя есть данные, свидетельствующие, что средовая идентичность значимо положительно связана с эгоистическими установками, слабее с биосферическими и еще слабее (хотя тоже положительно и значимо) — с альтруистическими (там же).

Исследовательский вопрос, который побудил нашу работу, звучит так: связана ли средовая идентичность с моральными мотивами? Мы предположили, что между ними возможна положительная связь, хотя солидного теоретического обоснования нам собрать не удалось, и потому исследование имеет скорее эксплораторный характер.

Процедура исследования

В исследовании приняли участие 274 студента московских вузов в возрасте от 17 до 21 года, из них 218 — женского пола.

Нами использовались два опросника – шкала Средовой идентичности С. Клейтон, адаптированная нами для русскоязычной выборки (Клейтон, Ирхин, Нартова-Бочавер, 2019), и опросник Модель моральных мотивов Р. Янофф-Бульман, также валидизированный нами (Janoff-Bulman, Carnes, 2013; Nartova-Bochaver, Kuznetsova, 2018). Шкала Средовой идентичности включает двадцать одно утверждение, оцениваемое по 5-балльной шкале; пример утверждения: «Я не знаю произведений искусства столь же прекрасных, как природа, – закат солнца или горная гряда». В опроснике нет отрицательных утверждений.

Модель моральных мотивов опирается на авторскую концепцию, различающую прескриптивные (побуждающие) и проскриптивные (запрещающие) моральные побуждения. Кроме того, эти побуждения могут быть адресованы или направлены на разные социальные объекты, среди которых отмечаются само действующее лицо, социальная группа и сообщество в целом. В результате сочетания мотивов и объектов получается шестифакторная модель моральных побуждений: проскриптивные мотивы – это самоограничение (self-restraint), непричинение вреда (not-harming), социальный порядок, общественная солидарность (social order), прескриптивные – это усердие (self-reliance, industriousness), помощь, честность (helping, fairness), социальная справедливость, ответственность (social justice). Все мотивы представляют собой дескрипторы безусловно позитивного социального поведения, но имеют разную направленность и содержание. Опросник включает 30 утверждений, по пять для каждой из шести шкал, оценка производится по 7-балльной шкале Ликерта. Примеры утверждений: «Для меня очень важно сохранять самоконтроль перед искушениями», «Я постоянно выделяю нужное время и прикладываю усилия для поддержания своего благополучия и успеха», «Главное правило в моей жизни – «не навреди»». В опроснике также нет отрицательных утверждений.

Результаты обрабатывались в программе Statistica v. 8.

Результаты

Все использованные шкалы имели хорошую согласованность в рамках данного исследования; α Кронбаха варьировала от 0,71 до 0,88. Несмотря на то, что выборка была не сбалансирована по полу, в свете предыдущих исследований мы ожидали, что будут присутствовать гендерные различия как по уровню выраженности средовой идентичности, так и по показателям моральных мотивов. Действительно,

расчет критерия Манна–Уитни показал, что в женской группе оказались выше показатели средовой идентичности, а также моральных мотивов непричинения вреда и усердия (соответственно, $U=4990$, $p=0,035$; $U=5054$, $p=0,046$; $U=4421$, $p=0,021$). Это означает, что девушки чувствуют себя существами, теснее связанными с природой, встроенными в природный цикл и чувствительными к ее влиянию. Кроме того, девушки более склонны к тому, чтобы в достижениях рассчитывать на самих себя и быть трудолюбивыми, а также легче отказываются от своих желаний, если это может доставить кому-то огорчение или вред.

Однако полученные предварительные данные сами по себе ничего не говорят о том, связаны ли моральные мотивы со средовой идентичностью. Для изучения этой связи был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона, в результате чего оказалось, что на общей группе до разделения по полу все моральные мотивы высоко значимо связаны со средовой идентичностью: коэффициент корреляции варьирует от 0,16 до 0,36 соответственно, уровень значимости — от 0,006 до $1 \cdot 10^{-5}$. Таким образом, в соответствии с ожиданиями оказалось, что близость и связь с природой, переживание принадлежности к миру природы действительно связаны со всеми моральными мотивами, как запрещающими — способствующими готовности поддерживать мировой порядок и ограничивать собственный гедонизм, так и побуждающими, т. е. стимулирующими активные действия по совершенствованию мира ценой собственных усилий.

Для получения данных о возможных гендерных различиях в этой связи мы разделили группу по полу, что привело к более нюансированным результатам. Так, в мужской группе сохранились все связи, кроме связи с мотивами социальной справедливости и самоограничения. Это говорит о том, что мотив социальной справедливости имеет иные, помимо средовой идентичности, предикторы во внутриличностной структуре юношей. Мотив, безусловно, значим, однако реализуется он без обращения к переживанию связанности с природой. Что касается мотива самоограничения, то нами уже было выше отмечено, что он слабее выражен в мужской группе, и вполне возможно, вообще представляет собой слабый моральный регулятор. Другие наши исследования также приводят к заключению о необычном онтологическом статусе этого мотива в юношеском возрасте — иногда он давал инвертированные по сравнению с другими моральными мотивами связи, иногда не проявлял себя вообще. По-видимому, в настоящий момент для качественной интерпретации содержания

этого мотива не хватает более репрезентативных, в первую очередь возрастных данных.

В женской группе средовая идентичность оказалась связана со всеми моральными мотивами, за исключением ограничивающего мотива социального порядка.

Заключение

Итак, наши эмпирические данные свидетельствуют о том, что средовая (природная) идентичность, несмотря на акцентирование принадлежности субъекта в первую очередь к миру природы, все же оказывает на него «облагораживающее» воздействие, будучи связанной с моральными мотивами, причем весьма разнообразными. В самом деле, люди, чувствующие свою близость миру природы, готовы ограничивать свои гедонистические проявления, поддерживать мировой порядок, прикладывать усилия для совершенствования мира, а также предпринимать разные другие активности ради блага других людей, как близких, так и существующих удаленно. Эти результаты свидетельствуют в пользу отсутствия сдвига между средовой и, по крайней мере, моральной идентичностью личности. Можно предположить, что механизмом переживания общности себя и природы, себя и других людей служит как раз трансцендентная способность личности, помогающая преодолеть эгоцентризм и антропоцентризм и принять право «иного» на существование и уважение. Однако вполне возможно, что полученные связи носят непрямой характер и модерированы разными переменными — полом, возрастом, опытом взаимодействия с природой, местом жительства.

В то же время даже эти итоги могут быть учтены в разработке разного рода психоразвивающих программ с подключением природной среды в явном или символическом виде с тем, чтобы такое косвенное воздействие на личность фасилитировало развитие целевых духовно-нравственных и социальных качеств личности.

Литература

- Анциферова Л. И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.
- Клейтон С., Ирхин Б. Д., Нартова-Бочавер С. К.* Идентификация с природой в России: валидизация метода и связь с заботой о лю-

- дях и растениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 1. С. 85–107.
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев С. Н., Семькин Г. И.* Связь с природой: вклад в душевное благополучие // Перспективы психологической науки и практики. М: Московский университет дизайна и технологии. 2017. С. 764–767.
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Швейцар А.* Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
- Capaldi C. A., Passmore H. A., Ishii R., Chistopolskaya K. A., Vowinckel J., Nikolaev E. L., Semikin G. I.* Engaging with natural beauty may be related to well-being because it connects people to nature: Evidence from three cultures // *Ecopyschology*. 2017. V. 9. № 4. P. 199–211.
- Clayton S.* Environmental identity: A conceptual and an operational definition // S. Clayton, S. Opatow (Eds). *Identity and the natural environment*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 45–65.
- Crimston D., Bain P. G., Hornsey M. J., Bastian B.* Moral expansiveness: Examining variability in the extension of the moral world // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. V. 111. № 4. P. 636–653.
- Janoff-Bulman R., Carnes N. C.* Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // *Personality and Social Psychology Review*. 2013. V. 17. № 3. P. 219–236.
- Nartova-Bochaver S. K., Kuznetsova V. B.* Friendly home and inhabitants' morality: mutual relationships // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 8. Article 2348. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02348.

Environmental identity and the person's moral motives

S. K. Nartova-Bochaver

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Environmental Identity (EID) is a self-concept demonstrating the extent to which people perceive themselves as part of nature, incorporated in it and defined by it; it is one of the multiple people's identities. Previous studies showed a significant role playing by EID in forming individual's pro-environmental attitudes and mental well-being. In the current study, we investigate whether EID may be positively connected with moral motives or not. We used the EID scale and Moral Motives Model scale. A sample of 274 undergraduate students (218 females) showed that, according to our expecta-

tions, EID performs not only adaptive and social functions in people's lives but also an ennobling function. It was found that in EID, as well as Not-harming and Self-reliance scores were higher in female group. Furthermore, it was revealed that EID significantly positively correlated with all motives but in a male group except Social justice and Self-restraint, and in a female group – except Social order. We can conclude that EID is a phenomenon really expanding a person's interdependence with a larger collective.

Keywords: environmental identity, moral motive, personality, proscriptive motive, prescriptive motive.

Успешность построения искусственного понятия у больных атопическим дерматитом и псориазом

Т. А. Ребеко

Институт психологии РАН, Москва
rebekota@yandex.ru

Рассматривается сопряженность между репрезентацией поверхности тела и построением концепта. В исследовании участвовало две группы респондентов: 1. Экспериментальная – больные atopическим дерматитом и псориазом (15 женщин). 2. Контрольная – выборка здоровых респондентов (18 женщин). Использовалась модифицированная методика Соловьева–Роговина «30 карточек». Требовалось построить искусственное понятие, самостоятельно выделив две субкатегории – преобладание и отсутствие. Эти две субкатегории реализованы на материале сочетания перцептивных признаков (фигур и текстур). Согласно литературным данным, экспериментальная группа респондентов имеет проблемы, связанные с недифференцированностью границ Эго и со спутанностью репрезентаций между «внешним» и «внутренним». Методами непараметрического анализа (критерий Краскела–Уоллиса) доказывается, что уязвимость телесной границы предопределяет предпочтительную концептуализацию, построенную на горизонтальных связях (вид-вид), а также избегание в процессе концептуализации иерархических связей (род – вид), для построения которых необходима способность репрезентации трехмерных объектов.

Ключевые слова: граница Я, концепт, искусственное понятие, горизонтальные/иерархические связи, субкатегории «преобладание» и «отсутствие».

Разработка динамического подхода к исследованию личности позволяет рассмотреть в целостной перспективе разнообразные свя-

---

Исследование выполнено по государственному заданию ФАНО № 0159-2010-0006.

зи между мышлением и личностью. «Личность — всегда целостность, которая развивается, формируя в своей организации все новые и новые части, каждая из которых обладает качеством породившей ее целостности, подразумевает существование ранее выделившихся частей и несет в себе возникновение новых» (Анцыферова, 2006, с. 197).

Анализируя принципы, посредством которых реализуется динамический подход к психологическому изучению личности, А.Л. Журавлев и Н.Е. Харламенкова выделяют принцип динамического осуществления личности в «пространстве разных форм деятельности» (Журавлев, Харламенкова, 2017, с. 18). Авторы указывают, что «феномен человека тесно связан с признанием собственной активности личности, с пониманием ее включенности во взаимодействие с миром и принципиальной неразделенности с ним и одновременно с принятием положения о пристрастности и избирательности личности по отношению к миру».

Пристрастность и избирательность проявляется в принципах организации концептуального знания. Общеизвестным является тот факт, что концептуальное знание имеет иерархическую структуру, включающую разные уровни концептов, связанных между собой разными типами связей (сходство, инклюзии, исключения, сопряжения и мн. др.) и усложняющихся по своему составу в ходе онтогенеза (Холодная, 2019).

Способность выстраивать разного рода связи развивается в ходе онтогенеза. Так, Л. Смит (Smith, 1989) показала, что в ходе онтогенеза происходит смещение с интегральной перцепции «сходства по общему впечатлению» на сепаратную, организованную по отдельным деменциям. В многочисленных исследованиях было доказано, что сходство вычисляется относительно той деменции, которая полагается релевантной в данном контексте.

Между тем вычленение отдельных деменций генеративно сопряжено с функциональным опытом, в котором происходит категоризация. В исследованиях Ф. Шайнса и Л. Роде показано, что «порядок формирования категории индуцирует формирование различных признаков, которые изменяют перцептивный вид и перцептивную репрезентацию объектов» (Schyns, Rodet, 1997, p. 681).

Важнейшими характеристиками концептуального знания являются правила соотнесения признаков: какие признаки являются необходимыми (смыслообразующими) для категоризации, а какие — случайными (маргинальными).

Согласно динамическому подходу изучения личности, можно предположить, что личностные проблемы, связанные со способнос-

тью к личностной дифференциации, сопряжены с когнитивными стратегиями, участвующими в выделении необходимых и случайных характеристик объектов.

К. Бронштейн рассматривала психосоматические заболевания как «результат состояния неинтегрированности вследствие отсутствия внутренней/внешней оболочки» (Bronstein, 2011, p. 188).

Розелла Сандри показала, что процесс дифференциации «снаружи» и «внутри» происходит сначала на телесном уровне, и только в случае «удовлетворительного» телесного опыта возможен переход «от пространства телесного к пространству психическому» (Sandri, 1994, p. 87).

Ранее в нашем исследовании было показано, что респонденты, страдающие атопическим дерматитом и псориазом, согласно тесту Аммона, имеют недифференцированную границу внешнего и внутреннего Я (Ребеко, 2018).

Можно допустить, что ментальная спутанность относительно того, что находится «внутри и снаружи», а также недифференцированность телесной границы предопределяет предпочтительную концептуализацию, построенную на горизонтальных связях (вид–вид), а также избегание в процессе концептуализации иерархических связей (род–вид), для построения которых необходима способность репрезентации трехмерных объектов. Мы полагаем, что умение провести границу между несколькими группами признаков и построить между ними связи соподчинения (род–вид) связано с опытом телесности.

В настоящем исследовании проверяется гипотеза о том, что люди, страдающие кожными заболеваниями (атопический дерматит и псориаз), испытывают трудности в иерархической организации концепта.

Эмпирические гипотезы:

1. Экспериментальная группа респондентов менее успешна в построении искусственного понятия по сравнению с контрольной группой.
2. В экспериментальной группе респондентов нет различий в выделении субкатегории «преобладание» в зависимости от класса карточек (в отличие от контрольной группы).
3. Экспериментальная группа респондентов менее успешна в выделении субкатегории «отсутствие» по сравнению с контрольной группой.

В исследовании приняло участие 2 группы респондентов – группа женщин, имеющих диагноз атопический дерматит и псориаз (15

женщин, средний возраст – 35 лет) и контрольная группа (18 женщин, средний возраст – 39 лет).

Использовалась модифицированная методика Соловьева–Роговина «30 карточек» (Ребеко, Никитина, 2000). Данная методика является вариантом метода построения искусственного понятия.

Согласно инструкции, требуется построить искусственное понятие, разложив 30 карточек в квадрат 6×6 с пустой диагональю таким образом, чтобы строчки и столбцы подчинялись соответствующим правилам (т.е. отражали субпонятия). На каждой карточке изображено 12 геометрических фигур (круг, квадрат, треугольник), заполненных тремя видами текстур в разных пропорциях. Существует единственное решение данной задачи, симметричное относительно фигур и текстур. С формальной точки зрения два субпонятия, симметричные относительно фигур и текстур, могут быть формализованы согласно двум правилам:

1. Преобладание одного из элементов (фигуры или текстуры);
2. Отсутствие одного из элементов (фигуры или текстуры).

В зависимости от режимов приложения правил «преобладания» и «отсутствия» было выделено две группы карточек, образующих в искусственном понятии два класса. Эти классы различаются в зависимости от соотношения существенных (смыслообразующих) и фоновых (маргинальных) признаков. В класс 1 (К1) объединяются 12 карточек, в которых базовые признаки подчиняются соотношению $9:3:0$, а фоновые – соотношению $4:4:4$. В класс 2 (К2) входит 18 карточек, в которых базовые признаки подчиняются правилу $8:2:2$, а фоновые подчиняются соотношению $6:6:0$.

В К1 правила преобладания и отсутствия относятся к одному признаку – исключительно либо к фигуре (либо к текстуре). Распределение признаков, дополнительных к преобладающему признаку (соответственно текстуры/фигуры) в соотношении $4:4:4$ не является существенным. В К2 правила преобладания и отсутствия относятся к разным признакам. Преобладание, например, признака «фигура» (в пропорции $8:2:2$) сочетается с отсутствием признака «текстура» (представленного в соотношении $6:6:0$). Иными словами, можно сказать, что в К1 преобладающими и отсутствующими являются одни и те же признаки (если преобладает фигура, то и отсутствует фигура). В К2 – преобладающие и отсутствующие признаки различаются (если преобладает фигура, то отсутствует текстура, если преобладает текстура, то отсутствует фигура).

С формально-логической точки зрения карточки К1 организованы горизонтальными связями, а карточки К2 – иерархическими. Иными словами, для организации карточек К1 достаточно выделить субкатегории «преобладание» и «отсутствие» в отношении одного единственного типа признака (либо фигур, либо текстур). Для обнаружения принципа организации карточек К2 необходима ментальная операция соотнесения двух разных субкатегорий, имеющих иерархическую организацию (преобладает один признак (например, фигура), а отсутствует другой признак – текстура).

Процедура исследования: респондентов просили разложить квадрат, рассуждая вслух. Экспериментатор фиксировал не только высказывания испытуемых, но и способы группировки карточек в соответствии с выделенными переменными (см. ниже). Успешность фиксировалась после 45 минут выполнения задания.

Обработка результатов осуществлялась с помощью непараметрического критерия Краскела–Уоллиса.

В методике Соловьева–Роговина было выделено несколько переменных, отвечающих за выполнение задачи. Все переменные носили порядковый характер.

- для К1 – выделение субкатегории «преобладание» (фигуры/текстуры) – в пропорции 9 : 3 : 0;
- для К1 – выделение субкатегории «отсутствие» для преобладающего признака (фигуры/текстуры) – в пропорции 9 : 3 : 0;
- для К2 – выделение субкатегории «преобладание» (фигуры/текстуры) – в пропорции 8 : 2 : 2;
- для К2 – выделение субкатегории «отсутствие» для признака, дополнительного к преобладающему – в пропорции 6 : 6 : 0.

По успешности построения искусственного понятия испытуемые были разделены на 4 группы: А. выявлено оба правила – преобладания и два вида отсутствия, т. е. правильно, Б. выявлено правило преобладания и один вид отсутствия – это означает правильную категоризацию К1, В – выявлено только правило преобладания, Г – не выявлено никакого правила.

Результаты

На основании результатов выполнения основного эксперимента по формированию искусственного понятия были получены данные, свидетельствующие о том, что испытуемые не всегда могут применить тождественные правила «преобладания» и «отсутствия» к сим-

метричным признакам искусственного понятия. Задания на материале фигур выполняются успешней, по сравнению с такими же заданиями на материале текстур. Иными словами, выявленные закономерности в отношении одного из признаков не переносятся на второй признак, занимающий в структуре концепта тот же самый уровень.

1. Экспериментальная группа респондентов значимо хуже справилась с задачей построения искусственного понятия ($H:(1, N=33)=11,69, p=0,001$).
2. Получены различия между двумя группами респондентов по выделению субкатегории «преобладание текстуры» при выполнении заданий с карточками К1 ($H:(1, N=33)=8,85, p=0,003$). Экспериментальная группа респондентов хуже справилась с задачей выделения субкатегории «преобладание» на материале текстур. В отношении выделения субкатегории «преобладание» на материале фигуры достоверных различий между двумя группами респондентов не обнаружено.
3. Получены различия между двумя группами респондентов по выделению субкатегории «преобладание» при выполнении заданий с карточками К2. Экспериментальная группа хуже выделяет как «преобладание» фигуры ($H:(1, N=33)=5,92, p=0,015$), так и «преобладание» текстуры ($H:(1, N=33)=8,01, p=0,005$), по сравнению с контрольной группой.
4. Получены различия между двумя группами респондентов по выделению субкатегории «отсутствие» при выполнении заданий с карточками К1. Экспериментальная группа хуже выделяют «отсутствие» фигуры ($H:(1, N=33)=9,86, p=0,002$) и «отсутствие» текстуры ($H:(1, N=33)=12,65, p=0,0004$), по сравнению с контрольной группой.
5. Получены различия между двумя группами респондентов по выделению субкатегории «отсутствие» при выполнении заданий с карточками К2. Экспериментальная группа хуже выделяют «отсутствие» фигуры ($H:(1, N=33)=11,9, p=0,001$). В отношении субкатегории «отсутствие» текстуры для карточек К2 различий не получено.

Выводы

1. Полученные результаты свидетельствуют о том, что отсутствует симметрия в успешности репрезентации субкатегорий «пре-

- обладание» и «отсутствие», организованных симметрично относительно фигур и текстур.
2. Подтверждается гипотеза о разной успешности построения искусственного понятия в двух группах респондентов. Экспериментальная группа в целом хуже справилась с заданием.
  3. Экспериментальная группа в целом менее успешна в репрезентации субкатегорий «преобладание» и «отсутствие» как в отношении фигур, так и текстур.
  4. Достоверных различий между двумя группами респондентов не обнаружено при выполнении задания при работе с карточками К1 для субкатегории «преобладание» на материале фигуры и при работе с карточками К2 для субкатегории «отсутствие» на материале текстуры.

Обсуждение результатов

Кожные заболевания, которые, несомненно, приносят страдания, могут предопределять стратегию взаимодействия с внешним миром. Эта стратегия сводится к взаимодействию с внешним миром «по поверхности». Вероятно, и концептуальное знание также строится исходя из наличного присутствия (субкатегории «преобладание»). Тот факт, что экспериментальная группа хуже справляется с репрезентацией субкатегории «преобладание» можно интерпретировать как «захваченность» поверхностными признаками (явное доминирование одной фигуры или текстуры) и неспособность выделить закономерность «преобладание». Исключение в разной успешности (двух групп респондентов) представляет репрезентация субкатегории «преобладание» на материале фигуры – видимо доминирование одной из двух фигур (представленных в соотношении 9:3:0) столь очевидно, что обе группы респондентов выделяют этот признак.

Интерес представляет субкатегория «отсутствие». Для репрезентации субкатегории «отсутствие», т. е. для репрезентации признака, которого нет «на поверхности», требуется способность к трехмерной репрезентации объекта. Ранее нами было показано (Ребеко, 2018), что симптомы кожных заболеваний выполняют функцию самоопределения и выражают как потребность в бережном отношении (слиянии), так и в жестком противостоянии от контактов любого рода. Тогда можно предположить, что ментальная репрезентация субкатегории «отсутствие» на перцептивном материале явля-

ется своего рода болезненным вызовом, адресованным нереализованной личностной потребности в обретении самости. Трудность создания трехмерной концепции самости и объекта некоторые авторы рассматривают как «структурный дефект субъекта в его способности формировать концепцию объекта как контейнера. Другими словами, субъект остается в состоянии, в котором познание и опыт являются двумерными. <...> Самость также воспринимается как поверхность без внутреннего измерения» (Bergstein, 2019, p. 79).

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психологии личности // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–23.
- Ребеко Т. А.* Полезависимость/полenezависимость у больных атопическим дерматитом и псориазом // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1601–1607.
- Ребеко Т. А., Никитина Е. А.* Образ предмета и процесс логической категоризации // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 297–314.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М.: Юрайт, 2019.
- Bergstein A.* On boredom: A close encounter with encapsulated parts of the psyche // Bion and Meltzer's expedition into unmapped mental life. London–N. Y.: Routledge, 2019. P. 76–97.
- Bronstein C.* On psychosomatics: The search for meaning // International Journal of Psychoanalysis. 2011. V. 92. P. 173–195.
- Sandri R.* Penser avec des bebes. Lyon: Editions Eres, 1994.
- Schyns Ph. G., Rodet L.* Categorization creates functional features // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1997. V. 23. № 3. P. 681–696.
- Smith L.* A model of perceptual classification in children and adults // Psychological Review. 1989. V. 96. № 1. P. 125–144.

The success of building an artificial concept in patients with atopic dermatitis and psoriasis

T. A. Rebeko

Institute of Psychology RAS, Moscow

The conjugation between the representation of the body surface and the construction of the concept is considered. The study involved two groups of respondents: 1) experimental – patients with atopic dermatitis and psoriasis (15 women); 2) control – a sample of healthy respondents (18 women). Used a modified technique Soloviev–Rogovin “30 cards”. It was required to build an artificial concept, singling out two sub-categories – predominance and absence. These two sub-categories are realized on the material of combination of perceptual features (figures and textures). The artificial concept is organized in accordance with two rules for the use of sub-categories – in accordance with either the horizontal organization of features (species–species) or hierarchical (type–species). According to the literature data, the experimental group of respondents has problems with the undifferentiated boundaries of the Ego and with the confusion of the boundaries between the “external” and “internal”. By means of Kruskal–Wallis test it was proved that the undifferentiation of the physical boundary determines the preferred conceptualization, built on horizontal connections (species–species), as well as the avoidance in the process of conceptualization of hierarchical relationships (type – species), for the construction of which requires the ability to represent three-dimensional objects.

Keywords: boundary of Self, concept, artificial concept, horizontal / hierarchical relations, sub-categories “predominance” and “absence”.

Различия в личностных характеристиках в связи с уровнем прокрастинации

Н. А. Руднова, Д. С. Корниенко

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь
chernysheva-n.a@yandex.ru
corney@yandex.ru

В настоящем исследовании прокрастинация рассматривается как одно из проявлений субъектности. В ходе исследования в единой модели рассматриваются диспозиционные, мотивационные и регуляторные предикторы прокрастинации. Выявляются личностные различия между прокрастинаторами и непрокрастинаторами. Участниками исследования стали 716 чел. в возрасте от 17 до 62 лет ($M=28,11$; $SD=10,47$), 40% – мужчины. В результате исследования предикторами прокрастинации для группы лиц, склонных откладывать дела на более поздний срок стали Честность (Скромность), Доброжелательность, Контролируемая мотивация, а в группе непрокрастинаторов – Патологический перфекционизм. Кроме того, в обеих группах значимый вклад в уровень прокрастинации продемонстрировал показатель Саморегуляции.

Ключевые слова: субъектность, прокрастинация, черты личности, перфекционизм, мотивация, саморегуляция.

Определяя человека как субъект, Л. И. Анцыферова раскрывает содержание данного феномена через способность человека быть автором своей жизни, осмысливая и организовывая ее. Однако при таком подходе не происходит идеализация человеческой природы – человек вполне может выступать как «существо страдательное, претерпевающее, созерцающее, не всегда владеющее собой» (Анцыферова, 1999). Данная точка зрения значительно расширяет поле исследования психологических явлений, позволяя изучать не только волевые проявления и особенности саморегуляции, но и обратную сторону субъектности – «не владение собой».

Одним из таких проявлений может выступать прокрастинация – добровольное откладывание запланированных дел на более поздний

срок, несмотря на негативные переживания и неизбежные неблагоприятные последствия. С одной стороны, прокрастинация всегда добровольна и не связана с внешними условиями деятельности, что вполне выступает свидетельством авторства субъекта. С другой стороны, 95% прокрастинаторов считают склонность откладывать дела непродуктивной, стремятся избавиться от нее и нуждаются в помощи квалифицированных специалистов, так как не могут сделать это самостоятельно (Meyer, Dalal, Bonaccio, 2009). Подобная противоречивость феномена нуждается в раскрытии механизма его образования.

Современное исследование прокрастинации во многом сосредоточено на изучении личностных предикторов склонности откладывать дела. Однако большинство работ носит локальный характер — как правило, прокрастинация рассматривается в контексте одного — двух психологических феноменов. Например, в теоретическом исследовании П. Стила упоминается множество отдельных исследований, посвященных исследованию особенностей взаимосвязи прокрастинации и перфекционизма, прокрастинации и мотивации, прокрастинации и саморегуляции и др. Там же упоминается достаточное количество исследований вклада черт личности в прокрастинацию, хотя исследователи соглашались только в том, что Добросовестности принадлежит положительный вклад. Результаты относительно других личностных диспозиций противоречивы (Steel, 2007).

В рамках настоящего исследования была поставлена задача рассмотреть различные личностные характеристики в качестве прогностических факторов прокрастинации в рамках единой регрессионной модели. Для выявления наиболее значимых предикторов и поиска различий в механизме функционирования прокрастинации будут построены разные регрессионные модели для групп прокрастинаторов и лиц, не склонных откладывать дела.

Использованные методики

Для выявления общего уровня прокрастинации как склонности откладывать дела на более поздний срок использовалась Шкала общей прокрастинации К. Лэй в адаптации О. С. Виндекер и др. Опросник НЕХАСО-PI-R в адаптации М. С. Егоровой, О. В. Паршиковой применялся для выявления особенностей черт личности: Эмоциональности, Экстраверсии, Доброжелательности, Добросовестности, Открытости новому опыту и Честности (Скромности). Опре-

деление уровня нормального и патологического перфекционизма осуществлялось при помощи Дифференциального теста перфекционизма А. А. Золотаревой. Опросник профессиональной мотивации, разработанный Е. Н. Осиным с коллегами, помог выявить выраженность Автономной и Контролируемой мотивации. Первая сообщает об удовлетворении потребностей в автономии, компетентности и связанности с другими людьми, вторая – об их фрустрированности. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» диагностирует степень развития осознанной саморегуляции, которая обеспечивает достижение поставленных целей.

Выборку исследования составило 716 чел. в возрасте от 17 до 62 лет ($M=28,11$; $SD=10,47$), 40% – мужчины.

В зависимости от выраженности прокрастинации вся выборка была разделена на две группы: с высоким ($M=3,00$) и низким ($M=2,05$) уровнем.

Различия между лицами с выраженной прокрастинацией и теми, кому она не характерна, были выявлены при помощи *t*-критерия Стьюдента; иерархический регрессионный анализ позволил определить наиболее значимые предикторы прокрастинации при последовательном включении переменных.

Результаты исследования

Согласно результатам *t*-критерия, прокрастинаторы имеют более выраженные Эмоциональность ($t=-2,43$, $p<0,05$), Патологический перфекционизм ($t=-5,62$, $p<0,001$) и Контролируемую мотивацию ($t=-3,57$, $p<0,001$). Непрокрастинаторы продемонстрировали более выраженные Экстраверсию ($t=3,01$, $p<0,05$), Доброжелательность ($t=2,08$, $p<0,05$), Добросовестность ($t=5,81$, $p<0,001$), Нормальный перфекционизм ($t=7,07$, $p<0,001$) и Автономную мотивацию ($t=2,46$, $p<0,05$).

По результатам иерархического регрессионного анализа в группе лиц, не склонных откладывать дела на более долгий срок в модели, включающей пол, возраст, черты личности, перфекционизм и показатели мотивации, значимый вклад принадлежит Добросовестности ($b=-0,28$, $p<0,001$) и Патологическому перфекционизму ($b=0,28$, $p<0,001$). При включении в рассматриваемую модель Саморегуляции, значимыми предикторами становятся Патологический перфекционизм ($b=0,27$, $p<0,001$) и Саморегуляция ($b=-0,35$, $p<0,001$). Доля объяснимой дисперсии итоговой модели 31%.

Для прокрастинаторов значимыми предикторами склонности откладывать дела на более поздний срок стали Честность (Скром-

ность) ($b=-0,17$, $p<0,05$), Доброжелательность ($b=0,21$, $p<0,05$), Контролируемая мотивация ($b=-0,20$, $p<0,05$). Доля объяснимой дисперсии итоговой модели 22%.

Интерпретация и обсуждение результатов

Исходя из полученных результатов, тех, кто не склонен откладывать дела можно описать как открытых и готовых к взаимодействию. Они организованны, дисциплинированы и, хотя осознают значимость поставленных задач, адекватно относятся к качеству их выполнения. Прогностический вклад Добросовестности и умеренного перфекционизма подтверждаются многочисленными исследованиями (Moon, Illingworth, 2005; и др.), чего нельзя сказать о выявленной нами экстравертированности непрокрастинаторов. Полученные в настоящем исследовании данные не соответствуют результатам Е. Фримана с коллегами, так как они сообщают о положительном вкладе экстраверсии (Freeman, Cox-Fuenzalida, Stoltenberg, 2011). Возможно, это связано с использованием различных психодиагностических методик. В использованной ими методике ЕРІ экстраверсия подразумевает импульсивность и беззаботность, склонность к рискованным поступкам, а в использованной нами речь скорее о высокой социальной самооценке и социальности. В таком ключе противоречие результатов значительно смягчается: прокрастинатор действительно может быть подвержен сиюминутным порывам, что отрицательно сказывается на разработанном плане действий. Например, выбирая между преодолением возникших сложностей или получением краткосрочного удовольствия, прокрастинатор скорее выберет последнее (Steel, 2007). С другой стороны, экстраверсия, как социальная смелость, энергичность и оптимизм, в случае сложностей позволяет обращаться за помощью к окружающим и своевременно выполнять задуманное.

Непрокрастинаторам характерна автономная мотивация. Вероятно, для них значима возможность выбора при принятии решения, а директивные указания «сверху» снижают ощущение самостоятельности, а затем и компетентности, профессионализма, что приводит к снижению самооэффективности и откладыванию (Brownlow, Reasinger, 2000).

Подтвердилась выявленная ранее значимость саморегуляции для прогнозирования прокрастинации как в модели для группы прокрастинаторов, так и в модели для группы не прокрастинаторов (Lay, Schouwenburg, 1993). Саморегуляция представляет собой иерар-

хическую систему психических процессов, направленных на достижение поставленной цели и является показателем эффективности деятельности (Моросанова, 2004). Нарушения саморегуляции могут привести к откладыванию. Например, при чрезмерном увлечении целеполаганием человек погружается в описание образа желаемого, уделяя внимание деталям, и забывает, что для достижения цели необходимо еще и предпринимать действия.

Прокрастинаторы отличаются большей эмоциональностью, которая может проявляться в тревожности и боязливости, а также им присущ перфекционизм в его патологическом проявлении. Можно предположить, что изначальный образ недостижимо-идеального результата отталкивает прокрастинаторов и запускает «цикл прокрастинации» (Шухова, 1996), который вызывает все возрастающее эмоциональное напряжение. В пиковый момент принимается решение о выполнении или невыполнении намеченного, после чего уровень напряжения снижается.

Хотя патологический перфекционизм и эмоциональность объясняют механизм прокрастинации, значимого вклада они не продемонстрировали. Прогностическими показателями выступили Честность (Скромность), Доброжелательность, Контролируемая мотивация и Саморегуляция.

Поскольку модель HEXACO разработана относительно недавно, информация о связи честности (скромности) с прокрастинацией в ранних исследованиях нами не обнаружена. Можно предположить, что вероятность откладывания дел повышается, если человек демонстрирует способность намеренно ввести другого в заблуждение (например, о степени готовности выполняемого проекта) и воспринимает обман как инструмент коммуникации, позволяющий избежать проблем.

Большинство предшествующих исследований свидетельствовали о недоброжелательности прокрастинаторов — откладывание дел для них является способом отстаивания своих интересов, сопротивления внешнему давлению (Steel, 2007). В настоящем исследовании Доброжелательность делает положительный вклад в прокрастинацию, что не соотносится с этими данными. Также ранее был обнаружен положительный вклад Контролируемой мотивации, а в нашем исследовании — отрицательный (Meyer, Dalal, Вонассио, 2009). Вероятно, полученные результаты можно объяснить в их совокупности: внутренние мягкость и сдержанность могут препятствовать своевременному решению профессиональных задач. В условиях трудовой деятельности, когда необходимо своевременно выполнять поруче-

ния, подобные личностные особенности могут быть компенсированы выраженной контролируемой мотивацией, которая формируется под воздействием внешних воздействий — постоянных проверок со стороны руководства, значительных санкций в случае каких-либо нарушений.

Проведенное исследование личностных особенностей прокрастинаторов как нельзя лучше демонстрирует сложность и богатство механизмов функционирования субъекта деятельности, о которых рассуждала Л. И. Анцыферова (Анцыферова, 1999).

Традиционно приписываемые субъекту деятельности коммуникабельность, доброжелательность, ответственность, высоко развитые навыки саморегуляции действительно способствуют четкой организации труда и своевременному выполнению запланированного. Однако неорганизованность, патологический перфекционизм, тревожность, боязливость и мотивация, связанная с внешней регуляцией, также являются проявлениями субъектности, а собственно склонность откладывать дела — особенностью волеизъявления прокрастинатора.

Выявленные прогностические факторы прокрастинации и механизмы ее взаимосвязи с другими личностными характеристиками могут помочь при разработке техник преодоления склонности откладывать дела на более поздний срок и в отдаленной перспективе повысить уровень осознанности личного вклада в свою жизнь.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Психологическое содержание феномена «субъект» и грани субъектно-деятельностного подхода // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: Тезисы докладов к Международной научно-практической конференции. М., 1999. С. 17–19.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004.
- Шухова Н. В.* Организация времени старшеклассника. Спецкурс по психологии. Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ, 1996.
- Brownlow S., Reasinger R. D.* Putting off until tomorrow what is better done today: Academic procrastination as a function of motivation toward college work // *Journal of Social Behavior and Personality*. 2000. № 15. P. 15–34.

- Freeman E. K., Cox-Fuenzalida L. E., Stoltenberg I.* Extraversion and arousal procrastination: waiting for the kicks // *Current Psychology*. 2011. № 30 (4). P. 375–382.
- Lay C. H., Schouwenburg H.* Trait procrastination, time management and academic behavior // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1993. № 8. P. 647–662.
- Meyer R. D., Dalal R. S., Bonaccio S.* A meta-analytic investigation into the moderating effects of situational strength on the conscientiousness–performance relationship // *Journal of Organizational Behavior*. 2009. № 30. P. 1077–1102.
- Moon S. M., Illingworth A. J.* Exploring the dynamic nature of procrastination: A latent growth curve analysis of academic procrastination // *Personality and Individual Differences*. 2005. № 38. P. 297–309.
- Steel P.* The Nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential Self-regulatory failure // *Psychological Bulletin*. 2007. V. 133. № 1. P. 65–94.

Personality traits and the level of procrastination: group differences

N. A. Rudnova, D. S. Korniyenko
Perm State University, Perm

This article reviews dispositional, motivational and regulatory predictors of procrastination considered in a single model. Personal differences between procrastinators and non-procrastinators are identified. The study participants were 716 people aged 17 to 62 years ($M=28,11$; $SD=10,47$), 40% – men. As a result of the study, some predictors of procrastination were identified: Honesty (Humility), Agreeableness, Controlled Motivation for a group of people inclined to postpone matters until a later date and Pathological Perfectionism in the group of non-procrastinators. In addition, in both groups, the self-regulation index demonstrated a significant contribution to the procrastination level.

Keywords: procrastination, HEXACO, perfectionism, autonomous and controlled motivation, self-regulation.

Структура самооценки волевых качеств личности у представителей различных этнических групп

В. Н. Шляпников

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва
shlyapnikov.vladimir@gmail.com

В статье приводятся результаты факторного анализа самооценок волевых качеств личности представителей 14 русскоговорящих этносов РФ и бывшего СССР: русских, марийцев, коми, татар, башкир, осетин, кабардинцев, евреев, армян, украинцев, белорусов, таджиков, корейцев, тувинцев. Всего в исследовании приняло участие 1400 чел. В результате была получена шестифакторная структура самооценки волевых качеств личности, включающая в себя следующие компоненты: волевая активация действия, волевой самоконтроль, настойчивость, волевой потенциал, эмоциональный самоконтроль, внимательность. Показано наличие значимых различий в значениях факторных оценок. Выявлено наличие значимых связей между фактором «волевая активация действия» и показателями методик: «Шкала контроля за действием», «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)», выраженностью позитивной этничности; фактором «волевой самоконтроль» и поведенческим и социальным самоконтролем, показателями теста СЖО, позитивной этничностью; фактором «эмоциональный самоконтроль» и аналогичной шкалой опросника «Выраженность самоконтроля...»; фактором «волевой потенциал» и показателями теста СЖО, выраженностью позитивной этничности.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, волевые качества, самооценка, факторный анализ, кросс-культурный подход, этнос.

В рамках динамического подхода к изучению развития личности, Л. И. Анцыферова указывала на необходимость обращения

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-01108.

к изучению волевой регуляции при анализе психологических механизмов активности личности (Анцыферова, 1981). Вместе с этим она отмечала, что «сохранить устойчивость определенных своих параметров, особо важных для ее существования именно как личности — жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств, — она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои различные психологические качества» (Анцыферова, 1981, с. 8). В связи с этим перед исследователями встает задача изучения параметров активности личности, в том числе волевой, в условиях этой «быстро и многообразно меняющейся социальной действительности», в частности в контексте различных этнических групп.

Результаты кросс-культурных исследований свидетельствуют о наличии связи между особенностями состояния волевой регуляции и этнокультурной принадлежностью, а также выраженностью этнической идентичности человека (Иванников, Шляпников, 2019). В частности, показано, что у народов, демонстрирующих большую приверженность традиционному образу жизни, наблюдается более эффективный тип волевой регуляции по Ю. Кулю, более выражен самоконтроль, выше самооценка волевых качеств (Шляпников, 2019).

Тем не менее, если говорить о самооценке волевых качеств, то в данном случае важны не только количественные, но и качественные различия. Качественные особенности находят свое отражение в структуре самооценки волевых качеств личности, которая может быть изучена с помощью метода факторного анализа. Как отмечают исследователи, факторный анализ позволяет изучать не только коллективные представления о волевых качествах, но и реальные жизненные отношения и задачи, которые эти представления формируют (Иванников, Эйдман, 1990).

В связи с этим мы поставили перед собой цель исследовать структуру самооценки волевых качеств личности у представителей различных этнических групп, а также провести кросс-культурное сравнение факторов волевой самооценки.

Программа исследования

Описание выборки. В исследовании приняли участие представители 14 русскоговорящих этнических групп, проживающих на территории РФ и бывшего СССР: русские, марийцы, коми, татары, башкиры, осетины, кабардинцы, евреи, армяне, украинцы, белорусы, таджи-

ки, корейцы, тувинцы. Все группы были уравнены по полу и возрасту (от 20 до 26 лет) и состояли из студентов и молодых специалистов. Размер каждой группы составлял 100 человек. Всего в исследовании приняло участие 1400 чел.

Методы исследования. Для изучения самооценки волевых качеств нами использовалась формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В. А. Иванникова, Е. В. Эйдмана (Иванников, Эйдман, 1990). Респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 5 степень выраженности у себя 20 волевых качеств: *ответственный, дисциплинированный, целеустремленный, принципиальный, обязательный, настойчивый, решительный, волевой, инициативный, выдержанный, самостоятельный, энергичный, терпеливый, упорный, смелый, спокойный, деловитый, уверенный, организованный, внимательный.* Основу набора оцениваемых качеств составил список, использованный в исследовании В. А. Иванниковым, Е. В. Эйдманом, который был дополнен недостающими качествами из работ Е. П. Ильина и его коллег (Иванников, Эйдман, 1990; Ильин, 2000).

Для уточнения содержания полученных факторов нами использовались методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НА-КЕМР-90) в адаптации С. А. Шапкина (Шапкин, 1997), «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г. С. Никифоров, В. К. Васильева, С. В. Фирсова) (Ильин, 2000), Тест смысловых ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000), методика «Типы этнической идентичности» (С. В. Рыжова, Г. У. Солдатова) (Солдатова, 1998).

Процедура обработки данных. Для изучения структуры самооценки волевых качеств респондентов был проведен эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент с последующим Varimax-вращением (КМО=0,926, критерий сферичности Бартлетта: $\chi^2=17799,3$, $p<0,01$). Исходя из возможности содержательной интерпретации факторов, была выбрана шестифакторная модель, объясняющая в общей сложности 61,7% дисперсии. Также с помощью метода линейной регрессии были рассчитаны факторные оценки для каждого респондента. Наличие взаимосвязи между факторными оценками и использованными методиками оценивалось с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Помимо этого, было проведено сравнение обследованных этнических групп по значениям факторных оценок. Значимость различий оценивалась с помощью непараметрического критерия Краскела—Уоллиса. Для ста-

тистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics v. 23.

Результаты и их обсуждение

Первый фактор (32,82% объясненной дисперсии) образован переменными: *деловитый* (0,692), *инициативный* (0,664), *уверенный* (0,620), *волевой* (0,606), *решительный* (0,540), *организованный* (0,380), *целестремленный* (0,360). Данный фактор оказался наиболее сложным для интерпретации, поскольку он практически не согласуется с исследованиями других авторов (Иванников, Эйдман, 1990; Ильин, 2000). Вместе с этим некоторую ясность в понимание этого фактора вносит значимая корреляция с показателями методики «Шкала контроля за действием» ($r=0,313$, $p<0,01$), отражающая способность человека к инициации и реализации запланированного намерения в действии (Kuhl, 1996). В связи с этим можно предположить, что за данным фактором стоит способность субъекта к активации деятельности с помощью различных механизмов волевой регуляции, например, намеренного изменения смысла действия, в пользу чего свидетельствует наличие положительной связи с показателями теста СЖО ($r=0,219$, $p<0,01$). Еще одним способом волевой активации может стать обращение к системе традиционных ценностей и средств национальной культуры, о чем может свидетельствовать наличие положительной связи с этнической идентичностью ($r=0,124$, $p<0,01$). Таким образом, мы склонны интерпретировать данный фактор как *волевою активацию (инициацию) действия*. Наибольшие значения оценок по данному фактору наблюдаются в группах татар (0,31), башкир (0,22), евреев (0,28) и тувинцев (0,31), а наименьшие – в группах корейцев (–0,48), коми (–0,40), марийцев (–0,19), русских (–0,21) и белорусов (–0,17) ($\chi^2(13)=85,67$, $p<0,01$).

Второй фактор (9,312% объясненной дисперсии) образован переменными: *ответственный* (0,765), *дисциплинированный* (0,751), *обязательный* (0,573), *организованный* (0,494). Данный фактор образуется качествами, которые отражают способность субъекта организовывать свою деятельность в соответствии с требованиями других людей и социальных групп. В классификации Е. П. Ильина эта группа факторов отнесена к сложным *морально-волевым качествам* (Ильин, 2000). В работах В. А. Иванникова и Е. В. Эйдмана они являются частью большего фактора *морально-волевой регуляции* (Иванников, Эйдман, 1990). Наличие значимых корреляций данного фактора с выраженностью *социального* ($r=0,374$, $p<0,01$) и *поведенческого са-*

моконтроля ($r=0,372$, $p<0,01$), позволяет нам интерпретировать его как *волевой самоконтроль*. Также данный фактор положительно коррелирует с показателями теста СЖО ($r=0,260$, $p<0,01$) и положительной этничностью ($r=0,249$, $p<0,01$), что может свидетельствовать о том, что смысловая сфера личности и национальная культура могут выступать факторами волевого самоконтроля. Иными словами, субъект более склонен к самоконтролю в ситуациях, наполненных для него смыслом, источником которого может выступать в том числе национальная культура. Наибольшие значения оценок по данному фактору наблюдаются в группах белорусов (0,44), марийцев (0,27), кабардинцев (0,22), армян (0,24), а наименьшие – в группах корейцев (–1,12) и евреев (–0,38) ($\chi^2(13)=176,25$, $p<0,01$).

Третий фактор (6,113% объясненной дисперсии) образован переменными: *настойчивый* (0,756), *принципиальный* (0,655), *упорный* (0,527), *решительный* (0,407), *обязательный* (0,448), *смелый* (0,424). Данный фактор образован качествами, которые Е. П. Ильин отчасти помещает в группу качеств, связанных с *целеустремленностью* (*настойчивость*, *упорство*), а отчасти – с самообладанием (*смелость*, *решительность*). Примечательно при этом, что само качество *целеустремленность* в данную группу не попадает (Ильин, 2000). В. А. Иванников и Е. В. Эйдман объединяют эти качества в *фактор собственно волевой регуляции (в узком смысле)* (Иванников, Эйдман, 1990). Наряду с этим нельзя не упомянуть о самостоятельной традиции изучения настойчивости (*persistence*) в зарубежной психологии (Дж. Аткинсон, Дж. Нюттен, Н. Физер и др.). Поскольку данный фактор значимо не коррелирует с показателями других методик, мы склонны интерпретировать его как *настойчивость*, отражающую вовлеченность субъекта в деятельность по реализации намерения в действии. Отметим при этом, что качества, связанные с целеполаганием, не входят в данный фактор, что хорошо согласуется с современными зарубежными концепциями волевой регуляции, различающими мотивационные процессы, отвечающие за постановку цели, и волевые процессы, отвечающие за реализацию намерения в действии (Хекхаузен, 2003; Kuhl, 1996). Наибольшие значения оценок по данному фактору наблюдаются в группах татар (0,18), башкир (0,23), кабардинцев (0,20), осетин (0,27), а наименьшие – в группах корейцев (–0,37) ($\chi^2(13)=46,12$, $p<0,01$).

Четвертый фактор (5,023% объясненной дисперсии) образован переменными: *самостоятельный* (0,731), *энергичный* (0,629), *смелый* (0,461), *упорный* (0,432). По Е. П. Ильину, данные качества относятся к различным группам волевых качеств: *самостоятельность* – это

сложное морально-волевое качество, *смелость* соотносится с самообладанием, *упорство* — с целеустремленностью (Ильин, 2000). В работах В. А. Иванникова и Е. В. Эйдмана эти качества являются частью большого фактора морально-волевых качеств, включающего в себя, в том числе, характеристики энергетического потенциала волевого действия (Иванников, Эйдман, 1990). Исследователи выделяют в самостоятельности как минимум два аспекта: готовность принимать на себя ответственность за принятые решения и способность осуществлять какую-либо деятельность без посторонней помощи (Ильин, 2000). Исходя из всего вышеизложенного, мы склонны интерпретировать данный фактор как *волевой потенциал*, связывая его именно с энергетической оснащенностью волевого действия. Данный фактор положительно коррелирует с показателями теста СЖО ($r=0,277$, $p<0,01$) и положительной этничности ($r=0,190$, $p<0,01$), что может свидетельствовать о том, что смысловая сфера личности и национальная культура также могут выступать факторами мобилизации волевого потенциала личности. Наибольшие значения оценок по данному фактору наблюдаются в группах татар (0,20), таджиков (0,25), тувинцев (0,20), коми (0,26), марийцев (0,19) а наименьшие — в группах корейцев (–0,82) и евреев (–0,47) ($\chi^2(13)=96,11$, $p<0,01$).

Пятый фактор (4,424% объясненной дисперсии) образован переменными: *спокойный* (0,825), *терпеливый* (0,771), *выдержанный* (0,678). Данный фактор образован качествами, которые Е. П. Ильин связывает с *самообладанием*, а В. А. Иванников и Е. В. Эйдман с *эмоционально-волевой регуляцией* (Иванников, Эйдман, 1990). Данный фактор значимо коррелирует с выраженностью *эмоционального самоконтроля* ($r=0,422$, $p<0,01$). В связи с этим мы склонны интерпретировать данный фактор как *эмоциональный самоконтроль*. Примечательно, что вопреки устоявшимся в отечественной психологии представлениям о единстве эмоциональной-волевой сферы, анализ самооценок волевых качеств четко разводит этих виды регуляции. Наибольшие значения оценок по данному фактору наблюдаются в группах таджиков (0,25), тувинцев (0,20), украинцев (0,28), а наименьшие — в группах корейцев (–0,51), русских (–0,27) и башкир (–0,23) ($\chi^2(13)=91,71$, $p<0,01$).

В самостоятельный фактор выделилось качество *внимательный* — 4,051% объясненной дисперсии. Данный фактор значимо не коррелирует с показателями других методик, и, скорее всего, имеет неволевою природу. Наибольшие значения оценок по данному фактору наблюдаются в группе кабардинцев (0,50), а наименьшие — в группе корейцев (–0,22) ($\chi^2(13)=26,67$, $p=0,01$).

Отметим также, что такое важное волевое качество, как целеустремленность, которое многие авторы рассматривают в качестве стержня волевой регуляции деятельности, в полученной факторной структуре занимает маргинальное положение между первым, вторым и четвертым качеством (Ильин, 2000).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии значимых различий между сравниваемыми группами в показателях факторных оценок. Исследователями отмечается, что уровень самооценок волевых качеств отражает не только представления респондента о себе, но и объективный уровень развития волевых качеств, а также востребованность этих качеств в жизни субъекта (Иванников, Эйдман, 1990). Л. И. Анцыферова отмечает, что самооценка оказывает влияние на мотивацию субъекта (Анцыферова, 2006). В связи с этим мы можем предположить, что кросс-культурные различия в самооценках волевых качеств могут свидетельствовать о разной востребованности соответствующих качеств со стороны традиционного образа жизни народа. Соответственно, чем более востребовано качество, тем выше оно ценится в культуре, тем больше внимание ему уделяется в системе традиционного воспитания, тем более высокую среднюю оценку по группе мы можем ожидать. Исходя из этого, можно предположить, что качества, связанные с *волевой активацией* действия, наиболее востребованы у татар, башкир, евреев и тувинцев; качества, связанные с *волевым самоконтролем*, — у белорусов, марийцев, кабардинцев и армян; качества, связанные с *настойчивостью*, — у татар, башкир, кабардинцев, осетин; качества, связанные с *волевым потенциалом*, — у татар, таджиков, тувинцев, коми, марийцев; качества, связанные с *эмоциональным самоконтролем*, — у таджиков, тувинцев, украинцев.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования в результате факторного анализа самооценок волевых качеств респондентов нами было выделено пять волевых факторов: *волевая активация* действия, *волевой самоконтроль*, *настойчивость*, *волевой потенциал*, *эмоциональный самоконтроль*. Хотя данная структура однозначно не соотносится с классификациями волевых качеств других авторов (Иванников, Эйдман, 1990; Ильин, 2000), она достаточно хорошо согласуется с современными представлениями о механизмах волевой регуляции, развиваемых в работах В. А. Иванникова, Х. Хекхаузена, Ю. Куля и др. В связи с этим мы можем предположить, что за выделенными факторами

стоят различные компоненты воли, выполняющие различные функции в процессе регуляции деятельности.

Фактор «волевая активация» отвечает за механизмы инициации волевого действия; исследование этого феномена широко представлено в работах немецких психологов Х. Хекхаузена и Ю. Куля (Хекхаузен, 2003; Kuhl, 1996). Факторы «волевой» и «эмоциональный самоконтроль» связаны с овладением субъектом собой и своими психическими процессами; изучению данного феномена посвящены как работы отечественных (Л. И. Божович, Л. С. Выготский и т. д.), так и зарубежных авторов (Р. Баумайстер, У. Мишелл и др.). Фактор «настойчивость» отвечает за реализацию намерения в действии; изучению данного феномена также посвящено достаточно большое количество работ как в отечественной (Е. П. Ильин, В. К. Калинин, А. Ц. Пуни и др.), так и зарубежной психологии (Дж. Атkinson, Дж. Нюттен, Н. Физер и др.). Фактор «волевой потенциал» связан со способностью к волевой мобилизации личности; данный феномен рассматривается в работах В. А. Иванникова и Е. В. Эйдмана (Иванников, Эйдман, 1990).

Обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время большинство из этих феноменов изучаются независимо друг от друга в русле различных научных подходов и школ. В связи с этим перед наукой стоит задача построения единой теории воли, объясняющей механизмы интеграции этих процессов в единую функциональную систему волевой регуляции.

Также следует отметить, что были обнаружены значимые различия значений факторных оценок между сравниваемыми группами. Это позволяет предположить, что выделенные компоненты волевой регуляции в разной степени востребованы в различных культурах в связи с особенностями образа жизни народа как традиционного, так и на современном историческом этапе. Уточнение этой гипотезы составляет предмет наших дальнейших исследований.

Литература

- Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. С. 8–18.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

- Иванников В. А., Шляпников В. Н.* Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 70–84.
- Иванников В. А., Эйдман Е. В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.
- Ильин Е. П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000.
- Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.
- Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М.: Смысл, 2003.
- Шапкин С. А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997.
- Шляпников В. Н.* Связь традиционного образа жизни и особенностей состояния волевой регуляции // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: Сборник научных трудов участников IV Межвузовской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 4 апреля 2019 г. / Под общ. ред. Н. Б. Карабущенко, Н. Л. Сунгуровой. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 151–156.
- Kuhl J.* Who controls whom when “I control myself”? // Psychological Inquiry. 1996. V. 7 (1). P. 61–68.

Self-appraisals of volitional traits structure of representatives of different ethnic groups

V. N. Shlyapnikov

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

The article presents the results of the factor analysis of the volitional traits self-appraisals of representatives of 14 Russian-speaking ethnic groups from the Russian Federation and the former USSR: Russians, Mari, Komi, Tatars, Bashkirs, Ossetians, Kabardians, Jews, Armenians, Ukrainians, Belarusians, Tajiks, Koreans, Tuvans. 1400 people took part in the study in total. As a result, a six-factor structure of self-appraisals of volitional traits was obtained, which includes the following components: volitional activation of action, volitional self-control, persistence, volitional potential, emotional self-control, attentiveness. The presence of significant differences in factor scores between the compared groups was shown. It was also shown that there are significant links between the factor “volitional activation of the action” and Action Control Scale, Purpose-in-Life Test and severity

of positive ethnicity; the factor of “volitional self-control” and the severity of behavioral and social self-control, Purpose-in-Life Test, the severity of positive ethnicity; factor “emotional self-control” and the severity of emotional self-control; factor “volitional potential” and Purpose-in-Life Test, the severity of positive ethnicity.

Keywords: volition, volitional regulation, volitional traits, self-appraisals, factor analysis, cross-cultural approach, ethnos.

Раздел III

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Личность летчика: история изучения и современность

Н. А. Васильченко

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодар
vasilch_nat@mail.ru

В статье проводится историко-психологический анализ, который позволил выделить основные этапы становления системы профессионального психологического сопровождения летчиков в России, выделить и обозначить актуальные проблемы современного изучения личности курсантов и летчиков, а также определить перспективные направления исследования личности курсантов и летчиков. Приведены результаты психологического отбора курсантов.

Ключевые слова: летчик, личность, профессионально важные качества, курсант.

Современная авиационная техника предъявляет к профессионализму летчика высокие требования. Это связано как со сложной системой управления летательным аппаратом, так и с множеством нестандартных условий полета, которые выступают специфической характеристикой опасных профессий. Профессиональная летная деятельность складывается не только из реализации развитых профессиональных способностей, но и во многом определяется особой структурой личности летчика. Именно личностные профессионально важные качества во многом обеспечивают успешное завершение сложных, а порой и экстремальных ситуаций.

Исторический контекст изучения *психологии личности летчика* в нашей стране позволяет увидеть процесс выделения летчика как субъекта труда, проследить сложный путь, который удалось пройти авиационной психологии, прежде чем стать самостоятельной отраслью науки, выделить перспективные направления исследований в области психологии личности летчика.

Научный поиск необходимых требований к человеку в полете исторически начинается с первых полетов на воздушном шаре.

Смелостью и отвагой характеризовались те, кто поднимался на нем в воздух. Именно такими особенностями обладал известный российский генерал С. Л. Львов, который поднялся в 1803 г. в воздух с целью определения пригодности использования воздушного шара в военных действиях.

Первое научное изучение влияния полета на человека по заданию Академии наук подготовил и осуществил академик Я. Д. Захаров в 1804 г. Программа исследования строилась на известных материалах о ранее проведенных за рубежом полетах на воздушных шарах, и поэтому включала не только физические и метеорологические задачи. В этот полет Я. Д. Захаровым специально были включены и фактически проведены физиологические и психологические наблюдения.

Первым русским воздухоплателем, который в 1805 г. самостоятельно совершил полет на построенном им самим воздушном шаре, был штаб-лекарь Лефортовского госпиталя И. Г. Кашинский. Именно его полет воодушевил многих интересующихся воздухоплаванием и позволил сохранить уверенность в перспективности его развития.

После длительного перерыва полеты с научной целью возобновились в 1868 г. Совершивший несколько полетов физик М. А. Рыкачев впервые предложил *психологический анализ деятельности* воздухоплателя и впервые описал перечень таких свойств, которые позволили бы человеку управлять воздушным шаром. Он указывал следующее: «Управление шаром требует... быстроты соображения, распорядительности, сохранения присутствия духа, осмотрительности, внимательности, ловкости» (К истории отечественной..., 1981, с. 23).

В период с 1884 по 1897 г. в России формируется первая военная воздухоплательная часть (Кадровая воздухоплательная команда). Именно систематическая работа с ее участниками давала возможность накапливать опыт по изучению влияния полета на физиологические и психические функции человека. Выдающаяся роль в становлении психологических исследований личности авиаторов принадлежит военному врачу С. П. Мунту.

Трагические события, сопровождавшие весь этап становления воздухоплавания в России, а особенно в 1909 г. катастрофа с воздушным шаром, который принадлежал Всероссийскому аэроклубу, заставили пересмотреть отношение к отбору воздухоплателей. Впервые в мире был поставлен вопрос о необходимости специального отбора пилотов.

Именно с 1909 г. под руководством В. М. Бехтерева, в его клинике при Военно-медицинской академии, успешно проводились клинико-психологические исследования летчиков, в которых применялись не функциональные (Франция), а личностные методики.

Такой прогрессивный подход отечественных ученых, медиков, летчиков позволил сформулировать важный тезис о существующих особенностях личности пилота. Уже в 1910 г. Н. Е. Жуковский отмечал: «При современном состоянии аэропланов далеко не всякий может летать: требуется очень большое внимание, согласие всех движений, находчивость и хладнокровие» (К истории отечественной..., 1981, с. 43).

Продолжительные медицинские и психологические наблюдения и изыскания продемонстрировали перспективность изучения личности пилотов. Особенно это стало очевидным в годы Первой мировой войны. Несмотря на то, что в русской авиации был уже накоплен определенный опыт, именно участие в боевых действиях позволило обнаружить существенные особенности личности летчика.

Созданная в Петрограде в 1917 г. специальная комиссия по изучению труда летчиков и их плановому психологическому отбору накапливала не только теоретический материал, но и экспериментальную базу.

Известные ученые, летчики-методисты, врачи указывали на наличие определенных свойств личности, которые позволяют летчику быть успешным. Так, Н. П. Ильзин предлагал выделять, помимо «полетных способностей», важные качества летчика, такие как: присутствие духа, находчивость, спокойствие, постоянство, дисциплинированность, критическое отношение к полетам, осторожность.

Выдающийся психолог А. П. Нечаев в 1923 г., описывая результаты собственного комплексного обследования курсантов летных училищ, подчеркивал, что полученные им данные позволили сделать вывод о возможности определения «коэффициента авиаспособностей» будущих летчиков. Им выделены 7 летных качеств: адаптация и объем внимания, эмоциональность, внушаемость, разница в прямом и обратном счете, а также в средней скорости написания чисел и средней скорости работы в спокойном состоянии и при действии побочных раздражителей.

Все ученые указывали, что тяжелые, своеобразные условия летной деятельности предъявляют особые требования к личности летчика, успех в этой профессии в большей степени, чем в других,

зависит от определенных свойств личности. Изучать эти особенности личности летчиков, по мнению С. Г. Геллерштейна, можно по-разному: в «синтетическом» направлении и в «аналитическом».

Ученые, придерживавшиеся первого направления, изучали способности летчиков в условиях целостной летной деятельности. Выводы о летных способностях пилотов проводились на основании результатов выполнения профессиональной деятельности, а также с учетом мотивации, уверенности в своих силах, стремления целенаправленно развивать и совершенствовать свои психофизиологические данные и др.

В рамках аналитического направления осуществлялись попытки найти оптимальное количество психических качеств, которые определяют успех в летной деятельности.

С середины тридцатых годов XX в. советские психологи Я. Ф. Самтер, Н. В. Канторович, К. К. Платонов в качестве объекта исследования выделяют *структуру личности летчика* и оценку благоприятных/неблагоприятных для летной деятельности сочетаний отдельных свойств в этой структуре.

После длительного перерыва, только в 1958 г., были возобновлены исследования по изучению возможности применения психологического метода обследования при отборе юношей в летные училища. Проводили их К. К. Платонов, Е. С. Завьялов, Б. Л. Покровский, Н. И. Майзель и др. В 1961 г. под руководством К. К. Платонова подготовлен и осуществлен экспериментальный психологический отбор кандидатов в летные училища. Анализировались результаты кандидатов по 12 методикам, которые позволяли обнаружить важные сочетания следующих свойств и качеств личности летчиков: направленность на летную деятельность, эмоциональную устойчивость, внимание (объем, устойчивость, распределение, переключение), способность к быстрой выработке и легкой перестройке навыков, помехоустойчивость, хорошую память, быструю сообразительность и ориентировку во всем новом. Именно эти методики легли в основу официального обязательного психологического отбора курсантов авиационных училищ в 1964 г., а в 1966 г. были нормативно закреплены для всех училищ. Дифференциация полученных данных давала возможность распределить кандидатов на 4 группы в зависимости профессиональной пригодности (историко-психологические материалы по этим вопросам см. также: Глоточкин, Журавлев, Кольцова, 2006; К. К. Платонов – известный отечественный психолог..., 2007; Платонов, 2005; и др.).

Первоначально психологический отбор разрабатывался для истребительной авиации, затем для бомбардировочной, транспортной авиации и т. д.

В 1970–1980-х годах уделялось большое внимание изучению проблемы профессиональной пригодности в авиации, расширялись исследования структуры личности курсантов и летчиков. Важнейшими характеристиками личности, которые позволяли профессионально выполнять боевую задачу, являются ценностные ориентации, моральные принципы, уровень притязаний, самооценка, тревожность, эмоциональная уравновешенность, социальная и эмоциональная зрелость, высокая мотивация. Этот период положил начало накоплению экспериментально полученных данных о деятельности летчика в различных условиях полета: обычных, аварийных ситуациях, о работоспособности в трансмеридианных полетах, о психологических особенностях стратосферных полетов, об особенностях пространственной ориентировки и т. д. Большой вклад внесли и продолжают работать в этих направлениях В. А. Пономаренко, Д. Н. Гандер, А. А. Ворона, Р. Н. Макаров, П. А. Корчемный, Н. Ф. Лукьянова и др. (Гандер, 2007). Результаты фундаментальных исследований проблем профессиональной пригодности обобщены в работах, выполненных В. А. Бодровым или под его руководством (см., напр.: Бодров, Журавлев, 2003; и др.).

С 1980–1990-х годов особое место в экспериментальных исследованиях занимает *личностное развитие* военных летчиков. Под руководством академика РАО В. А. Пономаренко выполнено многолетнее исследование формирования и развития духовно-нравственных, личностных и интеллектуальных профессионально важных качеств летчиков, тем самым обоснованы новые требования к формированию личности летчиков XXI века.

В настоящее время в Краснодарском высшем военном авиационном училище летчиков, продолжая многолетние традиции, опираясь на нормативные документы, регламентирующие проведение профессионального психологического отбора кандидатов в летное училище, реализуют набор юношей и девушек в различные роды авиации.

Особенности летного труда в различных родах авиации предъявляют разные требования к структуре личности и уровню развития профессионально важных качеств летчика. Особое значение приобретают такие психические свойства и личностные характеристики, как уровень общего интеллекта, в том числе интеллектуальная гибкость, общая осведомленность, когнитивная гибкость, практическое мышление, координация способностей, а также уро-

вень личностной стабильности, надежность, резистивность к стрессу, уверенность в себе, ответственность, социабельность, коммуникативные способности.

Максимальное соответствие личностных характеристик, структуры и уровня развития необходимых профессионально важных качеств требованиям выбранной специализации способствует более эффективному овладению профессией летчика в том или ином роде авиации, профессиональной надежности и профессиональному долголетию.

Специалистами научно-исследовательского отдела Краснодарского ВВАУЛ осуществляется постоянное изучение особенностей личности курсантов. Исследование проводилось с использованием методик, регламентированных для применения в военно-учебных заведениях МО РФ: опросника «16PF Кеттелла», опросника МЛО «Адаптивность» (Методики военного профессионального..., 2005).

Выборку составили 111 кандидатов для обучения в КВВАУЛ. Обследование по методикам проводилось с кандидатами на обучение летным специальностям в период поступления в КВВАУЛ в 2017 г. с соблюдением всех необходимых процедур, регламентирующих этап профессионального психологического отбора. Полученные результаты характеризуют кандидатов следующим образом: обладают высокими общими интеллектуальными способностями, высоким творческим потенциалом и воображением, восприимчивостью ко всему новому, склонны экспериментировать и анализировать, стремятся быть хорошо информированными, у них выражены интеллектуальные интересы. Их можно отнести к группе эмоционально устойчивых людей, так как отсутствует внутреннее напряжение и тревога, хорошо развит волевой контроль. В регуляции эмоциональных реакций они ориентируются на высшие социальные механизмы, общепринятые формы поведения, моральные представления, уверены в себе, рассудительны. Обнаружена высокая склонность к лидерству, имеется собственное мнение, однако нет стремления навязывать его остальным. В общении тактичны. Отличаются принятием обдуманных решений.

Обобщая приведенные историко-психологические материалы и эмпирические данные, необходимо отметить выдающие заслуги отечественных ученых, летчиков, врачей, конструкторов в разработке теоретико-методологических основ изучения личности летчика, которые подтверждаются сегодня в описании свойств личности курсантов и обладают высокой прогностичностью.

Литература

- Бодров В. А., Журавлев А. Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Гандер Д. В.* Профессиональная психопедагогика. М.: Воентехиниздат, 2007.
- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 117–126.
- К истории отечественной авиационной психологии: Документы и материалы / Под ред. К. К. Платонова. М., 1981.
- К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Методики военного профессионального психологического отбора: Метод. пособие. М.: Военное издательство, 2005.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

The identity of the pilot: history and modernity

N. A. Vasilchenko

Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots, Krasnodar

The article presents a historical and psychological analysis, which allows to identify the main stages of the formation of the system of professional psychological support of pilots in Russia, to identify the existing problems of modern study of the personality of cadets and pilots, as well as to identify promising areas of research of the personality of cadets and pilots. The results of psychological selection of cadets are given.

Keywords: pilot, personality, professionally important qualities, cadet.

Лаборатория психологии личности ИП РАН в период с 1984 по 1991 г.

М. И. Воловикова

Институт психологии РАН, Москва
margarita-volovikova@ya.ru

Статья посвящена первому периоду в истории Лаборатории психологии личности Института психологии Академии наук СССР. Показана роль в развитии исследований первого заведующего Лабораторией Людмилы Ивановны Анцыферовой. Раскрыто влияние личности и жизненного пути Анцыферовой на формирование ее уникальной «теории личности». Дано описание исследований и некоторых видов работ, проводимых в Лаборатории в указанный период. Говорится об особенностях советского периода в развитии психологической науки. Утверждается продуктивность работы Лаборатории в последующие периоды ее деятельности.

Ключевые слова: психология личности, советская психология, Лаборатория, история, Л. И. Анцыферова, научная школа, «теория личности».

Период с 1984 по 1991 г. в истории Лаборатории психологии личности — это время, связанное с именем Людмилы Ивановны Анцыферовой, первого заведующего Лабораторией. В Институте психологии, созданном в 1971 г. в Академии наук СССР, планы по организации лаборатории психологии личности возникали неоднократно, поскольку в концепции Института, разработанной его первым директором Б. Ф. Ломовым, психология личности занимала одно из центральных мест, наряду с общей психологией, инженерной психологией, социальной психологией и психофизиологией (Ломов, 1991). Но если с общей и инженерной психологией или с психофизиологией проблем не возникало с самого первого года работы Ин-

---

Статья подготовлена по Госзаданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0159-2019-003.

ститута, а социальную психологию удалось представить на уровне лаборатории в декабре 1973 г., то кадровых и других ресурсов для лаборатории психологии личности было недостаточно. Так казалось до тех пор, пока внимание руководства Института не было обращено на Л. И. Анцыферову, в то время заведовавшую Сектором философских проблем психологии. Оказалось, что лучшего специалиста в области психологии личности нельзя было бы и представить.

В интервью, опубликованном в «Психологическом журнале» под заголовком «Я рано почувствовала свое призвание исследовать, распознавать внутреннюю психическую жизнь человека» (Анцыферова, 2004), представлена научная автобиография Людмилы Ивановны. Читая этот текст, слышишь неповторимые, очень индивидуальные интонации молодого и звонкого голоса Анцыферовой, чувствуешь ее невероятный и постоянный научный интерес к миру и человеку в этом мире.

И дело даже не столько в том, что в ее формировании как психолога участвовали крупнейшие отечественные философы и психологи. П. Я. Гальперин был руководителем дипломной работы. С. Л. Рубинштейн – научным руководителем кандидатской диссертации. А. А. Смирнов – руководителем первого места работы молодого специалиста. Б. Ф. Ломов – директором первого Института психологии Академии наук СССР. От каждого Л. И. Анцыферовой удавалось взять что-то новое и существенное, но при этом преобразовать полученное знание в свое видение, в «кирпичик» своей «теории личности».

Основной лейтмотив ее воспоминаний – мощный и постоянный интерес к науке, радостная готовность учиться и трудиться. Суровые условия войны, полуголодное существование, необходимость работать на производстве не могли помешать напряженной и успешной учебе в Университете. Может быть, именно тогда закладывалась концепция личности, способной преодолевать трудности, точнее трудности как условие развития личности. И все-таки от обязанности работать на производстве Людмилу Ивановну освободила болезнь, и она из неустроенного военного быта оказалась в Венгрии, где в это время работал ее отец. На фотографии этого периода две хорошенькие и красиво одетые девушки – она с сестрой Галиной. Другой опыт, другая жизнь. Испытание благополучием, которое она также выдержала, сохранив в памяти красоту цветущей природы, не разрушенной войной.

Послевоенный период – то время, когда ослабел «железный занавес». Продолжался он недолго и закончился процессами над «кос-

мополитами», среди которых оказался и Сергей Леонидович Рубинштейн. Но западные психологи стали доступнее, а их теории личности – хорошо знакомы. Людмила Ивановна владела немецким, английским и, возможно, французским языками. Скорее всего, этим не ограничивались ее лингвистические познания, так как однажды можно было наблюдать, как она обходилась без переводчика в беседе с румынским коллегой. В любом случае Л. И. Анцыферова много сделала для того, чтобы отечественных психологов познакомить с концепциями Курта Левина, Эрика Эриксона, Лоуренса Колберга, Анри Валлона, Гордона Олпорта и др. И не только познакомить, но и преобразовать многое в свою теорию личности.

Рассказывая о своем участии в работе конференции психологов в Потсдаме в 1978 г., Людмила Ивановна отмечает: «Меня уже давно занимал вопрос о совокупности тех условий, которые определяют своеобразие создаваемых психологами теорий личности. И я написала доклад о системной детерминации таких теорий» (Анцыферова, 2004, с. 90).

К 1984 г. в лице Л. И. Анцыферовой психологическая наука имела уникального специалиста в области психологии личности, обладающего десятилетним опытом руководства научным подразделением – Сектором философских проблем психологии. Сотрудники этого сектора и стали основным составом новой лаборатории. Инна Аршавировна Джидарьян разрабатывала тему эстетической потребности (Джидарьян, 1976), но была готова к исследованию и другой личностной проблематики. Гарри Степанович Тарасов работал над проблемой духовной потребности (Тарасов, 1979). Ирина Ивановна Чеснокова была автором одного из лучших и до сих пор цитируемых исследований по проблеме самосознания личности (Чеснокова, 1977). Классической работой также стало исследование Владимира Георгиевича Асеева мотивации поведения личности (Асеев, 1976). Тамара Ивановна Артемьева разрабатывала проблему способностей личности (Артемьева, 1977). До 1990 г. в составе Лаборатории был также Андрей Владимирович Брушлинский, который продолжал считать себя членом этого научного коллектива, даже став директором Института.

Подрастала молодежь, большей частью которой были аспиранты или младшие научные сотрудники, готовившие свои диссертации под руководством Л. И. Анцыферовой. К разработкам, начатым в этот период, в том числе в виде кандидатских, аспирантских исследований, стоит вернуться, чтобы использовать их еще не вполне реализованный научный потенциал. Среди них надо назвать работу

Т. Б. Карцевой, посвященную изменениям образа Я в ситуациях жизненных перемен, где в качестве примеров преобразующих личность ситуаций приводятся создание семьи и перевод на руководящую должность (Карцева, 1989). В этот же период было начато кандидатское исследование Н. Е. Харламенковой под руководством Людмилы Ивановны, завершившееся защитой в 1993 г. (Харламенкова, 1993).

Учитывая вклад Лаборатории в разработку нравственной проблематики, следует остановиться на аспирантской работе Т. Г. Гаевой о моральной ответственности как качестве личности (Гаева, 1984). Время защиты кандидатской диссертации Т. Г. Гаевой совпало со временем организации Лаборатории. В работе были намечены некоторые из перспективных направлений исследования нравственных проблем в психологии личности (об их разработке в ИП АН СССР (РАН) подробнее см.: Воловикова, Журавлев, 2018; и др.). Тема, которая привлекла внимание диссертанта и ее руководителя – Л. И. Анцыферову, касалась связи нравственного развития личности с ее поведением. Было выделено качество моральной ответственности, позволяющее человеку ориентироваться в неоднозначных этических ситуациях, и сделан вывод о том, что моральная ответственность характеризует личность как интегральное целое, в котором различные уровни психологической организации объединяются в единой альтруистической направленности. Утверждалась интегрирующая роль высшего уровня психологической организации личности – уровня нравственных и этических мотивов, ценностей, моральной и интеллектуальной интуиции. В работе впервые делалась попытка диагностики морального развития личности. Также в ней содержится описание некоторых результатов проведенного исследования представлений о совести. Сопоставление образного и вербального эмпирического материала позволило автору прийти к выводу о том, что лица, находящиеся на разных уровнях развития качества моральной ответственности, отличаются в своих суждениях о совести. Взрослые респонденты (врачи, медсестры, а также лица с девиантным поведением) дают различные рисунки-образы и пояснения к ним – от шуточных ответов и отказов до очень глубоких обобщений, например: «Совесьть – это букварь поведения, заложенный в сердце»; «проверка всего себя сердцем» (Гаева, 1984, с. 271). В работе также содержится большой объем эмпирического материала, перспективного для проведения нового этапа анализа.

Всего под научным руководством Л. И. Анцыферовой было подготовлено и защищено 14 кандидатских диссертаций, причем темы и сроки выполнения работ отличались исключительным разнообразием.

разием, отражая широту интересов научного руководителя, а также ее исключительную требовательность к качеству работы.

Как заведующего Лабораторией Людмилу Ивановну отличало уникальное сочетание довольно жесткого стиля руководства и способность поддерживать творческий климат в коллективе. Хотя «жесткий стиль» мог касаться и таких забытых ныне работ научных сотрудников советского периода, как выезд на овощебазу. А основной формой поддержания творческого климата были заседания Лаборатории, проводимые часто и основательно по времени заседания. По традиции, заложенной еще Сергеем Леонидовичем Рубинштейном, слово для выступления давалось всем сотрудникам, начиная от лаборанта и завершая старшими научными сотрудниками. Отмолчаться не удавалось никому. Такие заседания для многих были школой ведения научной дискуссии, школой умения формулировать мысль и отстаивать ее. Хотя в те годы продолжительность заседания кого-то и могла тяготить, но потом участники вспоминали их с благодарностью за полученный профессиональный опыт.

Также общим лабораторным делом было участие в подготовке рукописей коллективных тематических сборников научных трудов. Причем к авторской работе привлекались, как правило, старшие и самые опытные из сотрудников. А вот в технической работе по подготовке рукописи для ее сдачи в издательство «Наука» участвовали младшие научные сотрудники и лаборанты. Период от начала подготовки до выхода книги в свет занимал два года и более. Так, за 7 лет (с 1984 по 1991 г.) силами Лаборатории под редакцией Л. И. Анцыферовой были подготовлены 2 коллективные монографии: «Категории материалистической диалектики в психологии» (1988 г.) и «Тенденции развития психологической науки» (1989 г., отв. ред. Л. И. Анцыферова и Б. Ф. Ломов). Выход в свет каждой из этих фундаментальных книг становился событием в научной жизни СССР.

Сама Людмила Ивановна была прекрасным научным редактором. До 1989 г. она исполняла обязанности заместителя главного редактора «Психологического журнала», а главным редактором был Б. Ф. Ломов.

Одной из работ, к которым Анцыферова относилась с огромной ответственностью, была подготовка справок для ЦК КПСС. Они касались использования результатов психологических исследований в самых разных областях народного хозяйства. Обычно требовалось их готовить в режиме ограниченного времени. Людмила Ивановна и сотрудники приходили на работу и в выходные. Печатать старались без исправлений, что на машинке сделать было достаточ-

но сложно. В общем, это был большой труд – как по содержанию, так и по исполнению. Когда в 1991 г. были вскрыты шкафы с отчетами и справками в здании ЦК КПСС на Старой площади, оказалось, что наши материалы никто даже не открывал, что у Людмилы Ивановны вызвало большое разочарование. После завершения своего заведования она сосредоточилась на научных исследованиях, и это оказался, возможно, самый плодотворный период в ее научном творчестве (подробнее об этом см.: Харламенкова, Журавлев, 2009; и др.), а созданная ею Лаборатория продолжила свою работу в новых условиях.

В то сложное время, в которое вступила и страна, и отечественная наука в 1990-е годы, Лаборатория оказалась «на высоте». Появившиеся возможности позволили продумать, исследовать и опубликовать многое из того, на что раньше можно было только осторожно намекать. Почти каждый год Лаборатория готовила по научному труду, и перечень названий этих книг также может свидетельствовать о том, что психология личности в 1990–2000-е годы не закрывалась от проблем, а оказалась в самой гуще событий, предлагая не только грамотные объяснения происходящего, но и возможные их решения: «Психология личности в условиях социальных изменений» (1993); «Сознание личности в кризисном обществе» (1995); «Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления)» (1996); «Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики» (1997); «Психология личности: новые исследования», 1998); «Современная личность: Социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии» (2000) и др. В центре внимания оказались сознание личности в условиях социальных изменений, исторически сложившиеся особенности российского менталитета и его современное состояние.

Главное в понимании научной жизни Лаборатории сегодня – это надежный научный фундамент, созданный работами учителей – классиков отечественной психологии. Одним из таких классиков, несомненно, является и Людмила Ивановна Анцыферова – замечательный ученый и видный организатор науки.

На протяжении всей истории Лаборатории психологии личности – от периода ее предыстории и тех фундаментальных разработок, которые осуществлялись в Секторе философских проблем психологии, до настоящего времени – неизменными остаются научные принципы и оригинальные подходы к личности: поиск ее позитивных проявлений, позволяющих выстоять в постоянно меняющихся и часто неблагоприятных внешних условиях (о динамическом подходе

де см.: Журавлев, Харламенкова, 2018; и др.), отношение к личности как к субъекту активности, поиск духовно-нравственных и ценностных оснований ее жизнестойкости (подробнее см.: Духовно-нравственные проблемы..., 2018; Психологическое здоровье..., 2014; и др.).

Лаборатория, созданная в конце «советского периода» развития отечественной психологии, смогла обеспечить высокий уровень проводимых исследований, опираться на последние разработки зарубежной психологии с учетом того особенного, чем отличается российский менталитет. Ее работы оказались востребованными и в период резких социальных перемен, и в последующие периоды развития страны, точные определения которых еще не найдены.

В феврале 2019 г. Лаборатории исполнилось 35 лет, и ей есть, чем гордиться. Это верность научным традициям, принадлежность научной школе С.Л. Рубинштейна, вклад в ее развитие современных классиков психологии, одним из которых, несомненно, является Л. И. Анцыферова.

Литература

- Анцыферова Л. И.* «Я рано почувствовала свое призвание исследовать, распознавать внутреннюю психическую жизнь человека»: Интервью, записанное В. И. Артамоновым // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 87–92.
- Артемьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей. М.: Наука, 1977.
- Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Вместо введения: Вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества // Духовно-нравственные проблемы современной личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 15–31.
- Гаевая Т. Г.* Моральная ответственность как качество личности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1984.
- Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М.: Наука, 1976.
- Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психики человека // Институт человека. Идея и реаль-

ность / Ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2018. С. 280–290.

Карцева Т. Б. Изменения образа Я в ситуациях жизненных перемен: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.

Ломов Б. Ф. Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 12–26.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности (на материале музыкального восприятия). М.: Наука, 1979.

Харламенкова Н. Е. Влияние когнитивного стиля и социальных установок личности на особенности целеполагания: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.

Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.

Чеснокова И. И. Проблема самосознания. М.: Наука, 1977.

Laboratory of psychology of personality (1984–1991)

M. I. Volovikova

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article is devoted to the first period in the history of the Laboratory of personality psychology of the Institute of Psychology, USSR Academy of Sciences. The role of the first head of the Laboratory Lyudmila Antziferova in the development of research is shown. The influence of Antziferova's personality and life path on the formation of her unique “theory of personality” is revealed. We describe the studies and some types of work carried out in the Laboratory during this period. It is said about the features of the Soviet period in the development of psychological science. The productivity of the Laboratory in the subsequent periods of its existence is approved.

Keywords: psychology of personality, Soviet psychology, Laboratory, history, L. I. Antziferova, scientific school, “theory of personality”.

Научное творчество Я. А. Пономарева: основные идеи и открытия

Т. В. Галкина

Институт психологии РАН, Москва
galkina@list.ru

Я. А. Пономарев – выдающийся психолог, философ, глубокий мыслитель-методолог, создавший оригинальную философско-психологическую теорию, имеющую не только общепсихологическое, но и общенаучное значение. Ряд положений его теории вносят существенный вклад в общую теорию психологии и имеют выраженное практическое значение. В статье рассмотрены основные научные достижения ученого в области психологии творчества, философии и методологии науки: открытие феномена неоднородности результата действия человека (наличие прямого и побочного продуктов деятельности), выявление психологического механизма интуиции, введение категории взаимодействия; учение о психологическом механизме творчества (и поведения) и его центральном звене (способности действовать «в уме» – СДУ); открытие универсального закона ЭУС; учение о фазах творчества и структурных уровнях его организации; введение категории рефлексии; выявление особенностей психологического механизма совместного творчества; теория этапов развития психологического (научного) знания и разработка идеи экспериментальной методологии, как атрибута действенно-преобразующего типа знания.

Ключевые слова: научное творчество, философско-психологическая теория Я. А. Пономарева, психологический механизм творчества и поведения, закон ЭУС («Этапы–Уровни–Ступени»), методологические принципы взаимодействия и развития, типы психологического знания, экспериментальная методология.

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0159-2019-0006.

Введение

Яков Александрович Пономарев занимает особое место в отечественной психологической науке. На протяжении многих лет, начиная фактически с 50-х годов прошлого столетия и до настоящего времени, Я. А. Пономарев является безусловным лидером в области психологии творчества. Но при этом он внес неоценимый вклад в развитие различных сфер психологической науки, ее теории, истории и методологии. Его работы имеют не только общепсихологическое, но и общенаучное значение. К сожалению, до сих пор многие идеи Пономарева остаются не до конца понятыми и недостаточно используемыми, хотя многие из них имеют выраженное значение для разных областей общественной практики. Его многогранная научно-творческая деятельность требует к себе пристального внимания современных ученых, серьезного анализа и переосмысления с учетом реалий развития современных социальных и гуманитарных наук.

Анализ основных идей и открытий в научном творчестве Пономарева позволяет констатировать, что он был выдающимся *психологом* – создателем общепсихологических концепций мышления (Пономарев, 1960, 1967, 1976б), интуиции (Пономарев, 2010), творчества (Пономарев, 1976а; Психология творчества: общая..., 1990); *философом* и *методологом* – автором оригинальной онтологии психического и гносеологии психологического познания, теории о типах (этапах) научного знания, заложившим, в частности, основы нового направления в психологической науке – психологии управления знаниями (Анцыферова, 2006; Галкина, 2017; Галкина, Журавлев, 2016, 2019; Журавлев, Галкина, 2018; Журавлев, Ушаков, 2015; Пономарев, 1983, 2006, 2010; Нестик, Журавлев, 2012; и др.); *теоретиком-педагогом*, предложившим оригинальную концепцию умственного развития, в основе которого лежит формирование внутреннего плана действий (ВПД) или иначе – способности действовать «в уме» (СДУ), являющейся центральным звеном психологического механизма творчества и поведения (Галкина, 2010; Пономарев, 1967, 1976а, б и др.; и др.), продемонстрировавшим своими работами значение исследования творческой деятельности человека для развития педагогической теории и практического управления педагогическим процессом (Пономарев, 1976б; и др.), а также разработавшим с коллегами психолого-педагогические технологии развития изобретательского творчества, психотехники принятия решений (Пономарев, Гаджиев, 1983; и др.), тем самым заложив основы новых отраслей психологического знания – психологии рефлексии и социальной психологии творчества,

имеющих прикладное значение и связанных с различными областями общественной практики (Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии, 1988; Психология творчества: школа..., 2006; Галкина, Журавлев, 2018; Журавлев, Нестик, 2011; и др.).

Основные вехи нелегкого жизненного пути Пономарева и этапы его научного творчества подробно описаны Т. В. Галкиной и А. Л. Журавлевым в развернутой вводной статье в книге «Психика и интуиция» (Пономарев, 2010). Ограниченность объема статьи не позволяет подробно рассмотреть все положения философско-психологической теории Пономарева и показать весь вклад ученого в развитие не только психологической науки, но и смежных с ней областей научного знания. В данной статье только в общих чертах будут изложены основные идеи и открытия Пономарева, а также логика их развития.

Основные положения теории Я. А. Пономарева и логика их развития

Анализ научного наследия Пономарева позволяет выделить основные положения его философско-психологической теории: открытие феномена неоднородности результата действия человека (наличие прямого – осознаваемого – и побочного – неосознаваемого – продуктов деятельности) (Пономарев, 1960, 2010), выявление психологического механизма интуиции и введение категории взаимодействия (Пономарев, 2010); учение о психологическом механизме творчества (и поведения) и его центральном звене (способности действовать «в уме» – СДУ) (Пономарев, 1967, 1976а, б); открытие универсального закона ЭУС (Пономарев, 1976а); учение о фазах творчества и структурных уровнях его организации (Пономарев, 1983; Психология творчества: общая..., 1990); введение категории рефлексии (Психолого-педагогические аспекты..., 1988); выявление особенностей психологического механизма совместного творчества (Пономарев, Гаджиев, 1983); теория этапов развития психологического (научного) знания (Пономарев, 1983) и разработка идеи экспериментальной методологии, как атрибута действенно-преобразующего типа знания (Пономарев, 2006, 2010).

Я. А. Пономарев, еще будучи студентом, в своей дипломной работе сделал первое открытие: изучив влияние подсказки на решение задач («Четыре точки»), он вскрыл феномен *неоднородности результата действия* человека, выделив в нем прямой (осознаваемый) и побочный (неосознаваемый) продукты деятельности (Пономарев, 1960). Это исследование Пономарева стало классикой отечественной

психологии мышления. Факт *неоднородности результата действия* человека, т. е. наличие в нем *осознаваемого* (связанного с работой *логики* и относящегося к цели действия) и *неосознаваемого* (связанного с работой *интуиции* и формирующегося помимо сознательной цели) продуктов деятельности укрепил веру ученого в роль *взаимодействия* (в данном случае – взаимодействия логического и интуитивного опыта в едином процессе творческого мышления) (Пономарев, 1960, 2010). Этот же факт натолкнул Пономарева на разработку представлений о логическом механизме связи взаимодействия и развития, что уже имело прямое отношение к дальнейшей разработке ученым системного подхода, как в психологии творчества, так и в методологии психологической науки в целом (Пономарев, 1976а, 1983).

В силу сложившихся обстоятельств на следующем этапе творческого пути Пономарев занялся исследованием умственного развития детей (Галкина, Журавлев, 2016, 2019). В основу разрабатывавшейся им *теории умственного развития* была положена идея, согласно которой сущность мышления заключается в создании умственных моделей и действия с ними. Успешность выполнения таких действий по Пономареву зависит от уровня развития внутреннего плана действий – ВПД – или иначе, способности действовать «в уме» – СДУ (Пономарев, 1967, 1976а, б). Согласно теории Пономарева, эта способность является не только общей и базовой для развития других познавательных способностей, но и *выступает центральным звеном психологического механизма* творчества и поведения человека в целом (Пономарев, 2006; Галкина, 2010).

Проведение цикла экспериментальных исследований творческого мышления взрослого человека (Пономарев, 1960) и умственного развития ребенка (Пономарев, 1967), а затем сопоставление полученных результатов привело ученого к открытию сначала принципа, а затем и универсального *закона ЭУС («Этапы–Уровни–Ступени»)* (Пономарев, 1976а). И это стало его вторым открытием. Согласно этому закону, *этапы* онтогенетического развития психологического механизма мышления (шире – этапы психического развития человека и его деятельности) превращаются в структурные *уровни* организации этого механизма и выступают затем в виде функциональных *ступеней* решения творческих задач или любых проблем в новых (или экстремальных) для человека ситуациях. В общем виде эти функциональные ступени решения творческих задач являются функциональными ступенями дальнейших развивающих взаимодействий (Пономарев, 1983, 1990, 2006). На основе закона ЭУС Пономаревым выстраивается целостная общепсихологическая концепция,

имеющая свой особый научный язык — *структурно-уровневый*. Введение Пономаревым в свою теорию такого языка выводит ее на новый уровень, превращая из общепсихологической в общенаучную. Психика понимается им как один из уровней во всеобщей взаимосвязи явлений природы. Уровни — это понятие, относящееся не только к функционированию системы, но и к ее развитию. Разработанная Пономаревым структурно-уровневая концепция позволяет сравнивать внутреннее строение явлений и объектов действительности, а также их эволюцию. Последовательное развитие ученым принципа ЭУС способствовало глубокой эволюции всего мировоззренческого содержания его концепции: акцент со структурно-уровневого строения переместился к *двухполюсной организации* взаимодействующих систем. Принцип ЭУС, относящийся первоначально к творческому мышлению и творчеству, превратился в *универсальный закон ЭУС*, означающий «двухполюсность» мира и организации всего Мироздания, единство и борьбу противоположностей, постоянное их взаимопроникновение, взаимовлияние и борьбу за доминирование. Можно предположить, что такая эволюция научного мировоззрения ученого во многом предопределилась его изначальным пониманием творчества в самом широком смысле как механизма развития и позже — как *развивающего взаимодействия* (Пономарев, 1976а, 1983, 2006). Ученый всегда подчеркивал, что понимание природы творчества связано с привлечением широких представлений о законах, управляющих Вселенной, а творчество природы и творчество человека — это всего лишь разные сферы творчества, имеющие общие генетические корни. Существует большое количество различных определений творчества, которые должны быть научно классифицированы. Это способствовало бы, по мнению Пономарева, переходу психологии творчества от второго — эмпирического — типа знания к третьему (гипотетически выделенному ученым) — действительно-преобразующему.

Теория Пономарева об *этапах развития психологического* (в целом — научного) *знания* явилась результатом постоянного осмысления ученым полученных им ранее результатов, их методологического обобщения и стала логическим продолжением построенной им общепсихологической системы, кратко выраженной в законе ЭУС (Пономарев, 1976а, 1983, 2006). Согласно представлениям Пономарева о гносеологическом механизме общественного познания, существуют определенные этапы (типы) как психологического, так и любого другого научного знания, развитие которых происходит путем перехода от созерцательно-объяснительного типа знания к эмпи-

рическому, и далее — к действенно-преобразующему (Галкина, 2017; Журавлев, Галкина, 2018; Пономарев, 1983). Пономарев подчеркивал, что основной стратегией исследований, характерной для действенно-преобразующего типа знания, становится *комплексный, системный подход*, опирающийся на структурно-уровневую теорию, в основе которой лежит *принцип взаимодействия*. Отличительной особенностью научных исследований в рамках этого типа знания является их *междисциплинарный характер* (Пономарев, 2006). Таким образом, Пономарев гипотетически еще в середине 80-х годов XX века предположил, что наука, в том числе академическая, в XXI веке обратится к разработке тем и проведению исследований, связанных именно с действенно-преобразующим типом знания. (см., напр.: Головей, Журавлев, Тарабрина, 2017; Методология комплексного человекознания..., 2008; Психология: современные направления..., 2003; и др.).

Особый интерес вызывает предложенная Пономаревым так называемая *экспериментальная методология*, характерная для действенно-преобразующего типа знания. Главным признаком экспериментальной методологии является использование психологического эксперимента как средства решения методологических задач (Галкина, Журавлев, 2016, 2019; Журавлев, Галкина, 2018; Пономарев, 2006). Ученый пишет, что «путь к экспериментальной методологии проложило открытие *подобия форм* поведения на этапах онтогенеза ребенка и ступенях решения творческих задач» (Пономарев, 2006, с. 278). На основе открытия «*факта подобия*», вслед за разработкой идеи о психологическом механизме решения творческих задач, у Пономарева появилось представление о психологическом механизме индивидуального познания, затем всего поведения и, более того, о гносеологическом механизме общественного познания в целом.

С 1973 г. Пономарев, перейдя на работу в Институт психологии АН СССР, возглавляемый Б. Ф. Ломовым, вплотную занялся теоретической и экспериментальной разработкой *проблемы коллективного творчества, изучением роли общения в решении творческих задач и выявлении психологического механизма группового творчества* (Пономарев, Гаджиев, 1983; Галкина, Журавлев, 2018). В соответствии с основными положениями своей философско-психологической теории Пономарев полагал, что изучение психологического механизма группового творчества возможно только через выделение его ядра: нахождение и преобразование неосознаваемого побочного продукта в прямой, осознаваемый. В групповом творчестве складывается качественно иная (по сравнению с индивидуальным творчест-

вом) — коллективная — форма преобразования побочного продукта. В исследованиях Пономарева и его учеников показаны неоспоримые преимущества совместного творчества, а также то, что распределение и согласование ролей повышает его эффективность.

Эволюция основных положений теории Пономарева, носящих общепсихологический и общенаучный характер, свидетельствует о широких возможностях их экстраполяции на различные области психологии и смежных с ней наук (Галкина, 2010, 2017 и др.; Галкина, Журавлев, 2016, 2018, 2019 и др.; Журавлев, Ушаков, 2015; и др.). Теория Пономарева обладает большим инновационно-методическим и методологическим потенциалом, который уже частично реализован во многих исследованиях и активно развивающихся сегодня научно-практических направлениях, таких как психология рефлексии, социальная психология творчества, психология управления знаниями, психология образования одаренных и др. (Журавлев, Ушаков, Нестик и др., 2016; Творчество..., 2011, 2015; Современные исследования..., 2015; и др.).

Заключение

Яков Александрович Пономарев прошел нелегкий жизненный путь, полный драматических событий. Но судьба все же оказалась благосклонна к нему, позволив в последние 24 года его жизни работать в Институте психологии АН СССР так, как ученый мечтал всю жизнь — заниматься научным творчеством в кругу высокопрофессиональных коллег, имея поддержку и понимание со стороны руководства. Директор Института психологии АН СССР Б. Ф. Ломов, так же как и заведующая сектором философских проблем психологии Л. И. Анцыферова (в этом секторе с 1973 г. стал работать Пономарев), высоко ценили и профессиональные, и личностные качества Якова Александровича, обоснованно видя в нем не только выдающегося психолога, но и глубокого философа-методолога (Анцыферова, 2006). Сам же Я. А. Пономарев говорил, что Институт психологии АН СССР стал для него той долгожданной тихой гаванью, в которой он смог полностью отдаться своей самой любимой работе — научному творчеству. Я. А. Пономарев не раз подчеркивал, что период его научной деятельности именно в этом Институте был самым счастливым и плодотворным за всю его нелегкую жизнь и что именно здесь он получил возможность спокойно и вдумчиво разрабатывать свою философско-психологическую теорию, поднимая на новый уровень методологических обобщений полученные им ранее результаты.

Литература

- Анциферова Л. И.* Этюды к психологическому портрету Якова Александровича Пономарева // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 561–573.
- Галкина Т. В.* Развитие концепции Я. А. Пономарева о центральном звене психологического механизма поведения // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–34.
- Галкина Т. В.* Философско-психологическая теория Я. А. Пономарева о возможных причинах агностицизма в современном познании // Рефлексивные процессы и управление. 2017. № 1–2. С. 32–43.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Развитие научного творчества Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Представления Я. А. Пономарева о психологическом механизме коллективного творчества и их развитие // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 5–15.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Основные научные идеи Я. А. Пономарева в области теории и методологии психологии // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2 (107). С. 73–81.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700–2707.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Проблема типов психологического знания в трудах Я. А. Пономарева // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 246–274.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Я. А. Пономарев и психология творчества: от классики к современности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 5–11.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддъяков А. Н., Юревич А. В.* Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Основные теоретические подходы в психологии управления знаниями // Психология управления в современной России: процессы труда и организации: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2012. С. 4–8.
- Пономарев Я. А.* Психология творческого мышления. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- Пономарев Я. А.* Знания, мышление и умственное развитие. М.: Педагогика, 1967.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976а.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976б.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Пономарев Я. А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–276.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция: Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Ред.-сост. А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М.: ООО «ТИД „Арис“», 2010.
- Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М.* Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества / Отв. ред. Я. А. Пономарев. М.: Наука, 1983. С. 279–295.
- Психология: Современные направления междисциплинарных исследований: материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии / Под ред. Я. А. Пономарева, И. Н. Семенова, С. Ю. Степанова. М.: ИФ АН СССР, 1988.
- Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1990.
- Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. С. Белова и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Scientific creativity of Ya. A. Ponomarev: main ideas and discoveries

T. V. Galkina

Institute of Psychology RAS, Moscow

Ya. A. Ponomarev is an outstanding psychologist, philosopher, the deep thinker-methodologist who created the original philosophical – psychological theory having not only general psychological, but also general scientific value. A number of provisions of his theory contribute significantly to the general theory of psychology and have the expressed practical value. The main scientific achievements in the field of psychology of creativity, philosophy and methodology of science are considered. They are: discovery of a phenomenon of heterogeneity of result of action of the person (existence of direct products and “by-products” of activity), identification of the psychological mechanism of an intuition, introduction of category of interaction; the study about the psychological mechanism of creativity (and behavior) and its central element (ability to operate “in mind”); foundation of PLS (“Phases–Levels–Stages”) principle; the theory about phases of creativity and structural levels of its organization; introduction of category of a reflection; identification of special features of the psychological mechanism of joint creativity; theory of stages of development of psychological (scientific) knowledge and development of the idea of experimental methodology, as attribute of active–transformative type of knowledge.

Keywords: scientific creativity, philosophical-psychological theory of Ya. A. Ponomarev, psychological mechanism of creativity and behavior, PLS (“Phases–Levels–Stages”) principle, methodological principles of interaction and development, types of psychological knowledge, experimental methodology.

Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.)

И. Н. Елисеева*, *Ю. Н. Олейник***

* Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва
eliseevain2018@mail.ru

** Московский гуманитарный университет, Москва
yurii03@mail.ru

Представлены результаты анализа выходных данных 239 отечественных диссертаций 1992–2018 гг., названия которых содержат категорию «индивидуальность», включая 146 диссертаций по психологическим наукам и 61 — педагогическим. В динамике диссертаций выявлен наиболее продуктивный период с 1998 по 2006 г. с выраженным снижением к 2018 г. Предложена тематическая классификация диссертационных исследований индивидуальности. Определены основные центры подготовки кадров высшей квалификации по тематическим направлениям изучения индивидуальности и продуктивность научных руководителей (консультантов). Полученные результаты соотнесены с данными других авторов. Предложены варианты использования тематических баз данных диссертаций на начальных этапах исследовательских работ.

Ключевые слова: история психологии, Л. И. Анцыферова, индивидуальность, диссертация, тематическая классификация, динамика публикаций, научная школа.

История психологии индивидуальности и наукометрия

Одной из сфер научных интересов известного отечественного психолога, доктора психологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Людмилы Ивановны Анцыферовой (1924–2013) являлась *история психологии*. В рамках Научных чтений с международным участием, посвященных 90-летию со дня рождения учено-

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 19-013-00779.

го (9 октября 2014 г., Москва, Институт психологии РАН), ее вклад в эту область психологического знания был детально проанализирован в докладе В. А. Кольцовой «Проблемы методологии и истории в работах Л. И. Анцыферовой». При этом специально отмечалось, что особенностью историко-психологических исследований Л. И. Анцыферовой являлся конструктивный подход к анализу и рассмотрению психологических концепций ученых в их исторической динамике, стремление к выявлению «продуктивных идей, концепций и методических средств, разработанных... авторами» (цит. по: Воловикова, Харламенкова, 2015). Опираясь на такую позицию, отличающую научное мировоззрение Л. И. Анцыферовой, проведем объективный анализ одной из важных проблем современной психологии — динамики научных направлений, в данном случае связанных с изучением *индивидуальности* человека.

В знаковой для своего времени и фундаментальной для современной психологии монографии «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» (1974), подготовленной Л. И. Анцыферовой совместно с другим авторитетным историком психологии М. Г. Ярошевским, был дан обстоятельный и глубокий анализ так называемого «персонологического» направления в психологии. При этом отмечалось, что в работах представителей этого направления «выявлена важная роль отношений между действительными свойствами личности, представлениями человека о себе и его идеалом себя в нормальном функционировании личности: справедливо подчеркивается актуальность разработки проблемы индивидуальности личности» (Анцыферова, Ярошевский, 1974, с. 286).

Учитывая, что данный раздел монографии был подготовлен именно Л. И. Анцыферовой, можно предположить, что работа по его подготовке определила устойчивый и многолетний интерес Л. И. Анцыферовой к данному направлению психологических исследований — к проблемам индивидуальности личности. Этот интерес, по мнению А. Л. Журавлева и Н. Е. Харламенковой, устойчиво проявляется в разработке авторского *динамического подхода к личности* как саморазвивающейся системе, как субъекту своего деятельного существования, изменения и поступательного развития в полноте его индивидуальных, личностных и субъекто-деятельностных характеристик (Журавлев, Харламенкова, 2009, 2017; и др.).

Одной из задач, стоящих перед историей психологии, является повышение объективности и обоснованности получаемых результатов и формулируемых выводов. В конечном варианте успешное решение этой задачи связано с используемыми методами исследования.

Общепризнано, что использование формализованных методов, опирающихся на возможность количественной обработки получаемых данных, обеспечивает необходимый результат. В настоящее время в области истории психологии такими, в частности, являются методы наукометрии. Однако, как справедливо отмечает В. А. Кольцова, «при проведении количественного анализа истории науки принципиальное значение имеет вопрос о выборе измерителя исследуемого психологического познания. Им должен быть один из показателей результатов научной деятельности как объективированное выражение творческих усилий ученых, занимающихся исследованием психической реальности. Изменение этого показателя во времени позволяет проследить динамику и выявить тенденции развития психологического знания» (Кольцова, 2008, с. 395).

Представляется, что в качестве адекватного и конкретного продукта научной деятельности ученых могут выступать диссертационные исследования (кандидатские и докторские). Именно диссертации в полной мере соответствуют требованиям научности, проходят многоуровневую научную экспертизу и отражают уже сложившийся корпус знаний, в который автор диссертации «вписывает» или с которым соотносит свои оригинальные результаты. Диссертации имеют достаточно широкий спектр фиксированных, измеряемых и сопоставимых показателей (защитная специальность, год и место защиты, научный руководитель или консультант, тематика и т. д.). Поэтому использование диссертаций как важной единицы оценки результата труда ученого является не только уместным и целесообразным, но и необходимым при анализе состояния и динамики научного познания.

Как показывает опыт уже проведенных исследований содержания и динамики научного познания на основе изучения диссертаций, можно получить широкий спектр конкретных и часто неочевидных данных (Актуальные проблемы психологии..., 2015; Анцупов, Кандыбович, Прошанов, 2010; Проблемы психологического исследования..., 2007). Например, проведенный группой исследователей анализ докторских диссертаций по психологии (по состоянию на 2007 г.) позволил получить: количественную динамику защит по годам; выявить соотношение защищенных диссертаций по городам; определить распределение диссертаций между мужчинами и женщинами; определить минимальный, максимальный и средний возраст соискателя ученой степени по годам или другим хронологическим периодам; распределение диссертаций по защитным специальностям и соответствующим им проблемам (Проблемы психологического исследования..., 2007).

Конечно, спектр наукометрических методов, используемых в современной науке, достаточно широк и не ограничивается только количественными показателями, использованными в приведенных выше исследованиях и полученных на основе статистического метода. Не меньший, а для историка психологии, несомненно, больший интерес представляет *содержательный анализ* тематики, изучаемых проблем, используемого категориально-понятийного аппарата диссертаций. Применение метода «контент-анализа», тезаурусного и сленгового методов позволяет анализировать именно содержательные аспекты развития научного знания на основе количественных показателей.

Апробацию именно такого подхода и предприняли авторы данного материала в своем исследовании — изучении представленности категории «индивидуальность» в названиях кандидатских и докторских диссертаций.

Диссертационные исследования как объект историко-психологического исследования наукометрическими методами

Акцент именно на конкретной категории обусловлен тем, что «на современном этапе развития науки становится особенно важными „ре-визия“ и анализ понятийного поля» (Сергиенко, Журавлев, 2018, с. 5). Это относится, несомненно, и к совокупности направлений психологических исследований, для которых категория «индивидуальность» является одной из базовых и которые в своей проблематике и используемом понятийном поле в значительной мере пересекаются (индивидуальная психология, дифференциальная психология, психология индивидуальных различий, дифференциальная психофизиология, персонология).

Отметим, что наукометрический анализ отечественных диссертационных исследований по указанным тематическим направлениям изучения индивидуальности ранее не проводился. Предполагается, что полный цикл такого рода исследования должен включать как минимум два этапа:

- на первом этапе проводится анализ массива диссертаций, названия которых содержат прямые и непосредственные указания на обращение к темам психологии индивидуальности, т. е. которые в названии содержат понятие «индивидуальность»;
- на втором этапе определяются критерии отнесения диссертационных исследований к конкретной проблематике психоло-

гии индивидуальности и расширение на основе этих критериев перечня диссертаций, т. е. анализ диссертаций, посвященных проблемам индивидуальности, но не включающих в свое название термин «индивидуальность» непосредственно.

В настоящей работе представлены результаты первого этапа, где *задачами* выступили:

1. Выделение тематического пространства диссертационных работ, названия которых содержат прямые указания на исследование различных аспектов индивидуальности.
2. Выявление количественных характеристик отечественных диссертаций с целью установления динамики развития тематического пространства в выбранный период времени.

Для решения задач исследования использовались, помимо общенаучных методов, традиционные методы историко-психологического анализа: статистический метод, метод тематической классификации, метод подсчета числа публикаций, сленговый метод (Кольцова, 2008).

Источниками для формирования массива диссертаций выступили: электронные каталоги диссертаций Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, обзоры диссертаций (Анцупов, Помогайбин, Пошивалкин, 2000; Актуальные проблемы психологии..., 2015; Пермская психологическая диссердиада, 2015). Обращение к нескольким базам данных обусловлено тем, что в настоящее время в открытом доступе отсутствует единый и полный массив сведений по защищенным диссертациям. Так, в наукометрическом исследовании диссертаций по медицинской психологии отмечалось, что даже наиболее полные базы данных содержат не более 85% диссертаций от общего массива (Евдокимов, Зотова, Рыбников, 2013), отсутствуют сведения о 12% докторских диссертаций по психологическим наукам (Проблемы психологического исследования..., 2007).

Выбор временного периода, за который формировался массив диссертаций, обусловлен несколькими обстоятельствами: во-первых, предварительное ознакомление с массивом диссертаций показало, что первое упоминание индивидуальности в названиях диссертаций относится к 1985 г., а в период с 1985 по 1991 г. нами найдено всего четыре диссертации (3 – по философским наукам, 1 – психологическим); во-вторых, показатели научной деятельности в России в открытом доступе представлены только за постсоветский период, что делает затруднительным соотнесение динамики диссертационных исследований с индикаторами развития науки советского

периода. Необходимо отметить, что в связи с этим обстоятельством из анализа были исключены диссертации, защищенные за пределами Российской Федерации. Также были исключены диссертации по филологическим наукам и искусствоведению, посвященные частным проблемам раскрытия творческой индивидуальности в искусстве, как не соответствующие задачам настоящего исследования.

Анализ данных, полученных в исследовании

Всего проанализированы данные 239 диссертаций, защищенных в Российской Федерации с 1992 по 2018 г., из них – 146 по психологическим, 61 – педагогическим, 15 – философским, 3 – биологическим, 3 – филологическим, 1 – медицинским наукам; 2 – культурологии, 1 – искусствоведению, в том числе – 30 докторских диссертаций. Не удалось установить место выполнения и научных руководителей (консультантов) 8 диссертаций (из них – 7 докторских диссертаций по психологическим, педагогическим и философским наукам, защищенных в 1999–2013 гг.).

Набольшее количество диссертаций по психологическим наукам, названия которых включают термин «индивидуальность», было защищено по специальности 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» – 81 работа и 19.00.07 «Педагогическая психология» – 45.

Динамика защиты кандидатских диссертаций по трехлетним периодам показывает максимальную продуктивность в период с 1998 по 2006 г. с выраженным снижением в 2016–2018 гг.:

- 1992–1994 гг. – 20 диссертаций (из них 2 докторские);
- 1995–1997 гг. – 15 (3);
- 1998–2000 гг. – 46 (5);
- 2001–2003 гг. – 40 (3);
- 2004–2006 гг. – 48 (7);
- 2007–2009 гг. – 30 (1);
- 2010–2012 гг. – 17 (2);
- 2013–2015 гг. – 20 (5);
- 2016–2018 гг. – 3 (0).

Безусловно, авторы понимают, что приведенные статистические данные распределения диссертаций по хронологическим трехлетним периодам фиксируют лишь возможную тенденцию, объяснение которой требует специального изучения. Однако проверка предварительного вывода о снижении интереса к фиксации термина «инди-

видуальность» в названиях диссертаций как индикатора снижения интереса к проблеме в целом, частично подтверждается анализом публикаций, индексируемых в РИНЦ с использованием термина «индивидуальность». Количество результатов выдачи поисковых запросов по статьям в журналах, книгам, материалам конференций, содержащих в названии категорию «индивидуальность», в РИНЦ по трехлетним периодам выглядит следующим образом:

- 1992–1994 гг. – 17 публикаций;
- 1995–1997 гг. – 27;
- 1998–2000 гг. – 30;
- 2001–2003 гг. – 49;
- 2004–2006 гг. – 151;
- 2007–2009 гг. – 308;
- 2010–2012 гг. – 384;
- 2013–2015 гг. – 386;
- 2016–2018 гг. – 311.

Таким образом, и данные на основе анализа публикационной активности ученых, фиксируемой РИНЦем, подтверждают ранее выявленную тенденцию к снижению к настоящему времени использования категории «индивидуальность» в качестве базовой в названиях диссертаций. Косвенно это также свидетельствует о снижении научного интереса к разработке этой категории и изучению проблемы в целом.

Однако продолжим анализ результатов по базе диссертационных исследований.

Отметим, что в названиях ряда диссертаций уточняются различные изучаемые аспекты индивидуальности: творческая, художественно-творческая (29 диссертаций); интегральная (18 диссертаций); иерархическая (5 диссертаций); биологическая (4 диссертации); полондерная и речевая (по 1 диссертации).

Интересна и характеристика обследованных в диссертациях респондентов: студенты (42 диссертации); педагоги, учителя, воспитатели (27 диссертаций); школьники, по возрастным группам (24 диссертации); подростки, по возрастным группам (14 диссертаций); учащиеся (7 диссертаций); человек (7 диссертаций); дети, дошкольники (6 диссертаций); офицеры, представители социномических профессий, спортсмены (по 2 диссертации); авторы научных текстов, артисты балета, пациенты, женщины, исполнители и слушатели, лица с дезадаптивным поведением, менеджеры, осужденные, отцы, родители младших школьников, руководители, социальная группа (по 1 диссертации).

Весь массив диссертаций можно разделить на 17 тематических направлений изучения индивидуальности.

1. Формирование, развитие, воспитание индивидуальности: 1992–2018 – 71 диссертация (из них 8 докторских).
2. Особенности свойств индивидуальности и факторы, влияющие на них: 1992–2015 гг. – 32 (3).
3. Отдельные личностные свойства и образования в структуре индивидуальности: 1993–2015 гг. – 32 (3).
4. Проявления индивидуальности в активности и деятельности: 1992–2015 гг. – 22 (2).
5. Биологические и физиологические основы индивидуальности: 1998–2013 гг. – 15 (3).
6. Становление индивидуальности: 1994–2015 гг. – 11 (2).
7. Концепции и концептуальные модели индивидуальности: 1994–2015 гг. – 10 (1).
8. Познание индивидуальности: 1994–2015 гг. – 9 (2).
9. Структура индивидуальности: 1997–2012 гг. – 8 (1).
10. Стили индивидуальности: 1998–2003 гг. – 6 (0).
11. Функциональный анализ индивидуальности: 1992–2005 гг. – 5 (3).
12. История исследований индивидуальности: 1994–2014 гг. – 4 (0).
13. Выявление свойств индивидуальности: 2000–2017 гг. – 3 (2).
14. Индивидуальностный подход к психологической помощи и подготовке: 2002–2008 гг. – 3.
15. Индивидуальность во взаимосвязи с личностными процессами и психологическими механизмами: 2002–2009 гг. – 3.
16. Актуализация индивидуальности: 1996–1998 гг. – 2 (1).
17. Индивидуальность социальной группы: 2003 г. – 1 (0).

Таким образом, можно констатировать, что тематика диссертаций, в названии которых представлен термин «индивидуальность», достаточно разнообразна и имеет междисциплинарные связи с широким кругом психологических направлений. При этом отмечается определенная динамика в количестве защищенных диссертаций.

Научные центры, ориентированные в большой мере на изучение индивидуальности

Изучение научных и образовательных организаций и учреждений, в которых были выполнены диссертации, позволило выделить несколько научных школ, в рамках которых велась подготовка кадров высшей квалификации по рассматриваемым темам.

Так, в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете (здесь и далее указаны последние по времени названия образовательных организаций) с 1993 по 2015 г. под руководством 11 ученых было подготовлено 57 диссертаций, из них — 11 докторских (54 работы по специальности 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»; по одной работе по специальностям 19.00.13 «Психология развития, акмеология», 09.00.01 «Онтология и теория познания», 09.00.11 «Социальная философия»). Отметим, что значительная часть диссертаций была защищена под руководством одного ученого. Так, С. А. Васюра, А. А. Волочков, Н. И. Иголеви́ч, А. Г. Исмагилова, Д. С. Корниенко, В. Ю. Хотинец, Т. М. Хрусталева под научным руководством и при консультации Б. А. Вяткина подготовили кандидатские и докторские диссертации в русле теории интегральной индивидуальности. В свою очередь, Ю. С. Жданова подготовила кандидатскую диссертацию под руководством М. Р. Шукина, а докторскую — под руководством Б. А. Вяткина.

Научными руководителями (консультантами) других диссертационных исследований выступили А. А. Волочков, Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, С. Ю. Жданова, Е. А. Силина, Т. М. Хрусталева, М. Р. Шукин и др.

В Пятигорском государственном университете с 1992 по 2015 г. под научным руководством семи ученых была подготовлена 41 диссертация, из них — 3 докторские (38 работ по специальности 19.00.07 «Педагогическая психология»; 2 — по специальности 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» и 1 — по специальности 19.00.02 «Психофизиология»).

Научным руководителем (консультантом) значительной части диссертационных исследований выступил доктор психологических наук В. В. Белоус. Также руководили научной работой диссертантов его ученики.

В 1998–2004 гг. на базе Башкирского государственного университета было подготовлено 13 кандидатских диссертаций, в названиях которых включено понятие «индивидуальность», по специальности 19.00.02 «Психофизиология», научными руководителями выступили Л. М. Аболин, Г. А. Аминев, Э. Г. Аминев, В. П. Казмиренко; доктора медицинских и биологических наук М. Н. Красильникова, М. А. Галиев, Э. К. Хуснутдинова.

С 1999 по 2009 г. проблемы индивидуальности субъектов образовательного процесса рассматривались в работах 13 кандидатов педагогических наук (12 — под руководством О. С. Гребенюк). Диссертации были подготовлены и защищены на базе Балтийского фе-

дерального университета имени Иммануила Канта по специальности 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования».

На базе Государственного научно-образовательного центра Российской академии образования (г. Сочи) в 1998–2003 гг. было подготовлено 6 кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.06 «Юридическая психология», 19.00.07 «Педагогическая психология» (научный руководитель – Г.А. Берулава).

По анализу количественных данных также можно отметить признаки развития центров подготовки кадров высшей квалификации (по тематическим направлениям исследования индивидуальности) в Волгоградском государственном педагогическом университете, Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого, Московском государственном педагогическом университете, Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, Российском государственном социальном университете, Ставропольском государственном университете – по 4 диссертации; Психологическом институте Российской академии образования, Санкт-Петербургском государственном университете, Уральском государственном педагогическом университете – по 3 диссертации.

Представляют интерес работы по философскому осмыслению проблем индивидуальности в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 1997–2013 гг. (4 кандидатские диссертации).

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что проблематика индивидуальности в названиях диссертационных исследований в основном концентрируется в нескольких центрах, однако, хотя и в меньшей мере, разрабатывается так же в достаточно широкой сети образовательных и научных организаций России.

Ученые-лидеры в подготовке научных кадров высшей квалификации по исследованию индивидуальности

Собранные в ходе исследования данные позволили оценить продуктивность научных руководителей диссертационных работ по тематике изучения индивидуальности:

- Вяткин Б.А. – 41 диссертация, из них 9 докторских (1993–2015);
- Белоус В.В. – 35 диссертаций, из них 2 докторские (1992–2015);

- Гребенюк О. С. – 12 диссертаций (1999–2009);
- Аминев Г. А., Аминев Э. Г., Бериулава Г. А. – по 6 диссертаций (1998–1999; 1999–2004; 1998–2003 соответственно);
- Силина Е. А. – 5 диссертаций (2002–2007);
- Базылевич Т. Ф., Шукин М. Р. – по 4 диссертации (1992–2015; 1998–2011);
- Богачинская Ю. С., Мищенко Л. В. – по 3 диссертации (2004–2008; 2009–2014);
- Белых Т. В., Боязитова И. В., Волочков А. А., Горовая В. И., Жданова С. Ю., Равич-Шербо И. В., Степанов Е. Н., Хрусталева Т. М., Щebetенко А. И. – по 2 диссертации (2010–2012; 2009–2010; 2010–2015; 1998–2005; 2013–2015; 1992–2003; 2007–2012; 1999–2004; 2004–2005).

Количественный анализ данных, полученных при изучении диссертаций, включающих в название термин «индивидуальность», и их научных руководителей или консультантов, позволил выявить сформировавшиеся научные школы, занимающиеся преимущественно разработкой проблем индивидуальности в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете во главе с Б. А. Вяткиным и Пятигорском государственном университете во главе с В. В. Белоусом, отличающихся стабильностью научной проблематики и подготовкой не менее трех поколений научных кадров высшей квалификации. Оба указанных ученых являются учениками В. С. Мерлина, защитивших под его руководством кандидатские и докторские диссертации. Поэтому можно говорить о том, что концепция интегральной индивидуальности В. С. Мерлина сегодня является наиболее разрабатываемой на уровне диссертационных исследований.

В то же время тематическая структуризация названий диссертаций позволяет зафиксировать некоторые различия между этими школами. Так, количество работ по тематическим направлениям «личностные качества и образования в структуре интегральной индивидуальности», «познание индивидуальности», выполненных в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете исследований существенно выше. Также можно отметить более широкий спектр изучаемых в этом научном центре групп (школьники, педагоги, офицеры, осужденные, артисты балета и т. д.). В свою очередь, в работах Пятигорского государственного университета большое количество работ связано с формированием, развитием и воспитанием индивидуальности участников образовательного процесса.

Также можно выделить научные школы, находившиеся на этапе формирования: в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта (1999–2009); Башкирском государственном университете (1998–2004); Государственном научно-образовательном центре Российской академии образования (г. Сочи) (1998–2003).

Могут представлять интерес выявленные связи между представителями различных центров подготовки кадров. Так, Э. Г. Аминев, представитель Башкирского государственного университета, подготовил кандидатскую диссертацию под руководством Б. А. Вяткина, а у представителя научно-педагогического коллектива Пятигорского государственного университета И. В. Боязитовой научным руководителем кандидатской диссертации выступила Т. И. Шульга.

Докторские диссертации, ориентированные на проблему индивидуальности, в контексте докторских диссертаций по психологии в целом

Частота использования понятия «индивидуальность» в темах докторских диссертационных исследований по психологическим наукам в 1994–2013 гг. по результатам нашего анализа составляла 1,5%, что несколько выше по сравнению с данными, приведенными в указателе докторских диссертаций, где частота использования этого понятия составляла менее 1% в период 2000–2013 гг. (Актуальные проблемы психологии..., 2015). Возможно, в данном случае сказалась разница в анализируемом периоде – в нашем исследовании анализируемый период длиннее на 6 лет, а возможно это отражение особенностей исходной базы для анализа количества докторских диссертаций.

Более интересны данные по сравнению процента докторских диссертаций к общему числу диссертаций по психологии с докторскими диссертациями, в названии которых обозначен термин «индивидуальность», по отношению к общему числу диссертаций с этим термином в названии. Доля докторских диссертаций по психологии от общего числа защищенных диссертаций (кандидатских и докторских) по психологическим наукам в 1990–2011 гг. составляла 7,9% (Евдокимов, Зотов, Рыбников, 2013), в то время как в тематическом пространстве психологии индивидуальности это соотношение несколько выше и составляет 8,2%. Приведенные данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о том, что в период 1994–2013 гг. интерес ученых к фундаментальным проблемам психологии инди-

видуальности (именно такие проблемы и призваны решать докторские диссертации) был выше средних показателей по психологии.

Перспективные линии психологии индивидуальности

В свое время Л. И. Анцыферова подчеркивала, что «на современном этапе развития психологии проблема личности приобретает особую актуальность. На ее решении проверяется научная значимость различных психологических концепций» (Анцыферова, Ярошевский, 1974, с. 286). Авторы коллективной монографии «Психология индивидуальности: новые модели и концепции», развивая и конкретизируя указанную мысль Л. И. Анцыферовой, предполагают, что психология индивидуальности должна занимать особое место в системе психологических наук. Это научное направление должно интегрировать результаты исследований, проведенных в рамках общей психологии, психологии личности, психологии развития и индивидуальных различий, дифференциальной психологии и т. д., а взаимосвязи психологии индивидуальности с другими науками должны отличаться широтой и многообразием междисциплинарных исследований в смежных областях с философскими, медицинскими, филологическими науками, культурологией и искусствоведением (Психология индивидуальности..., 2009). Оба этих предположения подтверждаются данными наукометрического анализа.

Однако резкое снижение количества диссертаций в 2016–2018 гг. по тематическим направлениям изучения индивидуальности побуждает задуматься о перспективах развития этого направления и обратить внимание на комплекс персонологических, внутринаучных и социокультурных факторов, вероятно связанных со снижением исследовательской активности.

1. Естественным снижением активности ученых, в течение многих лет разрабатывающих это научное направление.
2. Концентрацией научных исследований на частных проблемах изучения индивидуальности, что исключает из названия диссертаций термин «индивидуальность».
3. Сокращением количества диссертационных советов в местах расположения центров научных исследований по этому направлению.
4. Снижением социальной значимости фундаментальной разработки проблем индивидуальности в связи с изменившимися политическими, экономическими, социокультурными условиями

и соответствующим акцентом на прикладные разработки в этой области.

Представленные результаты исследования являются предварительными и могут служить для выявления современного состояния и определения некоторых тенденций в психологии индивидуальности, позволяют уточнить процедуру и алгоритм формирования полного массива диссертационных исследований, посвященных проблемам индивидуальности. Безусловно, полный массив диссертаций для последующего анализа должен уже включать не только диссертации, в названии которых представлена такая категория как «индивидуальность», но и диссертации, в названии хотя и не фиксирующие данную категорию, но реально связанные с содержательной разработкой проблем индивидуальности.

Думается, что в условиях многократного увеличения потока научной информации, базы данных диссертаций по тематическим направлениям могут представлять интерес не только как источник первичных данных для наукометрического анализа, но и выступать существенным подспорьем на начальных этапах исследований по соответствующей тематике. Во-первых, это позволит исследователям оценивать полный объем выполненных ранее диссертаций, а во-вторых, с опорой на данные наукометрического анализа более точно сформулировать научную новизну собственного исследования и более строго давать определение важнейшей категории современной психологии — «индивидуальность». Именно об этом всегда заботилась Л. И. Анцыферова, поскольку, как справедливо отмечалось ее учениками, «Людмила Ивановна всегда ценила слово — то слово, которое имело вес, было точным, емким, убедительным» (Харламенкова, 2014). Представляется, что в современной психологии таким словом может и должна стать категория «индивидуальность» человека.

Литература

Актуальные проблемы психологии. Указатель 1362 докторских диссертаций. 1935–2014 гг. / А. Я. Анцупов, С. Л. Кандыбович, В. М. Крук, Г. Н. Тимченко, Харитонов А. Н. / Под общ. ред. А. Я. Анцупова. М.: НО «Ассоциация «Лига содействия оборонным предприятиям», 2015.

Анцупов А. Я., Помогайбин В. Н., Пошивалкин О. А. Методологические проблемы военно-психологических исследований: Обзор дис-

- сертаций – XX век. М.: Современный гуманитарный институт, 2000.
- Анцупов А. Я., Кандыбович С. Л., Прошанов С. Л.* Проблемы социологического исследования. Указатель 888 докторских диссертаций 1990–2010 гг. М.: ИД «Куприянова», 2010.
- Анцыферова Л. И., Ярошевский М. Г.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974.
- Воловикова М. И., Харламенкова Н. Е.* Научные чтения памяти Л. И. Анцыферовой // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 108–111.
- Евдокимов В. И., Зотова А. В., Рыбников В. Ю.* Медицинская психология: наукометрический анализ диссертационных исследований (1980–2012 гг.) / Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Сев.-Зап. гос. мед. ун-т им. И. И. Мечникова. СПб.: Политехника-сервис, 2013.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психологии личности // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–23.
- Кольцова В. А.* История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под науч. ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.
- Пермская психологическая диссердиада / Сост. Б. А. Вяткин. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015.
- Проблемы психологического исследования. Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935–2007 гг. / А. Я. Анцупов, С. Л. Кандыбович, В. М. Крук, Г. Н. Тимченко, А. Н. Харитонов; под ред. А. Я. Анцупова. М.: Студия «Этника», 2007.
- Сергиенко Е. А., Журавлев А. Л.* Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 5–59.
- Харламенкова Н. Е.* Жизнь ученого – поиск и открытие неявного знания в явном (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 5–17.

The concept of “individuality” in the titles of dissertations 1992–2018 (scientific analysis)

I. N. Yeliseyeva*, *Yu. N. Oleinik***

* Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia, Moscow

** Moscow University for the Humanities, Moscow

The results of the 239 domestic dissertations from 1992–2018 output data analysis, the titles of which contain the concept of “individuality”, including 146 dissertation in the psychological sciences and 61 pedagogical, are presented. In the dynamics of dissertations the most productive period from 1998 to 2006 was revealed. A decline by 2018 was marked. A thematic classification of dissertation research of individuality is proposed. The main centers for training highly qualified personnel in thematic areas of the study of individuality and productivity of scientific leaders (consultants) have been identified. The results obtained are correlated with data from other authors. Variants of using thematic databases of dissertations at the initial stages of research are proposed.

Keywords: history of psychology, L. I. Antziferova, individuality, thesis, thematic classification, the dynamics of publications, scientific school.

Алексей Фёдорович Шикун – от истории психологии в Тверском регионе к ее перспективам

Т. А. Жалагина

Тверской государственный университет, Тверь
zhalagina54@mail.ru

Статья посвящена истории психологической науки в Тверском регионе и роли профессора А. Ф. Шикуну в этом процессе. А. Ф. Шикун известен как основатель факультета психологии и социальной работы, а также диссертационного совета в Тверском государственном университете. Показана значимость научной работы таких известных психологов и педагогов, как О. А. Баранов, И. Ф. Комогорцева, В. А. Терентьев, Т. П. Емельянова, А. К. Зиньковский и др., работавших под научным руководством А. Ф. Шикуну. Представлен вклад упомянутых ученых в развитие психологического знания. Анализируется история сотрудничества между Тверским государственным университетом и Институтом психологии Российской академии наук. Основа сотрудничества была заложена А. Ф. Шикуну.

Ключевые слова: психология труда, инженерная психология, эргономика, психологическое образование, непрерывное многоуровневое образование, диссертационный совет, научно-педагогическая школа, отделение психологии и социальной работы, психолого-педагогические технологии обучения, дифференцированная профориентация, патриотическое сознание.

История и развитие психологии, психологического образования в Тверской области и городе Твери неразрывно связаны с именем известного психолога Алексея Фёдоровича Шикуну, которому принадлежит особая роль в развитии психологического знания. Алексей Фёдорович Шикун – заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии психологических наук, Российской академии естественных наук, почетный профессор Военной академии ПВО им. маршала Советского Союза Г. К. Жукова, Тверского государственного университета, Биографического института США.

А. Ф. Шикун родился на Украине, в г. Мелитополе, 9 марта 1927 г. С 1959 по 1986 г. проходил службу в Военной командной академии противовоздушной обороны им. маршала Советского Союза Г. К. Жукова, где в течение двадцати лет читал на курсах повышения квалификации авторский курс по педагогике и психологии. В этот период защищены кандидатская и докторская диссертации. Дальнейшая работа Алексея Федоровича связана с Тверским государственным университетом, в котором он проработал более 30 лет.

Психологическая общественность знает его как ведущего специалиста в области психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Сфера его интересов и достижений велика – психофизиология, психология профориентации и профконсультирования, методология, психологическое профессиоведение, направленное на формирование соответствующих профессионально важных и личностных свойств субъекта труда, управленческая психология, психология образования (Журавлев, Жалагина, 2017).

А. Ф. Шикун внес большой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов – психологов Тверской области, являясь основателем факультета психологии и социальной работы Тверского государственного университета. Подготовленные им кандидаты и доктора психологических наук работают в вузах не только г. Твери, но и г. Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и других городов РФ.

Профессор А. Ф. Шикун является основателем и первым председателем докторского диссертационного совета по специальности 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика. Алексей Федорович – основатель и руководитель научно-педагогической школы в области научно-педагогических и психологических основ непрерывного многоуровневого образования; основатель и первый заведующий кафедрой психологии ТвГУ. По его инициативе были открыты отделения психологии и социальной работы, спецфакультет, а также он – основатель и главный редактор журналов и сборников «Краеведческая психология» и «Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования».

Весь жизненный путь Алексея Федоровича Шикунa – это пример служения Родине, науке, образованию. Накопленный им научно-теоретический потенциал является основой научных исследований сегодняшнего и завтрашнего поколения студентов, аспирантов и молодых ученых.

За время работы в Тверском государственном университете А. Ф. Шикун подготовил 70 кандидатов и 6 докторов психологичес-

ких наук и написал более 200 научных работ, среди которых – учебники, учебные пособия, монографии.

В своих трудах А. Ф. Шикун поэтапно раскрывает развитие психолого-педагогической науки в тверском регионе в сферах непрерывного многоуровневого образования, синергии, психологии управления, психологии труда, инженерной психологии, эргономики. Его научные публикации имеют практическую направленность, раскрывают разные стороны процесса профессионального становления практического психолога (Шикун, Лейбович, 1998; Шикун, Шикун, 1997; и др.).

В рамках психологии труда, инженерной психологии и эргономики создана крупная научная школа в г. Твери по проблемам рационального взаимодействия в системе «человек – техника» под руководством А. Ф. Шикуну.

Эргономика – недостаточно разработанная научно-практическая дисциплина, как в то время, так и сейчас. Предметом изучения эргономики являются свойства человеко-машинных комплексов. Расцвет эргономических исследований и разработок пришелся на 1970–1980-е годы, когда в Центре (г. Тверь) научно-исследовательского института Министерства обороны работал коллектив эргономистов, руководимый П. Я. Шлаеном. Ученые проводили эргономические исследования при сотрудничестве с научными организациями и учреждениями страны в интересах всех видов Вооруженных Сил бывшего СССР. Это явилось основой для формулирования понятийной базы и в целом методологических проблем эргономики. Ведущая роль в проведении работ по эргономике принадлежала Эргоцентру.

Основной вклад в развитие инженерной психологии и эргономики внес Пинхус Яковлевич Шлаен – главный научный сотрудник Эргоцентра, заведующий кафедрой «Эргономические технологии» Академии оборонных отраслей промышленности Комитета по труду и занятости Правительства Москвы, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Лауреат Государственной премии СССР (1975 г. – за работы в области приборостроения), награжден Почетным знаком Миноборонпрома России, медалью «Лучший изобретатель Миноборонпрома России».

П. Я. Шлаен – автор монографии «Эргономическое обеспечение создания и эксплуатации изделий, управляемых и обслуживаемых человеком» (Шлаен, 1995), учебных пособий: «Общая эргономика», «Макроэргономика. Эргономика управления в организационных системах» (Шлаен, 1999).

Одним из учеников профессора П. Я. Шлаена является Владимир Маркович Львов, директор «Эргоцентра» в то время, заместитель заведующего кафедрой «Эргономические технологии» Академии оборонных отраслей промышленности, упоминавшейся выше.

В. М. Львов – автор 23 изобретений. За создание новых технических решений награжден золотой медалью ВДНХ (1980 г.), золотой и серебряными медалями 46-го Международного салона изобретений (г. Брюссель, 1997 г.).

Наиболее известные труды – монографии и учебные пособия в соавторстве: «Современные проблемы в эргономике», «Модели деятельности человека в эргатических системах», «Макроэргономика. Эргономика управления в организационных системах» (Шлаен, Львов, 1999; и др.).

За период работы в ТвГУ под руководством А. Ф. Шикуну разработаны система многоуровневого высшего образования, структура этой системы и содержание ее конкретных уровней с учетом особенностей периодов психофизиологического взросления учащейся молодежи, а также новые психолого-педагогические технологии обучения (Шикун, 1990, 1997).

В 1986 г. Алексей Федорович становится заведующим кафедрой педагогики и психологии ТвГУ. В состав сотрудников кафедры входили известные педагоги и психологи: В. Г. Ароматов, О. А. Баранов, И. Ф. Комогорцева, Е. А. Шевченко, И. М. Подберезин, Б. А. Сазантьев, В. А. Терентьев, Н. Н. Луковников. Позже в состав кафедры вошли кандидаты психологических наук Т. П. Емельянова и Л. А. Поварницына.

Кафедра осуществляла психолого-педагогическую подготовку студентов всех факультетов ТвГУ, обеспечивая профессионализацию будущих специалистов учебно-методическими материалами и научной базой на основе последних достижений психологической науки того времени.

Для усиления научного потенциала на кафедру были приглашены из Военной командной академии противовоздушной обороны профессор Хаим Ицкович Лейбович, доктор философских наук, профессор Георгий Викторович Телятников и старший научный сотрудник Станислав Эдуардович Врублевский. Алексею Федоровичу Шикуну в этот период присваивается звание «профессора кафедры педагогики и психологии».

В 1988 г. в ТвГУ было принято решение о расширении работ в области психолого-педагогических проблем в Тверском регионе и о целесообразности создания кафедр возрастной и педагогической

психологии, социологии и социальной психологии, специфаккультета практической психологии для системы образования СССР.

В 1991 г. в ТвГУ на основе самофинансирования создается специфаккультет по переподготовке кадров по практической психологии и социальной работе во главе с А. Ф. Шикун. Обучение на специфаккультете давало возможность получить второе высшее образование по специальностям «Социальная работа» и «Практическая психология». Кафедра специфаккультета выпускала практических психологов, занималась также разработкой актуальных проблем психолого-педагогической науки по вопросам непрерывного многоуровневого образования.

Осенью 1993 г. в университете была открыта специальность «Психология» и психологическое отделение под руководством А. Ф. Шикун. В 1998 г. отделение становится факультетом психологии.

В 1996/97 учебном году в ТвГУ создается «Отделение социальной работы», которое входит в отделение «Психология». Создается также филиал кафедры общей психологии ТвГУ по подготовке клинических психологов на лечебном факультете Тверской государственной медицинской академии. Заведующим филиалом становится доктор медицинских наук, профессор, академик Александр Константинович Зиньковский.

А. Ф. Шикун, будучи заведующим кафедрой и деканом специфаккультета, читал студентам и аспирантам лекции по следующим дисциплинам: «Педагогика и психология высшего образования», «Общая психология», «Научная организация умственного труда», «Этика и психология семейной жизни», «Психодиагностика и психокоррекция», «Введение в профессию» и др. (Шикун, 1985).

В 1994 г. Алексей Федорович стал почетным профессором Военной академии ПВО им. маршала Советского Союза Г. К. Жукова. С 1995 г. — действительный член Академии педагогических и социальных наук. В 1997 г. А. Ф. Шикуну присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В своих трудах Алексей Федорович рассматривал такие актуальные темы, как:

- разработка и апробация инновационных систем дифференцированной профориентации городской и сельской молодежи; профессиональный психологический отбор абитуриентов как один из основных принципов кадровой работы;
- обоснование способов снижения оттока молодежи из села и ряд психологических аспектов демографической политики России;

- разработка психологических аспектов государственного управления; развитие патриотического сознания (Шикун, 2005; Шикун, Лейбович, 2003; Шикун, Филинова, 2005; и др.).

В рамках научной программы «Университеты России» Тверской государственной университет разрабатывал подпрограмму «Модели структуры и организации работы высших учебных заведений университетского типа, реализующих многоуровневую структуру образования». Инициатором и руководителем проекта был А. Ф. Шикун. Исследования, проведенные в Тверском государственном университете по этой теме, показали, что структура и содержание уровней системы образования оказывают существенное влияние на решение таких острых демографических проблем как: повышение рождаемости, ограничение оттока молодежи из села и миграция населения.

К важнейшим научным достижениям психологической науки, полученным психологами г. Твери и области под руководством А. Ф. Шикуну, можно отнести следующие:

1. Теория психологической подготовки (Шикун, 1985; Шикун, Филинова, 2005).
2. Гностические основы и концепция научной организации и гигиены умственного труда и быта студентов (Шикун, 1990; Шикун, Лейбович, 1998; и др.).
3. Основные положения в области теории и практики военной инженерной психологии и эргономики (Шикун, 1985).
4. Разработка психологических аспектов государственного управления (Шикун, 2005; Шикун, Филинова, 2005; и др.).
5. Психолого-педагогические основы патриотического воспитания подрастающего поколения (Шикун, Лейбович, 2003).

На протяжении всего периода своей научной деятельности Алексей Федорович выстраивал научные связи с ведущими вузами и научными центрами РФ. Особое внимание в этом отношении хотелось бы уделить сотрудничеству с Институтом психологии РАН. Институт был создан членом-корреспондентом АН СССР, профессором Борисом Федоровичем Ломовым в декабре 1971 г. (подробнее см.: Кольцова, Журавлев, 2012а, б и др.). Именно тогда, с первых лет работы Института, вместе с Б. Ф. Ломовым Алексей Федорович начал выстраивать научную базу совместной деятельности. В то далекое время сотрудничество осуществлялось в виде совместных публикаций тверских психологов с учеными Института психологии АН СССР. Проводи-

лись также семинары для аспирантов и молодых ученых, круглые столы, конференции разного уровня. Результатом этого позднее стали традиционные научные конференции, проводимые нашим факультетом и Институтом психологии РАН каждые два года. С февраля 2002 по январь 2017 г. директором Института психологии РАН работал доктор психологических наук, профессор, а впоследствии академик РАН и РАО Анатолий Лактионович Журавлев, с которым начал научное сотрудничество Алексей Федорович еще в девятые годы прошлого века. В рамках совместной научной деятельности с ИП РАН регулярно издается «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология» – рецензируемый журнал ВАК, коллективные монографии, сборники научных трудов и материалы проведенных международных конференций.

1. Современные проблемы психологии управления (2002).
2. Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика (2010).
3. Психология управления в современной России: процессы труда и организации (2012).
4. Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство (2014).
5. Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: коллективная монография (2016).
6. Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: к 90-летию А. Ф. Шикун (2017).
7. Психология труда и управления как ресурс развития общества в условиях глобальных изменений: коллективная монография (2018) и др.

В настоящее время сотрудничество с ИП РАН развивается: А. Л. Журавлев, как научный руководитель ИП РАН, продолжает совместно с руководством факультета психологии ТвГУ выстраивать планы совместных конференций и публикаций разного уровня.

Благодаря таким ученым, как А. Ф. Шикун, в Тверском крае заложена основа многих психологических начинаний и исследований по самым актуальным темам. Созданная им научная школа продолжает работать, порождая новые идеи и замыслы, разрабатывая новые психологические концепции и методы исследования.

Жизненный и научный путь А. Ф. Шикун как яркий пример служения науке и образованию является образцом для подражания последующим поколениям исследователей психологов и практиков.

Литература

- Журавлев А. Л., Жалагина Т. А.* 90-летию выдающегося ученого – Шикуну Алексея Фёдоровича посвящается // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых и их наставников, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, доктора психологических наук, профессора Алексея Фёдоровича Шикуну. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2017. С. 10–15.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Борис Фёдорович Ломов – Ученый, Руководитель, Человек (к 85-летию со дня рождения) // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова. Ч. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 11–15.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* 40-летие создания Института психологии РАН и 85-летие со дня рождения его основателя Б. Ф. Ломова: итоги пройденного пути и перспективы развития // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова. Ч. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 15–19.
- Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика. Тверь: ТвГУ, 2010.
- Психология управления в современной России: процессы труда и организации: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: ТвГУ, 2012.
- Психология профессионала: личность, деятельность, организация: коллективная монография / Под ред. Т. А. Жалагиной, Л. Ж. Каравановой, Е. Д. Короткиной. Тверь: ТвГУ, 2014.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: Коллективная монография. Тверь: ТвГУ, 2016.
- Современные проблемы психологии управления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Шикун А. Ф.* К вопросу о психологии власти // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Т. 9. Тверь, 1997. С. 60–64.

- Шикун А. Ф., Лейбович Х. И.* К вопросу о научной работе студентов // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Тверь, 1998. Т. 11. С. 33–35.
- Шикун А. Ф., Шикун А. А.* Проблемы психологической практики // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Т. 9. Тверь, 1997. С. 24–28.
- Шикун А. Ф.* Некоторые вопросы педагогики и психологии высшей военной школы. Калинин, 1985.
- Шикун А. Ф.* Основы гигиены и организации умственного труда и быта студентов. Калинин, 1990.
- Шикун А. Ф., Лейбович Х. И.* Патриотическое воспитание – важнейшая задача современной системы образования // Краеведческая психология: Научно-метод. журнал. Тверь, 2003. Вып. 3. С. 10–11.
- Шикун А. Ф.* и др. Управление корпоративной безопасностью в малом, среднем бизнесе // Актуальные проблемы безопасности внешних факторов: техногенных катастроф и катаклизмов: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (6–7 июня 2005 г., Тверь). М., 2005. С. 6–8.
- Шикун А. Ф., Филинова И. М.* Управленческая психология: Учеб. пособие для студ. образовательных учреждений среднего профессионального образования, обучающихся по специальности «Менеджмент». 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Шлаен П. Я.* Эргономическое обеспечение разработки и эксплуатации изделий, управляемых и обслуживаемых человеком. М.: МАИ, 1995.
- Шлаен П. Я., Львов В. М.* Некоторые особенности формирования и развития инженерной психологии и эргономики // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Т. 12. Тверь, 1999. С. 40–44.

Aleksey fyodorovich shikun – from the history of psychology development in tver region to the future perspectives

T. A. Zhalagina

Tver State University, Tver

The article is devoted to the history and development of psychology science in Tver region and the role of professor A. F. Shikun in this process. A. F. Shikun is known as the founder of the psychology and social work faculty and dissertation council in Tver State University. The importance of scientific work of well-known psychologists and teachers such as O. A. Baranov, I. F. Komogor-

tzeva, V. A. Terentyev, T. P. Yemelyanova, A. K. Zinykovsky and others is touched upon in the article. The contribution of mentioned scientist to the development of psychology knowledge is discussed in the article. The history of scientific cooperation between Tver State University and the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences is discussed. The background of the cooperation was made by A. F. Shikun.

Keywords: psychology of work, engineering psychology, ergonomics, psychology education, non-stop multilevel education, dissertation council, scientific-pedagogical school, psychology and social work department, psychological and pedagogical education technologies, differential professional orientation, patriotic consciousness.

Развитие психологической науки и практики в Твери: вклад Х. И. Лейбовича

Т. А. Жалагина, Е. Д. Короткина

Тверской государственный университет, Тверь
zhalagina54@mail.ru
el.korotkina@yandex.ru

Статья посвящена истории развития психологической науки и практики в городе Твери. Особое внимание в статье уделяется творческому наследию известного ученого, основателя факультета психологии Тверского государственного университета, профессора Х. И. Лейбовича. Рассматриваются вехи его биографии, основные исследования ученого по перспективным направлениям развития отечественной психологии, проблемам совершенствования содержания и научно-методического обеспечения системы подготовки научно-педагогических кадров, психолого-педагогическим проблемам и технологиям реализации системы многоуровневого образования.

Ключевые слова: психология военного управления, региональная психология, система подготовки научных кадров, многоуровневое образование.

Бурное развитие отечественной психологии в последние десятилетия ставит перед психологической наукой новые проблемы и, в первую очередь, вопросы дальнейшего осмысления ее истории и методологии, базовых теоретических положений. Сегодня все большее число ученых обращается к творческому наследию, идеям и исследованиям основоположников российской психологии. Среди наиболее интересных направлений историко-психологических исследований можно выделить региональную психологию, позволяющую проследить становление научной психологической мысли в различных регионах нашей страны. История науки – это изучение вклада тех, кто стоял у ее истоков, создавая и развивая ее фундамент и здание, формировал научную мысль (см., напр.: Выдающиеся ученые..., 2017; и др.).

Развитие психологической науки в Твери неразрывно связано с такими талантливыми, многогранными учеными, организаторами науки, как А. Ф. Шикун, Г. В. Телятников и Х. И. Лейбович (см. также: Жалагина, Короткина, 2017; Журавлев, Жалагина, 2017; и др.). В нашей статье мы хотим более подробно остановиться на творческой деятельности профессора, заслуженного деятеля науки РФ Хаима Ицковича Лейбовича (1919–2011).

За его плечами большая и насыщенная жизнь – 50 лет службы в армии: с первого до последнего дня – на фронтах Великой Отечественной войны. 10 лет службы на Дальнем Востоке; более 50 лет научно-педагогической работы (из них – 30 лет в Военной командной Краснознаменной Академии противовоздушной обороны им. маршала Советского Союза Г. К. Жукова (ВККА ПВО), ныне Военном университете; 20 лет в Тверском государственном университете (Шикун, 1999, с. 3–5).

Но где бы ни приходилось служить, он всегда оказывался на переднем крае при решении актуальных научных проблем. Во время войны ему поручалась разработка конкретных планов прорыва немецких позиций, расположенных за обратными (невидимыми для наших наступающих войск) скатами высот, а также развертывания наступательных действий с ограниченных по своим размерам плацдармов. В 1944 г. ему была поручена разработка «Плана ограничения огневой деятельности сторон для сохранения памятных мест и объектов Пушкиногорья». Все сооружения Михайловского были сохранены (дом А. С. Пушкина, дом няни и другие памятники). Консультантом при разработке этих мероприятий были знаменитый пушкиновед профессор Д. Д. Благой, писатель А. Н. Толстой и специалисты учреждений АН СССР (Шикун, 1999, с. 3–5).

Войну Х. И. Лейбович закончил в должности заместителя начальника оперативного отдела Первой Ударной Армии. После войны окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и несколько лет работал начальником отдела ПВО штаба Забайкальского военного округа и заместителем начальника войск ПВО округа. После войны он внес значительный личный вклад в обобщение и анализ опыта Великой отечественной войны, разработку особо важных проблем развития военного искусства, повышения научного уровня управления структурами ПВО на основе использования последних достижений науки и техники. Это были годы становления системы ПВО государства, предполагающей использование новейших радиотехнических средств, зенитных ракетных войск, реактивной истребительной авиации. Много сил, знаний и упорства потребовалось

полковнику Х. И. Лейбовичу для овладения сложнейшей новой техникой, особенно для подготовки соответствующих специалистов в войсках (там же, с. 3–5).

С 1958 г. он служил во вновь создаваемой в г. Калинин Военной Академии ПВО, где прошел путь от рядового преподавателя до заместителя начальника кафедры оперативного искусства. Именно на данной работе проявились исключительные способности Х. И. Лейбовича как преподавателя и научного исследователя. Через три года он стал кандидатом военных наук, доцентом, а в последующем, в течение многих лет, активно участвовал в разработке нескольких учебников, десятков учебных пособий, восьми сценариев учебных кинофильмов, более 80 крупных научно-исследовательских работ. Им написано более 200 научных статей по самым актуальным и сложным вопросам военного искусства. Результаты этой большой творческой деятельности были воплощены в докторской диссертации, защищенной на ученом совете Академии Генерального штаба.

В Академии ПВО Х. И. Лейбович осуществлял большую педагогическую деятельность. Кроме преподавания дисциплины «Оперативное искусство», профессор Х. И. Лейбович разработал и читал новые спецкурсы: «Основы науковедения и методы научного исследования» (для адъюнктов и соискателей); «Педагогика высшей школы» (для преподавательского состава); «Психологические аспекты управления войсками и проблемы поддержания воинской дисциплины».

Большинство научных исследований профессора Х. И. Лейбовича в этот период было посвящено проблемам совершенствования построения и управления Войсками воздушно-космической обороны страны и подготовке оборонительных воздушных операций. Особо значительны его заслуги в совершенствовании теории и практики управления войсками ПВО и обосновании способов сочетания творческой деятельности командиров с использованием новейших автоматизированных систем управления. Профессором Х. И. Лейбовичем была разработана реализованная в войсках ПВО страны система планирования противовоздушных операций, предусматривающая обоснованное прогнозирование вероятных результатов планируемых вариантов действий (Ксензова, 2009, с. 97). Особенность его деятельности заключалась в том, что многие его труды, естественно, были опубликованы под грифом «для служебного пользования» или «секретно». Поэтому трудно более детально проанализировать творческие идеи и результаты исследований, проведенных в этот период.

Особое внимание профессор Х. И. Лейбович уделял исследованию психологических аспектов ведения современных воздушно-

космических операций, что в последующем позволило ему быстро включиться в активную научно-педагогическую деятельность кафедры психологии Тверского государственного университета. За период работы в университете (с 1989 по 2011 г.) он проявил себя видным специалистом в области педагогики и психологии высшей школы. В университете Хаим Ицкович разработал и вел ряд учебных дисциплин по психологии и методике научного исследования, организации психологической службы в образовательных учреждениях, психологическим и нравственным основам управления и делового общения, основам конфликтологии, технологии социальной работы.

В процессе исследования вопросов внедрения многоуровневой системы образования, Х. И. Лейбович совместно с коллегами по кафедре занимался вопросами обоснования структуры и содержания конкретных уровней системы с учетом особенностей фаз и периодов психофизиологического взросления учащейся молодежи. Также много внимания уделял разработке новых психолого-педагогических технологий обучения, исследовал особенности и виды познавательной деятельности учащихся. Яркой иллюстрацией направления научных исследований на кафедре являются 15 сборников научных трудов под рубрикой «Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования», одним из редакторов которых был Х. И. Лейбович. В сборниках освещаются психолого-педагогические проблемы, связанные с внедрением системы многоуровневого образования, обобщение опыта и обоснование рекомендаций по совершенствованию психолого-педагогических технологий обучения и воспитания на разных уровнях системы непрерывного образования. Так, например, в статье «Проблемы развития Российской психологии» Х. И. Лейбович, анализируя факторы, влияющие на современные тенденции развития психологии, высказывает убежденность в том, что XXI век станет периодом интенсивного развития всех наук о человеке («человекознания»), в том числе психологии и педагогики (Лейбович, 1999в, с. 5). Это подтверждается, в частности, продолжающимся интересом Института психологии РАН к развитию методологии комплексного человекознания, о чем свидетельствует несколько проведенных им научных конференций и изданных научных трудов (см., напр.: Методология комплексного человекознания..., 2008; Развитие психологии в системе..., 2012; и др.). Арсенал методов исследований и дальнейшего развития этих наук обогатится новыми биоэнергоинформационными технологиями, предусматривающими переход от изучения человека на молекулярно-клеточном уровне к исследованию его на уровне элементарных и субэлементарных

частиц, что приведет к существенному «прорыву» в области фундаментальных исследований (Лейбович, 1999в, с. 5). Среди наиболее актуальных *фундаментальных проблем* психологической науки начала XXI века автор выделяет следующие:

- проблемы уточнения основных задач психологии, ее структуры, направлений, объектов, предметной сферы и рамок фундаментальных исследований;
- проблемы дальнейшего развития методов научного следования и уточнения функций, прав, обязанностей и границ ответственности профессиональных психологов (по направлениям и сферам практической деятельности);
- проблемы раннего определения потенциальных и других видов способностей, одаренности и талантливости детей и молодежи и разработка наиболее эффективных форм и способов их развития и реализации их богатых возможностей в интересах общества;
- проблемы профилактики и минимизации задержек психического развития детей;
- проблемы развития фундаментальных теоретических концепций по основным разделам психологической науки и формирование соответствующих законов, закономерностей, а также принципов и методов их реализации;
- проблемы разработки и обоснования системы показателей и критериев, позволяющих объективно оценивать уровни развития психических процессов индивидов, их эмоциональные состояния, степень освоения новых знаний и навыков при разных формах организации обучения, а также обоснованно прогнозировать результаты реализации различных вариантов защиты психического и физического здоровья людей;
- проблемы обоснования наиболее эффективных форм и способов профессионального психологического отбора специалистов и особенно лиц, претендующих на занятие руководящих постов в органах управления, а также проблемы разработки психологических аспектов совершенствования управления на базе внедрения принципиально новых технических средств;
- проблемы подготовки кадров профессиональных психологов и массового психологического просвещения общества (там же, с. 6).

Исследование этих фундаментальных проблем, по мнению автора, будет способствовать успешному решению многочисленных при-

кладных проблем, связанных с совершенствованием форм и способов деятельности практических психологов и общим повышением научного уровня психологического обеспечения жизнедеятельности индивида.

Особый интерес у Х. И. Лейбовича вызывали проблемы, связанные с объяснением того, «как в сознании человека зарождаются, аккумулируются, сохраняются, запоминаются и забываются конкретные мысли и идеи» (Лейбович, 1999, с. 7). Автор высказывает интересное предположение о том, что решение этих проблем может быть достигнуто на основе использования последних достижений квантовой механики, а также физики элементарных частиц, информатики, биоэнергетики и ряда новых наук и подходов (Лейбович, 1999а, с. 7). В качестве гипотез Х. И. Лейбович высказывает следующие предположения. «Интерпретация процессов мышления и памяти как механизмов функционирования на уровне элементарных частиц и биоинформационных энергий, позволит по-новому трактовать сущность познавательных процессов, происходящих на разных этапах жизненного цикла людей и, соответственно, уровнях системы образования и даже упразднить информационные дефициты памяти и „узости“ мышления (аналогично тому, как мыслится устранение иммунодефицита и „сковывания“ клеток злокачественных опухолей)» (там же, с. 6).

По мнению автора, системные исследования и поиск принципиально новых подходов к решению указанной проблемы представляются исключительно актуальной задачей многих наук и научных направлений (см. также: Новое в науках..., 2015; и др.).

Как указывает Х. И. Лейбович, «глубокое раскрытие механизмов зарождения, аккумуляирования и хранения мыслей и идей имеет не только теоретическое (фундаментальное), но и важное прикладное значение, так как позволяет рассчитывать на формирование в будущем системы методов и приемов объективной оценки потенциальной и реальной одаренности людей, а также способов активизации их творческой энергии и направления этой энергии преимущественно на добрые и полезные дела, т. е. на эффективную реализацию интеллектуальных возможностей человека» (Лейбович, 1999а, с. 8). Все это будет способствовать повышению интеллектуального уровня людей, раннему познанию ими счастья творческого труда (там же, с. 9).

Значительное число публикаций Х. И. Лейбовича посвящено проблеме подготовки молодых научно-педагогических кадров, интеграции науки и образования (Лейбович, 1999а, б, г, 2009). При высоких темпах развития науки особую актуальность приобретает

проблема повышения степени интеграции науки и образования, быстрота включения в содержание процессов обучения в вузах новейших достижений науки и техники. Для того, чтобы эти достижения как можно раньше включались в содержание и практику обучения и становились достоянием учебной практики, они должны быть изложены в форме конкретных учебных материалов и включены в соответствующие учебные планы и программы, учебники и методические пособия. На выполнение этих функций высшего образования тратится много времени, нередко исчисляемого годами (Лейбович, 2009, с. 99).

Чтобы существенно сократить разрыв между передовыми достижениями науки и образовательной практикой, Х. И. Лейбович предлагает повысить качество научно-методического обеспечения процесса отбора и формирования молодого ученого, начиная с детства до достижения высокого профессионального уровня, обеспечивающего его существенный вклад в развитие науки. В рамках предлагаемой системы подготовки научно-педагогических кадров выделены основные периоды становления молодого ученого (начиная с дошкольного возраста), дана соответствующая характеристика содержания ступеней и уровней системы образования. Первый (начальный) период – выявление и отбор интеллектуально одаренных детей в дошкольных учреждениях и начальной школе, разработка и реализация индивидуальных программ их воспитания и развития, вплоть до выделения в отдельные группы. Второй период – основной период развития общего среднего и профессионального образования. По мнению автора, этот период играет исключительную роль в формировании личности учащихся, а также в отборе и подготовке будущих научных кадров. Основными формами вовлечения одаренных школьников в научно-исследовательскую деятельность являются организация школьных научных обществ по актуальным научным направлениям и проведение районных, городских, областных олимпиад. К сожалению, как указывает автор, в течение многих лет учебные программы среднего образования не предусматривали изучение даже ознакомительных курсов науковедения (что такое наука, цели, задачи, структура науки и методы научного исследования) (Лейбович, 2009, с. 102).

Третий период, охватывающий отбор одаренных молодых людей среди школьников, выпускников техникумов и студентов 1–2 курсов бакалавриата, следует рассматривать как главный элемент системы выявления и обучения одаренной и талантливой молодежи в науку и начальный этап фундаментальной научной подготов-

ки студентов в системе высшего образования. Именно в этот период они должны освоить теорию и практику науковедения и методологию научного исследования, обрести надежную науковедческую подготовку как неотъемлемого элемента высшего образования (Лейбович, 2009, с. 103). Одаренных студентов необходимо активнее включать в особую дополнительную подготовку к целенаправленной научной деятельности в составе конкретных научных организаций и коллективов научных школ. Более того, по ряду актуальных научных направлений полезным является назначение одаренным студентам опытных научных руководителей, которым поручается персональное руководство научно-методической подготовкой и воспитание будущих ученых. По мнению Х. И. Лейбовича, превращение российской науки в действенный ресурс социально-экономического развития страны возможно только в том случае, если наука станет динамичной, самоуправляемой, многоукладной системой, активно поддерживающей систему производства знаний и их внедрение в практику.

В 1991–1996 гг. в составе кафедры Х. И. Лейбович активно и плодотворно участвует в исследованиях по федеральным программам «Народы России», «Университеты России», а также в научно-исследовательском проекте «Развитие», посвященном развитию образования в Северо-Западном регионе России. В рамках научной программы «Университеты России» научный коллектив сотрудников кафедры разрабатывал программу по теме «Модели структуры и организации работы высших учебных заведений университетского типа, реализующих многоуровневую структуру образования». По сути дела, речь шла о введении дифференцированного – многоуровневого и многоступенчатого уровня обучения. Также в исследовании обосновывались различные варианты перехода ряда университетов к многоуровневой системе образования и перспективные формы ее введения.

При разработке психологических аспектов этих научных программ были достигнуты существенные результаты, к которым можно отнести:

- разработку и апробацию инновационных систем дифференцированной профориентации городской и сельской молодежи и профессионального психологического отбора абитуриентов как основного принципа кадровой работы;
- обоснование способов снижения оттока молодежи из села и ряд психологических аспектов демографической политики России;
- разработку инновационных психолого-педагогических технологий деятельности профессорско-преподавательского состава

- и соответствующих им психолого-познавательных технологий учебной работы студентов, учитывающих последние достижения психологии, педагогики высшей школы и валеологии;
- разработку психологических аспектов государственного управления и проблем патриотического и информационного развития сознания (Шикун, 1999, с. 66).

За время работы в Тверском госуниверситете Х. И. Лейбович публикует три учебных пособия, десятки статей в научных сборниках, издаваемых совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом и Московским государственным педагогическим университетом, регулярно выступает с публичными лекциями и в периодической печати (Шикун, 1999, с. 57).

Профессор Х. И. Лейбович внес большой вклад в разработку учебного плана вновь создаваемого отделения психологии и в организацию специального факультета по переподготовке кадров психологов и социальных работников.

Более 25 лет профессор Х. И. Лейбович работал в составе специализированных диссертационных советов по военным наукам и психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Был научным руководителем 36 кандидатов наук и двух докторов наук.

Хаим Ицкович награжден пятью орденами и многими медалями. Он является академиком Международной педагогической академии, членом-корреспондентом Академии военных наук. Награжден знаком «Отличник высшей школы», премией Госкомитета по образованию за научную деятельность. В 1994 г. ученым советом Военной академии ПВО им. маршала Советского Союза Г. К. Жукова Х. И. Лейбовичу присвоено звание почетного профессора академии, а в 2003 г. он получает звание почетного профессора Тверского госуниверситета. За заслуги в развитии науки, подготовке научных кадров по представлению администрации Тверской области, Военного совета войск ПВО, ученых советов ведущих военных вузов страны, учебно-методических объединений, НИИ, высших военных училищ ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Хаим Ицкович Лейбович был открытым, доброжелательным, отзывчивым человеком. Достойное и уважительное общение с коллегами — отличительная особенность ученого. Высочайший профессионализм и компетентность во многих вопросах привлекали многих начинающих исследователей. Он всегда передавал свои знания и опыт молодому поколению ученых и никогда не оставлял без внимания просьбы студентов, аспирантов, преподавателей.

Литература

- Выдающиеся ученые Института психологии РАН / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Жалагина Т.А., Короткина Е.Д.* Психология управления в тверском регионе: становление, развитие, перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 61–81.
- Журавлев А.Л., Жалагина Т.А.* 90-летию выдающегося ученого Шикуну Алексея Федоровича посвящается // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2017. С. 10–15.
- Ксензова Г.Ю.* Видный ученый, крупный военный деятель, профессор, наставник молодых исследователей // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2009. Т. 20. Вып. 3. С. 96–98.
- Лейбович Х.И.* Как зарождаются мысли и новые идеи // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. 1999а. Т. 12. С. 7–9.
- Лейбович Х.И.* Невербальное общение и лечение // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования / Отв. ред. В.В. Новиков и др. Тверь, 1999б. Т. 12. С. 9–12.
- Лейбович Х.И.* Необходимость существенного сокращения разрыва между передовыми достижениями науки и процессом подготовки молодых научно-педагогических кадров // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2009. Т. 20. Вып. 3. С. 99–104.
- Лейбович Х.И.* Проблемы развития российской психологии // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования / Отв. ред. В.В. Новиков и др. Тверь, 1999. Т. 12. С. 5–7.
- Лейбович Х.И.* Хулиганство – питательная среда преступности // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования / Отв. ред. В.В. Новиков и др. Тверь, 1999. Т. 12. С. 87–92.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.

- Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А. Л. Журавлева и др. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2010.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Шикун А. А.* История и развитие психологического образования в городе Твери и области. Тверь, 1999.
- Шикун А. Ф.* О соратнике и друге Х. И. Лейбовиче // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования / Отв. ред. В. В. Новиков и др. Тверь, 1999. Т. 12. С. 3–5.

Development of psychological science and practice in tver: memory H. I. Leibovitz

T. A. Zhalagina, E. D. Korotkina
Tver State University, Tver

The article is devoted to the history of the development of psychological science and practice in the city of Tver. Particular attention is given in the article to creative heritage of famous scientist, founder of the Faculty of psychology of the Tver State University Professor H. I. Leibovitz. Milestones of his biography, basic researches concerning the perspective directions of psychology development, the content and scientific-methodical maintenance of scientific and pedagogic training system, psycho-pedagogical aspects and technology implementation of multilevel education are considered.

Keywords: psychology of military administration, regional psychology, scientific training system, multi-level education.

Г. Я. Трошин в Праге

А. А. Костригин

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
artdzen@gmail.com

Статья посвящена выдающемуся российскому психиатру и психологу Григорию Яковлевичу Трошину (1874–1938). Рассматривается биография ученого, в частности особое внимание уделяется его эмигрантскому периоду жизни и творчества в Праге (Чехословакия) после отъезда из Советской России в 1922 г. Отмечается недостаточно детальное описание биографии и научной деятельности Трошина в этот период. Представляются новые архивные материалы, касающиеся работы Трошина в Русском педагогическом институте им. А. Я. Коменского в Праге, впервые публикуется доэмигрантская биография ученого (архивный документ), вводится в научный оборот неопубликованный 9-томный учебник «Руководство клинической психиатрии». Описываются новые идеи Г. Я. Трошина в области психопатологии и психиатрии. Обосновывается важность дальнейших исследований биографии и научного творчества Трошина.

Ключевые слова: Г. Я. Трошин, биография, научное творчество, история психологии, российское психологическое зарубежье, Прага, архивные материалы.

Григорий Яковлевич Трошин (1874–1938) является одним из выдающихся отечественных психиатров и психологов XX в., проживших сложную жизнь гражданина и ученого в период крушения Империи и изгнания интеллигенции из России (другие материалы об этом периоде см.: История отечественной и мировой психологической мысли..., 2006, 2010, 2016; и др.). Его биография и творчество рассматриваются достаточно подробно отечественными исследователями (Беленкова, 2000; Дружиловская, 2008; Масоликова, Сорокина, 2011; Менделевич, Малышева, 2003; Мирский, 1995; Наследие Г. Я. Трошина..., 2005; Российское научное зарубежье..., 2010).

Будучи блестяще образованным, Г. Я. Трошин учился в Сарapulьском духовном училище, Вятской духовной академии, Казанском университете, был учеником известных врачей и психиатров Л. О Даркшевича (1858–1925), В. П. Осипова (1871–1947) и В. М. Бехтерева (1857–1927). Работал полковым врачом в годы Русско-японской войны (1904–1905), был одним из организаторов Общества образования и воспитания ненормальных детей, руководил психиатрической школой-лечебницей для отсталых и ненормальных детей, работал главным врачом в больнице Св. Николая Чудотворца, преподавал в Петроградском университете. В 1919 г. Я. Трошин возвратился в родной Казанский университет, где продолжил свою педагогическую и научную деятельность (стал профессором, затем деканом медицинского факультета). Однако в 1922 г. его арестовывают, а некоторое время спустя высылают из страны вместе с большой группой интеллигенции.

После отъезда из России Г. Я. Трошин через Германию попадает в Чехословакию, где в Праге уже остается до конца своей жизни. Пражский период жизни и творчества ученого освещен недостаточно: указываются общие даты и факты, некоторые работы, но без использования архивных материалов. Такое положение вещей, в общем, характерно на данный момент для текстов о большом числе представителей российского научного зарубежья, в частности психологов-эмигрантов. Причина очевидна: архивных материалов практически нет, или они недоступны на данный момент для отечественных исследователей. Мы обнаружили некоторые *новые архивные материалы*, которые еще не были введены в научный оборот относительно персоналии Г. Я. Трошина. Найденные материалы касаются пражского периода и раскрывают его биографию и творчество как представителя русского зарубежья.

Г. Я. Трошин является представителем российского психологического зарубежья (Масоликова, Сорокина, 2011; Российское научное зарубежье..., 2010). Опираясь на точку зрения М. Ю. Сорокиной и Н. Ю. Масоликовой, мы считаем, что под понятием «*российское психологическое зарубежье*» необходимо понимать группу психологов, философов и других мыслителей, разрабатывавших психологические вопросы, которые родились или жили в Российской империи, но в дальнейшем уехали из страны. К ним также можно относить тех ученых, которые писали на русском языке. Выделение данной области позволит рассматривать разработанные в конкретной стране эмиграции и в конкретный период идеи психологов с позиции *влияния новых факторов* на этот процесс (например, психологической

традиции страны эмиграции, если ученый встроился в сообщество, личных обстоятельств и др.) (Масоликова, Сорокина, 2011; Российское научное зарубежье..., 2010).

Как представитель этой сложной, как в биографическом, так и научном смысле, категории ученых, Г. Я. Трошин в эмиграции продолжил заниматься педагогической и научной деятельностью. Согласно исследователям, в Праге Г. Я. Трошин работал в Русском юридическом факультете и Русском педагогическом институте им. А. Я. Коменского (РПИ), был председателем общества русских врачей в Чехословакии (1927–1938), занимался исследованием особенностей психических процессов у детей русских эмигрантов, вел бесплатный амбулаторный прием в представительстве Российского общества Красного Креста в Чехословакии (Беленкова, 2000; Дружиловская, 2008; Масоликова, Сорокина, 2011; Менделевич, Малышева, 2003; Мирский, 1995; Наследие Г. Я. Трошина..., 2005; Российское научное зарубежье..., 2010).

В РПИ Г. Я. Трошин начал работать в 1924 г. и читал лекции по курсу «Психопатология детства и дополнительных школ для отсталых и школ для дефективных» (ГАРФ. Ф. Р5773, Оп. 2. Д. 140, Л. 5), а также вел «практические работы по исследованию психического здоровья учащихся русской школы в Чехословакии» (ГАРФ. Ф. Р5773, Оп. 1. Д. 13, Л. 7). На данный момент нами обнаружено личное дело Г. Я. Трошина в РПИ (ГАРФ. Ф. Р5773, Оп. 2. Д. 140, Л. 5), которое свидетельствует о том, как он устраивался на должность преподавателя. При приеме на работу среди его документов была рекомендация крупнейших советских психиатров П. Б. Ганнушкина (1875–1933), Г. И. Россолимо (1860–1928) и Т. А. Гейера (1876–1955) от 12.11.1922 г., рассматривающая его как ученого и педагога. Также личное дело и написанная в нем биография Г. Я. Трошина уточняет некоторые факты его жизни: годы работы (1901–1906) и должность (и. о. прозектора) в больнице Св. Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге, получение премии П. А. Дюкова от Общества психиатров в Петрограде и др. (Костригин, 2018).

Г. Я. Трошин действительно являлся авторитетным ученым в области психопатологии, особенно детской, благодаря чему его появление в РПИ было важным событием для руководства и студентов, так как позволяло преподавать и изучать еще одну сторону психолого-педагогического образования. После ознакомления с послужным списком и рекомендациями Трошина, совет РПИ принял его на должность преподавателя: «Педагогический совет Института, в заседании 16 сего Октября, единогласно избрал Вас преподава-

телем Института по курсу психопатологии детства и дополнительных школ для отсталых и школ для дефективных» (ГАРФ. Ф. Р5773, Оп. 2. Д. 140, Л. 1).

Еще одним свидетельством его плодотворного творчества являются указания на одну фундаментальную работу Трошина, с которой до сих пор никому не удавалось познакомиться — 9-томное «Руководство клинической психиатрии» (1927), так как оно не было издано. Об этом неопубликованном руководстве есть упоминания (Беленкова, 2000; Менделевич, Малышева, 2003; Мирский, 1995), даже некоторые характеристики: «Решив обобщить собственный опыт и результаты проведенных ранее исследований, Г.Я. Трошин в это же время взялся за составление „Руководства по психиатрии“ для студентов и врачей в 9 томах. Эта работа оказалась чрезвычайно сложной, заняла много лет и, к сожалению, оказалась неоконченной и в рукописи (9-й том остался незавершенным)» (Беленкова, 2000, с. 32).

Возможно, до настоящего времени этот документ был недоступен для исследователей в архиве, а какие-либо детали и идеи, изложенные в руководстве, в научной литературе не рассматриваются, однако нам удалось его обнаружить (ГАРФ. Ф. Р6019. Оп. 1. Д. 1; Костригин, 2018). Этот труд называется «Руководство клинической психиатрии», состоит из 9 томов (некоторые только в рукописи, другие в машинописном и рукописном варианте). В этом пособии Г.Я. Трошин предлагает новую для своего времени классификацию психозов. Полное рассмотрение содержания руководства и сравнительный анализ его концепции с научными представлениями современников Г.Я. Трошина заслуживают отдельных статей, поэтому здесь мы отметим лишь его основные идеи.

Г.Я. Трошин в своем труде обосновывает подход к разграничению психиатрических заболеваний и болезненных проявлений этих состояний, утверждая, что психические болезни могут выражаться в различных формах и в то же время форма болезни может быть присуща для разных заболеваний. Ученый выделяет следующие основные виды психических заболеваний: неврастения, навязчивость, органический делирий, мания, меланхолия, психогенный делирий, галлюцинации, паранойд, кататония, негативизм, эпилепсия. Каждое психическое заболевание может выражаться в самостоятельной болезни и в форме, входящей в другую болезнь. Наиболее интересными и оригинальными для 1920-х годов представляются идеи Г.Я. Трошина о навязчивости, психогенном делирии, галлюцинациях, параноиде и негативизме, которые мы в дальнейшем планируем изложить в отдельных статьях.

Обнаруженные новые архивные материалы будут способствовать дальнейшим исследованиям жизни и творчества Г. Я. Трошина. Одним из результатов нашей статьи, в частности, стала демонстрация архивных находок того, что Г. Я. Трошин в эмиграции продолжил заниматься фундаментальными вопросами изучения нормы и патологии психики — написав, но, к сожалению, так и не опубликовав «Руководство клинической психиатрии». Введение в научный оборот обнаруженного научного труда и до сих пор неизвестных идей Трошина о психопатологии позволяет раскрыть новые стороны научного творчества отечественного психиатра и психолога и стимулирует продолжение изучения его персоналии.

Литература

- Беленкова Л. Ю.* Антрополого-гуманистическая концепция обучения и воспитания аномальных детей в научном исследовании Г. Я. Трошина, 1874–1938 гг.: Дис. ... канд. психол. наук. Саранск, 2000.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5773. Оп. 1. Д. 13.
- ГАРФ. Ф. Р5773. Оп. 2. Д. 140.
- ГАРФ. Ф. Р6019. Оп. 1. Д. 1.
- Дружиловская О. В.* Научно-историческое наследие Г. Я. Трошина и его значение для современной специальной психологии и педагогики // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 11–16.
- История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. IV Московские встречи: Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Костригин А. А.* «Глубокий систематизирующий ум»: пражский период жизни и творчества Г. Я. Трошина (новые архивные мате-

риалы) // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 4 (51). С. 1.

Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю. История российского научного зарубежья и психологическое сообщество // Методология и история психологии. 2011. Т. 6. № 2. С. 92–109.

Менделевич Д. М., Малышева С. Ю. Слово о профессоре Григории Яковлевиче Трошине // Неврологический вестник. 2003. Т. 35. Вып. 1–2. С. 70–75.

Мирский М. Б. Г. Я. Трошин // Журнал невропатологии и психиатрии. 1995. № 3. С. 66–69.

Наследие Г. Я. Трошина в истории педагогики и психологии России и Российского зарубежья: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О. Е. Осовского. Саранск: Мордовский научный центр Поволжского регионального отделения Российской академии образования, 2005.

Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [пилотный]: Психологические науки: XIX–первая половина XX в. / Авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010.

G. YA. Troshin in Prague

A. A. Kostrigin

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow

The article is devoted to an outstanding Russian psychiatrist and psychologist Grigory Yakovlevich Troshin (1874–1938). The biography of the scientist is considered, in particular, the author paid special attention to his emigrant period of life and creativity in Prague (Czechoslovakia) after his departure from Soviet Russia in 1922. There is not a detailed description of Troshin's biography and scientific activity during this period. New archive materials are presented concerning the work of Troshin at the Comenius Russian Pedagogical Institute in Prague, for the first time a pre-emigrant biography of the scientist is published, an unpublished nine-volume textbook "The Manual of Clinical Psychiatry" is being introduced into the scientific circulation. The new psychopathological and psychiatric ideas by G. Ya. Troshin are described. The importance of further studies of the biography and scientific work of Troshin is stated.

Keywords: G. Ya. Troshin, biography, scientific creativity, history of psychology, Russian abroad psychological community, Prague, archival materials

Профессионал и время: о работах Л. И. Анцыферовой в области истории психологии

В. А. Мазилев

Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль
v.mazilov@yspu.org

Статья посвящена анализу некоторых аспектов творчества Л. И. Анцыферовой в области истории психологии. Поскольку анализ творчества в целом требует другого формата, анализируются лишь некоторые работы, посвященные истории психологии и психологии мышления. Утверждается, что крупные научные результаты Л. И. Анцыферовой достигнуты во многом благодаря влиянию руководителя научной школы С. Л. Рубинштейна. В научной школе существовал высочайший стандарт требований к исследователю, предполагающий сочетание в одном лице качеств философа, методолога, историка, владеющего иностранными языками, человека высокой культуры и эрудиции, научной интуиции и научной корректности. Утверждается, что в новой истории отечественной психологии работы и деятельность Л. И. Анцыферовой займут достойное место, соответствующее ее огромному вкладу в российскую психологию.

Ключевые слова: Л. И. Анцыферова, методология, история, эксперимент, научная школа, профессионализм.

История отечественной психологии, как хорошо известно, в полном объеме еще не написана. Увы, это тривиальное заключение по-прежнему остается справедливым, хотя годы идут. Судя по материалам, относящимся к новой и новейшей истории психологии в нашей стране, опубликованным к настоящему времени, можно с уверенностью утверждать, что деятельность ряда фигур отечественной психологии явно недооценена. В учебниках и учебных посо-

---

Исследование проведено при финансовой поддержке государственного задания № 25.8407.2017/8.9 на выполнение проекта по теме «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества».

биях по истории психологии, которых в последние годы стало много (что не может не радовать), история отечественной психологии, особенно 1950–1980-х годов, отражена очень фрагментарно. Чаще всего кратко бывает представлена лишь деятельность руководителя школы, а другие представители остаются в тени, хотя, несомненно, имеют индивидуальные заслуги, требующие отражения в систематическом курсе истории психологии, поскольку их вклад велик и очевиден.

К их числу относится Людмила Ивановна Анцыферова (1924–2013). По счастью, существуют подробные исследования, посвященные анализу психологических взглядов Л. И. Анцыферовой, в которых приведена необходимая аргументация выдающегося вклада исследователя не только в методологию и историю психологии, но и в психологию личности, геронтопсихологию и другие сферы психологической науки (Журавлев, Харламенкова, 2009, 2014; Харламенкова, 2014; и др.). Наличие этих глубоких и обстоятельных текстов избавляет от необходимости давать биографическую справку и общий обзор проведенных Л. И. Анцыферовой научных исследований.

Истоки профессионализма

Л. И. Анцыферова – выдающийся отечественный психолог, методолог психологической науки, историк психологии, автор многих концепций, относящихся к разным областям психологии. Прежде всего необходимо отметить, что Л. И. Анцыферова относится к числу учеников С. Л. Рубинштейна, отечественного философа и психолога, философа психологии в высоком смысле этого слова. Таков был стиль мышления Сергея Леонидовича, благодаря которому (в очень значительной степени) появилась советская психология, какой мы ее знаем. Трудно предположить, что это может быть сделано одним человеком. Тем не менее, в этом весь С. Л. Рубинштейн как мыслитель. О том, кстати, сообщает сама Л. И. Анцыферова: «Для творческой деятельности С. Л. Рубинштейна была характерна также его способность строить на основании более конкретных идей, относящихся к частным областям, очень высокие философские обобщения. Для него единичная идея сразу выступала как конкретизация общей закономерности. Вот, например, он работал над книгой Дж. Мида (1934 г. издания). Там у Мида в контексте концепции символического интеракционизма излагаются интересные мысли о том, что в результате возникновения живых существ в растительном мире проявились новые качества. У травы вдруг обнаружились качества ядовитос-

ти, вредности. Когда не было животных, не было существ, которые могли бы погибнуть от отравы, у растений этих качеств вроде бы и не было, хотя потенциально они в них содержались. Сергей Леонидович этот раздел книги Мида подчеркивал и помечал — я потом труд Дж. Мида изучала. Высказанная Мидом мысль появилась в подготовительных материалах к монографии „Человек и мир“, над которой С.Л. Рубинштейн работал в конце 50-х годов, но которую так и не успел дописать. Мысль Дж. Мида дала толчок к философской формуле: вместе с появлением человека на более высокий уровень поднимается все бытие. А в структуре нижележащих уровней проявляются новые свойства. Когда нет человека, то в бытии нет качества красоты, истины, справедливости и т. п. С позиций С.Л. Рубинштейна, качество красоты — это не только то, что человек привносит, скажем, созерцая прекрасный цветок или изумительное по грации животное. Грация присуща самому животному. Но данное качество без наличия человека, у которого есть способности чувствовать красивое, никогда бы не проявилось... Таким образом, когда Сергей Леонидович работал над книгами, он не просто расширял объем своих знаний, но и формулировал встретившиеся ему идеи на более высоком обобщенном философско-теоретическом уровне. Так же он прочитывал некоторых экзистенциалистов и феноменологов. Он брал идеи и на высоком уровне теоретического обобщения интегрировал их в своей системе координат. Это не каждому ученому доступно. Большинство действуют на эмпирическом уровне, т. е. идею, которую они вычитали, — очень интересную, оригинальную, — они будут разрабатывать в этой же плоскости, не поднимаясь на новый уровень обобщения» (Артамонов, 2003, с. 247–248).

Представляется, что общение с классиком — и психологом, и философом — оказало формирующее влияние на личность исследователя. В своем интервью Л. И. Анцыферова вспоминает: «В конце 40-х годов произошло еще одно трагическое событие, которое стало для меня потрясением. Это был 1948/49 год, когда в Большом зале старого Института психологии произошло заседание, которое вел, помнится, Каиров, — рассматривался вопрос о космополитизме в психологии и педагогике. Мы сидели наверху — тогда в зале еще была галерка — с Е. М. Крутовой, Л. И. Карельштейн (сейчас ее фамилия Каплан), которые тоже были аспирантками С.Л. Рубинштейна. Зал был заполнен до отказа. И вот там поносили крупнейших ученых, в том числе и С.Л. Рубинштейна. Какие слова бросали в его адрес! Все те, кого „клеямили“, затем должны были выходить на сцену и каяться.

Смотреть, например, на пожилого Медынского было просто жалостно. Он доказывал, что в силу своих возможностей критиковал западных буржуазных ученых, приводил подтверждения этого и недоумевал: „Но не мог же я нецензурно выражаться в их адрес“. Я ужасно боялась, что же скажет Сергей Леонидович. Его ответ был краток. Он сказал, что в его книгах, особенно в „Основах общей психологии“ недостаточен критический анализ и есть ошибочные положения, но он приложит все силы, чтобы эти ошибки исправить... Мы все трое – Крутова, Карельштейн и я – просто рыдали, когда слышали выпады в адрес Сергея Леонидовича. Потом я подошла к Сергею Леонидовичу и постаралась его как-то ободрить, поддержать, сказав, что он хорошо и достойно ответил на критику. Он был в сильном волнении, переживал и тихим голосом ответил: „Если бы вы знали, как это было трудно...“» (Артамонов, 2003, с. 244).

Стоит отметить, каков был уровень преподавания философии, когда Л. И. Анцыферова училась на философском факультете. Снова предоставим слово Л. И. Анцыферовой: «На философском факультете меня сильно смущала какая-то двойственность сознания наших наставников, которая отрицательно сказалась и на моем сознании. Дело заключалось вот в чем. Вся история философии в лекциях изображалась как цепь заблуждений великих умов. Исключения делались для таких мыслителей, как Аристотель, Демокрит, Гераклит... Но уже учения Канта, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра подавались как разные формы прискорбных философских ошибок. Квалификация этих учений как идеалистических означала их определение как чисто спекулятивных, не соответствующих действительности, безрезультатных в своих поисках. Я была в полнейшем недоумении: зачем читать целые курсы, если речь идет о сплошных ошибках и заблуждениях? Мне хотелось знать, какими могут быть иные решения проблем, разрабатывавшихся этими учеными, и в чем же состоит процесс развития философской мысли? Когда я знакомилась с трудами этих философов, мне казалось, что, наоборот, каждый из них открывает новые сферы существования человека для философского анализа. Блестящий анализ разума, этических отношений, волевого начала человека, сферы бессознательного, философское исследование рефлексии, собственного „Я“ человека увлекали меня. На консультациях у наших преподавателей оказывалось, что многие из них высоко ценят прозрения философов прошлого, но при этом произносилась таинственная по своему смыслу, грозная и обескураживающая фраза о том, что все эти положения строятся на идеалистических позициях. При этом считалось, что в курсе марксист-

ско-ленинской философии мы найдем конструктивное решение философских проблем, касающихся человека. Но ни в этом курсе, ни в рекомендуемых книгах таких материалов не было. Да и само учение К. Маркса освещалось очень однобоко. Все его интересные идеи о личном существовании человека не разрабатывались» (Артамонов, 2003, с. 239–240).

Как представляется, в дальнейшем, уже в своей исследовательской деятельности Л. И. Анцыферова очень много сделала для того, чтобы существующее положение вещей изменить. И в этом отношении Людмила Ивановна смогла пойти дальше своего учителя, на долю которого, как мы видели, выпали трагические для ученого испытания, и сумела создать новый стандарт отношения к зарубежной психологии... Наступило другое время.

Приведем еще один фрагмент из интервью Л. И. Анцыферовой: «Если под идеологизацией понимать насильственное навязывание определенных идеологических штампов, то это неблагоприятно повлияло на психологию и воспрепятствовало ее интеграции с мировой психологической мыслью. Были штампы идеологически ориентированного поведения. Конкретизирую эту мысль. Сергей Леонидович хорошо знал и обобщал достижения зарубежной психологии. Но когда я с ним о чем-нибудь разговаривала, высказывала какую-то идею, — а мне всегда хотелось указывать истоки моих идей, — и сообщала ему, что „оттолкнулась“ от такой-то зарубежной теории, в ответ он замечал: „Нет, так нельзя говорить. Что значит, оттолкнулась?! Вы должны свои идеи критически противопоставлять этим теориям, а не отталкиваться от них“... И это при всей его объективности взгляда на зарубежную литературу, которую он считал неисчерпаемым источником для своих идей и в целом для всей отечественной психологии. У него была собственная оригинальная, хорошо разработанная и обоснованная психологическая теория, он мог как ученый крупного масштаба критически противопоставлять свои взгляды взглядам других исследователей» (Артамонов, 2003, с. 257–258).

Талантливый человек идет дальше своего учителя. Тем более что меняется время. И он находит в себе силы идти дальше. И в этом смысле, вероятно, прав Ньютон, когда писал: «Я видел дальше других только потому, что стоял на плечах гигантов». Как мы увидим далее, Л. И. Анцыферова в значительной степени создала новый стандарт отношений с «буржуазной», «капиталистической» психологией... К этому аспекту деятельности Л. И. Анцыферовой мы вернемся в заключительной части статьи.

Итак, Л. И. Анцыферова – профессионал, который ничего не делал впосилы. Вот пример. В декабре 1999 г. я случайно оказался на факультете психологии МГУ на защите докторской диссертации Д. А. Леонтьева. Л. И. Анцыферова была оппонентом. Я не посмотрел на часы, но выступление продолжалось, вероятно, чуть менее часа. По глубине, доскональности и скрупулезности анализа сравнить не с чем. Впечатление было такое, что время вышло из пазов, что вернулись те времена, когда не было бешеного московского темпа, когда все торопятся, бегут и опаздывают, а, напротив, не спеша обсуждали сложную проблему. Несмотря ни на что, Л. И. Анцыферова довела свой анализ до конца, остановившись на рассмотрении каждого параграфа каждой главы, так и не перейдя на классическое для дня сегодняшнего «не буду зачитывать целиком, а остановлюсь на некоторых моментах». В этой несовременности сейчас видится признак основательности, надежности, свойственной нашей классической советской психологии. Это основа и, в первую очередь, она была надежным фундаментом. Во всяком случае, для моего поколения это было той основой, которую мы осваивали, по которой учились и по образцу которой начинали работать.

Для Л. И. Анцыферовой главной темой все же было мышление. Как известно, первой темой, по которой Л. И. Анцыферова писала кандидатскую диссертацию под руководством С. Л. Рубинштейна, было изучение первобытного мышления. «А 1950 год оказался фатальным для моей диссертации. Это был год „дискуссии“ по вопросам языкознания, в результате которой Н. Я. Марр был объявлен псевдоученым. В этот же год состоялась Объединенная сессия АМН и АН СССР, где физиологи объявили психологию лженаукой, а единым истинным научным подходом к психическим явлениям – учение И. П. Павлова» (К юбилею..., 1994, с. 154).

Понятно, что в свете таких событий тема диссертации, направленная на изучение первобытного мышления, была попросту невозможна. Л. И. Анцыферова подчеркивает, что у С. Л. Рубинштейна интерес к павловскому учению возник намного раньше, к этому времени Е. А. Будилова уже заканчивала диссертацию, посвященную рефлекторной теории И. М. Сеченова. «Мне же С. Л. Рубинштейн предложил проанализировать на основе закономерностей аналитико-синтетической деятельности мозга элементарное наглядно-действенное „мышление“ высших животных, действующих в проблемных ситуациях. Фактически мне пришлось заново писать диссертацию на совершенно другую тему: „Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления“ (я защи-

тила ее в 1952 году). Нисколько не преувеличивая, могу сказать, что, изучая шаг за шагом аналитико-синтетическую деятельность животных в наглядных ситуациях, я впервые по-настоящему поняла, что такое мышление и каковы механизмы его функционирования» (К юбилею..., 1994, с. 154).

В начале 1953 г. Л. И. Анцыферова становится сотрудницей лаборатории мышления и речи в Психологическом институте, которую возглавлял Ф. Н. Шемякин. «И естественно, я стала продолжать экспериментально изучать процессы решения задач – теперь уже на взрослой выборке. Задачи я выбрала такие, для решения которых индивид должен был увидеть в предмете „латентные“, „слабые“ свойства, маскируемые привычными, функциональными, сильными. Механизмом усмотрения „латентных свойств предметов оказалось последовательное включение предмета в новые системы связей“» (К юбилею..., 1994, с. 154–155).

Надо отдать должное проницательности молодого ученого. Из всего многообразия исследований в зарубежной психологии, существовавших к тому времени, была выбрана, пожалуй, наиболее перспективная и интересная работа Лайоша Секея. Речь идет о знаменитой задаче Л. Секея со свечой, модифицированный вариант которой использовался в экспериментах Л. И. Анцыферовой (Анцыферова, 1960). Как представляется, именно Л. И. Анцыферова познакомила русскоязычного читателя с ранними работами Л. Секея (Szekely, 1940). Отметим, что именно в работах Л. Секея (1904–1995), выполненных в 1960-е годы, были получены самые впечатляющие результаты в исследовании мышления на основе синтеза различных научных подходов (гештальтпсихологии, психоанализа, Ж. Пиаже и Дж. Брунера) (Szekely, 1976). Отметим, кстати, что эти работы в России до сих пор малоизвестны и, если судить по публикациям, остаются малодоступными отечественным специалистам. Не в последнюю очередь это происходит потому, что в современном поколении исследователей мышления нет фигур, сопоставимых по своему влиянию и авторитету с Л. И. Анцыферовой или К. А. Славской.

Цель исследования, предпринятого Л. Секеем, «проследить ускользающее от восприятия и самоконтроля возникновение созидательной идеи и несколько прояснить ее структуру» (Szekely, 1940, р. 79). Испытуемые получали «практическое задание», для решения которого не нужны были специальные знания. Правильное решение задачи состоит в том, что планка должна быть уравновешена так, чтобы с одной стороны находился зажженный огарок свечи –

потеря веса в результате горения приведет с течением времени к необходимому нарушению равновесия. Задача представляет известную трудность для испытуемых. Анализируя ход решения задачи, Секей отмечал, что в протоколах экспериментов у некоторых испытуемых наблюдалось «состояние бесплановых действий, рассеянности, разбросанности, из которого и возникало готовое решение (ibid., p. 83).

В этой работе Секей вводит широко известное понятие о «латентных свойствах». Представляется полезным напомнить о трактовке, которой придерживается сам автор: он говорит о свойствах не предмета, а представления о нем. «Мы хотим так выразить это положение: потеря веса при горении — свойство свечи, которое не используется для организации ее структуры в нашем сознании. Поэтому это объективно существующее свойство может быть названо латентной чертой мысленного образа свечи» (ibid., p. 89). Испытуемый сообщает: «сначала я манипулировал со свечой как твердым телом». До этого он манипулировал с целым рядом твердых предметов. Когда очередь дошла до свечи, латентное свойство свечи вдруг выдвигалось на передний план, а качества, раньше значительные, отодвигались «на второй план».

Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальт-психологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление — продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Здесь, кстати, стоит отметить, что в работах школы, к которой принадлежала Л. И. Анцыферова, существовала тенденция недооценивать эволюцию, проделанную гештальтпсихологией. Мы же должны отметить, что в процессе развития этой школы произошли существенные изменения. Взгляды Л. Секея значительно отличались даже от идей Карла Дункера (1903–1940), который тоже модернизировал теорию гештальтпсихологии. Отметим, что в целом у Секея происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;

- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Рассмотрение процесса решения этой задачи, кстати, проведенное с учетом категории прошлого опыта, дает очень интересные результаты. Использование специальных методик диагностики структур опыта позволяет углубить процессуальные характеристики (Мазилов, 1978).

Решая задачу «свеча», испытуемые часто не могли обнаружить свечу как предмет, который при горении может изменять свой вес. Специальное исследование структур субъективного опыта показало, что большинство испытуемых (65,9%) имеют искаженные представления о данном свойстве предмета, полагая, что свеча при горении либо «не изменяет вес, так как воск плавится и стекает», либо «теряет в весе на ничтожную величину (за счет сторевшего фитиля)». Исследование показало, что необходимо различать собственно «латентные» (не актуализируемые из-за отторгивания более значимыми) и «слабые» (о наличии которых сам испытуемый не знает или имеет о них искаженные представления) (Мазилов, 1979, 1981).

Стоит также помнить, что могут быть задачи разных типов, при решении которых обнаружено: во всех случаях необходима корректировка структур субъективного опыта. Более того, оказалось возможным представить процесс ограничений в решении мыслительных задач творческого характера в виде общей единой модели. Каждый элемент проблемной ситуации представляется субъектом как обладающий определенной структурой свойств, в которых выделяются допустимый, запретный и индифферентный диапазоны. Процесс локации ограничений начинается с формирования критериев локации ограничений, с которыми сопоставляются элементы ситуации. Процесс ограничений является двунаправленным: с одной стороны происходит отыскание нужных элементов (этот процесс ведется по свойствам допустимого диапазона), с другой – происходит исключение ненужного, не подходящего (по свойствам запретного диапазона). Обнаружение элемента, соответствующего критериям локации ограничений, приводит к своеобразному «замыканию»: процесс локации ограничений временно приостанавливается и начинается детальный анализ этого элемента.

Закljučая этот раздел, отметим, что Л. И. Анцыферова была не только видным теоретиком, но и тонким экспериментатором-исследователем.

Высокий профессионализм

И все же, на наш взгляд, главный вклад Л. И. Анцыферова в отечественную психологию сделала именно как историк психологии, причем ее вклад был основополагающим. В XX столетии отечественной психологии пришлось нелегко.

В 1940-е годы С. Л. Рубинштейн писал о том, что психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX в. не полностью. Как известно, завершение этого процесса он связывал, в частности, с созданием «системы психологии». Многие С. Л. Рубинштейн сделал своими фундаментальными работами. Но он очень хорошо понимал, что этого мало. Основные современные работы зарубежной психологии были практически неизвестны широкому читателю из-за «железного занавеса» и длящейся холодной войны... Эти работы не были переведены, не были изданы. Молодое поколение — на тот момент студенты психологических отделений на философском и филологическом факультетах не имели учебников и учебных пособий (за исключением фундаментального учебника «Основы общей психологии» самого С. Л. Рубинштейна). Даже книги под названием «История психологии» в СССР не было. И это никого не удивляло, потому что совсем недавно был 1950 год, когда психология как научная дисциплина в СССР чудом уцелела.

С. Л. Рубинштейном был задуман проект «Современная психология в капиталистических странах», который он не успел осуществить. Этот коллективный труд вышел только в 1963 г., где важнейшие разделы про бихевиоризм и гештальтпсихологию были написаны Л. И. Анцыферовой (Современная психология..., 1963).

Обратим внимание на то, что Л. И. Анцыферова по праву может считаться выдающимся профессионалом в области критического изложения зарубежной психологии, задавшим на многие годы новый стандарт. В данном случае имеется в виду почти полное отсутствие идеологически ориентированной критики, отсутствие «ярлыков», указание лишь на методологические недочеты, уважение к работе зарубежных коллег, научная корректность, интеллигентность и профессиональная солидарность. Конечно, это определялось уникальным сочетанием в одном лице качеств философа, методолога, историка, владеющего иностранными языками, чело-

века высокой культуры и эрудиции, научной интуиции и научной корректности. Если у кого-то есть сомнения, достаточно сравнить работы Л. И. Анцыферовой с трудами коллег, в частности, в одних и тех же книгах (к примеру, с текстами Н. С. Мансурова) (Современная психология..., 1963). Можно считать Л. И. Анцыферову создателем нового стандарта отношений между советской психологией и зарубежной психологической наукой. Вершиной профессиональной деятельности в этом направлении являются пять глав в коллективном труде «Основные направления исследования психологии мышления в капиталистических странах» (это половина книги), посвященные общей характеристике психологии мышления на Западе, анализу работ Вюрцбургской школы, Отто Зельца, теорий мышления в бихевиоризме и необихевиоризме, французской школе (Основные направления исследования..., 1966). Не нужно говорить, что необходимо было выделить в общем потоке зарубежных исследований наиболее значимые работы, перевести, проанализировать, изложить... Все это, напомним, была работа на создание системы психологии по С. Л. Рубинштейну – проекта по сути международного.

Заметим, что это еще одна грань *глобализации в психологии* – это путь мировой психологии к становлению настоящей наукой, намеченный С. Л. Рубинштейном в 1940 г., о чем уже упоминалось. Л. И. Анцыферова внесла значительный вклад в этот процесс. Важно подчеркнуть, что эта линия развития современной психологии представлена и в настоящее время (см., напр.: Мироненко, Журавлев, Юревич, 2018; и др.).

И конечно, должны быть упомянуты ее обобщающие работы историко-методологического плана: «Материалистические идеи в зарубежной психологии» (Анцыферова, 1974) и фундаментальная работа «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» (в соавторстве с М. Г. Ярошевским) (Ярошевский, Анцыферова, 1974).

Повторим: Л. И. Анцыферова внесла в развитие психологической науки в нашей стране уникальный и достойный вклад.

Литература

Анцыферова Л. И. Роль анализа в познании причинно-следственных отношений // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / Под ред. С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 102–120.

- Анцыферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М.: Наука, 1974.
- Анцыферова Л. И.* О закономерностях элементарной познавательной деятельности. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Артамонов В. И.* Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Academia, 2003.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Мудрость личности (К 90-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
- К юбилею Л. И. Анцыферовой // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 153–157.
- Мазилев В. А.* О природе «латентных» свойств проблемной ситуации // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1978. С. 74–79.
- Мазилев В. А.* Структуры субъективного опыта и решение задач // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1979. С. 15–27.
- Мазилев В. А.* Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1981.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Основные направления исследования психологии мышления в капиталистических странах / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1966.
- Современная психология в капиталистических странах. М., 1963.
- Харламенкова Н. Е.* Жизнь ученого – поиск и открытие неявного знания в явном (К юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 5–17.
- Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974.
- Szekely L.* Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. P. 140–170.
- Szekely L.* Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls // Acta psychologica. 1940. V. 5. № 1. P. 79–96.

Professional and time: about the works of L. I. Antziferova in the field of history of psychology

V. A. Mazilov

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl

The article is devoted to the analysis of some aspects of the creative work of L. I. Antziferova in the field of the history of psychology. Since the analysis of creativity as a whole requires a different format, only some works on the history of psychology and psychology of thinking are analyzed. It is stated that the highest achievements of L. I. Antziferova were achieved due to the influence of the head of the scientific school S. L. Rubinshtein. In the scientific school there existed the highest standard of requirements for a researcher, suggesting a combination of the qualities of a philosopher, methodologist, historian who spoke foreign languages, a person of high culture and erudition, scientific intuition and scientific correctness. It is argued that in the new history of the domestic psychology of work and the activity L. I. Antziferova will occupy a worthy place, corresponding to her huge contribution to Russian psychology.

Keywords: L. I. Antziferova, methodology, history, experiment, scientific school, professionalism.

Карьера: историко-психологический анализ понятия

В. В. Матан

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
v.mathan@spbu.ru

Статья посвящена историко-психологическому анализу понятия карьера. Приводятся определения карьеры, данные в этимологических, толковых словарях и энциклопедиях XIX–XXI в. Описываются особенности построения карьеры и общественного отношения к ней в разные исторические периоды. Рассматриваются современные формы построения карьеры. Анализируются психологические подходы к описанию карьеры, психологическое содержание термина, тематическое разнообразие изучаемых аспектов карьеры, отечественные и западные концепции карьерного развития. Делается вывод о необходимости дальнейших историко-психологических исследований карьеры, систематизации имеющихся знаний по актуальной проблеме.

Ключевые слова: карьера, историко-психологическое исследование, самореализация.

В своих работах Л. И. Анцыферова отмечала значимость изучения личности в процессе ее деятельности: «Самые глубокие переживания человека — радость, счастье, печаль, подавленность и т. д. — определяются успехом или неудачей основных видов его деятельности, ее результатов и т. п.» (Анцыферова, 1969, с. 72). Действующий человек, по мнению Анцыферовой, находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой, преобразует мир, реализует свои цели (подробнее см.: Харламенкова, Журавлев, 2016; и др.). Действующий человек, безусловно, выстраивает *карьеру*.

Карьера (ит. *carriera* — «бег, жизненный путь, поприще») является предметом исследования разных наук: психологии, социологии, менеджмента, экономики, истории. Термин «карьера» отличается многоплановостью, обладает множеством смыслов и подходит

для описания различных траекторий жизненного пути человека, поскольку обладает динамической характеристикой. Приведем несколько примеров. Социолог Э. Гофман (1961) использовал понятие «моральная карьера» применительно к стадиям болезни у пациентов психиатрических клиник. Социолог Х. Беккер (1963) определил термин «девиантная карьера» как развитие отклоняющегося поведения у подростка в связи с реакцией общества на совершенный им противоправный поступок. Археолог, антрополог и палеонтолог Р. Клейн (1989) написал в своей книге «Карьера человека» об эволюции человека и его культуры.

Однако наиболее частое содержательное определение карьеры сопряжено с *трудовой деятельностью* человека. В контексте психологии, карьера представляет собой один из аспектов самореализации личности, карьерное развитие – один из жизненных смыслов человека. Именно в этом ракурсе мы будем рассматривать карьеру в нашей работе. Трактовка и внимание психологов к вопросам карьеры опосредованы социально-историческим контекстом, экономической и политической ситуацией в стране.

В прошедшие десятилетия проведены многочисленные историко-психологические исследования и опубликованы работы по различным темам и направлениям отечественной психологической науки (Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. Н. Ждан, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Н. А. Логинова, В. А. Мазиллов, О. Г. Носкова, А. В. Петровский, В. А. Якунин, М. Г. Ярошевский и др.). Вместе с тем не в полной мере описано становление и развитие научных концепций карьеры, отношение к этому термину в разные эпохи. Рассмотрение карьеры с позиции историко-психологического подхода дает возможность лучшего понимания современных направлений изучения карьеры, а также поведения человека в контексте его самореализации.

Определение и отношение к карьере в разные исторические периоды

Один из методов *историко-психологического исследования* – метод анализа категориально-понятийного аппарата (Психология XXI века..., 2003). Анализируя различные определения карьеры, отметим следующее. В этимологическом словаре указывается, что в русском языке слово «карьер» стало использоваться с первой четверти XIX века и первоначально употреблялось в мужском роде («карьер»). Понятие «карьер» возникло путем добавления окончания «-а» к французскому слову «карьер» (*carrière*). В. И. Даль в «Толковом словаре жи-

вого великорусского языка» дает следующее определение: «карьер м., карьера ж.: *фр.* путь, ход, поприще жизни, службы, успехов и достижения чего-либо». В прозаических текстах XIX в. (публицистических, художественных) слово «карьера» употребляется с такими прилагательными, как «служебная», «блестящая», «быстрая», «видная». В XIX в. поступление на гражданскую службу опосредовалось происхождением, возрастом и уровнем знаний (Дятлов, 2012). Порядок продвижения по служебной лестнице для чиновников в Российской империи определялся «Табелью о рангах», их карьере можно операционализировать с помощью понятий «чин» и «должность». Отношение к построению карьеры в XIX в. не было однозначным. С одной стороны, «несостоявшаяся карьера» (*фр.* «*carrière manquée*») обозначала неудавшийся жизненный путь. С другой стороны, карьерные успехи не всегда трактовались положительно. Так, известный историк, писатель и критик Н. А. Полевой в 1830 г. написал фельетон «Делать карьер». В нем «карьер» характеризуется как «обязанность, долг, должность, нечто определенное в быте гражданском, что должно или можно исполнить». Автор подчеркивает, что «карьер» и слова «делать карьер» чаще относятся к службе, гражданской и военной. Вместе с тем Полевой противопоставляет выражения «*faire carrière*» и «*servir*», соотнося первое с явлением местничества (распределение должностей и служебных мест в зависимости от знатности рода в Русском государстве до 1682 г.), придавая негативный оттенок явлению «карьерства».

В первой половине XIX в. социальное происхождение и классовая принадлежность ограничивали выбор профессии и перспективы становления в ней, во второй половине, в связи с развитием экономики и усложнением задач управления, в карьерном продвижении возросло значение фактора профессионализма. С 1906 г. при поступлении на службу перестала учитываться сословная принадлежность. И важным условием, по мнению С. В. Богданова, успешной служебной карьеры стало образование, которое позиционировалось в качестве одной из ценностей правящего класса Российской империи (Богданов, 2015). Таким образом, в XX в. термин «карьера» обрел новые интерпретации. В начале века карьера понималась как «дорога, ведущая к повышению на каком-либо поприще, преимущественно служебном».

В Советские годы под карьерой стали понимать «быстрое и успешное продвижение в служебной или другой деятельности; достижение известности, славы или материальной выгоды», а также для определения рода занятий, профессии. Для ряда профес-

сий оказалась важна политическая принадлежность сотрудника. В назначении на руководящую должность, в построении служебной карьеры, в достижении статуса в обществе большую роль играли факторы политического стажа, наличия политического образования, политического билета. На особенности построения карьеры оказали влияние и трагические годы Великой Отечественной войны. Р. Е. Романов описал феномен «короткого» социального лифта, возникшего в условиях военной жизни. В этот период расширились возможности развития женской и молодежной трудовой карьеры в советской промышленности. Тем не менее, достижение статусных позиций было ограничено высоким образовательным или культурно-техническим цензом (Романов, 2016). Обращаясь к главному классу советского общества, Н. Б. Тихонова в книге «Карьера рабочего» отмечает, что традиционное понимание карьеры как служебной «лестницы» не подходит для описания профессиональной мобильности рабочих (из-за ограниченного числа руководящих позиций). Наиболее адекватным пониманием карьеры рабочего, с точки зрения автора, «получение рабочего места, наиболее соответствующего интересам и возможностям трудящегося, приносящее удовлетворение как моральное (престиж, квалификация, уважение), так и материальное (размер заработной платы)... продвижение именно в рабочей среде, а не переход в служащие, превращение в инженерно-технического работника» (Тихонова, 1985). В советском обществе порицался «карьеризм», это понятие имело негативные коннотации. Считалось, что карьерист, стремясь к личному успеху, достигает его незаконными и непорядочными средствами.

Карьера в постперестроечное время отличается по ряду признаков: в этот период возникает реальный шанс развития в нескольких профессиях, возможность выстраивать интернациональную карьеру, карьеру предпринимателя, но, вместе с тем, утрачивается гарантированная трудовая занятость. Описывая условия социально-экономических изменений в России в XXI в., А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко отмечают распространение «горизонтального» типа карьеры («рост известности, авторитетности и востребованности работника в профессиональной среде») (Журавлев, Купрейченко, 2010). В эпоху развития сети Интернет, мобильного образа жизни, возможности не локализовать профессиональную деятельность в конкретном месте и времени, все большее количество людей выбирают карьеру «цифрового кочевника» (фрилансера). Распространенным становится феномен «дауншифтинга», когда человек карьерным амбициям предпочитает семью, хобби, отдых.

В современных толковых словарях выделяется два основных значения термина «карьеря»: «1) род занятий, профессия; 2) путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также же само достижение такого положения».

Карьера как предмет психологического исследования

Карьера становится предметом изучения в середине XX века в западной психологии и в 90-е годы XX в. в российской. Но необходимо заметить, что в отечественной психологии ранее, начиная с идей И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева, активно развивалась психология труда (В. А. Бодров, Е. А. Климов, Е. А. Ломов, О. Г. Носкова, К. К. Платонов, В. А. Пономаренко, В. А. Толочек, В. Д. Шадриков и др.). В рамках этого направления изучались созвучные карьере темы: «трудовой путь», «профессиональный жизненный путь», «профессионализм», «профессионализация», «профессиональное становление» и др. Обращаясь непосредственно к психологии карьеры, В. А. Чикер указывает что карьера — «один из показателей индивидуальной профессиональной жизни человека, достижение желаемого статуса и соответствующего ему уровня и качества жизни, а также достижение известности и славы» (Чикер, 2011). Карьера — не только перечень объективных достижений сотрудника в административной («вертикальная карьера») и профессиональной («горизонтальная карьера») плоскости. Это также субъективное восприятие, удовлетворенность тем, как складывается его карьерный путь, суждения специалиста о своих профессиональных достижениях и результатах. В настоящее время в отечественной психологии делается акцент на следующих темах: типы карьеры, карьерные ориентации, гендерные аспекты карьеры, ресурсы карьеры, карьерное планирование, карьерная эффективность и критерии ее оценки, карьерные кризисы и др. (Т. Ю. Базаров, Р. Л. Кричевский, И. П. Лотова, Е. А. Могилевкин, Е. Г. Молл, О. А. Тихомандрицкая, В. А. Толочек, В. А. Чикер и др.). Важным аспектом выступает изучение карьерного пути специалистов различных профессиональных групп (госслужащие, менеджеры, врачи и др.). Разработка стратегии развития карьеры специалиста, ее планирование, поиск новых перспектив — это цель карьерного консультирования. Кроме того, в современных российских психологических исследованиях карьеры активно используются западные концепции: теория профессионального самоопределения Д. Сьюпера, теория «безграничной карьеры» М. Артура, концепция «поливариантной карьеры» Д. Холла и др.

Заключение

Подводя итог, можно сделать ряд выводов. В настоящее время в психологической науке нет единого определения термина «карьера». Р. А. Березовская отмечает отставание теории от практики и отсутствие целостной концепции психологии карьеры (Березовская, 2012). Еще описаны не все факты, связанные с развитием психологических концепций карьеры, есть «белые пятна» в истории ее изучения. Систематизация научных представлений о карьере, ее историко-психологический анализ, формирование единого методологического подхода — задача дальнейших исследований по данной актуальной теме.

Литература

- Анциферова Л. И.* Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 57–100.
- Березовская Р. А.* Психология профессиональной карьеры: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012.
- Богданов С. В.* Воспитание элиты: феномен привилегированного образования в Российской империи конца XIX — начала XX века // Вестник Пермского университета. 2015. № 3 (30). С. 7–14.
- Дятлов В. А.* Происхождение и образование как факторы социальной мобильности провинциального чиновничества Российской империи в половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 605–608.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Некоторые тенденции развития отечественной социальной психологии труда // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 13–35.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.
- Романов Р. Е.* Женщины и молодежь в промышленности советского тыла (1941–1945 гг.): феномен «коротких» социальных лифтов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 106–113.
- Тихонова Н. Б.* Карьера рабочего (О системе управления внутризавод. движением кадров). Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1985.

- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Современные представления о личностном развитии и преемственность идей динамического подхода Л. И. Анцыферовой // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 61–73.
- Чикер В. А.* Психологические аспекты индивидуальной карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2011. № 3. С. 80–90.

Career: historical and psychological analysis of the concept

V. V. Mathan

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

The article is dedicated to the historical and psychological analysis of the concept of career. The definitions of career presented in this article are from etymological and explanatory dictionaries as well as from encyclopedias of the XIX–XXI centuries. The features of building a career and social attitude to it in different historical periods are described. The modern forms of career building are considered. Psychological approaches to the description of career, the psychological content of the terminology, thematic diversity of the studied aspects of career, Russian and western concepts of career development are analyzed. The conclusion points out the need for further historical and psychological research of a career, systematization of existing knowledge on career issues.

Keywords: career, historic and psychological reconstruction, self-realization.

Личность ученого: Борис Дмитриевич Парыгин

И. А. Мироненко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
mironenko_i@mail.ru

Выполнен историко-психологический анализ, предполагающий выявление фактора личности в работах ученого. В настоящей статье описываются те особенности творчества Б. Д. Парыгина, которые можно рассматривать как отражение его личности: масштабность и целостность его подхода; конкретно-исторический подход; инновационность, способность видеть тенденции развития общества и науки, благодаря чему он часто опережал свое время; укорененность его методологии в российской научной традиции; оригинальность и самобытность. Показано, что Парыгин первым предложил целостную оригинальную, укорененную в национальной научной традиции, концепцию социальной психологии как системы научного знания и последовательно развивал ее на протяжении всей жизни, обогащая теорию и методологию в конкретно-исторических разработках.

Ключевые слова: Б. Д. Парыгин, социальная психология, отечественная научная традиция, личность, общение, ускорение научно-технического прогресса.

В истории науки, в том числе психологической, традиционно отмечается значимость фактора личности ученого (см., напр.: Кольцова, Журавлев, Олейник, 2016; и др.). Когда мы обращаемся к анализу вклада в социальную психологию Б. Д. Парыгина, становятся очевидными не только присущие его творчеству особенности метода, но и черты, в которых отразилась его личность.

Среди таких личностных характеристик его творчества, отметим следующие:

- масштабность и целостность его подхода;

- способность остро воспринимать актуальную жизнь социума, что обеспечивало конкретно-исторический подход всем его работам;
- инновационность, способность видеть тенденции развития общества и науки, благодаря чему он часто опережал свое время;
- укорененность его методологии в российской научной традиции;
- оригинальность и самобытность.

Целостность системы взглядов Бориса Дмитриевича Парыгина проявилась, прежде всего, в масштабности его подхода. Впервые в мировой психологической литературе, Б. Д. Парыгин разработал представление о социальной психологии в качестве *целостной системы научного знания*, которая включает в себя методологию, общую социально-психологическую теорию и прикладную социальную психологию, и в контексте которой общие и частные вопросы теории, методологии и практики рассматриваются с единых методологических позиций. Свою систему взглядов Б. Д. Парыгин последовательно развивал на протяжении всей своей профессиональной жизни (подробнее см.: Журавлев, Мироненко, 2016; и др.).

В первой же опубликованной в 1965 г. (Парыгин, 1965) монографии он ставит задачу построения социальной психологии как самостоятельной системы знаний и исследований, обращается к характеристике самой природы этой отрасли психологической науки, основных этапов и тенденций ее развития, возможностей и перспектив. В 1971 г. вышел в свет главный труд Парыгина «Основы социально-психологической теории», где была предложена общая социально-психологическая концепция, в центре которой были личность и общение, которые рассматривались здесь с позиций *структурно-динамического анализа* (Парыгин, 1971). В 1999 г. выходит новая монография «Социальная психология: Проблемы истории, методологии и теории», где он снова, но уже в свете радикальных изменений, произошедших в жизни российского общества и в психологической науке, подходит к рассмотрению как личности, так и общения, уже на новом уровне структурно-динамического анализа. В 2010 г. вышла в свет последняя книга Б. Д. Парыгина «Социальная психология: истоки и перспективы», в которой Б. Д. Парыгин обобщает написанное ранее и характеризует специфику и модификации социально-психологической парадигмы в новом XXI веке.

Последовательно развивая свою систему взглядов, Б. Д. Парыгин удивительно тонко чувствовал и адекватно отражал реальность

жизни социума в каждый исторический период, обращал свой анализ к актуальным проблемам его развития, направлял усилия на поиск их решения. Эмпирические, направленные на решение конкретных практических задач, работы Б. Д. Парыгина служили не только апробацией его теоретических позиций, но и в существенной степени были той почвой, на которой эти теоретические конструкты вырастали. На каждом этапе его творчества, научный поиск был обращен к анализу социума в его *конкретно-исторической реальности*, и вслед за изменением предметной сферы, развивался сам метод.

Эмпирические и прикладные разработки Б. Д. Парыгина советского периода обращены к проблемам *жизнедеятельности реальных трудовых коллективов* (научных, инженерно-технических и рабочих). Специфика таких групп состоит в том, что, во-первых, это реальные коллективы (а не спонтанно или лабораторно организованные сообщества) со сложившимися отношениями (внутригрупповой структурой, лидерами и официальным руководителем). Во-вторых, это группы, которые подчинены целям предметно-функциональной деятельности, а не интересам только общения, как это происходит в группах встреч или в лабораторно организованных условиях. Это определяет и специфику проявления социально-психологических феноменов в таких группах: они возникают не из поля «чисто» межличностных коммуникаций, а на пересечении межличностных и заданных характером институциональных задач, функционально-ролевых деловых отношений. Применительно к таким группам Б. Д. Парыгин рассматривает актуальные проблемы организации групповой (совместной) деятельности и общения – лидерства и руководства; вопросы диагностики, прогнозирования и регуляции социально-психологического климата. Лидерство и руководство Б. Д. Парыгин рассматривал в качестве важнейших факторов, определяющих структуру общения в группе и групповую интеграцию, как специфические способы социального контроля, организации и мобилизации групповой, коллективной и массовой деятельности. Им предложена теоретическая модель типологии лидерства, построенная на трех различных основаниях: содержания, стиля и характера деятельности лидера. Вошли в учебники предложенная им система качественных различий руководства и лидерства, заслужила общую известность его модель социально-психологического климата коллектива (СПК), включающая методы измерения и регуляции СПК.

Особый интерес представляют сегодня работы Б. Д. Парыгина постсоветского периода, в которых отражены радикальные изменения в жизни социума, обозначены новые актуальные проблемы

и предложены направления их решения. Близкие по своей проблематике исследования велись также в Институте психологии РАН (см., например: Динамика социально-психологических явлений..., 1996; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.). Так, в монографии «Социальная психология территориального самоуправления» (Парыгин, 1993) Б. Д. Парыгин предлагает объяснение имевших место неудач в организации территориального самоуправления в ходе перестройки несформированностью у населения *готовности к преобразованиям*. Обращает на себя внимание конструктивность такого подхода по сравнению с традиционными апелляциями к особенностям национального характера, так как, в отличие от веками формирующегося и достаточно стабильного национального характера, *состояния*, как индивидуальные, так и общественные, динамичны и доступны регуляции. В то же время именно состояния определяют протекание и результаты деятельности в большинстве ситуаций и особенно в стрессовых ситуациях, едва ли не в большей степени, чем свойства субъектов.

Б. Д. Парыгин в высокой степени обладал способностью видеть тенденции развития общества и науки, он продуцировал подлинно новые идеи и во многом опережал свое время.

Уже в 1970-х годах он обращается к проблеме *влияния научно-технического прогресса* на человека (Парыгин, 1976, 1978). Он утверждал, что социально-психологические тенденции научно-технического прогресса характеризуются интенсификацией, возрастанием сложности (эскалация опосредованности), персонификацией и деперсонификацией психической деятельности человека.

Внимание Б. Д. Парыгина было обращено в первую очередь на анализ противоречий в развитии личности в условиях ее социального бытия. Главным противоречием личности и социума, по мнению Б. Д. Парыгина, становится *постепенно растущий разрыв* между, с одной стороны, умножающимся потенциалом новых объективных возможностей человека как субъекта деятельности и, с другой — неуклонно снижающимся уровнем его психологической готовности как к освоению новых возникающих условий, так и к реализации своих внутренних резервов для решения этих задач.

Персонификация, рассматриваемая им в качестве одной из ведущих социально-психологических тенденций НТП, сопровождается ростом духовного потенциала, самосознания и жизненных притязаний личности. Тенденцию персонификации Б. Д. Парыгин связывает с таким существенным показателем личностной активности, как механизм выбора альтернатив поведения, принятия решения,

который, по его мнению, представляет собой фокус всей структуры саморегуляции, психической автономии индивида. Он пишет, что современный научно-технический прогресс больше, чем когда-либо раньше, активизирует фундаментальную основу персонификации личности — ее *функцию выбора*. Жизнь постоянно ставит человека не только перед возможностью, но и перед необходимостью принятия решений. В этом избытке возможностей и вытекающем из него обязательном напряжении выбора заложен импульс, способный породить эффект, прямо противоположный персонификации, — *деперсонификацию* личности, которая здесь оказывается защитным механизмом, предохраняющим психику индивида от перегрузки и внутреннего дискомфорта.

Сегодня в отечественной науке активно обсуждаются вопросы растущей динамичности социальных процессов, возрастания неопределенности (см., например: Современная социальная реальность..., 2014; и др.), и, как следствие, места и значения функции выбора в жизни человека, которые Парыгин поднимал задолго до того, как на них сместился фокус общего внимания ученых. Предложенные им изящные теоретические модели и содержательные практические рекомендации остаются сегодня в зоне «слепого пятна» для научного сообщества, хотя заслуживают внимания коллег в современных дискуссиях. Его последняя монография не отрефлексирована российскими социальными психологами. Возможно, ее время еще не настало.

Уже в 1993 г. Б. Д. Парыгин организовал и провел масштабную научно-практическую конференцию под названием «Человек в изменяющемся мире: социальные и психологические проблемы», опубликованные материалы которой составили три тома. Спустя 15–20 лет фраза «Человек в изменяющемся мире» становится широко тиражируемым клише.

Еще одной важной особенностью Б. Д. Парыгина является его глубокая и постоянная приверженность отечественной научной традиции, с присущей ей *высокой духовностью*. Его поиск обращен к глубинным духовно-нравственным компонентам социально-психологических явлений. Уже в первых монографиях Парыгина, 1965 и 1971 гг., большое внимание уделяется российским авторам конца XIX—начала XX в., которых сегодня относят к так называемому религиозно-философскому или духовно-нравственному направлению в дореволюционной российской науке: Бердяеву, Михайловскому и др. Представляется, что Б. Д. Парыгина с полным основанием можно отнести к тем ученым, в работах которых имплицитно

жила и продолжалась традиция этого направления, которое после более чем полувекового запрета так мощно развернулось в постсоветский период. Так, анализируя *причины возрождения* социальной психологии в 1960-х годах, Б. Д. Парыгин в качестве первоочередной и важнейшей отмечает рост религиозности в обществе (Парыгин, 1999), трактуемый им как потребность общества в духовных практиках и культурном оформлении душевной жизни. Он подробно останавливается на этом обстоятельстве, фактически, не упоминаемом никем из других исследователей, и лишь далее, списком, обозначает традиционно называемые факторы.

Особенно ярко проявилась ориентация Б. Д. Парыгина на духовно-нравственное направление в разработке проблемы личности, в концепции духовного потенциала личности. Суть личности, ее центральное образование и источник энергии, понималась им не как результат и форма проявления реальных социальных взаимодействий в духе марксизма, но как проявление некоего духовного начала, заданного аргіогі социальной реальности и ею не столько порождаемого и развиваемого, сколько блокируемого.

О последовательной приверженности Б. Д. Парыгина отечественной духовно-философской парадигме свидетельствует и его очень определенная позиция по отношению к зарубежным направлениям в социальной психологии, знакомство с которыми сыграло огромную и неоднозначную роль в процессе становления российской социальной психологии. Как уже было отмечено, «для 60-х — периода „оттепели“ — и особенно 70-х годов характерно все более интенсивное освоение теории и методов зарубежной психологии... Отечественная социальная психология обогатилась категориальным, понятийным аппаратом мировой психологии, и это сыграло огромную роль в ее оформлении в самостоятельную область психологии... Однако повышение профессионального уровня отечественной социальной психологии создает глубокое противоречие в ее развитии, которое до сих пор полностью не выявлено» (Психологическая наука в России..., 1997, с. 401). Полноценный *синтез* отечественных работ и зарубежных концепций достигнут в социальной психологии не был, в результате чего «ее особенностью оказалось двойное „гражданство“ — категориально-понятийный аппарат имел отечественное и „импортное“ происхождение, но только в исключительных случаях осуществлялось их согласование» (Психологическая наука в России..., 1997, с. 407).

В этой ситуации, прекрасно зная иностранные источники и полемизируя с западными коллегами в своих работах, Парыгин остается

на позициях целостной разработанной им методологии, и в отношении разработки предметной области он также сохраняет ориентацию на национальную специфику и культурную традицию. Попытки же разрабатывать предметную область, в которой сложились западные концепции (в первую очередь он говорит здесь об исследованиях взаимодействия индивидов в группе), по его мнению, ставят российских ученых «в положение ведомых и обреченных на роль постоянно отстающих и безнадежно пытающихся догнать вырвавшегося далеко вперед лидера, имеющего огромный потенциал возможностей для наращивания скорости своего продвижения» (Парыгин, 2010, с. 495). Эта цитата сохраняет свою актуальность в контексте современных тенденций развития нашей науки.

В своих более поздних работах Б. Д. Парыгин прямо ставит задачу формирования новой фундаментальной парадигмы: «Последняя начинает уже приобретать определенные очертания в качестве альтернативы бихевиоризму и возврата, теперь уже на новой основе, к идее души человека в качестве истинного предмета психологии, отброшенного в начале прошлого века... к заявленной еще в конце XIX—начале XX в. представителями отечественной философской мысли (М. Троицкий, Г. Плеханов, С. Франк и др.) идее изучения духовных основ жизни общества и души человека в качестве главного социально-психологического явления» (Парыгин, 2010, с. 495—496).

Такого рода прямые высказывания, конечно, были невозможны в работах 1960-70х гг., однако об определенности философских взглядов Б. Д. Парыгина говорит и то, что он, с необходимостью декларируя свою приверженность марксизму, всегда оставался вне идеологически одобренного деятельностного «мейнстрима» советской психологии.

В сложном и противоречивом дискурсе российской социальной психологии его труды занимают особое место, отличаются «лица не общим выраженьем». Никак не умаляя достоинств и значимости деятельностного подхода в российской социальной психологии, следует признать, что система взглядов Б. Д. Парыгина не может быть отнесена к нему. Б. Д. Парыгин не разделяет «понимание социально детерминированной предметной деятельности как творца человеческих отношений» (Петровский, 2000, с. 142), а также представление о том, что «такое понимание детерминирующей роли предметной деятельности может быть распространено на интерпретацию любых межличностных отношений, хотя эффекты деятельностного опосредствования в них могут быть стертыми, неявными» (Петровский, 2000, с. 143).

Анализу деятельности в трудах Б. Д. Парыгина уделяется значительное место, он даже говорит о социальной психологии деятельности как об отдельном направлении этой отрасли науки, однако деятельность предстает для него не как системная детерминанта психического, а, напротив, как область проявлений динамики психических состояний личности, где определяющее значение имеет «сфера межличностного общения, играющая особенно существенную роль как мощный стимулятор психической активности индивида» (Парыгин, 2010, с. 323). Б. Д. Парыгин говорит о «глубокой и органической потребности человека в понимании, сопереживании и эмоциональном отклике себе подобному» (Парыгин, 2010, с. 323) как о факторе, детерминирующем включенность человека в предметную деятельность, в том числе трудовую, и, соответственно, определяющем мотивацию и эффективность самой предметной деятельности.

Человек в видении Б. Д. Парыгина — прежде всего социальное существо, рождающееся в процессе общения, как основного механизма социализации, и живущее в переплетении пластов и нитей *общения* — «Человек общающийся».

В очень непростой ситуации советского и постсоветского государства Парыгин последовательно шел своим путем в психологической науке. Никому не подражал: ни отечественным авторам, ни зарубежным, никогда не был в мейнстриме. Его подход отличается подлинной оригинальностью и самобытностью. В разные исторические эпохи, обращаясь к анализу новых явлений в жизни социума, он оставался самим собой, не изменял себе, следуя веяниям научной моды. В этом проявилась целостность и сила его личности, как ученого и как человека.

Литература

- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А. Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 279–288.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л., Олейник Ю. Н. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психо-

логической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.

Парыгин Б. Д. Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1978.

Парыгин Б. Д. Научно-техническая революция и социальная психология. Л.: Знание, 1976.

Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Истоки и перспективы / Под ред. А. С. Запесоцкого. СПб.: СПбГУП, 2010.

Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л.: ЛГУ, 1965.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы истории, методологии и теории. СПб.: ИГУП, 1999.

Парыгин Б. Д. Социальная психология территориального самоуправления. СПб.: Унигум, 1993.

Петровский А. В. Психология в России: XX век. М.: УРАО, 2000.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.

Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Personality of the scientist: boris dmitrievich parygin

I. A. Mironenko

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Historical psychological analysis of science reveals the significance of the personality of the scientist. This article elucidates features of the work of B. D. Parygin, which we consider as a reflection of his personality: the scale and integrity of his approach; specifically historical approach; innovativeness, the ability to perceive emerging trends in the development of society and science, so that he was often ahead of his time; rootedness of his methodology in the Russian scientific tradition; originality and unconventionality. It is shown that B. D. Parygin was the first to offer a holistic, rooted in the national scientific tradition, concept of social psychology as a system of scientific knowledge and consistently developed it throughout life, enrich-

ing and developing his theory and methodology while investigating social reality in its historical changes.

Keywords: B. D. Parygin, social Psychology, Russian scientific tradition, personality, communication, acceleration of scientific and technological progress.

Вклад Л. И. Анцыферовой в изучение истории французской психологии XX в.

М. Д. Няголова

Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия,
Велико Тырново, Болгария
niagolovamd@bk.ru

Статья посвящена историко-психологическому наследию Л. И. Анцыферовой. Рассматривается ее вклад в историю французской психологии. Обсуждаются ее исследования ведущих психологических направлений XX в. Большое внимание уделено подходу Л. И. Анцыферовой к изучению истории зарубежной психологии в целом. Проводится анализ ее понимания категорий материалистической диалектики и их роли в становлении и развитии французской психологии. В итоге, подчеркивается значение трудов Л. И. Анцыферовой для углубления российско-французского сотрудничества в развитии научной психологии после Второй мировой войны.

Ключевые слова: история французской психологии, экспериментальная психология, психология «образа действия», Парижская школа генетической психологии, французская социологическая школа Э. Дюркгейма, коллективная психология, конкретная психология.

В последние годы на фоне усиления рефлексии психологическим знанием быстро возрастает интерес к историко-психологическим исследованиям (подробнее об этом см., напр.: Кольцова, Журавлев, Олейник, 2016; и др.). Проследивая заголовки их публикаций, нетрудно заметить, что общая тематическая направленность преобладающего числа работ относится к проблематике отечественной истории психологии. Очень хорошо выражена данная тенденция и в разработках российских историков психологии. Анализ их публикационной активности в ведущих научных журналах по пси-

---

Публикуемые в статье материалы получены в рамках научного проекта, поддержанного болгарским фондом научных исследований (ФНИ) № ДНТС/ Русия 02/19, 18.06.2018 г.

хологии, издаваемых в России за последние пять лет, показывает, что число статей по истории психологии увеличивается с каждым годом, но большинство из них посвящено отечественной проблематике, и совсем немного публикаций сделано по истории зарубежной психологии.

Современное состояние исследований по истории зарубежной психологии в российской и мировой науке

Содержание анализируемых журналов говорит о том, что в некоторых из них не опубликовано ни одной статьи по истории зарубежной психологии («Психология. Журнал Высшей школы экономики»; «Юридическая психология»). В других данной проблематике посвящено не больше двух статей («Национальный психологический журнал»; «Психологическая наука и образование»; Вестник МГУ. Сер. «Психология»; «Психология и право»). В «Психологическом журнале» к ней относятся 3 статьи, а в журнале «Прикладная юридическая психология» — 8 статей. Наибольшее количество статей по истории зарубежной психологии — 10, опубликовано в «Вопросах психологии» или среднее их число — 2 статьи в год за указанный период.

Уменьшается также и число публикаций, посвященных истории зарубежной психологии в сборниках самой известной в России конференции по истории отечественной и мировой психологической мысли — «Московские встречи». Сопоставление содержания изданий научных материалов за 2009 и 2016 г. показывает, что за время между двумя конференциями разработки по истории отечественной психологии значительно увеличились за счет тех, которые посвящены зарубежной психологии.

По всему видно, что современные историки психологии не просто потеряли любой интерес к зарубежной психологии, а сосредоточились на отечественной проблематике под сильным влиянием методологии постмодернизма. Благодаря своеобразному отрицанию глобализма и утверждению значения культуры, постмодернизм побуждает историко-психологическое знание все чаще обращать внимание на малоизвестные факты, личную историю и биографию ученых (см., напр.: Выдающиеся ученые Института..., 2017; Журавлев, Ушаков, Холодная, 2015; и др.). При этом инструментарий истории психологии включает не только текстуальный анализ, но и архивно-документальную работу, историческую реконструкцию и прогнозирование. Таким образом, становится понятным, почему в центре

исследовательского интереса оказывается отечественная история науки, которая формируется специфическим культурным контекстом, в связи с определенными национальными традициями.

В данных условиях развития постнеклассической науки специфический характер приобретают и исследования по истории зарубежной психологии. Например, разработка монографических исследований, посвященных отдельному периоду истории психологии, научным взглядам определенных персоналий или развитию психологии в конкретной стране, постепенно уступает место обобщающим трудам по всеобщей истории психологии, которые отличаются более или менее систематическим характером. Наряду с этим, однако, они часто отличаются фрагментарностью либо в отношении периодизации истории психологии, либо в содержательном смысле.

В некоторых изданиях авторы, оказываясь не в состоянии изложить достаточно подробно всю историю психологии, прибегают к так называемой «короткой» периодизации, согласно которой начало психологии относится к XVII в. (Lecadet, Mehanna, 2006). В других публикациях, наоборот, историки, отдавая себе отчет, что подобный подход весьма ненаучен, учитывают принципы развернутой периодизации. В подобных случаях, однако, отдельные периоды развития науки, начиная с Античности и заканчивая школами и направлениями XX в., рассматриваются в достаточно сокращенном виде.

Что касается истории психологии XX в., то историко-психологический анализ все чаще направлен на достижения этой науки в Германии, США и англоязычных странах. В последние три десятилетия американские историки психологии интересуются, прежде всего, развитием науки в англо-саксонских странах Европы. Упомянутый вклад Р. Декарта и Ж. Пиаже, а иногда – Т. Рибо и П. Жане, они замалчивают не только достижения франкоязычной психологии конца XIX–XX вв., но и психологии во многих других странах Европы и Южной Америки этого периода (Т. Н. Leahy, D. R. Hergenhahn).

Подобные издания превращаются в справочники, в которых историко-психологический анализ подменяется коротким перечислением авторов и заглавий произведений. В них историко-психологические исследования «отечественной» и «зарубежной» психологии практически не различаются. В данной ситуации необходимо обратить внимание на уровень разработанности истории зарубежной психологии во второй половине XX в., когда она была ведущим направлением развития психологической науки в целом.

Общая направленность российских работ по истории зарубежной психологии во второй половине XX в.

Лучшим примером в этом отношении служат достижения советских историков зарубежной психологии, которым в условиях холодной войны удалось не только творчески изучить всю историю психологии Европы и США, но и создать свою оригинальную российскую научную школу. Ее ведущими представителями являются М. Г. Ярошевский, Л. И. Анцыферова, О. М. Тутунджян, М. С. Роговин, Н. С. Мансуров, А. Н. Ждан и др. Для многих из них, в 1960-е, 70-е и 80-е годы проблема изучения истории французской психологии становится основной, хотя и не единственной. В результате многолетних и интенсивных исследований выходит в свет целый ряд значимых работ: книга О. М. Тутунджяна «Психологическая концепция Анри Валлона» (1966) и его докторская диссертация «Из истории научной психологии во Франции» (1967); работа Л. И. Анцыферовой «Проблема развития умственной деятельности в трудах Анри Валлона» (1966); докторская диссертация М. С. Роговина «Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории» (1968) и его «Введение в психологию», в котором он уделяет значительное место истории французской психологии XIX–XX в. Своим особым смыслом и значением отличаются монографии Л. И. Анцыферовой и М. Г. Ярошевского. Они, впервые в советской психологии, рассматривают историю французской психологии в контексте всеобщего развития истории мировой науки (Анцыферова, 1974; Анцыферова, Ярошевский, 1974).

Вполне закономерно, что в СССР успехи историков зарубежной психологии являются результатом их повышенного интереса к традициям научной психологии во Франции. После Второй мировой войны, несмотря на ограничения «железного занавеса» холодной войны, постепенно восстанавливается и углубляется активное сотрудничество психологов двух стран. С 1955 по 1965 г., на основе изучения французской проблематики, в советской психологии формируется новое поколение историков зарубежной психологии, самым ярким представителем которого и является Л. И. Анцыферова.

Подход Л. И. Анцыферовой к изучению истории французской психологии

К своему «звездному часу» она интуитивно готовится еще в студенческие годы, читая и перечитывая книги Теодюля Рибо. Встреча с С. Л. Рубинштейном и работа под его руководством тоже оказались

принципиальными. На всю жизнь она осталась рубинштейновцем не только по силе принадлежности к научной школе, но и по складу научного мировоззрения. Все то, что С. Л. Рубинштейн сделал в изучении истории зарубежной психологии, Л. И. Анцыферова развила творчески, сочетая важнейшие идеи учителя с собственными научными взглядами.

Большое влияние на ее формирование как специалиста в области современной французской психологии, а затем и истории психологии оказала ее работа под руководством Б. М. Теплова, Ф. Н. Шемякина, А. А. Смирнова. Активная исследовательская работа Л. И. Анцыферовой сочеталась с хорошим владением французским научным языком и высшим философским образованием. Все эти ее качества произвели заслуженное впечатление в научных кругах и стали причиной поручения именно ей подготовить статью, посвященную творчеству А. Валлона.

Л. И. Анцыферова блестящим образом оправдала доверие. Небольшая по объему статья «Анри Валлон – прогрессивный французский психолог» оказалась «звездным часом» молодого, но очень перспективного автора (Анцыферова, 1955). После 1955 г. Л. И. Анцыферова имеет еще одного выдающегося учителя по истории французской психологии – самого Анри Валлона. Углубляя свои исследования его творчества, она разделяет и его точку зрения на большинство вопросов психологии и истории науки.

На этапе систематизации своих исследований по истории зарубежной психологии, Л. И. Анцыферова включила работы по истории французской психологии в общий контекст развития мировой психологии конца XIX и первой половины XX в. В монографии «Материалистические идеи в зарубежной психологии» она представила результаты изучения таких ведущих направлений, как «объективная психология» Анри Пьерона (Henri Piéron) и «психологии действия» Пьера Жане (Pierre Janet). Посвятила отдельную главу истории становления социальной психологии во Франции и прежде всего – школе Эмиля Дюркгейма и его последователям: Люсьену Леви-Брюлю и Морису Гальбваксу (Lucien Lévy-Bruhle, Maurice Halbwachs). Проведен подробный анализ взглядов представителей школы Э. Дюркгейма на социальность психики, идею о переходе социального сознания в индивидуальное с помощью интериоризации, гносеологическое понимание сознания и психики человека.

Значительное место уделено критике понимания социальности психики в школе Э. Дюркгейма со стороны Шарля Блонделя (Charles Blondel). Л. И. Анцыферова уделяет значительное место интерпретации

концепции Ш. Блонделя о создании новой коллективной психологии, направленной на преодоление противопоставления индивидуального и общественного в психике человека (Анцыферова, 1974, с. 197–201).

Во французской психологии, до и после Второй мировой войны, активно применялась философия марксизма в качестве методологии исследования психики человека и его личности. Л. И. Анцыферова подробно изучает два направления, которые следуют принципу исторического материализма К. Маркса – конкретную психологию Жоржа Политцера (Georges Politzer) (Анцыферова, Кузнецов, 1980) и историческую психологию Игньяса Мейерсона (Ignace Meyerson). Согласно ее мнению, начало второй школы было положено в 1948 г. трудом И. Мейерсона «Психологические функции и продукты создания» (Анцыферова, 1974, с. 219).

В данной монографии Л. И. Анцыферова обрисовала целостную картину истории становления генетической психологии во франкоязычных странах, на основе анализа теорий научных школ Анри Валлона и Жана Пиаже. Впервые в российской истории психологии она выявила принципиальные различия взглядов обеих школ относительно онтогенетического развития психики. По ее мнению, Анри Валлон изучал развитие целостной личности ребенка, а Жан Пиаже ограничивал свои исследования рамками развития интеллекта.

С целью аргументации, что идеи А. Валлона развиваются в рамках его научной школы, Л. И. Анцыферова рассматривает и вклад некоторых из его учеников и сотрудников. Анализирует исследования Рёне Зазо, Филлипа Мальрийо и Пьера Олерона, посвященные изучению социальной обусловленности психики ребенка (Анцыферова, 1974, с. 309–330).

Рассматривая теории психологии XX века, которые изучают соотношение психики и мозга, она обращается и к творчеству французского физиолога и психолога Поля Шошара (Paul Chauchard), считая, что его заслуга состоит в утверждении материализма в современной науке на основе рефлекторной теории И. П. Павлова (Анцыферова, 1974, с. 183). Поскольку анализ Л. И. Анцыферовой взглядов П. Шошара был основан на его публикациях конца 1950-х годов, она не смогла учесть тот факт, что французский ученый, несколько лет спустя, перешел к развитию своих материалистических взглядов на основе идей С.Л. Рубинштейна. В книге «Психика человека и животного», посвященной сравнительному исследованию развития психики, он обосновывает необходимость перехода методологии психологии с механистического к диалектическому материализму (Chauchard, 1970, с. 15–16).

С современных позиций, само понимание материализма и материалистической психологии часто трактуется весьма противоречиво. Поэтому необходимо учесть его точное понимание в методологическом подходе Л. И. Анцыферовой. По ее словам, «суть философского материализма заключается в положении о том, что материя есть первичное, а психическое, сознание, дух есть вторичное, производное» (Анцыферова, 1974, с. 6). Следовательно, в монографии материалистическое понимание психики противопоставлено идеалистическому ее пониманию, которое «обусловило господствующее положение интроспекции в тех психологических теориях, которые представляли психологию конца XIX—начала XX в.» (Анцыферова, 1974, с. 32). Таким образом, исследование можно рассматривать как посвященное не всей существующей истории мировой психологии, а только тем ее направлениям, которые отрицают интроспекцию и основываются на естествознании, физиологии, точных науках и таких прогрессивных философских учениях, как марксизм.

В связи с историей французской психологии Л. И. Анцыферова убедительно показывает, что действенность, активность субъекта психики — это и есть отличительная черта всех исследуемых французских психологических направлений. Последовательное применение эволюционного подхода позволяет французским психологам приступить к изучению разнообразных проявлений человеческой психики как в филогенезе, так и в онтогенезе. Двойное высшее образование большинства из них позволяет им не просто разрабатывать сравнительный психопатологический метод, по взглядам Т. Рибо, а открывает перед ними широкую перспективу изучения психики на фоне общего развития человеческого организма, целостной личности, существующей в условиях общества.

Вторая монография Л. И. Анцыферовой за 1974 г., в соавторстве с М. Г. Ярошевским, совсем не является механическим воспроизведением текстов первой книги. Подчиняясь основному замыслу работы — созданию систематизированного труда по истории зарубежной психологии, Л. И. Анцыферова добавляет новую статью, посвященную французскому функционализму и экспериментальной психологии Альфреда Бине (Анцыферова, Ярошевский, 1974, с. 223—224).

В главе «Зарубежные психологические теории, базирующиеся на философии марксизма-ленинизма», она включила статьи, посвященные всем французским психологам-марксистам, от Ж. Политцера и И. Мейерсона до школы генетической психологии А. Валлона. На первый взгляд, у читателя возникает впечатление, что автор под-

черкивает роль марксизма в качестве объединяющего звена всех этих неоднозначных концепции. Текстуальный анализ позволяет заметить основополагающий вывод Л. И. Анцыферовой о том, что во всех них воплотилось «стремление к исследованию целостной личности в характерных для нее способах существования, в ее реальных актах жизнедеятельности» (Анцыферова, Ярошевский, 1974, с. 287). Таким образом, Л. И. Анцыферовой удалось не раз последовательно отстаивать свои научные выводы, несмотря на очень сложные требования идеологической цензуры.

Вклад Л. И. Анцыферовой в изучение истории французской психологии является достойным примером проявления высокого профессионализма в далеко не самых благоприятных условиях творческого труда. Сделанное ею для развития советской и российской истории зарубежной психологии необходимо продолжить работами новых поколений ученых.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Анри Валлон – прогрессивный французский психолог // Вопросы психологии. 1955. № 4. С. 93–99.
- Анцыферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М.: Наука, 1974.
- Анцыферова Л. И., Ярошевский М. Г.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974.
- Анцыферова Л. И., Кузнецов В. Н.* Вступительная статья // Ж. Политцер. Избранные философские и психологические труды. М.: Прогресс, 1980. С. 5–27.
- Выдающиеся ученые Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Холодная М. А.* Исследования интеллекта и творчества в Институте психологии РАН: научные школы Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина // Современные исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 7–12.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л., Олейник Ю. Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.

Chauchard P. Psychisme humain et psychisme animal. Paris: PUF, 1970.
Lecadet C., Mehanna M. Histoire de la psychologie. Paris: Edition Belin, 2006.

Contribution of L. I. Antziferova to the study of French twenty century's history of psychology

M. D. Nyagolova

University of Veliko Turnovo St Cyril and St Methodius, Veliko Turnovo, Bulgaria

The article is devoted to the historical and psychological heritage of L. I. Antziferova. Its contribution to the history of French psychology is considered. Her research of the leading psychological directions of the XX century is discussed. Much attention is paid to the L. I. Antziferova's approach to the study of the history of international psychology as a whole. The analysis of her understanding of the categories of materialistic dialectics and their role in the formation and development of French psychology is carried out. As a result, the importance of the works of L. I. Antziferova for the deepening of Russian-French cooperation in the development of scientific psychology after the Second World war is emphasized.

Keywords: history of French psychology, experimental psychology, psychology of "the modus operandi", Paris School of the developmental psychology, Durkheim's School of sociology, collective psychology, concrete psychology.

Содержание индивидуальных представлений об образе Бога у подростков московских школ

О. И. Прокушенкова

Институт психологии РАН, Москва
olyapro@yandex.ru

Принимая во внимание преобладание у московских школьников традиционной направленности сознания, а также роль религиозного фактора в становлении менталитета народов, который на Руси формировался под влиянием православного христианского мировоззрения, в исследовании ставилась задача выявления того, находит ли идея Бога как Сверхценности и Сверхсмысла место в ценностном сознании школьников. С этой целью проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 126 чел. в возрасте 12–17 лет. Для изучения содержания индивидуальных представлений об образе Бога использовалась: авторская анкета «Ценности и вера», проективная методика «Рисунок Бога», методы математической обработки. Установлено, что идея Бога находит отражение в сознании школьников: 69,8% из них верят, что Божественный мир существует, 9,5% «не верят», 20,7% «сомневаются, есть ли Бог». Образ Бога лично значим для подростков, окрашен положительно, оказывает воздействие на формирование у них особой ментальности и поведения в соответствии с традиционной направленностью. «Верующие подростки» склонны поступать, руководствуясь альтруистическими мотивами, имеют опыт переживания религиозных чувств (28,8%).

Ключевые слова: ценностные и смысложизненные ориентации, образная сфера личности, представление как элемент сознания, индивидуальная концепция Бога.

Постановка проблемы, цель и выборка эмпирического исследования

Людмила Ивановна Анцыферова, являясь автором оригинальной динамической концепции личности (подробнее см.: Харламенко-

ва, Журавлев, 2016; и др.), в основе которой лежит идея непрерывного развития человека на протяжении всей его жизни, в своей работе «Развитие личности и проблемы геронтопсихологии» уделяет особое внимание проблеме соотношения морального сознания и морального действия – перехода от сознания к поведению, согласования нравственного сознания и поведения. Она подчеркивала, что этот процесс «во многом зависит от личностных качеств человека, степени их развития, от его чувств и эмоций. По существу... означает переход... личности в целом в новую плоскость жизни, требующей всей полноты ее функционирования» (Анцыферова, 2006, с. 86).

Анализируя детерминанты этого процесса, наиболее актуальным Л. И. Анцыферовой представляется вопрос «воздействия высокоморального поведения на развитие морального сознания субъекта, на трансформацию этого поведения в высший принцип нравственного отношения человека к миру» (Анцыферова, 2006, с. 90). Для разработки этого вопроса была предпринята попытка изучить воздействие Высших ценностей, которые лежат в основе «универсальных принципов справедливости и уважения к человеку» и обуславливают процесс обретения личностью нового качества (Kohlberg, 1984, цит. по: Анцыферова, 2006, с. 84).

Замысел данного исследования формировался при изучении ценностных и смысложизненных ориентаций подростков московских школ, в ходе которого была выявлена направленность сознания школьников на традиционные для русского народа ценности (Прокушенкова, 2016). Это стало подтверждением проявившейся тенденции последних лет, свидетельствующей о признании большей долей молодого поколения россиян традиционных ценностей, связанных с российским социокультурным архетипом и, проявившейся на фоне продолжающегося кризиса, традиционной семьи и неестественного культивирования ценностей индивидуализма.

Принимая во внимание, что истоки традиционных ценностей русского народа издревле формировались под влиянием христианского мировоззрения, основанного на евангельских Заповедях любви, признании общей святости – Бога как Сверхценности и Сверхсмысла, в исследовании ставилась задача выявления того, находит ли эта идея место в ценностной подструктуре сознания школьников. Оказывает ли она влияние на формирование у них особой ментальности и поведения в соответствии с традиционной направленностью?

Для этого было проведено эмпирическое исследование, цель которого заключалась в изучении содержания индивидуальных пред-

ставлений об образе Бога у подростков г. Москвы. Исследование проводилось на базе двух общеобразовательных школ Восточного округа г. Москвы в период с января 2015 по март 2016 г. В нем приняло участие 126 школьников (6–11-х классов) в возрасте 12–17 лет.

Методы исследования

Для изучения содержания индивидуальных представлений об образе Бога использовались: авторская анкета «Ценности и вера», проективная методика «Рисунок Бога» (Ньюберг, Уолдман, 2012), методы математической обработки (описательная статистика, непараметрические методы для независимых групп с расчетом критерия Манна–Уитни, кластерный анализ). Анкета включала блоки для исследования ориентаций личности на ценности «семья», «здоровье», «душевная гармония», «чистая совесть», «материальное благополучие», «развлечения» – которые используются в опросах Института социологии РАН (см. также: Журавлева, Журавлев, 2002; и др.) и содержания индивидуальных представлений об образе Бога как элемента сознания.

Проективная методика «Рисунок Бога» (Ньюберг, Уолдман, 2012) применялась для получения дополнительной информации об индивидуальной концепции Бога – личностном отношении подростков к сверхчувственной реальности и представлении о Божественном. Ее использование вызвано тем, что человеку порой сложно описывать не только свои чувства по отношению к трансцендентному, но и свои привычные переживания. Это обусловлено тем, что «принадлежность» не выдвигает обязательства перед субъектом иметь в фокусе внимания то или иное свое состояние – «переживать состояние не означает его сознавать» (Лосский, 1917, с. 25).

У детей, особенно младших, задача осложняется еще и тем, что у них недостаточно развита способность к абстрактному мышлению. Но руководствуясь своими внутренними представлениями о предмете рисования, они без труда и с удовольствием рисуют Бога, изображая в рисунках самое существенное. Детский рисунок Бога (Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 177–178) – это графический рассказ о том, что они знают о Боге, как чувствуют и представляют его. Рисунок помогает объединить абстрактные ассоциации с чувствами, метафорами, образами – раскрывает «внутренние условия», посредством которых личность ребенка связана с явлениями и предметами чувственного и сверхчувственного миров. Одновременно с этим рисунок Бога представляет собой «нейрологический вызов, психологи-

ческую провокацию» (там же, с. 152), в ответ на которую одни (часто взрослые) отказываются рисовать, другие поначалу впадают в состояние растерянности, но затем все же выполняют его. При анализе рисунков оценивались особенности образа Бога (антропоморфный, смешанный, мистический), общее впечатление и реакцию на предложение его нарисовать.

Теоретические основы эмпирического исследования

Представления о Божественном и трансцендентном, пронизывая всю историю культуры, отражаются в образной сфере личности в форме индивидуального образа (Гостев, 2008). Образ Бога, являясь психологическим феноменом, отражает отношение субъекта к сверхчувственной реальности, пребывающей за пределами «видимой, слышимой, чувственной данности» (Василюк, 1984, с. 51). Широко признается, что он имеет чувственное содержимое (аффективный компонент), некоторое понимание его значения и смысл (когнитивный компонент), опосредованность внешними воздействиями при осуществлении поведения (поведенческий компонент).

Как и любой психический образ, образ Божественного и трансцендентного может: а) оставаться у человека умозрительной абстракцией; б) выражать определенную позицию; в) выступать основой личности, детерминирующей поведение (Абульханова, 1999) – тогда образ обретает статус индивидуального смысла, формирует мотив, соприкасаясь с аффективной сферой, пробуждает чувства, становится основой нового поведения. В этом своем новом качестве он выступает участником внутреннего диалога, высшим нравственным эталоном, идеалом справедливости и совершенства, мерилем всех поступков человека (А. Сурожский, А. И. Введенский). Центрируя модель мира человека, образ Бога «выстраивает соответствующим образом иерархию целей и ценностей, вбирает в себя недосягаемые прекрасные качества, определяет масштаб, который создает... перспективу развития и возможность подняться над суетой жизни» (Грановская, 2010, с. 443–444).

Новый подход к жизни требует от человека «внутреннего духовного акта преодоления эгоцентризма» (Бердяев, 2005, с. 436) – «управления собой через внутреннее, душевное действие, формирующее совесть и нравственное поведение» (Грановская, 2010, с. 447). Для его реализации необходимо будет «включиться в новую практику, изменяющую его основные установки, общую направленность личности. Существенное значение имеет при этом... новое осознание стоящих

перед человеком новых задач и целей» (Рубинштейн, 2010, с. 586). Следовательно, обретение человеком идеи Бога, которая представляет в христианской системе ценностей «абсолютную основу сил добра, разума и вечности, ручательства их торжества над силами зла, бессмыслия и тленности» (Франк, 1917), инициирует проявление новой предметной области сознания. Процесс этот запускается «чувственным» или «смысловым» факторами (Рубинштейн, 2010, с. 576) и может являться результатом: 1) воспитания в религиозной среде (когда представления о Божественном усваиваются ребенком с рождения от близкого окружения – после трансформируются, дополняются, корректируются); 2) переживания экзистенциального кризиса и поиска новых ориентиров и смыслов жизни; 3) размышлений о конечных причинах бытия мира и собственного существования; 4) спонтанного переживания религиозных (духовных) чувств.

Результаты эмпирического исследования

Анализ содержания индивидуальных представлений об образе Бога у подростков московских школ показал следующее.

1. *Аффективный компонент индивидуальных представлений об образе Бога* изучали по ответам на вопросы: «*Верите ли вы в то, что существует Бог, невидимый Божественный мир – мир Высшей реальности?*»; «*Случались ли с вами в жизни чудеса и если да, то какие?*»; «*Как вы чувствуете Бога?*»; по общему впечатлению о рисунке Бога и по реакции на предложение его нарисовать.

В результате анализа ответов на вопрос: «*Верите ли вы в то, что существует Бог, невидимый Божественный мир – мир Высшей реальности?*» – выяснилось, что 69,8% школьников ответили утвердительно, 20,7% – выразили сомнение, 9,5% – отрицали существование Божественного. Интересным стал тот факт, что процент школьников, которые верят в существование сверхчувственной реальности, оказался совпавшим с числом подростков, допускающих возможность существования чудес (69,8%). Категорически отрицали существование чудесных событий 16,6%, выразили сомнение – 1,6%, комментируя: «Жизнь – это тлен, чудес не бывает!», «Чудес нет!», «Я человек науки!», «Я в них не верю!», «Меня ударило током, и я стал повелителем грозы и магистром молнии». Не ответили на вопрос о чудесах 12,6% респондентов.

Каждый третий школьник (32,0%) относил те или иные события к чудесным. Так, в 8-м классе чудесными событиями, которые случались в их жизни, были: «Сбывается все, о чем мечтаю», «Чу-

до — это моя семья, мой парень, мои друзья», «Обварились кипятком в детстве, но пострадала минимально — лишь один шрам на лице», «Видел НЛО», «Нашла хорошего друга», «Чудом не травмировался». В *9-м классе*: «Вся жизнь — это чудо!», «Нашел деньги», «Прыгал со второго этажа и не сломал ноги», «После плохого самочувствия (был при смерти) — ходил в церковь, стало лучше», «Мои заветные мечты часто сбываются!», «Угадываю правильные ответы на вопросы на мероприятиях», «Сдал физику на 5», «Забил «девятку», с расстояния 50 м», «Не готовился к зачету по физике и сдал на 5!». В *10-м классе*: «Чудо — это рождение сестренки, которую люблю», «Чудо — это воплощение мечты и мыслей в жизнь», «Некоторые встречи и события», «Чудо моего спасения — отвел взгляд на брата и уцелел». «Завоевал второе место на международном турнире». В *11-м классе*: «Да, случались, но опустим об этом».

Вопрос о чуде в анкете был включен не случайно, так как чудо «напоминает о сакральности бытия», «предполагает столкновение разных несоизмеримых миров» (Касавин, 2019). В сочетании с вопросом о вере в Божественное, которая является «непременным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу, сильнейшим образом воздействует на человека, определяя направление его деятельности» (Лазурский, 2001, с. 221), давало возможность оценить открытость человека духовному измерению, способность усматривать чудесное в обыденном. Это является важным условием для переживания религиозных чувств, которые в той или иной мере меняют чувство реальности и взаимоотношения с миром (Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 146).

Религиозные чувства издавна считались самым значимым видом человеческого опыта, предполагая веру в существование невидимого порядка вещей и гармоничное приспособление к нему человеческого существа, «открывают большую степень истинности» (Джемс, 2010, с. 28). А. Ф. Лазурский относил религиозные чувства к сложным высшим чувствам, подчеркивая, что в отличие от низших чувствований они вызывают бодрость и подъем духа, не влекут к пресыщению и утомлению (Лазурский, 2001, с. 203). При переживании религиозных чувств душа человека озаряется светом, ее переполняет торжественное настроение, благодатное чувство — он открывается голосу свыше (там же, с. 223).

На вопрос о религиозных чувствах («Как вы чувствуете Бога?») каждый третий подросток (28,8%) ответил, что переживал чувства по отношению к Сверхчувственной реальности. Некоторые смогли описать этот опыт, отмечали, что испытывали:

- 1) *чувство легкости на душе* (45,0%) – «Когда я чувствую Бога, у меня легко на душе»; «Когда плохо, выхожу на улицу и смотрю вверх, думаю, почему так? Сразу становится легко, в мыслях приходит ответ»; «Вера»; «Душевно»; «Чувство возникает всегда, когда со мной происходит что-то хорошее»; «Чувствую Бога всей своей душой»;
- 2) *чувство помощи от Бога* (28,0%) – «Бог помогает мне»;
- 3) *чувство близости к Богу и единства с Ним* (22%) – «Чувствую, что Бог всегда со мной»; «Чувствую, что Бог наблюдает за мной, всегда ощущаю в своей душе его частичку, данную при рождении»; «Бог во мне»; «Я думаю, что Бог живет в каждом из нас – мы есть Боги, живущие и развивающиеся в этом мире»;
- 4) *чувство на уровне сознания* (5,0%) – «Чувствую Бога сознанием, даже мыслями».

Среди «верующих» школьников были те, кто не переживал чувств по отношению к Божественному и сожалел об этом (1,6%): «Бог меня не любит», «Пока я не чувствую Бога и уже начинаю не верить в него». Существует мнение, что, если у человека не было религиозного опыта, только вера остается для него важным ключом к сохранению личных убеждений (Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 138). Образные представления об объектах веры, наряду с эмоциональными и интеллектуальными представлениями, относятся к ключевым элементам религиозных чувств, которые «в силу психологических законов охотнее всего совмещается с образами» (Лазурский, 2001, с. 227). Будучи психологическим феноменом, вера свойственна не только религиозным чувствам, но только в них она «достигает наивысшей интенсивности», так как объект верования слишком важен для человека и слишком всеобъемлющ по содержанию» (там же, с. 221).

Анализируя общее впечатление (позитивное/негативное) о *рисунках Бога* и реакцию на предложение его нарисовать, было установлено, что *образ Божественного* и трансцендентного у школьников в целом позитивный. На рисунках, которые занимали большую часть листа, были изображены улыбающиеся лица, светлые умиротворенные образы, выражающие любовь и принятие.

У *«верующих» подростков* (среди них нарисовали Бога 64,3%) рисунки аккуратные, выполнены с душой, что говорит об их позитивном отношении к Божественному. Содержание было различно: от антропоморфных изображений (Иисус, длинноволосый старец с бородой из Притч, с крестом, нимбом над головой, в облаках в свечении) до символических, абстрактных (тучи, солнце, лучи,

земной шар, точка в пространстве, символ вечного движения, лучистое пространство, плазма, сова). Некоторые школьники представили необычные рисунки. Так, Николай (16 лет) на просьбу нарисовать Бога почувствовал себя конем и нарисовал коня, оставив комментарий: «Бог для меня – это мой второй папа». Ирина (16 лет) нарисовала бабушку, пояснив: «Бог для меня – это моя бабушка!»; «Бог – это помощник в жизни, помогает в трудную минуту. И я ему благодарна за это. Он самый чистый и светлый, я его очень люблю».

Рисунки «сомневающихся» школьников (среди которых нарисовали Бога 28,6%) также были позитивными. В комментариях они отмечали: «Бог – это кто-то или что-то значимое для тебя – человек, вещь» (рисунок велосипед); «Бог – это придуманный» (рисунок – монументальная фигура человека); «Бог помощник»; «Бог – это мысленная поддержка, то, к чему человек обращается, когда ему сложно» (рисунок – улыбающееся лицо в облаках); «С религиозной точки зрения Бог – это Творец мира, с моей точки зрения – сложно сказать... Мне представился персонаж из мультика» (самый сложный рисунок из всех, со множеством деталей получеловека полу мифического существа); «Бог – Создатель всего. Высшая форма любви. Непостижимый разум. Всепрощающий Вседержитель» (рисунок – светящееся пространство, которое проявляется изнутри наружу); «Бог – это что-то Сверхъестественное» (рисунок – сова); «Бог если и есть, то представляется людям в виде материи» (рисунок – материя); «Бог – это что-то светлое» (рисунок – солнце).

На рисунках «неверующих» подростков (среди которых нарисовали Бога 7,1%) также были улыбающиеся лица и человечки, но выполненные с определенной долей иронии и сарказма, не аккуратно. Так, Роман, 16 лет, оставил следующий комментарий: «Бог – для меня ничего не значит, рисовать Бога – это бред...» (рисунок – голова улыбающегося мужчины с растрепанными волосами и неаккуратной бородой). Дмитрий, 16 лет: «Бог – это что-то выдуманное мышлением, и я его никак не чувствую» (рисунок улыбающегося, забавного человечка на ножках-палочках с нимбом над головой).

Всего мы получили 42 рисунка (33%), т. е. выполнил рисунок каждый третий подросток. Те, кто *отказался рисовать*, оставили следующие комментарии (7%): «Бога нет – и рисовать нечего!»; «Этого нельзя делать!»; «Этот вопрос показывает, что тест делали не православные, не верующие люди, так как православные не имеют права рисовать Бога – я не имею права его рисовать!». *Позитивную реакцию на предложение* нарисовать Бога отметили у 24% подростков: «Необычное ощущение, которое не встретишь в повседневной жизни,

что-то неопишемое»; «Спокойная реакция – представил мужчину с бородой, усами и длинными волосами»; «Мне сразу пришел в голову образ: облако и портрет Бога» (рисунок «облако»); «Мне сразу представился образ из мультика» (рисунок «Лицо, которое не видел никто»); «Неизвестность, что-то воображаемое и чудесное» (рисунок «Бог над облаками, внизу земля и люди»); «Любопытство» (рисунок «Аура, плазма»); «Приятное чувство: я почувствовал себя коном» (рисунок – конь); «Попробую, я не могу представить себе Бога, неоднозначное чувство» (рисунок «Светящийся Иисус»); «Необычно приятная реакция»; «Сначала решила нарисовать настоящего Бога, но поняла, что родные заботятся обо мне, как и Бог, и решила нарисовать их».

Реакция удивления и замешательства – у 30% респондентов: «Как? Шок. Немного странное задание, удивление»; «Что за бред? Непонимание. Растерянность – мне, что Иисуса нарисовать? Пусть будет так»; «Умммм, ну я не знаю, как он выглядит – я слишком грешен, чтобы его видеть»; «Зачем это вам? Вот такой вопрос возник при просмотре задания»; «Неожиданно, ибо представление о Боге у всех разное» «Удивление, так как представление у всех разное»; «Не знаю, что рисовать».

2. *Когнитивный компонент индивидуальных представлений* изучали на основе содержательного анализа ответов на вопрос: «Что для вас означает слово *Бог*?». В ходе его проведения было установлено, что 48% школьников («верующие», «сомневающиеся», «отрицающие» Бога) смогли дать определение понятию «Бог». Анализируя частоту использования слов и словосочетаний (применялись элементы контент-анализа, подробнее о котором см.: Соснин, Журавлев, Красников, 2014; и др.) удалось выделить группы-дескрипторы в порядке убывания количества упоминаний (от 37 до 1%), которые позволяют сложить представление о значениях и смыслах, которые подростки вкладывают в понятие Бога. Ими являются: «Бог – любящий Отец» (37%), «Мистический Бог, Дух, Вселенский Разум» (28%), «Бог – Творец» (11%), «Бог – идеальный человек/вещь» (8%), «Бог – строгий Судья» (7%), «Бог придуманный» (6%), «Бог – внутреннее Я» (2%), «Бог – иконический образ» (1%).

Описывая *Бога как любящего Отца*, подростки использовали следующие схемы: «Бог – тот, кто выше нас; любовь, доброта, справедливость; оберегает, помогает, защищает, сопровождает на пути; выполняет молитвы, дает счастье, здоровье, прощает грехи».

При описании «*Мистического Бога*» использовались следующие схемы: «Дух, Вселенский Разум, Высший Интеллект, Высшая Суб-

станция, Высший Разум, Высшее Существо, Всевышний, Аллах, Вседержитель, Безначальный, Бесконечный, Недоступный обычному человеку, доступный верующим»; «Нечто Сверхъестественное, Непостижимое, Неземное, Странное, Неизвестное, интересное, могущественное»; «Вселенский Поток нематериальной информации, Высшая Сила, если не отворачиваться от которой, Она никогда не отвернется от тебя».

При описании *«Бога-Творца»* – «Создатель Первоосновы мира, Создатель всего живого, процессов, законов, взаимодействий; Его можно увидеть через проявление – материю, или когда человек покидает этот мир и уходит в Божественный». При описании *«Бога как идеального человека/вещь»* – «Иисус вынес муки и страдал за всех», «Бог – это родные, близкие, любой человек, в которого веришь; кто-то или что-то значимое для тебя (человек, вещь)».

«Бог как строгий Судья» – «Невидимое Существо, которое все видит, все контролирует, всем управляет, наказывает за грехи, решает твою судьбу». *«Бог как внутреннее Я»*: «Бог во мне, в каждом как непостижимое, неземное для человеческого разума внутреннее Я». *«Бог как иконический образ»* – «Иисус на иконе». *«Бог придуманный»* – «Воображаемая персона, картинка, придуманная для верующих; ничего не значащий персонаж». Таким образом, для большинства подростков образ Божественного и трансцендентного ассоциировался с любовью, теплотой, заботой, могуществом, опорой, уверенностью; в целом был окрашен положительно. У некоторых школьников – он одновременно совмещал несколько смыслов.

3. *Поведенческий компонент индивидуальных представлений о Божественном*. Представления о Божественном неразрывно связаны с реальностью мотивирующими поступками, «определенной степенью самотрансценденции и отказом от эгоизма» (Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 151). Человек, у которого идея Бога становится индивидуальным смыслом, начинает не только думать, но и жить по законам веры, наполняя Высшим смыслом свою повседневную жизнь. Он движется от полюса *эгоизма и эгоцентризма* к полюсу *жертвенности и альтруизма*. Зафиксировать это движение – задача не легкая, решить ее мы попытались, задавая школьникам вопрос: «Вам больше нравится получать подарки или дарить их?». Данный вопрос был нацелен на выявлении склонности человека выбирать одну из стратегий поведения при взаимодействии с миром: 1) *эгоистическую* (с ориентацией на себя и ценности индивидуализма), 2) *нравственную, альтруистическую* (с ориентацией на других и готовностью жертвовать, ценности коллективизма).

Результаты были следующие: «дарить» – 28% («Нравится делать людей счастливыми»), «и то, и другое, но больше дарить» – 24%, «получать» – 26%, «и то, и другое, но больше получать» – 20%. «Предложите свой вариант ответа» – 2%, например: «Мне трудно выбирать подарки кому-то, потому люблю их получать», «Если я получу подарок, то придется дарить в ответ». Для оценки взаимосвязи между выбором школьниками поведения, согласующегося с традиционной ментальностью (предполагает приоритет альтруистических ценностей над ценностями прагматическими), и наличием в их ценностном сознании идеи Бога, был проведен статистический анализ с использованием критерия Манна–Уитни между группами «верующих» и «неверующих» школьников. Результаты анализа выявили статистически достоверную взаимосвязь поведения подростков и их веры в предельную ценность (Бога): «верующим» подросткам больше нравилось дарить подарки, чем получать их ($p=0,03$).

При проведении кластерного анализа проявилось сходство кластеров по отношению к вере в предельные ценности (Бога) высокой значимости семьи для становления смыслов у подростков и в их стремлении дарить подарки. Помимо этого, было выявлено сходство групп по переменным *веры в предельные ценности* и *роли личного опыта* (высокая значимость для подростков). На основании этого можно предположить, что наличие в ценностной подструктуре сознания подростков представлений о Боге как Высшей ценности оказывает влияние на формирование у них особенностей ментальности и поведения, согласующихся с традиционалистской направленностью сознания. Однако это предположение требует дальнейшего детального изучения.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Идея Бога находит отражение в ценностном сознании школьников (69,8% верят в то, что Бог существует) – она оказывает воздействие на формирование у подростков особенностей ментальности и поведения в соответствии с традиционной направленностью.
2. Содержание индивидуальных представлений об образе Бога у подростков отражено на различных уровнях: *поведенческом* («верующие» школьники чаще склонны поступать, руководствуясь альтруистическими мотивами), *аффективным* (образ Бога

- лично-значим для них, окрашен положительно; подростки имеют опыт переживания религиозных чувств — чувствуют близость к Божественному, чувствуют Бога душой, сознанием, обращаются за помощью в трудных ситуациях), *когнитивном* (воспринимают Бога преимущественно как любовь, заботу, опору, уверенность; как Вселенский Дух, Высший Разум; как Творца).
3. Образ Бога играет особую роль в жизни школьников — инициируя процессы внутренней трансформации личности, выполняет ряд функций. К ним можно отнести: *адаптивную* (в трудных ситуациях подростки обращаются к Богу с просьбой о помощи и чувствуют ее), *смыслообразующую* (задает новые координаты, смыслы и ценности), *направляющую* (регуляция поведения), *когнитивную* (обеспечивает интуитивное прозрение, проникновение в истины, закрытые для обыденного познания, расширяет представление о себе и реальности), *ресурсную* (выводит за пределы личностного бытия, известных возможностей, расширяя личностное пространство).

Литература

- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Бердяев Н. А.* Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005.
- Васильюк Ф. Е.* Психология переживаний. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984.
- Гостев А. А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
- Грановская Р. М.* Психология веры. СПб.: Питер, 2010.
- Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. М.: Комкнига, 2010.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л.* Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: Юбилейная научная конференция. Ч. 5. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Касавин И. Т.* Философия: мифопоэтический дискурс. URL: <https://vimeo.com/141935477> (дата обращения: 23.04.2019).

- Лазурский А. Ф.* Избранные труды по общей психологии. Психология общая и экспериментальная. СПб.: Алетея, 2001.
- Лосский Н. О.* Понятие психического и предмет психологии // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 1. С. 18–26.
- Ньюберг Э., Уолдман М.* Как Бог влияет на ваш мозг. М.: Эксмо, 2012.
- Прокушенкова О. И.* Исследование ценностных и смысловых ориентаций подростков московских школ как важных составляющих ментальности молодого поколения россиян // Историко-генез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 338–350.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2010. С. 576–586.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А.* Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2014.
- Франк С. Л.* Душа человека: Диссертация на соискание докторской степени М.: Издание Лемана и Сахарова, 1917.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Современные представления о личностном развитии и преемственности идей динамического подхода Л. И. Анцыферовой // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1 №4. С. 61–73.

The content of ideas about the image of God in teenagers of Moscow schools

O. I. Prokushenkova

Institute of Psychology RAS, Moscow

Taking into account the tendency of the predominance of traditional schoolchildren's consciousness among Moscow schoolchildren, as well as the role of the religious factor in the formation of the mentality of the peoples, which in Russia since ancient times was shaped by the Orthodox Christian worldview, the study sought to determine whether the idea of God as Superfluity and Supermind in value consciousness of schoolchildren. To this end, an empirical study was conducted, in which 126 people aged 12–17 took part. To study the content of individual ideas about the image of God, the author's questionnaire "Values and Faith", the projective technique "God's Picture" (Newberg, Waldman, 2012), methods of mathematical processing were used. It has been established that the idea of God is reflected in the minds of schoolchildren – 69,8% of them believe that the Divine world

exists (9,5% “do not believe”, 20,7% “doubt whether there is a God”). The image of God is personally significant for them, is colored positively, and has an impact on the formation of their special mentality and behavior in accordance with the traditional orientation. “Believers adolescents” tend to do, guided by altruistic motives, are open to the spiritual dimension, have experience of religious feelings (28,8%).

Keywords: value and life-long life orientations, the figurative sphere of the personality, representation as an element of consciousness, the individual concept of God.

Жизнь и творчество И. П. Четверикова

Н. Ю. Стоюхина

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
natast0@rambler.ru

Статья посвящена описанию жизненного пути и научного творчества русского ученого И. П. Четверикова. В настоящей статье предпринята попытка собрать информацию из опубликованных и архивных источников, сопоставляя их. Основное содержание статьи базируется на новых данных и сведениях, полученных автором статьи в архивах. Обнаруженные автором тексты рукописей И. П. Четверикова, готовившиеся к публикации, позволяют утверждать, что в двадцатые годы XX столетия в стране работал крупный методолог психологии, работы которого до сих пор неизвестны психологическому сообществу. Текст рукописи «Эмпиризм в психологии» (1929) свидетельствует, что автор продолжал традиции отечественной научной методологии. Можно полагать, что после публикации рукописей оценка вклада И. П. Четверикова в психологию существенно изменится, а его имя займет достойное место среди методологов психологической науки в нашей стране.

Ключевые слова: психология, история психологии, И. П. Четвериков, кризис психологии, эмпиризм, психотехника.

Есть такая универсальная формула, когда говорят о человеке: он умер и унес с собой тайну. Можно возразить, что все мы носители неповторимого, но все же к судьбе Ивана Пименовича Четверикова (1875–1969) эта формула относится по праву. С одной стороны – длинная линия жизни (94 года), с другой – «туманность» фактов жизни, которые, буквально по крохам, приходится восстанавливать, в чем огромную помощь оказали украинский философ М.Л. Ткачук, на сегодняшний день создавший наиболее полный рассказ о жизни Четверикова, и Изабелла Федоровна Четверикова, жена сына Ивана Пименовича, бережно сохраняющая небольшой архив И. П. Чет-

верикова, позволяющий продолжить анализ его жизненного пути и научного творчества. Общеизвестно то, что такого рода исследования являются одним из важнейших условий развития истории психологии как отрасли психологической науки (см., напр.: Кольцова, Журавлев, Олейник, 2016; и др.).

Исследователи и просто интересующиеся биографией Ивана Пименовича сразу обращают внимание на путаницу в установлении некоторых важных дат, например: он родился в 1875 г., но в какой-то период (до 1920 г.) указывает дату рождения на пять лет позже, т. е. 1880 г.; начал работать в ГАХН с 1921 г., но где-то указывает 1922 г. Будучи из мещанской семьи и желая получить образование, он выбирает путь духовного образования: Венёвское духовное училище, Тульская духовная семинария, Киевская духовная академия. В КДА он становится кандидатом богословия в 1899 г., начинает педагогическую и научную деятельность. В 1904 г. Иван Пименович становится магистром богословия после защиты диссертации «О Боге как личном существе. Богословско-философское исследование». Следует заметить, что об актуальности этой работы свидетельствует защищенная недавно в Московской Духовной Академии диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия «Учение профессора Киевской духовной академии И. П. Четверикова о личности в контексте русской теистической мысли и идей умозрительной психологии XIX века» П. В. Сизинцева.

Работая в различных учебных заведениях (от епархиального училища до Киевской духовной академии), И. П. Четвериков прошел стажировку в Лейпцигском, Мюнхенском и Геттингенском университетах, стал членом Института экспериментальной психологии Вундта. В 1918 г. его выбрали профессором психологии в новый Таврический университет, где он работал вместе с известными учеными: В. И. Вернадским, Г. В. Вернадским, Б. Д. Грековым, А. И. Кадлубовским, Н. К. Гудзий, А. Н. Деревицким, И. В. Якушкиным, П. П. Кудрявцевым. После занятия Крыма Красной Армией в ноябре 1920 г. профессора стали уезжать из Крыма; и Иван Пименович вместе с женой Аделаидой Адольфовной, дочерью и тещей уехали в Москву.

Как и другие профессора, получившие великолепное образование до 1917 г., И. П. Четвериков стал работать сразу в нескольких местах: лектором по эстетике в литературном и художественном вольном кружке «Камена» с января 1922 г.; недолго – в Московской Духовной академии, изгнанной из Свято-Троицкой Сергиевой лавры и нашедшей кратковременный приют в Высоко-Петровском мужском монастыре; в Медико-Педологическом Институте

при Наркомздраве (первый заведующий учебной частью); в Институте ритмического воспитания; Институте дефектологии; заместителем председателя дошкольной секции Государственного Ученого совета при Наркомпросе РСФСР; профессором психологии в Тверском педагогическом институте, Ярославском педагогическом институте и Ярославском государственном университете; преподавателем в Высшей военной педагогической школе. Наконец, в Российской академии художественных наук (затем — Государственной академии художественных наук, ГАХН), где он занимал должность заместителя заведующего Президиумом физико-психологического отделения (1923—1924 гг.). Результатом его научной деятельности в Комиссии по художественному воспитанию в 1923—1924 гг. стал *проект сборника* о художественном воспитании в античном мире, куда он собрал статьи С. И. Радцига, А. Ф. Лосева, Н. И. Новосадского, Н. Ф. Дератани, А. А. Грушки, Ф. А. Петровского. Он писал: «В Комиссии по художественному воспитанию, в ее исторических работах, поставлена была задача накапливания фактов по истории художественного воспитания. Работа начата была с Греции и Рима по тем соображениям, что греческая постановка проблемы художественного воспитания возродилась теоретически и практически в современной Германии, и что тогдашние методические приемы воспитания могли бы иметь значение и для нашего времени. В предисловии к сборнику... я указываю, что наша работа носит характер только накапливания фактов, что мы воздерживаемся от их толкования, т. к. являясь пионерами в этой области (ни в русской, ни в западной литературе нет трудов по истории художественного воспитания), должны ограничиться предварительной стадией исторического исследования — накапливанием фактов». Мы написали — проект, потому что сборник не был опубликован.

Также никто не упоминал еще о двух его серьезных статьях, написанных в 1929 г. Первая — «Эмпиризм в психологии», где И. П. Четвериков показал, что «психология не может быть оторвана от того или другого мирозерцания, как утверждает эмпириками, что нельзя вслед за старой эмпирической психологией изучать человека вне пространства и времени, оторвано от среды, что статичность эмпирической психологии искажает динамичность живой человеческой личности» и намечает пути коренной реформы современной ему психологии. Вот фрагмент из заключительной части статьи: «Накопление грандиозного фактического материала, особенно в возрастной психологии, имеющее большую ценность для дальнейшего развития психологии, сделано несомненно психологами-эмпириками.

Наконец, анатомо-морфологическое описание, часто, может быть, спорное, сложных переживаний в значительной мере предварило феноменологические анализы Гуссерлианской школы, а объяснение психических процессов из физиологических, несмотря на разрыв между ними в параллелистическом течении, подготовило почву для монистического понимания человека. Новая психология... должна вскрыть все богатство и разнообразие психических соединений; вернуться из туманной сферы абстракции и последних обобщений конкретной жизни, изучив человека как органическую часть социального целого и физической среды, как психофизическое единство, как, наконец, живой растущий организм, растущий не только сам в себе, но и в культурной, социальной структуре. <...> Новая психология должна идти дальше и по-новому, но стоя на плечах старой эмпирической психологии, а не порывая с нею».

Вторая статья посвящена психотехнике – «Характерологический метод в изучении профессий и профотбора шоферов» (первое название «Типологическое изучение труда автотранспортников»), которой он занимался, работая также в секторе психотехники автодорожной безопасности Наркомата путей сообщения Цудортранса (Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта), разрабатывавшем актуальные вопросы безаварийного движения на дорогах и применения психофизиологических методов профилактики катастроф. Иван Пименович изучал типы характеров работников-шоферов, зависимость аварийных ситуаций от типа характера; он выделил следующие характерологические типы: хладнокровно-рассудительный, сангвинический, холерический, флегматический и меланхолический.

Статьи удивительным образом сохранились в домашнем архиве и будут подготовлены нами к публикации.

В это же время – 1929–1930 гг. – Иван Пименович переживал большие неприятности: 1 февраля 1930 г. его отчислили с должности действительного члена ГАХН «по сокращению штатов на основании Постановления Главнауки от 21-го января 1930 г.». Из Ярославского пединститута, где он читал курс «Основы педагогики» и педологические курсы, по результатам обследования этого Института комиссией Наркомпроса он был уволен «как ярый противник курса рефлексологии и настроенный антиобщественно». Четверикову, как члену московского отделения секции научных работников, состоящему на службе в Институте автодорожной безопасности, отказывали в перерегистрации, потребовали объяснить письменно, как он относится к марксизму, занимается общественной работой.

Его выступление на I Съезде Всесоюзного Общества психотехники и прикладной психофизиологии (май 1931 г., Ленинград) с докладом «Характерологический метод изучения профессий и профессионального отбора» не было понято (действительно, с такой интегральной характеристикой психики, как характер, работали единицы, например, П. М. Петров «Характер в профессии», 1931), и в Резолюции съезда его обвинили в ошибке, отражающей классово-враждебные влияния, — «гипостазирование неизменных „способностей“ и конституционально-определенной одаренности».

13 февраля 1933 г. И. П. Четвериков был арестован и на время следствия помещен в Бутырский изолятор. «Существо дела» заключалось в следующем: следователи сфабриковали дело о создании контрреволюционной организации, в чьи задачи входило «насаждение тайных монахов в совучреждениях, занимающихся пропагандой контрреволюционных идей и обработкой в антисоветском духе служащих, главным образом, молодежи; создание нелегальных монастырей, являющихся очагами развернутой антисоветской агитации среди населения; создание специальной нелегальной духовной академии для подготовки кадров к-р актива; распространение монархической литературы (дореволюционного издания) и создание спецфонда помощи ссыльным за к-р деятельность церковникам». Среди обвиняемых (21 чел.) был и Иван Пименович; с 28 марта 1933 г. началась его трехлетняя ссылка в г. Актюбинск (Казахстан), где с 14 июня 1933 г. он заведовал детской лечебно-профилактической амбулаторией при Актюбинском Горздравотделе, там же занимал должность психотехника.

Отбыв в Казахстане весь срок, до 13 февраля 1936 г., Иван Пименович обратился с заявлением в Президиум Актюбинского Городского Совета о восстановлении в правах гражданина СССР и исключении его из списков лишенцев, что и было сделано 16 марта 1936 г. Жизнь в больших городах ему была запрещена, поэтому он поселился в Малоярославце Московской области (сейчас — Калужская область) — известной «духовной столице 101 километра». Семья жила в Москве, он же тайком ездил к ним, навещая и одновременно, встречаясь с бывшими коллегами (В. И. Вернадский писал, что Четвериков по заданию Корнилова занимался переводом с немецкого «какой-то книги по психологии, Левина»).

Во время оккупации Малоярославца (18 октября 1941—2 января 1942) Иван Пименович работал в учрежденной немецкими властями газете «Неделя»; и, когда немецкие войска отступали, он ушел вместе с ними, жил в Риге, а потом оказался в Германии, в Венд-

лингенской общине православных беженцев. В русской гимназии «Милосердный самарянин» (Мюнхен) выступал с докладами на темы из области православной культуры: «О молитве», «Происхождение атеизма и пути его преодоления», «О Церкви» и др.

Он умер в 1969 г. и похоронен на кладбище в г. Корнталь-Мюнхинген (Германия).

Нами найдена 21 его опубликованная работа, часть из них – по психологии, часть же, относящая к периоду вынужденной эмиграции, богословская. Можно предположить, что это далеко не все написанные им работы, судя по найденным в домашнем архиве рукописям статей; большой потенциал его ученой натуры, заложенной занятиями в Киевской духовной академии и в экспериментально-психологических студиях в Германии, к большому сожалению, не был реализован!

Литература

Кольцова В. А., Журавлев А. Л., Олейник Ю. Н. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы конференции по истории психологии «VI Московские встречи» М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.

The life and creativity of I. P. Chetverikov

N. Yu. Stoyukhina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

The article is devoted to the description of the life path and works of the Russian scientist I. P. Chetverikov. The authors make an attempt to collect information from published and archival sources, comparing them. The main content of the article is based on new data and information received in the archives by the authors of the article. The authors found the texts of I. P. Chetverikov's manuscripts, preparing for publication, that allow us to state that in the 1920s a great methodologist of psychology worked in the country, whose work is still completely unknown to the psychological community. The text of the manuscript "Empiricism in Psychology" (1929) testifies that the scientist continued the traditions of Russian methodology (N. N. Lange, V. N. Ivanovsky, L. S. Vygotsky, A. R. Luria, S. L. Rubinstein,

etc.). The article contains the excerpts from I. P. Chetverikov's work, demonstrating the depth of the research of world psychological science development in the late 19th–early 20th centuries, conducted by the scientist. It can be assumed that after the publication of the manuscripts, the evaluation of I. P. Chetverikov's contribution to psychology will change significantly, and his name will take a worthy place among methodologists of psychological science in our country.

Keywords: psychology, history of psychology, I. P. Chetverikov, repression, psychologists of Russian abroad community, methodology, crisis of psychology, empiricism, psychotechnics.

Жизненный путь гения

Е. Н. Холодovich

Институт психологии РАН, Москва
holelena@bk.ru

В статье дается краткий анализ представлений Л. И. Анцыферовой о личности и ее жизненном пути. Проанализированы исследования жизненного пути личности в зарубежной и отечественной психологии. Акцент сделан на биографических исследованиях в области исторической психологии. Для изучения жизненного пути личности предложена процедура комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности на основе изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества. Она включает в себя комплекс методов: биографический метод, праксиметрический метод, метод периодизации творческой деятельности, сравнительно-аналитический метод, метод контент-анализа. Этапы ее реализации проиллюстрированы на примере изучения жизненного пути А. П. Чехова.

Ключевые слова: жизненный путь, историческая личность, генний, процедура комплексной реконструкции жизненного пути исторической личности, биографический метод.

В творческом наследии Людмилы Ивановны Анцыферовой значительное место занимает исследование личности (подробнее см.: Журавлев, Харламенкова, 2009; и др.). Это глубокие аналитические работы, посвященные изучению личности в зарубежной психологии – концепции К. Г. Юнга, Г. Олпорта, Г. Томэ и др., а также в отечественной психологии – С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, В. С. Мерлина, Б. Г. Ананьева, В. Г. Асеева и др. (Анцыферова, 1981, 2004). Она понимала личность как постоянно раз-

---

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2019-0006.

вивающееся, динамическое образование, в котором стабильность сочетается с «удивительной гибкостью», с огромными компенсаторными возможностями, «непрерывным обогащением сферы ее потенций» (Анцыферова, 1981, с. 4). Основным способом существования личности, Л. И. Анцыферова видела, непрерывное развитие, которое выражает «основную потребность человека как универсального родового существа – постоянно выходить за свои пределы, достигать возможной полноты воплощения в индивидуальной форме своей родовой сущности. Личность постоянно экстраполирует себя в свое будущее, а свое отдаленное будущее проецирует на свое настоящее» (там же). Для Анцыферовой характерно не финалистское понимание развития личности (Э. Эриксон, Ш. Бюлер), а находящееся в непрекращающемся развитии от старта до финиша, т. е. на всем жизненном пути. Поэтому понятие жизненный путь имеет определяющее значение, как выражение личности в ее целостном бытии. Вслед за своим учителем С. Л. Рубинштейном, Л. И. Анцыферова понимала психику человека (его сознание) как интегральное начало, регулирующее взаимодействие человека с миром, осуществляющееся через деятельность. И важнейшая форма деятельности – это проживание собственной жизни.

В зарубежной психологии исследованию жизненного пути посвящены работы Ш. Бюлер, которая вводит это понятие в научное поле психологической науки в XX в., а также Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Роджерса, В. Франкла (Buhler, 1933; Олпорт, 2002; Maslow, 1969; Роджерс, 1994; Франкл, 1990). Ш. Бюлер определяла жизненный путь как субъективный мир индивидуальности, в процессе которого реализуется внутренняя сущность личности в особых, характерных только для нее мотивах поведения. Весь жизненный путь направлен на самоосуществление личности – раскрытие ее «самости» – духовного образования, изначально заданного человеку, проявляющегося в профессиональной деятельности, общении, жизни ради других людей. Г. Олпорт рассматривает жизненный путь личности как результат ее собственной активности. В отличие от психодинамических теорий, где важнейшей детерминантой выступает стремление к снятию напряжения, идущего из бессознательных глубин психики, Олпорт видит личность как активно создающую собственную жизнь, имеющую сугубо уникальный индивидуальный характер. К. Роджерс жизненный путь выделял как активное развитие Я личности, ее движение к совершенствованию, через преодоление неудач и страданий. Жизнь человека направлена на добро и созидание, и его природное начало созидательно, а не деструктивно как, например,

в психоаналитической теории З. Фрейда. А. Маслоу видит жизненный путь личности в ее самоактуализации, которая проходит ряд этапов, через которые реализуются потребности личности, где высшей потребностью и выступает потребность в самоактуализации. В. Франкл рассматривает жизненный путь личности как сугубо уникальное образование, характерное для каждого отдельного индивида. И индивид не может противостоять своему пути, а только идти по нему, делая на каждом конкретном этапе свой выбор. Причем выборы также предопределены и ограничены его собственным существованием. Человек при этом может руководствоваться только своим настоящим и таким образом формировать будущее. Б. Ливерхуд рассматривает личность как совокупность физиологического, психологического и духовного. Весь жизненный путь он делит на три фазы, где преобладает та или иная компонента развития: биологическая — детство и юность, психологическая — период взрослости, духовная — достичь которой можно, только преодолевая кризисы (Рубик, 2014).

Жизненный путь в концепции психоаналитических теорий рассматривается как путь преодоления личностью своего несовершенства. Так, у К. Г. Юнга это обретение личностью «самости» в процессе индивидуации. Весь жизненный путь делится им на два этапа, которые разделены серьезным кризисом середины жизни, прохождение через который и дает возможность личности достичь своей уникальности (Юнг, 1994). А. Адлер вводит понятие жизненный стиль, который закладывается еще в детстве как некое ядерное образование и реализуется в течение всей жизни человека. Основной доминирующей силой в стремлениях человека выступает стремление к «превосходству», преодоление собственной неполноценности.

В отечественной психологии проблеме жизненного пути личности также отводится значительное место. С.Л. Рубинштейн в своих работах жизненный путь личности оценивает через такие категории как самосознание личности, события жизни, поступок, которые обусловлены именно внутренними причинами развития личности как субъекта деятельности и общения, который реализует себя, преодолевая противоречия и непрерывно совершенствуясь во внешних условиях. Отношения человека с миром, его жизненная позиция, включающая ценностно-смысловые ориентации, мотивы и цели, детерминируют выборы, которые совершает личность, проживая свою жизнь (Рубинштейн, 2000).

Вслед за С.Л. Рубинштейном К.А. Абульханова-Славская рассматривает траекторию движения личности как процесс непрерывного развития и совершенствования в рамках целостной жиз-

недеятельности, причем жизнедеятельность, в ее понимании, это то пространство, в котором разворачивается активная (общественная) деятельность субъекта через опосредование своего будущего и прошлого настоящим, как бы реализуя еще в одном контексте известный принцип Рубинштейна «внешнее через внутреннее». И здесь важное место занимает понятие «активное осуществление жизни», где проявляется «траектория» или «особая „логика развития личности“ как субъекта» (Абульханова-Славская, 1981, с. 21), индивидуальный стиль жизни, обусловленный как внешними, так и внутренними детерминантами его биографии, где внешние – это деятельность, внутренние – сознание личности. Именно осознание личностью времени своей жизни позволяет ей осуществлять жизнь во всей ее полноте. Н. А. Логинова обращается к понятию «хроно-топ», которое определяет индивидуальное время жизни личности (Логинова, 2006).

Б. Г. Ананьев говорил о «генетической персонологии», которая отражает эволюцию личности на протяжении всего ее жизненного пути, причем значение имеет как индивидуальное развитие, прохождение различных стадий и этапов взросления, созревания и старения человека, так и его развитие в контексте исторического времени, так как индивидуальный путь человека, его история вписана в историю страны (Ананьев, 1968). Поэтому важнейшими единицами, отражающими жизненный путь, становятся: объективные события жизни, социальная среда (в широком контексте – общественная, историческая), собственная среда развития, большое значение также отводится таким понятиям как старт, финиш, кульминационные моменты биографии. При изучении личности Ананьев ключевое значение придавал биографическому методу, позволяющему исследовать личность в процессе ее целостной жизнедеятельности.

Н. А. Логинова, при анализе данного метода в контексте идей Ананьева, приравнивает его к лонгитюдному, так как именно он позволяет преодолеть трудности в исследовании личности на протяжении очень длительного времени (Логинова, 1986). В этом случае процесс целостного жизненного пути удается воссоздать, прежде всего, посредством *реконструкции*.

Подобная *процедура* была предложена нами для анализа жизненного пути исторической личности, в частности, гения, целью которой являлась реконструкция психологических характеристик гениальной личности на основе всестороннего изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества (Кольцова, Холондович, 2013). Именно гении в полной мере реализуют себя в процессе своей

жизнедеятельности как индивид, личность, субъект деятельности. *Жизненный путь гения* — это череда непрерывных преодолений и самосовершенствований, прохождение через ряд кризисов, как творческих или профессиональных, так и личностных, вплоть до кризисов жизни (по Ф. Е. Василюку), которые связаны с изменением сценария жизни, сопряженных с пересмотром жизненных смыслов и отношений, ценностных ориентаций и т. п. Творческий путь гения — неотъемлемая часть его целостной биографии, именно в творчестве гении проявлялись, формируя характер, реализуя свой талант, свое внутреннее я. Несмотря на критику, череду жизненных обстоятельств, они оставались верны себе в реализации своих задач как художника и отстаивали в своем творчестве важнейшие для себя жизненные смыслы и ценности. Через взаимоотношение субъективных внутренних причин (смыслов) и внешних социально обусловленных обстоятельств жизни, личность и проявляет свою активность, выстраивает способы реализации своих стремлений и установок, строит отношения с миром, с людьми и с собой, таким образом, выстраивая общую направленность своей личности.

Предложенная нами процедура комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности (это один из объектов исследования исторической психологии, см., например: *Историческая психология...*, 2004), позволяет воссоздать ее жизненный путь на основе всестороннего изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества. Она состоит из совокупности следующих методов.

1. *Биографический метод*: количественный и качественный анализ событий жизненного пути от старта и до финиша. Создание жизненной координаты, на которой запечатлены: события жизни — насыщенность временного пространства жизни событиями, определяющими внутреннюю направленность личности; поступки, относящиеся к личной жизни персоналии, творчеству, общественной жизни, причем с учетом исторического времени, что позволяет охватить социокультурный контекст биографии, включенность ее в историю; определить значимых других, референтную группу и оппонентный круг и в целом дать характеристику интенсивности общения, отражающую социальную, общественную и духовную направленность личности на каждом этапе ее жизнедеятельности.

Главной задачей данного метода исследования выступает воссоздание целостной жизнедеятельности человека, в которой важнейшее значение имеют этапы творчества, кризисные периоды в жизни, поступки в том значении, которое им придавал Рубинштейн. Источ-

ником при этом выступают письма и дневники, подкрепленные воспоминаниями об изучаемом персонаже — они помогают наполнить единицы анализа жизненной координаты психологическими характеристиками, важными для анализа исторической личности: определить мотивы поведения, цели, ценностно-смысловую сферу личности, эмоциональную составляющую тех или иных событий в жизни, так как переживания личности — это отражение внутреннего плана личности, внешний же план реализуется в деятельности, в активности субъекта, выделить особенности характера, самооценку, определить наличие внутренних конфликтов. И здесь большое значение имеет тщательный качественный анализ.

Так, например, в творческом наследии Чехова важнейшим источником знания о личности писателя выступает огромное эпистолярное наследие. В целом, насчитывается 4468 писем разных лет, начиная с 1875 г. и заканчивая 28 июня (11 июля) 1904 г., причем интенсивность переписки нарастает с каждым годом (Чехов, 1974—1987). Но на каждом этапе его жизненного пути наибольшее значение отводится разным корреспондентам. Так, в конце 1880-х — это Чеховы, переписка с которыми занимает значительное место в наследии писателя (Ал. П. Чехов, Н. П. Чехов, М. П. Чехова, Е. Я. Чехова и др. члены многочисленной семьи Чеховых), Н. А. Лейкин (писатель, издатель журнала «Осколки», где много работал писатель в начале своей творческой биографии), 1890-е — А. С. Суворин (писатель, критик, издатель журнала «Новое время», с которым его связывали не только профессиональные интересы, но и продолжительная личная дружба), со второй половины 1890-х — В. М. Лавров (писатель, переводчик, издатель журнала «Русская мысль»), В. А. Гольцев (публицист, литературный критик, общественный деятель, редактор журналов «Русский вестник» и «Русская мысль»), М. О. Меньшиков (публицист, сотрудник «Недели», «Нового времени»), В. И. Немирович-Данченко (основатель Московского Общественного Художественного театра), актеры театра, а в последние годы жизни, несомненно, это О. Л. Книппер-Чехова.

В качестве иллюстрации можно привести 1886 г. в жизни Чехова. Из 97 писем для творческого движения молодого писателя важнейшее значение имеет письмо Д. В. Григоровича. Знаменитый писатель дает высокую оценку таланту Чехова, предсказывает ему большое будущее и делает ряд замечаний, касающихся творческого процесса, тщательной обработки своих произведений и строгости к себе. Вот такой отклик оно породила у Чехова: «Ваше письмо. Оно выше всякого диплома, а для начинающего писателя оно — гонорар за настоящее и будущее. Я как в чаду. Нет у меня сил судить, заслужена

мной эта высокая награда или нет... Повторяю, что она меня поразила» (Чехов, 1974, т. 1, с. 216). Проследив дальнейшее развитие таланта Чехова, можно сказать, что именно строгость к себе, как писателю, тщательная отделка своих произведений отличала Чехова — это можно констатировать и по его немногочисленным характеристикам своего творческого процесса, советам и оценкам, даваемым работам начинающих писателей.

Вообще строгость к самому себе и близким отличала Чехова не только как писателя, но и как человека. Но при этом ему были свойственны необыкновенная деликатность к людям, чувство юмора. Это особенно ярко представлено в письмах к братьям (Ал. Чехов, Н. Чехов и др.) в 80—начало 90-х г. XIX в. Письма этого времени отличаются особой открытостью Чехова, отзывчивостью к другим. Именно в этот период определяются важнейшие нравственные, этические и эстетические установки и ценности молодого писателя. В 1890-е годы очень активная переписка с А. С. Сувориным дает представление об отношении Чехова к творчеству, к литературе, к общественным событиям. Так, сам А. С. Суворин писал о А. П. Чехове-художнике: «Миросозерцание у него совершенно свое крепко сложившееся, гуманное, но без сентиментальности, независимое от всяких направлений... Оно отличается большим здравомыслием и любовью к жизни... Это позволяет ему смотреть прямо в глаза природе и людям и, нимало не лукавя, приветствовать живую жизнь всюду, где она копошится. Ничего отравленного какими-нибудь предвзятыми идеями нет у этого талантливом человека. Поэтому нет у него предвзятости и в форме, которую он дает своим произведениям, и предвзятости в характерах, которые он рисует. Он не любит ни фраз, ни нытья, ни отчаяния и является другом самых обыкновенных людей... он, как мне кажется, тот писатель, который скажет, в художественных образах, больше правды, чем все его сверстники и современники по таланту». Из рецензии А. С. Суворина на драму Чехова «Иванов» от 6.02.1889 (Чехов, 1976, т. 3, с. 387). С каждым годом внимание к общественной жизни нарастает в переписке писателя. Письма последних лет (1900-х годов) отражают интенсивную творческую работу над собранием сочинений, пьесами для МХТ, немногими, но очень значительными повестями и рассказами («В овраге», «Дама с собачкой», «Архиерей»), обширность общественной жизни, проходящую вокруг него, активную благотворительную деятельность, занимавшую важное место в жизни писателя. При больших гонорах он тратил много средств и сил на постройку школ, помощь нуждающимся и больным, участвовал в организации санаториев для тубер-

кулезных больных в Ялте, при его непосредственном участии была создана и пополнялась библиотека г. Таганрога и др. Хотя и удаленно (Чехов был вынужден жить в Ялте из-за прогрессирующего туберкулеза) он был включен в литературную и общественную жизнь России того времени. Но при всей его сдержанности и деликатности в общении с людьми, в письмах проскальзывает чувство нарастающего одиночества, оставленности, понимание приближающегося конца, тоска, особенно в последние годы (1902–1904). «Мне так скучно без тебя, что я скоро начну караул кричать. Мне ничего в Ялте не интересует, я точно в ссылке, в городе Березове» (из письма О. Л. Книппер-Чеховой от 11 января 1902 г.) (Чехов, 1981, т. 10, с. 164).

В качестве общественно значимых событий в его биографии необходимо выделить – получение Пушкинской премии в 1888 г., присуждение ему звания почетного академика Императорской Академии наук по части изящной словесности (1900), отказ от этого звания в знак протеста против исключения из рядов академиков М. Горького (1902), присуждение Грибоедовской премии в 1901 г. за пьесу «Три сестры».

Всю жизнь, начиная с юных гимназических лет, Чехов заботится о своей семье (при молчаливом согласии всех ее многочисленных членов он являлся главой семьи, хотя и не был самым старшим): финансовое содержание родителей, сестры и помощь братьям он считал своей обязанностью. Еще будучи гимназистом, Чехов зарабатывал на жизнь репетиторством и отсылал часть денег семье в Москву. Отсутствие средств также послужило толчком к сотрудничеству студента медицинского факультета Московского университета Антона Чехова в юмористических журналах. Его поздняя женитьба отчасти обусловлена нежеланием что-либо изменить в устоявшемся укладе жизни семьи. Очень тесные взаимоотношения между матерью, сестрой и самим Антоном Павловичем стали причиной первой отрицательной реакции матери и сестры на известие о его браке с О. Л. Книппер (1901 г.).

2. *Праксиметрический метод, или метод анализа продуктов деятельности* в классификации Ананьева, включающий: определение направленности профессиональной деятельности; смысловой наполненности этапов творческой биографии, полученных в процессе осуществления биографического метода; особенностей профессионального стиля как отражения характера человека. В творчестве литературных гениев важна тематика произведений, их динамика, идейное содержание как отражение сознания автора, его мировоззрения, мировосприятия, установок и ценностей.

Так, в начале своей творческой деятельности Чехов отдавал предпочтение чистому смеху, острословию, тяготел к бытовому юмору (конец 70-х годов XIX в. — работа в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Осколки» и др.). Постепенно в его рассказах намечается интерес к внутренней жизни человека — Чехов показывает, как даже неплохие люди часто погружаются в рутину обыденности, эгоизма, косности, некультурности, празднословия, неискренности. Важнейшей тематикой его произведений становится психологическое самочувствие человека в условиях неуважения к человеческой личности, окружающего хамства и стяжательства, всеобщей рутины, которые формируют в нем душевную черствость, равнодушие и пессимизм. Его герои — городская интеллигенция, с ее на первый взгляд маленькими проблемами, порой выливающимися в трагикомедию жизни.

В 80-е годы XIX в. к Чехову приходит настоящий успех. Его признают в кругу маститых писателей (Григорович, Плещеев, Суворин). Он отдаляется от юмористической прессы и становится сотрудником «Нового времени», «Северного вестника» и других серьезных журналов. В этот период Чехов окончательно складывается как писатель. На второй план отходит его врачебная практика — Чехов закончил медицинский факультет Московского университета в 1884 г. и занимался лечебной деятельностью всю жизнь. В 1884 и 1886 гг. выходят сборники его рассказов — «Сказки Мельпомены», «Пестрые рассказы». В 1888 г. писатель получает Пушкинскую премию за сборник рассказов «Сумерки». К этому же периоду относятся его первые пьесы: «Иванов», водевиль «Медведь», «Леший» и др.

1890-е годы можно охарактеризовать как серьезное развитие его дарования, как писателя психологического. Выходят такие его произведения как «Палата № 6», «Моя жизнь», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой», где героями становятся реальные люди маленьких провинциальных городов, описываются их переживания, поступки, взаимодействие с социальной группой. Писателя интересует как социальное поведение человека, особенности его мотивов и поступков, так и его внутренняя жизнь. И часто внутренняя жизнь вступает в противоречие с внешней. В своих рассказах Чехов ориентируется на изображение повседневных бытовых ситуаций, воссоздание образа жизни различных социальных групп («Архиерей», «Студент», «Мужики»), социально-психологических и культурных типов («Невеста», «Человек в футляре», «Гина», «Душечка», «Попрыгунья»), художественное исследование различных психологических ситуаций («Страх», «Тоска», «Спать хочется», «О любви», «Палата № 6», «Скучная история»). В целом ряде рассказов воссоздается довольно продол-

жительный отрезок жизни героя, его судьба, чаще всего неудачная («Три года», «Моя жизнь», «Ионыч», «Черный монах», «Дом с мезонином»). Интересно, что Чехов вводит в русскую литературу рассказы, где нет поступательного развития событий, он описывает человека в обыденный момент его жизни, в истории его повседневности. Через косвенные признаки писатель раскрывает ту систему ценностей и смыслов, которая составляет жизнь героя. В мировоззрении писателя прослеживаются атеистические ориентиры, но в то же время для него характерна рефлексия по религиозному идеалу («Студент», «Скучная история»).

Чехов продолжает направление, характерное для русской литературы в целом, и для конца XIX столетия – работы писателей о жизни русской деревни («Мужики», «В овраге»). Чехов сам становится владельцем имения «Мелихово» и знакомится с жизнью окружающих крестьян. Он активно занимается лечебной практикой, благотворительностью, переписью населения, оказывает посильную медицинскую помощь во время эпидемии холеры в своем уезде, заседает в санитарном совете, как помощник предводителя дворянства инспектирует школы в своем уезде (по результатам задумывался публицистический труд о состоянии школ в России 1895 г.). Его оценки очень емки, жестки, ему чуждо преклонение перед народом, характерное для писателей-народников. Как либеральная, так и консервативная критика обвиняет Чехова в «безыдейности», отсутствии четкой общественной позиции. Действительно, в его рассказах отсутствует явное отношение автора к героям, событиям. Это была его принципиальная позиция: автор должен показать жизнь такой, какая она есть, а уже вывод делает сам читатель. Автора в рассказе быть не должно. «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем... Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком... Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не знает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед» (из письма к Суворину от 30 мая 1888 г.) (Чехов, 1975, т. 2, с. 279).

В этот период выходит в свет «Остров Сахалин» – публицистическая работа писателя, где Чехов, совершив путешествие на о. Сахалин и изучив условия жизни каторжан, описывает жестокие условия социальной действительности русской каторги. Этот поступок – путешествие на о. Сахалин, работа в суровых условиях, серьезно повлиявшие на его здоровье, и создание книги о русской действительности

ти — был важным как в жизни самого писателя, так и в общественной жизни того времени. Как Чехов писал своему корреспонденту: «Нет, уверяю Вас, Сахалин чуден и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе!» (из письма Суворину от 9 марта 1890 г.) (Чехов, 1976, т. 4, с. 33).

Подобную книгу по личным наблюдениям создал до Чехова только Ф. М. Достоевский («Записки из Мертвого дома»). Причем необходимо отметить, что писатель провел тщательную перепись населения острова, работал там еще и как врач. Поездке предшествовала скрупулезная работа по изучению истории, публицистики, минералогии, этнографии.

В 1896 г. Чехов пишет пьесу «Чайка», постановку которой в Александринском театре зрители и критика встретила разгромом. Писатель очень глубоко и болезненно переживает неудачу пьесы, дает себе слово больше пьес не писать. «Вчерашнего вечера я никогда не забуду, но все же спал я хорошо и уезжаю в сносном настроении... Никогда я не буду ни писать пьес, ни ставить» (из письма А. С. Суворину от 18 октября 1986 г.) (Чехов, 1978, т. 6, с. 196).

К концу 1890-х г. относится и время серьезного обострения его болезни (туберкулез), признаки которой в письмах отмечаются еще в 1888 г., что заставляет его покинуть Россию, а затем поселиться вдали от столиц. В 1897 г. писатель продает имение «Мелихово» и переезжает в Ялту. В 1897 г. умирает его отец (с которым его связывают непростые отношения). Чехов глубоко переживает эту смерть (как врач он мог бы вовремя поставить диагноз) и невозможность присутствовать на похоронах (из-за плохого состояния здоровья он вынужден оставаться в Ялте).

Последние годы жизни писателя (конец 1890—начало 1900-х, до самой смерти 2 июля (15 июля) 1904 г.) тесно связаны с Московским Общественным Художественным театром. С огромным успехом проходят постановки его пьес «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». Много времени отнимает у писателя переработка ранее написанного и подготовка к изданию Собрания сочинений.

3. *Метод периодизации творческой деятельности* — динамика идей, нравственной, политической, социальной позиций. В качестве источников используются как указанные ранее работы, так и посвященные особенностям творчества. В контексте литературных гениев — литературоведческие работы, воспоминания современников, т. е. работы экспертов в области профессиональной деятельности изучаемой исторической личности.

Литературоведами творчество Чехова делится традиционно на три периода. Первый (1880–1888 гг.) – юмористические рассказы, второй (1889–1899 гг.) – большие повести и рассказы. Последний, третий, период (1899–1904 гг.) посвящен драматургии, он вылился в такое явление как «Чеховский театр», послуживший отправной точкой не только для развития русского театра, но и мирового.

В этот период написаны самые известные пьесы – «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». В пьесах Чехов отводит социально-общественному контексту жизни второй план. На первом месте взаимоотношение людей в условиях повседневной, обыденной жизни. В.А. Поссе в статье «Московский Художественный театр (По поводу его петербургских гастролей)» в журнале «Жизнь» 1901 г. называет пьесу Чехова «Дядя Ваня» «пьеса настроение» (Чехов, 1981, т. 10, с. 299). Чеховым создается особое художественное время – «бессобытийное» – трагедия человеческого существования, облеченная в контекст повседневной рутины. Писатель называет свои пьесы комедиями, что часто непонятно для его современников. Герои пьес ведут свою обычную жизнь и не замечают, как она приходит к концу: весь их уклад, все их существование рушится под напором меняющейся жизни. В пьесах особое место занимают чувства удушливого контекста русской жизни на рубеже веков и ощущение необходимости перемен. И это было не просто констатирование общественного факта, но твердая вера самого писателя. Писатель В. Г. Короленко так характеризовал разные периоды творчества А. П. Чехова: «„Палата № 6“ – произведение поразительное по захватывающей силе и глубине, с каким выражено в нем новое настроение Чехова, которое я назвал бы настроением второго периода. Оно совершенно определилось, и всем стала ясна неожиданная перемена: человек, еще так недавно подходивший к жизни с радостным смехом и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при более пристальном взгляде в глубину жизни неожиданно почувствовал себя пессимистом. К третьему периоду я бы отнес рассказы, а пожалуй, и драмы последних годов, в которых звучит и стремление к лучшему, и вера в него, и надежда. Через дымку грусти, порой очень красивой, порой разъедающей и острой и всегда поэтической, эта надежда сквозит, как куполы церкви дальнего города, едва видные сквозь знойную пыль и удушливый туман трудного пути...» (Чехов в воспоминаниях современников, 1986, с. 20).

4. *Метод сравнительно-аналитический* по изучению различного рода источников (исторических, биографических, личных документов персоналии, дневников, писем, воспоминаний), а также ра-

бот, направленных на изучение его профессиональной деятельности, в которой личность реализуется как субъект деятельности. Это позволяет обобщить полученные результаты исследования, сделать графический событийный анализ жизни персоналии, при этом выделить на координате значимых других, события, творческие и личного характера, попытаться выделить кризисы. Результатом обобщения является выделение ценностно-смысловой сферы личности, выделение смысловых конструктов – которые отражают основные смыслы жизни, включающие мотивы, цели, установки и идеалы, а также возможность понять особенности и причины поступков и поведения в целом.

5. *Контент-анализ художественных произведений или других продуктов деятельности изучаемого исторического персонажа.* Данный метод (подробнее см.: Соснин, Журавлев, Красников, 2014; и др.) направлен на проведение количественного анализа смысловой сферы сознания выдающейся личности, в частности, гениев, через оценку динамики идей и представлений, отраженных в творчестве, сравнение их со смысловыми конструктами, выделенными с помощью предыдущих методов. Это позволит подтвердить гипотезу о том, что жизненные смыслы и ценностные ориентации личности меняются (или остаются неизменными) в процессе всего жизненного пути, т.е. показать динамику представлений автора на каждом этапе его творческой биографии, сделать вывод о том, что кризисы в жизни человека меняют его мировоззрение, а, возможно, становятся ключевыми моментами на его жизненном пути, а также сделать вывод об общей направленности личности. Такие исследования были проведены нами на примере изучения целостной жизнедеятельности и продуктов творчества Достоевского (Кольцова, Холондович, 2013) и Гоголя (Холондович, 2018), что позволило подтвердить сделанный нами вывод о преобладании духовной направленности в личности гениев.

Необходимо также отметить, что для оценки личности, жизненный путь которой протекал в сравнительно недавний период, важно *применять метод интервью* с людьми, знавшими в той или иной мере изучаемого персонажа. Результаты этих оценок, воспоминаний могут быть подвергнуты, в свою очередь, количественной обработке, что позволит получить более достоверные данные о личности (Немировская, 2018). Что же касается личности исторической, время жизни которой отдалено от исследователя, то достоверность полученных результатов проверяется с помощью данных экспертной оценки; количеством и значимостью подобранных источников; проведени-

ем количественных процедур при сборе, классификации имеющейся информации, контент-анализа текстов; сравнением полученных результатов с мнением экспертов в профессиональной области (например, в литературоведении или искусствоведении). Это позволит в достаточной мере снизить субъективизм в оценке исторической личности. Необходимо указать и на методологические приемы, используемые при проведении качественного анализа. Это библиографический анализ источников, сравнительный анализ, позволяющий определить полноту, достоверность, непротиворечивость информации, анализ степени сходства и различий, тематический анализ, психологический анализ (применение которого является необходимой процедурой при проведении биографического метода и т. п.), аналитико-селективный метод отбора и синхронизации информационного поля (О. В. Клыпа), сравнительно-исторический анализ, важный для понимания, выделения культурно-исторического контекста эпохи и ее влияния на становление и развитие изучаемой личности.

Выводы

Было представлено краткое описание процедуры комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности на основе всестороннего изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества. Более подробно описаны биографический метод, праксиметрический метод, метод периодизации творческой деятельности исторической личности на примере анализа творческой биографии А. П. Чехова. Показано, что биографические исследования позволяют воссоздать жизненный путь исторической личности, раскрыть ее внутреннюю обусловленность, очертить внешние детерминанты ее формирования и развития, показать, как раскрывается талант в творческой биографии, описать взаимовлияние творческого процесса и личности гения. Таким образом, предложенная процедура комплексной реконструкции является перспективным способом изучения личности в истории и позволяет воссоздать ее жизненный путь и психологические особенности.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 19–44.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

- Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 3–18.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: Изд-во МосГУ, 2004.
- Кольцова В. А., Холондович Е. Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Логинова Н. А.* Биографический метод в свете идей Б. Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 104–112.
- Логинова Н. А.* Некоторые итоги развития биографического метода психологии в XX века // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 67–80.
- Немировская Н. Г.* Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В. Н. Дружинина: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Олпорт Г.* Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Рубик А. В.* Жизненный путь личности в гуманистической психологии // Вестник ТвГУ. Сер. «Философия». 2014. № 1. С. 209–218.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.—М.—Харьков—Минск, 2000.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А.* Социальная психология: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум—Инфра-М, 2014.
- Холондович Е. Н.* Идеино-нравственные искания гениальной личности (на примере изучения динамики идейных исканий в творчестве Н. В. Гоголя) // Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 96–116.
- Чехов А. П.* Полное собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1974–1987.
- Юнг К. Г.* Аналитическая психология. СПб.: Ин-т личности ИЧП, Полантин, 1994.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologische probleme. Leipzig, 1933.

Maslow A. Toward a humanistic biology // *American Psychologist*. 1969. № 24. P. 724–735.

Life path of a genius

E. N. Kholondovich

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article provides a brief analysis of the ideas of L. I. Antziferova about a person and her life path. We analyze the studies of the individual's life course in foreign and Russian psychology. The emphasis is on biographical research in the field of historical psychology. The procedure of the complex reconstruction of a historical person psychological characteristics based on the study of hers/his integral life activity and the products of creativity has been proposed to study the life course of the person. It includes a set of methods: the biographical method, the praximetric method, the method of periodization of creative activity, the comparative analytical method, the method of content analysis. The stages of its implementation are illustrated by the example of studying the life path of A. P. Chekhov.

Keywords: life path, historical personality, genius, personality, procedure of complex reconstruction of life path of historical personality, biographical method.

Психология личности в отечественной парадигме

И. А. Юров

Московский инновационный университет, Москва
sov36@mail.ru

В статье представлены методологические концепции и позиции отечественных психологов по проблеме структуры и содержания личности, являющейся ключевым понятием и объектом в отечественной психологии. По мнению автора, раскрывать содержание понятия и структуру личности целесообразно в рамках единой научной концептуальной модели. Понятие «личность» характеризует один из наиболее значимых уровней организации человека, а именно особенность его развития как социального существа. Значительное количество работ по данной проблематике позволяет выделить три отечественные парадигмы психологии личности: диалектико-материалистическую, системно-комплексную и культурно-историческую. Автор предлагает структуру и динамику личности, состоящих из трех основных блоков. Первый: целеполагание, уровень притязаний, мотивация, эмоция, воля. Второй блок: черты личности, характер, темперамент, физиологические основы темперамента. Третий блок: компетентность, способности, интеллект, креативность, задатки.

Ключевые слова: личность, психология, содержание, структура, концепции, концептуальные модели, конвергенция.

Под парадигмой (от гр. παράδειγμα, «пример, модель, образец») понимается совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Томас Кун писал: «Под парадигмой я понимаю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения».

В разработке отечественной парадигмы психологии личности принимали участие Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов,

Л. И. Божович, А. Г. Ковалев, К. Н. Корнилов, В. Н. Мясичев, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин, А. В. Петровский, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, В. И. Селиванов, Б. М. Теплов, Е. В. Шорохова, В. А. Ядов и др.

Традиционно в отечественной психологии под *структурой личности* понимается четырехкомпонентная модель, включающая в себя темперамент, характер, направленность личности, способности (Рубинштейн, 1999). В отечественной психологии сложился целый ряд школ и направлений, в которых психические свойства личности (личностные свойства) исследуются в разных аспектах. Одни психологи рассматривают личность в связи с анализом ее деятельности (А. Н. Леонтьев), другие – психологических отношений личности (В. Н. Мясичев), третьи – установок (Д. Н. Узнадзе); четвертые – социальных позиций личности (Л. И. Божович); пятые – содержания и процессов общения (Б. Ф. Ломов). По мнению К. К. Платонова, личность – это человек как носитель сознания (подробнее см.: Артемьева, Журавлев, Кольцова, 2007; и др.).

К. К. Платонов в предложенной концепции динамической функциональной структуры личности выделил четыре подструктуры: 1) социально обусловленная подструктура; 2) опыт; 3) индивидуальные особенности различных психических процессов; 4) биологически обусловленная подструктура (Платонов, 1986).

Личность рассматривается как особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения (Асмолов, Петровский, 1978). Человек, взятый в его социальном качестве, есть личность. Личность – субъект общественного поведения и коммуникаций (Ананьев, 2001). Личность – человек как общественный индивидуум, субъект познания и объективного преобразования мира, разумное существо, обладающее речью и способностью к трудовой деятельности (Петровский, 1998). И. С. Кон считает, что понятие личности включает человеческого индивида как члена общества, интегрированные в нем социально значимые черты.

К. Н. Корнилов отмечает, что имеет право на существование не психология личности «вообще», а психология конкретных индивидуально-психологических особенностей личности, что непосредственным предметом или сферой психологии личности является «не сама личность», а только ее индивидуально-психологические особенности: характер, темперамент, способности, интересы человека. Для Б. М. Теплова область психологии личности включает всю совокупность психических свойств человека в их связи с психическими

состояниями и процессами. В. Н. Мясищев, считая, что изучением самих по себе общественных отношений, совокупность которых составляет сущность человека, занимается социология, относит к психологии личности субъективные отношения человека к объективной действительности, систему отношений к другим людям, отношений к самому себе; он выделяет в качестве главных характеристик личности, определяющих ее психологический склад, направленность, уровень развития и структуру. Он считал, что вопрос структуры – это... соотношение содержательных тенденций; они, реализуясь в различных видах деятельности, связанных с условиями жизни соответственного исторического момента, вытекают из основных отношений, т. е. стремлений, требований, принципов и потребностей (Ковалев, Мясищев, 1957). А. Г. Ковалев включает в личность темперамент (природные свойства), направленность (потребности, интересы, идеалы), способности, интеллектуальные, волевые, эмоциональные свойства (Ковалев, Мясищев, 1957). В. И. Селиванов, подчеркивая общественно-историческую обусловленность личности человека, считает, что в психологии личности в качестве основных выступают социально-психологические характеристики. Согласно А. Н. Леонтьеву, личность – это психологическое образование особого типа, порождаемое жизнью человека в обществе. Он подчеркивал, что личность не равна индивиду; это особое качество, которое приобретает индивидом в обществе, в отношениях, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается, сущность личности в «эфире» (Маркс) этих отношений... личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными свойствами. Личность характеризуется определенной системностью, единством и устойчивостью своих качеств.

В. С. Мерлин так подходит к определению структуры личности: «Структуру личности нельзя характеризовать как систему, складывающуюся из нескольких различных групп психических свойств: темперамента, характера, способностей и направленности. Одни из них (свойства темперамента) вообще не являются свойствами личности, другие же (характер, способности и направленность) представляют собой не разные „подсистемы“, а разные функции одних и тех свойств личности» (Мерлин, 2005, с. 483). В. С. Мерлин представляет свое видение структуры личности и составляющих ее элементов: «Неразложимые далее компоненты личности – это ее свойства. Поэтому под структурой личности следует понимать взаимную связь и организацию свойств личности» (Мерлин, 2005, с. 484).

С.Л. Рубинштейн писал: «В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяют те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека. Основное место поэтому в них занимает система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (т.е. те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям), и способности человека, т.е. свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности» (Рубинштейн, 1999, с. 345). По мнению В.А. Ядова, здесь подчеркивается: а) изучение внутренних, субъективных отношений и качеств человека, делающих его личностью, членом общества, мотивация его поведения и деятельности, т.е. осознанные побуждения к активности; б) отмечается, что речь идет о системе мотивов и вообще субъективных свойств человека, о структуре его социально обусловленных качеств как субъекта социальной деятельности (Ядов, 2012).

Согласно С.Л. Рубинштейну, «свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. Индивидуальные свойства личности — это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность» (Рубинштейн, 1999, с. 586).

Общепсихологическое изучение личности — это исследование человека как носителя совокупности психических свойств и качеств, определяющих социально значимые формы деятельности и поведения. Вся практическая деятельность человека имеет личностный характер. Личностная проблематика в психологии не навязывается ей извне, ибо личность становится центром, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии. К личности при таком понимании не следует обращаться лишь в начале и конце психологического исследования человека. По существу психология человека и должна быть психологией личности (Шорохова, 1974).

Реализуемый Л.И. Анцыферовой *динамический подход к личности* (подробнее см.: Журавлев, Харламенкова, 2016; и др.) вбирает в себя разные грани исторически сложившихся традиций изучения ее жизни в становлении и изменении. Содержательность, масштабность, историческая значимость личности зависят от меры ее собственной активности и степени креативного отношения к жизни. По ее мнению, сформированность личности как субъекта жизни в значи-

тельной степени определяет качество ее развития – важнейшей формы динамики личности. Развитие личности в своем результативном выражении связано с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать по-новому мир: более структурированным, интегрированным и содержательным. Личность становится более автономной по отношению к включающим ее социальным структурам. Вместе с тем процесс личностного развития психологически драматичен. Он требует от личности мужества, чтобы подняться над собой, признать свою несостоятельность в определенных отношениях, обесценить ранее достигнутое, понизить или даже зачеркнуть значимость того, что недавно высоко ценилось. Процесс развития включает накопление новых возможностей, появление разнопорядковых новообразований в мотивационно-потребностной и познавательной сферах личности (подробнее см.: Харламенкова, Журавлев, 2009; и др.).

Л. И. Анцыферова считает, что исследование личности и ее жизни включает не только частные структуры (задатки, неактуальный опыт, малозначимые побуждения, функциональные возможности), но и сложные интегративные образования. Преобразование потенциального в актуальное, в действительное – важный этап в процессе развития личности.

Л. И. Анцыферова отмечает, что условиями поступательного развития личности являются ее рефлексивное отношение к себе, способность творчески относиться к прошлому и настоящему, соединять их с будущим сквозными динамическими тенденциями. Реальный жизненный путь личности – лишь частичная реализация ее возможностей. Личность масштабнее, значительнее, богаче своих дел и судьбы. Преодолевая противоречие развития между преемственностью и безотносительностью к заранее установленному масштабу, человек поднимается над своим исходным бытием и преобразует его в одно из условий конструирования новых путей жизни (Анцыферова, 1990).

Значительное количество работ по данной проблематике позволяет выделить три *отечественные парадигмы психологии личности*: диалектико-материалистическую, системно-комплексную и культурно-историческую.

В последнее время в условиях глобализации в современной психологии происходит конвергенция различных парадигм в представлениях о личности. Это позволяет представить следующую психологическую структуру и динамику личности, состоящую из трех основных блоков.

Первый блок. Целеполагание – сознательный, осознанный план жизни (смысл жизни по А. Маслоу, В. Франклу, К. Роджерсу, жизненный план по Э. Эриксону, сценарий жизни по Э. Берну, генеральные, стержневые цели жизни по Б. Г. Ананьеву, жизненные цели личности по Б. Ф. Ломову, личностный смысл по А. Н. Леонтьеву).

На конкретно-психологическом уровне план и сценарий жизни осуществляется через уровень притязаний и уровень ожидания.

Цель не может быть достигнута, и уровень притязаний не может быть реализован без мотивации (побуждения к деятельности). Выделяют внутренне организованную и внешне организованную мотивацию. Направленность включена в мотивацию как одна из ее функций.

Динамика личности определяется и эмоциями, под которыми понимается психическое отражение в форме непосредственного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленно-го их связью с удовлетворением потребностей человека.

К динамическим проявлениям человека относится и воля – сознательная саморегуляция человеком своей деятельности и поведения, обеспечивающая преодоление трудностей при достижении цели; дополнительные побуждения к реализации программы деятельности.

Второй блок. Дж. Гилфорд предложил сжатую формулу: «Личность индивида есть специфическое созвездие черт». Это определение, по мнению Р. Мейли, отражает общепринятое мнение: описать личность можно только, указав ее характерные черты. Исходное количество черт личности больше, чем их входит в структуру характера.

Характер – индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный для данного субъекта способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах, основанный на закрепленных чертах личности.

Характер тесно связан с темпераментом – свойством человека, проявляющимся в динамических характеристиках психической деятельности. Темперамент выступает как условие образования индивидуальных свойств характера. Темперамент биологически детерминирован свойствами гуморальной, гормональной и нервной систем.

Третий блок. Компетентность – наличие знаний, умений, навыков и опыта, необходимых для эффективной деятельности в заданной предметной области. Компетентность является более широким понятием, чем способности, т. е. индивидуально-психологические особенности человека, являющиеся условием успешного овладения и выполнения какой-либо деятельности.

Интеллект – общая способность человека мыслить рационально, действовать целесообразно и эффективно функционировать в окружающей среде. Креативность – творческие возможности, продукты деятельности человека, процесс их создания (К. Торренс). Задатки – врожденные анатомо-физиологические особенности человека, составляющие природную основу развития способностей. Общая схема свойств личности:

Блок I: Целеполагание → Уровень притязаний → Мотивация → Эмоции → Воля.

Блок II: Черты личности → Характер → Темперамент → Физиологические основы темперамента.

Блок III: Компетентность → Способности → Интеллект → Креативность → Задатки.

В данной схеме подструктуры личности связаны и с анализом ее деятельности, и с анализом психологических отношений, и с ее социальными позициями, смыслообразующими факторами, что, в конечном счете, представляет собой интегральную системно-комплексную структуру личности.

Значительный ряд психологов, беря за основу трактовку понятия личности зарубежных авторов (например, Г. Оллпорта, А. Маслоу, Э. Берна и др.), тем не менее, содержание понятия и структуру личности раскрывают через представления отечественных психологов, которые в корне отличаются от зарубежных. В результате получается некая эклектика элементов, не связанная ни с теоретическими, ни с методологическими, ни с методическими позициями зарубежных и отечественных психологов. Раскрывать содержание понятия и структуру личности целесообразно в рамках единой научной концептуальной модели (Юров, 2018).

Литература

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Анциферова Л. И.* Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990. С. 7–17.
- Артёмьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психо-

- лог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Асмолов А. Г., Петровский В. А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 70–80.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Современные представления о личностном развитии и преемственность идей динамического подхода Л. И. Анцыферовой // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 61–73.
- Ковалев А. Г., Мясичев В. Н.* Психические особенности человека. В 2 т. Характер. Л.: ЛГУ, 1957. Т. 1.
- Мерлин В. С.* Лекции по психологии мотивов человека // Психология индивидуальности: Избранные психологические труды. М.: Изд-во МПСИ, 2005. С. 483–528.
- Петровский А. В.* Введение в психологию. М.: Академия, 1998.
- Платонов К. К.* Структура и развитие личности. М.: Педагогика, 1986. С. 122–141.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Шорохова Е. В.* Психологический аспект проблемы личности // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 3–33.
- Ядов В. А.* Диспозиционная система как целостность и структура реального поведения. М.: ЦСПиМ, 2012. С. 203–224.
- Юров И. А.* Психология личности спортсменов. М.: Русайнс, 2018.

Personal psychology in the domestic paradigm

I. A. Yurov

Moscow Innovative University, Moscow

The article presents the methodological concepts and positions of domestic psychologists on the problem of the structure and content of the individual, which is key in domestic psychology. According to the authors, it is advisable to reveal the content of the concept and the structure of the personality within the framework of a single scientific conceptual model. The concept of “personality” characterizes one of the most significant levels of a person’s organization, namely, the peculiarities of his development as a social being. A significant amount of work on this issue allows us to distinguish three do-

mestic paradigms of personality psychology: dialectical-materialistic, system-integrated, and cultural-historical. The author offers the structure and dynamics of personality, consisting of three main blocks. First: goal-setting, level of aspirations, motivation, emotion, will. The second block: personality traits, character, temperament, physiological basis of temperament. The third block: competence, ability, intelligence, creativity, makings.

Keywords: personality, psychology, content, structure, concepts, conceptual models, convergence.

Раздел IV

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Специфика интеллектуального развития в младшем школьном и младшем подростковом возрасте

Е. Г. Будрина

Институт психологии РАН, Москва
bydrina@yandex.ru

Исследование направлено на анализ интеллектуального развития младших школьников и младших подростков и выявление структуры интеллекта в данных возрастах. Для оценки особенностей интеллекта использовался тест Векслера (WISC) детский вариант полная версия. Сравнительный анализ показал рост интеллектуального развития от младшего школьного к младшему подростковому возрасту, причем в большей степени вербального понимания, оперативной памяти и концентрации внимания. Факторный анализ показал, что структура интеллекта младших школьников в целом соответствует традиционной структуре интеллекта взрослых. В структуре интеллекта младших подростков появляется интеграционный момент: фактор «Вербальное понимание» объединяется с «Оперативной памятью», а фактор «Пространственная организация» объединяется с «Концентрацией внимания».

Ключевые слова: интеллектуальное развитие, структура интеллекта, младший школьный возраст, младший подростковый возраст.

Культурно-исторические изменения, которые в последние десятилетия происходят в нашем обществе и в мире, неизбежно отражаются на психологическом содержании возрастных периодов. Чем значительнее общественные перемены, тем в большей степени проявляются отличия между возрастами и внутри каждого возраста. Все чаще поднимается вопрос о развитии личности в современном обществе через изменения в системе образования на всех его уровнях.

При исследовании развития личности для психологии исходным является положение о том, что личность развивается через включение

ние в системы общественных отношений. Так называемые средовые факторы, детерминирующие социально-психологическое развитие личности, начинают все более системно осмысливаться. Дифференцируются различные социальные общности, которые неоднозначным путем опосредствуют влияние на личность господствующих в обществе форм общественного сознания и поведения (Анцыферова, 1981).

Одним из условий системных исследований интеллекта является рассмотрение механизмов его развития, в том числе выявление внутренней логики становления интеллекта в онтогенезе, его возрастных и индивидуальных особенностей (Холодная, 2019). Возрастной подход позволяет выявить многообразные генетические взаимосвязи в структуре интеллекта. На каждом возрастном этапе у ребенка формируются новые предпосылки дальнейшего развития, которые необходимо учитывать при организации обучения и воспитания.

Одной из ведущих причин интеллектуальных перегрузок современных учащихся является несоответствие требований школьной программы возрастным и индивидуальным особенностям когнитивного развития детей (Гельфман, Холодная, 2018).

Особый интерес в плане анализа динамики интеллектуального развития в школьном периоде представляет подростковый возраст. В этот возрастной период складывается особая ситуация развития: происходит половое созревание, которое в некоторой степени может тормозить интеллектуальное развитие, и одновременно формируется теоретическое (формальное, понятийное) мышление, обеспечивающее качественное повышение интеллектуальных ресурсов подростка.

В нашем исследовании интеллектуальное развитие в подростковом возрасте было рассмотрено с 5 по 9 класс ($n=566$) в единстве конвергентных, дивергентных и стилевых свойств интеллекта. С помощью метода поперечных срезов экспериментально продемонстрировано, что динамика интеллектуального развития в подростковом возрасте имеет нелинейный характер и представляет собой последовательность прогрессивных, стагнационных, регрессивных и скачкообразных изменений. Показано, что динамика интеллектуального развития в подростковом возрасте может иметь преимущественно прогрессивный характер при условии адекватных образовательных условий (т. е. в условиях обогащающей модели обучения, направленной на формирование основных компонентов ментального опыта учащихся как основы их интеллектуального воспитания); если обра-

зовательная среда не учитывает потенциальных возможностей учащихся, то наблюдается стагнационная либо регрессивная динамика интеллектуального развития (Будрина, 2009).

Относительно исследований интеллектуального развития в подростковом возрасте следует упомянуть работы О. С. Чаликовой (Чаликова, 2005), Л. А. Ясюковой (Ясюкова, 2005), Н. П. Локаловой (Локалова, 2013).

Данные, полученные Н. П. Локаловой при исследовании большой группы учащихся, начиная с 1-го по 10-й классы, позволяют сделать вывод, что познавательное развитие школьников не только повышает уровень их интеллектуального развития, но и закономерно вызывает положительные изменения личностных характеристик (формирование учебно-познавательной мотивации, снижение уровня школьной тревожности и агрессивных проявлений, улучшение межличностных отношений).

Работы О. В. Чаликовой и Л. А. Ясюковой проведены с помощью *лонгитюдных* и *поперечных срезов*. Исследование Л. А. Ясюковой основано на эмпирических, лонгитюдных и срезовых исследованиях, проводимых автором в течение 15 лет более чем в 30 школах Санкт-Петербурга. В этих исследованиях рассматривалось влияние различных программ и методов обучения на развитие учащихся, изучались возможности оптимизации обучения и развития детей, исходя из их индивидуальных особенностей.

Для нас особый интерес представляет работа О. В. Чаликовой, в которой в качестве основной методики использовался тест Векслера и рассматривается динамика взаимосвязей показателей интеллекта с показателями других тестов интеллекта (ШТУР), успеваемостью и креативностью. В исследовании выявлены особенности динамики интеллекта учащихся подросткового возраста в условиях средней общеобразовательной школы с учетом различий по полу. На длительном возрастном интервале показана смена периодов с преобладанием интеграции или дифференциации интеллекта учащихся.

Несмотря на широкое использование теста Векслера, предполагающей индивидуальную процедуру диагностики, данных о систематическом изучении различных аспектов интеллекта по данной методике на всем протяжении школьного обучения, явно недостаточно. В связи с этим представляется достаточно перспективным изучение возрастных особенностей развития современного ребенка на всех этапах школьного обучения, начиная с младшего школьного возраста.

Тест Векслера

Предназначен для оценки интеллектуального развития детей в возрасте от 5 до 16 лет. Тест состоит из 12 субтестов (1–6 субтесты относятся к вербальной шкале, а 7–12 субтесты к невербальной шкале).

Ответы испытуемого на задания субтестов численно оцениваются в соответствии с содержательными критериями для вербальных субтестов; с содержательными и скоростными критериями – для невербальных субтестов.

Описание выборки испытуемых

Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ № 31 г. Мытищи. Общая выборка на момент проведения первого измерения (младший школьный возраст, 1-й класс) составила 140 учащихся, из них 75 мальчиков и 65 девочек. На момент проведения второго измерения (младший подростковый возраст, 5-й класс) – 126 учащихся, из них 68 мальчиков и 58 девочек. В данной работе рассматриваются результаты, полученные на 126 учащихся в первом и втором измерениях. Средний возраст испытуемых на момент проведения теста Векслера в младшем школьном возрасте составил 7 лет 8 мес., в младшем подростковом возрасте составил 11 лет 10 мес.

Результаты исследования и обсуждение

Сравнительный анализ показателей интеллекта в младшем школьном и младшем подростковом возрастах

Наибольшее значения показателя в тесте Векслера имеет субтест «Понятливость», по которому младшие школьники набрали в среднем 15 шкальных оценок из 20 возможных. Также успешно младшие школьники справились с заданиями следующих субтестов: «Осведомленность», «Сходство», «Недостающие детали», «Последовательные картинки», «Кубики Коса», «Шифровка», «Лабиринты», набрав по каждому из них от 11 до 13 шкальных оценок из 20 возможных.

Трудности в выполнении у младших школьников вызвали такие субтесты, как «Арифметический», «Словарный», «Повтор цифр», по которым они набрали в среднем от 8 до 10 шкальных оценок. Хуже всего младшие школьники справились с субтестом «Складывание фигур», набрав в среднем 6 шкальных оценок.

Если сравнивать полученные данные с результатами других авторов (А. Ю. Панасюк, Г. Б. Шаумаров и др.), то мы получили в це-

лом сходную картину. А именно, для младших школьников наиболее трудными из субтестов вербальной шкалы оказался субтест «Словарный», а из субтестов невербальной шкалы — «Складывание фигур». Так же получены сходные результаты по субтестам невербальной шкалы, наиболее легкими, имеющими максимальные оценки, оказались задания субтестов «Недостающие детали» и «Кубики Коса».

Значение показателя «Общего интеллекта», который является сложно интегрированным качеством психики, обеспечивающим успешность поведения в различных ситуациях и эффективность различных видов деятельности, составило 111 баллов, что соответствует хорошему уровню интеллектуального развития (110–119 баллов).

В младшем подростковом возрасте наблюдается картина, схожая с младшим школьным возрастом.

Наибольшее значение показателя в тесте Векслера все так же имеет субтест «Понятливость», по которому младшие подростки набрали в среднем 18 шкальных оценок из 20 возможных. Также успешно младшие подростки справились с заданиями субтестов «Осведомленность», «Сходство», «Кубики Коса», «Шифровка», набрав по 12 и 13 шкальных оценок из 20 возможных.

По субтестам «Арифметический», «Словарный», «Недостающие детали», «Последовательные картинки», «Складывание фигур», «Лабиринты» ученики 5-х классов в среднем набрали 10–11 шкальных оценок из 20 возможных.

Трудности в выполнении у младших подростков вызвал субтест «Повторение цифр» — в среднем 9 шкальных оценок из 20 возможных.

Значения показателя «Общего интеллекта», который является сложно интегрированным качеством психики, обеспечивающим успешность поведения в различных ситуациях и эффективность различных видов деятельности, у младших подростков (118), как и у младших школьников (111), находится в рамках 110–119, что соответствует хорошему уровню интеллектуального развития.

Для решения задачи изучения изменений/динамики интеллектуального развития от младшего школьного к младшему подростковому возрасту нами был применен Т-критерий Стьюдента.

При сравнении результатов младших школьников и младших подростков наблюдаются достоверно значимые различия по следующим вербальным субтестам: «Понятливость» (–12,608***), «Арифметический» (–4,183***), «Сходство» (–3,692***), «Словарный» (–13,212***); по невербальным субтестам: «Складывание фигур» (–13,708***), «Шифровка» (–4,875***). Показатели перечисленных субтестов выше у младших подростков.

Также выявлены достоверные различия по следующим невербальным субтестам: «Недостающие детали» (7,539***), «Последовательные картинки» (3,555***), «Лабиринты» (4,447***). Показатели этих субтестов в младшем подростковом возрасте достоверно ниже, чем в младшем школьном возрасте.

Не выявлены достоверно значимые различия по следующим субтестам: «Осведомленность», «Повторение цифр», «Кубики Коса», а также по фактору «Пространственная организация».

Показатели факторов интеллекта «Вербальное понимание» (−11,821***) и «Оперативная память/Концентрация внимания» (−4,313***) и показатель «Общего интеллекта» (−9,983***) достоверно выше у младших подростков.

В целом, на данной выборке отчетливо наблюдается рост интеллектуального развития к младшему подростковому возрасту, причем в большей степени вербальной его составляющей.

Факторный анализ показателей интеллекта в младшем школьном и младшем подростковом возрастах

Для решения задачи рассмотрения структуры интеллекта у младших школьников и младших подростков нами был проведен факторный анализ показателей субтестов шкалы Векслера.

Как правило, факторные аналитические исследования интеллекта с использованием теста Векслера приводят к выделению трех факторов: «Вербальное понимание», «Пространственная организация» и «Оперативная память/Внимание». Фактор «Вербальное понимание» является индикатором кристаллизованного интеллекта (gC). Он включает такие показатели теста Векслера как «Осведомленность», «Понимание», «Сходство» и «Словарный». Фактор «Пространственная организация» рассматривается как мера флюидного интеллекта (gF). Он состоит из субтестов «Кубики Косса», «Складывание фигур», «Последовательные картинки» и «Лабиринты». Фактор «Оперативная память/Внимание» оценивается как мера рабочей памяти (gW). Он включает показатели субтестов «Арифметический», «Недостающие детали» и «Шифровка».

«Последовательные картинки» некоторые авторы рассматривают как показатель социального интеллекта. По данной причине этот показатель не учитывался нами при проведении факторного анализа (Холодная, 2012).

В общей выборке младших школьников при проведении факторного анализа методом главных компонент, вращения Varimax с нор-

мализацией Кайзера (вращение сошлось за 6 итераций), выделились три фактора, объясняющих 56% общей дисперсии.

У младших школьников в первый фактор *«Вербальное понимание»* (объясняющий 22% дисперсии) кроме субтестов *«Осведомленность»*, *«Понятливость»*, *«Сходство»*, *«Словарный»* также вошел субтест *«Шифровка»*, характеризующий внимание. Можно говорить о сформированности второго фактора *«Пространственная организация»* (21% дисперсии), в который вошли субтесты *«Кубики Косса»*, *«Складывание фигур»*, *«Последовательные картинки»* и *«Лабиринты»*. Третий фактор *«Оперативная память/Концентрация внимания»* описывает 12% дисперсии. Его составили субтесты *«Арифметический»* и *«Повторение цифр»*, характеризующие оперативную память.

Таким образом, структура интеллекта младших школьников в целом соответствует традиционной структуре интеллекта взрослых.

В общей выборке младших подростков при проведении факторного анализа методом главных компонент, вращения Varimax с нормализацией Кайзера (вращение сошлось за 6 итераций), выделились три фактора, объясняющих 54% общей дисперсии.

У младших подростков в первый фактор *«Вербальное понимание»* (объясняющий 24% дисперсии) кроме субтестов *«Осведомленность»*, *«Понятливость»*, *«Сходство»*, *«Словарный»* также вошли субтесты *«Арифметический»* и *«Повторение цифр»*, характеризующие оперативную память. Во второй фактор *«Пространственная организация»* (объясняющий 16% дисперсии) кроме субтестов *«Кубики Косса»*, *«Складывание фигур»*, *«Лабиринты»* вошел субтест *«Шифровка»*. В третий фактор *«Оперативная память/Концентрация внимания»* (объясняющий 14% дисперсии), вошел субтест *«Недостающие детали»*.

Таким образом, можно говорить, что в структуре интеллекта младших подростков появляется интеграционный момент: фактор *«Вербальное понимание»* объединяется с *«Оперативной памятью»*; фактор *«Пространственная организация»* объединяется с *«Концентрацией внимания»*.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Сравнительный анализ интеллектуального развития младших школьников и младших подростков показал, что отчетливо наблюдается рост интеллектуального развития по фактору *«Вербальное понимание»*, который является индикатором кристаллизованного интеллекта, и по фактору *«Оперативная память/Концентрация внимания»*, который оценивает меру рабочей памяти. Фактор *«Пространственная организация»*, который рас-

сма­три­ва­ет­ся как мера флюидного интел­лек­та, оста­ет­ся без из­ме­не­ний.

2. Значения показателя «*Общего интеллекта*», который является сложно интегрированным качеством психики, обеспечивающим успешность поведения в различных ситуациях и эффективность различных видов деятельности, у младших подростков достоверно выше, чем у младших школьников.
3. При проведении факторного анализа в младшем школьном и младшем подростковом возрастах было получено три фактора, объясняющих 56 и 54% дисперсии соответственно.
4. Структура интеллекта младших школьников в целом соответствует традиционной структуре интеллекта взрослых, только один субтест «*Шифровка*», характеризующий внимание, вошел в фактор «*Вербальное понимание*».
5. В структуре интеллекта младших подростков появляется интегративный момент: фактор «*Вербальное понимание*» объединяется с «*Оперативной памятью*», а фактор «*Пространственная организация*» объединяется с «*Концентрацией внимания*».

Литература

- Анциферова Л. И.* Психология формирования и развития личности: Сборник статей / АН СССР, Институт психологии. М.: Наука, 1981.
- Будрина Е. Г.* Динамика интеллектуального развития подростков в условиях разных моделей обучения // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 33–46.
- Гельфман Э. Г., Холодная М. А.* Психодидактика школьного учебника. М.: Юрайт, 2018.
- Локалова Н. П.* Познавательное и личностное развитие учащихся в системе современного школьного образования. М.: Педагогическое общество России, 2013.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М.: Юрайт, 2019.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Чаликова О. С.* Динамика интеллекта учащихся подросткового возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Ясюкова Л. А.* Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: ГП «Иматон», 2005.

The specifics of intellectual development in primary school and junior adolescence

E. G. Budrina

Institute of Psychology RAS, Moscow

The research is aimed at analyzing the intellectual development of younger students and younger adolescents and identifying the structure of intelligence in these ages. Wexler test (WISC) children's full version was used to assess the characteristics of intelligence. Comparative analysis showed the growth of intellectual development from primary school to younger adolescence, with a greater degree of verbal understanding, operational memory and concentration of attention. Factor analysis showed that the structure of the intellect of younger schoolchildren as a whole corresponds to the traditional structure of the intellect of adults. In the structure of the intellect of younger adolescents, an integration moment appears: the factor "Verbal Understanding" is combined with the "Operational Memory", and the factor "Spatial Organization" is combined with the "Attention Concentration".

Keywords: intellectual development, structure of intelligence, younger school age, younger adolescence.

Контроль поведения у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья и с типичным развитием

Г. А. Виленская

Институт психологии РАН, Москва
vga2001@mail.ru

Статья посвящена сравнительному изучению контроля поведения и интеллекта детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (N=25) и типично развивающихся (ТР) детей (N=38). Гипотеза о своеобразии развития контроля поведения у детей с ОВЗ (задержка психического развития) подтвердилась. Дети с ОВЗ не только имели более низкий уровень развития всех компонентов контроля поведения (когнитивный контроль, эмоциональный контроль, контроль действий), но и характеризовались иными связями контроля поведения с интеллектом по сравнению с ТР детьми. Интеллект у этих групп детей предположительно выполняет ресурсную роль для различных аспектов когнитивного контроля и для разных компонентов контроля поведения: для эмоционального контроля у детей с ОВЗ, и для контроля действий ТР детей. Также обнаружен различный характер связей внутри контроля поведения – меньшая интегрированность у детей с ОВЗ, показатели внимания как центр взаимосвязей и большая связность у ТР детей, организация контроля поведения вокруг показателей контроля действий и когнитивного контроля (планирования).

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, контроль поведения, вербальный интеллект, невербальный интеллект, когнитивный контроль, эмоциональный контроль, контроль действий.

Мысль о важности изучения индивидуальности, об активности человека в построении своей жизни, необходимости изучать преломление внешних факторов развития через внутренний мир

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-02155 офи_м.

конкретного человека существовала в отечественной психологии достаточно давно. Л. И. Анцыферова в своем динамическом подходе к исследованию личности, где личность рассматривается как саморазвивающаяся система, субъект, творец своей жизни и развития, сформулировала основные принципы изучения человека весьма полно. Л. И. Анцыферова утверждает необходимость исследовать не только факторы и условия, определяющие развитие личности, но и выявлять специфику их воздействия на личность. При этом центральное место в изучении личности должно занимать раскрытие того, «как сама личность активно преломляет через свой внутренний мир эту системную детерминацию» (Анцыферова, 1989).

Обосновывая идею развития личности как субъекта, она трактовала субъекта как творца и инициатора собственных действий, что приводило к активности личности во всем спектре ее многогранных взаимодействий с миром.

Идея активности человека, его субъектности как способности совершать активный выбор, обусловленный его индивидуальностью, получила развитие в системно-субъектном подходе (Сергиенко, 2011). Хотя в этом подходе соотношение субъекта и личности понимается несколько по-иному, чем у Л. И. Анцыферовой, однако развитие обеих этих составляющих человеческой психики происходит с самого раннего возраста и неразрывно взаимосвязано. Особенный интерес для нас представляет регулятивная функция субъекта, или контроль поведения. Контроль поведения, являясь психологическим уровнем регуляции поведения, может рассматриваться как ресурс для совладания с трудной ситуацией. Он сам, в свою очередь, имеет ресурсную основу, опираясь на интеллектуальные, эмоциональные и волевые способности субъекта, которые образуют индивидуальный паттерн саморегуляции (Сергиенко, Виленская, 2018).

Отмечая роль когнитивного оценивания трудной ситуации в выборе адекватной стратегии ее преодоления, Л. И. Анцыферова (Анцыферова, 1994) писала, что нахождение и реализация адекватной стратегии преодоления трудной ситуации зависит от умения человека регулировать свои негативные чувства и аффекты.

Одним из сложных, переломных моментов становится поступление ребенка в школу. В этот период возникают трудности у многих детей, а для детей с ограниченными возможностями здоровья он может быть особенно сложен, так как когнитивные, личностные, эмоциональные, социальные, наконец, физические особенности развития такого ребенка могут существенно затруднить его адаптацию к новым условиям, вхождение в школьную жизнь.

Роль саморегуляции в готовности к школе и академической успешности подтверждается многочисленными исследованиями (напр.: Гуткина, 2000; Purpura, Schmitt, Ganley, 2017; Tormanen, Roebbers, 2017).

Поэтому мы предприняли сравнительное исследование контроля поведения и интеллекта, как одного из существенных условий его развития, у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и типично развивающихся (ТР) детей в начале их школьного обучения.

Данная работа является частью исследования психологического здоровья детей с ОВЗ в условиях адаптации к школьному обучению, проводящегося совместно с Е. И. Лебедевой.

Выборка

Были собраны и проанализированы данные по 38 детям с типичным развитием ($M_e=94$ мес., 78–106 мес., 25 мальчиков) и 25 детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) ($M_e=105$ мес., 91–134 мес., 17 мальчиков) в период адаптации к школьному обучению. Группа детей с ОВЗ состояла в основном из учеников 1–2-го года обучения в школе (1-й класс, 1-й дополнительный класс, 2-й класс), обучающихся по программам для детей с задержкой психического развития и нарушениями речи.

Методы

Для оценки уровня интеллектуального развития как необходимого условия изучения модели психического мы использовали тест «Цветные прогрессивные матрицы Равена». Результаты показали, что группы детей не отличались по общему показателю теста ($U=369,5$, $p=0,138$).

Дополнительно для исследования интеллектуального развития в группе детей с ОВЗ применялся тест интеллекта Д. Векслера (детский вариант). Были использованы восемь субтестов, по четыре в вербальной и невербальной серии теста, позволяющие вычислить, кроме показателей развития отдельных интеллектуальных способностей, коэффициенты вербального, невербального и общего интеллекта.

Методы исследования контроля поведения: использовалась методика совмещения признаков Когана (показатели времени выполнения и количество ошибок в каждой из 4 серий) и «Ханойская башня»

(время выполнения и количество ходов). Для оценки эмоционального контроля использовался «Тест детской тревожности» Теммл–Дорки–Амен и «Азбука настроения» Н. Л. Белопольской (распознавание эмоций и классификация эмоций); контроль действий оценивался при помощи ряда нейропсихологических проб (реципрокные движения, повторение ритма, «кулак–ребро–ладонь»).

Обработка результатов исследования проводилась при помощи статистического пакета SPSS 19. Для оценки значимости различий применялись непараметрические критерии: критерий Манна–Уитни. Для анализа связей между показателями контроля поведения и интеллектуального развития использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты

При сравнении показателей контроля поведения обнаружилось, что по критерию Манна–Уитни ошибок во всех сериях задачи на совмещение признаков значимо больше делают дети с ОВЗ (серия 1, $U=669,5$, $p=0,001$; серия 2, $U=679,0$, $p=0,001$; серия 3, $U=760,0$, $p=0,001$; серия 4, $U=741,0$, $p=0,001$). Различия по времени выполнения во всех сериях не достигают уровня значимости, хотя у детей с ОВЗ среднее время выполнения каждой серии превышает среднее время ТР детей.

В задаче «Ханойская башня», оценивающей способность к планированию своих действий, между детьми не обнаружено значимых различий, хотя дети с ОВЗ тратят на ее решение чуть меньше времени и делают чуть больше ходов.

Также дети с ОВЗ по сравнению с ТР детьми имеют значимо более высокую тревожность ($U=652,5$, $p=0,008$) при отсутствии различий в распознавании и классификации эмоций по выражению лица.

Дети с ОВЗ чаще ошибаются в задаче Да – Нет ($U=711,0$, $p=0,001$), выполнение нейропсихологических проб у них и ТР детей находится примерно на одном уровне. Других значимых различий между детьми с типичным развитием и с ОВЗ не наблюдается.

Связи интеллекта с контролем поведения различались у детей с ОВЗ и ТР детей. Для оценки невербального интеллекта и у детей с ОВЗ и у ТР детей были использованы Матрицы Равена.

У ТР детей невербальный интеллект связан с когнитивным контролем и контролем действий. Дети с более высоким невербальным интеллектом быстрее решают задачу на планирование (корреляция между результатами в серии А Равена и временем решения «Ханой-

ской башни» – $r=-0,405$, $p=0,01$), меньше ошибаются при сортировке по двум признакам (корреляция между результатами серии 4 в задаче Когана и серии В Равена – $r=-0,354$, $p=0,02$, а также серии 4 в задаче Когана и общего индекса Равена ($r=-0,338$, $p=0,03$), лучше выполняют нейropsychологические пробы (корреляция с результатами серии АВ – $r=0,359$, $p=0,02$).

У детей с ОВЗ показатели невербального интеллекта, оцененные при помощи теста Равена, также связаны с когнитивным контролем, но с показателями не планирования, а внимания, а именно, с количеством ошибок в сериях 3 и 4 задачи Когана. Результаты в серии АВ связаны с количеством ошибок в 4 серии задачи Когана ($r=-0,453$ $p=0,030$), результаты в серии В связаны с количеством ошибок не только в серии 4, но и в серии 3 ($r=-0,536$, $p=0,008$ и $r=-0,436$, $p=0,037$), общий показатель также связан с количеством ошибок в 4 серии задачи Когана ($r=-0,511$, $p=0,013$). Это связано в большей мере с возможностью к переключению и распределению внимания.

В отличие от ТР детей у детей с ОВЗ невербальный интеллект (серия А матриц Равена) связан не с контролем действий, а с эмоциональным контролем. – с ошибками при классификации эмоций ($r=-0,476$, $p=0,022$) и с тревожностью ($r=-0,414$, $p=0,050$).

Обсуждение результатов

Таким образом, с одной стороны, между детьми с ОВЗ и ТР детьми наблюдаются различия во всех компонентах контроля поведения, с другой стороны – эти различия не так велики.

В задачах на когнитивный контроль дети с ОВЗ значительно чаще ошибаются при выполнении заданий на концентрацию, переключение и распределение внимания, при этом чем сложнее задание, тем больше ошибок они допускают. Эта тенденция значительно слабее выражена у ТР детей. То есть для детей с ОВЗ эти задания оказываются значительно более сложными, чем для ТР детей. Планирование, если судить по результатам задачи «Ханойская башня», у этих групп детей развито примерно на одном уровне, однако большее количество ходов за меньшее время у детей с ОВЗ может свидетельствовать о большей импульсивности, хаотичности в решении этой задачи по сравнению с ТР детьми.

В заданиях на эмоциональный контроль дети с ОВЗ и ТР дети не различаются в распознавании и классификации эмоций (нужно отметить, что словарь для называния эмоций у детей обеих групп довольно беден и, как правило, сводится к обозначениям «хорошее/

плохое настроение», или к называнию действий персонажа: «кричит», «улыбается», «плачет»). Дети с ОВЗ значимо более тревожны, это в большей мере касается взаимодействия с детьми (сверстниками и младшими) и рутинных повседневных ситуаций (умывание, одевание, укладывание спать). Возможно, дети с ОВЗ ощущают свою недостаточную компетентность в этих ситуациях, что и проявляется в повышенной тревожности.

В области контроля действий значимые различия по задаче «Да – Нет» свидетельствуют о недостаточном контроле импульсивности у детей с ОВЗ (согласуясь с тенденциями, проявляющимися при решении «Ханойской башни»), а также, возможно, об их недостаточной когнитивной гибкости. В этой задаче, помимо соблюдения правила «да и нет не говорите» при ответах на вопросы, провоцирующие на подобные ответы, требуется еще и придумать другой по форме ответ, что вызывает значительные затруднения у детей с ОВЗ. Типично развивающиеся дети легче справляются с поиском иной формы ответа.

За выполнение нейропсихологических проб дети обеих групп получили средние оценки. Однако это согласуется с литературными данными, так, было показано, что, например, пробу на реципрокную координацию движений со сбоями выполняют в среднем 52% первоклассников, в пробе на серийную организацию движений («кулак–ребро–ладонь») не усваивают с первого раза двигательную программу 25–35% первоклассников, допускают ошибки более 80% детей (Полонская, 2007).

Таким образом, можно констатировать, что невербальный интеллект обеспечивает различные аспекты когнитивного контроля у детей с ОВЗ и ТР детей (у первых в большей степени внимание, у вторых – в большей степени планирование). Также можно предположить, что невербальный интеллект у детей с ОВЗ и ТР детей является ресурсом для различных компонентов контроля поведения. Необходимо отметить, что ошибки при классификации эмоций в группе детей с ОВЗ связаны также и с другим показателем невербального интеллекта – невербальным IQ по тесту Векслера ($r = -0,408$ $p = 0,053$). Возможно, однако, дело в том, что при диагностике и тревожности, и понимания эмоций использовались рисунки в качестве стимульного материала, и детям с ОВЗ, в отличие от ТР детей, необходимо дополнительное интеллектуальное усилие для анализа изображения, распознавания его смысла и дальнейшего оперирования им.

Помимо описанных связей, в группе детей с ОВЗ были обнаружены взаимосвязи между количеством ошибок в 1 серии задачи

Когана (простой пересчет карточек) и результатом субтеста теста Векслера «Последовательные картинки» ($r=0,434$, $p=0,03$), что может отражать развитие общей способности детей к выстраиванию закономерной последовательности. Также наблюдалась отрицательная взаимосвязь между выполнением нейропсихологических проб и результатами субтеста «Сходство» ($r=-0,671$, $p=0,001$), что может быть связано с необходимостью пользоваться различными стратегиями при выполнении этих заданий: аналитической в случае нейропсихологических проб (расчленение показанных движений на составляющие для последующего воспроизведения) и синтетической в случае субтеста «Сходство» (где требуется найти общее между двумя объектами или понятиями). Видимо, дети с ОВЗ на данном этапе развития успешны либо в одной, либо в другой стратегии и редко владеют обеими одновременно.

При анализе взаимосвязей различных показателей контроля поведения между собой было обнаружено, что у детей с ОВЗ контроль поведения значительно менее интегрирован, т. е. между его компонентами меньше связей по сравнению с ТР детьми. Большая часть связей при этом приходится на показатели выполнения серии 2 задачи Когана, т. е. классификации по цвету. Таким образом, контроль поведения у этих детей организован вокруг достаточно простой по структуре способности к классификации с одновременным выполнением отвлекающего задания (пересчет карточек). Тогда, поскольку для детей с ОВЗ центральной способностью в контроле поведения оказывается внимание, именно оно может оказаться ключевым для школьной адаптации.

У ТР детей, напротив, наблюдается интеграция всех компонентов контроля поведения, хотя и в разной степени. Наиболее заметными «центрами притяжения» у них становятся, в отличие от детей с ОВЗ, как раз контроль действий и более высокоуровневый когнитивный контроль: планирование (Ханойская башня) и переключение и распределение внимания (серии 3 и 4 в задаче Когана). Это может обеспечить им более успешную и гибкую адаптацию к школе, поскольку ключевых способностей в контроле поведения у них несколько, и они обеспечивают более разнообразное и более адаптивное поведение.

Таким образом, регуляция поведения у детей с ОВЗ (задержкой психического развития) организована иначе, чем у типично развивающихся детей, что ведет к необходимости выработать особые стратегии как для коррекции, так и для взаимодействия с ними в учебном процессе.

Литература

- Анциферова Л. И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 426–433.
- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: Переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
- Гуткина Н. И.* Психологическая готовность к школе. М.: Академический проект, 2000.
- Полонская Н. Н.* Нейропсихологическая диагностика детей младшего школьного возраста. М.: Академия, 2007.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А.* Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 343–378.
- Purpura D. J., Schmitt S. A., Ganley C. M.* Foundations of mathematics and literacy: The role of executive functioning components // Journal of Experimental Child Psychology. 2017. № 153. P. 15–34.
- Tormanen M. R. K., Roebbers C. M.* Developmental outcomes of children in classes for special educational needs: results from a longitudinal study // Journal of Research in Special Educational Needs. 2017. V. 18 (2). P. 83–93.

Control of behavior in younger students with restricted health and with typical development

G. A. Vilenskaya

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article is devoted to a comparison of behavioral control and intelligence of children with disabilities (HIA) (N=25) and typically developing (TD) children (N=38). The hypothesis about the uniqueness of the development of behavior control in children with disabilities (mental retardation) was confirmed. Children with disabilities not only had a lower level of development of all components of behavioral control (cognitive control, emotional control, control of actions), but were also characterized by different connections between behavioral control and intelligence compared to TD children. The intelligence of these groups of children presumably plays a resource role for various aspects of cognitive control, and for different components of behavior

control: for emotional control in children with disabilities, and for control the actions in TD children. Also, a different nature of relationships within behavioral control was found – less integration in children with disabilities, attention indicators as a center of interconnections and greater coherence in TDs of children, organization of behavior control around indicators of action control and cognitive control (planning).

Keywords: children with disabilities, behavioral control, verbal intelligence, nonverbal intelligence, cognitive control, emotional control, control of actions.

Психология мудрости и образование: теоретические и практические аспекты

С. А. Гильманов

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск
gilmanovsal109@gmail.com

В статье производится анализ подходов к мудрости и к ее развитию в отечественной и зарубежной психолого-педагогической науке. Выявляется, насколько в теории и практике развиваются направления в исследованиях мудрости, указанные Л. И. Анцыферовой как перспективные. Выделяются обстоятельства, которые нужно учитывать в исследованиях и практических действиях при обращении к мудрости: мудрость — не только личностный, но и социокультурный феномен; этот феномен проявляется только в определенной системе отношений и установок, связанных с активным поиском мудрости; мудрость — качество, которое субъективно присваивается людям, группам, поступкам, оценкам и пр., а значит, несет в себе опасность формализма, фальши оценок и отношений. Определяются возможности обращения к мудрости в российской системе образования.

Ключевые слова: мудрость, образование к мудрости, формы проявления мудрости.

Введение

Л. И. Анцыферова одной из первых в отечественной психологии обратилась к изучению такого важного личностного качества, как мудрость. Она, проанализировав взгляды зарубежных психологов, указала на недостаточность предложенных ими критериев мудрости (знание жизненных вопросов, контекстуализм, релятивизм, неопределенность и др.) и выдвинула ряд конструктивных положений о природе мудрости и перспективах ее изучения: «Мудрость многоформна и многокачественна. Она не сводится к экспертному знанию жизни, хотя необходимо включает его. Ее можно предварительно определить как растущее вершинное образование личности. Предстоит

изучить связанные с мудростью формы «помогающего поведения». Не лишена оснований и гипотеза о том, что могут быть выделены разные типы мудрости» (Анцыферова, 2005, с. 13). Л. И. Анцыферова указывает на то, что феномен мудрости не сводится к интегрированному жизненному опыту личности: «Включая экспертное знание, мудрость содержит дар предчувствия, предугадывания, чувствительность к близости неожиданного» (Анцыферова, 2004, с. 22), что необходимо исследовательский подход к мудрости как процессу.

По нашему мнению, одним из важных направлений исследований мудрости может быть ориентация на ее развитие в образовании — как в школьном, так и в профессиональном и высшем. Школа, университет, как выразился В. А. Садовничий, «канал распространения мудрости» (Садовничий, 2006, с. 14). Обращение к мудрости как ориентиру образования сегодня весьма актуально: в условиях умаления духовности, преобладания ценностей консьюмеризма, динамически меняющихся социальных контекстов, изменения способов коммуникации и выполнения деятельности, требуется обращение к развитию тех личностных качеств, которые необходимы для осмысленного и плодотворного бытия человека, а квинтэссенцией этих качеств и является мудрость. И здесь положения, предложенные Л. И. Анцыферовой, — о мудрости как растущем вершинном образовании личности, о том, что она содержит дар предчувствия, предугадывания, чувствительность к близости неожиданного; о необходимости изучения помогающего мудрости поведения, о разных типах мудрости — могли бы стать достаточно продуктивными ориентирами теоретических и практикоориентированных исследований и разработок.

Цель данной статьи — на основе анализа подходов к мудрости и к ее развитию в отечественной и зарубежной психолого-педагогической науке выявить, насколько развиваются направления исследований, указанные Анцыферовой как перспективные, определить обстоятельства, которые нужно учитывать в исследовании и развитии мудрости, возможности обращения к ней в российской системе образования.

Обращение к мудрости в отечественной и зарубежной психологии и педагогике

В целом в отечественной психолого-педагогической литературе основными направлениями изучения мудрости являются поиски сущностных качеств мудрости, определение ее структурных ком-

понентов и места в общей структуре личности, способы психодиагностики мудрости. Так, Д.А. Леонтьев отмечает, что «мудрость – это не столько состояние, сколько траектория развития, путь. Не существует мудрости как некоего состояния, факта. Она существует всегда как некая возможность, как вектор, как движение». Для развития мудрости необходим баланс «между мировоззрениями и убеждениями с одной стороны, и опыта – с другой, интересом к себе и с другим, истиной и отношениями» (Леонтьев, 2011, с. 34). В.В. Нуркова и А.Р. Алюшева, считая, что мудрость представляет собой высшую психическую функцию «второго порядка», предлагают в качестве единицы анализа мудрости «действенный совет для нахождения выхода из субъективно безвыходной ситуации». Также они полагают, что развитие мудрости проходит ряд последовательных стадий: сначала формируется способность принятия мудрого совета от авторитетного источника; затем человек начинает справляться с задачей конструирования мудрого решения по запросу другого; и наконец, функция мудрости обращается на самого субъекта (Нуркова, Алюшева, 2010, с. 288). Разрабатываются психодиагностические подходы к мудрости. Известна опросная методика измерения уровня мудрости Н.Н. Мехтихановой (Мехтиханова, Зайцева, 2010), ориентированная на выявление когнитивных, личностных и поведенческих качеств мудрого человека, валидизирована русскоязычная версия шкалы мудрости 3D-WS М. Ардельт (см.: С.Э. Дровосеков). Исследований проявлений мудрости и феноменов, ее сопровождающих (предчувствие, предугадывание, чувствительность к близости неожиданного и др.), нет, как нет и ориентации на образовательные практики, на изучение помогающего мудрости поведения. В педагогической же отечественной литературе слово «мудрость» используется скорее как метафора («мудрые заповеди народной педагогики», «мудрость воспитания», «педагогическая мудрость» и т. п.), а не как понятие. Достаточно упомянуть, что библиографические поиски автора данной работы вывели его только на собственную (забытую им самим) статью «Мудрость педагога» (см.: С.А. Гильманов), в которой мудрость педагога рассматривалась с позиций М.А. Холодной (Холодная, 1997) как особая форма интеллектуальной педагогической зрелости, качество его творческой индивидуальности.

За рубежом, напротив, включение мудрости в процесс общего образования и в социальные практики разрабатывается весьма активно. Образовательный аспект явно обозначен в работах исследователей, считающихся сегодня наиболее авторитетными в изучении психологических аспектов мудрости – М. Чиксентмихайи и К. Ратхунде,

П. Балтеса, Р. Стернберга, М. Ардельт и др. Р. Стернберг, Л. Ярвин, А. Резницкая разрабатывают «Преподавание к мудрости» (Teaching for Wisdom), основанное на подходе Стернберга к мудрому мышлению, которое «предполагает способность использовать свой интеллект на службе общему благу, балансируя свои собственные интересы с интересами других людей и более широкого сообщества как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе» (Sternberg, Jarvin, Reznitskaya, 2008, p. 43). Ими разработано 16 принципов (от актуализации понятия о том, что обычных способностей и достижений недостаточно для достойной жизни до стимулирования осознания важности привития себе сил против давления несбалансированных собственных корыстных и групповых интересов) и 6 процедур (от поощрения учащихся к чтению классических произведений литературы и философии до разработки способов, в которых обучаемые играют более активную роль в построении обучения — с их собственной точки зрения и с точки зрения других) «Преподавания к мудрости» (Sternberg, Jarvin, Reznitskaya, 2008).

В последнее время увеличивается число разработок, в которых предлагаемые действия по «вращиванию» мудрости операционализируются до уровня прямого влияния на ее формирование. Так, практико-ориентированной является модель мудрости С. Смит, которая рассматривает мудрость как воплощенный и встроенный (embedded) процесс (Smith, 2018). Норвежский ученый-педагог Г. Хельског в течение двух десятилетий развивает ориентированную на мудрость педагогику, основывающуюся на диалектических взаимодействиях между личной жизнью, философскими концепциями и изучаемым предметом и реализуемую через диалогические отношения (Helskog, 2019). Разрабатывается модель развития мудрости, включающая генетические, экологические и эволюционные аспекты, нацеленная на повышение внимания к пропаганде мудрости в рамках систем образования, начиная с начальной школы и кончая профессиональным образованием (см.: D. V. Jeste, E. Lee). Б. Бруйя и М. Ардельт, предлагают даже общую теорию педагогики мудрости, включающей основные методы воспитания мудрости (подвергание убеждений сомнению; побуждение к формулированию ценностей; стимулирование саморазвития; поощрение саморефлексии; воспитание моральных эмоций), которые опираются на два «фасилитирующих метода»: чтение повествовательных или дидактических текстов и способствование созданию сообщества исследователей (см.: V. Bruya, M. Ardelt).

С 2007 г. в университете Чикаго под руководством Ховарда Нусбаума проводится междисциплинарное исследование мудрости,

включая и образование. Там создан Центр практической мудрости, в котором объединены представители естественных и гуманитарных наук, преподаватели и студенты*.

Можно сделать вывод о том, что в западных странах обращение к мудрости – один из приоритетов развития психологических и образовательных практик. Однако при ближайшем рассмотрении можно выявить и некоторые недостатки: подробность и методическая оснащённость способов воплощения «образования к мудрости», их прагматическая нацеленность, выявляют некоторую неразделенность представлений о мудрости с другими представлениями о «хороших» качествах человека; преобладание представлений о мудрости только как о личностном качестве (без учета социокультурного контекста), о том, что она развивается через стимулирование извне, а не через рост собственных усилий учащихся.

Обстоятельства сложностей и умолчаний обращения к феномену мудрости

Можно, таким образом, констатировать, что в той или иной мере связанные с мудростью формы «помогающего поведения» исследуются. При этом образование к мудрости развивается в странах Запада и в теоретическом, и в практическом аспектах, тогда как в России практики такого образования нет. «Педагогика мудрости» не стоит в повестке дня отечественных педагогов и психологов – и ученых, и практиков.

И в отечественной, и в зарубежной психологии практически отсутствуют исследования разных типов мудрости, нет ответов на сам вопрос: возможно ли выделение таких типов. В проблематику исследований (а значит, и способов диагностики и развития) мудрости не включаются те личностные ее проявления, на которые указывала Л. И. Анцыферова: дар предчувствия, предугадывания, чувствительность к близости неожиданного.

По нашему мнению, и сложности, и умолчания при обращении педагогов и психологов к феномену мудрости обусловлены несколькими обстоятельствами.

Во-первых, мудрость не сводится к личностным характеристикам: это и социокультурный, и личностный феномен, проявляющийся в деяниях, высказываниях (содержащих советы, правила, оценки, формулировки принципов и т. п.), в которых на основе культурного

---

* См.: <http://wisdomresearch.org>.

упорядочения представлений предлагаются способы регулирования личной и социальной жизнедеятельности в виде формул оценок людей и событий, советов по ориентирам организации действий, поступков и т. д. Многогранность феномена обуславливает и многообразие его проявлений, причем для каждого вида деятельности и общественных отношений (педагогика, политика, психологическая практика, юриспруденция и т. п.) любое из таких проявлений имеет определенную специфику, что и обуславливает возможность наличия разных видов мудрости. С социальными практиками связана и способность предчувствия, сопутствующая мудрости: целостный охват происходящего с позиции мультисубъектности пробуждает неосознаваемые эмоциональные отклики на возможные перспективы и опасности действий, а сформированные модели выражения этих переживаний позволяют мудрому человеку являть пример, образец для подражания. Целостность и нахождение одновременно и «над» и «в» ситуационных обстоятельствах позволяет мудрецу прочувствовать будущее, показать обстановку в новом свете, найти емкую вербальную или метафорическую формулу донесения информации, обращаться не просто к конкретному человеку, а ко всем людям.

Во-вторых, это феномен, проявляющийся в определенной системе социальных и личностных отношений, где мудрец — всегда учитель, а ученик — тот человек, который постоянно сверяет свое поведение с мудрыми ценностями; оба они находятся в постоянном взаимном интеллектуальном усилии, чутком ко всем проявлениям мудрости. Это — существенное условие существования самой мудрости, она проявляется только у того, кто переживает «час ученичества», кто ищет мудрости и уважает ее носителя. Мудрость проявляется и приобретает в искренних переживаниях актуальных событий, когда человек способен чувствовать важность происходящего для своей жизни, для жизни человечества. К ищущим мудрости обращены многообразные формы проявления мудрости — и вербальные, и невербальные. Это, например, афоризм — оригинальная законченная мысль, изреченная и записанная в лаконичной запоминающейся текстовой форме и впоследствии в первоначальной вербальной формулировке используемая людьми в социально значимых ситуациях. Мудрость может проявляться и в юморе (не остроумии). Мудрый юмор — это всегда комментирующее высказывание об объектах, процессах, эксцессах, людях (иногда и о самом высказывающем суждения) и пр., имеющее общекультурный контекст, охватывающий и смешные, и печальные (иногда драматические и даже трагические) стороны бытия человека.

Наконец, в-третьих, мудрость – качество, которое субъективно присваивается (людям, группам, поступкам, оценкам и пр.) в определенной актуальной ситуации (чаще всего постфактум). При изменении ситуации то, что считалось мудрым, может явить свои оборотные стороны: радикальность, категоричность, ограниченность и др. Поэтому введение жестких критериев мудрости «на все времена» несет в себе опасность формализма, фальши оценок и отношений. Именно эти обстоятельства важны для определения перспектив ориентации теоретических исканий и образовательных практик на мудрость.

Заключение

Можно констатировать, таким образом, что Л. И. Анцыферова, определяя направления исследования мудрости, достаточно точно указала на необходимость изучения глубинных личностных качеств, связанных с мудростью, однако эта линия познания мудрости не получила продолжения в исследованиях ни отечественных, ни зарубежных психологов. Нет исследований видов мудрости. Поиск же способов пробуждения помогающего мудрости поведения активно осуществляется только в зарубежной психолого-педагогической науке.

Ориентация на мудрость, преодолевая традиционное противопоставление практики и теории, нацеливая человека на универсальные ценности культуры, на построение поведения, гармонизирующего личностные убеждения и социальные отношения, могла бы служить плодотворной основой совершенствования образовательных систем. Но, по нашему мнению, возможности обращения к мудрости в российской системе образования сегодня невелики. Приоритет знаний (или компетенций), организация пути к ним, вытесняют на периферию образовательного процесса путь личностного бытия и развития человека – как учителя, так и ученика, – а значит, и препятствуют включению мудрости в ориентиры развития образования. В центре внимания исследователей и практиков мудрость может оказаться только при общей нацеленности образования не на интеллект, компетенции, ценности, а на судьбу человека и человечества.

Литература

Анцыферова Л. И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвание человека // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 5–14.

- Анциферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Леонтьев Д. А.* Возможность мудрости // Человек. 2011. № 1. С. 20–34.
- Мехтиханова Н. Н., Зайцева М. Ю.* Мудрость как психологический феномен // Ярославский психологический вестник. 2010. Вып. 26. С. 38–42.
- Нуркова В. В., Алюшева А. Р.* Феномен мудрости с позиций культурно-деятельностного подхода // 125 лет Московскому психологическому обществу: Юбилейная конференция. В 3 т. Т. 3. М., 2010. С. 287–288.
- Садовничий В. А.* Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вестник Московского университета. Сер. 7. «Философия». 2006. № 4. С. 3–17.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томского ун-та; М.: Барс, 1997.
- Helskog G. H.* Philosophising the dialogos way towards wisdom in education: between critical thinking and spiritual contemplation. Routledge, 2019.
- Smith S.* Project: Wisdom as embodied and embedded process. 2018. URL: <https://www.researchgate.net/project/Wisdom-as-embodied-and-embedded-process/update/5c6b0acacfe4a781a58113cd> (дата обращения: 28.05.2019).
- Sternberg R. J., Jarvin L., Reznitskaya A.* Teaching for wisdom through history: infusing wise thinking skills in the school curriculum // Teaching for wisdom: cross-cultural perspectives on fostering wisdom / M. Ferrari, G. Potworowski (Eds). Springer science+business media B. V. 2008. P. 137–158.

Psychology of wisdom and education: theoretical and practical aspects

S. A. Gilmanov

Yugra State University, Khanty-Mansiysk

The article analyzes the approaches to wisdom and its development in domestic and foreign psychology and pedagogy. It is revealed to what extent the theoretical and practical directions of study of wisdom indicated by L. I. Antziferova as promising are developing. The author highlights the circumstances that should be taken into account in research and practical actions when referring to wisdom: wisdom is not only a personal but also a socio-cultural phenomenon; this phenomenon is manifested only in a certain system of relations and attitudes related to the active search for wisdom;

wisdom is a quality that is subjectively assigned to people, groups, actions, estimates, etc., and, therefore, carries the danger of formalism, false assessments and relationships. The possibilities of turning to wisdom in the Russian education system are determined.

Keywords: wisdom, education for wisdom, manifestations of wisdom.

Изучение жизненной компетентности личности в контексте принятия и решения возрастных задач

Д. Л. Иванкова

Тульский государственный университет, Тула
lazs@inbox.ru

В статье рассматривается принятие и решение возрастных задач как условие проявления жизненной компетентности личности молодых людей. Жизненная компетентность представляет собой системное свойство личности, интегрирующее автобиографические знания и связанные с ними стратегии решения задач развития, а также стремления и оценки, возникающие в ходе их принятия и решения. Ее психологическое содержание образовано когнитивным, аффективным, мотивационным и поведенческим компонентами. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что проявление жизненной компетентности в период молодости (18–33 года) детерминировано принятием и решением возрастных задач. Обосновано, что проявление когнитивного компонента жизненной компетентности характерно для стадии принятия задачи развития, поведенческого — для стадии поиска решения, выбора и реализации стратегии, совместно они сопровождают стадию оценки и прогноза задачи развития. Мотивационный компонент жизненной компетентности связан с формированием внутренней мотивационной направленности и системы целей личности. Аффективный компонент отражает отношение к возрастной задаче на каждой стадии ее решения.

Ключевые слова: развитие, возрастная задача, молодость, жизненная компетентность, этапы решения задачи.

Изучение развития личности как целостного процесса, отличающегося своей непрерывностью и многомерностью, является одной из наиболее востребованных областей возрастной психологии и берет свое начало в работах Л. И. Анцыферовой, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского и др. Развитие продолжается на протяжении всей жизни человека, и предугадать его течение крайне сложно, так

как потенциал его неисчерпаем, как отмечала Л. И. Анцыферова (Анцыферова, 2004). Продуктивное развитие и саморазвитие личности связывают с ее способностью решать задачи развития. Их успешное решение существенно зависит от желания личности влиять на свою жизнь и определять ее течение в соответствии с индивидуальными представлениями. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение ресурсов развития личности, которые позволяют ей оставаться эффективной в достижении желаемого результата, определять направление своего развития в соответствии со своеобразием индивидуального жизненного пути и продуктивно использовать возможности, которые оказываются в ее распоряжении.

Опираясь на работы М. В. Клементьевой, мы рассматриваем жизненную компетентность как психологический ресурс развития, который проявляется в принятии и решении возрастных задач и позволяет воплотить индивидуальную стратегию поведения, основанную на устремлениях, желаниях и возможностях личности посредством саморегуляции и самодетерминации ее поведения, т. е. превращая развитие в саморазвитие (Клементьева, 2016).

Вслед за А. Крузе, Э. Деси, Р. Райаном, С.Л. Рубинштейном, М. Уайтом под *жизненной компетентностью* (ЖК) мы понимаем системное свойство личности, представляющее собой совокупность автобиографических знаний, построенных на их основе стратегий решения задач развития, а также стремления и оценки, возникающие в ходе их принятия и решения.

Ее основное назначение связано с осознанием противоречия, заложенного в возрастной задаче, и инициации автономной активности, направленной на его преодоление. Это позволяет личности сознательно управлять своим развитием, которое постепенно переходит в саморазвитие, в соответствии с индивидуальным представлением о его успешности, учетом своих возможностей и социокультурного запроса, но в противовес жизни по адаптивному образцу с ориентацией на социальные ожидания и стереотипы.

Формирование и развитие жизненной компетентности происходит в принятии и решении возрастной задачи. Оно связано с изменениями в ее психологическом содержании, которое представляет собой совокупность структурных компонентов: когнитивного (знания о задаче и автобиографические знания), аффективного (эмоции и чувства, возникающие в ходе решения возрастной задачи), мотивационного (устремления личности в контексте решения возрастной задачи) и поведенческого (реализация стратегий, направленных на решение возрастной задачи) (Иванкова, 2018).

Вслед за А. С. Белорусцем, Ю. И. Фроловым, М. В. Клементьевой, Б. Ливехудом, Э. Эриксоном, Р. Хевигхорстом и др. под *возрастной задачей* мы понимаем особый вид задачи и мыслительной активности. Она сознательно формулируется личностью и способствует ее развитию и саморазвитию посредством приобретения новых, ранее недоступных индивидуально – психологических особенностей. Фактически, речь идет о разрешении противоречия между действительным, желаемым, возможным, преодолении «зазора между актуальным и целевым состоянием» (Клементьева, 2012, с. 332) личности.

Для каждого возрастного периода задачи специфичны и отличаются по своему количеству, качеству и особенностям взаимодействия, но исход от их разрешения связан с приобретением качественно новых форм поведения и знания, способствующих дальнейшему развитию личности. Причем о «достижении» или «не достижении» желаемого результата в контексте решения возрастной задачи целесообразно говорить в соотношении с нормой развития. Здесь нам кажется уместным, вслед за В. И. Слободчиковым, рассматривать норму развития как то успешное и лучшее, что могло бы быть возможным для каждого конкретного человека «в конкретных условиях его жизни» (Слободчиков, 2012, с. 79).

Однако в психологии развития возрастная задача рассматривается как внешнее условие, обстоятельство развития, в то время как механизм ее принятия и решения, успешность/неуспешность в достижении результата остаются неизученными. От внимания исследователей ускользает развивающий потенциал возрастной задачи в контексте достижения личностью не только социокультурно обусловленного результата, но и ее индивидуальных устремлений. Поэтому мы считаем возможным осмыслить принятие и решение возрастной задачи в контексте отечественной теории решения проблемных задач и психологии мышления (А. М. Матюшкин, Т. В. Корнилова, С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, В. Д. Шадриков и др.), экстраполировав поэтапную модель решения задачи. Это позволяет нам, опираясь на работы А. В. Брушлинского, С. Л. Рубинштейна (Брушлинский, 1996; Рубинштейн, 2003), выделить 4 стадии принятия и решения задачи развития, каждая из которых подразделяется на этапы.

Так, для *стадии принятия* возрастной задачи характерно прохождение таких этапов, как представление о том, какой результат является желаемым для личности, ее мотивация в достижении результата, целеполагание и анализ условий, включающий определение недостающего знания; для *стадии поиска решения и выбора страте-*

гии этапами являются поиск возможных решений, выработка стратегий, которые могли бы привести к желаемому результату и выбор одной из них как наиболее продуктивной, по мнению личности; *стадия реализации* представлена одним этапом, отражающим непосредственную реализацию выбранной стратегии поведения; *стадия оценки и прогноза* включает в себя этапы, которые позволяют оценить достигнутый результат с точки зрения субъективного представления о его успешности, а также спрогнозировать возможные пути его достижения, осуществить коррекцию на предыдущих стадиях.

Так, решение возрастной задачи связано со способностью личности свободно оперировать накопленными знаниями, как для осознания противоречия развития, так и для определения недостающего знания, необходимого для того, чтобы выработанная стратегия привела к достижению желаемого и наиболее продуктивного результата. Использование культурного и социального пространства как поля для поиска отсутствующего знания невозможно без личностной и эмоциональной вовлеченности в процесс решения возрастной задачи. Тем самым жизненная компетентность, являясь ресурсом развития, повышает эффективность решения возрастных задач, вносит качественные изменения, которые отразятся на развитии и саморазвитии личности.

Традиционно жизненная компетентность изучается как новообразование поздней зрелости и старости. (А. Крузе, U. Staudinger, S. A. Vlucck и др.). Ее основное назначение в сохранении самостоятельности и эффективности личности в решении жизненных задач и бытовых вопросов на базе накопленных знаний и сформированных умений и навыков. Мы считаем, что формирование жизненной компетентности восходит к периоду молодости, когда велико сознательное стремление личности к саморазвитию и самоосуществлению, появляются предпосылки мудрости, а способность к самоанализу и рефлексии повышает эффективность самодетерминации личности.

Опираясь на современные периодизации развития личности, представленные в работах Е. Е. Сапоговой, В. И. Слободчикова, мы рассматриваем молодость как период от 18 до 33 лет, а актуальными возрастными задачами выступают следующие: 1) получение образования; 2) выбор профессии и становление личности как профессионала; 3) формирование близости в отношениях; 4) создание семьи; 5) поиск баланса между профессиональным и семейным самоопределением; 6) осмысление своего «Я» как уникального; 7) выработка жизненного проекта и построение конкретных жизненных планов;

8) осознание себя в статусе взрослого; 9) рационализация и операционализация мечтаний, идеалов и фактических целей.

Таким образом, отсутствие исследований, посвященных проявлению жизненной компетентности в молодости, делает актуальной постановку проблемы психологического изучения механизмов ее функционирования на различных этапах принятия и решения возрастных задач.

Цель исследования: эмпирически изучить особенности проявления жизненной компетентности молодых людей в принятии и решении возрастных задач.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что проявление жизненной компетентности в период молодости (18–33 лет) детерминировано принятием и решением возрастных задач: когнитивный компонент жизненной компетентности проявляется в ходе принятия возрастной задачи, поведенческий – выбор стратегии решения и ее реализация, совместно они способствуют оценке и коррекции результата и стратегии поведения. Мотивационный и аффективный проявляются в формировании мотивации и системы целей в решении возрастных задач.

Объект исследования: жизненная компетентность личности.

Предмет исследования: психологическое содержание жизненной компетентности личности молодых людей в решении задач развития.

Методика, организация и выборка исследования

Выборку составили 268 молодых людей, из них 142 женщины и 126 мужчин в возрасте от 18 до 33 лет. Оценка уровня развития жизненной компетентности и ее компонентов проводилась с помощью авторской проективной методики «Истории из жизни» (Иванкова, 2019).

Последующий статистический анализ осуществлялся в SPSS (версия 21) с использованием χ^2 – критерия углового преобразования Фишера.

Результаты исследования и их обсуждение

Все участники справились с поставленной задачей, нами было получено 4446 текстов, касающихся принятия и решения возрастных задач, актуальных для периода молодости (по 2 текста от каждого участника).

Сравнительный анализ проявления жизненной компетентности компонентов жизненной компетентности на различных стадиях

и этапах принятия и решения возрастных задач периода молодости проводился с помощью F – критерия углового преобразования Фишера. Это позволило выявить те компоненты, которые являются преобладающими на той или иной стадии или этапе принятия и решения возрастной задачи.

Выявлено, что на *стадии принятия задач развития* в целом преобладает когнитивный компонент жизненной компетентности (при $p \leq 0,001$), но в зависимости от содержания задачи наблюдается неравномерность в обращении к компонентам. Так, когнитивный компонент проявляется в принятии таких задач как создание семьи и становление личности как профессионала (при $p \leq 0,001$), в то время как когнитивный и мотивационный компоненты более характерны для таких задач как получение образования, баланс между семьей и работой (при $p \leq 0,001$). В принятии задач развития, связанных с формированием близких отношений, осмыслением подлинности своего «Я» и осознанием себя в статусе взрослого, помимо когнитивного молодые люди используют еще и поведенческий компонент жизненной компетентности (при $p \leq 0,01$).

Для принятия возрастной задачи, посвященной выработке жизненного проекта актуализируются когнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты (при $p \leq 0,01$), а для рационализации и операционализации мечтаний, идеалов и фактических целей – мотивационный и поведенческий (при $p \leq 0,001$).

Выявлено, что *представление о желаемом результате* на стадии принятия возрастной задачи связано с проявлением когнитивного компонента жизненной компетентности. Это указывает на то, что представление о результате формируется на основе накопленных автобиографических знаний, источником которых выступает индивидуальный жизненный опыт и социокультурное пространство. Они направляют сознательную активность личности на решение задачи.

Обнаружено, что формирование *внутренней мотивированности* на принятие и решение задачи развития связано с проявлением когнитивного и мотивационного компонентов жизненной компетентности (при $p \leq 0,02$). Наделение задачи личностным смыслом и появление внутренней мотивационной направленности на ее решение связано с личностной вовлеченностью в этот процесс, а также наличием знаний, способствующих ее осмыслению и достижению желаемого результата.

Выявлено, что *целеполагание* в принятии задачи развития сопровождается проявлением когнитивного и мотивационного компонентов жизненной компетентности (при $p \leq 0,005$). Накопленные знания

о задаче и о способах ее решения позволяют определить систему целей, которая позволит достичь желаемого, а личностная вовлеченность способствует направлению осознанной активности личности в этом процессе.

Обнаружено, что *анализ условий задач развития* связан с проявлением всех компонентов жизненной компетентности (при $p \leq 0,01$). Определение неизвестного в достижении субъективно значимого результата связано с обращением к автобиографическим знаниям, эмоциональной и личностной включенностью, а также формированием конкретных стратегий поведения, позволяющих реструктурировать присвоенный опыт.

Стадия поиска решения и выбора стратегии связана с проявлением поведенческого компонента жизненной компетентности (при $p \leq 0,01$) вне зависимости от характера возрастной задачи. Исключение составляет только создание семьи и становление личности как профессионала (при $p \leq 0,01$). Для решения этих задач на второй стадии актуализируются все компоненты жизненной компетентности.

Обнаружено, что этап *поиска решения задачи развития* сопровождается актуализацией когнитивного, мотивационного и поведенческого компонентов (при $p \leq 0,001$). Недостаточность имеющихся знаний формирует устремление к овладению новым знанием, что приводит к использованию социокультурного пространства для присвоения автобиографических знаний, позволяющих сформировать эффективные стратегии решения.

Выявлено, что этапы *выработки и выбора стратегии* связаны с проявлением поведенческого компонента жизненной компетентности (при $p \leq 0,007$). Таким образом, речь идет о формировании конкретной стратегии поведения, которая позволила бы достичь успешности в решении задач развития.

На стадии реализации преобладает поведенческий компонент жизненной компетентности (при $p \leq 0,001$) за исключением такой задачи как осознание себя в статусе взрослого (при $p \leq 0,005$), где когнитивный и поведенческий компонент проявляются в равной степени. Это позволяет говорить о том, что жизненная компетентность сопровождает активность личности, проявляющуюся в конкретных стратегиях решения возрастных задач, что формирует новые знания и мировоззрения.

На стадии оценки и прогноза характерно большее проявление когнитивного и поведенческого компонентов (при $p \leq 0,01$). Но характер задачи развития влияет на преобладание того или иного компонен-

та. Так, когнитивный компонент преобладает в оценке и прогнозе в осознании себя в статусе взрослого (при $p \leq 0,005$), а поведенческий — рационализация и операционализация мечтаний, идеалов и фактических целей и выработка жизненного проекта (при $p \leq 0,005$). В прогнозе и оценке задачи развития, связанной с осмыслением своего «Я» как уникального характерно проявление так же и аффективного компонента жизненной компетентности (при $p \leq 0,03$). Когда достигнутый результат несколько отличен от желаемого — молодой человек обращается к присвоенным автобиографическим знаниям для того, чтобы сделать стратегию поведения более эффективной.

Таким образом, принятие и решение возрастной задачи может быть изучено с точки зрения решения проблемной задачи, что позволяет поэтапно проанализировать особенности этого процесса. Жизненная компетентность проявляется в принятии и решении возрастной задачи неравномерно. Так, автобиографические знания о задаче и о возможных способах ее решения позволяют сформировать представления о том, какого результата молодой человек хочет достичь, а также осмыслить, что ему для этого необходимо, определить, почему ранее эффективные стратегии теряют свою продуктивность в новой социальной ситуации развития. Личностная вовлеченность в процесс развития направляет активность молодого человека как к поиску знаний, необходимых для формирования новых стратегий поведения, так и к осознанному поиску недостающих знаний в культурном пространстве. Сформированная стратегия поведения реализуется личностью, но может быть вновь видоизменена, если полученный результат не соответствует субъективно значимому. Автобиографические знания обогащаются в деятельности и способствуют увеличению эффективности выбранной стратегии.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Иванкова Д. Л.* Психологическое содержание жизненной компетентности в контексте решения возрастных задач в период ранней зрелости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 381–395.

- Иванкова Д. Л.* Методика оценки жизненной компетентности // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters). 2019. № 3. ART 2709. URL: <http://www.emissia.org/offline/2019/2709.htm>.
- Клементьева М. В.* Теоретико-методологический смысл понятия «Ресурс развития» взрослого человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 326–336.
- Клементьева М. В.* Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 14–23.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание: Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Слободчиков В. И.* Понятийный строй возрастно-нормативной модели развития // Вестник КалмГУ. 2012. № 2 (14). С. 79–86.

The research of life competence of personality in the context of the decision-making in age problems

D. L. Ivankova

Tula state University, Tula

The article deals with the decision-making of age problems as a condition of manifestation of life competence of young people. Life competence is a systemic property of personality that integrates autobiographical knowledge and related strategies for solving developmental problems, as well as aspirations and assessments that arise in the course of their decision-making. Its psychological content is formed by cognitive, affective, motivational and behavioral components. The hypothesis of the research was the assumption that the manifestation of life competence in the period of youth (18–33 years) is determined by the decision-making of age problems. It is proved that the manifestation of the cognitive component of life competence is typical for the stage of adoption of the problem of development, behavioral – for the stage of finding solutions, selection and implementation of the strategy, together they accompany the stage of assessment and forecast of the development problem. Motivational component of life competence is associated with the formation of internal motivational orientation and the system of personal goals. The affective component reflects the attitude to the age problem at each stage of its solution.

Keywords: development, age problem, youth, life competence, stages of decision-making.

Субъективная картина жизненного пути пожилых людей, переживших смерть брачного партнера

Е. А. Ипполитова

Алтайский государственный университет, Барнаул
ippolitovae@bk.ru

В статье представлены результаты изучения субъективной картины жизненного пути мужчин и женщин в возрасте 60–70 лет, потерявших супруга более одного года назад и не вступивших в повторный брак. Эмпирическим путем выявлены специфические характеристики временного и событийного аспектов данного многомерного образа. Показано, что овдовевшие пожилые люди фокусируются на светлых моментах своего прошлого, утрачивая интерес к настоящему и будущему периодам жизни. Для них характерно насыщение субъективной картины жизненного пути негативно оцениваемыми событиями, связанными со страхом и отчаянием, ожиданием одиночества, болезни и смерти. Полученные данные демонстрируют необходимость оказания психологической помощи, направленной на оптимизацию временной перспективы и реконструкцию событийного содержания субъективной картины жизненного пути одиноких мужчин и женщин.

Ключевые слова: субъективная картина жизненного пути, временная перспектива, событие, смерть брачного партнера, пожилые люди.

Изучение личности в процессе ее жизни всегда занимало центральное место в психологии, однако в современных условиях интенсивно изменяющегося мира анализ закономерностей выбора человеком своей жизненной линии, саморегуляции жизненного пути, сохранения его целостности в ситуациях перемен занимает

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

особое место. В психологической литературе отмечается достаточное количество работ в области психологии жизненного пути, многие проблемы вскрыты и глубоко изучены. Вместе с тем актуальным представляется использование накопленного научно-психологического опыта в процессе разрешения конкретных жизненных проблем, экстремальных и критических ситуаций, требующих перестройки пространственно-временных параметров жизнеосуществления человека, зафиксированных в его субъективной картине жизненного пути.

Термин «субъективная картина жизненного пути» впервые был использован Б. Г. Ананьевым, который подчеркивал важность данного понятия как существенной характеристики самосознания личности и отмечал, что именно в субъективной картине жизненного пути отражены вехи социального и индивидуального развития человека (Ананьев, 2001). Современные исследователи в своих работах в основном опираются на определение А. А. Кроника (Кроник, 1987). Так, в большинстве случаев субъективная картина жизненного пути понимается как многомерный образ, развернутый во временном плане, репрезентирующий представления личности о себе и собственном жизненном мире в их сложных взаимосвязях в прошлом, настоящем и будущем (Манеров, Посохова, Королева, 2003).

В качестве основных функций субъективной картины жизненного пути Е. И. Головаха и А. А. Кроник выделяют долговременную регуляцию и согласование жизненного пути личности с жизнью других, прежде всего, значимых для нее, людей (Головаха, Кроник, 2008). Впоследствии выделяются функции самопознания, самоопределения, саморегуляции жизни (Сурикова, 2009). Согласно точке зрения В. В. Нурковой, представление о своей жизни и судьбе как обобщение личностью значимых событий жизни, позволяет реализовать потребность в самопрезентации истории своего личного существования. Исходя из этого, можно говорить о некоей осуществляемой человеком деятельности, обозначаемой как «судьбостроительство» (Нуркова, 2009).

В результате анализа ряда работ можно сделать вывод о том, что практически все авторы в структуре данного образования выделяют взаимосвязанные жизненные события, а также образы прошлого, настоящего и будущего, интегрированные в единую временную перспективу. В этой связи несомненный интерес представляет точка зрения Л. Д. Деминой, И. А. Ральниковой, согласно которой структура субъективной картины жизненного пути может интерпретироваться как в аспекте изучения системы представлений че-

ловека о собственном прошлом, настоящем и будущем, так и в аспекте анализа содержания жизненных событий и их взаимосвязей. Важность ее обосновывается тем, что отражает ценностный аспект времени жизни, позволяет выявить его индивидуальное качественное своеобразие, определить роль прошлого, настоящего и будущего в структуре субъективной картины жизненного пути человека. Авторы отмечают, что выделенные временной и событийный контексты изучения структуры субъективной картины жизненного пути не являются взаимоисключающими, возможна так же интеграция данных аспектов (Демина, Ральникова, 2005). На наш взгляд, именно указанной позиции интеграции необходимо придерживаться при проведении эмпирических исследований субъективной картины жизненного пути человека.

В качестве ведущих характеристик картины жизни выделяются ее целостность, динамичность, устойчивость, сложность и гармоничность (Улитенко, 2013). В целом данные характеристики отражают тот факт, что субъективная картина жизненного пути находится в постоянном развитии, которое в наибольшей степени становится доступным анализу при переживании личностью особых, «судьбоносных» или «переломных» событий. Одним из таких событий в жизни многих людей является смерть близкого человека. Наибольшую остроту, особый статус в субъективной картине жизненного пути личности приобретает утрата брачного партнера, с которым связан значительный период прошлого, были совместные планы на будущее.

Супружеское горе как реакция на смерть самого близкого человека является одним из наиболее сложных переживаний, так как нагружено разнообразными чувствами (депрессия, беспомощность, страх одиночества, отчаяние, вина и др.). В нормальном варианте человек, потерпевший утрату, в течение последующего года оправляется от вызванного ею потрясения и начинает снова жить более-менее полноценной жизнью, выстраивать целостную картину будущего, насыщенную новыми целями и смыслами. Однако возможен вариант, при котором переживание остается незавершенным и выливается в разнообразные психологические проблемы, приводит к той или иной форме дезадаптации, потере смысла жизни, разрушению целостности жизненного пути.

Продолжительность и болезненность примирения с утратой брачного партнера зависит от многих факторов, самыми значимыми из которых являются характер взаимоотношений с потерянном супругом, особенности его ухода, традиции, принятые в конкретной культуре, возраст и социальный статус страдающего. Можно пред-

положить, что особенно высок риск психологической дезадаптации при переживании утраты для человека пожилого возраста. Это может быть связано с особенностями восприятия времени в этот период жизни, когда прошлое не только психологически приближается, но кажется отчетливее и понятнее, а нахождение новых перспектив развития, напротив, представляется затруднительным (Манукян, 2003).

Таким образом, смерть брачного партнера выступает в качестве переломного события жизни пожилого человека, инициирующего перестройку пространственно-временных параметров его жизнеосуществления.

В этой связи возникает вопрос о содержании трансформаций субъективной картины жизненного пути овдовевшего брачного партнера. С этой целью было предпринято эмпирическое исследование, в качестве респондентов в котором выступили мужчины и женщины в возрасте 60–70 лет, среди них 30 человек овдовели более года назад и 30 человек состоят в браке. Методами сбора информации стали анкетный опрос, психодиагностические тесты (тест временной перспективы Ф. Зимбардо, методика «Психологическая автобиография» (Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова), методами математико-статистической обработки данных – t-критерий Стьюдента.

Результаты исследования позволили выявить содержание трансформации временных ориентаций в структуре субъективной картины жизненного пути пожилых вдов и вдовцов.

В ситуации утраты брачного партнера у человека доминирует ориентация на позитивное прошлое ($p=0,031$), а значимость будущего снижается ($p\leq 0,001$), теряется способность получать удовольствие в настоящем ($p=0,034$). Данная трансформация, являясь результатом переживания утраты, отражает тот факт, что, овдовев более года назад, пожилой человек живет преимущественно светлыми моментами своего прошлого, теряя интерес к настоящему и будущему периодам жизненного пути. В свою очередь, это совершенно нехарактерно для состоящих в браке людей 60–70 лет, которые в значительной мере ориентированы на получение удовольствия от текущих жизненных событий и на достижение своих целей в будущем.

Анализ результатов исследования событийного содержания субъективной картины жизненного пути показал, что у всех людей пожилого возраста в ее структуре наибольшее место занимают радостные события прошлого. Это можно объяснить тем, что на данном возрастном этапе для человека характерна ностальгия и осмысление опыта собственной жизни. В содержании картины жизни ов-

довевших мужчин и женщин второе место по количеству занимают грустные события прошлого, что может быть непосредственно связано с переживанием болезни и смерти близкого человека. В отличие от них, у состоящих в браке пожилых людей важное место в структуре субъективной картины занимают радостные события будущего, которые могут отражать совместные цели и планы супругов. Установлено наличие достоверных различий по показателю «количество прошлых грустных событий» ($p=0,049$), который более выражен в группе людей пожилого возраста, утративших брачного партнера и свидетельствует о насыщенности их прошлого грустными, печальными и тяжелыми событиями.

Содержательный анализ событийной насыщенности будущего в структуре субъективной картины жизненного пути пожилых людей позволил установить следующее. Выявлено, что среди ожидаемых в будущем событий у вдов и вдовцов чаще присутствуют «болезнь» ($p\leq 0,001$), «одиночество» ($p\leq 0,001$), «здоровье» ($p\leq 0,001$) и «смерть близких» ($p=0,006$). Таким образом, большая часть событий будущей жизни у одиноких людей связана с переживаниями об умершем брачном партнере, со страхом остаться одному, заболеть и быть в этом беспомощным перед судьбой. В сравнении с ними у людей пожилого возраста, не имеющих опыта утраты брачного партнера, предвосхищаемое будущее насыщено событиями в сферах «супружеские отношения» ($p=0,031$), «досуг» ($p=0,003$), «семейная жизни» ($p=0,001$), «супруг» ($p=0,032$), «самосовершенствование» ($p=0,018$). Можно отметить, что доминирующими сферами будущей жизни для пожилых супругов являются семья, супружеские отношения и собственное развитие, что позволяет говорить об успешной самореализации личности на данном возрастном этапе, которая, в отличие от них, затруднена для вдов и вдовцов. Следовательно, можно говорить о трансформации образа будущей жизни у пожилых людей, переживших утрату, в аспекте насыщения его более негативными событиями, окрашенными эмоциями страха и отчаяния.

В целом полученные результаты позволили установить ряд трансформаций субъективной картины жизненного пути пожилых людей, переживших смерть брачного партнера. Во-первых, овдовевшие мужчины и женщины фокусируются на светлых моментах своего прошлого. Во-вторых, происходит утрата интереса к настоящему и будущему периодам жизни. В-третьих, характерно насыщение субъективной картины жизненного пути негативно оцениваемыми событиями, связанными со страхом и отчаянием, ожиданием одиночества, болезни и смерти.

Данное исследование подтверждает предположение о том, что в пожилом возрасте переживание смерти брачного партнера приобретает характер осложненного горя, при котором острота переживания в течение года не снижается, что отражает трансформация временного и событийного содержания субъективной картины жизненного пути овдовевших супругов. В этой связи можно заключить, что психологическая помощь людям, пережившим смерть брачного партнера, станет более эффективной в случае использования технологий, направленных на оптимизацию временного и событийного аспектов их субъективной картины жизненного пути.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.
- Демина Л. Д., Ральникова И. А.* Психологическое здоровье и защитные механизмы личности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005.
- Кроник А. А.* Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования // Психология личности и образ жизни / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1987. С. 148–157.
- Манеров В. Х., Посохова С. Т., Королева Н. Н.* Смысловые образования в субъективной картине жизненного пути личности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2003. № 6. С. 132–143.
- Манукян В. Р.* Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003.
- Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Сурикова Я. А.* Взаимосвязь ценностных ориентаций и значимых событий субъективной картины жизненного пути личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2009.
- Улитенко Т. В.* К проблеме сложности субъективной картины жизненного пути личности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 272–274.

Subjective picture of the life path of elderly people who survived the death of a marriage partner

E. A. Ippolitova

Altai state University, Barnaul

The article presents the results of the study of the subjective picture of the life of men and women aged 60–70 years who lost their spouse more than one year ago and have not remarried. The specific characteristics of time and event aspects of this multidimensional image are revealed empirically. It is shown that widowed elderly people focus on the bright moments of their past, losing interest to the present and future periods of life. Their subjective picture of life is filled with negatively assessed events associated with fear and despair, the expectation of loneliness, illness and death. The obtained data demonstrate the need for psychological assistance aimed at optimizing the time perspective and reconstruction of the event content of the subjective picture of the life path of single men and women.

Keywords: subjective picture of life, time perspective, event, death of a marriage partner, elderly people.

Профессионализация мышления как ресурс жизненного пути личности

М. М. Кашанов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль
smk007@bk.ru

В статье описано, как соотносятся исследования, проведенные в рамках субъектно-деятельностного подхода, с возможностью понимания концептуальных основ профессионализации мышления. Обосновано, каким образом согласуется содержание данного подхода с содержанием выполняемых нами исследований, направленных на решение фундаментальной научной задачи — разработку концепции ресурсности мышления субъекта профессиональной деятельности. Научная экспликация конструкта «ресурсность мышления» осуществлена на основе интеграции методологических подходов, разработанных Л. И. Анцыферовой, с целью изучения ресурсности мышления в профессиогенезе и в условиях жизненного пути личности. Впервые представлены направления системного исследования развития профессионального мышления субъекта, а также дано авторское концептуальное определение ресурсности мышления.

Ключевые слова: профессионализация, мышление, субъект, ресурс, жизненный путь, личность.

Жизненный путь личности имеет, по сравнению с профессиональным развитием, более протяженные временные границы, допускающие реципрокное взаимодействие. Тем не менее, между ними больше общего, чем различий. Главное сходство в успешном осуществлении того и другого заключается в реализации активности субъекта. В своих работах Л. И. Анцыферова, опираясь на теоретический анализ зарубежных исследований, доказала, что именно активность, а не ответственность, тянет за собой творческое долголетие личности (Анцыферова, 1994).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00102а.

Л. И. Анцыферова в рамках ценностно-смысловой теории описала динамику копинг-поведения: человек реагирует на ситуацию сначала на сенсорном уровне – возникает состояние оцепенения, которое быстро сменяется активностью личности – «когнитивным оцениванием», т. е. человек начинает распознавать особенности ситуации, выявлять и осмысливать негативные и позитивные ее стороны, определять смысл и значение происходящего. От уровня развития этого механизма зависит правильный выбор стратегии совладающего поведения с трудной жизненной ситуацией. Она установила, что личностно-смысловая логика деятельности субъекта в силу ее уникальности и особенностей взаимодействия с миром порождает возникновение трудных ситуаций. Ею выявлены различные типы поведения, направленные на осмысление и преодоление человеком преград и определение адекватных форм реагирования на негативные события. Личность рассматривается как конструктор своего жизненного пути и соавтор общественной жизни (Анцыферова, 1999).

Особенностью процессуально-динамического подхода является признание полидетерминации любой психической функции и ее обусловленность когнитивными и аффективными факторами. Л. И. Анцыферова обосновывает тезис о наличии специального когнитивного и мотивационного обеспечения не только всего процесса деятельности как целого, но каждого из ее этапов (частей) в отдельности. Проведенный ею анализ жизненных сценариев основан на осмыслении событий, которые являются наиболее значимыми в жизни субъекта. Понятие жизненного сценария оформилось, по мнению Н. В. Гришиной, как операционализация понятия «жизненный путь», предполагающего большую активность субъекта, в том числе и в ситуациях неопределенности и риска (Гришина, 2011).

При оценке степени риска важно делать акцент не только на анализе объективной наличной ситуации, но также иметь в виду и субъективные характеристики оценивающего риск субъекта. Иными словами – одна и та же ситуация будет считаться в разной степени рискованной для двух разных людей. Отсюда возникает важная психологическая проблема – субъективная оценка степени риска, критерии оценивания рисков и их принятие или непринятие. В рамках парадигмы «Единица анализа психического» признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т. п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации* (Знаков,

2016, с. 116 — *курсив В. В. Знакова*). Выделение единиц психологического анализа позволяет целенаправленно исследовать содержание психического развития в контексте возрастных идентификаций.

Индивидуальная возрастная идентификация (субъективный возраст), предполагает Е. А. Сергиенко, определяется двумя уровнями ментальных репрезентаций: стабильными (якорными) и более лабильными, изменяющимися проксимальными референциями возраста. Стабильные репрезентации — индивидуальные модели развития, маркирующие собственное поведение относительно возрастных ментальных схем. Проксимальные репрезентации, или ментальные возрастные маркеры, изменяются в соответствии с событиями, которые проблематизируют возраст (Сергиенко, 2013).

Одним из вызовов для современной психологии является нарастающее дробление в области понимания ресурса личности. Уравновесить данную тенденцию может синтез разнообразных подходов с целью построения научного описания русурсности мышления как единой реальности, разные аспекты которой выделяются и описываются в русле данных подходов. Оптимальным «языком» подобной интеграции является методология субъектно-деятельностного подхода, позволяющая осуществить междисциплинарный синтез в понимании психологической природы русурсности мышления и избежать при этом редуccionизма и элиминативизма. В субъектно-деятельностном подходе предметно-преобразующая активность личности рассматривается через призму взаимодействия субъекта с социумом (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Л. А. Головей, Н. В. Гришина, В. В. Знаков, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко, З. И. Рябикина). В контексте данного подхода выделены существенные признаки субъекта. Идеи, разработанные Е. А. Сергиенко, направлены на обоснование системно-субъектного подхода. Новая парадигма является продуктом творческого синтеза, объединения субъектно-деятельностного и системного подходов с одним из вариантов субъектного подхода в психологии. Поэтому категория «субъект» имеет системообразующий статус, а объединение системного и субъектно-деятельностного подходов способствует расширению научного диапазона в изучении личности. Системно-субъектный и субъектно-аналитический подходы, отражают, по мнению Е. А. Сергиенко, развитие субъекта. Данные подходы реализуют принцип развития в современном обогащенном и расширенном варианте посредством выделения принципов субъектности, системности, непрерывности, неопределенности. Посредством конкретного изучения раскрывается возможность

построить проксимальную интерпретационную модель развития как основу создания интегративной психологии развития субъекта. Важной задачей, утверждает Е. А. Сергиенко, является исследование когнитивной функции субъекта, проявляющейся в осмыслении (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смыслозначимых ориентаций) (Сергиенко, 2017).

Исследование этой актуальной задачи предполагает выявление ресурсности мышления как фактора успешности в профессиональной деятельности. Такое понимание требует организации масштабных междисциплинарных исследований и, прежде всего, лонгитюдных исследований, поскольку они обеспечивают выявление причинно-следственных отношений между образовательными событиями и достижениями в профессиональной деятельности. Результаты данных исследований становятся основой создания научной базы для разработки технологий обучения, связанных с повышением эффективности системы образования, а в дальнейшем и профессиональной деятельности.

Применение методов поперечных срезов и лонгитюдных исследований целесообразно для изучения динамичного процесса становления ресурсного мышления и понимания причинно-следственных отношений в формировании успешности обучения и профессиональной деятельности. Следует отметить, что на основе большинства имеющихся «срезовых» данных, собранных в один момент времени, невозможно выстроить единую линию анализа источников индивидуальных различий в академической успешности, сложно проследить динамику профессионального становления современного специалиста, трудно выявить направление причинно-следственных связей между показателями профессионального развития, обучения и конкретными образовательными, профессиональными и жизненными событиями.

Исходя из этого положения исследования профессионализации мышления субъекта, в рамках разработанного нами подхода, реализованы не в одной, а в нескольких плоскостях психологического анализа, основы которого описаны в нашем диссертационном исследовании (Кашапов, 2000). На основании проведенного анализа разработаны, во-первых, научные основы исследования мышления в различных видах профессиональной деятельности: клиническое мышление врача (Ю. С. Филатова, Н. В. Яльцева); музыкальное мышление (С. А. Томчук, С. В. Цымзина, С. Ю. Макарская, Д. А. Гушина); педагогическое мышление (О. А. Бахвалова, Т. Г. Киселева, Т. В. Огородова, Ю. В. Пошехонова, И. В. Серафимович).

Во-вторых, рассмотрены процессы становления мышления на разных этапах профессионализации: довузовский (формирование психологического мышления у учащихся профильного класса – Т. В. Огородова; влияние занятий музыкой на развитие образных и вербальных компонентов творческого мышления – Д. А. Гушина), вузовский (профессиональное мышление как компонент реализации компетентностного подхода в образовании будущего врача – Г. Ю. Базанова, О. А. Скакунова, Л. А. Савельева); послевузовский (психолого-акмеологические основы профессионального становления педагога – М. М. Кашапов, Т. В. Огородова); роль метапознания в профессиональном педагогическом мышлении (М. М. Кашапов, Ю. В. Пошехонова); интеллект и метакогниции на этапе выбора профессии и начальных этапах профессионализации (И. В. Серафимович, Г. Ю. Базанова); творческое мышление как копинг-ресурс педагогов в процессе профессионализации (М. М. Кашапов, Ю. О. Иванова); метакогнитивные характеристики надситуативного мышления при решении проблемных ситуаций и стратегии поведения в конфликте и стрессе (на примере сферы производства и обслуживания) (И. В. Серафимович, Ю. В. Артемьева, В. В. Елесина); особенности взаимосвязи метакогнитивных процессов у врачей-педиатров с этапами профессионализации (М. М. Кашапов, Г. Ю. Базанова, Ю. В. Пошехонова, И. В. Серафимович).

В-третьих, реализованы подходы к выделению проблемности как единицы анализа профессионального мышления – М. М. Кашапов; пониманию метакогнитивной регуляции творческой деятельности в контексте ресурсного подхода – М. М. Кашапов; исследованию надситуативности мышления в качестве ресурса творческой деятельности (на примере субъектов, занимающихся в театральной студии) – Е. А. Медведева, А. А. Кустова.

В-четвертых, обоснована необходимость реализации надситуативного мышления в качестве когнитивного ресурса личности (М. М. Кашапов); выделены и описаны критериальные показатели интегрированности метакогнитивных процессов и социально-психологических особенностях профессионализации субъекта (на примере анализа видеоматериалов этапа кейса областного конкурса «педагог-психолог года») (И. В. Серафимович); обобщены концептуальные характеристики творческого профессионального мышления (М. М. Кашапов); разработаны теоретические основы творческого педагогического мышления как когнитивного ресурса социальной и образовательной среды (М. М. Кашапов).

В-пятых, исследована ресурсность мышления как средства реализации творческого потенциала личности (М. М. Кашапов, Г. Л. Шамактонова, А. С. Кашапов, И. В. Отставнова); выявлена и описана роль метакогнитивных признаков профессионального надситуативного мышления педагогов в области сохранения и укрепления социально-психологического здоровья (И. В. Серафимович).

В-шестых, исследованы особенности взаимосвязи стиля мышления профессионала с его личностными характеристиками; рассмотрены компоненты метапознания и метакогнитивное свойство прогнозирования как детерминанты надситуативного педагогического мышления (М. М. Kashapov, I. V. Serafimovich, Y. V. Poshekhonova); представлены метакогнитивные компоненты профессионализации работников торговли (И. В. Серафимович); конкретизирована метакогнитивность надситуативного мышления и стратегии поведения в конфликтных и стрессовых ситуациях (И. В. Серафимович).

Таким образом, следует отметить необходимость выявления глубинных слоев профессионального мышления в качестве основы успешности профессиональной деятельности и интегральной характеристики процесса профессионализации субъекта (Кашапов, 2009). Поэтому формирование профессионального мышления выступает как составная часть системы профессионального образования и ведущее условие эффективности деятельности. Вектором такого формирования целесообразно рассматривать ресурсное мышление как интеллектуальное умение находить способы творческого разрешения проблем в различных сферах профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом. Ресурсное мышление субъекта характеризуется: а) умением находить источники творческого вдохновения и конструктивного отношения к трудным ситуациям; б) способностью реализовать имеющиеся возможности для достижения намеченного результата; в) позитивной направленностью на преодоление возникающих трудностей.

В связи с этим представляется перспективным понимание профессионализации мышления субъекта как ресурса успешного жизненного пути личности, поэтому сохраняется актуальность применения психолого-педагогического тренинга творческого мышления профессионала (Кашапов, 2003).

Разработанная нами концепция ресурсности мышления субъекта профессиональной деятельности ориентирована на прописывание теоретического и методологического вклада в развитие психологии мышления. В рамках данной концепции представлены следующие аспекты ресурсного мышления: новое его определение в качестве

предмета исследования; функциональные, структурные (компоненты и уровни – различный уровень обнаружения проблемности в познаваемой и преобразуемой жизненной и профессиональной ситуации обусловлен, во-первых, объективной сложностью ситуации; во-вторых, профессионализмом специалиста; в-третьих, направленностью его мышления), динамические (этапы, фазы, стадии, периодизация) характеристики; принципы и свойства; психологические механизмы и закономерности, факторы, условия развития и формирования; критерии и показатели сформированности ресурсного мышления. Теоретическое значение концепции характеризуется направленностью на выявление и объяснение слабых (опасности) и сильных (возможности) сторон ресурсности мышления в контексте профессиональной деятельности.

Реализованный нами подход необходим для решения проблемы совладания в контексте профессиональной деятельности и жизненного пути в целом. Как показали наши исследования (Кашапов, 2017), разработка и учет концептуальных основ, характеризующих показатели ресурсности мышления, способствует реализации творческого потенциала личности. Показатели являются величиной, параметром, с помощью которого можно определять степень выраженности и сформированности профессионального мышления субъекта. В качестве показателя профессионализации мышления служит подход к позитивному совладанию со стрессогенным явлением или событием, а также проявления умений, необходимых для конструирования ситуации успеха. По данным показателям можно оценивать направленность и эффективность мыслительно-го процесса субъекта.

Литература

- Анциферова Л. И.* Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3. С. 99–104.
- Анциферова Л. И.* Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 6–19.
- Гришина Н. В.* Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru/0421100116/0029> (дата обращения: 28.05.2019).
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Кашанов М. М.* Психология творческого мышления: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2017.
- Кашанов М. М.* Психолого-педагогический тренинг творческого мышления // Психология профессионального педагогического мышления / Под ред. М. М. Кашапова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 331–397.
- Кашанов М. М.* Специфика творческого мышления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 599–611.
- Кашанов М. М.* Психология профессионального педагогического мышления: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2000.
- Сергиенко Е. А.* Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.05.2019).
- Сергиенко Е. А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 5–18.

The professionalization of thinking as a resource of individual's way of life

M. M. Kashapov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

The article describes how the studies conducted in the framework of the subject-activity approach correlate with the ability to understand the conceptual foundations of the professionalization of thinking. It is proved how the content of this approach is consistent with the content of our research. The development of the concept of resource thinking of the subject of professional activity is aimed at solving the fundamental scientific problem. The scientific explication of the “resource-thinking” construct is based on the integration of methodological approaches developed by L. I. Antziferova, in order to study the resource of thinking in professiogenesis and in the conditions of a person's life path. For the first time, the directions of the system research of the development of the professional thinking of the subject are presented, as well as the author's conceptual definition of the resource of thinking.

Keywords: professionalization, thinking, subject, resource, life path, personality.

Биографическая рефлексия в структурно-функциональной организации жизненного пути личности

М. В. Клементьева

Тульский государственный университет, Тула
marinaklementyva@yandex.ru

В статье выдвинуто и обосновано положение о системообразующей функции биографической рефлексии в структурно-функциональной организации жизненного пути как субъектного опыта личности с опорой на фундаментальные идеи Л. И. Анцыферовой о развитии личности как субъекта жизненных выборов и роли рефлексии личности в овладении ею своим жизненным путем. Представлена теоретическая модель биографической рефлексии и ее механизмов, благодаря которым личность осознает жизненный путь как целостность в различных аспектах: событийно-фактологическом (в осознании событий жизни и установлении связей между ними), интерперсональном (в интерпретации и установлении тождества/различия своего жизненного пути и жизни других людей), смысловом (в приписывании смыслов жизненному пути), нарративном (формировании и реконструкции жизненного нарратива как формы репрезентации жизненного пути).

Ключевые слова: жизненный путь, биографическая рефлексия, развитие, личность, субъект жизни.

В условиях транзитивного общества XXI века, ставящего перед человеком задачи на саморазвитие в различных сферах и областях жизни, чрезвычайно актуальными становятся психологические исследования, направленные на изучение ресурсов саморазвития личности в масштабах жизненного пути. Проблема биографической рефлексии, помогающей личности управлять своим жизненным путем как субъектным опытом, становится одной из ключевых в психологии развития.

Биографическая рефлексия — вид рефлексии, проявляющейся в осознании и анализе жизненного пути личности, осмысленного

в форме автобиографии. Проявляется она в анализе таких единиц жизненного пути (событий жизни), которые связаны с открытием новых возможностей саморазвития личности в условиях жизненных изменений. Определение биографической рефлексии как системообразующей характеристики жизненного пути является отличительной чертой современной психологии развития человека, связанной со становлением новой парадигмы в исследовании развивающегося человека в масштабах жизненного пути, подчеркиванием ведущей роли субъекта жизни в собственном развитии (Клементьева, 2018).

Важную роль в становлении идеи о системообразующей роли биографической рефлексии в структурно-функциональной организации жизненного пути личности сыграли идеи, заложенные в работах Л. И. Анцыферовой. Анализируя развитие личности как субъекта жизненных выборов и самопреобразования, Л. И. Анцыферова отмечает важную роль самосознания и рефлексии личности, которые позволяют ей владеть жизненными обстоятельствами, приобрести контроль над собой и своей жизнью, утвердить свою личность в мире (Анцыферова, 2005, с. 5). В работах Л. И. Анцыферовой «акцентируется внимание на анализе реальных отношений личности с миром и на ее поступательном развитии при условии чувствительности личности к своим возможностям, при рефлексивном отношении к себе и творческом отношении к прошлому, настоящему и будущему» (Журавлев, Харламенкова, 2016, с. 63).

Рефлексия жизни, биографическая рефлексия, благодаря которой возможны самоанализ и восприятие событий жизни с различных точек зрения, становится ключевым условием формирования «экспертного знания о фундаментальной практике жизни» (Анцыферова, 2005, с. 5), мудрости, пишет Л. И. Анцыферова. Близкую точку зрения высказывают современные зарубежные исследователи J. D. Webster (Webster, 2014) и U. M. Staudinger (Staudinger, 2001), выделяя рефлексия жизни как социально-когнитивный процесс анализа автобиографических знаний, необходимый для поддержания идентичности, построения будущих перспектив, принятия прошлого, переосмысления настоящего, выделения важного в жизненном пути.

Исходя из *принципа системности*, жизненный путь как субъектный опыт личности по отношению к биографической рефлексии является родовидовой макроструктурой, в рамках которой она может быть психологически концептуализирована и операционализирована.

Место биографической рефлексии в структурно-функциональной организации жизненного пути видится в создании и поддержа-

нии в единстве его основных подсистем: 1) событийно-фактологической подсистемы, 2) смысловой подсистемы, 3) интерперсональной подсистемы, 4) нарративной подсистемы, 5) подсистемы важных индивидуально-психологических качеств субъекта жизненного пути. Структурность проявляется в связях между единицами (событиями жизни), благодаря которым возникает новая целостность (жизненный путь), организованный по системному признаку. Функциональность проявляется в актуализации и сохранении совокупности функций различных подсистем новой целостности и входящих в нее элементов.

Событийно-фактологическая подсистема жизненного пути образована совокупностью фактов и событий жизни. Событие жизни возникает в рефлексивном акте, когда каждый отдельный факт жизни осмысливается ценностно, а в смысловой связи с другими фактами образует ключевой эпизод жизни человека, в котором объективировано его отношение к себе, своей жизни, другому человеку, миру. С одной стороны, человек осознает как событие жизни те жизненные факты, которые связаны с важными жизненными изменениями. С другой стороны, событие жизни удерживает чувственное, нерелексируемое и спонтанное в жизни – всё то, что определяет имплицитную самообоснованность жизненного пути, отсылает к континууму фактов как горизонту потенциальных событий жизни. Непосредственный опыт жизни задан в его изменении и становлении, как непрерывно длящийся необратимый поток перекрывающих и сменяющих друг друга образов, актов, реакций, эмоций и прочих явлений, и он арефлексивен. Включенность биографической рефлексии в событийно-фактологическую подсистему связывает факты бытийного опыта, насыщенного неповторимым чувственным содержанием, где синтезируются, воссоединяются во времени, проникают друг из друга, импульсы, интуиции, помыслы, предчувствия, ощущения, в опыт, где образуется переживаемое «событие жизни».

Рефлексируя фактологические элементы, из которых формируются события жизни, субъект жизни занимает мысленную позицию «вне» событий для выработки суждения о них. В такой позиции субъект жизни мысленно выходит за «пределы» непосредственного жизненного опыта, представляя жизнь как сочетание отдельных, но связанных между собой событий, насыщая их ценностями и смыслами. Биографическая рефлексия «предельных» моментов жизни, связанных с главными экзистенциалами человечества, как: одиночество, вина, тревога, счастье, любовь, отсутствие смысла, страх смерти и пр., формирует *ретроспективно и перспективно* иной континуум фак-

тов и событий жизни, связанных с осознанием своей экзистенции и обнаружением своей субъектности, явленной самосознанию через проявление самостоятельности, инициативности, ответственности. Благодаря такому рефлексивному акту, человек может осознавать себя автором собственного жизненного пути, подлинным субъектом жизни. То есть биографическая рефлексия использует содержание непосредственного опыта жизни как материал, выбирая необходимые элементы, встраивая их в систему жизненного пути как порожденной психической реальности.

Интерперсональная подсистема жизненного пути образована совокупностью отношений субъекта жизни с Другими. Биографическая рефлексия в этой подсистеме предстает в нескольких аспектах. Первый аспект – выработка со-бытийного отношения к своему жизненному пути, отношения, включающего обобщающую точку зрения множества других людей, с которыми взаимодействует человек. Как отмечает М. Freeman (Freeman, 2013), жизненный путь личности всегда является частью большего масштаба жизни, чем индивидуальный жизненный путь. Такой жизненный путь может быть понят как «Я-бытие-для-Другого», где Другой (а это не только конкретные люди, но и их идеи, воплощенные в искусстве, науке, религии и других сферах жизни, например, литературные персонажи, Бог и пр.) является источником смысла и ценности жизни, а также экзистенциальной поддержки развития личности. Второй аспект – осознание сходства и отличия своей жизни и жизни Другого, в качестве которого может выступать не столько конкретный человек, сколько обобщенный образ типичного представителя конкретной культуры, эпохи, поколения. Подобный акт, направленный на рефлекссию жизни Другого, позволяет личности осмыслять свой жизненный путь как достоверный и правильный. По сути, это есть рефлексия «образцов», ставших уже *внутренними структурами* психики в ходе социализации (жизненных сценариев, культурной биографии, жизненных тем, проектов, мотивирующих поведение и субъективную оценку продуктивности жизненного пути в целом). А Другой – есть часть внутреннего мира Я. Так, в биографической рефлексии жизненный путь рассматривается в пределах возможностей и ограничений социальных условий. Здесь отметим, что сами по себе интериоризированные структуры не всегда становятся предметом биографической рефлексии. В тех случаях, когда человек их рефлексировывает, он реализует подлинную субъектность в отношении жизненного пути.

Смысловая подсистема жизненного пути образована совокупностью смыслов жизненного пути. Биографическая рефлексия в *смыс-*

ловой подсистеме жизненного пути проявляет себя как экзистенциальный анализ смыслов жизни, согласованных с процессом, целями и результатом жизни. Смысл жизни, вслед за G. T. Reker, мы рассматриваем как «знание порядка, последовательности и цели своей жизни, стремление и достижение достойных целей, а также сопутствующее этому чувство удовлетворения» (Reker, 2000, p. 41). Биографическая рефлексия проявляется в осознанности смысловых структур и анализе смысловых связей событий жизни, как: смысложизненные ориентации, ценности, жизненные цели, устремления и пр. Человек, рефлексировавший смысловые структуры жизненного пути, а также смысловые связи между отдельными событиями жизни, может с большим успехом управлять своей жизнью, чем нерефлексирующий. Биографическая рефлексия является необходимым условием осознания смыслов жизненного пути, заданных в межсобытийных связях (ассоциативных, каузальных, темпоральных, тематических и пр.) его единиц – событий жизни. В нашем исследовании (Клементьева, 2018) убедительно доказано, что биографическая рефлексия выступает предиктором осмысленности жизни, повышая уровень ясности целей жизни, осознанной насыщенности процесса жизни, степень удовлетворенности результативностью жизни, усиливая чувство авторства жизни и свободы саморегуляции жизненного пути.

Нарративная подсистема жизненного пути раскрывается как «lifestory», жизненный нарратив. Жизненный нарратив представляет особый способ познания, мышления, созидания своего жизненного пути и своего «Я». Психологически назначение жизненного нарратива, организующего исходно бесформенный поток опыта, по мнению ведущих современных психологов в этой области, в саморегулировании, самоутверждении, самопрезентации личности нарратора, интегрирующей множество Я (Narrative and identity..., 2001). Рассказывая о жизни, субъект подвергает ее рефлексивной реконструкции, связывая отдельные события жизни посредством языковых конструкций в целостность.

Биографическая рефлексия в этой подсистеме обнаруживает себя в формировании жизненного нарратива. Жизненный нарратив мы рассматриваем (Клементьева, 2018) как интериоризованную знаково-символическую структуру. Ее использование предполагает владение инструментами – нарративными формами и языковыми средствами. Используя гипотетическую, логически законченную структуру жизненного нарратива, несущую смыслы и значения посредством возможных комбинаций формально-синтаксических характеристик, субъект занимает *рефлексивную позицию*: он смотрит на свою жизнь

отстраненно, поскольку выступает автором и героем жизненного нарратива. Биографическая рефлексия опирается на сингулярность нарративной формы и способность субъекта жизни произвольно осознать себя. Благодаря биографической рефлексии субъект понимает свою жизнь как рационально согласованную, противопоставляя собственное понимание иным, возможным версиям или использует «сознательно историзированный способ понимания» (Narrative and identity..., 2001, p. 88), чтобы представить вариации жизненного пути в широком диапазоне биографических возможностей создания будущего, настоящего и прошлого. Биографическая рефлексия актуализируется в акте наррации: принципиальное расхождение между завершенностью жизни и завершенностью формы автобиографии требует от субъекта произвольной манипуляции идеальным содержанием индивидуальной жизни в ментальном плане, отстраненно дистанцируясь от нее. Так, рассказывая о жизненном пути «с конца», связывая цепочки событий с жизненной целью и результатом, субъект-нарратор формирует свой жизненный путь в историческом и психологическом времени жизни, создает связь между событиями своего прошлого, настоящего и будущего.

Представление биографической рефлексии через механизмы нарративного анализа характеризует ее как необходимое условие организации жизненного пути личности, преобразование непосредственного опыта жизни в осмысленное целое, существующее в форме завершенной истории – жизненного нарратива. Биографическая рефлексия включает в себя механизмы нарративного анализа, направленные на познание и создание конструкции жизненного пути как истории и на этой основе регуляцию и преобразование Я и своей жизни. Наше понимание биографической рефлексии, проявляющееся в нарративном анализе жизненного пути, существенно дополняет существующую парадигму «субъективной картины жизненного пути» как совокупности отраженных пространственно-временных параметров автобиографии (Ананьев, 2001). Изменение парадигмы научного знания о жизненном пути личности на рубеже XX–XXI вв. связано с переориентацией на понимание психических явлений с использованием многомерных знаков, позволяет увидеть в жизненном пути уже не «картину», более или менее адекватно замещающую реальную жизнь и оставляющую субъекта за ее пределами, а «нарратив», вовлекающий субъекта в свое пространство, *подлежащий интерпретации*.

Биографическая рефлексия в *подсистеме важных индивидуально-психологических качеств личности как субъекта жизненного пути*

проявляется во взаимосвязи с рядом устойчивых свойств, как: самостоятельность, инициативность, ответственность. Их взаимосвязь с биографической рефлексией является определяющей в становлении и использовании биографической рефлексии как ресурса развития личности в масштабе жизненного пути, а именно: в установлении конгруэнтности возможностей и запросов личности, утверждении авторской позиции в отношении жизненного пути, овладении обстоятельствами жизни, приобретении контроля над собой и своей жизнью.

Таким образом, биографическая рефлексия, выступая по отношению к жизненному пути как системообразующая характеристика, обеспечивает установление связей между отдельными подсистемами и структурными элементами жизненного пути (событиями жизни), благодаря чему возникает новая целостность — жизненный путь. То есть жизненный путь является продуктом биографической рефлексии. В рамках структурно-функциональной системы жизненного пути биографическая рефлексия проявляется в ясности ценностей событий и фактов жизни, в анализе смысловых связей между событиями жизни, в обнаружении сходства смыслов своей жизни и других людей, в нарративном анализе жизни, рассказанной как история. Становление биографической рефлексии является поворотным моментом в развитии личности, сопряженным с обретением субъектом позиции авторства своего жизненного пути.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Анцыферова Л. И.* Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: Способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 5–14.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Современные представления о личностном развитии и преемственность идей динамического подхода Л. И. Анцыферовой // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 61–73.
- Клементьева М. В.* Биографическая рефлексия во взрослости: содержание, функции, генез: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2018.
- Freeman M.* The Priority of the Other — Thinking and living beyond the Self. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Narrative and identity: studies in autobiography, self and culture / J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001.

Reker G. T. Theoretical perspective dimensions and measurement of existential meaning // Exploring existential meaning: Optimizing human development across the life span / G. T. Reker, K. Chamberlain (Eds). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000. P. 39–55.

Staudinger U. M. Life reflection: A social-cognitive analysis of life review // Review of General Psychology. 2001. V. 5. № 2. P. 148–160. doi: 10.1037/1089-2680.5.2.148.

Webster J. D. Time to be wise. Temporal perspective and wisdom. Enschede: the Netherlands: University of Twente, 2014.

Biographical reflection on the structure and functioning of the life course of the personality

M. V. Klementyeva

Tula State University, Tula

The article puts forward and substantiates the original position of the system-forming function of biographical reflection in the structure and functioning of the life course as a subjective experience of a personality. Author bases on the fundamental ideas of L. I. Antziferova about personality development as a subject of life choices and the role of personality reflection in mastering it through life. The author of the work presents the theoretical model of the biographical reflection and its mechanisms that are involved in the formation and functioning of the life course as integrity. Due to the mechanisms of biographical reflection, the person knows about one's own life course as: an awareness of events and facts and links between them; a life experience, which has or does not have identity with the life of others people; a system of meanings and values of the life; a life narrative.

Keywords: life course, biographical reflection, development, personality, subject of life.

Направленность личности студентов среднего профессионального образования

М. Е. Лоскутова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль
mashaloskutova89@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования, цель которого заключалась в определении особенностей направленности личности студентов среднего профессионального образования. Было выдвинуто предположение о том, что направленность личности выступает критерием выбора ступени профессионального образования. Проведен сравнительный и структурный анализ направленности личности школьников, студентов среднего, высшего профессионального образования. Достоверно установлено, что студентов среднего профессионального образования отличает личностная направленность, превалирование мотивов общежитейской направленности, низкий уровень интернальности, высокий уровень притязаний, агрессивность в достижении статуса, склонность к соперничеству, значимость наличия собственного опыта, ценность познания, непримиримость к недостаткам в себе и окружающих, смелость в отстаивании своего мнения. Студентов данной группы отличает самый высокий уровень организованности структуры направленности. Базовыми качествами направленности являются общение, целеустремленность, выдержка и самооценка упорства.

Ключевые слова: направленность личности, среднее профессиональное образование, мотив, ценностные ориентации, общение.

Исследования Л. И. Анцыферовой в области методологии психологии рассматривали, наряду с категорией развития, возможности и действительности, отражения и др., категорию активности. По ее мнению, общество задает личности определенные ориентиры развития, общие принципы отношения к миру, однако влиять на человека общественные нормы могут только через его индивидуальные особенности, ценности и цели (Анцыферова, 2006). Положение

о собственной активности субъекта и осознанности его деятельности является одним из базовых в концепции Л. И. Анцыферовой (Журавлев, Харламенкова, 2009). Психологическая природа активности неразрывно связана с инициативностью, креативностью, способностью личности выходить за пределы своих возможностей, прежде всего, интеллектуальных (Кашапов, 2000). Ресурсность мышления как средство реализации творческого потенциала личности заключается в умении переходить в процессе преобразования познаваемой ситуации с ситуативного уровня обнаружения проблемности на надситуативный (Кашапов, 2003, 2009, 2017). Активное проявление направленности личности студентов среднего профессионального образования обусловлено творческим отношением к возникающим трудностям. Л. И. Анцыферова обосновывает принцип трансакции: свойства личности и особенности ситуации взаимно преломляются. В определенных ситуациях стрессоустойчивость, стойкость, реалистический подход и хорошо развитый механизм когнитивного оценивания позволяют личности гибко выбирать разные стратегии в меняющихся обстоятельствах (Анцыферова, 1994).

В условиях современных социальных изменений проблема становления нравственной личности приобретает особую актуальность. Направленность личности, как ее системообразующее свойство, формируется в процессе воспитания, социализации человека на протяжении всей жизни. Социальные группы, с которыми контактирует личность: семья, школьный класс, компания друзей, учебная студенческая группа и др. — регулируют и контролируют поведение индивида и во многом формируют его направленность (Нагоева, 2011). Динамичность социально-экономической ситуации в России предъявляет новые требования к системе профессионального обучения, подвергающейся в настоящее время значительной модернизации. В том числе данные нововведения затронули уровень среднего профессионального образования.

Рассмотрение основных вопросов среднего профессионального образования, в настоящее время претерпевающее оптимизацию ступеней начального образования, отодвинули на второстепенный план личностные особенности, потребности и возможности обучающихся.

Возникает противоречие между потребностью общества в профессиональных, лично развитых рабочих кадрах и отсутствием у большинства студентов среднего профессионального образования стремления на высоком уровне осваивать выбранную профессию, проявлять самостоятельность в совершенствовании личности. В этой связи особую актуальность приобретает исследование направлен-

ности личности студентов среднего профессионального образования с целью определения возможности и условий ее развития.

Цель работы – исследовать направленность личности студентов среднего профессионального образования.

Объект исследования – личность обучающегося.

Гипотеза исследования – направленность личности выступает критерием выбора ступени профессионального образования.

В соответствии с гипотезой поставлены следующие *задачи*:

1. Установить характеристики направленности личности школьников, студентов среднего и высшего профессионального образования.
2. Выявить и структурные характеристики направленности личности респондентов исследуемых групп.

Описание исследования

Диагностическую базу составили следующие методики: «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана, «Методика диагностики направленности личности» В. Смекала, М. Кучера (в русской адаптации Л. А. Верещагиной), опросник «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда, тест «Ценностные ориентации» М. Рокича, тест «Самооценка уровня притязаний по методике Шварцландера», опросник «Волевые качества личности» М. В. Чумакова, тест «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозова, опросники оценки своей настойчивости, терпеливости, упорства Е. П. Ильина, Е. К. Фещенко.

Для сбора, систематизации, обработки данных и статистического анализа исследуемых компонентов использовались табличный редактор Excel, статистический пакет SPSS Statistics, многофункциональная компьютерная диагностическая система Psychometric Expert 8.2.

Исследовательской базой являются: МБОУ «Бурмакинская средняя общеобразовательная школа № 1» (Ярославская область), ГПОУ ЯО «Ярославский электровозоремонтный техникум», ГПОУ ЯО «Университетский колледж ЯрГУ им. П. Г. Демидова», ГПОУ ЯО «Ярославский техникум пищевой промышленности», ФГБОУ ВО Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского», ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет».

Выборка составила 221 респондента в возрасте от 15 до 23 лет: 74 студента высшего профессионального образования, 68 школьников 10–11 классов, 79 студентов среднего профессионального образования, из них 40 студентов, обучающихся по программе подготовки квалифицированных рабочих и служащих, и 39 – по программе профессионального обучения на базе 8 классов.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ направленности личности школьников, студентов средних, высших профессиональных учебных организаций, проведенный с использованием U-критерия Манна–Уитни, позволил достоверно установить следующее: для обучающихся среднего профессионального образования характерно превалирование личностной направленности, низкий уровень притязаний, общей интернальности, в частности, в области достижений и неудач. В отличие от школьников студентов техникумов характеризует экстернальность в области семейных отношений, а от студентов высшего образования – в области межличностных, производственных взаимоотношений, в отношении здоровья и болезни. Большей значимостью, чем для школьников и студентов высшего образования, для обучающихся средних профессиональных образовательных учреждений обладает ценность жизненной мудрости, т. е. зрелости суждений и здравого смысла, достигаемых благодаря жизненному опыту. Наоборот, меньшей значимостью, по сравнению с другими рассматриваемыми группами, обладает ценность уверенности в себе, характеризующаяся гармонией и свободой от внутренних противоречий. Отличительной особенностью студентов техникумов является непримиримость к недостаткам в себе и других. В отличие от студентов высшего образования, для обучающихся системы среднего профессионального образования (СПО) более значима ценность высоких требований к жизни, высоких запросов и аккуратности, чистоплотности, умения содержать в порядке вещи, четкости в ведении дел. Студенты СПО меньше, чем ученики школ, ценят высокий культурный уровень, и меньше, чем для студентов, для них важна широта взглядов, проявляющаяся в умении понять чужую точку зрения, уважать чужие вкусы и мнения (Лоскутова, 2017).

Структурный анализ направленности личности студентов среднего профессионального образования позволил выявить и описать ее базовые качества.

Базовым качеством структуры направленности личности студентов среднего профессионального образования, т. е. качеством, которое образует наибольшее количество связей с другими (Карпов, 2004), является мотив общения (наличия дружеских отношений). Наиболее тесные взаимосвязи выявлены между мотивом общения и мотивами комфорта, достижения социального статуса, рабочей направленностью, личностной направленностью, что свидетельствует о том, что именно посредством общения студенты среднего профессионального образования достигают поставленных целей в достижении взаимосвязанных с ним элементов.

В ходе исследования установлено, что базовым качеством структуры направленности личности обучающихся системы СПО, не имеющих основного общего образования, является мотив общежитийской направленности, т. е. именно он обуславливает становление и развитие структуры направленности в рассматриваемой группе респондентов. Данный мотив является комплексным и совмещает в себе мотивы жизнеобеспечения, общения, комфорта и достижения социального статуса. Общежитийская направленность положительно коррелирует с ценностью общей активности, непримиримостью к недостаткам в себе и окружающих. Общежитийская направленность отрицательно взаимосвязана с чуткостью, заботливостью, понимаемыми как ценность-средство достижения поставленных целей.

Индекс организованности общей структуры (Карпов, 2004) направленности студентов среднего профессионального образования (ИОС=326) превышает данный показатель у школьников (ИОС=70) и студентов высшего профессионального образования (ИОС=152), что характеризует ее как наиболее организованную, в частности, имеющую максимальное количество положительных связей между своими компонентами и максимальную степень ее обобщенности.

В заключении обобщена вся совокупность полученных в исследовании результатов, а также сформулированы выводы, основные из которых состоят в следующем:

1. Особенности личности студентов среднего профессионального образования характеризуются направленностью на себя, превалированием мотивов общежитийской направленности, высоким уровнем притязаний, низким уровнем общей интернальности, экстернальностью в области достижений и неудач, области производственных и межличностных отношений, области семейных отношений, высокой значимостью таких ценностей,

как жизненная мудрость, познание, непримиримость к недостаткам в себе и окружающих, смелость в отстаивании своего мнения. Для студентов техникумов, независимо от уровня общего образования, характерно преобладание мотивов собственного благополучия, престижа, личного первенства, агрессивность в достижении статуса, склонность к соперничеству. В свою очередь для развития личности и плодотворного педагогического процесса более благоприятна направленность на дело, на решение задач, овладение профессиональными компетенциями.

2. Структура направленности личности школьников, студентов среднего и высшего профессионального образования качественно различаются. Студенты среднего профессионального образования продемонстрировали наиболее высокий уровень организованности структуры направленности личности, при этом обучающиеся, не имеющие основного общего образования, внутри группы студентов среднего профессионального образования, продемонстрировали наивысшие показатели по данному критерию.
3. Базовым качеством направленности личности студентов среднего профессионального образования является общение.

Таким образом, проведенное исследование направленности личности студентов среднего профессионального образования, позволило установить ее основные особенности по сравнению со ступенью основного общего образования и высшего профессионального образования. Описана структура направленности личности обучающихся, ее базовые качества, приведены индексы общей организованности структуры направленности.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Карпов А. В.* Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

- Кашапов М. М.* Психология творческого мышления: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2017.
- Кашапов М. М.* Психолого-педагогический тренинг творческого мышления // Психология профессионального педагогического мышления / Под ред. М. М. Кашапова. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2003. С. 331–397.
- Кашапов М. М.* Специфика творческого мышления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 599–611.
- Кашапов М. М.* Психология профессионального педагогического мышления: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2000.
- Лоскутова М. Е.* Мотивационные характеристики в структуре направленности личности студентов техникумов // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 182–188.
- Нагоева Л. Х.* Ценностные ориентации: понятие и феномен // Новые технологии. 2011. № 4. С. 286–289.

Personality orientation of students of secondary vocational education

M. E. Loskutova

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

The results of an empirical study are presented, the purpose of which was to determine the peculiarities of the orientation of the personality of students of secondary vocational education. It is assumed that the orientation of the individual serves as a criterion for choosing the level of vocational education. A comparative and structural analysis of the orientation of the personality of schoolchildren, students of secondary and higher vocational education was carried out. It is reliably established that students of secondary vocational education are distinguished by a personal orientation, the prevalence of motives of the community orientation, a high level of aspirations, a high externality, a high importance of the value of life wisdom (having one's own experience), cognition, irreconcilability towards shortcomings in oneself and others, courage in defending one's opinion, aggressiveness in achieving status, propensity to compete. Students of this group have the highest level of organization of the structure of orientation. Communication, dedication, endurance and self-esteem of perseverance are the basic focus qualities.

Keywords: personality orientation, secondary vocational education, motive, value orientations, communication.

Обзор современных теорий мудрости: от личности к нейросети

Ю. С. Мурзина

Тюменский государственный университет, Тюмень
y.s.murzina@utmn.ru

В статье рассматривается сущность подхода Л. И. Анцыферовой к изучению мудрости. Приводится анализ современных зарубежных подходов к исследованию данной темы. Делается попытка очертить круг проблем исследования мудрости в рамках экономической психологии. В завершении предлагается идея создания нейросети с технологией Big Data для изучения бизнес-мудрости в предпринимательской среде.

Ключевые слова: мудрость, психология личности, экономическая психология, ценностные ориентации предпринимателей, нейросеть.

Стремление к мудрости есть цель человеческой жизни, писал Платон. На протяжении многих веков мудрость считалась одним из самых таинственных и заветных человеческих качеств, пониманию и поиску которого посвящены научно-популярные и художественные книги. Это понятие стало одним из центральных не только в философии, педагогике, психологии, но в последнее время рассматривается в междисциплинарных исследованиях, в том числе в рамках компьютерных наук. Как указывает президент Международного общества общесистемных исследований (ISGSR) Р. Акофф (1998), мудрость находится на вершине иерархии типов содержания человеческого разума, ниже следуют понимание, знание, информация и в самом низу — данные. Может ли человек создать автоматические системы, генерирующие мудрость?

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-013-00869а «Ценностные ориентации владельцев успешного семейного бизнеса».

Целью данной работы является описание возможных междисциплинарных исследований темы мудрости. Для достижения обозначенной цели были сформулированы следующие *задачи*:

- 1) описать оригинальную концепцию мудрости в работах Л. И. Анцыферовой;
- 2) представить современные зарубежные подходы к исследованию мудрости;
- 3) обозначить проблематику изучения мудрости в рамках экономической психологии, в том числе в предпринимательской среде,
- 4) наметить перспективы для исследования мудрости с использованием технологий искусственного интеллекта и Big Data.

Мудрость как психологическое понятие

С точки зрения философской этики, мудрость обозначает высшее, целостное духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и осуществляемое через духовно-жизненное вовлечение субъекта знания в процесс искания истины.

В отечественной психологии традиция изучения мудрости была заложена Л. И. Анцыферовой. Она начинает исследование темы мудрости с анализа «Берлинской парадигмы мудрости» П. Балтеса и его учеников. В рамках этой парадигмы к обобщенным критериям мудрости относятся глубокое проникновение в развитие человека и в суть его жизненно важных проблем, а также взвешенные суждения и советы при интерпретации трудных жизненных ситуаций.

В понимании концепции автора ключевым фактором является подход к развитию личности. Людмила Ивановна считает, что развитие человека не ограничено какими-то определенными периодами его бытия – оно происходит в течение всей жизни, не заканчиваясь и не исчерпывая своих резервных возможностей. Процесс развития – это не поступательное движение, это многомерное движение разных типов изменений: «парциальных и системных, переходящих и стабильных, позитивных и негативных». Так, инволюционные изменения сочетаются с новообразованиями прогрессивного характера, направленными на преодоление деструктивных явлений в геронтогенезе (Анцыферова, 2006).

Отрицая жесткую причинную связь возраста человека и поведенческих проявлений мудрости, Л. И. Анцыферова пишет: «Я придерживаюсь определения мудрости как вершинного образования

целостной личности... за понятием «мудрость» стоит представление о вершине мощного дерева, которое непрерывно растет. Его вершинные образования погибают только вместе с гибелью дерева... Мудрость – это растущее вершинное образование интегрированной личности» (цит. по: Знаков, 2016, с. 97). Уместно здесь будет привести слова А. В. Брушлинского, неоднократно вспоминавшего такую шутку: мудрость приходит со старостью, но иногда старость приходит одна.

Мудрый субъект отличается от других людей не только более дифференцированным постижением мира, но и углубленной интерпретацией жизненного опыта – своего и чужого. Постижение нужно там, где мудрость не может основываться на логически обоснованном знании и где недостаточно интегрированного жизненного опыта, а нужно предугадывание, интуитивное чувствование и т. п. «Главное же, что должен понять человек, выстраивающий свою жизнь в этой действительности, – это то, что миру свойственно неожиданное и невероятное, мир полон тайны» (Анцыферова, 2004, с. 22).

Судя по результатам психологических исследований (Анцыферова, 2004 и др.) постижение – удел не просто умных, а мудрых людей. Л. И. Анцыферова, которая сама, несомненно, была мудрым человеком, отмечает, что понимание и признание неопределенности человека и мира – один из ключевых признаков мудрости (Знаков, 2016).

Опишем основные положения оригинальной концепции мудрости Л. И. Анцыферовой. Итак, психологическими основаниями для мудрости являются:

- дар предчувствия, предугадывания, чувствительность к близости неожиданного,
- наличие обширного репертуара жизненных знаний относительно разных ситуаций;
- владение стратегиями, позволяющими выносить зрелые суждения и давать обоснованные советы;
- контекстуальность: понимание того, что жизнь осуществляется в разных социальных, общественных, межличностных контекстах и на разных уровнях индивидуального развития;
- релятивизм: знание того, что разные люди и различные социальные группы обладают значительно отличающимися друг от друга ценностями, целями и приоритетами;
- неопределенность: знание об относительной индетерминированности и непредсказуемости жизни, порождающее разные способы управления ею (Анцыферова, 2004).

Основные направления изучения мудрости в зарубежной психологии

Важность исследования темы мудрости в зарубежной психологии достаточно велика. Индекс «Важность темы» в SciVal – 82,6 (важность – это показатель текущей динамики темы. Он рассчитывается путем использования 3 нормализованных показателей для научных работ, объединенных темой: количества цитирований, числа просмотров в Scopus и среднего показателя CiteScore). В поисковой системе Scopus она проходит под ключевыми словами Wisdom/Psychology/Personal wisdom (Т. 26507). Первые публикации по данной теме включены в систему, начиная с 1948 г., но резкий подъем количества работ начинается только с 2001 г. Интересным фактом, подчеркивающим важность данной темы для Запада, стало то, что Министерство образования США с 2005 г. упоминает мудрость как центральную цель «воспитания характера», выделяя гранты государственным и местным учреждениям образования для разработки образовательных программ под эту цель (Grossmann, 2017).

За последние 4 года ключевыми исследованиями по теме, набравшими максимальное количество цитирований стали работы: (Grossmann, 2017). Далее приведем краткий обзор основных направлений западной психологии, исследующих мудрость.

1. *Феноменологические исследования.* Для оценки того, как люди воспринимают мудрость, были изучены обыденные представления. Людей спрашивали о том, с какими прилагательными или короткими высказываниями они связывают мудрость. Так, R. J. Sternberg (1985) определил некоторое пересечение в понимании мудрости с интуицией, интеллектом и, в меньшей степени, творчеством. Исследования этой группы предполагают изменчивость мудрости по возрастным группам, в разных профессиях, в культурах и ситуациях.
2. *Мудрость как характеристика мышления.* Жизненные ситуации могут вызывать неопределенность и конфликты внутриличностные, межличностные и экстраличностные; дилеммы этические и профессиональные. Мышление и навыки решения в подобных ситуациях неопределенности, конфликтности будут воплощением мудрости.
3. *Неопиажеанские теории когнитивного развития.* Последователи Пиаже – неопиажеанцы – рассматривали развитие формальных операций как недостаточное для решения сложных, неопределенных проблем взрослой жизни. Они предложили набор

«постформальных» когнитивных представлений, развиваемых далее во взрослой жизни, от абсолютистских убеждений к релятивистским взглядам на события жизни и диалектическую интеграцию различных проблем. М. Basseches (1984) сформулировал набор из 24 схем, позволяющих перейти к диалектическому познанию. I. Grossmann (Grossmann, 2017) объединил некоторые аспекты познания для обозначения главных черт мудрого мышления: а) интеллектуальное смирение или признание пределов собственных знаний, б) оценка перспектив в более широком плане, чем рассматриваемый вопрос, с) возможность изменения социальных отношений, г) компромисс или интеграция различных мнений.

4. *Теория развития идентичности.* Э. Эриксон (1984) описывал мудрость как форму личностного созревания через овладение неопределенностью, связанную с кризисом идентичности (т.е. принятием прожитой жизни) против отчаяния. Теория Эриксона и другие подобные психоаналитические теории утверждают, что такое саморазвитие может быть достигнуто с помощью процесса преодоления ограничений личных границ и интеграции противоположных желаний. Впоследствии в эмпирических исследованиях была использована идея Эриксона для оценки этапов развития и связанных с мудростью характеристик личности.
5. *Мудрость как понимание.* П. Балтес определил мудрость как «экспертное знание систем, относительно поведения других людей и понимания жизни» (Baltes, Smith, 2008). По данным авторов, такая экспертиза основывается: на сущностных и процедурных знаниях о сложных жизненных ситуациях (в том числе автобиографическом опыте); особенностях мышления, включая осведомленность о различных контекстах жизни, об их изменении во времени; понимании того, что ценности и жизненные цели различаются в разных социальных группах; признании неопределенности жизни, знании о способах управления этими неопределенностями. М. Арделт (2003) — считает, что мудрость может быть описана как интеграция глубокого проникновения в общеизвестные факты, рефлексивное понимание собственных ограничений и позитивное принятие будущих событий. В исследованиях М. R. Levenson, P. A. Jennings, C. M. Aldwin, R. W. Shiraishi (2005) мудрость осмысливается как процесс интеграции аспектов самости, заключающейся в «растворении» внутренних препятствий для сопереживания, понимания и целостности. Кроме

того, J. Vervaeke, L. Ferraro (2013) концептуализировали мудрость через способность к критическому озарению (critical insight), когда при решении социальных проблем человек руководствуется идеей «осознания актуальности», т. е. гибкого отбора и интеграции информации таким образом, чтобы обеспечить возможность действий, способствующих улучшению жизни.

Как видно из представленного анализа зарубежных подходов, концепция Л. И. Анцыферовой в рассмотрении мудрости соотносится с подходом «Мудрость как понимание» и не потеряла своей актуальности по настоящее время.

Мудрость в изучении предпринимательства

Мудрость – сравнительно новый предмет изучения в русскоязычной психологии последних 20 лет (Мехтиханова, Смутьсон, 2015). В экономической психологии тема мудрости представлена отрывочно, так как больше соответствует предметной области психологии личности. Вместе с тем рассмотрение мудрости в рамках предпринимательской деятельности нам представляется интересным и перспективным, ведь среди успешных предпринимателей можно встретить поистине мудрых людей. Гипотетически мы можем предположить, что бизнес-мудрость – это особый вид характеристик мышления, осмысления происходящих событий вокруг и себя в них.

На сегодняшний день в этом направлении (прямо или косвенно) было проведено несколько исследований. Так, А. А. Акбарова (Акбарова, 2018), занимаясь исследованием взаимосвязи гармоничности ценностных ориентаций и социальной зрелости, выявила значимые связи между показателями индивидуального благополучия и выбором экономической стратегии, а также стремлением к конкуренции и экономическому риску для повышения доходов. Исследование показало, чем выше гармоничность индивидуальных ценностных ориентаций, тем более важен для субъекта уровень материального состояния.

Изучая успех личности как итог профессиональной деятельности, Н. Н. Мехтиханова и М. Л. Смутьсон (Мехтиханова, Смутьсон, 2015) установили положительную корреляцию мудрости с успешностью только в группе 20–30-летних испытуемых, в то время как для группы 50–60-летних такой связи не выявлено. В то же время испытуемые старшей группы статистически значимо более мудрые, чем испытуемые младшей группы ($W=1224,5$, $p=0,003$). Перефразируя шут-

ку А. В. Брушлинского о мудрости, мы можем так прокомментировать результаты этого исследования: мудрость приходит с годами, но успех не приходит с мудростью. Только молодые люди, обладающие мудростью, способны использовать ее для успеха в профессии.

В. П. Позняков и А. Л. Журавлев (Журавлев, Позняков, 2012), изучая ценностные ориентации предпринимателей, установили, что для московских и региональных предпринимателей, характерна следующая структура терминальных ценностей: здоровье, семья, материальная обеспеченность, уверенность в себе, работа, свобода, дружба, любовь. Терминальная ценность «Мудрость» находится на менее значимом 10 месте (у предпринимателей из регионов – на 11), различия по группам между рангами незначимы. Это свидетельствует о том, что предприниматели как люди дела, более обращены в текущий процесс, предпочитают «жить настоящим». Вероятно, мудрость – плохо понимаемая абстрактная и недостижимая для них ценность.

В. П. Позняков и Т. С. Вавакина выделили 3 типа ориентаций в деловом партнерстве: экономико-ресурсную, социально-ресурсную и субъектно-ценностную. Последняя ориентация напрямую взаимосвязана с ценностями мудрости, жизнерадостности, социальным принятием. «В этом типе делового партнерства само установление взаимоотношений с партнерами может являться источником положительных эмоций и житейской мудрости» (Позняков, Вавакина, 2016, с. 214).

Таким образом, мудрость как теоретический конструкт присутствует в исследованиях экономического поведения, однако научные работы по теме «мудрость предпринимателей» пока представлены незначительно. Вместе с тем цифровизация всех сфер жизни, в том числе, экономического поведения – цифровые следы личности, предоставляет нам новые горизонты для психологических исследований в этой области.

Нейросеть как возможный инструмент изучения бизнес-мудрости

Возвращаясь к мысли Р. Акоффа о том, что мудрость находится на вершине человеческого понимания, вобрав в себя знания, информацию и данные, мы предполагаем, что современные технологии искусственного интеллекта позволяют создать такую нейросеть, которая в результате глубокого обучения способна будет генерировать «мудрость». Докажем представленный тезис.

Во-первых, искусственные нейроны сети демонстрируют свойства, подобные свойствам естественного мозга. Так, «сеть может менять свое поведение в зависимости от факторов внешней среды; а также способна «обучаться», прочитав сигналы входа (возможно даже с требованиями выхода); делать обобщения автоматически благодаря своей структуре, а не с помощью написанных программ» (Васенков, 2007, с. 20). Поэтому можно утверждать, что искусственная нейросеть моделирует на логическом уровне деятельность нервной систем человека. Такие свойства сети могут быть сопоставлены с неопижаемыми *теориями когнитивного развития*.

Во-вторых, благодаря технологии Big Data – анализу структурированных данных больших объемов в режиме реального времени – возможно обрабатывать данные с помощью программных инструментов, созданных специально под исследовательские задачи. При анализе таких данных рассчитываются корреляции по всем переменным до получения искомой информации, тем самым этот метод способен создавать условия для инсайта, внезапного понимания благодаря нахождению скрытых и неочевидных связей (Семенов, 2018). Данный аргумент сопоставим с размышлениями Л. И. Анцыферовой о *предугадывании и интуитивном чувствовании*.

В нашем случае источником больших данных в исследовании мудрости предпринимателей могут стать открытые источники из сети Интернет: соцсети, личные блоги, СМИ, форумы, сайты (корпоративные данные). На основе обработанной и структурированной информации возможно будет делать прогнозы и тут же их проверять, так как технология машинного обучения Deep learning («глубокое обучение») позволяет совершенствовать нейронные сети до уровня ограниченного искусственного интеллекта, когда система уже сама будет создавать многоуровневые вычисления и делать выводы.

Подводя итог, на основании теории мудрости в работах Л. И. Анцыферовой, сформулируем требования к построению нейросети, способной генерировать мудрые бизнес-решения:

- включение обширного репертуара релевантных ситуаций по заданному набору переменных с результатами их исходов;
- алгоритмизация стратегий принятия зрелых и незрелых суждений;
- контекстуальность: учет при прогнозировании особенностей социальных, общественных, межличностных контекстов и уровня индивидуального развития человека;

- релятивизм: учет специфического набора ценностей, целей и приоритетов различных социальных групп;
- неопределенность: использование шкалы вероятности наступления определенных прогнозируемых событий/действий личности, учитывая фактор относительной индетерминированности жизни.

Таким образом, мудрость имеет вечную значимость для человечества, а в рамках новой технологической парадигмы у нас открывается возможность переноса вектора изучения с личностного уровня на уровень внеличностный — материализованный в цифровом пространстве. Вместе с тем классические принципы и подходы к изучению понятия «мудрость» не теряют своей актуальности и могут послужить основой для создания нейронной сети для принятия мудрых решений в бизнесе.

Литература

- Акбарова А. А.* Взаимосвязь гармоничности ценностных ориентаций и социальной зрелости // Известия Саратовского ун-та. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2018. № 2. С. 149–155.
- Акофф Р.* От данных к мудрости // ПУСС. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-dannyh-k-mudrosti> (дата обращения: 02.07.2019).
- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Васенков Д. В.* Методы обучения искусственных нейронных сетей // КИО. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obucheniya-iskusstvennyh-neyronnyh-setey> (дата обращения: 08.07.2019).
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Знаков В. В. Л. И. Анцыферова: понимание мудрости и мудрость постижения себя и других* // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. Сер.

- «Труды Института психологии РАН». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 95–116.
- Мехтиханова Н. Н., Смутьсон М. Л.* О взаимосвязи мудрости и успешности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. II. С. 124–128.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Семенов А.* Технологии BigData: как использовать большие данные в маркетинге. 2018. URL: <https://www.uplab.ru/blog/big-data-technologies> (дата обращения: 05.07.2019).
- Baltes P. B., Smith J.* The fascination of wisdom: Its nature, ontogeny and function // Perspectives on Psychological Science. 2008. № 3. P. 56–64. doi:10.1111/j.1745-6916.2008.00062.x.
- Grossmann I.* Wisdom in context // Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12 (2). P. 233–257. doi: 10.1177/174569161667206.

**A review of modern theories of wisdom:
from the individual to the neural network**

J. S. Murzina

University of Tyumen, Tyumen

The article considers the approach of L. I. Antziferova to the study of wisdom. We present an analysis of modern approaches to the study of this topic. We show the problem of the study of wisdom in the framework of economic psychology. At the end of the article the idea of creating a neural network with Big Data technology to study business wisdom in an entrepreneurial environment is proposed.

Keywords: wisdom, personality psychology, economic psychology, value orientations of entrepreneurs, neural network.

Представления людей разного возраста о мудрости

Е. А. Никитина

Институт психологии РАН, Москва
nalenka@yandex.ru

В статье продемонстрировано содержание представлений о мудрости и мудром человеке у подростков, взрослых и пожилых людей. Показано, что для респондентов всех возрастов мудрость связана не только с познавательной сферой, но и с опытом, правильным моральным выбором, готовностью прийти на помощь. Подростки делают акцент на активности мудрого человека, способности помогать другим, в то время как для респондентов взрослого и старшего возраста важнее отсутствие категоричности и однозначности в суждениях, уместность действий, основанная на рефлексии своего положительного и отрицательного опыта. Понимание мудрости как «дара антиципации» демонстрируют только респонденты старшего возраста.

Ключевые слова: мудрость, представления о мудрости, возрастные различия.

Смещение интереса специалистов в области психологии развития от исследования исключительно детей к периоду взрослости и далее к изучению психологических особенностей пожилых людей ставит вопросы и о феноменах, свойственных в большей степени этим возрастам, таких, как, например, мудрость. Мудрость в течение длительного времени являлась предметом исследования философов и рассуждений писателей. Содержанию понятия «мудрость» и его синонимов посвящены публикации культурологов и филологов. Однако и сегодня нельзя не согласиться со словами Л. И. Анцыферовой, написанными 15 лет назад: «Проблема мудрости относится к числу наименее разработанных в психологической науке» (Анцы-

ферова, 2004). На настоящий момент в электронных базах Disserscat и РИНЦ найдено всего лишь 23 диссертации, в названии которых встречается термин «мудрость», из них всего одна — по психологическим наукам, статьи в рецензируемых журналах также крайне редки. В то же время количество англоязычных публикаций по указанной теме непрерывно растет. И если до 90-х годов XX века основной теоретической базой была Берлинская парадигма П. Балтеса, рассматривавшая мудрость как экспертное знание, т. е. в большей степени как когнитивный конструкт, то в последние годы мы сталкиваемся с широким спектром психологических работ, обращающих внимание как на связанные с опытом и знаниями, так и на личностные, моральные и ценностные аспекты изучаемого явления. Эту динамику хорошо иллюстрирует ход развития представлений о мудрости и самого П. Балтеса — от «экспертной системы знания» в 1990 г. к «единству ума и добродетели» к концу 90-х.

Предложенная М. Ардельт (Ardelt, 2004) модель мудрости включает в себя уже три составляющих: когнитивную (понимание жизни и стремление к истине), рефлексивную (способность к рассмотрению событий и явлений с разных точек зрения) и аффективную (сочувствие и любовь к другим).

В работах Л. И. Анцыферовой важный акцент делается как на включение динамики в содержание понятия (мудрость — это «дар антиципации, прогнозирования», «распознавания тенденций преобразования...» (Анцыферова, 2004, с. 20)), так и на активность субъекта («Мудрость немислима без стремления и способности к «помогающему поведению»...», «функциональная система мудрости требует высокой энергетики, напряженной работы всей эмоциональной сферы, гибкой интеллектуальной деятельности» (Анцыферова, 2006, с. 414–415)).

Разнообразие взглядов на понимание мудрости, естественное на начальном этапе исследования, в последнее время сменяется попытками прийти к относительно универсальному подходу. В 2010 г. Д. В. Джест (Jeste, Ardelt, Blazer et al., 2010) с коллегами обратились к 57 признанным специалистам в области геронтологии, социологии, психологии и психиатрии, изучающим проблемы мудрости и имеющим публикации на соответствующую тему, с предложением дать определение этому понятию и попытаться разграничить его содержание с понятиями «интеллект» и «духовность». Анализ ответов респондентов показал, что из 49 использованных в исследовании шкал имеются значимые различия между мудростью и интеллектом по 46 шкалам, а между мудростью и духовностью — по 31 шкале. Отмече-

но, что большинство участников выразили максимальную степень согласия с тем, что мудрость: 1) присуща исключительно человеку, 2) является формой высокого когнитивного и эмоционального развития, связанного с опытом, 3) является личностным качеством, хотя и довольно редким, но которому можно научиться, возрастающим с возрастом, 4) может быть измерена, 5) маловероятно, что может быть увеличена приемом лекарственных препаратов. К сожалению, полученные авторами данные пока не слишком помогают надежной операционализации понятия «Мудрость».

Обзор ряда попыток мета-анализа термина *wisdom* в англоязычной литературе, сделанный Н. Н. Мехтихановой и А. Б. Кутузовой, также приводит авторов к выводу «о необходимости уточнения конструкта мудрости и разработки его общего определения, а также четкого разграничения со смежными феноменами» (Мехтиханова, Кутузова, 2019, с. 99).

Однако обращаясь к иноязычной литературе, нельзя не обратить внимание также и на межкультурные сходства и различия. Так, сравнивая содержание понятий «мудрость» в русском и «wisdom» в английском языках, Л. Н. Горянова показывает, что их первичное восприятие совпадает, оно связано с познавательной деятельностью человека: получая знания о различных явлениях окружающего мира, человек тем самым обретает мудрость. Мудрость осознается как ментальная сущность. Однако в русской концептуальной картине мира мудрость осознается, прежде всего, как особенное качество человека, в английской же, напротив, важным является не столько наличие этого качества, сколько его применение на практике. Для русского народа также типичным является понимание мудрости как универсальных знаний, переходящих от одного поколения к другому в виде наследия (Горянова, 2012).

Имеющиеся различия могут накладывать определенные ограничения на использование опросников мудрости, даже удачно переведенных с других языков.

На результаты исследований могут оказать влияние не только межкультурные различия. Например, обнаружены различия в имплицитных теориях мудрости женщин и мужчин (Glück, Strasser, Bluck, 2009). Для мужчин несколько большее значение имеют когнитивные аспекты, при этом ситуации, в которых им удавалось проявить мудрость, чаще связаны с работой. При описании общих характеристик мудрой женщины или мудрого мужчины значимых различий обнаружено не было, хотя забота об окружающих несколько чаще упоминалась для женщин.

Кратко характеризуя методическую базу исследований, приходится признать, что она не отличается разнообразием: это либо анализ ответов на вопросы «Что такое мудрость?», «Опишите мудрого человека», либо опросники, например, Трехмерная шкала мудрости 3D-WS (Дровосеков, 2018), по которым на основании нескольких ответов испытуемых экспериментатор, также находящийся на том или ином уровне мудрости, может делать выводы. При этом предполагается, что степень согласия с предлагаемыми высказываниями монотонно растет или убывает с увеличением мудрости, что также вызывает вопросы. Так, например, с используемыми в методиках фразами типа «Дела часто идут плохо, но в этом нет моей вины» или «Мне иногда бывает трудно увидеть ситуацию глазами другого человека» могут в большей степени соглашаться (хотя и по разным причинам) респонденты, находящиеся и на весьма низком, и на высоком уровне мудрости, при этом остальные участники исследования могут отвергать подобные предположения.

Поскольку филологический анализ показал не только универсальное, но и культурно-специфичное наполнение понятия «мудрость», нас заинтересовал вопрос, одинаково ли содержание представлений о мудрости и мудром человеке у русскоязычных респондентов разного возраста.

Мы предложили респондентам трех возрастных групп: подросткам 11–16 лет (N=19), людям периода ранней взрослости (22–44 лет, N=58) и пожилого возраста (старше 65 лет, N=20) ответить на вопрос «Что такое мудрость?», а также закончить предложения: «Мудрый человек всегда...», «Мудрый человек никогда...» и «Мудрый человек не обязательно...».

Анализ результатов показал, что для респондентов всех возрастов мудрость связана не только с познавательной сферой, но и с правильным моральным выбором, порядочностью и добротой. В целом, наши данные коррелируют с данными, полученными Н. Н. Мехтихановой и М. Л. Смутьсон (Мехтиханова, Смутьсон, 2013). Однако при рассмотрении ответов отдельно для каждой возрастной группы получены интересные результаты.

Для подростков мудрость заключается в принятии правильных решений и умении правильно повести себя в конкретной ситуации (на это указали 46% респондентов данной группы), наличии собственного опыта (38%), способности помочь другим (27%) и обширных знаниях (23%). Мудрый человек никогда не причинит вред другим (86%): «...не будет злым, не будет обижать, не будет тупым» (девочка 12 лет). Мудрый человек всегда «готов помочь понять вам, в чем со-

стоит проблема, как ее решить», «должен помогать людям советом» (девочка, 11 лет).

Взрослые полагают, что мудрость «не зависит от академических знаний и уровня интеллекта». На знания как необходимую составляющую мудрости указали только 9% респондентов среднего возраста. Мудрый человек не обязательно «знает все и все умеет делать» (женщина, 32 года). Для большинства участников исследования мудрость – это в большей степени «отношение к жизни, решению вопросов и сложных жизненных ситуаций через призму духовности и осознанности, принятие на себя ответственности за свои решения, поведение. Мудрость предполагает знание о законах мироздания, следование своим ценностям и принятие решений в соответствии с ними» (женщина, 32 года).

Эти данные хорошо коррелируют с размышлениями Л. Н. Толстого, отмечавшего в письме к Ромену Роллану 3–4 октября 1887 г.: «Человеческая мудрость не заключается в познании вещей. Есть бесчисленное множество вещей, которых мы не можем знать. Не в том мудрость, чтобы знать как можно больше. Мудрость человеческая в познании того порядка, в котором полезно знать вещи; она состоит в умении распределять свои знания соответственно степени их важности. Между тем из всех наук, которые человек может и должен знать, главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра; и из всех искусств главнейшее есть искусство уметь избегать зла и творить добро с наименьшей, по возможности, затратой усилий» (Толстой, 1984, с. 22).

Характеристики «помощь» и «советы» в ответах респондентов среднего возраста встречаются достаточно часто, однако, в отличие от подростков, взрослые люди указывают на то, что «мудрый человек не лезет к другим людям с советами и не учит их жизни» (женщина, 32 года), «не дает советов, если его об этом не просят» (женщина, 44 года).

Для респондентов взрослого и старшего возраста важно отсутствие категоричности в суждениях, уместность действий, основанная на рефлексии своего положительного и отрицательного опыта. Мудрый человек никогда «не станет думать, говорить, изъясняться категорично. Он... понимает, сколь неоднозначна и уникальна каждая конкретная ситуация, каждый определенный опыт» (женщина, 26 лет). Мудрость – это «состояние бытия, при котором не занимается какая-либо позиция в дихотомии «хорошо/плохо», «правильно/неправильно». Содержание уступает место контексту» (мужчина,

33 года). Высказывание Фрэнсиса Бэкона: «Нет большей мудрости, чем своевременность», поддержали бы большинство респондентов взрослого и старшего возраста.

Для представителей старшей возрастной группы мудрость – это прежде всего жизненный опыт – 69% респондентов указывают именно эту характеристику. Мудрый человек – всегда «честный, порядочный, справедливый, добрый, любящий, способный оказать помощь в нужный момент» (женщина, 67 лет), он не предаст, не способен на подлость (46%), «предугадывает и просчитывает ситуацию», умеет «думать наперед», готов делиться опытом и способен оказать помощь (однако с указанием «в нужный момент»), не настоять на своем, а «подвести собеседника к правильному решению».

Выводы

В работе продемонстрированы возрастные различия в содержании представлений о мудрости.

Подростки делают акцент на активности мудрого человека, его готовности прийти на помощь действием или советом. Для них мудрый человек – это добрый помощник значительно старше их.

Респонденты среднего возраста понимают невозможность сделать абсолютно верный для всех ситуаций выбор, что отражается в их ответах относительно необходимости рассмотрения проблемы с разных точек зрения, принятия реальности такой, как она есть, невмешательства в чужие дела. Для этого возраста характерно понимание мудрости как внутренней гармонии человека, ее связь с осмыслением собственных оценок добра и зла. Люди в этом возрасте, с одной стороны, стараются отгородиться от непрошеного вмешательства и помощи старшего «мудрого» поколения, а с другой – начинают примеривать мудрость на себя.

Понимание мудрости как «дара распознавания тенденций преобразования, роста, развития жизни людей...» (Анцыферова, 2004, с. 20) демонстрируют только респонденты старшего возраста. В их ответах встречаются такие определения как «предугадывание», «просчет ситуации», и т. д. В этом возрасте люди готовы помогать другим, но эта готовность предполагает уместность и тактичность участия.

Необходимо отметить, что, к сожалению, состав участников исследования (92% женщин, а также не выровненность групп по количеству респондентов) не позволяет говорить об универсальности полученных данных.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Анциферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Горянова Л. Н.* Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способности объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
- Дровосеков С. Э.* Психометрический анализ русскоязычной шкалы мудрости 3D-WS // Прикладная юридическая психология. 2018. № 2. С. 88–95.
- Мехтиханова Н. Н., Кутузова А. Б.* Проблема определения феномена мудрости в психологической науке // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». 2019. № 1 (47). С. 97–100.
- Мехтиханова Н. Н., Смутьсон М. Л.* Мудрость – свойство пожилых и адаптированных? // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. С. 36–40.
- Толстой Л. Н.* Собр. соч. М.: Художественная литература, 1984. Т. 18. С. 22.
- Ardelt M.* Wisdom as expert knowledge system: A critical review of a contemporary operationalization of an ancient concept // Human development. 2004. V. 47. P. 257–285. doi: 10.1159/000079154.
- Glück J., Strasser I., Bluck S.* Gender differences in implicit theories of wisdom // Research in human development. 2009. V. 6 (1). P. 27–44.
- Jeste D. V., Ardelt M., Blazer D., Kraemer H. C., Vaillant G., Meeks T. W.* Expert consensus on characteristics of wisdom: A delphi method study // The gerontologist. 2010. V. 50 (5). P. 668–680.

Ideas about wisdom of people of different age

E. A. Nikitina

Institute of Psychology RAS, Moscow

The paper demonstrates the ideas about wisdom and wise man of adolescents, adults and the elderly people. It is shown that for respondents of all ages wisdom is associated not only with the cognitive sphere, but also with experience, the right moral choice and readiness to help. Adolescents emphasize the activity of a wise person, their ability to help others, while for

respondents of middle adult and older age unambiguity in judgments, relevance of actions based on the reflection of their positive and negative experience is more important. Only older respondents demonstrate wisdom understanding as a “gift of anticipation”.

Keywords: wisdom, L. I. Antziferova, “gift of anticipation”, representations about wisdom, age differences.

Идентичность подростков в аспекте ресоциализации

О. О. Савина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
savindm2006@gmail.com

В статье представлена попытка осмысления значения идей Л. И. Анцыферовой для исследований в области идентичности. Социокультурные трансформации приводят к изменению процессов социализации индивидуумов. В связи с указанными выше особенностями современной ситуации заостряется внимание на возможностях эффективной ресоциализации, направленной на соответствие новой для личности социальной ситуации или социума в целом. Акцент ставится на ценностных аспектах идентичности и рассмотрении ресоциализации как трансформации ценностных структур личности в условиях смысловой гетерогенности. Подчеркивается, что трансформация идентичности является основанием и в тоже время результатом ресоциализации. Методика: интернет-опрос, анализ нарративов в интернет-блогах, на страницах в социальных сетях подростков; глубинное интервью подростков, проявляющих интерес к субкультуре отаку. Всего опрошено 635 подростков. Современные информационные, цифровые технологии создают возможности для ресоциализации, позволяя как преодолевать пространственно-временные, социокультурные ограничения, так и усиливая маргинализацию.

Ключевые слова: личность, идентичность, развитие, подростковый возраст, цифровая ресоциализация, ценности субкультуры, виртуальная идентичность.

Проблема

Современная наука, в частности, отечественная психология находится в сложной ситуации, связанной с неопределенностью, а порой и утратой теоретико-методологических оснований исследований. Открытость и доступность информации о достижениях мировой

исследовательской практики не приводят к должному критичному осмыслению тех базисных принципов, на которых они построены. В своих исследованиях Л. И. Анцыферова, несмотря на существовавшие в отечественной психологии трудности идеологического плана, сочетала в своей научной деятельности восприимчивость к новым продуктивным идеям, широкую научную эрудицию с глубоким теоретическим анализом. Во многом благодаря ее подвижнической деятельности, российские психологи знакомились с работами западных авторов, в том числе, в области идентичности – теме, занимающей чрезвычайно важное место в психологической науке и практике. В данной статье мы заострим внимание на отдельных аспектах, поднятых в работах Л. И. Анцыферовой, которые, на наш взгляд, не утратили свое значение в современной ситуации. В развиваемом ею динамично-личностном подходе личность не есть абстрактное качество, свойство индивида, нечто стабильное, но живое, становящееся, всю жизнь развивающееся, преобразующее себя и окружающий мир. Акцентируя внимание на созидание человеком себя, своего внутреннего мира, собственной душевной жизни, Людмила Ивановна основывается на идеях К. Г. Юнга, С.Л. Рубинштейна о достраивании, доопределении человеком себя, которое предполагает «многогранную, напряженную внутреннюю работу» (Анцыферова, 2000, с. 28). Изменчивость жизни, общества вызывает, по мнению Л. И. Анцыферовой, «необходимость для человека постоянного творения и креативной трансформации как себя, так и условий своей жизни» (Анцыферова, 2000, с. 30).

Преобразовательная, конструктивная направленность человека на мир и на себя осуществляется в реальной жизни (Анцыферова, 1990). Ход изменений личности не всегда прогрессивное, поступательное развитие от низшего к высшему, от несовершенного к застывшему совершенству. Ему свойственны гетерохронность разных линий, переплетение сознательных и неосознаваемых представлений, переживаний, ощущений (Анцыферова, 1989). Для понимания формирования идентичности личности важны вопросы, которые ставятся в работах Л. И. Анцыферовой, о «значимых других», о том, как личность присваивает, «превращает их в «свое иное», что наполняет творимое человеком личностное пространство–время (Анцыферова, 2000). Намеченные в динамическо-личностном подходе представления о конструировании, производстве идентичности в определенной мере созвучны разработкам в русле культурно-деятельностной психологии, в частности концепции психологической трансформации личности и работы личности (Магомед-Эминов,

2017). В данном подходе утверждается работа личности по преобразованию исходного содержания в трансформированную предметность.

Итак, мир, в котором живет и действует современный человек, требует от него постоянного определения и переопределения ценностей, смыслов для решения жизненных смысловых задач. В связи с чем процесс ресоциализации приобретает постоянный характер, а не ограничивается отдельными временными отрезками жизненного пути, не приурочен к конкретному возрасту. Идентичность рассматривается как конструируемая, творческий акт (Анцыферова, 1978), становящаяся, трансформирующаяся, транзитная, т. е. проект, а не окончательный результат социализации (Магомед-Эминов, 2017). Одно из перспективных направлений – изучение идентичности в аспекте ресоциализации, в том числе в связи с глобальной трансформацией процесса культурно-исторического развития человека под влиянием новых информационных технологий (Асмолов, Асмолов, 2010; Марцинковская, 2012; Солдатова, 2017). С появлением интернета, социальных сетей, чатов, блогов и т. д. в разговорах об идентичности появилось еще одно направление – виртуальная идентичность. Интернет предоставляет возможность вести «двойную жизнь», значительно расширить свое социальное окружение. Причем, если социальные сети содержат в себе лишь внешнюю оболочку идентичности, то для ее большего раскрытия предпочтительны блоги как платформа для персонального контента личности. В области киберпсихологии углубляются представления о человеческом Я в контексте виртуального общения и взаимодействия, возможностях виртуального управления собой, конструировании привлекательного образа себя и мира, производство событий и их фиксация, причем увеличение требований к верификации пользователей изменяет отношение к виртуальной идентичности как к «ложной» (White, Cutello, Gummerum et al., 2017). Подростковый возраст является одним из самых сложных периодов становления личности, подростки одновременно существуют в двух мирах, реальном и виртуальном.

Цель и методика исследования

Эмпирическое исследование было направлено на выявление психологических особенностей конструирования идентичности в интернете у подростков и юношей в связи с ресоциализацией (в случае кардинального расхождения прежних и ныне действующих ценностно-

смысловых ориентиров). Исследование включало 2 серии: 1 серия – интернет-опрос, анализ нарративов в интернет-блогах, на страницах в социальных сетях подростков (всего 605 чел.), среди них были выделены проявляющие интерес к субкультуре отаку (любители аниме и манги); 2 серия – глубинное интервью с подростками (22 чел.), которые затем были разделены на группы в зависимости от ориентации на социальное подражание (1 группа) или ощущении принадлежности к субкультуре отаку (2 группа).

В 1 серии, которая носила характер поискового исследования, выявлены особенности идентичности подростков в связи с увлечением популярной японской субкультурой отаку (аниме и манги), возникающих на стыке реального и виртуального миров. Подросток пытается найти примеры, за которыми можно следовать, опору в конструировании собственной идентичности. Герои манги и аниме зачастую воспринимаются как образцы, создатели стараются сделать их максимально близкими для читателей и зрителей, а использование образов школьников и учителей делает проблемы героев понятными для подростков. У любителей манги и аниме обнаруживается полная или частичная идентификация с любимым персонажем, поиск сходства и изменение как внешности, так и внутреннего мира для преодоления различий. Если применить оценочные суждения, то можно выделить позитивный аспект подобной идентификации, поскольку главные герои комиксов и мультфильмов почти всегда обладают достаточно высокими нравственными качествами, такими как честность, доброта, готовность помочь и др. Если герой не обладает ими в самом начале, то по ходу развития сюжета происходит его изменение, которое достаточно полно раскрывается автором и во многом направлено на формирование у зрителей представления о том, каким именно моральным обликом должен обладать «хороший человек». Негативная сторона погружения в субкультуру проявляется в ряде нежелательных тенденций: отчуждении и разрыве привычных социальных связей в реальности, нарушении адекватного восприятия себя и окружающей реальности; идентификации с персонажем другого пола. При слишком полном соотношении себя с персонажем может сформироваться неадекватная гендерная идентичность, что проявляется в говорении о себе в другом роде (что в данный момент весьма распространено в интернете), а также искажениях поло-ролевого поведения, вплоть до трансформаций сексуальных влечений. Увлечение аниме нередко оказывает влияние и на внешний облик подростков: предпочтение одежды и аксессуаров с аниме-символикой (футболки, сумки), дополнительно украшен-

ных значками с персонажами и надписями; появление во внешнем виде элементов косплея (т. е. стрижек и париков под любимого персонажа, различных элементов его одежды и аксессуаров, например, лоли-костюмов для создания образа маленькой девочки или куклы), вплоть до ношения одежды по японской моде, повседневных аксессуаров, распространенных в Японии, нехарактерных для европейской культуры стрижек и причесок.

Этническая идентичность подростка также может подвергнуться изменениям, так как подросток, сравнивая свои индивидуальные привычки, находит общее с особенностями представителей иной этнической группы. Во время знакомства с новой культурой в процессах идентификации-сепарации происходит пересмотр ранее усвоенных в социализации ценностей, образцов поведения, отношений, в том числе к собственному Я и другому. Данное исследование показало, что участники форумов оценивают влияние, которое оказало аниме на их жизнь, неоднозначно. По этим данным, больше всего высказываний, 48%, оказались отнесены к нейтральной группе. Это обусловлено тем, что многие участники форумов не только отвечали на поставленный вопрос, но и вступали в диалоги, относящиеся к теме только косвенно. Хотя небольшая часть этих нейтральных ответов и касалась непосредственно влияния аниме на жизнь подростка. 37% сообщений содержали в себе положительные отзывы о влиянии этой субкультуры на жизнь. Отмечались такие качества, как улучшение характера, новые знакомства, усвоение определенных правил и норм, изучение культуры и языка Японии. Отрицательное влияние аниме отметили около 15% пользователей в исследованной теме. Многие из них говорили о появлении суицидальных мыслей из-за несоответствия идеального нарисованного мира и реальной жизни. При исследовании блогов посетителей аниме-сайтов было выявлено следующая представленность в них определенных сфер жизни: 19% характеристик, относящихся к телесной сфере (внешний вид, здоровье, гендер и т. п.), 35% — к социокультурной сфере (взаимодействие с окружающим миром, культурные предпочтения, например, литература, музыка, живопись и т. п.), 12% — к этнической сфере (самоотнесение к определенной этнической группе, язык) и 11% — к духовной сфере (религиозную, смысловую и т. д. ориентации индивида), 36% — иное.

Вторая серия исследования включала глубинные интервью с подростками 12–17 лет. На основании контент-анализа интервью были сформированы 2 группы, различающиеся направленностью идентификации: «внешней» ориентацией на социальное подражание

(1 группа) или «внутренней», при которой подростки ощущали свою принадлежность к субкультуре отаку (2 группа). У 2 группы, которая характеризуется внутриличностной принадлежностью, преимущественно наблюдались эффекты трансформации: позитивные (расширение интересов, постановка целей и решение задач, увеличение социальных контактов) и нейтральные (проявляющиеся в стойкости, совладании с жизненными трудностями и неудачами); у 1 группы (с внешней, социальной принадлежностью) – как негативные (сужение интересов личности, асоциальное поведение, снижение успеваемости в учебном заведении), так и позитивные. Трансформация идентичности подростков, активно осваивающих ценности иной культуры, в ситуации цифровой ресоциализации проходила в различных сферах – душевной (изменении поведения, чувств, когнитивных), духовной (появлении новых интересов, кумиров, смене веры), социальной (изменении социального окружения, повышении социальной активности), телесной (ощущении своего тела как части себя, смене окружающих вещей, появлении новых домашних питомцев), причем для первой группы характерна духовная и социальная трансформация, а для второй – духовная и душевная. У испытуемых происходила как ретроспективная работа личности, так и проспективная: в своих нарративах они анализируют свое прошлое и ставят планы на будущее. Значимые различия χ^2 ($p < 0,05$) зафиксированы во всех сферах трансформации.

Заключение

Существование в виртуальном мире оказывает значительное влияние на реальное поведение подростков, однако многочисленные исследования не рассматривают цифровое пространство как поле ресоциализации, понимаемой в широком аспекте – как присвоение иных, нежели в первичной социализации, ценностно-смысловых структур. Данное исследование было проведено для выявления психологических особенностей конструирования идентичности в виртуальной реальности у подростков в связи с ресоциализацией, поскольку ценности, нормы, образцы поведения, жизненные задачи в различных пространствах не совпадают, а порой – противоречивы, конфликтны и противоположны. Были обнаружены тенденции трансформации идентичности подростков, увлеченных субкультурой, отличающейся от культуры, в которой воспитывались подростки. Проявления и степень принятия ценностей иной культуры значительно варьировались: от негативных (характеризующихся,

например, неприятием себя, разрывом прежних реальных социальных связей вплоть до затворничества и сознательного одиночества) до позитивных (например, позитивного восприятия себя и другого, расширении круга общения, приносящего удовлетворение). Данное исследование носит, безусловно, поисковый характер в плане изучения возможностей цифровых технологий для ресоциализации, а также оказания психологической помощи тем подросткам, которые в ней нуждаются.

Литература

- Анциферова Л. И.* Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Г. Эриксона // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анциферова. М.: Наука, 1978. С. 212–242.
- Анциферова Л. И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / Сост. Е. В. Филиппова; отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 426–433.
- Анциферова Л. И.* Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 61–77.
- Анциферова Л. И.* Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
- Асмолов А. Г., Асмолов Г. А.* От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 3–21.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Транзитная идентичность: смерть и воскрешение идентичности // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: Сборник научных работ / Отв. ред. О. В. Соловьева, Т. Г. Стефаненко. М., 2017. С. 97–106.
- Марцинковская Т. Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5 (26). С. 7. URL: <http://psystudy.ru>.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
- White C. M., Cutello C. A., Gummerum M., Hanoch Y.* A cross-cultural study of risky online Self-presentation // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2018. V. 21. P. 25–31.

Identity of adolescents in the aspect of digital resocialization

O. O. Savina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article presents an attempt to understand the value of the ideas of L. I. Antziferova for research in the field of identity. Socio-cultural transformations lead to a change in the processes of socialization of individuals. In connection with the above features of the current situation, attention is focused on the possibilities of effective resocialization, aimed at complying with the new social situation for a person or the society as a whole. Emphasis is placed on the value aspects of identity and the consideration of resocialization as a transformation of personality value structures in terms of semantic heterogeneity. It is emphasized that the transformation of identity is the basis and, at the same time, the result of resocialization. Methodology: online survey, analysis of narratives in online blogs and on pages on social networks of adolescents; in interview of adolescents with an interest in the otaku subculture. Total polled 635 adolescents. Modern information and digital technologies create opportunities for re-socialization, allowing both to overcome the space-time, socio-cultural limitations, and increasing marginalization.

Keywords: personality, identity, development, adolescence, digital resocialization, subculture values, virtual identity.

Образ жизненного пути у лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата

С. А. Хазова, Т. И. Беляева

Костромской государственной университет, Кострома
hazova_svetlana@mail.ru
tat.belyaewa@gmail.com

В данной статье рассматриваются особенности образа жизненного пути лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата (n=15), по сравнению с образом жизненного пути взрослых без ОВЗ (n=15). Показано, что описания жизненного пути у людей с НОДА носят более позитивный и действенный характер, чем у их сверстников, отражают стремление к активному изменению собственной жизни и поиску ресурсов для достижения поставленной цели. В то же время видение ими перспектив достаточно размыто, будущее связано с переживанием страха и тревоги, присутствует определенный фатализм, убежденность в невозможности управлять собственной жизнью, более низкая осмысленность жизненных целей. При общей высокой оценке качества жизни респонденты отмечают неудовлетворенность социальной поддержкой и качеством межличностных отношений. Делается вывод о связи особенностей образа жизненного пути у людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата с показателями оценки качества жизни и смысловых ориентаций.

Ключевые слова: образ жизненного пути, субъективное благополучие, качество жизни, смысловые ориентации.

Диктуя достаточно жесткие требования к успешной самореализации личности, современное общество часто не предоставляет достаточных средств и инструментов для этого и, тем самым, нередко оставляет за рамками социального взаимодействия людей с ОВЗ, что обуславливает актуальность исследований и разработки

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00812 «Жизненные траектории лиц с ОВЗ через призму качества жизни».

проблемы жизненного пути лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья.

К проблеме изучения жизненного пути, выделению его компонентов, анализу историко-временных или хронологобиографических аспектов развития личности обращались многие западные и отечественные ученые. Так, например, А. А. Кроник методом каузометрии исследовал причинно-следственные связи между выделенными личностью событиями, представлял жизненный путь как временное измерение бытия человека с точки зрения событий-причин и событий-следствий (Головаха, Кроник, 1988).

Однако для нас принципиально важным представляется изучение жизненного пути с точки зрения его отражения во внутреннем мире личности. Например, А. Адлер, описывая жизненный стиль человека, акцентировал внимание на том значении, которое человек придает миру и самому себе, на его целях, направленности его устремлений (Адлер, 1997). В отечественной психологии в анализе жизненного пути на первое место выходят проблемы развития личности, самосозидания, формирования ценностей и мировоззрения, становления индивидуальности, достижения «личностного совершенства», «жизненного творчества личности» подчеркивается не только зависимость личности от жизни, но и зависимость жизни от личности (Абульханова, 1999; Рубинштейн, 2004). Многие исследователи считают, что жизненный путь обладает пластичностью и гибкостью, что делает его способным к изменению своего направления в зависимости от процесса индивидуализации: человек, проектируя и осуществляя свой жизненный путь, приобретает статус творца своей судьбы, изменяет свой взгляд на действительность.

Целью нашей работы является выявление и описание особенностей не просто жизненного пути, а *образа жизненного пути* как «субъективной картины», представлений о том, как человек проживает и строит собственную жизнь в затрудненных условиях развития.

В концепциях отечественных ученых образ предстает как феномен, порождающий и описывающий психическую реальность. Рассматриваемый в контексте теории отражения, образ, с одной стороны, позволяет увидеть специфику процесса отражения на различных уровнях психической организации человека (Ломов, 1985). С другой позиции, образ, помещенный в пространство сознания, — это интегральный продукт взаимодействия человека с реальным миром, раскрывающий основные функции психики, ее активное деятельностное начало (Артемьева, 1986). Образ как отражение реальности

обладает целостностью, интегральностью, вторичностью, опосредованностью, субъективностью. Соответственно, образ жизненного пути можно понимать как интегральный продукт взаимодействия человека с реальным миром; целостную субъективную картину жизни, отражающую пространственно-временные параметры человеческой жизни и регулирующую активность личности как субъекта жизни. Апеллируя к позиции Л. И. Анцыферовой, можно говорить о том, что образ жизненного пути — это результат индивидуальных интерпретаций происходящего с личностью, «насыщенный модальностями личностных эмоций, осмысленный в диалогах с реальными и идеальными собеседниками», содержащий «намеченные планы и нереализованные замыслы», связанный с уровнем пристрастности, эмоциональности и креативности взаимодействия личности с миром (Анцыферова, 2000, с. 209).

Анализируя особенности субъективного образа жизненного пути лиц в затрудненных условиях развития (в частности, при нарушениях опорно-двигательного аппарата), необходимо говорить о специфических психологических особенностях, присущих этим людям и оказывающих влияние и на отношение к самому себе, и на отношение к окружающему миру, что, в конечном счете, и создает уникальную субъективную картину собственного жизненного пути.

Анализ научных работ отечественных и зарубежных авторов показывает, что людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата присущи следующие личностно-индивидуальные психологические особенности:

- эмоционально-аффективные, выражающиеся в общей астенизации психики, эмоциональной холодности, апатичности, либо же наоборот — чрезмерной лабильности эмоциональных состояний;
- неадекватность самооценки, самовосприятия и построения Я-концепции, выражающаяся либо в виде общей неудовлетворенности собой, принижении собственной значимости, либо же в неадекватно повышенной самооценке, которая является во многом отражением работы защитных механизмов;
- особенности межличностного взаимодействия с окружающими, носящие характер проблем, обусловленных возникающими коммуникативными барьерами;
- особенности мотивационно-потребностной сферы, выражающиеся в неудовлетворенности потребности в общении, признании, но при этом главенствующей роли мотива общения в об-

шей структуре мотивов (Одарущенко, Самсонова, Агасаров, 2017; Пивторак, Кутькина, 2018).

Все это дает основание предположить, что особенности субъективного образа жизненного пути у лиц с НОДА связаны с показателями оценки качества жизни и показателями смысложизненных ориентаций. Данные показатели, по нашему мнению, могут в определенной степени и с необходимыми оговорками способствовать достаточно полному раскрытию той специфики, которая характерна для описаний образа жизненного пути лицами с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

В нашем исследовании принимало участие 30 чел. (16 женщин и 14 мужчин) в возрасте от 20 до 35 лет (средний возраст – 29,2), которую мы разделили на две группы: 1) *основная группа*: 15 чел. (8 женщин и 7 мужчин) с НОДА в возрасте от 20 до 35 (средний возраст – 29,4), из которых у одного человека – тяжелая спастическая тетраплегия; у 2 чел. тяжелая спастическая диплегия и у оставшихся 12 чел. более легкие формы НОДА. Интеллект у всех респондентов сохранен. В качестве базы для проведения исследования был выбран Костромской городской творческий клуб молодых инвалидов «Элениум»; 2) *контрольная группа*: 15 чел. (8 женщин и 7 мужчин) без ограниченных возможностей здоровья в возрасте от 20 до 30 лет (средний возраст – 29,06).

Исследование проводилось с использованием следующих методик.

1. Рисуночная методика «Мой жизненный путь» с последующим контент-анализом ответов при работе с рисунками.
2. Тест смысложизненные ориентации (СЖО), разработанный и адаптированный Д. А. Леонтьевым (1986–1988).
2. Краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни (WHOQOL-BREF) (1991).
3. Шкала субъективного благополучия, адаптированная М. В. Соколовой, 1996.

На первом этапе исследования мы обратились к исследованию различий в представлениях об образе жизненного пути у лиц с ограниченными возможностями здоровья и у лиц, не имеющих ограничений здоровья, и для этого использовали (учитывая возможности респондентов с НОДА) уже существующие графические изображения дороги, выполненные в единой стилистике. Отбор изображений производился на подготовительном этапе, на котором было выбрано 5 наиболее часто выбираемых рисунков (Беляева, 2019).

В качестве категорий анализа для нас выделили следующие:

- 1) особенности названия рисунка;
- 2) характеристика описания особенностей дороги;
- 3) характеристика переживаемого путником, идущим по выбранной дороге.

В качестве подкатегорий мы выделили аспекты аффективно-мотивационного отношения к описаниям: положительные, негативные, нейтральные и действенно-целенаправленные описания.

На первоначальном этапе нашего исследования в представлениях о жизненном пути в обеих группах выделены общие тенденции. В частности, респонденты с условнотипичным развитием и респонденты с НОДА описывают свой жизненный путь в позитивном ключе, что отражается в названиях рисунков и описаниях дороги, а также чувств путника на дороге:

«Это моя дорога, наверное, из-за того, что такая же, как моя жизнь: с изворотами, сложностями. Но надо учиться по ней идти. Радоваться всему, что встречаешь на своем пути. Конечно, еще многому предстоит учиться для того, чтобы пройти этот путь. Но это ведь интересно» (ж., НОДА); *«Наверное, этот рисунок отражает мой жизненный путь просто потому, что нравится мне. Нравятся горы. То подъем, то спуск. Разнообразие. Постоянное изменение. И этого нередко многим не хватает в жизни. Да, этот рисунок больше про то, как я хочу видеть свою жизнь и стремлюсь сделать ее такой»* (м., без ОВЗ).

Однако для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата все же менее характерны негативные описания дороги ($\varphi^*=3,42$, $p\leq 0,000$) и негативные описания переживаний путника ($\varphi^*=2,31$, $p\leq 0,01$), в то время как в описаниях молодых людей без ОВЗ чаще присутствуют ощущения тревоги и одиночества: *«Мрачно как-то. На своем пути ты всегда один. Да, иногда бывают попутчики. Но, все же... Все препятствия и проблемы — они только твои»*.

Анализ ответов в группе с НОДА показал стремление к взаимодействию с социумом; стремление к получению поддержки; поиск своего жизненного предназначения; стремление к установлению тесных, интимных межличностных отношений; стремление к преодолению трудностей; поиск внутренних и внешних ресурсов для осуществления поставленных целей; стремление к получению признания: *«Хотелось бы семью, найти своего спутника жизни»*; *«Есть одна цель сейчас, надо еще выучить английский язык»*.

В исследовании зафиксирована и еще одна важная тенденция: в тех и в других описаниях говорится о необходимости изменения

собственной жизни. Однако в названиях рисунков, описаниях дороги и чувств путника в группе молодых людей с ОВЗ действенных, целенаправленных описаний значимо меньше ($\varphi^*=2,32$, $p\leq 0,01$), т.е. необходимость и важность изменений декларируется, но реальные усилия предпринимается реже.

Анализ результатов изучения качества жизни и субъективного благополучия позволяет говорить о том, что люди с нарушениями ОДА получают меньше социальной поддержки, в первую очередь от своего ближайшего окружения, чем люди без ограниченных возможностей здоровья, и меньше удовлетворены ею ($U=57$, $p\leq 0,02$); они менее подвержены изменениям настроения ($U=39$, $p\leq 0,002$) и выше оценивают свое субъективное благополучие ($U=60$, $p\leq 0,003$).

Что касается смысложизненных ориентаций, то здесь выявлены значимые различия по осознанности целей ($U=59,5$, $p\leq 0,02$) и восприятию собственных возможностей к контролю жизни ($U=63$, $p\leq 0,04$), т.е. для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата больше, чем для людей без ограниченных возможностей здоровья, характерен определенный фатализм, неверие в собственные силы, убежденность в невозможности управлять собственной жизнью, а также проживание жизни по принципу «здесь-и-сейчас» и постановка неотдаленных целей.

Корреляционный анализ позволяет говорить о том, что между показателями оценки качества жизни, субъективного благополучия смысложизненных ориентаций и характеристиками образа жизненного пути наблюдаются связи. Так, позитивное самовосприятие связано с позитивным описанием собственной дороги ($r=0,57$, $p\leq 0,032$), значимость микросоциальной поддержки тем выше, чем менее позитивным является название дороги ($r=-0,55$, $p\leq 0,04$) и менее действенным является ее описание ($r=-0,61$, $p\leq 0,02$), сильные колебания настроения снижают положительное отношение к жизненной дороге, отражающееся в названии рисунка ($r=-0,55$, $p\leq 0,04$). Кроме того, позитивное название рисунка связано с высокой осмысленностью жизни ($r=0,54$, $p\leq 0,04$), а негативное описание собственной дороги коррелирует с неудовлетворенностью результатом жизни ($r=0,64$, $p\leq 0,01$). Все это говорит о важности понимания целей и смыслов в жизни для позитивного восприятия собственной жизни, а также вкладе неудовлетворенности ее результатом в стремление что-либо менять и наполнять жизнь целями.

Однако необходимо отметить, что респонденты с ограниченными возможностями здоровья важным условием достижения целей и по-

зитивного восприятия жизни и себя как ее творца видят поддержку со стороны близкого социального окружения.

Таким образом, подводя итог можно сделать следующие *выводы*.

1. Люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата и люди, которые не имеют ограниченных возможностей здоровья, имеют различия в образах жизненного пути. Так, для молодых людей с НОДА менее типичными являются негативные эмоции по отношению к своему жизненному пути, но более выраженным является желание изменений собственной жизни. В то время как для людей без ограниченных возможностей здоровья преобладающими является недовольство сложившимися на данный момент жизненными обстоятельствами; активное стремление к ее изменению, что связано с переживанием тревоги.
2. Людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата свойственны отсутствие стремления к постановке отдаленных целей, акцент на «сегодняшнем дне», а также определенный фатализм, убежденность в невозможности управлять собственной жизнью. В то время как для людей без ограниченных возможностей здоровья более характерны представления об управляемости собственной жизнью, контролю над ней и, как следствие, выстраивание более глобальных планов и целей жизни.
3. Люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата отмечают недостаток социальной поддержки, в первую очередь – от своего ближайшего микросоциального окружения (семья, друзья, коллеги по работе и т. д.), а также более низкое субъективное благополучие.
4. У людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата наблюдается связь описаний образа жизненного пути с оценкой социальной поддержки, субъективного благополучия и осмысленностью жизни и неудовлетворенностью ее результатом. Это, с одной стороны, свидетельствует о понимании молодыми людьми с НОДА необходимости ее изменения и поиске ресурсов для этого, что воспринимается как вызов, но, с другой стороны – с пониманием собственных ограничений и необходимости микросоциальной поддержки.

Полученные нами данные имеют большую теоретическую и практическую значимость, так как позволяют расширить представления о специфике образа жизненного пути у лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата и могут быть использованы при разработке

программ адаптации и реабилитации лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Литература

- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности. М.: Институт практической психологии, 1999.
- Адлер А.* Наука жить. Киев, 1997.
- Анцыферова Л. И.* Психология формирования и развития личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 207–213.
- Артемьева Е. Ю.* Психология субъективной семантики. М., 1986.
- Беляева Т. И.* Субъективный образ жизненного пути у лиц с ограниченными возможностями здоровья: Квал. работа. Кострома, 2019.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 199–215.
- Ломов Б. Ф.* Проблема образа в психологии // Вестник АН СССР. 1985. № 6. С. 85–92.
- Одарущенко О. И., Самсонова Г. О., Агасаров Л. Г.* Методы психологической реабилитации студентов с функциональными нарушениями опорно-двигательного аппарата // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2017. Т. 16. № 1. С. 35–38.
- Пивторак А. Н., Кутькина О. П.* Социально-культурная реабилитация людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата средствами бальной хореографии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 131–136.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004.

The image path of life in individuals with mobility disorders

S. A. Khazova, T. I. Belyaeva
Kostroma State University, Kostroma

This article discusses the features of the image path of life of persons with mobility disorders (n=15) compared with the image of the life way of adults without disabilities (n=15). It is shown that the descriptions of the life way of people with disabilities are more positive and effective than of their peers, which reflects the desire to actively change their lives and search for re-

sources to achieve this goal. At the same time, their vision of the prospects is quite blurred, the future is associated with the experience of fear and anxiety, there is a certain fatalism, the belief in the inability to manage their own lives, a lower sense of life goals. With a high overall assessment of the quality of life, respondents noted dissatisfaction with social support and the quality of interpersonal relations. The conclusion is made about the connection of the features of the way of life in people with mobility disorders with indicators of assessing the quality of life and life orientations.

Keywords: way of life, subjective well-being, quality of life, life orientations.

Ценности и удовлетворенность жизнью людей пенсионного возраста в стареющем обществе

Ю. В. Честюнина, И. А. Трушина, Е. В. Веденева

Челябинский государственный университет, Челябинск
chestyunina@list.ru
trushina_ia@mail.ru
kotia2882@mail.ru

В статье проводится анализ результатов исследования, целью которого стало изучение специфики взаимосвязи жизненных ценностей и удовлетворенности жизнью у людей пенсионного возраста. Исследование проводилось на выборке людей пенсионного возраста. Объем выборки составил 160 чел. В результате, наибольшее количество взаимосвязей было зафиксировано между различными параметрами удовлетворенности жизни с ценностью «Достижение». Было обнаружено, что удовлетворенность условиями жизни имеет большое количество связей с ценностями (с универсализмом, стимуляцией, гедонизмом и достижением). Суммарный показатель удовлетворенности жизнью положительно коррелирует с такими жизненными ценностями как гедонизм и достижение. Таким образом, люди пенсионного возраста, у которых есть амбиции, для которых важно достигать успеха и получать социальное одобрение, с одной стороны, и стремящиеся получать наслаждение от жизни, с другой стороны, больше удовлетворены жизнью, чем их ровесники, не имеющие таких потребностей.

Ключевые слова: жизненные ценности, удовлетворенность жизнью, пенсионный возраст, феномен стареющего общества.

Введение

Актуальность проблемы исследования обусловлена возрастающим интересом к психологическим особенностям лиц пожилого возраста, в связи с увеличением относительной численности пожилых лю-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00201А.

дей в мире, происходящим из-за падения рождаемости и ряда других негативных демографических тенденций.

Старение населения является закономерным и порождает множество проблем социально-экономического и психолого-физиологического характера. Этот процесс является сложным, его последствия несут в себе комплексный характер для государства. Проблема старения населения становится актуальной не только в развитых, но и в развивающихся странах. Для ее решения, прежде всего, необходима разработка и практическое внедрение новых инструментов, позволяющих интегрально на основе статистических, психологических, экономических и социологических данных описывать текущее состояние общества с выделением показателей, значимых для измерения и контроля основных аспектов экономического и социального благополучия пожилых людей. В научной литературе присутствует достаточно исследований, оценивающих экономические, социальные, психологические, медицинские аспекты и факторы, тем или иным образом связанные с благополучием и удовлетворенностью жизнью пожилого населения. В частности, активно изучаются гендерные, возрастные, культурные особенности старения, оценивается благополучие пожилых людей с ограниченными возможностями, находящихся в домах престарелых, с разным семейным статусом и т. д.

Рассмотрим подробнее ряд исследований, изучающих проблему старения. Старость сегодня рассматривается не только как паспортный возраст, состояние здоровья, но и как социальный конструкт, отчасти навязанный стереотипами, не соответствующими современным демографическим и, главным образом, социально-психологическим условиям, а также как уровень социальной активности, связанный с состоянием здоровья и измеряемый на основе объективных показателей. Социологи-функционалисты выдвинули теорию «отсоединения» (disengagement), согласно которой старость характеризуется утратой социальных функций и связей. Согласно ей, социальная роль пожилых — это «роль без роли» (Cumming, Henry 1961). В то же время возникла теория активности, которая настаивала, что утрата социальных ролей в старости вовсе не обязательна и даже нежелательна, старость должна быть временем активной и творческой жизни (Havighurst, Albrecht, 1953).

П. Б. Балтес рассматривает изменения в способности индивида к развитию на протяжении всей человеческой жизни, определяя связанные и несвязанные с возрастом факторы развития (Baltes, 1987). М. Шэфер, К. Ферраро и С. Мустилло описывают последствия со-

бытий на ранних стадиях жизни и их влияния на качество жизни в пожилом возрасте, изучается взаимосвязь неблагоприятных ситуаций в жизни на здоровье в позднем возрасте (Schafer, Ferraro, Mustillo, 2011). Е. Динер рассматривает влияние ряда субъективных и объективных факторов, на благополучие и удовлетворенность жизнью, а также способы их измерения (Diener, 1984). В исследованиях Л. К. Джордж изучаются способы оценки субъективного благополучия в позднем возрасте, факторы, влияющие на субъективное благополучие, вопросы здоровья и материальной обеспеченности. Особое внимание уделяет социальному и психологическому компонентам благополучия (George, 2010). Л. И. Анцыферовой выделены типы продуктивного старения, которые связаны с преимущественной ориентацией на творчество и реализацию духовно-нравственных отношений (Анцыферова, 2006). В ходе исследования Брима, Балтеса и др. были выделены поведенческие, социальные, психологические, биологические и неврологические факторы, влияющие на здоровье и благополучие людей на всех этапах жизни (National Survey of Midlife..., 1987). Важным фактором, влияющим на благополучие и удовлетворенность жизнью, особенно в пожилом возрасте, являются семейные взаимоотношения. Исследование Р. Уолкера посвящено оценке удовлетворенности жизнью пожилых семейных пар, особое внимание уделяется изучению таких факторов, как здоровье, эмоциональное состояние и финансовая обеспеченность (Walker, Luszcz, 2009). Исследования показывают сильную связь внутренней мотивации (*i-e-congruency*) и удовлетворенности работой у старшего поколения сотрудников (Thielgen, Krumm, Rauschenbach et al., 2015).

Таким образом, можно отметить, что к настоящему моменту в этой области имеется значительный опыт теоретико-методологического и практического значения, однако не существует однозначных подходов в оценке удовлетворенности жизнью пожилого населения. Эта область продолжает активно развиваться и в академическом, и практическом плане. Данная статья посвящена анализу взаимосвязи ценностей и удовлетворенности жизнью людей пенсионного возраста.

Методы и методики исследования

Исследование удовлетворенности жизнью проводилось с помощью методики «Шкала удовлетворенности жизнью» (*сокр. ШУДЖ, англ. Satisfaction with Life Scale, сокр. SWLS*), представляющей собой крат-

кий скрининговый самоопросник, предназначенный для массовых опросов респондентов о степени субъективной удовлетворенности их жизнью. Методика была предложена Е. Динер с коллегами в 1985 г., адаптирована и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним в 2003 г. на русском языке.

Выявление особенностей жизненных ценностей проводилось с помощью методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца.

Методика представляет собой формат опросника PVQ, где каждый из пунктов был ограничен одним предложением. Эти предложения описывают цели личности, устремления или желания, которые неявно указывают на важность той или иной ценности. Например, пункт «Для него важно соблюдать все законы» описывает человека, ценящего Конформизм – Правила. Относительно каждого описания респонденты указывают, насколько похож данный человек на них самих. Ценности респондентов выводятся из имплицитных ценностей людей, которых они считают похожими на себя. Шкала ответов содержит 6 альтернатив: 0 – совсем не похож на меня, 1 – не похож на меня, 2 – мало похож на меня, 3 – немного похож на меня, 4 – похож на меня, 5 – очень похож на меня.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Исследование проводилось на базе государственного стационарного учреждения социального обслуживания «Челябинский геронтологический центр», ФГБОУ ВО «ЧелГУ», МБУ «КЦСОН по Калининскому району г. Челябинска», ООО «Челябинская художественная фабрика „Брегет“», в период с октября 2018 по январь 2019 г.

Выборка – пенсионеры (N=160, средний возраст – 66,4 года). Сводные данные выборки исследования: работающих пенсионеров 91 чел., из них 40 мужчин, 51 женщина; неработающих пенсионеров – 69 чел., из них 15 мужчин, 54 женщины; пенсионеров, имеющих инвалидность, – 34 чел., из них 13 мужчин, 31 женщина; пенсионеров без инвалидности – 126 чел.; одиноких пенсионеров – 52 чел.; пенсионеров, имеющих семью, близких, – 108 чел.

Описание и анализ полученных результатов

Результаты корреляционного анализа показали следующие результаты. Так, чем больше выражена у пожилых людей ценность «Достижения», тем идеальнее они считают свою жизнь ($r=0,186$ при $p=0,01$), тем выше удовлетворенность условиями своей жизни

($r=0,248$ при $p=0,001$) и тем выше оценка достижения главных целей ($r=0,168$ при $p=0,03$). При этом, по Ш. Шварцу, определяющая цель типа ценностей «Достижения» – личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Проявление социальной компетентности (что составляет содержание этой ценности) в условиях доминирующих культурных стандартов влечет за собой социальное одобрение.

Ценность «Универсализм» положительно коррелирует с удовлетворенностью условиями своей жизни ($r=0,187$ при $p=0,016$). То есть чем выше пожилые люди проявляют понимание, терпимость к людям, чем значимее для них защита благополучия окружающих людей и природы, тем более для них характерна удовлетворенность условиями своей жизни. Также необходимо отметить, что удовлетворенность условиями жизни у людей пенсионного возраста положительно связана с ценностями гедонизма ($r=0,266$ при $p=0,001$) и стимуляции ($r=0,252$ при $p=0,001$). Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что женщины и мужчины пенсионного возраста, стремящиеся получать наслаждение или чувственное удовольствие от жизни, имеющие потребность в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности, больше удовлетворены условиями своей жизни, чем их ровесники, не имеющие таких потребностей.

Суммарный показатель удовлетворенности жизнью положительно коррелирует с такими жизненными ценностями как гедонизм ($r=0,155$ при $p=0,046$) и достижение ($r=0,202$ при $p=0,009$). Таким образом, люди пенсионного возраста, у которых есть амбиции, для которых важно достигать успеха и получать социальное одобрение, с одной стороны, и стремящиеся получать наслаждение от жизни, с другой стороны, больше удовлетворены жизнью, чем их ровесники, не имеющие таких потребностей.

Выводы

Таким образом, подводя итоги вышеизложенного, можно сделать ряд выводов относительно взаимосвязи ценностей и удовлетворенности жизнью людей пенсионного возраста. Во-первых, большинство аспектов удовлетворенности жизнью коррелируют с ценностью достижения. То есть люди пенсионного возраста, для которых важно продвижение вперед, которые стремятся делать все лучше, чем другие, для того, чтобы преуспеть в жизни лучше оценивают условия своей жизни, говорят о том, что она близка к идеалу.

Во-вторых, было обнаружено, что удовлетворенность условиями жизни имеет большое количество связей с ценностями (с универсализмом, стимуляцией, гедонизмом и достижением).

В-третьих, суммарный показатель удовлетворенности жизнью положительно коррелирует с такими жизненными ценностями как гедонизм и достижение. Таким образом, люди пенсионного возраста, у которых есть амбиции, для которых важно достигать успеха и получать социальное одобрение, с одной стороны, и стремящиеся получать наслаждение от жизни, с другой стороны, больше удовлетворены жизнью, чем их ровесники, не имеющие таких потребностей.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Baltes P. B.* Theoretical propositions of life-span developmental psychology: on the dynamics between growth and decline // *Developmental psychology*. 1987. V. 23. № 5. P. 611–626.
- Cumming E., Henry W.* Growing old: the process of disengagement. N. Y.: Basic books, 1961.
- Diener E.* Subjective well-being // *Psychological bulletin*. 1984. № 95. P. 542–575.
- George L. K.* Still happy after all these years: Research frontiers on subjective well-being in later life // *The journals of gerontology. Series B. “Psychological sciences and social sciences”*. 2010. № 65. P. 331–339.
- Havighurst R. J., Albrecht R. E.* Older people. New York: Longmans & Green, 1953.
- National survey of midlife development in the United States (MIDUS) 1995–1996 / O. G. Brim, P. B. Baltes, L. L. Bumpass et al. Ann Arbor, MI: Inter-University consortium for political and social research. 1987. URL: <http://midus.wisc.edu> (дата обращения: 25.11.2015).
- Schafer M. H., Ferraro K. F., Mustillo S. A.* Children of misfortune: early adversity and cumulative inequality in perceived life trajectories // *American Journal of Sociology*. 2011. № 116. P. 1053–1091.
- Thielgen M. M., Krumm S., Rauschenbach C., Hertel G.* Older but wiser: Age moderates congruency effects between implicit and explicit motives on job satisfaction // *Motivation and emotion*. 2015. V. 39 (2). P. 182–200.
- Walker R. B., Luszczyk M. A.* The health and relationship dynamics of late-life couples: a systematic review of the literature // *Ageing and Society*. 2009. № 29. P. 455–480.

Values and life satisfaction of the people in age of retirement in the ageing society

Yu. V. Chestyunina, I. A. Trushina, E. V. Vedeneeva
Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

In the article the analysis of the results of the research is presented, the objective of which was to research the features of the relationship between life values and life satisfaction of the elderly people. 160 people took part in this research. The majority of links was revealed between parameters of life satisfaction and value “Achievement”. It was found, that life satisfaction had many relationships with values (universalism, stimulation, hedonism and achievement). The general indicator of life satisfaction is associated positively with life values such as hedonism and achievement. The people in the age of retirement who have ambitions, for whom it is important to achieve success and get social approval, on the one hand, and seeking for enjoyment of life, on the other hand, are more satisfied with their life than people of the same age who do not have these needs.

Keywords: life values, life satisfaction, age of retirement, phenomenon the ageing of the society.

Особенности возрастной идентичности младших подростков из различных регионов РФ

Т. А. Швец

Центр экспериментальной психологии
Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва
schwets@gmail.com

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей возрастной идентичности подростков, проживающих в сельской местности республики Коми, республики Тува, Нижегородской области, а также малого города Московской области. Всего в исследовании приняли участие 337 учащихся 5–8 классов. Подростки оценивали свой возраст в разных сферах отношений и деятельности. Анализ показал, что в целом подростки из всех регионов чувствуют себя взрослее своего возраста, в основном это касается сфер интересов, активности в интернете, общения в соцсетях и отношений с близким другом. При этом все подростки чаще считают, что учитель относится к ним в соответствии с их возрастом. Кроме того, подростки менее завышают свой возраст в обязательных видах деятельности, при этом дети из сельской местности чаще чувствуют себя на свой возраст в сфере домашних обязанностей, а городские – в учебе. Таким образом, настоящее исследование показывает, что, хотя в среднем подростки чаще чувствуют себя взрослее, однако существуют сферы, которые дают им основания для субъективного восприятия себя на свой возраст.

Ключевые слова: подростковый возраст, возрастная идентичность, чувство взрослости, субъективный возраст, кросс-культурное исследование.

Увеличение разрыва между миром детей и миром взрослых в одних сферах и стирание между ними границ – в других сферах,

---

Исследование выполнено в рамках госзадания МОН РФ № 25.3916.2017/ИП «Кросс-культурные детерминанты когнитивно-коммуникативных процессов».

усложнение перехода между ними и, как следствие, удлинение подросткового периода диктует современным исследователям представление о взрослении как о «лабиринте развития», в котором нет магистрального пути (Толстых, 2015). Метафора развития как «ризомы», предложенная К. Н. Поливановой, пришедшая взамен метафоры «стержневой корневой системы», сегодня позволяет поставить перед возрастными психологами новые исследовательские задачи, которые связаны с поиском индивидуальных траекторий вхождения во взрослость (Поливанова, 2016).

Одну из таких задач решает изучение возрастной идентичности современных подростков, поскольку эта сторона становящегося самосознания, по мнению ряда ученых, может иметь ключевое значение для выбора своей индивидуальной траектории развития в подростковом возрасте, выступая в роли психологического механизма регуляции (Мелехин, 2015; Сергиенко, 2013). Кроме того, в выборку представленного исследования были включены подростки, проживающие в разных социо-экономических и культурных условиях, что позволяет рассмотреть феномен возрастной идентичности более полно.

В представленном исследовании приняли участие дети, проживающие на территории республики Коми в изолированных поселениях, удаленных от крупных городов и от райцентров. В современном мире технологические, экономические и культурные изменения достаточно быстро влекут за собой социальные и психологические трансформации, однако темп их неравномерен в разных частях страны. Поэтому можно предположить, что специфичность развития подростков, проживающих в обособленных поселениях, составляет некоторая «реликтовость», понимаемая как задержка в темпе происходящих психологических и социальных изменений по сравнению с теми, кто проживает в Центральной части России.

Таким образом, основным в представленной работе является исследовательский вопрос: каковы особенности возрастной идентичности подростков, проживающих в изолированных сельских поселениях республики Коми в сравнении с детьми из Центральной России и сельской местности республики Тува.

Методы исследования

В работе была использована методика когнитивной оценки возраста Б. Барака, которая в соответствии с поставленными целями была модифицирована следующим образом: расширен список сфер, в кото-

рых оценивался возраст, оценочные шкалы представлены графическим способом (Barak, 2009). Данная методика опирается на модель «Age-of-me» Р. Кастенбаума, согласно которой существует 4 параметра, по которым можно оценить представление о возрасте: биологический возраст («feel-age») – на сколько лет человек себя ощущает, эмоциональный («look-age») – на сколько лет он думает выглядит, социальный («do-age») – на сколько лет он действует и интеллектуальный («interest-age») – к какому возрасту относятся его интересы – русскоязычный вариант перевода терминов предложен Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2013).

Мы предложили респондентам оценить биологический и эмоциональный возраст в разных сферах отношений: с родителями, с бабушками/дедушками, с сиблингами, с одноклассниками, с учителем и близким другом. Социальный возраст подростки оценивали в следующих видах деятельности: работа на уроке, выполнение домашних заданий к школе и домашние обязанности. Интеллектуальный возраст оценивался детьми в видах деятельности, которую они сами иницируют: общение в социальных сетях, активность в интернете в целом, а также сфера увлечений и интересов.

У каждого подростка анализировались соотношения субъективного и хронологического возраста по каждой из предложенных сфер. Также рассчитывался процент респондентов, которые воспринимают свой возраст старше, равным или младше хронологического возраста в каждой сфере. Кроме того, рассчитывались средние значения занижения и завышения возраста по каждой шкале. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программ MS Excel 2013 и IBM SPSS Statistics v. 22. Оценка значимости различий полученных в исследовании результатов проводилась с помощью теста Манна–Уитни для независимых выборок. Различия показателей считали значимыми при $p < 0,05$.

Выборка исследования

Всего в исследовании приняло участие 43 учащихся 5–8 классов (22 мальчика и 21 девочка, средний возраст – 12,3 года), проживающих в сельской местности республики Коми. Сравнение данных проводилось с выборкой, состоящую из 295 учащихся 5–8 классов, из которых 164 учатся в средней школе г. Лобни Московской области (80 мальчиков и 84 девочки, средний возраст – 11,8 года), 98 учатся в средней школе села Чернуха Нижегородской области (48 мальчиков и 50 девочек, средний возраст – 11,9 года) и 33 в средней школе

села Кунгуртуг республики Тува (19 мальчиков и 14 девочек, средний возраст — 11,7 года).

Исследование проводилось в деревне Еремеево и в поселке Приуральский. Особенностью месторасположения обоих поселений является их труднодоступность. Соответственно, первой характеристикой рассматриваемых поселений является их изолированность от «внешнего» мира, второй — информационная замкнутость, что выражается в ограничениях работы телефонной и интернет-коммуникаций и приводит к сохранению традиционной практики передачи информации, что проявляется в совместном времяпрепровождении для общения и обмена новостями. Важной особенностью жизни в поселках республики Коми является и то, что дети с малых лет включены в традиционные сферы деятельности и вносят вклад в жизнь семьи.

Результаты исследования

Анализ биологического возраста показал, что в целом дети из сел Республики Коми воспринимают себя чаще как более старших. Ранее нами было показано, что подростки, живущие в сельской местности (Тувы и Центральной России) чаще ощущают себя на свой возраст (Швец, 2017). Однако, различия между всеми выборками незначимы. Также анализ показал, что в среднем подростки из Республики Коми завышают свой возраст на величину 3,27 года, что меньше, по сравнению с респондентами из других регионов.

Подростки, проживающие в селах Коми, завышают свой возраст во всех сферах отношений, что особенно касается сфер общения со сверстниками и в меньшей степени отношений со взрослыми. Ранее было обнаружено, что подростки, проживающие в других регионах, в отношениях с учителем чаще ощущают себя на свой возраст, но для детей республики Коми это не так, они свой возраст завышают в отношениях с учителем. Однако подтвердилось, что все подростки чувствуют себя взрослее, прежде всего, в отношениях с близким другом (там же).

Анализ эмоционального возраста показал, что сельские подростки Республики Коми так же, как и подростки из других регионов, не склонны считать, что они выглядят младше своих лет, в основном считая, что выглядят старше либо на свой возраст.

В среднем подростки, проживающие в Коми, считают, что выглядят старше на величину в 3,22 года, что меньше, по сравнению с жителями других регионов. При этом они считают, что выглядят более

старшими в глазах мальчиков, брата, близкого друга и отца, а в глазах учителя на свой возраст, что характерно и для подростков из Центральной России (там же). Однако чаще всего они считают, что выглядят старше для отца, в то время как респонденты из других регионов чаще всего считают, что выглядят старше для близкого друга.

Анализ социального возраста показал, что подростки из Коми чаще завышают его, что характерно и для тувинских подростков, однако подростки из Центральной России чаще оценивают себя в соответствии с хронологическим возрастом в обязательных сферах деятельности (там же).

В среднем подростки, проживающие в Коми, оценивают свой социальный возраст на 2,91 года выше хронологического, что меньше по сравнению с жителями других регионов. При этом подростки Республики Коми завышают свой возраст в основном при оценке выполнения своих домашних обязанностей, что характерно для проживающих в Центральной России (там же).

Анализ интеллектуального возраста показал, что именно этот параметр возрастной идентичности является тем, в котором подростки, проживающие в селах Республики Коми, чувствуют себя взрослее. Ранее было показано, что так же оценивают этот возраст подростки, проживающие в Европейской части России, однако, тувинские дети чаще воспринимают себя на свой возраст или даже младше в этих сферах. В среднем подростки, проживающие в Коми, оценивают свой интеллектуальный возраст старше на 4,48 года, что выше, по сравнению с жителями сельской местности. Для подростков из Коми характерно завышение своего интеллектуального возраста и в сфере своих увлечений, и в сфере общения в соцсетях, и в сфере активности в интернете в целом. При этом они завышают свой возраст в большей степени в сфере активности в интернете, как и подростки, проживающие в Центральной России. Ранее было показано, что тувинские подростки чаще оценивают себя на свой возраст в этих сферах (там же).

Обсуждение результатов

Таким образом, были обнаружены ряд особенностей субъективного возраста подростков, проживающих в Республике Коми по сравнению с детьми из других регионов, которые могут быть проинтерпретированы следующим образом.

Во-первых, в целом они, как и подростки из других регионов РФ, завышают и биологический возраст, и эмоциональный возраст. Од-

нако количественный анализ говорит о том, что величина завышения в Коми меньше, что связано с особенностями национального характера — скромностью, миролюбивостью и нежеланием себя выделять.

Во-вторых, было обнаружено, что подростки, проживающие в сельской местности Республики Коми, в целом оценивают биологический возраст старше хронологического, при этом также оценивая свой возраст в отношениях с учителем, в то время как подростки из других регионов чаще ощущают себя на свой возраст с учителем. Можно предположить, что на это влияют национальные особенности воспитания детей, которые связаны с ориентацией на воспитание в детях самостоятельности и покладистости, а не направленности на успех и послушания, что вызывает большую близость учителя с учениками и некоторую семейственность в их отношениях.

В-третьих, подростки из Коми чаще всего считают, что выглядят старше, прежде всего, для отца, притом, что подростки из других регионов РФ чаще считают, что выглядят старше для близкого друга. Эта особенность связана с особым отношением к отцу в семьях в поселках, в которых проводилось исследование, которое может быть охарактеризовано сочетанием уважения к отцу и душевной близости с ним, а также наличием повседневной практики отцовского общения в ходе выполнения хозяйственных и промысловых дел.

В-четвертых, подростки Республики Коми чаще завышают свой социальный возраст. Эта особенность характерна и для тувинских подростков, однако для жителей Центральной России (и малого города, и села) чаще характерна оценка социального возраста в соответствии с хронологическим. В среднем подростки, проживающие в Коми, завышают свой социальный возраст на меньшую величину по сравнению с тувинцами. Проживание в национальных республиках, возможно, оказывает влияние на восприятие себя старше в обязательных сферах деятельности.

В-пятых, при анализе социального возраста обнаружилось, что подростки, проживающие в Коми, прежде всего, ощущают себя старше в сфере выполнения домашних обязанностей, что в целом характерно для детей из сельской местности. В то время как жители малого города, прежде всего, чувствуют себя старше в сферах, связанных с выполнением учебных обязанностей (работа на уроке и подготовка домашних заданий к школе).

Наконец, было обнаружено, что Коми подростки чаще всего ощущают себя старше при оценке интеллектуального возраста. В проведенном ранее исследовании такая же оценка возраста была обнаружена у подростков, проживающих в Европейской части России.

Однако тувинские дети чаще воспринимают себя на свой возраст или даже младше в этих сферах, поскольку для них потребность в интернете и общении в соцсетях субъективно воспринимается как фрустрированная. В то время как сельские подростки Республики Коми не склонны придавать этой потребности избыточного значения в силу самобытного национального характера.

Заключения и выводы

Полученные в ходе представленного исследования результаты показывают, что:

- 1) в среднем, младшие подростки относятся к себе как к более взрослым;
- 2) прежде всего, они ощущают себя взрослыми в отношениях с близким другом, а также в сферах Интернета;
- 3) в отношениях со взрослыми подростки менее завышают свой возраст и более склонны считать, что учитель относится к ним в соответствии с их возрастом;
- 4) подростки также менее завышают свой возраст в обязательных видах деятельности, при этом дети из сельской местности чаще чувствуют себя на свой возраст в сфере домашних обязанностей, а городские – в учебе.

Таким образом, проведенное исследование, с одной стороны, вносит вклад в изучение возрастной идентичности людей разных возрастов, с другой, расширяет горизонт кросскультурных психологических работ, посвященных национальным особенностям народностей Российской Федерации. А кроме того, дополняет разработку проблем психологического развития современных младших подростков и открывает перспективу исследований индивидуальных вариантов развития возрастной идентичности в подростковом возрасте.

Литература

- Мелёхин А. И., Сергиенко Е. А.* Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 6–14. doi: 10.17759/jmfr.2015040301.
- Поливанова К. Н.* Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5–10. doi: 10.17759/jmfr.2016050201.

- Сергиенко Е. А.* Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru>.
- Толстых Н. Н.* Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. doi: 10.17759/cpp.2015230402.
- Швец Т. А.* Субъективное восприятие возраста младшими подростками: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 3 (44). С. 74–89.
- Barak B.* Age identity: A cross-cultural global approach // International journal of behavioral development. 2009. V. 33 (1). P. 2–11.

Particular properties of the age identity of junior adolescents of different regions of RF

T. A. Shvets

Center of experimental psychology of MSPPU, Moscow

The article presents the results of an empirical study of the age identity of adolescents living in rural areas of the Komi Republic, of the Tuva Republic, of Nizhny Novgorod region and the small town of Moscow region. A total of 337 students from grades 5–8 took part in the study. Adolescents estimated their age in different areas of relationships and activities. The analysis showed that, in general, adolescents felt themselves more mature than their age, which mainly concerned spheres of interests, activity on the Internet, communication in social networks and relations with a close friend. In this case, all adolescents more often considered that the teacher referred to them in accordance with their age. In addition, adolescents were less likely to overestimate their age in indispensable activities, while children from rural areas more often felt themselves in accordance with their age in the sphere of household duties, while urban ones – in school. Thus, the present study shows that, although on average, adolescents often feel themselves more mature, there are some areas that give them grounds for subjective perception of themselves at their real age.

Keywords: adolescence, age identity, sense of adulthood, subjective age, cross-cultural research.

Раздел V

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
ЛИЧНОСТИ**

Чувствительность к справедливости: исследование предсказательной валидности опросника

А. А. Адамян

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
anna.a.adamyant@yandex.ru

Исследуется предсказательная валидность опросника чувствительности к справедливости (ЧС), измеряющего одноименную черту личности. ЧС проявляет себя с четырех перспектив: это позиции жертвы несправедливости, нарушителя, свидетеля и бенефициара. На материале методики виньеток, включавших описания жизненных ситуаций с элементами нарушения справедливости, исследовалась взаимосвязь между уровнем ЧС и вероятностью интерпретации ситуации как несправедливой. Обнаружено, что ЧС действительно положительно коррелирует с оценкой ситуаций как несправедливых, при этом связи особенно сильны, если рассматриваемая ситуация излагается с позиции потерпевшего. Можно предположить, что ЧС включает не столько восприимчивость к формальному нарушению правил, сколько безразличие к судьбе другого и эмпатию. Предсказательной силой обладают ЧС с позиции жертвы, свидетеля и бенефициара; ЧС с позиции нарушителя связей не образовала.

Ключевые слова: чувствительность к справедливости, предсказательная валидность, позиция жертвы, позиция свидетеля, позиция бенефициара, позиция нарушителя.

Представления о справедливости, готовность реагировать на ситуации воспринимаемой несправедливости являются значимым регулятором взаимодействия в группе, играют положительную роль для поддержания ее устойчивости. При этом конструкт справедливости по-разному осознается, переживается и реализуется в поведении разных людей. Чувствительность к справедливости (ЧС) является чертой личности (диспозицией), характеризующей устойчивые индивидуальные особенности реагирования на ситу-

ации нарушения справедливости, которые заключаются в различной готовности воспринимать случаи несправедливости и в интенсивности когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость. Концепция ЧС, разработанная М. Шмиттом (Schmitt, Gollwitzer, Maes et al., 2005), предполагает, что конструкт включает четыре составляющих: 1) частоту, с которой человек отмечает несправедливость в окружающем мире (вероятность, с которой он обнаружит несправедливость в конкретной ситуации), 2) выраженность эмоциональных реакций на воспринимаемую несправедливость, 3) наличие руминаций на тему нарушения справедливости, 4) мотивацию восстанавливать справедливость. При этом выделяются четыре позиции, в которой может находиться человек по отношению к воспринимаемой несправедливости, и соответствующие им типы ЧС: ЧС жертвы ($Ч_{\text{жертв}}$), ЧС свидетеля ($Ч_{\text{свид}}$), ЧС бенефициара ($Ч_{\text{бен}}$), ЧС нарушителя ($Ч_{\text{наруш}}$). Для исследования ЧС был разработан опросник ЧС (Schmitt, Neumann, Montada, 1995), включающий вопросы, соответствующие всем выделенным компонентам, однако в дальнейшем для оптимизации исследования М. Шмитт с коллегами (Schmitt, Gollwitzer, Maes et al., 2005) создали опросник, включающий меньшее число пунктов, охватывающих только эмоциональный и когнитивный компоненты (показатели по данным шкалам в первом опроснике были наиболее согласованными). При этом, согласно исследованиям, показатели актуального опросника ЧС связаны с особенностями восприятия ситуаций несправедливости и поведения в них. Например, $Ч_{\text{жертв}}$ в большей степени, чем ассертивность и враждебность, позволяет предсказывать степень недовольства и протеста в случае нечестно проводимого соревнования в лабораторных условиях. В полевом исследовании, где студентов с помощью лотереи распределяли по учебным семинарам, которые представляли для участников разный интерес, проигравшие с высоким уровнем $Ч_{\text{жертв}}$ были более склонны оценивать лотерею как несправедливую и противостоять системе распределения (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014; Baumert, Schmitt, 2016). Исследование общественного мнения по поводу решения правительства в области транспортной политики показало, что $Ч_{\text{свид}}$ коррелирует с уровнем политического протеста граждан (Rothmund, Baumert, Zinkernagel, 2014). Участники с высоким уровнем $Ч_{\text{свид}}$ воспринимали решение как менее справедливое, что приводило к готовности открыто протестовать. В России на данный момент проводились лишь отдельные исследования феномена ЧС: была проведена адаптация методики исследования ЧС, обсуждалось место дан-

ной черты в общей структуре личности (Адамян, Нартова-Бочавер, Шмитт, 2018), изучались взаимосвязи ЧС с показателями психологического благополучия (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014а). Однако вопрос о роли ЧС как предиктора склонности воспринимать жизненные ситуации как несправедливые до сих пор не рассматривался. Целью данной работы являлось исследование предсказательной валидности опросника ЧС – проверка гипотезы, что ЧС является предиктором оценки описаний жизненных ситуаций как несправедливых.

Процедура эмпирического исследования

С целью изучения предсказательной валидности опросника ЧС было проведено исследование оценки респондентами из числа студентов НИУ ВШЭ ($N=98$; средний возраст=18,6, $SD=1,2$; среди них 81 девушка) описаний отдельных ситуаций студенческой жизни. Виньетки были разработаны на основании результатов пилотажного исследования – опроса независимой группы студентов, в котором участники приводили примеры несправедливых ситуаций. Участникам основного исследования предлагалось прочитать описание ситуаций, а затем ответить на ряд вопросов. Виньетки были составлены таким образом, что центральный персонаж выступал в роли жертвы, свидетеля, бенефициара или нарушителя справедливости. Участники отвечали на вопросы о том, что главный герой мог подумать и почувствовать, вопросы должны были помочь участнику взглянуть на мир глазами этого героя. Затем участники оценивали ситуацию с точки зрения того, уместен ли ее анализ в категориях справедливости–несправедливости и, если уместен, можно ли расценивать ситуацию как справедливую или несправедливую. Участники были случайным образом разделены на три группы, каждой из которых предъявлялся набор из девяти виньеток с одними и теми же сюжетами, однако для семи из девяти виньеток существовало как минимум две позиции, из которых они описывались. Введение различных позиций для одной и той же ситуации было связано с тем, чтобы исследовать, являются ли оценки ситуации одинаковыми или различными в зависимости от роли персонажа в ситуации. Помимо основной цели исследования, заключавшейся в изучении связей между ЧС и уровнем оценки ситуаций как несправедливых, дополнительной целью являлось изучение связей между отдельными измерениями ЧС и вероятностью оценки как несправедливых ситуаций, описанных из различных позиций.

Результаты

Диапазон процента участников, оценивших ситуацию как несправедливую, варьировался для разных ситуаций от 38,71 до 94,62% ($M=68,34$; $SD=17,17$), что говорит о достаточной вариабельности ответов, обеспечивающей дифференцирующую способность пунктов методики. Для каждой из семи ситуаций, описываемых с разных позиций, с помощью непараметрического критерия Краскелла–Уоллеса проводилась оценка значимости различий в оценке ситуаций как справедливых, несправедливых либо нерелевантных категориям справедливости и несправедливости между тремя подгруппами. Ни для одной из ситуаций значимые различия обнаружены не были, что говорит о том, что в среднем испытуемые оценивают ситуацию как справедливую или несправедливую исходя из ее содержательных свойств.

Корреляционный анализ показал, что существует значимая положительная связь между общей ЧС и количеством ситуаций, которые человек определяет как несправедливые ($r=0,25$, $p<0,01$). Что касается отдельных измерений ЧС, $Ч_{\text{свид}}$, $Ч_{\text{бен}}$ и $Ч_{\text{жертв}}$ положительно связаны с количеством ситуаций, оцениваемых как несправедливые, связь наиболее выражена для позиции свидетеля ($r=0,24$, $p<0,01$; $r=0,29$, $p<0,01$; $r=0,22$, $p<0,01$ соответственно для $Ч_{\text{жертв}}$, $Ч_{\text{свид}}$, $Ч_{\text{бен}}$). Мы также более детально рассмотрели связи измерений ЧС с количеством ситуаций, оцениваемых как несправедливые, отдельно в зависимости от того, в какой роли выступал главный герой. Для виньеток, включающих описание с позиции жертвы, после поправки на множественные сравнения значимыми оказались связи количества ситуаций, оцениваемых как несправедливые, с $Ч_{\text{жертв}}$, $Ч_{\text{свид}}$ и $Ч_{\text{бен}}$ ($r=0,26$, $p<0,01$; $r=0,32$, $p<0,01$; $r=0,22$, $p<0,01$ соответственно), при этом связи более выражены, чем для общего пула ситуаций, также на уровне статистической тенденции была обнаружена связь с $Ч_{\text{наруш}}$ ($r=0,18$, $p<0,05$), для ситуаций, описанных с других позиций отдельные корреляции значимы так же лишь на уровне статистической тенденции.

Интерпретация результатов

Полученные результаты говорят о том, что ЧС является предиктором восприятия жизненных ситуаций как несправедливых, что подтверждает предсказательную валидность опросника ЧС.

$Ч_{\text{свид}}$ в наибольшей степени связана с тенденцией видеть несправедливость в широком круге ситуаций. По-видимому, подобная

бдительность является сущностной характеристикой именно этой позиции: в то время как $Ч_{\text{жертв}}$ связана с переживаниями о своей собственной судьбе, $Ч_{\text{наруш}}$ и $Ч_{\text{бен}}$ — с озабоченностью возможностью нарушить собственные моральные принципы либо даже не нарушая, оказаться частью системы несправедливости, нарушающей права другого, $Ч_{\text{свид}}$ является воплощением восприимчивости к фактам нарушения вне зависимости от внешнего контекста. Высокие значимые связи между $Ч_{\text{жертв}}$, $Ч_{\text{свид}}$, $Ч_{\text{бен}}$ и оценками ситуаций, описываемых с позиции жертвы, как несправедливых — в противовес ситуациям, описываемым с других позиций, вероятность оценки которых как несправедливых либо лишь на уровне тенденции связана с $ЧС$ либо не связана в принципе — говорит о том, что фокус на ущемлении интересов, страдании конкретного человека является важным условием восприятия ситуации как несправедливой для человека с высокой $ЧС$. Отметим, что на общей выборке участников отсутствовала разница в вероятности оценки отдельной ситуации как несправедливой при описании с различных позиций. То есть для широкого круга людей при оценке ситуации в терминах справедливости ключевым является ее содержание. Для позиции жертвы связь между $Ч_{\text{жертв}}$ и вероятностью увидеть несправедливость интуитивно предсказуема: наблюдается соответствие между уязвимостью и позицией. В то же время такой результат в отношении других позиций дает основания предполагать, что $Ч_{\text{свид}}$, $Ч_{\text{бен}}$, $Ч_{\text{наруш}}$ являются отражением равнодушия не столько к формальному распределению благ, выполнению правил (этот параметр от позиции участника не зависит), сколько к судьбе другого, его страданиям; в отсутствие жертвы не имеет смысла искать признаки несправедливости. Данные результаты согласуются с обнаруженными в исследовании М. Шмитта (Schmitt et al., 2005) связями между измерениями $ЧС$ и эмпатией, а также выявленной на российской студенческой выборке связью между $Ч_{\text{свид}}$, $Ч_{\text{бен}}$ и $Ч_{\text{наруш}}$ и приверженностью морали заботы, при отсутствии связи с приверженностью морали справедливости (Адамян, 2017).

В полученных результатах интересно отсутствие значимой связи между $Ч_{\text{наруш}}$ и общим количеством ситуаций, воспринимаемых как несправедливые, и существование связи лишь на уровне тенденции с количеством ситуаций, описанных с позиции жертвы, которые воспринимаются как несправедливые. Вероятно, $Ч_{\text{наруш}}$, несмотря на свою просоциальную направленность, связана в первую очередь со стремлением к восстановлению справедливости, с обостренным чувством совести в ситуации, когда человек сам нарушил справед-

ливость, но при этом одна из четырех выделенных М. Шмиттом составляющих ЧС — готовность видеть несправедливость — выражена в этой позиции в меньшей степени, чем в других. Возможно, для позиции нарушителя в меньшей степени характерно ощущение уязвимости перед лицом окружающего мира, о чем свидетельствует, например, отсутствие значимых связей с показателем Веры в справедливый мир (Адамян, Нартова-Бочавер, Шмитт, 2018), что делает менее необходимой бдительность в отношении ситуаций несправедливости.

Заключение

Данное исследование подтвердило предсказательную валидность опросника чувствительности к справедливости на российской выборке. Дальнейшие перспективы исследования лежат в области изучения взаимосвязи различных измерений ЧС с поведением в конкретных жизненных ситуациях. Например, с учетом полученной информации о том, что измерения ЧС связаны, в первую очередь, с оценкой как несправедливых ситуаций, где в центре внимания находится жертва несправедливости, интересно, насколько ЧС будут связаны с поведением восстановления справедливости или ее предотвращением в ситуациях, где есть жертва, и в какой мере они будут коррелировать со стремлением следовать правилам, когда в ситуации нет очевидных пострадавших.

Литература

- Адамян А. А.* Чувствительность к справедливости: восприимчивость к нарушению норм или равнодушие к судьбе другого? // Психология — наука будущего: Сборник материалов VII международной конференции молодых ученых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмитт М.* Опросник «Чувствительность к справедливости»: валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 105–116.
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б.* «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ пози-

ции жертвы // Социальная психология и общество. 2014а. № 2. С. 13–26.

Baumert A., Schmitt M. Justice sensitivity // Handbook of social justice theory and research. N. Y.: Springer, 2016. С. 161–180.

Rothmund T., Baumert A., Zinkernagel A. The German “Wutbürger”: How justice sensitivity accounts for individual differences in political engagement // Social Justice Research. 2014. V. 27 (1). P. 24–44.

Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // European Journal of Psychological Assessment. 2005. V. 21 (3). P. 202–211.

Schmitt M. J., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // Social Justice Research. 1995. V. 8 (4). P. 385–407.

Justice sensitivity: study of predictive validity of the questionnaire

A. A. Adamyan

Higher School of Economics National Research University, Moscow

The article presents results of the study of predictive validity of the Justice Sensitivity Inventory. Relations between justice sensitivity and evaluating life situations as unjust were investigated using vignettes describing transgressions. It was shown that general Justice Sensitivity correlates with evaluating situations as unfair. Role of the character from whose perspective the situation is described has an impact on the correlations: they are higher for situations described from victim’s perspective than for the general pool of situations. It is assumed that Justice Sensitivity is connected more to the indifference to the fate of the other than to the sensitivity to violation of justice norms. Among separate dimensions of Justice Sensitivity victim’s, witness’s and beneficiary’s perspectives significantly correlate with probability of evaluating situations as unjust.

Keywords: justice sensitivity, predictive validity, victim’s perspective, witness’s perspective, beneficiary’s perspective, victim’s perspective.

Индивидуальные стратегии совладания в профессиональной деятельности

А. А. Алдашева, О. В. Рунец

Институт психологии РАН, Москва
aigulmama@mail.ru
orunez@gmail.com

В статье рассматриваются особенности профессиональной «Я-концепции» «успешных» и «неуспешных» специалистов помогающей профессии социономического типа (фельдшер СМП). Анализ стратегий поведения показал, что профессиональная успешность связана с наличием в профессиональном «Я-образе» требований профессии, образов ситуации, пациента и себя как профессионала. Показано, что успешность совладания с неопределенностью и рисками деятельности обусловлена доверием профессионала к себе, способностью к саморегуляции, готовностью к взаимодействию. Напротив, менее успешные фельдшеры в профессиональной деятельности характеризуются более низкими показателями доверия к себе, отсутствием направленности на другого и проблемами самоотношения. Выделена группа «успешных» при низком уровне доверия к себе. Обнаружено, что успешность в профессиональной деятельности также связана с ценностным отношением к деятельности, использованием когнитивной стратегии совладания с профессиональной ситуацией и эмоциональной вовлеченностью специалиста, которые способствуют формированию компромиссной адаптации.

Ключевые слова: доверие профессионала к себе, стратегии поведения, взаимодействие, помогающие профессии социономического типа, саморегуляция, компромиссная адаптация.

Устойчивость личности к неопределенности в условиях быстро изменяющегося мира в настоящее время является одним из основных вопросов, связанных с проблемами адаптации, в том чис-

---

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Минобрнауки России № 0159-2019-0001.

ле и в профессиональной деятельности. Динамичность требований к современной профессиональной деятельности нередко ставит работника в ситуацию неопределенности и риска. Изучение проблемы совладания с неопределенностью в условиях профессиональной деятельности предполагает, что «сам субъект в силах изменить свою индивидуальную „теорию“, сделать ее более реалистичной» (Анцыферова, 1994, с. 7) и определяется выбором стратегий адаптивного поведения (Сороко, Алдашева, 2012). Организации выбора стратегии и тактики адаптационного ответа обеспечивается «Я-концепцией», выступающей регулятором социально адаптивного поведения (Налчаджян, 2000). В профессиональной деятельности, согласно С. Т. Джанерьян, центральным звеном профессиональной «Я-концепции» является ценностно-смысловое отношение к труду (профессии) (Джанерьян, 2005), определяющее профессионально ролевое поведение, как обобщенный принцип решения целевых задач деятельности, и успешного ее выполнения (Анцыферова, 1994). Противоречие в ценностно-смысловой структуре, возникающее в ситуации профессиональной деятельности, преодолевается путем проявления доверия профессионала к себе, как механизма интеграции внешних и внутренних условий (Алдашева, Рунец, 2016; Фатхи, 2003).

Доверие профессионала к себе рассматривается как конструкт, включающий: 1) личностное доверие как эмоционально-ценностное отношение к себе (самоотношение); 2) ролевое доверие к себе в форме отношения к себе как профессионалу. Показано, что доверие профессионала к себе обеспечивает устойчивость психологической структуры субъекта труда, актуализирует способность человека принимать ответственность в ситуации риска и неопределенности и выполнять требования профессии (Алдашева, 2014; Алдашева, Рунец, 2016).

В связи с этим была поставлена *цель исследования* – рассмотреть выбор стратегии профессионального поведения специалистами помогающей профессии с разным уровнем доверия к себе и профессиональной успешности на примере фельдшеров скорой медицинской помощи (СМП).

Профессиональная деятельность фельдшера СМП предполагает ряд экстремальных факторов, преодоление которых предполагает формирование различных стратегий поведения. К экстремальным факторам следует отнести особенности межличностного взаимодействия в диаде «фельдшер–пациент», связанные с деятельностью риски и неопределенность профессиональной ситуации. К рискам профессии отнесены: дефицит времени, искажение получаемой ин-

формации, необходимость выбора стратегии поведения сообразно ситуации и ответственность за принятое решение. Специфика работы фельдшера СМП заключается в кратковременности ролевого взаимодействия, направленного на получение необходимой информации для оказания помощи (диагностики и принятия лечебно-тактического решения) в любых условиях. Само принятие решения сопряжено с повышенной ответственностью (юридической, социальной, моральной и др.) за результат, что и обуславливает характер возникающего напряжения и стресса.

Методики исследования

В исследовании использовались: «Методика исследования самоотношения» (МИС) С. Р. Пантилеева, опросник «Шкала базисных убеждений» (ШБУ) в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой, опросник «Диагностика уровня эмпатических способностей» (ДЭС) В. В. Бойко, опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП) В. И. Моросановой, методика диагностики направленности личности в общении (НЛО) С. Л. Братченко, опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С. К. Нартовой-Бочавер; опросник «Социальная ответственность» К. К. Муздыбаева, опросник «Методика изучения доверия к себе» Н. Б. Астаниной. Ежегодная оценка результатов деятельности фельдшеров рассматривалась как объективный критерий качества работы.

Выборка

В исследовании приняли участие 68 фельдшеров выездных бригад, работавших на Станции скорой помощи г. Москвы.

Задача: анализ психологических профилей «Успешных» и «Неуспешных» фельдшеров с разным уровнем личностного доверия к себе. Для решения поставленной задачи «Успешные» и «Неуспешные» фельдшеры были разделены на три группы по уровню личностного доверия к себе (Алдашева, Рунец, 2016). Проведена процедура корреляционного анализа с применением непараметрического критерия Спирмена, и сравнительный анализ с применением U-критерия Манна–Уитни. Корреляционные связи рассматривались на уровне $p < 0,01$.

Проведенный корреляционный анализ показал, что в группе успешных фельдшеров с высоким уровнем личностного доверия к себе обнаружено наличие двух корреляционных плеяд. Центром первой является «Образ Я» (ШБУ), свидетельствующий о ведущей

роли представления о себе как достойном любви и уважения. Отрицательные взаимосвязи «Образа Я» с показателями «Самообвинение» ($p < 0,01$) и «Конфликтность» (МИС) ($p < 0,01$), согласно С. Р. Пантилеву, говорят о важности для фельдшеров поддерживать на постоянном уровне самоуважение к себе. Наличие взаимосвязи «Образ Я» и «Моделирование» (ССП) ($p < 0,01$), позволяет интерпретировать в целом плеяду и говорить, что у «Успешных» самоуважение является компонентом профессиональной «Я-концепции».

Центром второй корреляционной плеяды выступает показатель «Доверие к себе» (по Астаниной), который положительно взаимосвязан с показателями «Самоуверенность» (МИС) ($p < 0,01$) и «Оценка результатов» (ССП) ($p < 0,01$). Данная триада позволяет предположить, что личностное доверие как эмоционально-ценностное отношение связано с отношением к себе как к компетентному специалисту. При этом наличие отрицательной взаимосвязи показателя «Доверия к себе» (Н. Б. Астаниной) и показателя «Межличностное доверие» (Дж. Роттера) ($p < 0,01$) в плеяде говорит об ориентации фельдшеров при принятии решения на себя.

Полученные результаты позволяют предполагать, что успешные фельдшеры с высоким уровнем личностного доверия к себе при разрешении профессиональных ситуаций полагаются на себя, при взаимодействии ориентированы на субъект-объектное взаимодействие, как форму патерналистской стратегии поведения. При таком взаимодействии фельдшер берет на себя ответственность за действие или бездействие, что является оптимальной стратегией поведения в экстремальных ситуациях деятельности.

Центром корреляционной плеяды неуспешных фельдшеров с высоким уровнем доверия к себе является показатель «Зеркальное Я» (МИС), положительно связанный с показателями «Самоценность» (МИС) ($p < 0,01$) и «Моделирование» (ССП) ($p < 0,01$). Данные связи в целом позволяют предположить, что для фельдшера важно, насколько он соответствует предъявляемым требованиям профессиональной деятельности; отрицательная связь с показателем «Планирование» (ССП) ($p < 0,01$) указывает на неспособность к планированию и ориентацию человека на внешние факторы. Наличие проблем с планированием и ориентацией на внешний контроль в структурированной деятельности фельдшера СМП способствуют росту неопределенности, что может сказываться на реализации лечебно-тактических действий и постановке диагноза.

Результат сравнения успешных и неуспешных фельдшеров в группе с высоким уровнем личностного доверия к себе показал

что, «Успешные» характеризуются более высокими показателями по шкалам «Общий уровень саморегуляции» (ССП) ($U=10,50$, $p<0,05$), «Оценка результатов» (ССП) ($U=8,00$, $p<0,05$), «Проникающая способность» (ДЭС) ($U=11,50$, $p<0,05$).

Неуспешные фельдшера с высоким уровнем личностного доверия к себе имеют более высокие показатели по шкале «Конформная направленность» (НЛО) ($U=10,00$, $p<0,05$). Ориентация на авторитетное мнение и зависимость человека от ситуации свидетельствует об избегании фельдшера брать ответственность.

Полученные результаты позволяют охарактеризовать профессионально успешных фельдшеров с высоким уровнем личностного доверия к себе, как использующих стратегии профессионального поведения, ориентированные на себя и на профессиональную ситуацию. Умение анализировать причинно-следственные связи позитивных и негативных условий, способность к патерналистской модели взаимодействия, принятие ответственности на себя, выбор адекватных стратегий в ситуации неопределенности, применение правильных лечебно-тактических действий, поддерживают самоуважение в профессиональной «Я-концепции».

Профессионально неуспешные фельдшеры с высоким уровнем личностного доверия к себе ориентируются на шаблоны поведения в экстремальных ситуациях, избегают проявлять инициативу и брать ответственность. Они испытывают трудности с планированием деятельности, что сказывается в росте профессиональных ошибок.

Корреляционная плеяда успешных фельдшеров со средним уровнем личностного доверия к себе характеризуется наличием несколько системообразующих показателей. Показатель «Моделирование» (ССП), положительно связан с показателями «Общий показатель эмпатии» (ДЭС) ($p<0,01$), «Саморуководство» (МИС) ($p<0,01$) и «Доброжелательность мира» (ШБУ) ($p<0,01$). Данные связи говорят о том, что образ профессиональной деятельности у успешных фельдшеров содержит ориентацию на взаимодействие, способность сопереживать и понимать другого человека, ориентироваться на себя, как источник собственной успешности.

Корреляционная плеяда неуспешных фельдшеров со средним уровнем личностного доверия к себе также имеет несколько системообразующих показателей. Так, «Альгероцентрическая направленность» (НЛО) отрицательно связана с показателями «Индифферентная направленность» (НЛО) ($p<0,01$), «Манипулятивная направленность» (НЛО) ($p<0,01$) и «Самостоятельность» (ССП) ($p<0,01$). Полученные связи позволяют говорить о том, что фельдше-

ры данной группы ориентированы на себя, формальны во взаимодействии, используют манипулятивные стратегии.

Вторым системообразующим фактором в плеяде выступает показатель «Самоценность» (МИС), положительно связанный с показателями «Планирование» (ССП) ($p < 0,01$), «Программирование» (ССП) ($p < 0,01$), «Общий показатель саморегуляции» (ССП) ($p < 0,01$) и «Проникающая способность в эмпатии» (ДЭС) ($p < 0,01$). Интерпретация полученных связей позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное отношение к себе и низкий уровень саморегуляции не способствуют созданию атмосферы открытости, доверительности при взаимодействии с пациентами и другими участниками ситуации.

Сравнение профилей показало, что в группе со средним уровнем личностного доверия к себе, успешные фельдшеры имеют более высокие показатели по шкалам «Эмоциональный канал» (ДЭС) ($U=44,00$, $p < 0,01$) «Общий уровень эмпатии» (ДЭС) ($U=45,50$, $p < 0,01$), «Образ Я» (ШБУ) ($U=68,50$, $p < 0,05$), «Доброжелательность мира» (ШБУ) ($U=66,50$, $p < 0,05$), по сравнению с неуспешными. В то время как неуспешные имеют более высокие показатели по шкале «Индивидуальная направленность» (НЛО) ($U=69,00$, $p < 0,05$).

В целом, успешные фельдшеры со средним уровнем личностного доверия к себе в профессиональной деятельности ориентированы на понимание пациента, умеют прогнозировать поведение, способны к сопереживанию, опираются на свой опыт. Важным показателем выступает ценностное отношение к миру, другим людям и к себе как суверенному субъекту активности. В то время как неуспешные фельдшеры ориентированы на формальные стратегии взаимодействия, игнорирующее само общение, они склонны к манипулированию и направлены на себя. Сосредоточенность на одной стратегии поведения в условиях неопределенности исхода событий приводит к принятию ошибочных решений из-за неполноты информации и выбора лечебно-тактических действий.

Корреляционная плеяда успешных фельдшеров с низким уровнем личностного доверия характеризуется отрицательными связями показателя «Эмоциональный канал эмпатии» с показателями «Моделирование» (МИС) ($p < 0,01$), «Социальная ответственность» ($p < 0,01$) и «Суверенность ценности» (СПП) ($p < 0,01$). Данные связи говорят об ответственности и уважении своих психологических границ и границ другого человека, умении контролировать проявления собственной эмоциональности, что свидетельствует о знании и понимании других людей.

Результаты корреляционного анализа неуспешных фельдшеров с низким уровнем личностного доверия к себе показали наличие двух не связанных корреляционных плеяд. Центральным звеном первой выступает показатель «Самоценность» (МИС), положительно связанный с показателями «Количество стратегий» ($p < 0,01$), «Стратегия на другого» ($p < 0,01$) и «Идентификация» (ДЭС) ($p < 0,01$). Данные связи указывают на негативное эмоциональное отношение к себе, типизацию используемых стратегий поведения, избегание взаимодействия.

Центром второй плеяды выступает показатель «Качество работы», как объективный показатель успешности выполнения профессиональной деятельности. Взаимосвязь «Качества работы» с показателями «Диалогическая направленность» (НЛО) ($p < 0,01$), «Общий уровень саморегуляции» (ССП) ($p < 0,01$) и «Самоуверенность» (МИС) ($p < 0,01$) говорит, что низкая профессиональная успешность фельдшеров обусловлена низкой саморегуляцией, проблемами в общении, чувством некомпетентности и избеганием взаимодействия.

При сравнении успешных и неуспешных фельдшеров группы с низким уровнем личностного доверия к себе выявлено, что они различаются по следующим показателям: «Доверие к себе» ($U = 4,00$, $p < 0,01$), «Открытость» (МИС) ($U = 14,50$, $p < 0,05$), «Самоуверенность» (МИС) ($U = 14,00$, $p < 0,05$) и «Саморуководство» (МИС) ($U = 11,50$, $p < 0,05$). Показатели методики МИС входят в фактор «Самоуважение», что говорит об ориентации человека на соответствие социально-значимым критериям и нормам. При детальном анализе показателя «Доверие к себе» обнаружено, что у успешных этот показатель занимает промежуточное положение между средним и низким уровнем личностного доверия к себе.

Успешные фельдшеры с низким уровнем личностного доверия к себе характеризуются более позитивной оценкой себя, способностью понимать и сопереживать другим людям.

Неуспешные фельдшеры из этой группы более негативно оценивают себя, испытывают чувство неудовлетворенности и сомнения в способности вызвать уважение, оценивают себя как несоответствующие социально-нормативным критериям (Пантилеев, 1991), в профессиональной деятельности — требованиям профессии.

Заключение

Успешность выполнения деятельности в профессии фельдшера СМП связана со сформированностью образа профессиональной деятельности и наличием профессионально важных качеств, таких как уро-

вень доверия к себе, эмоционально-ценностное отношение к себе, саморегуляция, ориентация на пациента и учет профессиональной ситуации. Данные качества являются профессионально желательными показателями в помогающих профессиях социономического типа.

Изучение стратегий профессионального поведения предполагает выделение образа профессии, в частности факторов неопределенности и риска, связанных с профессиональной ситуацией, совладание с которой может совпадать или не совпадать с индивидуальными ресурсами человека. Успех в профессиональной деятельности может объясняться компромиссной стратегией профессиональной адаптации, которая в профессиональном «Я-образе» проявляется в смысловом отношении как фактор совладания. Исследованиями показано, что фельдшеры с низким уровнем доверия к себе могут быть успешными за счет использования когнитивной стратегии и эмоциональной включенности при недостаточной сформированности профессионально важных качеств. Можно с уверенностью говорить, что компромиссная стратегия повышает «психологическую цену» деятельности.

Результаты приведенного исследования показывают важность учета доверия к себе в деятельности фельдшеров СМП как представителей помогающей профессии. Исследования показали, что базовое доверие личности непосредственно связано с показателями самоотношения и способствует формированию профессиональной «Я-концепции».

Сравнение успешных и неуспешных фельдшеров с разным уровнем личностного доверия к себе позволило выделить 6 стратегий совладания с неопределенностью и рисками в профессиональной ситуации.

1. Фельдшеры с высоким уровнем личностного доверия к себе выполняют успешно профессиональную деятельность за счет сформированности целостной профессиональной «Я-концепции», позволяющей опираться на себя при разрешении профессиональной ситуации; при взаимодействии «фельдшер—пациент» они применяют патерналистскую модель, подразумевающую принятие полной ответственности за результат деятельности. В то время как неуспешность фельдшера связана с частичной сформированностью профессионально важных качеств и использованием в профессиональной деятельности преимущественно одной стратегии достижения целей деятельности, что в ситуации неопределенности приводит к ошибкам в постанов-

- ке диагноза и снижает успешность профессиональной деятельности.
2. Успешность фельдшеров со средним уровнем личностного доверия к себе обеспечивается сформированностью профессиональной «Я-концепции», в которой представлены: полнота образа себя как профессионала, способность разделять ответственность с другими участниками, использование как патерналистской модели, так и модели сотрудничества при взаимодействии с пациентом. Открытость к взаимодействию позволяет обращаться за помощью к экспертам в трудной ситуации. Фельдшеры, работающие с ошибками, используют формальные стратегии взаимодействия, склонны к манипулированию. В профессиональной «Я-концепции» у них слабо представлен образ профессиональной деятельности, они нечувствительны к обратной связи и направлены на себя. Отсутствие ориентации на обратную связь, как показателя профессиональной направленности личности, является причиной ошибочных действий в решении профессиональных задач.
  3. Успешность выполнения профессиональной деятельности у фельдшеров с низким уровнем личностного доверия к себе связана с ценностным отношением к деятельности, использованием когнитивных стратегий и эмоциональной включенностью. Однако неполное соответствие способностей к помогающим профессиям компенсируется выбором компромиссной стратегии совладания. Неуспешность фельдшеров с низким уровнем личностного доверия к себе связана с отсутствием целостности профессиональной «Я-концепции». Низкие оценки своих возможностей в сочетании с негативным отношением к себе в условиях профессиональной деятельности приводит к рискам, в том числе принятию неверных решений в лечебно-тактических действиях.
  4. Фельдшеры, характеризующиеся более низким уровнем личностного доверия к себе в профессиональной деятельности, показывают зависимое поведение (от ситуации и мнения других), избегают взаимодействия, ориентируются на меньшее количество стратегий профессионального поведения.

Литература

Алдашева А. А. Индивидуальные стратегии адаптации // Физиология человека. 2014. Т. 40. № 6. С. 15–22.

- Алдашева А. А., Рунец О. В.* Роль доверия профессионала к себе в деятельности фельдшера скорой медицинской помощи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2016. № 2. С. 42–53.
- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Джанерьян С. Т.* Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. 2005. Т. 2. № 3. С. 78–92.
- Налчаджян А. А.* Психологические защитные механизмы // Самоосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия / Ред. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. С. 395–481.
- Пантилеев С. Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система: Руководство. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1991.
- Сороко С. И., Алдашева А. А.* Индивидуальные стратегии адаптации человека в экстремальных условиях // Физиология человека. 2012. Т. 38. № 6. С. 78–86.
- Фатхи О. Г.* Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2003.

Professional self-trust as a determinant of adaptive behavior strategy

A. A. Aldasheva, O. V. Runets
Institute of Psychology RAS, Moscow

The article studies a phenomenon of professional self-trust which influences the process of adaptation in activities. The process itself is revealed through the formation of adaptive behavioral strategies. The study showed that the use of adaptive strategies requires a higher level of self-trust, formed by the system of self-regulation, readiness for communication and interaction. Specialists using non-adaptive strategies have a lower level of self-trust, negatively assess themselves, their competence, and tend to avoid interaction.

Keywords: professional self-trust, adaptive behavioral strategies that help socionomic-type professions, self-regulation.

Проявление субъектности в партнерском взаимодействии

Т. С. Вавакина

Институт психологии РАН, Москва
tvavakina@mail.ru

В статье освещены некоторые теоретические представления автора об уровнях анализа социального взаимодействия. Ставится вопрос об особенностях партнерского взаимодействия с точки зрения проявления субъектности личности. Рассматриваются результаты эмпирического исследования, имеющие отношение к проявлению самодетерминированной активности. Отмечается, что важным моментом в партнерском взаимодействии является не только способность самостоятельно определять свою активность, направленную на достижение прагматичных целей взаимодействия, опираясь на внутреннее побуждение, основываясь на своих жизненных устремлениях и собственных предпочтениях, но и особое внимание к своему партнеру, понимание и принятие необходимости учитывать его интересы и предоставлять ему возможность как можно более полно реализовать себя во взаимодействии. Приводятся оценки важности для партнерского взаимодействия показателей, связанных с активностью во взаимодействии с партнером, и их корреляции с ценностью для человека партнерских взаимоотношений.

Ключевые слова: активность, субъектность личности, социальное взаимодействие, партнерское взаимодействие, партнерские взаимоотношения.

В данной статье мы представим результаты эмпирического исследования, проведенного в 2019 г., посвященного анализу партнерского взаимодействия, его отличительных особенностей. Сразу отметим, что партнерское взаимодействие понимается нами

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00735.

как частный случай социального взаимодействия. Прежде чем мы перейдем к анализу данных, полученных в исследовании, нам необходимо кратко осветить некоторые теоретические положения. Как ранее было нами отмечено (Вавакина, 2018), мы выделяем два подхода к анализу взаимодействия в социальной психологии.

Содержательный подход: «деятельность и общение». В этом смысле можно рассматривать социальное взаимодействие как одну из составляющих активности субъектов жизнедеятельности, как самостоятельный феномен. Действительно принято выделять два относительно самостоятельных вида активности: деятельность и общение. Результатом деятельности выступает преобразованный предмет, а результатом общения — отношения с другим человеком, с другими людьми (Ломов, 2003). В социальном взаимодействии в поле зрения одновременно попадают и предмет взаимодействия, и другой субъект, неизбежно включенный в это взаимодействие. И если задача деятельности — преобразование предмета деятельности, то задача взаимодействия заключается еще и в том, чтобы устанавливать, поддерживать и развивать взаимосвязи — отношения с другими субъектами, от которых зависит конечный результат. В наших дальнейших рассуждениях мы исходим из того, что социальное взаимодействие реализуется в деятельности (индивидуальной или совместной) и общении субъектов. Возможны различные конфигурации социального взаимодействия в соответствии с целями и задачами, которые решает данное взаимодействие.

Структурно-динамический подход: «От социального действия к взаимоотношениям». Социальное взаимодействие де-факто является одной из базовых категорий социальной психологии. По мнению А. Л. Журавлева, «в социальной психологии, однако, категория взаимодействия исследована недостаточно, не выделены социально-психологические характеристики, которые бы позволяли его конкретно оценивать и описывать практическое взаимодействие людей» (Журавлев, 2005, с. 102). С одной стороны, в настоящий момент социальная психология по умолчанию использует определение, данное социологами. Социальное взаимодействие понимается как система взаимообусловленных *социальных действий*, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов (Фролов, 1994). Социальное взаимодействие как способ осуществления социальных связей и отношений предполагает наличие как минимум двух субъектов, процесса взаимодействия, а также условий и факторов его реализации. Исходным момен-

том формирования социальных связей является *социальное действие* (Громов, Мацкевич, Семенов, 2003). С другой стороны, и предельно краткий акт коммуникации может интерпретироваться как взаимодействие, и взаимоотношения между людьми на протяжении всей их жизни.

Теоретическая модель анализа социального взаимодействия. В свое время Б. Ф. Ломов предложил очень понятную уровневую схему для анализа общения (Ломов, 1984). Аналогичным образом мы предлагаем рассматривать и структуру социального взаимодействия. Выделим три уровня анализа социального взаимодействия: микроуровень, мезоуровень и макроуровень. Рассмотрение этой схемы мы начнем от простого к сложному.

Начинается любое социальное взаимодействие на *микроуровне*. Самое простое социальное взаимодействие — *элементарное социальное взаимодействие* — можно представить, как пару сопряженных социальных действий субъектов. Именно социальное действие, которое М. Вебер считал самым элементарным, что только есть в общественной жизни, лежит в основе социального взаимодействия (Вебер, 1990). Социальное действие — это любое человеческое действие: деяние, недеяние, претерпевание, внешнее или внутреннее. Важно, что действующий человек непременно связывает с ним субъективный смысл. Однако отдельно взятое социальное действие не может являться взаимодействием, даже самым элементарным. Поэтому единицей социального взаимодействия является элементарное социальное взаимодействие. Стоит отметить, что речь идет именно о сопряженных социальных действиях субъектов. Так запускается цепочка взаимообусловленных социальных действий, которые могут складываться в небольшие эпизоды или развернутые ситуации взаимодействия. Таким образом, на микроуровне уместно рассмотрение и отдельного социального действия субъекта, и элементарного социального взаимодействия, и небольших эпизодов, которые не переросли в ситуацию взаимодействия.

На *мезоуровне* социальное взаимодействие представлено *ситуацией взаимодействия*, т. е. логически завершенной совокупностью элементарных социальных взаимодействий. Ситуация взаимодействия зачастую имеет довольно четко выраженные начало и конец, которые могут быть обозначены принятыми в сообществе социокультурными маркерами. В отличие от эпизода, ситуация взаимодействия, как правило, преследует определенные цели, а в его процессе участники решают, как поставленные заранее, так и возникающие по ходу задачи. Ситуации могут быть оценены с точки зрения резуль-

тата. Независимо от того, достигнута ли поставленная цель, ситуация взаимодействия тем не менее ограничена по времени.

На *макроуровне* процесс взаимодействия представлен на достаточно продолжительных этапах жизни человека. Речь идет, прежде всего, о формировании более или менее устойчивых взаимосвязей между субъектами, включенными в ситуации социального взаимодействия – определенных *отношений (связей)* между ними, которые формируются по совокупности всех частных ситуаций социального взаимодействия субъектов.

Важными факторами установления, развития и трансформации сети взаимосвязей (отношений) человека с другими людьми и социальными группами, на наш взгляд, могут быть рассмотрены, например, проявление субъектности, направленность, смысложизненные ориентации, жизненные ориентации и другие характеристики личности подобного уровня.

Рассматривая социальное взаимодействие как активность, реализующуюся в деятельности и общении, мы неизбежно приходим к необходимости обсудить проблему субъектности. На наш взгляд, это ключевой момент в понимании того, что такое партнерство и чем оно отличается от других видов взаимодействия.

Идея субъектности, предложенная С. Л. Рубинштейном и развиваемая на протяжении многих лет разными авторами (Анцыферова, 2000; Брушлинский, 2003; Рубинштейн, 2003; и др.), непосредственно связана с проявлением самодетерминированной активности. Таким образом, с точки зрения характеристики субъекта, важным моментом является способность самостоятельно определять свою активность, опираясь на внутренние побуждения, основываясь на собственных предпочтениях, исходя из понимания своих жизненных устремлений. Итак, субъект – свободный, деятельный, инициативный – это и есть тот человек, который способен выстраивать определенные взаимоотношения с другими людьми и самостоятельно планировать, инициировать и реализовывать взаимодействие с ними. При этом необходимо обратить внимание на такой существенный момент, как *возможность каждого участника социального взаимодействия реализовать собственную субъектность*. В соответствии с нашим пониманием проблемы, в случае партнерского взаимодействия каждый участник потенциально имеет (или должен иметь) такую возможность. В иных взаимодействиях возможно отношение к другому человеку как к объекту собственных воздействий, директивное или манипулятивное влияние, сознательное ограничение возможностей другого проявлять его собственную активность. Это могут

быть варианты формально закрепленной властной или статусной иерархии, а также, неформальные ситуации, когда один из участников взаимодействия проявляет власть или подчеркивает свой статус по отношению к другому.

Важно, что взаимоотношения партнерства невозможно задать директивно, это, как правило, личный выбор субъектов, определяющих и принимающих определенные неформальные нормы взаимодействия друг с другом. Возможен вариант, когда партнерство может быть предложено извне, но и в этом случае мнение субъектов, а именно — предпочтения и согласие, будет определяющим.

Таким образом, мы соотносим партнерство с таким социальным взаимодействием, когда каждый участник максимально может проявить свою субъектность, т. е. быть относительно автономным и иметь возможность свободно действовать на основе внутренней мотивации.

В данной статье мы рассмотрим наиболее важные характеристики партнерских взаимоотношений, соотносящиеся так или иначе с проблемой субъектности участников взаимодействия. В исследовании приняло участие 111 человек: 49% мужчин и 51% женщин, в возрасте от 20 лет, занимающиеся разными видами профессиональной деятельности.

Цель исследования — рассмотреть наиболее важные аспекты, связанные с самодетерминированной активностью в партнерстве и с отношением к другому человеку, как полноправному участнику процесса взаимодействия, а также — проанализировать взаимосвязи этих характеристик с субъективной оценкой ценности для человека партнерских взаимоотношений. Ценность партнерских взаимоотношений, важность их для человека мы рассматривали, как показатель осмысленной включенности в партнерское взаимодействие с другими людьми. Кроме того, мы просили респондентов оценить определенные характеристики партнерских взаимоотношений. Важность характеристик для партнерского взаимодействия оценивалась по 7-балльной шкале: «совсем неважно» (–1), «неважно» (0), «важно» (степень важности — 1, 2, 3), «очень важно» (4), «исключительно важно» (5). Для оценки был предложен опросник, состоящий из нескольких блоков вопросов. Ответы респондентов позволяли определить, насколько предложенные для оценки характеристики важны для полноценных хороших партнерских отношений. Для субъективной оценки личного опыта участия в партнерском взаимодействии в разных сферах совместной жизнедеятельности использовалась 5-балльная шкала: «очень редко» (1), «редко» (2), «иногда» (3), «часто» (4), «очень часто» (5).

В ходе исследования мы предложили нашим респондентам оценить ценность партнерских взаимоотношений для них лично. Среднее значение (M) по ответу на вопрос: «Насколько вы цените партнерские взаимоотношения? Это важно для вас?» – равно 8,17 по 10-балльной шкале, стандартное отклонение (SD) – 1,627. Можно сделать вывод, что партнерские взаимоотношения – представляют для людей вполне определенную ценность. Ценность партнерских взаимоотношений связана с оценками важности для такого взаимодействия непосредственных контактов (частые контакты, взаимодействие, общение: $r=0,20$; $p=0,03$, где r – коэффициент корреляции по Спирмену, p – уровень вероятности), совместной деятельности (совместное дело, дела: $r=0,19$; $p=0,04$) и общения (содержательное общение: $r=0,2$; $p=0,03$).

Что касается активности, инициативности, предпочтений, то в целом наши респонденты скорее «часто» стремятся к паритетным отношениям в личной, семейной жизни ($M=3,83$); «иногда–часто» предпочитают партнерские отношения другим вариантам взаимодействия ($M=3,32$); «иногда» сами активно иницируют деловые партнерские отношения ($M=3,13$); «иногда» думают, что лучше обойтись собственными силами и не связывать себя взаимодействием с другими людьми ($M=2,88$). При этом результаты показали, что существуют весьма выраженные взаимосвязи ценности партнерских взаимоотношений с оценками собственной активности. Чем ценнее партнерские взаимоотношения, тем чаще человек предпочитает партнерские отношения другим вариантам взаимодействия ($r=0,40$; $p=0,000$), стремится к паритетным отношениям в личной, семейной жизни ($r=0,34$; $p=0,001$), сам активно иницирует деловые партнерские отношения ($r=0,24$; $p=0,01$). Чем менее ценны партнерские взаимоотношения, тем чаще человек думает, что лучше обойтись собственными силами и не связывать себя взаимодействием с другими ($r=-0,36$; $p=0,01$).

Эта же тенденция проявляется и на уровне социальных действий. Так, ценность партнерских взаимоотношений коррелирует с показателями активности человека во взаимодействии с партнером. Чем ценнее партнерские отношения, тем чаще человек предлагает свое видение проблемы ($r=0,42$; $p=0,001$); просит партнера высказать свое мнение по проблеме ($r=0,38$; $p=0,001$); подсказывает возможное решение, сохраняя автономию партнера и его право на выбор ($r=0,33$; $p=0,001$); просит партнера помочь ($r=0,32$; $p=0,001$); выражает солидарность, оказывает помощь ($r=0,28$; $p=0,005$); старается как-то «разрядить обстановку» ($r=0,26$; $p=0,007$); помогает партнеру сориенти-

роваться в проблеме ($r=0,26$; $p=0,008$); спрашивает у партнера совет или направление мысли ($r=0,26$; $p=0,009$); соглашается с партнером, старается его понять и принять ($r=0,25$; $p=0,01$).

Несколько слов о суверенитете. Все характеристики, имеющие отношение к самостоятельности и независимости, оцениваются в диапазоне «важно – очень важно». Поскольку мы анализируем социальное взаимодействие, то участников предполагается как минимум двое – респондент и его партнер по взаимодействию. Соответственно данный вопрос логично рассмотреть с разных позиций. Итак, оценка респондентом важности собственного суверенитета показала преимущественный выбор ответа «важно» или «очень важно» по таким пунктам как: свобода выбора партнера, добровольность ($M=3,62$); свобода действий и принятия решений ($M=3,42$); самостоятельность, независимость ($M=3,04$). С точки зрения отношения к партнеру, очень важным считается признание прав партнера ($M=3,87$). Респонденты указывали на необходимость взаимного соотнесения прав и возможностей партнеров, выбирая «важно» при ответе на такие пункты, как равенство прав и возможностей ($M=3,40$), паритет, равноправие ($M=3,35$).

Относительно оценок важности свободы действий и принятия решений, самостоятельности и независимости взаимосвязей с ценностью партнерских взаимоотношений не обнаружилось. Возможно, эти характеристики не являются специфичными для партнерских взаимоотношений. Наряду с этим выявились взаимосвязи с характеристиками, имеющими непосредственное отношение к партнеру по взаимодействию: признание прав партнера ($r=0,41$; $p=0,001$); паритет, равноправие ($r=0,33$, $p=0,001$); свобода выбора партнера, добровольность ($r=0,27$, $p=0,003$).

Интересным представляется анализ с точки зрения возможности каждого участника социального взаимодействия реализовать собственную субъектность. Отчасти это может обеспечиваться признанием прав партнера; равенством прав и возможностей; важностью паритета, равноправия. Наряду с этим нами были рассмотрены и те аспекты взаимодействия, которые теоретически способствуют или не способствуют установлению, поддержанию и развитию партнерских взаимоотношений. Отметим некоторые корреляции этих характеристик с ценностью партнерства: уважение личности партнера ($r=0,45$, $p=0,001$); принятие своих обязанностей ($r=0,33$, $p=0,001$); отсутствие манипуляции ($r=0,33$, $p=0,001$); отсутствие в отношениях лжи и лицемерия ($r=0,32$, $p=0,001$); открытость, искренность

($r=0,30$, $p=0,001$). Причем «очень важно»: отсутствие в отношениях лжи и лицемерия ($M=3,96$); уважение личности партнера ($M=3,90$); принятие своих обязанностей ($M=3,81$); отсутствие манипуляции ($M=3,67$); открытость, искренность ($M=3,66$).

Поскольку в контексте проблемы субъектности речь идет о внутренней мотивации, можно предположить, что сходство мотивационно-ценностной сферы будет способствовать в какой-то степени большей согласованности в партнерском взаимодействии. На данном этапе исследования нами не предполагалось исследование ценностной, смысловой и потребностной сферы личности по стандартным методикам. В анализ были включены вопросы авторского опросника. Рассмотрим три блока вопросов, имеющих отношение к разным сторонам партнерских взаимоотношений.

Так, ценность партнерских взаимоотношений вполне объяснимо взаимосвязана с субъективными оценками общности целей взаимодействия ($r=0,28$, $p=0,002$); сходства целей, актуальных в данный период времени ($r=0,24$, $p=0,01$); общности целей ($r=0,21$, $p=0,02$); сходства планов, ожиданий от жизни в будущем ($r=0,20$, $p=0,02$). Кроме того, стоит обратить внимание и на общность мировоззрения партнеров ($r=0,27$, $p=0,004$), а также на то, чтобы партнеры были единомышленниками ($r=0,19$, $p=0,03$).

Во-вторых, люди, которые ценят партнерские взаимоотношения, большее значение придают таким моментам, как потребность друг в друге ($r=0,19$, $p=0,03$) и понимание перспектив взаимодействия ($r=0,20$, $p=0,03$). Иными словами, установление и развитие партнерских взаимоотношений может быть мотивировано именно этими обстоятельствами.

И наконец, чем ценнее партнерские взаимоотношения, тем больше человек ценит людей, взаимодействуя с которыми можно общаться на равных ($r=0,51$; $p=0,001$); чаще готов поделиться со своим партнером как *ресурсами* (имущество, деньги, социальный статус, знания и умения, а также услуги, которые вы можете оказать) ($r=0,19$, $p=0,04$), так и *отношениями* (эмоциональная поддержка, забота, доброта, внимание, понимание, доверие, верность и т. п.) ($r=0,35$, $p=0,001$).

По нашему мнению, все эти моменты можно и нужно рассматривать как условия установления именно партнерских взаимоотношений, в рамках которых возможно максимально полно реализовать свою собственную активность всем участникам взаимодействия. Мы считаем, что последующие исследования, предполагающие использование стандартного инструментария для анализа ценностно-

мотивационной сферы личности, позволят шире и глубже осветить проблему субъектности в социальном взаимодействии, в частности — в партнерском, соотнеся активность человека с его потребностями, ценностными и смысложизненными ориентациями.

Важным результатом данного исследования явилось подтверждение того, что в социальном взаимодействии проблема субъектности не ограничивается анализом особенностей действующего субъекта с точки зрения его самодетерминированной активности в какой-либо деятельности. Социальное взаимодействие предполагает учет субъектности партнера по взаимодействию, имеющего собственные мотивы, цели, намерения. Мы полагаем, что партнерское взаимодействие характеризуется высоким уровнем субъектности его участников, позволяющим в полной мере раскрыться и реализоваться всем участникам данного взаимодействия.

Литература

- Анциферова Л. И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. проф. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Вавакина Т. С.* Проблема исследования партнерства в социальной психологии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». 2018. Т. 25. С. 38–50.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Громов И. А., Мацкевич И. А., Семенов В. А.* Западная социология. СПб.: ДНК, 2003.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2005.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии: избранные психологические. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модэк», 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Фролов С. С.* Социология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994.

Manifestation of subjectness in partnership interaction

T. S. Vavakina

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article highlights some of the theoretical ideas of the author about the levels of analysis of social interaction. The question is raised about the peculiarities of partnership interaction from the point of view of the manifestation of the personality's subjectness. The results of an empirical study relevant to the manifestation of self-deterministic activity are considered. It is noted that an important point in partnership interaction is not only the ability to independently determine their activity aimed at achieving pragmatic goals of interaction, relying on internal motives, based on their life aspirations and personal preferences, but also special attention to their partner, understanding and acceptance of the need take into account his interests and provide him with the opportunity to realize himself as much as possible in interaction. Estimates are given of the importance for the partnership of indicators related to activity in the interaction with a partner, and their correlation with the value of partner relations for a person.

Keywords: activity, personality's subjectness, social interaction, partnership interaction, partner relationship.

Факторы просоциальной субъектности личности

П. А. Кисляков*, *Е. А. Шмелева***

* Российский государственный социальный университет, Москва
pask.81@mail.ru

** Ивановский государственный университет, Шуя
nos_shmeleva@mail.ru

В статье представлены результаты изучения факторов просоциальной субъектности личности. В ходе эмпирического исследования изучались представления респондентов о просоциальной личности. Просоциальная субъектность личности регулируется институциональными и нравственными нормами и характеризуется ресурсами, обеспечивающими психологическую устойчивость и благополучие личности. В качестве других факторов просоциальной субъектности личности также выявлены групповая идентичность, национально-религиозный фактор, гуманистичность, готовность к риску, эмоциональная напряженность. Действенным фактором актуализации просоциальной субъектности личности может стать востребованность такой личности в обществе и обретение ею социотипического статуса, когда безопасное просоциальное поведение будет восприниматься и оцениваться в обыденной жизни как нормальное и желаемое поведение.

Ключевые слова: просоциальная субъектность, просоциальная личность, психологические факторы, социальные нормы, психологическое благополучие.

Глобальные и локальные риски современного мира обуславливают поиск нематериальных активов (социально-психологических и духовных ресурсов), способных обеспечить безопасность человека и общества (Нестик, Журавлев, 2018). Таким конструктом может стать воспитание личности, готовой к солидарности, ориентированной на позитивные формы взаимодействия, на бескорыстное служе-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-20001.

ние обществу и имеющей просоциальные мотивы. В формировании просоциальной субъектности личности ведущей формой становления, осуществления и развития личности является социально-значимая деятельность, которую Л. И. Анцыферова понимает в широком смысле – как создание духовных и материальных ценностей (Анцыферова, 2006). Помощь нуждающимся, милосердие, бескорыстие, волонтерство, благотворительность выступают средством, формирующим духовные ценности личности.

Анализ феномена просоциального поведения личности обнаруживает огромный пласт детерминант, обуславливающих его реализацию личностью. Обзор работ, посвященных просоциальному поведению, показал, что его главными социально-психологическими факторами выступают:

- конформизм, потребность в социальном одобрении, ориентация на ценности коллективного благополучия, ориентация на социально полезные действия, стремление участвовать в жизни общества (социальная активность, общественная деятельность);
- социальная ответственность, чувство долга, патриотизм, гражданственность, приверженность национальным и культурным традициям, направленность на национальные цели, политическая зрелость;
- коммуникативные способности, способность к установлению социальных контактов, способность к сотрудничеству, направленность на развитие социального капитала, потребность в контактах с другими людьми;
- жизнестойкость, психологическое благополучие, толерантность к неопределенности, адаптационный потенциал;
- нравственность, гуманистическое отношение к миру, позиция ненасилия, доверие к миру, социальная толерантность;
- милосердие, духовность, вера в Бога (Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2002; Ильин, 2013; Кухтова, 2010).

Методика

Для изучения представлений россиян о просоциальной личности было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали 583 человека (23% – мужчины, 77% – женщины; средний возраст – 22,7 года). В основе исследования лежит метод семантического дифференциала, позволивший выделить ядро имплицитных представлений респондентов о личности просоциального типа.

В первый квартиль представлений вошли такие дескрипторы, как ответственный, культурный, сознательный, дружелюбный, истинный, нравственный, любящий, полезный, вызывающий доверие, аккуратный, милосердный, внимательный, жизнестойкий, благородный, отзывчивый, адаптивный.

Результаты факторного анализа, проведенного с целью выявления факторов, влияющих на просоциальную субъектность личности в современном обществе, позволили определить семь факторов, описывающих 50,8% общей дисперсии.

Обсуждение результатов

Первый фактор «Институциональные нормы» (объясненная дисперсия – 30,9%) составили переменные, указывающие на такие дескрипторы просоциальной субъектности личности, как ответственность (0,777), нравственность (0,743), культура (воспитанность) (0,737), межличностное доверие (0,619), благородство (0,588), конформность (0,590) и др. Данный фактор является ведущим, так как большинство входящих в него переменных входят в первый квартиль имплицитных представлений о дескрипторах безопасного просоциального поведения человека. Таким образом, просоциальная субъектность личности как способность бескорыстно оказывать помощь другим людям без получения конкретной выгоды для себя обусловлена не внешним социальным давлением и не присутствием другого человека, а наличием у субъекта помощи ряда душевных качеств (личностных диспозиций). Просоциальной личности присуще следование социокультурным, нравственным и этическим нормам, осознаваемая моральная идентичность. Просоциальности способствует институциональное доверие (вера в то, что институты побуждают других действовать надежным образом). Ответственность личности перед обществом характеризуется сознательным соблюдением моральных принципов и норм и формируется в процессе совместной деятельности в результате интериоризации социальных ценностей, норм и правил.

Во второй фактор «Психологическая устойчивость» (объясненная дисперсия – 4,9%) вошли показатели, характеризующие психологическую устойчивость личности (0,637), его адаптационный потенциал (0,580), инициативность (0,583), социальную зрелость (0,517), экологическую культуру (0,451) и др. Данный фактор является вторым по значимости. Просоциальности поведения личности способствует психологическая безопасность (Leung, Deng, Wang et al., 2015).

Третий фактор «Групповая идентичность» (объясненная дисперсия – 3,9%) включил показатели, обуславливающие идентичность человека с обществом (0,711), социальной группой (0,648), коллективом (0,693). Следует отметить, что ведущие показатели данного фактора («коллективный», «ценит общественное», «групповой», «совместный», «политичный») в среднем были оценены в диапазоне от 0,2 до 0,72 балла. При этом от 34 до 47% респондентов затруднились отнести данные показатели к тому или иному полюсу шкалы (поставили 0 баллов). Это говорит о том, что в исследуемой выборке присутствует амбивалентное представление о просоциальном поведении по данным дескрипторам. С одной стороны, просоциальное поведение понимается как коллективное (ориентированное на других), с другой – как индивидуальное (ориентированное на себя). Данная ситуация согласуется с тем, что мотивы оказания помощи могут быть как альтруистичными, так и эгоистичными (Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2002; Ильин, 2013). Многочисленные исследования показывают, что просоциальное поведение и организационное (коллективное) поведение (идентичность) взаимообусловлены. Просоциальное поведение членов коллектива обеспечивает благоприятный психологический климат в организации, повышает организационную лояльность, гражданское поведение в организации (*organizational citizenship behavior*), корпоративную социальную ответственность, способствует повышению производственной эффективности. Социальная изоляция снижает просоциальное поведение (Свенцикий, Казанцева, 2015).

Четвертый фактор «Национально-религиозный» (объясненная дисперсия – 3,6%) указывает на наличие у просоциально ориентированного человека религиозных и национальных ценностей. Ведущие показатели данного фактора – традиционный (0,584), национальный (0,506), верующий (0,354), в среднем были оценены в диапазоне от 0,07 до 0,71 балла. При этом от 35 до 45% респондентов затруднились отнести данные показатели к тому или иному полюсу шкалы (поставили 0 баллов). Это говорит о том, что в исследуемой выборке присутствует амбивалентное представление о просоциальном поведении по данным дескрипторам. С одной стороны, просоциальное поведение понимается как традиционное и продиктованное религиозными нормами, с другой – как либерально-космополитичное и не обусловленное религиозными нормами. В социальной психологии наблюдается две противоположные точки зрения: одни авторы указывают на прямую зависимость просоциального поведения от религиозности, другие – на ее отсутствие или даже обратную зависи-

мость. Исследование, проведенное В. В. Гриценко и Ю. В. Ковалевой, позволило выявить положительную взаимосвязь между различными видами просоциального поведения и ценностями традиционализма, а именно ценностями уважения и поддержания обычаев, принятия и признания идей, существующих в культуре (Гриценко, Ковалева, 2014). В христианстве, как и во всех мировых религиях, заповедь «Возлюби ближнего, как самого себя» выступает регулятором просоциального поведения личности.

Пятый фактор «Гуманистичность» (объясненная дисперсия – 2,7%) включает показатели, отражающие гуманистические качества личности: снисходительность (0,660), гуманистичность (0,430), милосердие (0,429) и др. Просоциально ориентированный человек умеет устанавливать гуманные отношения с окружающими людьми и не допускает унижение человеческого достоинства. За проявлением гуманного отношения стоят социальные нормы и групповые ожидания.

Шестой фактор «Готовность к риску» (объясненная дисперсия – 2,5%) связан с восприятием просоциальной личности как человека, рискующего своим благополучием и безопасностью ради других. Показатели экстремальный (0,638), рискующий (0,643) в среднем были оценены на 0,16 и 0,29 балла соответственно. При этом около 35% респондентов затруднились отнести данные показатели к тому или иному полюсу шкалы (поставили 0 баллов). Это говорит о том, что в исследуемой выборке присутствует амбивалентное представление о просоциальном поведении по данным дескрипторам. С одной стороны, просоциальное поведение понимается как рискованное, с другой – как осторожное.

Седьмой фактор «Эмоциональная напряженность» (объясненная дисперсия – 2,3%) включает показатели, отражающие преобладание эмоциональной сферы и повышенный уровень тревожности: эмоциональный (0,653), тревожный (0,389), занятый (0,322). Это подтверждается исследованием V. Zabkar и M. Hosta, где показано, что готовность к реализации про-экологического (просоциального) поведения обеспечивается эмоциональной тревожностью.

Заключение

Таким образом, полученные данные позволяют понять, что просоциальная субъектность личности регулируется институциональными и нравственными нормами и характеризуется ресурсами, обеспечивающими психологическую устойчивость и благополучие личности.

На периферии представлений о просоциальной личности оказались нормы коллективного поведения, религиозные нормы и нормы следования национальным традициям.

Просоциальная субъектность личности проявляется в инициативном воздействии субъектов на окружающую среду, частным случаем которого выступает социальная активность. Социальная активность личности предполагает не только ее участие в общественной жизни, но и, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности (Шамионов, 2012). Действенным фактором актуализации просоциальной субъектности личности может стать востребованность такой личности в обществе и обретение ею социотипического статуса, когда безопасное просоциальное поведение будет восприниматься и оцениваться в обыденной жизни как нормальное и желаемое поведение. Полученные эмпирические данные могут быть использованы психологами и педагогами при разработке программ развития просоциальной субъектности (Кисляков, Шмелева, Толстов, 2015; Kislyakov, Shmel'eva, Silaeva et al., 2019).

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Психологические законы поведения человека в социуме / Пер. Л. Ордановой и др. М.: Олма-Пресс; СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Гриценко В. В., Ковалева Ю. В.* Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 56–67.
- Ильин Е. П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб.: Питер, 2013.
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Толстов С. Н.* Обеспечение социально-психологической безопасности субъектов образования // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 46–55.
- Кухтова Н. В.* Содержательные и динамические характеристики личности школьников подросткового возраста с просоциальной направленностью: Монография. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2010.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.

- Свенцицкий А. Л., Казанцева Т. В. Повседневное просоциальное поведение личности как накопление социального капитала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. «Психология. Социология. Педагогика». 2015. № 2. С. 45–55.
- Шамионов Р. М. Социальная активность личности и риски // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2012. № 3. Т. 1. С. 3–7.
- Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Silaeva O. A., Belyakova N. V., Savchenko D. V. Research on prosocial behavior of Russian youth: statement of the problem in the context of security of the individual and society // Advances in the social science, education and humanities research // Proceedings of the international conference communicative strategies of information society (CSIS 2018). 2019. P. 519–523.
- Leung K., Deng H., Wang J., Zhou F. Beyond risk-taking: effects of psychological safety on cooperative goal interdependence and prosocial behavior // Group & Organization Management. 2015. V. 40. № 1. P. 88–115.

Factors of pro-social subjectness of the personal

P. A. Kislyakov*, E. A. Shmeleva**

* Russian State Social University, Moscow

** Ivanovo State University, Shuya

The article presents the results of studying the factors of Pro-social subjectness of personality. In the course of empirical research the respondents' ideas about prosocial personality were studied. Prosocial subjectness of the individual is regulated by institutional and moral standards and characterized by resources that provide psychological stability and well-being of the individual. Group identity, national-religious factor, humanism, risk-taking, emotional tension are also identified as other factors of Pro-social subjectness of the personality. An effective factor in the actualization of Pro-social subjectness of a person can be the demand for such a person in society and the acquisition of its sociotypic status, when safe Pro-social behavior will be perceived and evaluated in everyday life as normal and desirable behavior.

Keywords: prosocial subjectivity, prosocial personality, psychological factors, social norms, psychological well-being.

Потребности российских интернет-пользователей в знаниях о психологии (на примере поисковых запросов в Яндексе)

Д. А. Китова*, *Н. Р. Апреликова***

* Институт психологии РАН, Москва
j-kitova@yandex.ru

** Московский инновационный университет, Москва
aprelikovanr@mail.ru

В статье анализируются (на основе запросов) потребности и их характерные особенности в знаниях о психологии пользователей сети Интернет в Российской Федерации. Специфика запросов пользователей показала неоднородный уровень интереса к различным отраслям психологии, позволила выделить структурные и содержательные особенности потребностей респондентов в знаниях о психологии и отношение к формам получения такого рода знаний. В целом, результаты исследования показали высокий уровень интереса пользователей сети Интернет к знаниям о психологии, продемонстрировали их высокую ориентацию на поиск прикладной информации по личностному развитию, профессиональной деятельности и созданию благоприятных взаимоотношений с окружающими. Полученные данные будут полезны в сфере психолого-педагогической теории и практики.

Ключевые слова: потребности личности, знания о психологии, отрасли психологии, психологическая практика, личностное развитие, профессиональная деятельность, взаимоотношения с окружающими.

Введение

Среди многообразия знаний, которыми располагает современное общество, особое место занимают знания, связанные с закономерностями поведения людей, особенностями взаимодействия человека или групп (Китова, 2019; Психологическое знание..., 2018; Ушаков,

---

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0159-2019-0003.

Журавлев, Нестик и др., 2016). Система таких знаний задается, с одной стороны, социальными институтами общества, с другой – организуется самим человеком в соответствии с его индивидуальными потребностями (Апреликова, Китова, 2018; Китова, 2012; Нестик, Соснин, Китова и др., 2017). Современное информационно-технологическое пространство предоставляет человеку новые возможности для познания окружающего мира, приобретения дополнительных знаний и удовлетворения познавательных потребностей (Журавлев, Китова, 2017а, б). Специфика познавательных потребностей человека в знаниях о психологии, удовлетворение которых происходит с использованием сети Интернет, выступает проблемой нашего исследования.

Теоретико-методологическое обоснование проблемы исследования

Потребности выступают предметом исследования различных отраслей науки – философии, социологии, экономики, политологии, психологии, права, – которые по-разному подходят к оценке их сущности, функций и механизмов реализации. Потребности личности в рамках психологической науки также принято рассматривать с различных точек зрения. В частности, потребности можно рассматривать с позиций анализа *ощущений* или *сознания*; как стремление к пребыванию в зоне комфорта или склонность к достижению психосоциального благополучия; как деятельность, в которой человек находит реализацию своего личностного потенциала или через призму сопровождающих эту деятельность эмоций и т. д. Многообразием отличаются и современные эмпирические исследования потребностей личности, которые анализируются как источник социальной активности личности, как индикаторы самочувствия человека и общества (Китов, Китова, 2018).

Приведем ряд научных позиций, представляющих интерес с этой методологической точки зрения (Балова, Китова, 2011; Гараганов, Китова, 2015; и др.):

- потребности осознаются как *несоответствие* реального и желаемого состояния человека и вызывают стремление к преодолению этого дискомфорта;
- в структуре социальной активности человека (и общества) потребности выступают в качестве *первичного импульса* психической активности;

- *механизмы реализации* потребностей личности проявляются через фиксацию внимания человека на тех или иных объектах, способных удовлетворить актуальную потребность;
- в процессе деятельности человека потребности выступают в качестве *движущей силы*, выполняя энергетическую, избирательную и контрольную функции;
- человек может стремиться не только к реализации конкретных и измеримых потребностей, его действия могут быть мотивированы *стремлением к недостижимому* в принципе благу (например, стать лучше);
- *динамические характеристики* потребностей (способность актуализироваться, изменять свою интенсивность, угасать и воспроизводиться вновь) создают в организационных системах возможности для управляющего воздействия;
- понимание характера потребностей личности создает *благоприятные условия* для организации психолого-педагогического взаимодействия и формирования личности.

Эмпирический анализ проблемы

Целью эмпирического исследования выступает выявление потребностей личности в знаниях о психологии, их структурных и содержательных характеристик (подробнее см.: Апреликова, Китова, 2018). Объектом исследования выступили поисковые запросы пользователей Яндекса на территории Российской Федерации, в структуре которых присутствовало слово «психология». Анализ пользовательских запросов учтен за один месяц — обработано два миллиона двести шестьдесят тысяч пятьсот девяносто запросов (2260590) со всех регионов России. В исследовании были использованы данные, полученные через обращение к ресурсу «Статистика ключевых слов на Яндексе».

В первую очередь, мы обратились к анализу поисковых запросов на Яндексе по ключевому слову «психология» за февраль 2019 г. Каждый запрос суммируется как абсолютное значение количества показов страниц по запросам из конкретного региона и рассчитывается региональная популярность запросов. Региональная популярность — это доля, которую занимает регион в показах по данному слову, поделенная на долю всех показов результатов поиска, пришедшихся на этот регион (*affinity index*), рассчитывается автоматически поисковой системой Яндекс. Популярность слова/словосочетания, равная 100%, означает, что данное слово в данном регионе ничем не выделено. Если популярность более 100%, это означает, что в данном

регионе существует повышенный интерес к этому слову, если меньше 100% – пониженный.

Полученные результаты в целом свидетельствуют о высоком интересе к знаниям о психологии (101%). Интерес рассматривается нами как положительно окрашенный эмоциональный процесс, отражающий познавательную потребность узнать что-то новое об объекте интереса (по А. Н. Леонтьеву). Наиболее высокий интерес к знаниям по психологии проявляют в таких федеральных округах, как Дальневосточный (115%), Сибирский (112%), Южный (108%) и Приволжский (103%). Средний уровень интереса проявляют пользователи Уральского федерального округа (100%). Пониженный интерес к знаниям о психологии демонстрируют пользователи Северо-Кавказского (98%), Центрального (96%) и Северо-Западного (96%) федеральных округов. Меньше всех знаниями по психологии интересуются жители Республики Крым (91%).

Для обобщения информации мы сгруппировали результаты запросов по уровню проявляемого интереса (иными словами, по уровню выраженности потребностей). Если интерес к знаниям о психологии находился в области значений менее 100%, то мы их объединяли в группу под условным названием «неинтересно». Если же интерес к знаниям о психологии находился в области значений выше 100%, то группирование этих позиции происходило под условным названием «интересно». Третья позиция сопряжена с тем, что интерес к знаниям о психологии ничем не примечателен среди остальных запросов, – данную позицию мы определили, как «нейтральное отношение» (данный подход основан на разработанной Яндексом методике).

Таким образом, высокий интерес к знаниям о психологии продемонстрировали представители 6 регионов, что составляет 60% от общего количества пользователей. Низкий интерес к знаниям о психологии проявили представители трех федеральных округов, общее число таких пользователей составляет 30%. Нейтральный интерес представлен лишь в одном округе, что составляет 10% пользователей. Как оказалось, 60% пользователей Яндекса проявляют *повышенный интерес* к знаниям о психологии.

Структура и содержание потребностей в знаниях о психологии

Далее нами был проведен анализ поисковых запросов слов, которые были заявлены пользователями вместе со словом «психология». Обработано 2260590 запросов, произведенных пользователями

в феврале 2019 г. на Яндексe. Запросы сгруппированы нами по соответствующим отраслям психологии, за исключением подгруппы под названием «учебная литература», которая выделена нами как самостоятельная позиция. Данные запросы связаны с поиском учебной литературы и носят следующий характер: лекции по психологии, хрестоматия по социальной психологии, рефераты по экономической психологии, ответы на тестовые задания по психологии и т. д. На наш взгляд, такого рода запросы не отражают собственных познавательных потребностей личности, а обусловлены внешними обстоятельствами. Тем не менее, эти запросы позволяют полнее осознать характер и специфику потребностей пользователей в знаниях о психологии.

В отдельную группу, под условным названием «нестандартные вопросы», выведены еще две подгруппы запросов. Первая подгруппа связана с поисковым запросом «психология бесплатно», – такого рода запросы не позволяют установить направленность интереса к определенной отрасли психологии. Вторая подгруппа нестандартных запросов связана с поиском Института психологии РАН, что может косвенно свидетельствовать об интересе к фундаментальной психологии, но для более точного ответа требуется дополнительный анализ. Обе эти позиции составили в общей сложности 54512 запросов в месяц (29683 и 25029 соответственно), и мы сочли необходимым учесть в нашем исследовании эти запросы.

Как оказалось, наибольшее количество запросов пользователей связаны с поиском *учебной литературы* по различным отраслям психологии (15,1%). Эти запросы связаны с поиском различного вида учебных и учебно-методических изданий (учебников, учебных пособий, хрестоматий, конспектов лекций и т. д.).

Непосредственно среди *отраслей психологического знания* более остальных востребованы такие отрасли как психология личности, гендерная психология, социальная психология и психология досуга (42,7%). Анализ поисковых запросов и полученные нами ранее результаты эмпирических исследований (Апреликова, Китова, 2018) указывают на то, что знания о психологии, по мнению респондентов, интересны в рамках таких проблем жизнедеятельности как взаимоотношения с окружающими, самопонимание, взаимоотношения в семье, реализация профессиональной карьеры, управление другими, взаимоотношения с друзьями. Эти данные свидетельствуют о прикладном, можно даже сказать прагматичном, характере потребностей респондентов в знаниях о психологии.

Внутри данной подгруппы некоторые респонденты проявляют интерес к *макропсихологическим* аспектам социального взаимодействия, «соразмерным обществу в целом» (Макропсихология современного..., 2009, с. 5). Интерес пользователей связан с психологией этнических групп, ментальностью народов, ценностными ориентациями социальных групп, нравственными идеалами общества и т. д. Такого рода интерес проявляют менее 5% респондентов из данной подгруппы.

Достаточным интересом пользуется *научные исследования* в области психологии (9,7%). Эти запросы связаны с профессиональными интересами психологического сообщества и представителей смежных отраслей знания (научных работников или лиц, задействованных в системе подготовки профессиональных кадров). Такого рода запросы необходимы для более эффективного выполнения своих должностных обязанностей, служат обмену информацией и опытом в процессе реализации профессиональных коммуникаций. Сюда же, к сфере профессиональных интересов, можно, видимо, отнести и интерес к проблемам *общей психологии* (8,4%).

Незначительный интерес пользователей вызывают отрасли психологии, связанные с *формированием и развитием личности*, такие как возрастная и педагогическая психология, психология развития (14,2% в общей сложности). Интерес к данной проблеме в основном является отражением потребностей профессионального сообщества — на этот раз людей, вовлеченных в психолого-педагогическую деятельность. Сюда можно отнести работников системы образования (дошкольного, школьного, вузовского) и сферы подготовки (переподготовки) кадров и повышения квалификации.

Относительно низок интерес к *методологии психологии*, к практическим аспектам использования психологического знания (практическая психология — 4,3% и методология психологии — 3,0%, что в общей сложности составляет 7,3%). Низкий уровень интереса, видимо, связан со спецификой профессиональной психологической и психолого-педагогической деятельности: не все психологи и педагоги, задействованные в образовательном процессе, заняты психологической практикой — проведением консультаций или тренингов.

Наименьший уровень интереса пользователи демонстрируют к *клинической психологии* (1,7%). Это обстоятельство выступает отражением того, что круг людей, профессионально занимающихся патопсихологией реально не очень высок, соответственно и уровень запросов на Яндексe незначителен (на общем фоне).

Отношение к формам приобретения знаний о психологии

Не менее важно рассмотреть запросы пользователей на Яндексе, ориентированные на практические формы получения знаний о психологии, что является отражением специфики потребностей в знаниях о психологии. Наиболее востребованной формой получения и (или) совершенствования знаний о психологии является *повышение квалификации*, что говорит о формализованном (социально детерминированном) интересе к знаниям о психологии. Пользовательские запросы, направленные на поиск курсов повышения квалификации, посредством получения дополнительных теоретических и практических знаний о психологии, занимают лидирующее положение в Сети. Это, судя по характеру запросов, связано с постоянно усложняющимися требованиями к условиям профессиональной деятельности современных специалистов (психологов, педагогов, менеджеров, госслужащих, юристов), изменением организационных форм профессиональной деятельности, динамическими изменениями в жизнедеятельности самого общества.

К сфере профессиональных потребностей можно отнести и группы запросов пользователей, связанные с поиском возможностей получения психологической специальности и профессиональной переподготовки (т. е. объединяем две формы запросов), что непосредственно связано с *получением профессии психолога*. Здесь потребность в знаниях о психологии усиливается до уровня получения профессии. Также важно отметить, что поисковые запросы обрабатывались в феврале, и можно предположить, что в июле и августе (во время поступления в вузы) эти запросы могут существенно возрастать.

Запрос «психологическое тестирование», включает в себя проблемы психологических характеристик человека и группы, и является второй по количеству запросов пользователей формой поиска знаний о психологии. Как известно, тестирование может быть и самостоятельной формой получения знания, а может быть встроено в структуру всех других запросов пользователей (повышение квалификации, консультации, обучение и т. д.). Тем не менее, основываясь непосредственно на прямых запросах, мы рассматриваем психологическое тестирование как личностную (не детерминированную профессиональной необходимостью, например) сферу пользовательского интереса к *психодиагностике*.

Пятую подгруппу запросов можно объединить как запросы, ориентированные на *повышение социально-психологической компетентности* человека в области психологии или в сферах практического

применения такого рода знаний. При этом оказание психологической помощи, исходя из характера запросов, может осуществляться как индивидуально, так и в группе. Сюда можно отнести запросы, направленные на поиск психологических курсов и тренингов, что также свидетельствует о личностно детерминированных потребностях в знаниях о психологии.

Шестая подгруппа запросов относится к клинической сфере деятельности психолога, и связана с необходимостью соответствующего *коррекционного воздействия*. Эту потребность можно также отнести к потребностям, обусловленным внешними условиями (больной родственник, например).

Обобщение результатов исследования позволяет сформулировать ряд *выводов*.

1. Потребности человека выступают предпосылкой его социальной активности, определяют направленность и энергетическую насыщенность его поступков, лежат в основе целенаправленной деятельности. При таком подходе учет потребностей человека в знаниях о психологии и условий удовлетворения этих потребностей выступает важным фактором развития человека и общества.
2. У пользователей Яндекса в целом отмечается *высокая потребность* в знаниях о психологии. Тем не менее, в зависимости от региона она проявляется по-разному. Так, наиболее высокий интерес к знаниям о психологии демонстрируют пользователи Дальневосточного федерального округа, наименьший – Республики Крым, а пользователи Уральского федерального округа демонстрируют нейтральное отношение к психологии.
3. Интерес к различным отраслям психологии часто детерминирован социальной необходимостью и не равномерен. Максимальный, судя по количеству запросов, интерес у пользователей вызывает учебная литература по психологии. Среди отраслей психологии более остальных востребованы социальная психология, гендерная психология, психология досуга и психология личности. Значительным интересом пользуется исследовательская психология, менее остальных интересны отрасли психологии, связанные с формированием и развитием личности (возрастная и педагогическая психология, психология развития). Относительно невысок интерес к методологии психологии. Минимальный уровень интереса пользователи демонстрируют к клинической психологии.

4. *Личностные потребности* респондентов в знаниях о психологии (структурно и содержательно) сконцентрированы в рамках таких направлений как самосознание, общение, влияние, взаимодействие, семейная жизнь, практическая психология, управление персоналом, что свидетельствует о прагматическом характере потребностей в знаниях о психологии.
5. Интерес пользователей Яндекса (интерес представлен по мере его убывания) вызывает удовлетворение потребностей в знаниях о психологии посредством таких *социально-организованных форм* получения знаний, как повышение квалификации, профессиональная подготовка (переподготовка), психологическое тестирование, психологические тренинги, психологическая помощь и психотерапевтическая коррекция.

Литература

- Апреликова Н. Р., Китова Д. А.* Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 110–133.
- Балова Д. Ю., Китова Д. А.* Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. С. 9.
- Гараганов А. В., Китова Д. А.* Методологические принципы исследования потребностей как основы социальной активности личности // Вестник УРАО. 2016. № 2. С. 104–107.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 4 (85). С. 4–9.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017б. № 3–4. С. 10–21.
- Китов М. А., Китова Д. А.* Проблемы интеграции психологических критериев в структуру моделей государственного управления // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 73–80.
- Китова Д. А.* Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 128–131.
- Китова Д. А.* Экономическая психология субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика // Экономическая пси-

хология в современном мире. М.: Экон-Информ, 2012. С. 148–161.

Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Нестик Т. А., Соснин В. А., Китова Д. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 71–105.

Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Поддьяков А. Н., Юревич А. В. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

The needs of Russian internet users in knowledge about psychology (by the example of search requests in Yandex)

D. A. Kitova*, N. R. Aprelikova**

* Institute of Psychology RAS, Moscow

** Moscow innovation University, Moscow

The paper analyzes the characteristics and features of Internet users in the Russian Federation. Specific user requests demonstrate a heterogeneous level of interest in various branches of psychology, allowing to highlight the structural and substantive features of respondents' needs in psychology knowledge and the forms of obtaining the kind of knowledge they prefer. In general, the research results showed a high level of interest of Internet users, demonstrated their broad orientation to the search for useful information, professional activities and the development of favorable relationships with others. The data obtained will be useful for the most important areas of knowledge of psychology for a modern person and in the framework of psychological and educational theory and practice.

Keywords: personal needs, knowledge in the field of psychology, sectoral psychology, psychological practice, personal development, professional activities, relationships with others.

Разработка анкеты для измерения веры и надежды как составляющих оптимистической триады

Ю. В. Ковалева*, *К. Р. Арутунян***

* Институт психологии РАН, Москва
julkov@inbox.ru

** ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», Москва
arutunyan_97@mail.ru

Обсуждается проблема субъективного благополучия в период трансформаций современного общества, связанная с процессами глобализации, а именно массовые переселения людей в поисках лучших условий жизни, когда особое значение для стабильности социума приобретают позитивные психические состояния отдельного человека, его удовлетворенность собственной жизнью. В рамках эвдемического подхода к изучению позитивных ресурсов личности, способствующих преодолению ею трудных жизненных ситуаций, предлагается анкета для изучения Веры и Надежды как двух составляющих оптимистической триады, приводятся этапы и психометрические данные ее разработки на выборке 104 чел.

Ключевые слова: личность, трудная жизненная ситуация, субъективное благополучие, оптимизм, вера, надежда, любовь.

Одной из тенденций развития современной психологии является возрастающий интерес к позитивным аспектам человеческого бытия: самоактуализации и самореализации, личностному росту, счастью, мудрости, жизнестойкости и т. д. (Анцыферова, 2004; Журавлев, Юревич, 2014). Особую роль и ценность подобные качества личности и состояния приобретают в переломные моменты жизни — в трудных и экзистенциальных жизненных ситуациях, когда от человека требуется поиск ресурсов для их преодоления (Анцыферова, 1994). Так, Людмила Ивановна Анцыферова, анализируя феномен мудрости и не связывая его напрямую с возрастным аспектом развития человека, говорила о целостности и способности личности к непрерывному развитию, поиску ею новых способов осуществле-

ния жизни в радикально меняющихся социальных обстоятельствах (Знаков, 2016).

В период общественных трансформаций, к которым относятся, в частности, социальные изменения, связанные с процессами глобализации, а именно, значительная информационная нагрузка, изменение системы ценностей, массовые переселения людей в поисках лучших условий жизни, особое значение для стабильности общества имеют позитивные психические состояния отдельного человека, его удовлетворенность собственной жизнью, субъективное благополучие, переживание счастья (Джидарьян, 2014; Журавлев, Юревич, 2014; Ковалева, Журавлев, 2017).

Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, переживания счастья представляют собой комплекс тонко дифференцируемых взаимосвязанных понятий. Однако, несмотря на сложность и трудности дифференциации, можно отметить высокую степень проработанности понятия *субъективного благополучия*, так, в частности, названы его детерминанты, динамика, предикторы, структура, изучены его виды и типы. В литературе подчеркивается связь переживания субъективного благополучия с ценностными ориентациями и мотивационной структурой личности, среди его компонентов называются когнитивный (оценка) и эмоциональный (переживание), последний обусловлен успешностью и неуспешностью человека в различных сферах жизни. Такая успешность понимается, в том числе, и как связанная с наличием определенного личностного ресурса. Так, среди прочих был выделен мировоззренческий компонент субъективного благополучия, связанный с наличием у человека целей, занятий, убеждений, придающих жизни смысл, составляющий осмысленность прошлого, настоящего и будущего. В субъективном благополучии существенно отношение, оценка собственной личности, жизни, ее процессов по сравнению с усвоенными нормативными представлениями о благополучии. Также подчеркивается, что все факторы благополучия не действуют на психику непосредственно, только лишь через их субъективное восприятие и оценку, которые обусловлены всеми сферами личности (подробнее см.: Хашенко, 2008).

В целом выделились два подхода к изучению *субъективного благополучия* — гедонистический и эвдемонический. Первый связан с его пониманием с точки зрения переживания состояния удовлетворения собственной жизнью и ее составляющими. Данного подхода придерживались М. Аргайл, Н. Шварц, Э. Динер, Д. Канеман, Н. Брэдберн. Второй направлен на изучение субъективного благо-

получия с осмысленностью и наполненностью жизни, уровнем самореализации личности. Представителями данного подхода являются К. Рифф, Р. Райан, Э. Дисси, А. Уотерман, А. Маслоу.

Так, в субъективном благополучии Л. В. Куликовым выделяется такая его составляющая, как духовное благополучие – возможность приобщаться к богатствам духовной культуры, осознание и переживание смысла своей жизни, наличие веры (в себя, Бога или судьбу).

Таким образом, актуальной представляется дальнейшая работа по изучению духовной составляющей субъективного благополучия, а именно изучение личностных качеств, связанных с высшими переживаниями личности, которые могут составлять его ресурс. Мы предполагаем, что к таким качествам может относиться оптимизм личности как позитивная установка по отношению к будущему, основа ее неуязвимости перед резкими изменениями или даже ударами судьбы и трудностями жизни (Джидарьян, 2014).

Оптимизм, являясь социологической категорией активно изучается в различных научных дисциплинах. Так, выделены такие его виды, как эмоциональный, экономический, социальный, гражданский.

В социальной философии социальный оптимизм и пессимизм определяется как система отношений к миру в целом, отношений к ожиданию от будущего. Оптимизм – это уверенность людей в прогрессивной перспективе развития общества, уверенность в том, что будут созданы благоприятные условия для реализации их творческих потенций и социально востребованы их профессиональные качества. Социальный оптимизм обладает социально-психическим характером, так как, являясь психическим процессом, по своей содержательной сущности он социален, так как в мотивационной сфере находятся продукты социализации, социального опыта, а во-вторых, социальный оптимизм является объектом постоянного воздействия со стороны многообразной социокультурной реальности (Боташева, 2002).

Для формулировки цели нашего исследования особенно важно положение о том, что *социальный оптимизм является трансцендентным началом* бытия и в этом качестве представляет собой связующее начало социальной реальности, поскольку связывает *социальные и трансцендентные*, т. е. существующие независимо от опыта, проявления субъекта в его связях с бытием (Боташева, 2002).

По нашему мнению, такому условию трансцендентности удовлетворяют составляющие *оптимистической триады* личности – содержание и проявление таких высших чувств человека, как *вера, надежда, любовь* (Джидарьян, 2014), психологическое изучение ко-

торых и понимание их связи с другими психологическими феноменами представляется перспективным и актуальным.

Разработка инструментария для измерения составляющих оптимистической триады – переживаний Веры и Надежды

В 2014 г. И. А. Джидарьян был предложен опросник для изучения представлений о любви, ориентированный на ее ценностно-смысловой аспект в межличностных отношениях. С точки зрения требований психометрики, предлагаемая методика является надежным измерительным инструментом, в структуре которого выделяются три субшкалы: «Любовь-помеха», «Любовь-самоотдача», «Любовь как возвышающая человека сила» (Воловикова, Джидарьян, 2018). Несмотря на то, что две другие составляющие оптимистической триады были также подробно описаны (Джидарьян, 2014), тем не менее, инструмента для их измерения до настоящего момента не существовало.

Для целей нашего основного исследования нами была поставлена частная задача: разработать анкету, которая позволяла бы измерять переживание Веры и Надежды. С опорой на содержательный анализ этих высших чувств, проведенный И. А. Джидарьян, были выделены основные феномены, через которые они проявлялись и которые в дальнейшем были положены в основу вопросов анкеты.

Так, Вере свойственны следующие проявления: энергетическая наполненность верящего; переживание им значимости и осмысленности будущего, наполняющего содержание его настоящего; волевые действия и решения; уверенность в собственных силах и возможностях; высокий самоконтроль и достоинство; уверенность в близких людях и доверие им; религиозность. Для Надежды были выделены следующие феномены: позитивный настрой; преданность идее, человеку, плану; противостояние испытаниям и отчаянию; эффект окрыленности; контакт с такими образами, как «источник света», «спасительная соломинка», «авось».

Были составлены вопросы анкеты. Для Веры:

1. Я стараюсь в жизни всегда смотреть вперед, думать и представлять будущие события;
2. Моя жизнь интересна и наполнена смыслом;
3. Когда я думаю о своем будущем, чувствую себя воодушевленным и энергичным;
4. Я не привык отказываться от своих убеждений, если я во что-то верю, то меня трудно разубедить;

5. Я – человек религиозный, вера в Бога играет важную роль в моей жизни;
6. Я проявляю упорство, если знаю, что мое дело нужное и полезное;
7. Я никогда не теряю уверенность в свои силы и способности;
8. Моим близким и друзьям можно доверять, они порядочные и честные люди;
9. Я контролирую все происходящие со мной события и жизнь в целом;
10. Я готов проявить терпение, если верю, что меня впереди ждет удача;
11. Мне легче заниматься каким-нибудь делом, если я нахожу в этом свой личный смысл или это имеет для меня ценность;
12. Мое будущее позитивно, и меня непременно ждет удача.

Для Надежды:

1. Как бы мне ни было трудно, я стараюсь не отчаиваться;
2. Несмотря на сложности, я чувствую в себе силы не опускать руки;
3. Я всегда надеюсь, что в трудные моменты жизни, может появиться «соломинка», за которую я смогу ухватиться;
4. Я убежден, что все мои желания и мечты обязательно сбудутся;
5. Жизнь постоянно нас испытывает, но у меня всегда есть надежда на лучший исход событий;
6. Я всегда до последнего надеюсь на успех, даже в самом безнадежном деле;
7. В трудные моменты я иногда чувствую поддержку ниоткуда, появляются силы, открытость и тепло в душе;
8. Я могу ввязаться в какое-нибудь дело, понадеявшись на «авось».

Вопросы анкеты прошли экспертную оценку. Психометрическая проверка анкеты проводилась на выборке из 104 чел. в возрасте от 20 до 70 лет, представляющих разные социально-демографические группы. Респондентами данного исследования выступили студенты 4 и 5 курса ГАУГН, обучающиеся на факультете психологии. Также выборка набиралась на интернет платформе Twitter. Респондентов просили указать степень своего согласия или несогласия с утверждениями анкеты в соответствии со шкалой Лайкерта: полностью согласен; частично согласен; ни то, ни другое; частично не согласен; совершенно не согласен. Таким образом, каждый участник исследования получал две оценки от 1 до 5 по каждой шкале.

Проверялась согласованность вопросов каждой шкалы. α Кронбаха совокупности вопросов, посвященных Вере и Надежде, составила более 0,7 и 0,8 соответственно. По шкале, направленной на измерение Веры, вопрос № 1 ухудшал согласованность шкалы, при его удалении ее α Кронбаха увеличивалась с 0,76 до 0,79. В связи с чем было принято решение в дальнейшей работе убрать этот вопрос из анкеты.

Таким образом, нами был создан рабочий инструмент с удовлетворительными психометрическими характеристиками. Он требует дальнейшей психометрической верификации, однако, позволяет уже на данном этапе работы включить его в батарею тестов для изучения субъективного благополучия мигрантов как большой социальной группы, что является нашей основной исследовательской задачей.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 35. № 1. С. 3–18.
- Боташева Ш. Х.* Социальный оптимизм и пессимизм как философская антропогема: Дис. ... докт. философ. наук. Ставрополь, 2002.
- Воловикова М. И., Джидарьян И. А.* Развитие идей С.Л. Рубинштейна в исследованиях лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1. С. 20–42. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document595.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).
- Джидарьян И. А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Знаков В. В. Л. И. Анцыферова: понимание мудрости и мудрость постижения себя и других // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 95–116.*
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и пер-

спективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1830–1838.

Хащенко В. А. Структура субъективного экономического благополучия в зависимости от его уровня // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 2. С. 29–45.

Development of the questionnaire for measurement of belief and hope as components of the optimistic triad

Yu. V. Kovalyova*, *K. R. Arutyunyan***

* Institute of Psychology RAS, Moscow

** State academic university of the humanities, Moscow

The problem of subjective wellbeing during transformations of modern society, such as the mass resettlements of people in search of the best living conditions was discussed. In that period for the society, the positive mental conditions of a certain person, as well as his satisfaction with own life, get importance. Within eudemonic approach to studying the personality's positive resources which can help to overcome the difficult life situations the questionnaire for Belief and Hope studying as two components of the optimistic triad was offered. The stages of the questionnaire development as well as psychometric evidence of its validation were given.

Keywords: personality, difficult life situation, subjective wellbeing, optimism, belief, hope, love.

Временная перспектива подростков, планирующих переезд (на примере Москвы и Магадана)

М. Д. Кондратьев, С. Т. Штомпель

Факультет психологии ИОН РАНХиГС, Москва
mdkondr@gmail.com
sophie.sh@mail.ru

Исследование посвящено изучению характеристик временной перспективы личности подростков из Москвы и Магадана, планирующих переезд. Временная перспектива рассматривается в контексте временной ориентации (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд) и временной перспективы будущего (Ж. Нюттен). Для оценки временной ориентации используется опросник временной перспективы Зимбардо (ZTPИ), временной перспективы будущего — метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (ММИ). В качестве участников исследования выступают подростки, обучающиеся в 10–11 классах общеобразовательных школ Москвы и Магадана (всего — 87 чел.). Для подростков из Москвы показано, что те, кто планирует переезд, по характеристикам временной перспективы не отличаются от своих сверстников, не имеющих таких планов. Подростки, планирующие переезд из Магадана, по характеристикам временной перспективы не отличаются от подростков из Москвы. Временная перспектива подростков, не планирующих переезд, характеризуется как сравнительно менее благоприятная.

Ключевые слова: временная перспектива, временная ориентация, подростки, миграция.

В статье изложены результаты сравнительного анализа характеристик временной перспективы подростков из Москвы и Магадана, планирующих и не планирующих переезд. Представленное исследование по сути своей является пилотажным. Актуальность его продиктована несколькими причинами. Во-первых, в современной России существует тенденция миграции молодого трудоспособного населения из регионов в мегаполисы. Среди возможных причин такой миграции можно выделить субъективно восприни-

маемое отсутствие перспектив развития и самореализации. В связи с этим важно изучить жизненные планы и представления о будущем указанной социальной группы. Во-вторых, на сегодняшний день много работ посвящено тому, каким именно видят свое будущее жители мегаполисов, представления жителей регионов также изучены, однако недостаточно изучен образ будущего тех молодых людей, которые планируют переезд. Особую значимость здесь имеет исследование образа будущего у подростков, поскольку именно в этот возрастной период принимается решение о возможной академической миграции – переезде с целью получения образования. Анализ литературы показал недостаток информации о том, каким видят свое будущее выпускники школ маленького города.

Исследование посвящено проблеме поиска и выделения особенностей и закономерностей, свойственных временной перспективе подростков из разных регионов (на примере Москвы и Магадана). Его результаты дадут дополнительную информацию о причинах миграции и возможных способах ее снижения. Цель исследования: изучение характеристик временной перспективы подростков Москвы и Магадана. В качестве теоретико-методологической основы данного исследования выступают работы Ж. Нюттена, Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, других исследователей временной перспективы.

Теоретическая новизна заключается в получении актуальных данных о временной перспективе современных подростков Москвы и Магадана. Практическая значимость данного исследования основана на возможности использования полученных результатов широким кругом специалистов, работающих с подростками (педагоги, психологи, родители).

Результаты исследования дополняют уже имеющуюся информацию о характеристиках временной перспективы и позволяют сформулировать новые гипотезы для продолжения работы.

Описание исследования

Эмпирическое изучение характеристик временной перспективы подростков Москвы и Магадана проводилось с ноября 2018 по февраль 2019 года и включало несколько этапов. На первом этапе подросткам, согласившимся принять участие в исследовании, было предложено заполнить бланки Опросника временной перспективы ZТPI (Зимбардо, Бойд, 2010) для измерения характеристик временной ориентации, метода мотивационной индукции для измерения характеристик временной перспективы будущего (Нюттен, 2004), а также

анкеты с общими демографическими данными об участнике исследования. Для повышения надежности и достоверности полученных данных к участию в исследовании приглашались подростки, выразившие согласие участвовать в нем добровольно. В ходе обработки данных было обнаружено, что в некоторых случаях участники исследования отказывались от заполнения опросников в процессе выполнения предложенных заданий, мотивируя это слишком высокой сложностью поставленной задачи. В итоге участниками исследования стали 87 подростков, обучающихся в 10–11 классах общеобразовательных школ (из них из Москвы – 51 чел., из Магадана – 36 чел.). Полученные результаты были статистически обработаны с использованием U-критерия Манна–Уитни.

Результаты и их обсуждение

Все участники исследования были разделены на 4 подгруппы в логике сочетания места проживания и заявленных намерений о миграции. Получившиеся подгруппы по составу: москвичи уезжающие – 12 чел., москвичи остающиеся – 39 чел., магаданцы уезжающие – 24 чел., магаданцы остающиеся – 12 чел. Сравнение подгрупп из Москвы показало отсутствие значимых различий (U-критерий Манна–Уитни) в выраженности всех исследованных характеристик временной перспективы, в связи с этим далее участники исследования из Москвы рассматриваются как общая подгруппа (Москвичи).

Временная перспектива рассмотрена в двух ее аспектах – временная ориентация и временная перспектива будущего. Установлено, что с точки зрения временной ориентации (ZTPI) подростки из подгрупп «Москвичи» и «Магаданцы уезжающие» не обладают значимыми различиями. Подростки из группы «Магаданцы остающиеся» отличаются от своих сверстников по типам временной ориентации «Гедонистическое настоящее» и «Будущее» (значения в среднем ниже, значимость $p < 0,05$). Также наблюдаются значимые различия при сравнении с Москвичами («Фаталистическое настоящее», $p < 0,05$). При сравнении с уезжающими магаданцами присутствует тенденция к значимости различий по типу ориентации «Негативное прошлое» ($p = 0,08$).

Статистический анализ частоты встречаемости мотивационных объектов (ММИ) в исследованных подгруппах показал, что магаданцы, которые не планируют переезд после окончания школы, значительно различаются по показателю «Sr»: остающиеся имеют более низкие показатели частоты упоминания объектов тематичес-

кой группы «Самоактуализация» (среднее значение – 3,25; в других группах – 5,08 и 5,54).

Также мы можем сказать о наличии тенденции к различию ($p=0,09$) по показателю «С» между школьниками из Магадана, которые уезжают и остаются и Москвичами. Остающиеся магаданцы наиболее часто упоминают объекты, относящиеся к группе «Социальные контакты». Почти одинаково значимыми для всех магаданцев, вне зависимости от их намерений переехать или остаться в городе, являются объекты группы R (Работа/Учеба).

Магаданцы уезжающие имеют более высокие показатели по шкале Негативное прошлое и Будущее, чем магаданцы остающиеся. Это свидетельствует о том, что им свойственно оценивать свой предыдущий опыт как нечто неприятное, негативное, при этом они будут учитывать его при постановке своих личных целей, планировании своей жизни. Ориентация на будущее позволяет им работать на отсроченный результат, шаг за шагом идти к своим целям, воплощать их в реальность, а вместе с тем они готовы не искать вознаграждений в ближайшем будущем (и работать ради долгосрочной перспективы). Ориентация именно на этот временной интервал может положительно сказаться на их академической успешности.

Одновременно с этим они имеют более высокие показатели по шкале Гедонистическое настоящее, что говорит о том, что они стремятся к получению удовольствия «здесь и сейчас». Они направляют свои силы чаще всего на то, что точно может принести им счастье и удовольствие и не склонны задумываться о том, что будет после этого. Они не отвлекаются на размышления о прошлом или будущем. Выраженность типа ориентации Гедонистическое настоящее характерна для возрастных особенностей подростков и не противоречит по содержанию ориентации на Будущее.

Рассмотрим теперь содержание временной перспективы будущего подростков-участников исследования. Подростки из Магадана, планирующие переезд в другой город, сравнительно чаще упоминают объекты, относящиеся к группе «Самоактуализация», чем их сверстники из Москвы и те, кто не имеют таких планов. Они в большей степени нацелены на то, чтобы раскрыть свой потенциал, развить свои способности и таланты. Они мотивированы работать над собой, вырабатывать какие-либо качества, навыки, осваивать новые виды деятельности, приобретать знания, так как для них крайне важен свой личностный рост.

Для юношей и девушек, которые остаются в Магадане, «Самоактуализация» играет меньшую роль по сравнению с «Социаль-

ными контактами», т. е. для них наиболее важна связь с людьми, они имеют высокую потребность во взаимодействии с окружающими, которое дает им психологический комфорт и чувство защищенности.

Этим можно объяснить отсутствие у них планов уезжать из города, имея устойчивые социальные контакты в своем родном городе, которыми они дорожат и которые являются для них значимыми, они не хотят их разрушать, боясь быть одинокими в другом городе.

Эта же группа подростков имеет наиболее низкое значение по шкале «Фаталистическое настоящее», что, согласно авторам методики ZPTI, говорит о слабо выраженном чувстве предопределенности собственной жизни. Они не считают, что вся жизнь predetermined заранее и от решения самого человека ничего не зависит.

Еще на одном моменте следует остановить внимание. По характеристикам временной ориентации подростки из Москвы и Магаданцы, планирующие переезд, не имеют значимых различий. Отмеченные нами различия в характеристиках временной перспективы будущего по своим абсолютным значениям крайне малы, едва ли их следует учитывать при анализе. Все вышеперечисленное свидетельствует в пользу сходства подростков из описанных групп по их характеристикам временной перспективы и, вероятно, связанным с ними чертами личности и особенностями поведения.

Что касается набора характеристик, отмеченного у подростков из Магадана, не планирующих миграцию, он может быть рассмотрен как сравнительно менее благоприятный по исследованным показателям. Таким образом, изначально выдвинутая нами гипотеза о наличии значимых различий в характеристиках временной перспективы подростков Москвы и Магадана, подтвердилась.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Существуют значимые различия в характеристиках временной перспективы у подростков Москвы и Магадана.
2. Для подростков, планирующих уезжать из Магадана, характерны сравнительно более высокие показатели по типам временной установки «Гедонистическое настоящее», «Будущее» и «Негативное прошлое», чем для подростков из Магадана, которые не имеют таких планов.

3. Московские подростки и подростки, планирующие уезжать из Магадана, близки с точки зрения характеристики временной перспективы.
4. Есть основания предполагать, что отсутствие планов уезжать из города у магаданских школьников обусловлено наличием устойчивых, значимых социальных контактов.
5. Подростки, планирующие остаться в Магадане, обладают сравнительно неблагоприятными характеристиками временной ориентации и временной перспективы будущего среди исследованных групп.

Таким образом, результаты пилотажного исследования показали, что продолжать работу в выбранном направлении имеет смысл. Что касается перспектив развития данного направления исследований, имеет смысл расширить объем выборки, провести сравнительный анализ характеристик временной перспективы подростков из нескольких регионов (в том числе – с высокой миграцией), добавить к количественному анализу содержания временной перспективы будущего содержательный анализ, подкрепив его результаты работой фокус-групп.

Литература

- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.

Time perspective of adolescents, planning the move (on the example of Moscow and Magadan)

M. D. Kondratyev, S. T. Shtompel

Faculty of Psychology ION RANEPА, Moscow

The study is devoted to studying the characteristics of the temporal perspective of the personality of adolescents from Moscow and Magadan who are planning to move. The time perspective is considered in the context of the time orientation (F. Zimbardo, J. Boyd) and the time perspective of the future (J. Nutten). To assess the temporal orientation, the F. Zimbardo time perspective questionnaire (ZTPI) is used; the future time perspective is the J. Nutten motivational induction method (MMI). The participants

in the study are adolescents studying in grades 10–11 of secondary schools in Moscow and Magadan (87 in total). For adolescents from Moscow, it is shown that those who are planning to relocate do not differ from their peers who do not have such plans in terms of the characteristics of the time perspective. Adolescents who plan to move from Magadan, according to the characteristics of the time perspective, do not differ from adolescents from Moscow. The temporal perspective of adolescents who do not plan to move is characterized as relatively less favorable.

Keywords: time perspective, time orientation, adolescents, migration.

Ролевая толерантность подростков как частный вид социальной толерантности

Т. И. Короткина*, *А. П. Якунин***

* Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург
t-korotkina@mail.ru

** Центр делового сотрудничества «Потенциал», Санкт-Петербург
a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru

Социальная толерантность как важнейший аспект социальной психологии личности является интегративным выражением установки уважительного отношения человека к другим людям как представителям иной социальной группы. В данной статье выдвигается гипотеза о ролевой толерантности как установке на уважительное отношение к людям своей или чужой группы, исполняющим аналогичную или иную социальную или межличностную роль. Исследование разрабатываемого нового понятия «ролевая толерантность» осуществляется на основе определения содержания представлений подростков о социальных ролях взрослого человека и их отношения к данным ролям. Результаты эмпирических исследований показали, что подростки 12–15 лет высоко положительно оценивают родительские и супружеские роли взрослого человека, средне положительно — роли «руководитель», «коллеги», «хозяин», а роли «подчиненный» и «наемный работник» оцениваются подростками негативно. Полученные результаты позволяют сделать вывод об устойчивых отношениях подростков к разным ролям взрослого человека, что является подтверждением существования ролевой толерантности как установки на отношение человека к ролям и их исполнителям.

Ключевые слова: социальная толерантность, ролевая толерантность, подростки, социальные представления, социальные роли, отношение.

Одним из важных вкладов Л. И. Анцыферовой в социальную психологию личности является вклад в разработку методологических принципов для исследования сущности диалектики индивидуального и социального в психологии конкретной личности (Анцыферова, 2006). Настоящая статья призвана актуализировать

понимание подходов Л. И. Анцыферовой к социальной психологии личности на примере разработки нового понятия для этой области психологии. Таким понятием выступает понятие «ролевая толерантность», которую предлагается рассматривать как частный вид социальной толерантности.

Л. Г. Почебут дала следующее, на наш взгляд, универсальное определение понятия «толерантность»: «Толерантность — это уважение и соблюдение прав другого человека при условии, что он также уважает и соблюдает ваши права» (Почебут, 2005, с. 82). Формирование и проявление толерантности конкретным человеком связано с основными параметрами социальной психологии личности, а именно: социальной идентичностью, социальным познанием, социальной установкой и социальными нормами (Почебут, 2005; Пчелинцева, 2003).

В исследованиях по проблемам ролевой социализации данные категории социальной психологии представлены частными понятиями «ролевая идентичность», «ролевое познание», «ролевая установка» и «ролевые нормы» (Горностай, 2007; Сидоренков, 2012). В то же время разработка понятия «ролевая толерантность» как частного вида категории «социальная толерантность» остается без внимания исследователей ролевой социализации личности. В небольшом исследовании (Якунин, 2018) предпринята первая попытка установить сущность данного социально-психологического феномена. В данном исследовании, с проведением факторного анализа, было показано, что ролевая толерантность является формой объективации установки подростков на разнообразные социальные роли взрослого человека, в отличие от ролевой компетентности как формы построения субъективных образов-представлений об этих ролях (Якунин, 2014). Надо отметить, что понятие «ролевая компетентность» уже нашло свое отражение в работах разных авторов (Горностай, 2007; Сидоренков, 2012). Таким образом, разработка нового понятия «ролевая толерантность», при наличии имеющихся понятий, носит актуальный и необходимый характер.

В теории социальной толерантности формирование установки у конкретного человека на уважительное отношение к представителям другой группы рассматривается через механизмы и феноменологию социального познания, которые опосредуются особенностями социальной идентичности познающего субъекта внутри собственной группы (Почебут, 2005). Основными проявлениями отсутствия положительной толерантности в отношении других, т. е. интолерантности, выступают предубеждения, предрассудки и дискриминация (там же). В основе проявления данных отрицательных феноменов лежит не-

адекватное познание других людей, что связано с ошибками атрибуции при интерпретации поведения представителей других групп, которые, в свою очередь, усилены влиянием уровня идентичности познающего человека, что проявляется в отстаивании ценностей и норм своей группы (там же). Подобную феноменологию можно предполагать и в рамках проявления особенностей ролевой толерантности.

Ролевая перцепция характеризуется восприятием людьми ролевых ожиданий, роли как таковой и реакции других на собственные действия (Горноста́й, 2007). Социальная перцепция данных объектов заключается в восприятии слов, текста информации об этих объектах, внешности человека, формируемого под влиянием данных объектов, и в восприятии ролевого поведения и его символического смысла (там же). Данные характеристики ролевой перцепции показывают, что формирование ролевой толерантности / интолерантности может обуславливаться познанием не только исполнения другим человеком конкретной роли, но и познанием собственного ролевого ожидания в исполнении этой роли, а также познание роли как таковой, которое опосредуется текстом информации. Можно предполагать, что особенности ролевой идентичности познающего человека начинают усиленно проявляться уже на уровне перцепции ролевых ожиданий и роли как таковой, что, в свою очередь, задает определенные параметры отношения к исполнителю конкретной роли задолго до того, как с ним будет взаимодействовать познающий эту роль субъект. Ролевая толерантность/интолерантность может формироваться в отношении не только исполнителя роли, но и самой этой роли как таковой, независимо от того, как эту роль исполняет другой человек. Верно и то, что такая ролевая толерантность/интолерантность может быть перенесена на другого человека как исполнителя данной роли. С другой стороны, восприятие исполнения другим человеком конкретной роли может обратно влиять на сформированный уровень ролевой толерантности/интолерантности к ролевому ожиданию и роли как таковой у познающего их субъекта. Таким образом, для ролевой толерантности можно предполагать наличие двух взаимосвязанных между собой линий. Первая линия связана с формированием отношений человека к ролевому ожиданию и роли как таковой, вторая — с исполнением роли другим человеком. Насколько обе линии сопряжены друг с другом — это тема отдельных исследований. В настоящей статье будут представлены материалы исследований познания подростками роли как таковой и особенностей отношения подростков к данным ролям и ролевому ожиданию с позиции «Я в роли взрослого человека».

Исследование ролевой толерантности необходимым образом требует изучения эксплицитного и имплицитного уровня знания подростков о роли как таковой. Т. П. Емельяновой, в рамках проблем теории социальных представлений, было показано, что определение этих двух уровней является важнейшим аспектом в определении сущности познания группы социальной действительности (Емельянова, 2016). С этой точки зрения, установление содержания социальных представлений подростков о роли взрослого дает возможность увидеть проявления эксплицитного уровня отношения подростков к данной роли. С другой стороны, Л. Г. Почебут указывает на то, что предубеждение как негативная характеристика толерантности является устойчивым и стереотипным высказыванием, которое зависит от эффектов группового взаимодействия между членами группы (Почебут, 2005). Решение данной проблемы можно представить на примере исследования смысловых связей в «ядре» социальных представлений подростков о социальных ролях взрослого (Якунин, 2014). Проведенный корреляционный анализ содержания «ядра» показал наличие устойчивых групповых высказываний подростков о конкретной роли взрослого человека (там же). Исследование имплицитного уровня знания подростков о роли как таковой должно быть обеспечено применением методик измерения прямых и цветоассоциированных оценок, которые показывают разрыв между вербализованным и скрытым смыслом отношений подростков к той или другой роли. Объединение подходов, т. е. определение содержания «ядра» социальных представлений подростков и их оценок, позволит более точно определить устойчивость отношений подростков к ролям взрослого человека, что, в свою очередь, будет свидетельствовать о наличии у подростков установок на познание ролей в позитивном или негативном аспекте. Последующее определение оценок подростками своего ролевого ожидания в исполнении данных ролей позволит не только установить отношение подростка к самому себе в этой роли взрослого человека, но и показать зависимость между восприятием роли как таковой и отношением к предполагаемому исполнению данной роли. Такая зависимость выступает показателем ролевой толерантности/интолерантности подростков к конкретному человеку, исполняющему ту или иную роль.

Целью данной работы является исследование отношения подростков 12–15 лет к социальным ролям взрослого человека как выражению специфики ролевой толерантности данных подростков к роли как таковой и ролевому ожиданию.

Задачи исследования:

- 1) определение групповых мнений подростков 12–15 лет о социальных ролях взрослого человека;
- 2) установление отношения подростков к социальным ролям взрослого человека;
- 3) исследование отношений подростков к своему ролевому ожиданию в исполнении социальных ролей взрослого человека.

Объект исследования – подростки-учащиеся средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга.

Предмет исследования – социальные представления подростков о социальных ролях взрослого человека и их отношение к данным ролям.

Гипотезы исследования:

- 1) групповые мнения подростков о социальных ролях взрослого человека и их оценка подростками выражают степень привлекательности данных ролей;
- 2) позитивное или негативное отношение подростка к ролям взрослого человека является проявлением специфики ролевой толерантности к роли как таковой и ролевому ожиданию.

Исследование социальных представлений было проведено на выборке 272 подростка 12–15 лет (Якунин, 2014). Исследование отношения подростков к социальным ролям взрослого проведено на выборке 70 подростков 13 лет (Микляева, Безгодова, Якунин, 2016). Методы исследования: опрос, анкетирование, контент-анализ. Методики исследования: «Представления подростков о социальных ролях взрослого» (Якунин, 2014) и «Оценка подростками социальных ролей взрослого человека» (Микляева, Безгодова, Якунин, 2016). Достоверность и надежность результатов исследования достигается за счет корректного использования математико-статистических методов обработки, а именно: «Критерия Фишера (логарифмирование)», «Критерия парной корреляции Пирсона» (Микляева, Безгодова, Якунин, 2016; Якунин, 2014).

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный корреляционный анализ содержания «ядер» социальных представлений подростков 12–15 лет о социальных ролях взрослого человека показал наличие устойчивых групповых мнений

подростков (Якунин, 2014). Анализ групповых мнений подростков о конкретной роли взрослого человека позволил классифицировать их на три группы по степени привлекательности: 1) положительные, 2) нейтральные, 3) негативные. Анализ групповых мнений показал, что к группе положительных мнений относятся групповые мнения подростков о следующих ролях: «родители», «отец», «мать», «муж», «жена», «супруги», «руководитель» и «коллеги»; в группу нейтральных мнений вошли высказывания подростков о ролях «хозяин», «наемный работник» и «собственники»; группу негативных групповых мнений подростков составляют мнения о роли «подчиненный».

Приведем примеры положительных групповых мнений подростков (Якунин, 2014): «Родители — это близкие, родные, любимые люди, которые любят, воспитывают, заботятся о своих детях (о тебе) всю жизнь»; «Отец — это тот, родной для тебя человек, который помогает и воспитывает»; «Мать — это человек, самый любимый, близкий и родной, который заботится, любит, помогает мне (тебе)»; «Муж — это любимый человек, который любит жену»; «Жена — это любимая женщина мужа, которую любят»; «Супруги — это любящие люди, которые любят друг друга»; «Руководитель — это тот, свой человек, который управляет, руководит»; «Коллеги — это друзья по работе».

Примеры нейтральных мнений подростков (Якунин, 2014): «Хозяин — это человек, который владеет чем-либо»; «Наемный работник — это человек, которого нанимают на работу и который работает за деньги»; «Собственники — это люди, которые имеют свою собственность».

Пример негативных мнений подростков: «Подчиненный — это раб» (Якунин, 2014).

Исследование прямого оценивания подростками 13 лет показало следующие результаты (Микляева, Безгодова, Якунин, 2016): 1) высокий уровень привлекательности (оценка привлекательности от 0 до 3 баллов) для родительских и супружеских ролей, 2) средний уровень привлекательности (оценка привлекательности от 3 до 5 баллов) у ролей «руководитель» и «коллеги» и 3) низкий уровень привлекательности (оценка привлекательности от 5 до 8 баллов) для ролей «хозяин», «наемный работник» и «подчиненный». Анализ оценивания подростками 13 лет данных ролей посредством цветоассоциирования показал следующие результаты (Микляева, Безгодова, Якунин, 2016): 1) высокий уровень привлекательности у родительских ролей, 2) средний уровень привлекательности у супружеских ролей и ролей «руководитель», «хозяин» и «коллеги», 3) низкий уровень привлекательности у ролей «наемный работник» и «подчиненный».

Сопоставление групповых мнений подростков первой выборки о ролях взрослого с результатами оценивания данных ролей подростками второй выборки показывает наличие у подростков обеих выборок устойчивого положительного отношения к родительским ролям, а также устойчивого негативного отношения к роли «подчиненный». По отношению подростков второй выборки к супружеским ролям фиксируется незначительное колебание, а именно: при прямом оценивании результат 2,19 балла, а при цветоассоциированном оценивании 3,51 балла. Несмотря на такое незначительное расхождение можно говорить об устойчивости положительного отношения подростков к супружеским ролям взрослого.

Оценка подростками обеих выборок роли «хозяин» в определенной мере совпадает, что свидетельствует об устойчивом нейтральном отношении к этой роли. Другая картина наблюдается при оценивании ролей «руководитель», «коллеги» и «наемный работник». Первые две роли оцениваются подростками второй выборки средне положительно, тогда как подростки первой выборки высказывают положительные мнения об этих ролях. Роль «наемный работник» подростками второй выборки однозначно оценивается отрицательно, в то время как подростки первой выборки высказываются нейтрально о данной роли взрослого. Такое расхождение, на наш взгляд, связано с особенностями цензуры сознания, которая выражается в диалектике эксплицитного и имплицитного уровня социальных представлений и которая обуславливает осмысление подростками данных ролей.

Подтверждением устойчивости отношений подростков к данным ролям является определение оценки подростками себя в роли взрослого человека. Результаты цветоассоциированного оценивания подростками роли «Я в социальных ролях взрослого человека» (Микляева, Безгодова, Якунин, 2016) показывают: 1) высокий уровень привлекательности родительских ролей, 2) средний уровень привлекательности супружеских ролей и ролей «руководитель», «хозяин», «коллеги», 3) низкий уровень привлекательности ролей «наемный работник» и «подчиненный».

Полученные результаты оценивания подростками второй выборки показывают тождественные отношения подростков к социальным ролям взрослого человека как таковым и к ролевому ожиданию своего исполнения данных ролей. Данное тождество результатов оценивания говорит о сформированности единообразных установок у подростков как в отношении познания роли как таковой, так и к предполагаемому исполнению этой роли в виде ролевого ожидания.

Наличие этих установок подтверждает нашу гипотезу о ролевой толерантности подростков как установки на позитивное или негативное отношение к познанию роли как таковой или ролевому ожиданию как способу предполагаемого исполнения данной роли. В нашем исследовании подростки демонстрируют высокий уровень толерантности и принятия родительских ролей взрослого человека, что может предполагать и подобное поведение в отношении конкретных взрослых людей как исполнителей этих ролей. В отношении взрослых людей как исполнителей супружеских ролей и ролей «руководитель», «коллеги» и «хозяин» можно прогнозировать нейтральное толерантное поведение. Взрослые люди как исполнители ролей «наемный работник» и «подчиненный» находятся в зоне риска негативного, интолерантного поведения со стороны подростков.

Безусловно, исследование ролевой толерантности как частного вида социальной толерантности требует дальнейшей разработки. Тем не менее, наше исследование показывает, что ролевая толерантность не может быть сведена к отношению одного человека к другому как исполнителю конкретной роли. Оценка уровня ролевой толерантности необходимым образом должна включать оценку отношения человека к роли как таковой и к ролевому ожиданию своего исполнения этой роли. Только при сочетании всех трех оценок можно будет более точно говорить о проявлении ролевой толерантности как частного вида толерантности.

Заключение

1. Определено, что социальные роли взрослого человека, в соответствии с групповыми мнениями подростков, различаются по степени их привлекательности. Высокой степенью привлекательности для подростков обладают родительские роли; средний уровень привлекательности — у супружеских ролей и ролей «руководитель», «коллеги» и «хозяин»; низкий уровень привлекательности — у ролей «наемный работник» и «подчиненный».
2. Показано, что положительное и отрицательное отношение подростков к социальным ролям взрослого человека, выраженное в положительном или отрицательном оценивании подростками этих ролей так таковых и ролевого ожидания своего исполнения этих ролей, является отражением установок подростков к ролевой толерантности.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Горнастай П. П.* Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. Киев: Интерпресс ЛТД, 2007.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Микляева А. В., Безгодова С. А., Якунин А. П.* Отношение подростков к социальным ролям взрослого человека: к вопросу о социально-психологических перспективах взросления // Азимут научных исследований: Педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 283–287.
- Почебут Л. Г.* Психология межэтнической толерантности // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: Сборник статей / Под ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелевой. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 61–105.
- Пчелинцева И. А.* Толерантность и школьник. М.: Мозаика-Синтез, 2003.
- Сидоренков А. В.* Социальная психология малых групп. Ростов-н/Д.: Феникс, 2012.
- Якунин А. П.* Ролевая компетентность и ролевая толерантность как элементы ролевой социализации подростков // Современные проблемы социальной психологии и социальной работы: XIII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. 23 марта 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 96–97.
- Якунин А. П.* Смысловые связи в «ядре» социальных представлений подростков о ролях взрослого // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 166. С. 162–179.

The role tolerance in adolescents as a special form of social tolerance

T. I. Korotkina*, A. P. Yakunin**

* Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
St Petersburg

** Center of Business Cooperation “Potential”, St Petersburg

Social tolerance, as the most important aspect of social psychology of personality, is an integrative expression of the establishing respect for a particu-

lar person to other people as representatives of a different social group. This article puts forward the hypothesis of role tolerance as an attitude of respect for the people of their own or someone else's group, performing a similar or different social or interpersonal role. The study of the new concept of "role tolerance" is carried out on the basis of determining the content of representations of adolescents to the social roles of an adult and their relationship to these roles. The results of empirical studies have shown that adolescents aged 12–15 years highly appreciate the parental and marital roles of an adult, the average positively – the role of "leader", "colleagues" and "boss", and the role of "subordinate" and "hired worker" are evaluated negatively by adolescents. The obtained results allow us to draw a conclusion about the stable relationship of adolescents to different roles of an adult, which is a confirmation of the existence of role tolerance as an installation on the attitude of a person to the roles and their performers.

Keywords: social tolerance, role tolerance, teenagers, social representations, social roles, attitude.

Представления о совести и выраженность психопатологической симптоматики у студентов

Л. Ш. Мустафина

Институт психологии РАН, Москва
leila.mus@gmail.com

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи социальных представлений о совести и шкал психопатологической симптоматики. Гипотеза: чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондентов, тем сильнее проявляется негативная установка в отношении к феномену совести. Использовалась авторская анкета с 39 высказываниями о совести и Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised, SCL-90-R). Выявилось, что чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондента, тем в большей степени он соглашается с утверждениями негативного характера о совести, в большей степени нивелирует значение совести и меньше соглашается с некоторыми позитивными высказываниями о совести. Можно предположить, что сущность феномена совести респонденты с психопатологическими симптомами и без них понимают одинаково, различается лишь установка, которая, тем не менее, оказывает решающее влияние на иерархию ценностей и мотивов личности.

Ключевые слова: совесть, социальные представления, психопатологическая симптоматика, психологическое здоровье, студенты.

Современная ситуация в мире обостряет духовно-нравственные проблемы, которые связаны с нравственной регуляцией поведения и с феноменом совести. В психологии изучение совести сопряжено с объективными трудностями. Измерить феномен совести используемыми наукой методами представляется довольно сложным, так как высока вероятность социальной желательности ответов ре-

спондентов, и работы защитных механизмов психики. Теория социальных представлений в такой ситуации является, видимо, самым продуктивным решением (Емельянова, 2016; Московичи, 1995; Abгіс, 1993). Теория социальных представлений, разработанная С. Московичи, предполагает, что социальные представления – это любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний членов социальной группы по отношению к изменяющейся жизни. Социальные представления являются потенциально осознаваемыми, широко разделяются членами определенной социально-культурной группы, выполняют особую роль в поддержании и регуляции внутригрупповых отношений и для ориентации в окружающем мире. Социальные представления о совести с одной стороны отражают мировоззренческий уровень функционирования личности, с другой – психологический уровень, уровень конкретных решений, поступков, мотивации в обычной жизни человека.

Общеизвестно, что психологическое здоровье человека, общества и нравственность тесно связаны. Т. В. Галкина считает духовно-нравственный аспект системообразующим фактором психологического здоровья личности (Галкина, 2014), М. Ю. Колпакова описывает связь состояния совести с психологическим состоянием человека (Колпакова, 2015), М. И. Воловикова и Т. В. Галкина пишут, что разрушение нравственности с неизбежностью ведет к разрушению психологического здоровья и, наоборот, восстановление нравственного состояния человека и общества – это путь к укреплению психологического здоровья граждан (Воловикова, Галкина, 2014). Совесть является важнейшим нравственным феноменом личности. Наличие совести у человека является одним из факторов его психологического здоровья и свидетельствует о том, что человек является субъектом своей жизни и проявляет активность в позитивном для себя и общества ключе.

Многими учеными показано, что психологическое здоровье и убеждения личности тесно взаимосвязаны (Анцыферова, 2006; Харламенкова, 2014; и др.). Как показано в исследовании Н. В. Тарабриной и Н. Е. Харламенковой (Тарабрина, Харламенкова, 2016), психопатологическая симптоматика напрямую связана с уровнем посттравматического стресса у респондентов и является показателем жизнеспособности личности, а, следовательно, и показателем психологического здоровья. Высокий уровень психопатологической симптоматики рассматривается в нашем исследовании как показатель психологического нездоровья, низкого уровня ресурсного состояния психики. Интересно проследить, каким образом взаимосвя-

ны показатели психопатологической симптоматики и представления о совести у молодежи в наших современных реалиях.

Цель исследования: выявить взаимосвязь представлений о совести с показателями психопатологической симптоматики респондентов.

Гипотеза: чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондентов, тем сильнее проявляется негативная установка в отношении к феномену совести.

Выборка: 25 студентов высших учебных заведений Москвы в возрасте от 18 до 25 лет.

Методики

Процедура проведенных двух подготовительных этапов эмпирического исследования позволила создать авторскую анкету с 39 высказываниями о совести, которая выявляет структуру социальных представлений о совести и установку в отношении данного феномена. Утверждения анкеты были разделены на 2 группы по характеру установки: позитивные суждения и негативные (отрицающие наличие или значение совести). Позитивные суждения о совести также условно разделяются на утверждения о природе совести, о ее влиянии на жизнедеятельность человека и общества, на суждения, отождествляющие понятия «совесть» и «стыд», суждения о независимости совести от внешних оценок и суждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале, в какой степени предложенные им высказывания совпадают с их представлениями о совести.

Для определения психологического здоровья/нездоровья мы использовали Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised, SCL-90-R), созданный Л. Дерогатис с соавторами и адаптированный Н. В. Тарабриной с соавторами (Тарабрина, 2007). Опросник оценивает интенсивность психопатологических симптомов респондентов и состоит из 90 вопросов, которые составляют 9 основных шкал симптоматических расстройств: соматизации, обсессивности—компульсивности, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций, психотизма и 3 обобщенные шкалы второго порядка: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI), общее число утвердительных ответов (PST).

Результаты

При помощи корреляционного анализа Спирмена были выявлены статистически значимые связи между шкалами психопатологической симптоматики и согласием респондентов с утверждениями анкеты. Большая часть высказываний анкеты, содержательно отражающих феномен совести статистически не показала значимых взаимосвязей с показателями шкал психопатологической симптоматики в данной выборке. При этом шкалы психопатологической симптоматики положительно коррелируют с ответами на утверждения анкеты, отражающими негативное отношение к феномену совести и отрицательно взаимосвязаны с некоторыми положительными суждениями о совести.

Так, чем сильнее выражен показатель шкалы «Депрессия», тем в большей степени респонденты согласны со следующими утверждениями анкеты: «Совесть не нужна» ($r=0,813$, $p\leq 0,001$), «Человек с совестью слабый и боязливый» ($r=0,729$, $p\leq 0,001$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,634$, $p<0,05$), «Совесть мешает жить» ($r=0,797$, $p\leq 0,001$), и не согласны с такими утверждениями, как: «Совесть необходима для существования человека» ($r=-0,712$, $p\leq 0,001$), «Человек сам у себя воспитывает совесть» ($r=-0,792$, $p\leq 0,001$), «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($r=-0,596$, $p<0,05$).

Чем выше показатель шкалы «Межличностная сензитивность», тем в большей степени респонденты согласны со следующими утверждениями анкеты: «Совесть не нужна» ($r=0,745$, $p\leq 0,001$), «Человек с совестью слабый и боязливый» ($r=0,823$, $p\leq 0,001$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,727$, $p\leq 0,001$), «Совесть мешает жить» ($r=0,680$, $p<0,05$) и чаще не согласны с утверждениями: «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($r=-0,640$, $p<0,05$), «Совесть необходима для существования человека» ($r=-0,636$, $p<0,05$), «Человек сам у себя воспитывает совесть» ($r=-0,809$, $p\leq 0,001$).

Показатель шкалы «Обсессивность – компульсивность» положительно коррелирует с утверждениями: «Совесть не нужна» ($r=0,782$, $p\leq 0,001$), «Сейчас ни у кого совести нет» ($r=0,619$, $p<0,05$), «Человек с совестью слабый и боязливый» ($r=0,863$, $p\leq 0,001$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,691$, $p<0,05$), «Совесть мешает жить» ($r=0,804$, $p\leq 0,001$) и отрицательно взаимосвязан с утверждениями, что «Совесть необходима для существования человека» ($r=-0,669$, $p<0,05$) и «Человек сам у себя воспитывает совесть» ($r=-0,668$, $p<0,05$).

Чем выше показатели шкал «Тревожность» и «Общий индекс тяжести симптомов», тем в большей степени респонденты согласны с утверждениями, что «Совесть не нужна» ($r=0,779$ и $r=0,810$, $p\leq 0,001$), «Человек с совестью слабый и боязливый» ($r=0,667$ и $r=0,760$, $p<0,05$ и $p\leq 0,001$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,613$ и $r=0,688$, $p<0,05$ и $p\leq 0,001$), «Совесть мешает жить» ($r=0,717$ и $r=0,756$, $p\leq 0,001$) и чаще не согласны с утверждениями: «Совесть необходима для существования человека» ($r=-0,772$ и $r=-0,818$, $p\leq 0,001$), «Человек сам у себя воспитывает совесть» ($r=-0,779$ и $r=-0,772$, $p\leq 0,001$).

Показатель шкалы «Враждебность» положительно взаимосвязан со следующими утверждениями анкеты: «Совесть не нужна» ($r=0,629$, $p<0,05$), «Человек с совестью слабый и боязливый» ($r=0,633$, $p<0,05$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,638$, $p<0,05$), и отрицательно взаимосвязан с утверждениями «Совесть необходима для существования человека» ($r=-0,611$, $p<0,05$) и «Человек сам у себя воспитывает совесть» ($r=-0,742$, $p\leq 0,001$).

Чем выше показатель шкалы «Фобическая тревожность» у респондентов, тем в большей степени они согласны с утверждениями, что «Человек с совестью слабый и боязливый» ($r=0,603$, $p<0,05$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,588$, $p<0,05$), и не согласны с утверждениями, что «Совесть – регулятор поведения и человеческих поступков» ($r=-0,741$, $p\leq 0,001$), «Совесть формирует личность человека» ($r=-0,581$, $p<0,05$), «Совесть необходима для существования человека» ($r=-0,628$, $p<0,05$).

Показатель шкалы «Психотизм» положительно коррелирует с такими утверждениями анкеты: «Совесть не нужна» ($r=0,576$, $p<0,05$), «Совесть – это бред, от которого надо отвыкать» ($r=0,590$, $p<0,05$), «Совесть мешает жить» ($r=0,648$, $p<0,05$), «Совесть вызывает зависимость человека от моральных устоев и непрописанных правил общества, говорит об обязанности выполнять определенные условия» ($r=0,607$, $p<0,05$) и отрицательно коррелирует с утверждением, что «Человек сам у себя воспитывает совесть» ($r=-0,635$, $p<0,05$).

То есть чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондента, тем в большей степени он соглашается с утверждениями негативного характера (совесть не нужна; совесть – это бред, от которого нужно отвыкать; совесть мешает жить; человек с совестью – слабый и боязливый и т. п.), в большей степени нивелирует значение совести (отрицательная взаимосвязь с утверждением «Совесть необходима для существования человека») и меньше соглашается с некоторыми позитивными высказываниями о совести. Можно предположить, что сущность феномена совести респонденты

с психопатологическими симптомами и без них понимают одинаково, различается лишь установка, которая, тем не менее, оказывает решающее влияние на иерархию ценностей и мотивов личности. На наш взгляд, полученный результат у респондентов с психопатологической симптоматикой с акцентом на негативных переживаниях, связанных с совестью и отрицанием положительной роли совести в жизни человека может быть обусловлен личным опытом работы совести, общим снижением ресурсного состояния психики, при котором проявления совести вызывают дополнительный стресс и усугубляют психологическое состояние респондента.

Заключение

Гипотеза исследования подтвердилась. В целом в ядре представлений большинства респондентов находятся утверждения, выражающие позитивное отношение к совести и ее роли в жизнедеятельности человека и общества, но наличие психопатологической симптоматики у респондентов связано с их негативными представлениями о совести.

Результаты исследования взаимосвязи представлений о совести с показателями психопатологической симптоматики позволяют подтвердить мнение, что психологическое здоровье взаимосвязано с нравственными установками личности и, вероятнее всего, является необходимым условием нравственности человека, как и наоборот, нравственные ориентиры помогают человеку сохранить психическое и психологическое здоровье в сложных жизненных ситуациях.

Данное направление исследований планируется продолжить, в частности выявить различия в социальных представлениях о совести в группе респондентов с низкими показателями психопатологической симптоматики и в группе респондентов с высокими показателями психопатологической симптоматики.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 5–15.

- Галкина Т. В.* Осознание как путь к психологическому и физическому здоровью субъекта // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 35–61.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Колпакова М. Ю.* Преодоление тревоги: как рождается мир в душе. М.: Никая, 2015.
- Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Тарабрина Н. В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е.* Посттравматический стресс и совладающее поведение в период средней и поздней взрослости // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 291–305.
- Харламенкова Н. Е.* Личность и преодоление трудных жизненных ситуаций // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 10–18.
- Abric J.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representation. 1993. V. 2. P. 75–78.

The representations about conscience and expression of psychopathological symptomatic of students

L. Sh. Mustafina

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article presents the results of an empirical study of the relationship of social representations about conscience and scales of psychopathological symptoms. Hypothesis: the more expressed the psychopathological symptoms of the respondents, the stronger the negative attitude towards the phenomenon of conscience. The author's questionnaire was used with 39 statements about conscience and the Psychopathological Symptomatology Severity Questionnaire (Symptom Check List-90-Revised, SCL-90-R). It turned out that the more expressed the psychopathological symptoms of the respondent, the more he agrees with the statements of a negative nature about conscience, more negates the meaning of conscience and less agrees

with some positive statements about conscience. It can be assumed that respondents with psychopathological symptoms and without them understand the same essence of the phenomenon of conscience, only the attitudes differ, which, nevertheless, has a decisive influence on the hierarchy of values and motives of the individual.

Keywords: conscience, social representations, psychopathological symptoms, psychological health, students.

Ответственность перед будущими поколениями и отношении личности к глобальным рискам

Т. А. Нестик

Институт психологии РАН, Москва
nestik@gmail.com

В статье рассматриваются содержание и психологические функции ответственности личности перед прошлыми и будущими поколениями. Приводятся результаты эмпирических исследований (N=250, N=705), проливающих свет на социально-психологические предпосылки чувства ответственности перед будущими поколениями: глобальной идентификации и социального доверия, ориентации на ценности доброжелательности, справедливости, лояльности своей группе, а также веры в сложность и справедливость мира. В отличие от ответственности перед предками, собственными детьми и внуками, чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями ослабляет фаталистическое игнорирование глобальных рисков и усиливает убеждение в необходимости сотрудничества для их прогнозирования и предотвращения, а также готовность участвовать в коллективных мероприятиях по предотвращению глобальных рисков. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальная ответственность, прошлые и будущие поколения, этика будущего, глобальные риски, доверие, временная перспектива, социальные аксиомы, ценностные ориентации.

Необходимость долгосрочно ориентированного ответа на глобальные угрозы делает актуальными идеи космизма и глобальной ответственности, разработанные в концепциях этики будущего (Апель, 2001; Йонас, 2004), а также в трудах российских мыслителей – Н. Ф. Фёдорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, Е. И. и Н. К. Рерихов, Н. Г. Холодного, Н. Н. Моисеева. Наиболее разработанными в настоящее время являются этико-философские и юри-

---

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00439.

дические аспекты ответственности перед будущими поколениями, тогда как социально-психологические механизмы этого феномена — как и в целом психологические аспекты этики будущего — все еще недостаточно изучены.

С социально-психологической точки зрения, ответственность перед другими поколениями можно определить как осознание и переживание личностью своих обязательств перед уже ушедшими или еще не родившимися людьми, способность держать ответ перед представителями других поколений как значимыми Другими.

Ответственность перед другими поколениями является формой социальной ответственности личности, как и другие виды ответственности, она предполагает сочетание личной инициативы и выбора с осознанием необходимости и долга. С одной стороны, ответственное поведение опирается на способность к сопереживанию, в том числе к людям, уже умершим или еще не родившимся, а с другой стороны — на волевые качества: настойчивость, смелость, выдержку (Быков, 2006; Муздыбаев, 2010). Расширение человеком радиуса своей ответственности в прошлое и будущее указывает на личностную зрелость, готовность к личному выбору (Леонтьев, 2005). Она формируется вместе со способностью личности не только соответствовать ролевым нормам, но и самостоятельно выбирать сферы и инстанции, перед которыми она отвечает (Дементий, 2005). Ответственность перед будущими поколениями может быть одной из составляющих профессиональной ответственности личности (Емельянова, Белых, Пашенко-де Превиль, 2018).

Чувство ответственности перед другими поколениями можно отнести к «мировоззренческим чувствам», по С.Л. Рубинштейну, в котором проявляется отношение не только к кому-то из известных человеку предков и воображаемых потомков, но и обобщенное отношение к миру и своему положению в нем. Оно выполняет целый ряд *психологических функций*: актуализирует историческую память личности и коллективную память группы, обеспечивает трансляцию ценностей и облегчает социализацию, поддерживает самооценку личности и защищает позитивную групповую идентичность, участвует в процессах совладания с трудными ситуациями, индивидуальной и групповой рефлексии, поддерживает долгосрочную ориентацию и преадаптацию к социальным изменениям. По-видимому, важнейшей социально-психологической функцией чувства ответственности перед другими поколениями является включение микрогрупповой идентичности, т. е. идентификации личности со своими близкими, друзьями и коллегами, в культурно-историчес-

кий контекст более широких социальных групп. Благодаря чувству ответственности перед предшествующими и последующими поколениями личность признает себя как соавтора коллективной исторической судьбы.

Целью серии проведенных нами поисковых исследований было изучение связи чувства ответственности перед будущими поколениями с ценностными ориентациями, временной перспективой, характеристиками социальной идентичности, представлениями о мире и отношением личности к глобальным рискам (автор выражает благодарность за помощь в сборе данных Ю. А. Дмитриевой, О. Е. Кузнецовой, Г. Н. Лариной, Т. А. Линники, Е. О. Петровой).

Первое исследование проводилось нами среди студентов технических факультетов вузов г. Москвы (N=250; 53% – мужчины; 47% – женщины; средний возраст – 21,5 лет) и было направлено на изучение связи чувства ответственности перед будущими поколениями с ценностными ориентациями и характеристикам образа мира.

Для измерения ответственности перед будущими поколениями нами использовалась «Шкала социальной генеративности» Д. Морселли и С. Пассини (Morselli, Passini, 2015). При адаптации на российской выборке с использованием процедуры прямого и обратного перевода шкала показала высокую согласованность (N=1488, 42% – мужчины, 58% – женщины; α Кронбаха = 0,854; M=4,60; SD=1,255), конфирматорный факторный анализ в программе Amos v. 20 подтвердил однофакторное решение ($\chi^2=3,849$; df=5; CMIN/DF=0,770; p=0,571; RMR=0,018; CFI=1; GFI=0,999; RMSEA<0,001; Hi 90=0,031; Pclose=0,999). Для измерения ценностных ориентаций нами использовались краткий «Портретный опросник ценностных ориентаций (PVQ21)» Ш. Шварца, а также «Опросник моральных оснований» (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для измерения характеристик образа мира мы использовали опросник «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, а также шкалу «Общая вера в справедливость мира» К. Далберта в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер.

Как показал линейный регрессионный анализ (R=0,496; R²=0,246; F=15,905, p<0,001), предикторами социальной генеративности оказались ориентация на ценность доброжелательности ($\beta=0,113$, здесь и далее * – p<0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001), ориентация при моральной оценке социальных явлений на ценности справедливости ($\beta=0,169$) и лояльности своей группе ($\beta=0,173^{**}$), а также вера в социальную сложность мира, т. е. убеждение в том, что поступки лю-

дей не всегда последовательны ($\beta=0,184^{**}$), и вера в справедливость мира ($\beta=0,180^{**}$).

Результаты исследования показывают, что чувство ответственности перед будущими поколениями опирается как на консервативные (лояльность к своей группе), так и на либеральные ценности и представления (справедливость, социальная сложность). По-видимому, это объясняется тем, что доброжелательность в отношении будущих поколений предполагает расширение границ «своей группы» за пределы настоящего и круга известных людей. Такой шаг в неизвестность позволяют сделать, с одной стороны, вера в предсказуемость и справедливость социального мира, ориентация на справедливость как признание прав ныне живущих и будущих людей, а с другой стороны – готовность к неопределенности, признанию сложности и разнообразия человеческого поведения.

Второе исследование было направлено на выявление связи ответственности перед прошлыми и будущими поколениями с отношением личности к глобальным рискам. Участниками исследования стали студенты вузов гг. Москвы, Курска, Челябинска и Архангельска ($N=705$, 34% – мужчины, 66% – женщины, средний возраст – 22,4 года). Для измерения ответственности перед прошлыми и будущими поколениями людей мы предложили респондентам оценить по 5-балльной шкале выраженность своего чувства ответственности перед представителями 10 категорий людей: прошлые поколения людей; ваши отдаленные предки; ваши бабушки и дедушки; ваши родители; люди, живущие сейчас на земле; люди вашего поколения; ваши дети; ваши внуки; ваши отдаленные потомки; будущие поколения людей. Последующий факторный анализ методом главных компонент с вращением Varimax позволил объединить данные утверждения в три фактора, объясняющие 71,7% дисперсии: 1) ответственность перед прошлыми поколениями ($N=712$; 4; α Кронбаха = 0,809; $M=3,47$; $SD=0,942$); 2) ответственность перед нынешними и будущими поколениями людей ($N=712$; 3, α Кронбаха = 0,786; $M=3,19$; $SD=0,975$); 3) ответственность перед собственными детьми и внуками ($N=712$; 2, α Кронбаха = 0,871; $M=4,20$; $SD=1,073$). Пункт «ваши отдаленные потомки» был исключен из шкалы, так как имел высокие веса как во втором, так и в третьем факторах. По оставшимся 9 пунктам подтвержденный факторный анализ в программе Amosv. 20 подтвердил решение из трех факторов, входящих в общую латентную переменную ($N=961$, 43% – мужчины, 57% – женщины; $\chi^2=8,039$; $df=14$; $CMIN/DF=0,574$; $p=0,887$; $RMR=0,014$; $CFI=1$; $GFI=,998$; $RMSEA<0,001$; $Hi\ 90=0,015$; $Pclose=1$). Для измерения ин-

дивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности в анкету были включены шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза в адаптации Т.А. Нестика, разработанные нами скрининговые шкалы идентификации с россиянами (2; α Кронбаха = 0,850) и с родным городом (2; α Кронбаха = 0,885), «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации Н. Н. Лебедевой и А. Н. Татарко; шкала социального доверия из опросника World Values Survey, краткая версия «Портретного опросника ценностных ориентаций» Ш. Шварца, Опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О.А. Сычева, а также Стэнфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной. Для измерения отношения личности к глобальным рискам использовался 47-пунктный опросник Т.А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018).

В качестве основной гипотезы нами было выдвинуто предположение о том, что ответственность перед будущими поколениями и собственными детьми усиливает тревогу по поводу глобальных рисков, а также прямо влияет на готовность участвовать в их предотвращении. Мы предположили, что ответственность перед предыдущими поколениями связана с консервативными ценностями, позитивной оценкой прошлого и гражданской идентичностью, тогда как предикторами ответственности перед будущими поколениями является глобальная идентичность и либеральные ценности. Кроме того, мы предположили, что ответственность перед прошлыми поколениями, а также перед собственными детьми и внуками усиливают чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями людей.

Для проверки гипотез использовалось структурное моделирование в программе Amosv. 20. В целом, наша гипотеза о связи ответственности перед будущими поколениями и характеристиками отношения к глобальным рискам подтвердилась. В путевой модели, которая в наибольшей степени соответствует данным ($\chi^2=150,482$; $df=91$; $CMIN/DF=1,654$; $p<0,001$; $RMR=0,045$; $CFI=0,981$; $GFI=0,979$; $RMSEA=0,030$; $Hi\ 90=0,039$; $P_{close}=1$), тревога по поводу глобальных рисков прямо связана с ответственностью перед прошлыми поколениями ($\beta=0,159$), перед будущими поколениями ($\beta=0,182^{***}$), а также перед собственными детьми и внуками ($\beta=0,165^{**}$). При этом если готовность к действиям по защите себя и своих близких от последствий глобальных рисков определяется не только ответственностью перед будущими поколениями ($\beta=0,189^{***}$), но и перед предками ($\beta=0,145^{***}$), то предиктором готовности участвовать в коллектив-

ных мероприятиях по предотвращению глобальных рисков является только ответственность перед нынешними и будущими поколениями ($\beta=0,255^{***}$). Ответственность перед прошлыми поколениями ослабляет допустимость радикальных решений и выживания за счет других ($\beta=0,130^{***}$), но при этом усиливает выраженность апокалиптизма ($\beta=0,123^{***}$) и веры в необходимость возвращения к традиционным ценностям и более жесткого контроля за гражданами ($\beta=0,07^*$). Напротив, чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями ослабляет фаталистическое игнорирование глобальных рисков как неизбежных ($\beta=-0,220^{***}$) и усиливает убеждение в необходимости сотрудничества для их прогнозирования и предотвращения ($\beta=0,099^{**}$).

Оказалось, что ответственность перед прошлыми поколениями прямо связана с ориентацией на конформность ($\beta=0,189^{***}$) и отрицательно связана с прогрессивизмом ($\beta=-0,097^{**}$), который интерпретируется в теории моральных оснований Дж. Хайдта как преобладание индивидуалистической ориентации на заботу и справедливость над коллективистической ориентацией на лояльность своей группе, уважение к авторитетам и религиозные нормы. В число предикторов ответственности перед предками также входят идентификация себя с россиянами ($\beta=0,219^{***}$), глобальная идентичность ($\beta=0,145^{***}$), позитивная оценка своего прошлого ($\beta=0,139^{***}$) и вера в награду за усилия ($\beta=0,103^{**}$).

На выраженность чувства ответственности перед нынешними и будущими поколениями влияют ответственность перед предками ($\beta=0,296^{***}$) и ответственность перед своими детьми и внуками ($\beta=0,189^{***}$). Другими ее предикторами являются глобальная идентичность ($\beta=0,271^{***}$), высокое аутгрупповое доверие ($\beta=0,095^{**}$) и низкие показатели социального цинизма, т. е. недоверия к социальным институтам ($\beta=-0,093^{**}$), высокая выраженность прогрессивизма ($\beta=0,084^{**}$) и низкие показатели ориентации на конформность ($\beta=0,080^*$). Чувство ответственности перед собственными детьми и внуками оказалось прямо связано с ответственностью перед предками ($\beta=0,392^{***}$), идентификацией с россиянами ($\beta=0,087^*$), верой в награду за усилия ($\beta=0,120^{***}$) и отрицательно связано с позитивной оценкой своего прошлого ($\beta=-0,078^*$), что может объясняться желанием респондентов обеспечить детям лучшие условия для жизни и развития, чем были у них.

Таким образом, проведенные нами исследования показывают, что чувство ответственности перед будущими поколениями связано с ответственностью личности перед предками, а также собственны-

ми детьми и внуками; его предикторами являются глобальная идентификация и социальное доверие, ориентация на ценности доброжелательности, справедливости, лояльности своей группе, а также вера в сложность и справедливость мира. В отличие от ответственности перед предками, собственными детьми и внуками, чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями ослабляет фаталистическое игнорирование глобальных рисков и усиливает убеждение в необходимости сотрудничества для их прогнозирования и предотвращения, а также готовность участвовать в коллективных мероприятиях по предотвращению глобальных рисков. Ответственность перед предшествующими поколениями связана с ориентацией на консервативные ценностные ориентации и по отношению к тревоге перед глобальными рисками выполняет одновременно мобилизующую и стабилизирующую функции: она повышает значимость глобальных рисков, но при этом удерживает от радикальных решений и подкрепляет приверженность традиционным нормам и ценностям для защиты от катастроф и их последствий.

Можно выделить несколько перспективных, на наш взгляд, направлений дальнейшего исследования чувства ответственности перед будущими поколениями как социально-психологического феномена.

Во-первых, необходимы специальные исследования, направленные на прояснение психологических функций ответственности перед прошлыми поколениями. Особый интерес представляет его вклад в жизнестойкость и стратегии совладания с трудными ситуациями, а также его связь с детско-родительскими отношениями в семье, опытом общения с бабушками и дедушками, опытом работы в смешанных, разновозрастных трудовых коллективах. В каких именно ситуациях ответственность перед старшими родственниками и предшествующими поколениями становится релевантной для личности и повышает личностный потенциал? В каких случаях апелляция к ответственности перед прошлыми поколениями более действенна, чем обращение к ответственности перед будущими? Какой вклад в формирование чувства ответственности перед прошлыми поколениями вносят коллективные переживания, а также содержание коллективной памяти и поддерживающие ее коммеморативные культурные практики?

Во-вторых, необходимо уточнить связь чувства ответственности перед будущими поколениями с другими нравственно-психологическими характеристиками личности, такими как стадии нравственного развития, используемые стратегии отчуждения моральной ответст-

венности, уровень эмпатии и альтруизма. В чем состоят различия между механизмами формирования индивидуального и коллективного чувства ответственности перед будущими поколениями людей? Каков вклад этого переживания в поддержание позитивной групповой идентичности в условиях растущей неопределенности будущего?

Литература

- Апель К. О.* Понятие первичной взаимоответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ: Сборник статей.* В 2 ч. Ч. 1. М.: Издатель Воробьев А. В., 2001. С. 47–67.
- Дементий Л. И.* Ответственность как ресурс личности. М.: Информ-Знание, 2005.
- Быков С. В.* Социально-психологическая регуляция ответственности личности: Дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2006.
- Емельянова Т. П., Белых Т. В., Пащенко-де Превиль Е. В.* Формирование профессиональной ответственности как фактор предотвращения техногенных рисков // *Вестник УРАО.* 2018. № 3. С. 10–16.
- Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Абрис-пресс, 2004.
- Леонтьев Д. А.* Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // *Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии.* Т. 2. Бирштонас–Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. С. 7–22.
- Муздыбаев К.* Психология ответственности. Изд. 2-е, доп. М.: URSS, 2010.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Morselli D., Passini S.* Measuring prosocial attitudes for future generations: the social generativity scale // *Journal of Adult Development.* 2015. V. 22. №. 3. P. 173–182.

Responsibility for future generations and person's attitudes towards global risks

T. A. Nestik

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article discusses the structure and psychological functions of the person's responsibility to past and future generations. The results of empirical

studies (N=250, N=705) are presented that shed light on the socio-psychological antecedents of a sense of moral responsibility towards future generations: global identification and social trust, a value of benevolence, fairness and loyalty as moral foundations, as well as belief in social complexity and in justice of the world. Unlike responsibility to ancestors, own children and grandchildren, the sense of responsibility to present and future generations weakens fatalistic ignorance of global risks and reinforces the belief in the need for cooperation to cope with them, as well as willingness to participate in collective activities to prevent global risks. Prospects for further research are proposed.

Keywords: social responsibility, past and future generations, ethics of the future, global risks, trust, time perspective, social axioms, moral foundations, value orientations.

Долгосрочная ориентация психологов-исследователей и их представления о будущем психологии

Т. А. Нестик, О. В. Новикова

Институт психологии РАН, Москва
nestik@gmail.com
lutien-95@yandex.ru

В статье приводятся результаты серии эмпирических исследований, посвященных образу будущего психологической науки и социально-психологическим предикторам долгосрочной ориентации у начинающих и состоявшихся психологов-исследователей (N=179, N=116, N=182). Показано, что наиболее весомый вклад в готовность студентов, магистров и аспирантов задумываться о будущем психологической науки вносит тревога за будущее своей профессии в связи с изменениями, происходящими в стране. Будущее науки для молодых исследователей тесно связано с выбором дальнейшего жизненного пути. Интерес кандидатов и докторов психологических наук к отдаленному будущему психологии связан прежде всего с обсуждением развития научного знания в научных коллективах и предпочитаемыми ролями эрудита и изобретателя в совместной исследовательской деятельности.

Ключевые слова: долгосрочная ориентация, будущее психологии, тревога по поводу будущего, групповые роли.

Растущая скорость технологических и социальных изменений, нарастающие глобальные риски обостряют необходимость восстановления техно-гуманитарного баланса, осмысления изменений с участием представителей естественных, социальных и гуманитарных наук. Это требует привлечения внимания научного психологического сообщества к глобальным технологическим трендам и их последствиям для человека, общества и самой психологической науки. Кроме того, ориентация систем управления наукой в Евро-

---

Исследование выполняется при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00675.

пе и России на так называемые «большие вызовы» требует от психологов-исследователей формирования долгосрочного видения будущего, чувствительности к «слабым сигналам» приближающихся перемен. Все это делает более востребованной долгосрочную ориентацию исследователей, т. е. готовность ученых планировать свои исследования, на долгосрочную перспективу и обсуждать их связь с долгосрочными антропогенными и природными процессами, значимыми для общества. Выраженность долгосрочной ориентации является одной из характеристик эпистемической культуры научного сообщества (Knoorr-Cetina, 1999) или национальной научно-исследовательской культуры в целом (Коннов, 2014; Юревич, 2015). Между тем, психологические механизмы долгосрочной ориентации исследователей и формирования ими коллективного образа будущего своей науки остаются мало изученными (Нестик, 2018). Проведенная нами серия эмпирических исследований была направлена на восполнение этого пробела.

Для уточнения социально-психологических факторов, влияющих на долгосрочную – ориентацию исследователей, нами было проведено анкетирование среди студентов психологических факультетов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых-психологов (N=179; 23% – мужчины; возраст – от 18 до 35 лет; 72,1% – студенты и магистры, 10,6% – выпускники, 17,4% – соискатели и аспиранты). Для изучения представлений о будущем психологии использовалась специально разработанная анкета, включавшая наряду с закрытыми вопросами методы ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала. Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик использовались краткий пятифакторный опросник черт личности ТИPI-R С. Гослинга в адаптации А. С. Сергеевой, Б. А. Кириллова и А. Ф. Джумагуловой, сокращенная версия «Стэнфордского опросника временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной (ZTPI), 21-пунктная версия опросника ценностных ориентаций (PVQ) Ш. Шварца, «Шкала темного будущего» З. Залеского (5 пунктов; $\alpha=0,855$), шкала социального доверия из опросника WorldValuesSurvey, шкала технооптимизма из Евробарометра (Нестик и др., 2018); шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза (6 пунктов; $\alpha=0,891$), разработанные нами скрининговые шкалы идентификации с россиянами (2 пункта; $\alpha=0,850$) и психологами (2 пункта; $\alpha=0,761$).

Для анализа представлений молодых психологов о перспективных направлениях исследований была использована методоло-

гия анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом, и позволяющая выделить ее ядерные и периферийные элементы на основании сопоставления частоты встречаемости семантических категорий и очередности их указания респондентами в свободных ответах (Емельянова, 2016). В ядро социального представления о новых направлениях психологических исследований вошли киберпсихология (частота 34, средний ранг 1,21: «изучение виртуальных групп»; «компьютерный спорт»; «цифровые профили» и др.); психология искусственного интеллекта (30; 1,37; «задатки психологии роботов», «исследование возникновения сознания у человекоподобных роботов», «исследование влияния робототехники на социально-психологическую сферу жизни человека» и др.); отношение человека к новым технологиям (18; 1,33; «взаимоотношения человека с любой техникой»); прорывы в нейронауках (12; 1,08; «интерфейсы мозг–компьютер», «взаимодействие мозг–мозг»; «нейронаука служебной деятельности»; «новая теоретическая база, объясняющая последствия локальных поражений мозга»; «психотерапевтические интервенции с учетом новых знаний о мозге», «нейросоциальная психология» и др.). Среди направлений, оказавшихся в составе периферии социального представления, были названы: создание цифровых моделей и двойников личности («моделирование психических процессов в искусственном интеллекте», «виртуальные модели поведения» и др.), гендерная психология («квирпсихология», «психология аутистов-трансгендеров» и др.), киборгизация человека («направления, связанные с протезированием/дополнением ЦНС» и др.), а также ряд других категорий. В отличие от экспертов, молодые психологи лучше осведомлены о новых математических методах исследования («применение сетевых моделей в изучении внимания, сознания», «исследования с методами, основанными на Big Data»).

Как показал линейный регрессионный анализ ($N=179$; $R=0,906$; $R^2=0,821$; $F=15,313$ при $p<0,001$), детерминантами протяженности временной перспективы при размышлениях молодых психологов о будущем психологии являются протяженность временной перспективы при обсуждении с коллегами исследований отдаленного будущего ($\beta=0,225$), протяженность временной ретроспективы при обсуждении с коллегами новых исследований, проведенных в России или за рубежом ($\beta=0,132$), а также доверие к коллегам по профессии «психолог» ($\beta=0,187$). Обнаружена ее прямая связь с открытостью новому опыту ($\beta=0,182$), возрастом ($\beta=0,234$) и мужским полом респондентов ($\beta=0,176$). При этом готовность задумываться об отдаленном будущем психологической науки и практики прямо связана с протя-

женностью временной перспективы при размышлениях о будущем России ($\beta=0,590$), тревогой по поводу будущего ($\beta=0,238$), негативно связана с уровнем аутистического доверия ($\beta=-0,228$) и технооптимизмом ($\beta=-0,144$), прогнозируемой востребованностью психологов – исследователей российским обществом в 2035 г. ($\beta=-0,166$) и готовностью идентифицировать себя с психологами в будущем ($\beta=-0,198$). Некоторые личностные характеристики не оказались в числе предикторов, но опосредованно связаны с отношением личности к будущему науки: так, корреляционный анализ по критерию Спирмена выявил прямую связь между ориентацией на будущее и оценкой скорости обновления знаний в психологии ($r=0,188$, $p=0,044$); оценка способности ученых влиять на будущее своей науки отрицательно связана с ориентацией на фаталистическое настоящее ($r=-0,267$, $p=0,004$) и положительно связана с ориентацией на ценности безопасности ($r=-0,236$, $p=0,038$) и достижений ($r=0,239$, $p=0,036$); позитивная оценка будущего российской психологии связана с доброжелательностью ($r=0,248$, $p=0,007$) и эмоциональной стабильностью ($r=0,223$, $p=0,016$); субъективная значимость будущего психологической науки и практики прямо связана с готовностью связывать свою будущую карьеру с психологией ($r=0,238$, $p=0,010$), готовностью идентифицировать себя с россиянами ($r=0,332$, $p<0,001$) и человечеством ($r=0,213$, $p=0,021$), прямо связана с доброжелательностью ($r=0,282$, $p<0,001$) и отрицательно – с ориентацией на негативное прошлое ($r=-0,189$, $p=0,041$).

Полученные данные указывают на то, что наиболее весомый вклад в готовность молодых психологов задумываться о будущем психологической науки вносят именно групповые, а не личностные факторы: обсуждение изменений в научной области с коллегами, а также тревога за будущее своей профессии в связи с изменениями, происходящими в стране. Будущее науки для молодых исследователей тесно связано с процессами самоопределения, с выбором дальнейшего жизненного пути и профессиональной самоидентификацией.

Для выявления представлений российских психологов о будущем своей науки был проведен экспертный опрос ($N=116$; 30,2% – мужчины, 69,8% – женщины; возраст – от 24 до 78 лет; представители 18 городов, 36% – из г. Москвы; 77,6% – кандидаты наук, 22,4% – доктора наук). В ядро социального представления о новых направлениях психологических исследований вошли киберпсихология (частота – 24, средний ранг – 1,42: «психологические последствия развития цифровых технологий», «влияние интернета на человечество»; «адапта-

ция к жизни внутри интернета»), развитие междисциплинарных исследований (7; 1,57; «междисциплинарное – математика, философия, психология», «это будут междисциплинарные направления – синтез психологии и генетики, медицины, экономики и маркетинга», «методология междисциплинарных исследований» и др.); новые методы исследования (6; 1,17; «новые методологические и методические подходы», «адаптация имеющихся методов исследования человека к современным способам восприятия, мышления и запросам среды»; «Big Data, собранная при помощи различных девайсов»; «исследования актуальных для того времени проблем, выполненные на основе идиографического подхода» и др.); прорывы в нейронауках (6; 1,5; «интерфейсы мозг–компьютер»; «нейробиопсихология»); исследования общения в цифровом мире (5; 1; «психология общения», «коммуникация с близкими, опосредованная гаджетами»; «исследование различных аспектов общения, включая кросс-культурные исследования протопсихических явлений (клеточный уровень) и квазипсихических (робототехника, ИИ)» и др.); достижения психогенетики (5; 1,4; «генетика свойств личности», «популяционная психогенетика», «генетические предпосылки социального поведения» и др.); прорывы в психофизиологии и психофармакологии (4; 1,25; «биохимия личности»; «физиология общества»; «психофармакология» и др.), а также исследования трансформации труда и профессий (4; 1; «исследования по мотивации и интересу к труду», «новые отрасли психологии труда», «труд в постиндустриальную эпоху» и др.). В периферию социального представления вошли такие направления, как психология искусственного интеллекта (12; 1,67; «психологические аспекты робототехники и искусственного интеллекта», «взаимодействие с ИИ», «искусственная психика», «психика роботов» и др.); макропсихологическое проектирование общества (7; 1,86; «психологическое моделирование образа жизни», «макропсихология», «роль массового сознания в развитии общества»); отношение человека к новым технологиям (6; 1,83; «исследования, связанные с влиянием новых технологий» и др.); киборгизация человека (3; 1,33; «вынесение психических функций на внешние носители», «новые психологические возможности человека, обусловленные новыми технологиями в области компьютер–мозг–сознание»); создание цифровых моделей (3; 1,67; «новые способы компьютерного моделирования психики», «создание цифровой личности (бота) умерших людей» и др.) и другие категории. Подавляющее большинство опрошенных нами кандидатов и докторов психологических наук оптимистично оценивает будущее психологии: 69,8% считают, что к 2035 г. место психологии в ряду других наук бу-

дет одним из приоритетных или более значимым, чем сегодня; 60% убеждены в том, что психологи-исследователи к 2035 г. будут востребованы в российском обществе больше, чем сейчас; а роста востребованности психологов-практиков ожидают 69,3% экспертов.

Как показал линейный регрессионный анализ ($R=0,561$; $R^2=0,315$; $F=11,511$ при $p<0,001$), готовность задумываться о долгосрочном будущем психологической науки и практики связана с протяженностью временной перспективы при обсуждении с коллегами исследований отдаленного будущего ($\beta=0,487$), оценкой продолжительности времени, необходимого для обновления 50% знаний в психологической науке ($\beta=0,244$) и предпочтением роли «генератор» (продуцирует новые идеи) в исследовательском коллективе ($\beta=0,213$). Интересно, что убеждение экспертов в необходимости прогнозирования развития науки связано с другими факторами. Экспертам была предложена шкала ориентации на прогнозирование науки (3 пункта, например, «Обсуждение будущего психологии стимулирует постановку новых научных проблем»; $\alpha=0,966$), Как показал линейный регрессионный анализ ($R=0,488$; $R^2=0,238$; $F=5,784$ при $p<0,001$), убеждение в необходимости прогнозирования развития науки прямо связано с частотой обсуждения перспективных направлений исследований в научной среде ($\beta=0,299$) и с предпочтением роли «эрудита», который помогает найти и обобщить информацию ($\beta=0,270$), а также с верой в рост востребованности психологов-исследователей российским обществом к 2035 г. ($\beta=0,209$), однако оно отрицательно связано с протяженностью временной перспективы при обсуждении с коллегами исследований отдаленного будущего ($\beta=-0,218$). Иными словами, прогнозирование развития психологического знания как инструмент управления наукой более склонны поддерживать те эксперты, которые обсуждают с коллегами перспективные направления ближайших лет.

В целом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что, в отличие от молодых психологов, интерес состоявшихся психологов-исследователей к отдаленному будущему психологии связан прежде всего с обсуждением развития научного знания в научных коллективах и распределением ролей в совместной исследовательской деятельности, а не с тревогой по поводу профессионального будущего.

С опорой на исследования в области социальной психологии науки (Коннов, Харкевич, 2011; Юревич, 2013) нами была выдвинута гипотеза о том, что готовность исследователей заглядывать в будущее своей науки связана с предпочитаемыми ими ролями в исследовательском коллективе. Для проверки этого предположения мы попросили участников анкетирования среди молодых ученых и экс-

пертного опроса указать, какие роли они предпочитают в совместной исследовательской работе (можно было указать до 3 ролей). Общая выборка составила 182 человека (34,6% – мужчины; 51,4% – студенты старших курсов, аспиранты и соискатели; 48,6% – кандидаты и доктора наук). Иерархический кластерный анализ методом самого дальнего соседа позволил выделить четыре кластера ролевых предпочтений. В первый кластер «Нетвокеры» (N=27) вошли респонденты с широким ролевым репертуаром, которые отдают особое предпочтение ролям привратника, связывающего собой разные научные сообщества (74,1%), и генератора, продуцирующего оригинальные идеи (70,4%). Ко второму кластеру «Хранители» (N=40) были отнесены респонденты, предпочитающие роль эрудита, помогающего найти и обобщить информацию (100%), и роль критика, поддерживающего высокие научные стандарты (50%). Третий кластер «Изобретатели» (N=75) представлен респондентами, предпочитающими роль генератора (86,7%) и в значительно меньшей степени – роль критика (38,7%) и визионера, намечающего перспективные направления исследований (25,3%). Наконец, четвертый кластер «Управленцы» (N=40) объединил респондентов, предпочитающих прежде всего роль администратора, организующего работу исследовательской команды (67,5%) и несколько меньше – роль визионера (38,5%).

Однофакторный дисперсионный анализ позволил выделить значимые различия между типами в характеристиках временной перспективы. Представители кластеров «Хранители» и «Изобретатели», задумываясь о будущем психологии, имеют в виду более отдаленную перспективу ($F=5,393, p=0,001$). При этом у этих же двух групп оказалась наиболее протяженной временная ретроспектива при обсуждении с коллегами новых исследований, проведенных в России или за рубежом ($F=3,5, p=0,01$). Чаше всего обсуждают перспективные направления исследования с коллегами представители кластера «Изобретатели», а реже всего – «Управленцы» ($F=4,992, p=0,002$). При этом представители кластера «Управленцы» характеризуются наименее протяженной временной перспективой как при обсуждении будущих исследований, так и при обсуждении уже проведенных. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что готовность исследователей заглядывать в будущее своей науки связана с предпочитаемыми ими ролями в исследовательском коллективе.

Таким образом, серия проведенных нами эмпирических исследований показывает, что наиболее весомый вклад в готовность молодых психологов задумываться о будущем психологической науки вносят именно групповые, а не личностные факторы: обсуждение

изменений в научной области с коллегами, а также тревога за будущее своей профессии в связи с изменениями, происходящими в стране. Будущее науки для молодых исследователей тесно связано с процессами самоопределения, с выбором дальнейшего жизненного пути и профессиональной самоидентификацией. Интерес состоявшихся психологов-исследователей к отдаленному будущему психологии связан, прежде всего, с обсуждением развития научного знания в научных коллективах и распределением ролей в совместной исследовательской деятельности.

Литература

- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Коннов В. И.* Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 19–27.
- Коннов В. И., Харкевич М. В.* Методологическое осмысление социокультурных особенностей экспертизы в российских научных фондах // Вестник МГИМО. 2011. № 4. С. 250–260.
- Нестик Т. А.* Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества: социально-психологический анализ // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития Сер. «Методология, история и теория психологии». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 602–627.
- Юревич А. В.* Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123–132.
- Юревич А. В.* Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: How the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard university press, 1999.

Long-term orientation of researchers in psychology and their representations about the future of psychological science

T. A. Nestik, O. V. Novikova
Institute of Psychology RAS, Moscow

The article presents the results of a series of empirical studies on the image of the future of psychological science and socio-psychological predic-

tors of long-term orientation among researchers in the field of psychology (N=179, N=116, N=182). It is shown that the readiness of students, masters and graduate students to think about the future of psychological science is predicted by anxiety for the future of their profession due to changes taking place in the country. The future of science for young researchers is closely connected with the choice of further life and future groups of membership. The interest of candidates and doctors in psychological sciences to the distant future of psychology is primarily related to the discussion of the development of scientific knowledge in scientific groups and the preferred roles of an erudite and inventor in joint research activities.

Keywords: long-term orientation, the future of psychology, anxiety about the future, group roles.

Ценностные ориентации личности и психологические отношения субъектов экономической деятельности

В. П. Позняков

Институт психологии РАН, Москва
pozn_v@mail.ru

В статье излагаются концептуальные представления о соотношении понятий и феноменов ценностные ориентации личности и психологические отношения субъектов экономической деятельности. Рассматриваются возможные подходы к эмпирическому исследованию соотношения ценностных ориентаций и психологических отношений. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи ценностных ориентаций предпринимателей и удовлетворенности предпринимательской деятельностью. Сравнительный анализ результатов ранжирования значимости ценностей по методике М. Рокича показал, что у предпринимателей, различающихся уровнем удовлетворенности предпринимательской деятельностью, имеются как сходства, так и различия в структуре терминальных ценностей. Результаты исследования подтверждают наше предположение о том, что ценностные ориентации личности являются существенными факторами, определяющими отношение субъектов экономической деятельности (в нашем исследовании – предпринимателей) к своему бизнесу.

Ключевые слова: психология предпринимательства, ценностные ориентации личности, субъект экономической деятельности, психологические отношения.

Ценностные ориентации личности в последнее время продолжают оставаться объектом многочисленных теоретико-эмпирических исследований социальных психологов, начиная от выпускных студенческих и магистерских работ и заканчивая солидными

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-013-00869.

монографиями и диссертациями. Причины такого повышенного научного интереса к исследованию ценностных ориентаций видятся мне, с одной стороны, в глубокой теоретической проработке понятия ценностных ориентаций и высокой методической оснащенности эмпирических исследований данного феномена. С другой стороны, исследование ценностных ориентаций личности является чрезвычайно актуальной социальной и научной проблемой, поскольку речь идет об изучении базовых социально-психологических характеристик, содержательно раскрывающих важнейшие свойства личности, необходимых для понимания психологии современного человека (в онтологическом смысле этого термина) и происходящих в ней изменений.

Исследование психологических отношений человека имеет давнюю традицию в отечественной психологии, связанную с именами А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева. В последние годы наблюдается повышение интереса к теоретико-эмпирическим исследованиям психологических отношений, особенно в сфере социальной психологии, где взаимоотношения между людьми (индивидами и группами) претендуют на роль центрального понятия. Наряду с концепциями социальных установок и социальных представлений концепция психологических отношений позволяет раскрыть содержательную сторону явлений индивидуального и группового сознания и психики. В данной публикации делается попытка рассмотреть различные варианты соотношения содержания данных понятий и взаимосвязей определяемых ими феноменов.

Большинство современных исследователей ценностных ориентаций личности сходятся в следующих представлениях: ценностные ориентации являются центральной, стержневой характеристикой личности, определяющей ее направленность на жизненные ценности, понимаемые, в свою очередь, как предметы и явления окружающего мира, значимые для удовлетворения потребностей человека.

Между тем, в базовых определениях понятия «ценностные ориентации личности» у современных исследователей нет единства. Видный исследователь ценностных ориентаций Н. А. Журавлева выделяет пять подходов к определению этого понятия: 1) отношение личности к жизненным ценностям (или, как вариант – отношение личности к объектам окружающей действительности), 2) стремление личности к жизненным ценностям, интерес к ним, 3) направленность личности на ценности, 4) представление личности о жизненных ценностях и 5) установка личности на жизненные ценности (Журавлева, 2013, с. 31–34). С точки зрения задачи данной публи-

кации, специальный интерес представляет позиция, заявленная в первом из перечисленных подходов, где прямо соотносятся интересующие нас понятия (ценностные ориентации и психологические отношения). Однако внимательный анализ представленных в этом подходе двух позиций показывает, что они существенно различаются. В первой позиции (отношение личности к жизненным ценностям) понятие ценностные ориентации раскрывается через понятие психологических отношений, т. е. ценностные ориентации рассматриваются как частный вид психологических отношений. Во второй (отношение личности к объектам окружающей действительности) – фактически устанавливается тождество этих понятий. По нашему мнению, вторая из указанных позиций не позволяет анализировать соотношение рассматриваемых нами феноменов и понятий, поскольку утверждает их синонимичность. Первая позиция имеет более веские теоретические и методические основания. В ней базовые понятия, во-первых, различаются, а во-вторых, соотносятся друг с другом. Понятие ценностных ориентаций определяется через понятие психологических отношений, что, по нашему мнению, вполне правомерно, поскольку понятие психологических отношений является предельно общей, универсальной категорией, обозначающей особый, самостоятельный класс психических явлений (наряду с психическими процессами, состояниями и свойствами личности). Существуют и другие, хорошо известные точки зрения на соотношение данных понятий, о которых мы будем говорить ниже. Что касается методической обоснованности рассматриваемой позиции, то достаточно вспомнить содержание программы исследования личности как совокупности отношений к среде (Лазурский, Франк, 1912), где в качестве объектов отношения, предлагаемых к исследованию, рассматриваются, в том числе, предметы и явления окружающего мира, которые на современном языке соответствуют понятию жизненные ценности (хотя сами авторы программы этим термином, естественно, не пользовались). В наиболее известном методическом приеме эмпирического исследования ценностных ориентаций (методике М. Рокича) респондентам также предлагается выразить свое отношение к предлагаемому набору жизненных ценностей, оценив их субъективную значимость.

Своеобразную точку зрения на соотношение рассматриваемых понятий и феноменов сформулировал В. А. Ядов. В своей диспозиционной концепции личности автор рассматривает ценностные ориентации и фиксированные социальные установки (аттитюды) личности в качестве различных уровней диспозиций, регулирующих

социальное поведение человека (Ядов, 1979). При этом автор прямо определяет аттитюды и психологические отношения в качестве синонимов, что, по нашему мнению, не вполне обосновано. В. Н. Мясищев специально рассматривает в одной из работ соотношение этих понятий, не рассматривая их как синонимы. По нашему мнению, данные термины (социальные установки и психологические отношения) нельзя рассматривать как синонимы. Они сложились в рамках различных теоретических подходов и акцентируют внимание на различных аспектах онтологически целостных феноменов социальной психики и сознания: первый — на поведенческом, а второй на эмоциональном.

Итак, мы аргументировали свою точку зрения на соотношение понятий ценностных ориентаций и психологических отношений личности. Психологические отношения выступают более общим понятием, объединяющим особый класс психических явлений, которые можно определить как психологические образования, характеризующие потенциальную сторону активности субъекта. Ценностные ориентации в нашем понимании раскрываются как особый вид психологических отношений человека, объектами которых выступают жизненные ценности, характеризующие конечные цели индивидуальной жизнедеятельности и предпочтительные образы действий, связанные с их реализацией. В рамках эмпирических исследований соотношения ценностных ориентаций и психологических отношений возможны разные подходы. Ценностные ориентации могут эмпирически изучаться как феномены психологических отношений, объектами которых при этом рассматриваются жизненные ценности. Ценностные ориентации могут рассматриваться в качестве факторов, оказывающих влияние на психологические отношения субъектов к различным явлениям его жизнедеятельности. При этом логично предполагать, что как более общие, фундаментальные характеристики социальной психики и сознания ценностные ориентации будут оказывать определяющее влияние на содержание более частных и конкретных феноменов психологических отношений субъекта к тем или иным явлениям и событиям его жизнедеятельности. Наконец, ценностные ориентации личности могут рассматриваться в качестве оснований, критериев оценки субъектом объектов психологических отношений. В этом случае можно говорить об особом виде психологических отношений — ценностных отношениях, или, по крайней мере, об особых компонентах или сторонах этих отношений, наряду с традиционно выделяемыми когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентами.

В рамках развиваемой автором концепции психологических отношений субъектов экономической деятельности последние определяются как совокупность эмоционально окрашенных представлений и оценок субъектом различных сторон и явлений: внешних условий его деятельности, содержательных характеристик самой деятельности и себя как ее субъекта, а также представителей различных социальных групп, с которыми субъект связан партнерскими и другими видами отношений (Позняков, 2018). С позиций данной концепции была выполнена серия теоретико-эмпирических исследований взаимосвязи ценностных ориентаций и психологических отношений российских предпринимателей (Журавлев, Позняков, 2012).

В одном из исследований, выполненном под нашим руководством совместно с Е. Б. Филинковой, в качестве интегрального показателя психологического отношения предпринимателя к своей деятельности рассматривалась удовлетворенность предпринимательской деятельностью. Для диагностики структуры ценностных ориентаций личности респондентов использовалась методика М. Рокча. Сравнение ценностей высокоудовлетворенных и низкоудовлетворенных предпринимателей показало как сходство, так и различия в структуре терминальных ценностей. Для высокоудовлетворенных предпринимателей наиболее значимыми терминальными ценностями оказались: здоровье, семья, материальная обеспеченность, любовь, свобода. Для низкоудовлетворенных – материальная обеспеченность, здоровье, свобода, семья, творчество. В группе высокоудовлетворенных предпринимателей оказался выше ранг ценности «работы» (разница в три ранга), а в группе малоудовлетворенных – «материальной обеспеченности» и «свободы» (разница в два ранга). Кроме того, из менее значимых ценностей для них оказались более значимыми ценности «развлечения» и «творчества». Сопоставление этих данных с предполагаемыми стратегиями поведения опрошенных в ситуации полной материальной обеспеченности показало, что для высокоудовлетворенных предпринимателей, «истинных предпринимателей» главной ценностью является сама работа, дело. При этом ценность свободы определяется ими, прежде всего, как свобода экономической деятельности, а ценность материального благополучия – как возможность заниматься делом и добиваться в нем успеха. Для низкоудовлетворенных предпринимателей бизнес чаще является вынужденным делом, средством решения материальных проблем. Поэтому при достижении материальной обеспеченности они легче уходят из бизнеса для того, чтобы заняться более привлекательным делом.

Если в группе высокоудовлетворенных предпринимателей иерархия ценностей соответствует иерархии ведущих мотивов, то для низкоудовлетворенных это соответствие неполное. Ведущим мотивом низкоудовлетворенных предпринимателей оказался мотив независимости, а мотив материальной обеспеченности — вторым по значимости, в то время как ведущей ценностью оказалась ценность материальной обеспеченности, а ценность свободы — третья по значимости. Мы объясняем высокий ранг ценности материальной обеспеченности у низкоудовлетворенных предпринимателей их неудовлетворительной оценкой уровня жизни своих семей. Предприниматели из данной группы оценили уровень жизни своих семей как очень низкий (средний балл — 2,94 по 7-балльной шкале), поэтому достижение нормального уровня жизни представлялось для них в момент опроса крайне актуальной задачей, и, следовательно, ценность материальной обеспеченности рассматривалась как высокая.

В то же время ценность свободы для низкоудовлетворенных предпринимателей выше аналогичной ценности для высокоудовлетворенных. Среди низкоудовлетворенных предпринимателей 23% ответивших поставили ценность свободы на первое место, в то время как среди высокоудовлетворенных таковых значительно меньше — 7% ответивших. Еще более заметны различия в значимости ценностей творчества и самореализации: 5-е и 6-е место в группе низкоудовлетворенных предпринимателей и 10-е и 7-е места, соответственно, в группе высокоудовлетворенных предпринимателей. С нашей точки зрения, более высокие ранги ценностей свободы, творчества и самореализации у малоудовлетворенных предпринимателей говорят в пользу большей значимости экономической свободы, как свободы самореализации, для низкоудовлетворенных предпринимателей, по сравнению с ее значимостью для высокоудовлетворенных предпринимателей. Для предпринимателей, в иерархии жизненных ценностей которых ведущей ценностью является сама работа, дело становится не просто способом материального самообеспечения, а способом самореализации и достижение материального успеха выступает, прежде всего, показателем успешности бизнеса. Для предпринимателей, которые ищут в работе скорее свободы для творчества и самореализации, реальные условия их бизнеса далеко не всегда способствуют реализации этих жизненных целей и бизнес превращается для них лишь в способ решения материальных проблем, вынужденную активность, далеко не всегда приносящую удовлетворение. Результаты исследования подтверждают наше предположение о том, что ценностные ориентации личности являются существенными факторами,

определяющими отношение субъектов экономической деятельности (в нашем исследовании – предпринимателей) к своему бизнесу.

Литература

- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лазурский А. Ф., Франк С. Л.* Программа исследования личности в отношениях к среде // Русская школа. 1912. Кн. 1. Январь. С. 1–24. Кн. 2. Февраль. С. 1–47.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Ядов В. А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 106–120.

Value orientations of the personality and psychological relations of subjects of economic activity

V. P. Poznyakov

Institute of Psychology RAS, Moscow

The article presents the conceptual ideas about the relationship of concepts and phenomena of value orientations of the individual and the psychological relationships of economic activity. Possible approaches to empirical research of the correlation of value orientations and psychological relations are considered. Results of empirical research of interrelation of value orientations of businessmen and satisfaction with business activity are presented. Comparative analysis of the results of ranking the importance of values by the method of M. Rokich showed, that entrepreneurs, who differ in the level of satisfaction with entrepreneurial activity, have both similarities and differences in the structure of terminal values. The results of the study confirm our assumption, that the value orientations of the individual are essential factors that determine the attitude of economic activity (in our study – entrepreneurs) to their business.

Keywords: psychology of entrepreneurship, value orientations of the individual, the subject of economic activity, business activity, psychological relations.

Выученная беспомощность мигрантов на различных этапах адаптации: теоретическая модель исследования

И. В. Пономарева, Я. Н. Сизова

Челябинский государственный университет, Челябинск
ivp-csu@yandex.ru
sizova159@yandex.ru

Успешная адаптация мигрантов в принимающем сообществе является глобальной социальной проблемой. В статье представлен теоретический обзор исследований проблем выученной беспомощности в процессе адаптации мигрантов. В результате теоретического анализа установлено, что выученная беспомощность, ее мотивационный, когнитивный и эмоциональный дефициты затрудняют процесс адаптации. Усиление симптомов выученной беспомощности, наблюдаемое на начальном этапе адаптации, может привести к неспособности интегрироваться в социум. Полученные результаты позволяют выделить культурные и этнические детерминанты психического здоровья мигрантов, позволяют создать теоретическую базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

Ключевые слова: выученная беспомощность, атрибутивный стиль, мигрант, адаптация, принимающее сообщество.

Глобальный контекст существования современного общества характеризуется нарушением целостности гуманитарного мира. Это нарушение проявляется, в первую очередь, в массовых миграциях населения. Социально-психологические последствия миграционных процессов проявляются в двух основных аспектах. С одной стороны, в контексте проблем интеграции мигрантов в принимающее сообщество, особенностей восприятия его культуры, законов

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949а «Культурно-этнические детерминанты самостоятельности – личностной беспомощности молодежи России и стран Ближнего зарубежья (на материале мигрантов из Центральной Азии)»).

и норм, гармонизации взаимоотношений с местным сообществом. С другой стороны, в контексте изучения проблем принимающего мигрантов общества через проблематику восприятия мигрантов, отношения к определенным культурным и конфессиональным группам, готовности взаимодействовать с сообществами мигрантов. Необходимость содействия адаптации и интеграции мигрантов, формирования конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом определила актуальность данного исследования, его социальную и прикладную значимость.

На сегодняшний день миграция является важной частью национальной политики отдельных государств, с одной стороны, неотъемлемым компонентом трансформации и модернизации социума, фактором национальной безопасности, демографического и экономического роста, а с другой — фактором напряженности экономических взаимоотношений, межэтнической конфликтности, деформации этнической идентичности принимающего сообщества. Проблема миграции остается актуальной и для современной России: успешная адаптация мигрантов, готовность принимающего населения к взаимодействию стимулируют культурное и профессиональное развитие, улучшают навыки общения и влияют на ценностные ориентации и установки. Однако, оказавшись в другой этнокультурной и языковой среде, одна категория мигрантов эффективно ориентируется в новой ситуации, проявляет самостоятельность, оптимизм, а другая испытывает психологические трудности, проявляет пассивность, беспомощность, равнодушие, легко впадает в уныние и даже депрессию. «Одно и то же событие у разных людей может вызвать резкое противодействие, породить негативные чувства или пройти почти незамеченным» (Анцыферова, 1994). Отвечая на вопрос, почему разные люди по-разному воспринимают одни и те же ситуации, Л. И. Анцыферова предлагает подходить к анализу «сложных ситуаций и действий в них индивида с позиций его собственного внутреннего мира» (Анцыферова, 1994).

Пессимистические ожидания, неконтролируемые повторяемые стрессовые события, связанные с переездом в другую страну, которые впоследствии оказываются препятствием для социально-психологической адаптации и причиной возникновения состояния выученной беспомощности. Состояние выученной беспомощности возникает в качестве реакции на неудачу, травмирующее событие (Циринг, 2008). Феномен выученной беспомощности связан с нарушением мотивации в результате пережитого субъектом опыта неподконтрольности ситуации, независимости результата от прилагаемых усилий.

Поведение человека в состоянии выученной беспомощности характеризуется тремя дефицитами: когнитивным, мотивационным и эмоциональным. Когнитивный дефицит заключается в трудности последующего научения тому, что в аналогичных условиях, в ситуациях, объективно подконтрольных субъекту, попытки вмешательства могут оказаться эффективными. Мотивационный дефицит проявляется в отсутствии попыток побуждать себя к действию, торможении активного вмешательства в ситуацию, характеризуется отсутствием инициативы, упорства, настойчивости в достижении целей. Эмоциональный дефицит выученной беспомощности проявляется в подавленном настроении, чувстве безысходности, повышенной тревожности, возникающих на фоне бесплодности собственных действий.

Итак, индивид в состоянии выученной беспомощности не уверен в собственных силах, воспринимает ситуацию как неподконтрольную, отказывается от попыток изменить имеющееся положение, повлиять на результаты в будущем. Субъект оказывается неспособным проявить гибкость, осознать, что каждая ситуация уникальна, и неудачный опыт при совладании с одной проблемой может не повториться при разрешении другой. Симптомами выученной беспомощности являются пассивность, грусть, тревога, враждебность, дефициты когнитивного, мотивационного, эмоционального характера, снижение самооценки и другое (Сыманюк, 2006).

Состояние выученной беспомощности, ее дефициты у одних людей могут возникнуть в результате малейшей неудачи, а у других — при повторяющихся травмирующих событиях высокой интенсивности. Фактором риска возникновения состояния выученной беспомощности является, по мнению ряда исследователей, пессимистический атрибутивный стиль (Волкова, 2013; Циринг, 2008; Seligman, 1975). Пессимистический атрибутивный стиль характеризуется объяснением неблагоприятных событий и неудач внутренними личностными характеристиками, а благоприятных событий и успехов — внешними причинами, относящимися к конкретной области (Далгатов, Давудова, 2017). Оптимистический атрибутивный стиль характеризует человека, склонного относить неудачи на счет случайного стечения обстоятельств, случившегося в определенный момент времени, а ситуации успеха воспринимать как постоянные, универсальные, вызванные внутренними личностными причинами (там же). Так, по мнению М. Селигмана, стиль атрибуции позволяет фильтровать опыт беспомощности: в случае оптимистического атрибутивного стиля роль негативного опыта преуменьшается, в случае пессимистического — преувеличивается (Seligman, 1975).

Важно отметить, что состояние выученной беспомощности может возникнуть не только у индивидов с пессимистическим атрибутивным стилем. Неподконтрольное негативное событие высокой интенсивности или повторяющиеся неподконтрольные негативные события может вызвать дефициты выученной беспомощности у людей с любым стилем атрибуции. В состоянии выученной беспомощности индивид переживает потерю контроля над своими действиями, считает, что среда, а не он сам управляет событиями своей жизни.

В ситуации переезда в другую страну потеря самоконтроля сказывается на адаптации индивида, фокусирует его внимание на текущем эмоциональном состоянии, актуальных негативных переживаниях и чувствах, а не на поиске альтернатив действий и целенаправленном решении задачи адаптации к новой социокультурной среде. Новая среда оказывает непредсказуемое и неподконтрольное воздействие на мигрантов, вызывая состояние выученной беспомощности, тем самым сложности процесса адаптации и препятствуя успешной интеграции в принимающее сообщество. Для более целостного и глубокого осмысления сложностей в системе адаптации мигрантов необходимо построить теоретическую модель исследования выученной беспомощности как характеристики личности, затрудняющей процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Представляется целесообразным изучение состояния выученной беспомощности у мигрантов в зависимости от этапа адаптации: стадия преадаптации, стадия адаптации во время перемещения, первичной и вторичной адаптации (Бритвина, 2006).

Стадия преадаптации начинается в период формирования мотивов миграции еще в стране проживания индивида. На данной стадии происходит сбор информации об особенностях проживания принимающей страны, также возможен выезд в рассматриваемое для переезда государство с целью непосредственного знакомства с существующим образом и укладом жизни. Также в данный период готовятся необходимые документы, решаются формальные вопросы, осуществляется выбор механизма миграции, что в совокупности может сказаться на дальнейшей адаптации. И. Б. Бритвина отмечает, что «чем более тщательно будет проделана вся подготовительная работа на этом этапе, тем менее болезненна будет сама адаптация» (Бритвина, 2006). Возникновение состояния выученной беспомощности на данном этапе может быть обусловлено рядом объективных и субъективных трудностей. Сложности в оформлении документов, необходимость подчинения формальным правилам, отсутствие информации о новом месте проживания, предчувствие неизвестности

и страх перед неподконтрольностью событий могут выступить причинами выученной беспомощности, обусловить возникновение ее дефицитов. Когнитивный и мотивационный дефициты выученной беспомощности на данном этапе адаптации могут проявляться в пассивности при подготовке к переезду, отказе от активных действий и изменений внешних условий, адаптации к ним, характеризоваться трудностями в обучении новым способам действий. Столкнувшись с внешними препятствиями (временный отказ во въезде в страну, необходимость исправить поданные на рассмотрение документы, отсутствие поддержки со стороны значимых близких и др.), индивид с выученной беспомощностью опускает руки, испытывает тревожность, переживает о будущем, пессимистически смотрит на мир. Преодоление состояния выученной беспомощности на данном этапе позволит подготовить субъекта к новой социокультурной среде, послужит почвой для успешной адаптации на новом месте.

Следующей стадией адаптации мигрантов к новым условиям является адаптация во время самого перемещения. На данном этапе мигранты знакомятся с членами принимающей группы, предпринимают попытки интеграции в новое сообщество, получают новую информацию о стране и извлекают полезный опыт. Особенностью данной стадии является начало стрессовых переживаний, связанных с аккультурацией, острота которых связана с внешними обстоятельствами и внутренними особенностями самих мигрантов. Состояние выученной беспомощности на данной стадии может быть вызвано языковым барьером, выраженным в той или иной степени, трудностями в установлении новых связей, отсутствием, скорее всего, близких людей рядом, способных оказать помощь, поддержать. Игнорирование внешних проявлений дефицитов выученной беспомощности может повлечь за собой сложности, связанные с реализацией основной цели переезда, а также трудности в адаптации к новым условиям и интеграции в принимающее сообщество.

Стадия первичной адаптации может длиться от полугода до двух лет. В данный период могут проявляться приобретенные ранее дефициты выученной беспомощности, пессимистические ожидания, тревога, отказ от активных действий. Мигранты в ситуации первичной адаптации испытывают острую потребность в общении с членами «мигрантского» сообщества для получения поддержки и помощи. На этом этапе появляются отдельные поселения или общины мигрантов, что, с одной стороны, затрудняет адаптацию в новой культурной среде, но, с другой, позволяет уменьшить симптомы выученной беспомощности. Одним из возможных последствий адаптации

на данной стадии может стать возвращение в страну происхождения. Характеристики следующего этапа адаптации зависят от способа разрешения стресса аккультурации на этапе первичной адаптации и выхода из состояния выученной беспомощности.

Переход на стадию вторичной адаптации, которая может длиться до 5–7 лет, означает успех в аккультурации, делает маловероятным возвращение субъекта в свою страну. На этой стадии адаптации маловероятны проявления выученной беспомощности, связанные непосредственно с процессом приспособления к новому месту жительства. Мигранты имеют систему социальных взаимодействий не только внутри «мигрантского» сообщества, но и внутри всей принимающей группы, они перестают воспринимать культурные и этнические особенности принимающей страны трагически и с удивлением. Аккультурация стресса завершает интеграцию с новым сообществом.

Теоретический обзор исследований по проблемам адаптации мигрантов позволяет рассматривать выученную беспомощность как состояние, сопровождающее процесс адаптации в новой культурной среде. Выученная беспомощность, возникающая как реакция на неконтролируемые события, значительно затрудняет процесс адаптации. Кроме того, увеличение симптомов выученной беспомощности на этапе первичной адаптации может привести к возвращению в страну происхождения. Полученные результаты являются теоретически обоснованной гипотезой о культурных и этнических детерминантах психического здоровья мигрантов, позволяют создать теоретическую базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–16.
- Бритвина И. В.* Основные сложности и стадии адаптации вынужденных мигрантов // Вестник КГУ. 2006. № 3. С. 53–56.
- Волкова О. В.* Степень разработанности и история проблемы выученной беспомощности // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2013. № 1 (1).
- Далгатов М. М., Давудова А. Р.* Особенности личностных ценностей студентов с разным атрибутивным стилем // Известия ДГПУ. Т. 11. № 4. 2017. С. 5–9.

- Сыманюк Э. Э.* Психологические детерминанты развития выученной беспомощности у педагогов // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 208–217.
- Циринг Д. А.* Современные подходы к коррекции выученной беспомощности у детей и подростков // Сибирский психологический журнал. 2008. № 29. С. 63–68.
- Seligman M. E. P.* Helplessness: On depression, development and death. San Francisco: Freeman. 1975.

Learned helplessness of migrants at different stages of adaptation: theoretical model of study

I. V. Ponomareva, Ya. N. Sizova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Successful adaptation of migrants in the host community is a global social problem. The article presents a theoretical review of studies of the problems of learned helplessness in the process of adaptation of migrants. As a result of the theoretical analysis it is established that the learned helplessness, its motivational, cognitive and emotional deficits complicate the process of adaptation. The increased symptoms of learned helplessness observed at the initial stage of adaptation may lead to the return of the individual to the country of origin. The obtained results theoretically substantiate the hypothesis about cultural and ethnic determinants of mental health of migrants, and allow to create a theoretical basis for solving applied problems of social and psychological support of adaptation and integration of migrants in the host community.

Keywords: learned helplessness, attributive style, migrant, adaptation, host community.

Коммуникативные трудности подростков-жертв школьного насилия в поликультурной образовательной среде

А. Г. Самохвалова

Костромской государственный университет, Кострома
a_samohvalova@ksu.edu.ru

В статье рассмотрена проблема школьного насилия, проявляющегося в ситуациях межкультурного взаимодействия в таких формах, как буллинг, кибербуллинг и троллинг, моббинг со стороны учителей. Представлены специфические коммуникативные трудности подростков-жертв насилия. Определены особенности перцепции и эмоционального отношения подростков к ситуациям межкультурного диалога, а также способы преодоления коммуникативных трудностей.

Ключевые слова: поликультурная образовательная среда, межкультурное общение, коммуникативные трудности, школьное насилие, преодоление.

Развитие личности — это, прежде всего, ее социальное развитие, которое ведет за собой психическое развитие (Анцыферова, 1989). С позиций идеи непрерывного образования личности и динамического подхода к психологическому изучению личности Л. И. Анцыферовой, сама личность является *активным субъектом своего собственного развития* (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988). Следовательно, с одной стороны, социокультурная среда онтогенеза обуславливает психическое развитие ребенка, с другой — каждый человек самостоятельно выбирает паттерны социального поведения, ставит цели саморазвития, преодолевает возникающие жизненные трудности.

Социализация современных детей и подростков проходит в нестабильной политической и экономической ситуации, бурные тран-

---

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00607-ОГН/19.

зитивные процессы в обществе создают напряженную, стрессогенную обстановку, военные и межэтнические конфликты, активные процессы миграции приводят к тому, что практически любые группы дошкольных учреждений, школ, вузов становятся поликультурными пространствами.

В образовательной поликультурной среде под угрозой находится *психологическая безопасность ребенка*. Случаи школьной травли, буллинга, насилия, в том числе и на межнациональной, межконфессиональной почве, нередко в современном обществе, что, безусловно, приводит к фрустрации базисной потребности ребенка в безопасности; препятствует эффективной социализации/индивидуализации личности; является фактором затрудненного общения, обуславливая возникновение разнообразных коммуникативных трудностей (Самохвалова, 2014) в ситуациях межкультурного общения подростков со взрослыми и сверстниками.

Тренды развития современного мира, такие как мобилизация, роботизация, цифровизация, ориентация на проявление силы и конкурентные преимущества, способствуют усвоению агрессивного поведенческого паттерна у подрастающего поколения. При этом насилие, как физическое, так и психологическое, гетероагрессия становятся специфическим способом снятия нервного напряжения и совладания со стрессом. В данной ситуации образовательное пространство школы отражает существующую систему общественных отношений и ее психологическое наполнение. Сама школьная система напрямую связана с принуждением, выстраиванием жестких поведенческих границ, ограничением свободы человека и часто связана с подавлением личности, вследствие чего агрессия как защитный механизм ребенка в пространстве школы выражена наиболее ярко.

Проведенное нами исследование предполагало изучение *коммуникативных трудностей подростков-жертв насилия в поликультурной образовательной среде*. Респондентами выступали 112 подростков в возрасте 14–15 лет семи национальностей: русские, армяне, таджики, узбеки, украинцы, молдаване, цыгане (63 девочки, 49 мальчиков, M=14,8), обучающихся в 9-х классах общеобразовательных школ г. Костромы. В качестве диагностического инструментария использовались проективный метод незаконченных предложений, направленный на выявление форм школьного насилия по отношению к подросткам (Самохвалова, Вишневецкая, 2016). На основе авторского опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» (Самохвалова, Скрябина, Метц и др., 2018) была со-

здана методика экспертной оценки, позволяющая выявлять трудности межкультурного общения: базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные. В качестве экспертов выступали два психолога и классный руководитель, непосредственно взаимодействующие с подростками в образовательной среде школы. Кроме того, использовался метод анализа рисунков на тему «Мои трудности в общении», направленный на определение эмоционального отношения подростков к ситуациям межкультурного диалога (Сапорова-ская, Крюкова, Хазова и др., 2016); после проведения которого проводилась беседа, направленная на выявление способов преодоления коммуникативных трудностей.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программного пакета SPSS Statistics v. 19.0 (Н-критерий Краскела–Уоллиса, U-критерий Манна–Уитни, контент-анализа свободных высказываний подростков, множественный функциональный критерий φ^* – угловое преобразование Фишера).

На основании данных, полученных с помощью контент-анализа метода незаконченных предложений, была сформирована исследовательская выборка, включающая *подростков, по отношению к которым применяются различные формы насилия в образовательной среде* ($\varphi^*=2,26$; $p \leq 0,001$). В нее вошли 75 подростков (67% от общей выборки), 39 девочек и 36 мальчиков. Большая часть подростков этой выборки ($n=62$) являются представителями таких национальностей, как армяне, таджики, узбеки, украинцы, молдаване, цыгане, и только 13 российских подростков чувствуют себя дискомфортно в образовательной среде. Выявлены *четыре основные формы школьного насилия* (процентная доля указана по отношению к общему количеству названных проявлений насилия); а также установлены специфические *коммуникативные трудности, возникающие у жертв насилия в процессе межкультурного общения*.

1. *Буллинг со стороны сверстников (33,3%)* – проявляется как в физической (побои, порча вещей), так и в психологической форме (оскорбления, угрозы, насмешки, негативные оценки жертвы, ее деятельности, бойкот, отказ в доверии). Жертвами буллинга чаще становятся мигранты первого поколения, приехавшие в Кострому недавно (от 1 года до 3 лет) на постоянное место жительства – украинцы, узбеки, таджики. Интересно, что агрессорами в большинстве случаев выступают цыгане и русские подростки, чувствующие свое превосходство над «новенькими», пытаясь их подавлять, унижать, высмеивать внешность, манеры поведения, манипулировать ими, преследуя корыстные цели.

Жертвы буллинга в процессе деструктивного межкультурного общения становятся замкнутыми, скрытными, испытывают трудности вступления в контакт, враждебно воспринимают партнера, боятся проявлять инициативу, креативность в общении, неэмоциональны, склонны к конформизму, подчинению и зависимому поведению ($p \leq 0,003$).

2. *Кибербуллинг* (28%) – осуществляется подростками в информационном пространстве, например, через электронную почту в Интернете, с помощью программ для мгновенного обмена сообщениями в социальных сетях, группах, размещения на видеопорталах непристойных видеоматериалов, посредством мобильного телефона (SMS-сообщений или надоедливых звонков).

Установлено, что жертвами кибербуллинга зачастую становятся подростки, значительно отличающиеся по внешним данным от европейского типа внешности: узбеки, таджики, цыгане. В интернет-переписке, SMS-сообщениях можно встретить разного рода оскорбления. Для подростков этих национальностей болезненным является то, что их не добавляют в интернет-пространстве в друзья, группы, не отвечают на их письма, игнорируют их активность в социальных сетях.

Жертвы кибербуллинга в общении чрезмерно тревожны, раздражительны и склонны к косвенной агрессии, подозрительны, недоверчивы, тщательно планируют и чрезмерно контролируют свои коммуникативные действия, предпочитая стереотипные, шаблонные лингвистические средства, проявляя бедность невербального поведения, избегают близких контактов, ожидают предвзятого отношения к себе, испытывают рефлексивные трудности ($p \leq 0,04$).

3. *Моббинг со стороны педагогов* (18,7%) – это форма психологического насилия учителей по отношению к подросткам, к которым они испытывают негативные чувства, проявляющаяся в постоянных придирках, резких оценках личности подростка, высмеивании его недостатков, ошибок прилюдно.

В исследовании установлено, что моббингу со стороны педагогов чаще подвергаются цыгане, таджики и узбеки. Особо беспокоят ситуации, когда педагог в поликультурной группе сверстников негативно отзывается о подростке, подчеркивая его национальные особенности. Так, таджиков и узбеков учителя осуждают «за плохой русский язык», делают им замечания по поводу внешнего вида, неопрятности, негативно высказываются по поводу религиозных взглядов, национальных традиций и семейных ценностей. По отношению к цыганам педагоги часто проявляют брезгливость, по-

вышают на них голос, обвиняют их в провокации конфликтов, подзревают во лжи, воровстве.

Подобное поведение педагогов недопустимо, ведь оно разжигает национальную рознь, повышает уровень враждебности и агрессии в подростковой группе, вызывает негативизм и озлобленность у жертв моббинга. В ответ подростки всячески избегают общения с учителями-агрессорами и стремятся «понравиться» другим педагогам любыми способами (нередко манипулятивными и нечестными), испытывают гелотофобию и страх публичного выступления, трудности сотрудничества, они индивидуалистичны, чрезмерно тревожны, болезненно воспринимают критику, но вместе с тем сами склонны к проявлению вербальной агрессии по отношению к сверстникам, не готовы признать свои ошибки ($p \leq 0,02$).

4. *Троллинг* (12%) – данная форма социальной провокации расценивается как «хамство в Интернете» и используется как персонализированными участниками, склонными к демонстративности, эпатажу, так и анонимными пользователями с целью вызвать флейм, словесную войну, взаимные оскорбления, обиды и т. п. В социальных сетях происходит распространение ложной информации, клевета, оговоры, сплетни.

В нашей выборке обнаружилось, что жертвами троллинга чаще становились мальчики армянской национальности, которые подвергались остракизму вследствие своей непокорности, нонконформизму, стремлению отстаивать свою независимость и ярко демонстрировать национальную идентичность.

Также жертвами троллинга были внешне привлекательные русские девушки. При этом в роли агрессоров выступали непопулярные в группе сверстников одноклассницы, проявляя зависть, недоброе отношение, косвенную агрессию по отношению к жертве.

Подростки чрезвычайно болезненно воспринимают публичные оскорбления в сети, это вызывает у них волну ответной агрессии, проявляющейся не только в интернет-коммуникациях, но и в ситуациях реального общения; чувство безысходности, невозможности повлиять на ситуацию; возникают трудности взаимопонимания, доверия, подозрительность в межличностных контактах (особенно в случаях, когда тролль анонимен); снижается коммуникативная адекватность, свобода самовыражения и креативность ($p \leq 0,03$).

Результаты *качественного анализа рисунков* на тему «Мои трудности в общении» и последующей *беседы* с респондентами показали, что *подростки, чувствующие себя безопасно в образовательной среде школы* ($n=37$), в 86,5% случаев отражают в рисунках *конструктив-*

ный характер преодоления возникающих коммуникативных трудностей. Они изображают спортивные соревнования; преодолевающие действия (перепрыгивание канавы, оврага, попытку залезть на дерево, стрельбу из арбалета, пистолета); поиск социальной поддержки (разговор с другом, членами семьи); попытки лучше познать себя, разобраться в трудной ситуации, найти причины возникших трудностей (например, изображение человека, смотрящего в зеркало, изображение камня в зоне груди или головы, знака вопроса). При этом цветовая гамма и характер рисунков, в основном, позитивны и жизнеутрачающи. Преобладают зеленые, желтые, голубые тона; в линиях отсутствуют показатели агрессивности и тревожности.

Иное содержание рисунков обнаружено у *подростков-жертв школьного насилия* ($n=75$). В 81,3% случаев отмечены *неконструктивные способы преодоления коммуникативных трудностей*: уход в себя, одиночество (изображение линий, предметов, отделяющих подростка от социального окружения; изображение на рисунке одинокого человека, зверя, завядшего растения); апатия, бездействие, отказ от преодоления трудностей (изображение спящего, лежащего, больного, убитого, раненого человека); саморазрушающее поведение (изображение курящего человека, употребляющего алкоголь, наркотики; стоящего на мосту, крыше высотного дома, краю обрыва); месть, ответная агрессия (изображение драки, убийства, яда, распространения клеветы в социальных сетях). И лишь 14 из 75 подростков-жертв насилия (18,7%) готовы к диалогу, конструктивному преодолению возникающих трудностей, верят в свои силы, изображая созидательные социальные действия (разговор в кругу, пожатие рук, объяснение обидчикам, что они не правы), действия, направленные на самосовершенствование (занятие спортом, изменение имиджа, демонстрация своих хобби).

Количественная оценка результатов проективного рисунка осуществлялась с помощью выявления симптомокомплексов затрудненного общения. Выявлены *различия в восприятии ситуаций затрудненного межкультурного общения подростками*, чувствующими себя безопасно в образовательной среде школы, и подростками-жертвами школьного насилия.

У подростков – жертв насилия значительно чаще возникают чувства *незащищенности, одиночества, тревожности, несостоятельности* ($U=212$, $p\leq 0,001$), что проявляется в застенчивости, низком уровне притязаний, неверии в собственные силы. В межкультурном общении они *переживают стресс, депрессивны* ($U=278$, $p\leq 0,01$), ждут конструктивных действий в свой адрес, склонны к *защитной агрессии*,

направленной на противодействие обидчикам ($U=157$, $p \leq 0,004$); *избегают социального взаимодействия* ($U=186$, $p \leq 0,000$), боясь доверительных отношений, подозревая окружающих в неискренности и недоброжелательности.

У подростков, не чувствующих на себе проявлений школьного насилия, значимо чаще проявляется *ригидность* ($U=240$, $p \leq 0,03$), отражающаяся в однообразии, стереотипности коммуникативных действий; а также *демонстративность* ($U=196$, $p \leq 0,004$), направленная на самопрезентацию, привлечение к себе внимания.

В заключение отметим, что человек на протяжении всей жизни «должен утверждать, защищать, реализовывать в поступках, в межличностных отношениях, в делах свою духовность, нравственность, ценности истины, справедливости, добра» (Анцыферова, 2006, с. 227). Проявление же различных форм насилия в поликультурной образовательной среде нарушает психологическую безопасность ребенка, становится фактором риска социальной дезадаптации, затрудненного общения, аддиктивного поведения субъекта. Значимо чаще жертвами насилия в образовательной среде российской школы становятся представители других национальностей. Однако, как отмечала Л. И. Анцыферова, каждый человек должен научиться брать ответственность за межличностные отношения на себя, и *союз* начинает строиться на *взаимоотношениях индивидуальностей*, которые в силу своей *непохожести* становятся интересными друг другу, реализуют свою собственную индивидуацию и одновременно создают особое пространство, в котором происходит «совмещение одного одиночества с одиночеством другого», и в результате – творение третьей топики (Журавлев, Харламенкова, 2009). Именно поэтому в образовательной среде необходимо способствовать тому, чтобы поликультурность являлась мощным ресурсом успешной социализации детей, а не поводом для межнациональной и межконфессиональной розни, не фактором школьного насилия, не барьером установления гармоничных межличностных отношений.

Литература

Анцыферова Л. И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1989. С. 426–433.

Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

- Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 9–36.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Самохвалова А. Г.* Коммуникативные трудности ребенка: феноменология, факторы возникновения, динамика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014.
- Самохвалова А. Г., Вишневская О. Н.* Насилие в образовательной среде как фактор затрудненного общения подростков // Социальный мир человека. Вып. 6 / Под ред. Н. И. Леонова. Ижевск: ERGO, 2016. С. 131–135.
- Самохвалова А. Г., Скрябина О. Б., Метц М. В., Иванова Н. М.* Развитие межкультурной коммуникативной компетентности детей и подростков. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2018.
- Сапоровская М. В., Крюкова Т. Л., Хазова С. А., Самохвалова А. Г., Тихомирова Е. В.* Диагностика суицидального риска и психопрофилактика суицида у детей и подростков. Кострома: КГУ, 2016.

Communicative difficulties of teenagers-victims of school violence in the policultural educational environment

A. G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma

The article deals with the problem of school violence, which manifests itself in situations of intercultural interaction in such forms as bullying, cyberbullying and trolling, mobbing by teachers. The specific communicative difficulties of adolescent victims of violence are presented. The features of perception and the emotional attitude of adolescents to situations of intercultural dialogue, as well as ways of overcoming communication difficulties are identified.

Keywords: multicultural educational environment, intercultural communication, communication difficulties, school violence, overcoming.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и предпочтения способов взаимодействия в конфликте у студенческой молодежи

Е. С. Синельникова, А. А. Леонтьева

Петербургский государственный университет путей сообщения, Санкт-Петербург
elena.sinelni@yandex.ru
siaaleon@gmail.com

Эмоциональный интеллект — один из ведущих факторов взаимодействия в конфликте. Целью настоящего исследования было изучение предпочтения способов взаимодействия в конфликтных ситуациях и их взаимосвязи с эмоциональным интеллектом у студенческой молодежи. Для измерения уровня эмоционального интеллекта использовался опросник ЭМИн Д. В. Люсина. Для исследования предпочтения способов взаимодействия в конфликте применялась методика поведенческих сценариев «Конфликтные ситуации» (Д. Вигболдус, Е. С. Синельникова) в модификации Е. С. Синельниковой, А. А. Леонтьевой. В исследовании приняли участие 30 студентов в возрасте 18–20 лет (50% девушек, 50% юношей) обучающихся в вузах г. Санкт-Петербурга. По результатам исследования были выявлены средние показатели предпочтения всех предложенных способов взаимодействия в конфликте: признание чувств и позиции партнера, выражение своих чувств и позиции, предложение решения проблемы, обвинение партнера, ирония. Результаты исследования показали, что эмоциональный интеллект у студентов связан с ориентацией на поиск решения проблемы и признание позиции партнера и отказом от одностороннего сосредоточения на своей позиции. Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем в большей степени студенты отдают предпочтение способам взаимодействия: предложение решения проблемы и признание чувств партнера, и в меньшей — выражению своей позиции и обвинению партнера.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, конфликт, способы взаимодействия в конфликте, методика поведенческих сценариев.

Конфликтные ситуации являются трудными ситуациями межличностного взаимодействия, предполагают присутствие ре-

альных или существующих в воображении партнеров противоречий в интересах, целях, ценностях и убеждениях партнеров. Эмоциональный интеллект является одним из основных факторов, влияющих на то, как будет протекать конфликтное взаимодействие. Кросс-культурное исследование свидетельствует, что эмоциональный интеллект способствует предпочтению стратегий сотрудничества, компромисса и уступки, но существуют и культурные особенности его проявления (Gunkel, Schlaegel, Taras, 2016). Ведущие зарубежные исследователи Дж. Майер и др. определяют эмоциональный интеллект как «способность понимать эмоции и использовать эмоции и эмоциональное знание для повышения эффективности мышления» (Mayer, Roberts, Barsade, 2008, p. 511). Д. В. Люсин определяет эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций, и управлению ими. Д. В. Люсин рассматривает эмоциональный интеллект как когнитивную способность. В то же время он отмечает, что эмоциональный интеллект тесно взаимосвязан с общей направленностью личности на эмоциональную сферу, ценностью эмоций для личности, ее склонностью к психологическому анализу как своих мыслей и поведения, так и поведения окружающих ее людей (Люсин, 2009).

В значительной части исследований, которые проводятся в области взаимодействия в конфликте, применяются опросники, что серьезно снижает экологическую валидность исследований. Согласно данным А. Я. Анцупова и С. В. Баклановского в реальных конфликтах в 90% случаев выбирают стратегию соперничества (конфронтации) (Анцупов, Баклановский, 2006).

В настоящем исследовании применялась методика «Конфликтные ситуации», разработанная Д. Вигболдусом и Е. С. Синельниковой (Синельникова, 2018) в модификации Е. С. Синельниковой и А. А. Леонтьевой. Респондентам предлагается оценить по 7-балльной шкале степень своего предпочтения или отвержения способов взаимодействия в описанных в методике конфликтных ситуациях. Целью адаптации было приближение конфликтных ситуаций к жизненному опыту респондентов. В частности, конфликтная ситуация с коллегой заменялась на конфликтную ситуацию с одноклассником. При этом содержание конфликтной ситуации осталось неизменным: присвоение проекта и получение выгоды (в адаптированной версии — участие в международной выставке). Респондентам были предложены четыре конфликтные ситуации: конфликт девушек из-за молодого человека, конфликт молодых людей из-за девушки, конфликт одноклассников из-за присвоенного одноклассником

проекта героя, конфликт девушки с родителями из-за неодобрения ими ее дружеских отношений с другой девушкой.

Для измерения уровня эмоционального интеллекта в исследовании применялась методика «ЭМИн» Д. В. Люсина.

В исследовании не были выявлены статистически достоверные различия в общем уровне и показателях эмоционального интеллекта и предпочтениях способов взаимодействия в конфликте у девушек и юношей. Показатели по всем способам взаимодействия в конфликте были средними: признание чувств партнера ($M=15$), выражение своих чувств и позиции ($M=14,7$), предложение решения проблемы ($M=16,7$), обвинение ($M=13,4$), ирония ($M=14,8$).

По сравнению с результатами русско-голландского исследования предпочтения способов взаимодействия в конфликте, проведенным Е. С. Синельниковой (Синельникова, 2018), были выявлены существенно более высокие показатели по способам взаимодействия «обвинения» и «ирония», что косвенно свидетельствует о большей эмоциональной вовлеченности респондентов в предложенные конфликтные ситуации в модифицированной версии опросника.

Проведение корреляционного анализа Пирсона позволило выявить статистически достоверные взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и предпочтением способов взаимодействия в конфликте. Межличностный эмоциональный интеллект положительно связан со стратегией признания чувств партнера ($r=0,65$, $p<0,01$) и предложением решения проблемы ($r=0,51$, $p<0,01$) и отрицательно связан с выражением своих чувств, своей позиции ($r=-0,51$, $p<0,01$). Чем лучше развиты у студентов способности к пониманию эмоций других людей и управлению ими, тем чаще в конфликтной ситуации они направлены на поиск решения проблемы, проявляют уважение к позиции партнера. Чем хуже развиты способности к пониманию и регуляции эмоций других людей, тем в большей степени студенты предпочитают выражать свои чувства и позицию.

Внутриличностный эмоциональный интеллект положительно связан с признанием чувств партнера ($r=0,62$, $p<0,01$) и отрицательно с обвинениями партнера ($r=-0,37$, $p<0,05$). То есть чем лучше развиты у студентов способности к пониманию собственных эмоций и управлению ими, тем чаще в конфликтной ситуации они признают чувства оппонента и реже прибегают к прямым обвинениям партнера.

Понимание эмоций положительно связано со стратегией признания чувств партнера ($r=0,73$, $p<0,01$) и предложением решения проблемы ($r=0,53$, $p<0,01$) и отрицательно связано с выражением сво-

их чувств, своей позиции ($r=-0,53$, $p<0,01$). То есть чем лучше развиты у студентов способности к пониманию своих и чужих эмоций, тем чаще в конфликтной ситуации они признают чувства оппонента, прибегают к сотрудничеству по решению проблемы и реже выражают свои чувства и позицию.

Управление эмоциями положительно связано со стратегией признания чувств партнера ($r=0,76$; $p 0,01$) и предложением решения проблемы ($r=0,39$; $p 0,05$) и отрицательно связано с выражением своих чувств, своей позиции ($r=-0,44$; $p 0,05$) и обвинениями партнера ($r=-0,50$; $p 0,01$). То есть чем лучше развиты у студентов способности к управлению своими и чужими эмоциями, тем чаще в конфликтной ситуации они признают чувства оппонента, прибегают к сотрудничеству по решению проблемы и реже выражают свои чувства и позицию и реже прибегают к прямым обвинениям партнера. Чем хуже студенты умеют управлять эмоциями, тем в большей степени они склонны центрироваться на своей позиции, обвинять другого человека.

Уровень эмоционального интеллекта положительно связан со стратегией признания чувств партнера ($r=0,83$, $p<0,01$) и предложением решения проблемы ($r=0,51$, $p<0,01$) и отрицательно связан с выражением своих чувств, своей позиции ($r=-0,54$, $p<0,01$) и обвинениями партнера ($r=-0,43$, $p<0,05$). То есть чем выше у студентов эмоциональный интеллект, тем чаще в конфликтной ситуации они стремятся найти решение проблемы в интересах обеих сторон конфликта, готовы признавать чувства и позицию другого человека. Чем ниже у студентов эмоциональный интеллект, тем сильнее они центрируются на своей позиции и интересах, готовы обвинять другого человека.

Результаты исследования не выявили гендерных различий в предпочтении способов взаимодействия в конфликте и показали, что эмоциональный интеллект проявляется в ориентации на решение проблемы в интересах всех сторон конфликта, признании позиции партнера и отказе от ориентации лишь на свою позицию.

Литература

- Анцупов А. Я., Баклановский С. В.* Конфликтология в схемах и комментариях. СПб.: Питер, 2006.
- Люсин Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина,

Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.

Синельникова Е. С. Как эмоциональный интеллект проявляется в предпочтении способов взаимодействия у представителей российской и голландской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 157–164.

Gunkel M., Schlaegel C., Taras V. Cultural values, emotional intelligence and conflict handling styles: a global study // Journal of World Business. 2016. V. 51 (4). P. 568–585.

Mayer J. D., Roberts R. D., Barsade S. G. Human abilities: emotional intelligence // The Annual Review of Psychology. 2008. V. 59. P. 507–536.

Study of the role of emotional intelligence in preferences in conflict communication among student youth

E. S. Sinelnikova, A. A. Leontjeva

Saint-Petersburg state Transport University, Saint-Petersburg

Emotional intelligence is one of the key factors in conflict interaction. The goal of the present study is to investigate interrelation between emotional intelligence and conflict communication preferences among students. 30 students studying in Saint-Petersburg (50% female) participated in the study. EmIN (emotional intelligence questionnaire) was applied to measure emotional intelligence. Conflict interaction preferences were measured by behavior scenarios questionnaire “Conflict situations” (D. Wigboldus, E. S. Sinelnikova). The questionnaire was modified by E. S. Sinelnikova, A. A. Leontjeva to close conflict situations to respondents’ experience and interest. Results have shown that emotional intelligence manifests itself in cooperation intentions, partner’s position recognition and blaming rejection.

Keywords: emotional intelligence, conflict, ways of conflict interaction, behavior scenarios method.

Личностные детерминанты сетевого поведения молодежи

А. В. Хавыло, И. В. Лобанкова

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга
khavylo@strider.ru
123lobankova789@mail.ru

Сетевое поведение личности является источником психологических данных нового типа. Целесообразно использование цифровых следов человека в социальных сетях для задач психологического профайлинга. Вовлеченность населения в социальные сети растет с каждым годом, и сеть становится естественной для человека средой. В настоящее время существует концептуальная и техническая возможность, а также перспективы применения сетевого профайлинга в рамках обеспечения профессионального отбора.

Ключевые слова: социальные сети, сетевой профайлинг, цифровые следы, сетевое поведение.

Введение

В настоящее время одной из актуальных проблем обеспечения кадровой безопасности организации является оценка индивидуально-личностных особенностей кандидатов на замещение вакансий, а также действующих сотрудников. Классический подход, связанный с использованием психодиагностических опросников и тестов для эффективной реализации требует создания в компании собственных инструментов психодиагностики с подтвержденной валидностью и надежностью, которые были бы закрыты для свободного распространения. В ряде случаев соблюдение этих требований крайне затруднительно.

При этом следует учитывать, что метод тестовой психодиагностики имеет ряд ограничений. Применение тестовой диагностики требует непосредственного контакта с обследуемым. При таком контакте человек находится в ситуации оценивания, что может существенно отразиться на характере его реакций на тестовые вопросы. Наконец,

в рамках данного метода мы исходим из презумпции честности и откровенности обследуемого лица, подразумевая, что он не стремится исказить результаты тестирования.

Решение этих проблем психодиагностики напрямую связано с развитием метода наблюдения, возможности которого существенно возросли на современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий. Как отмечает В. А. Барабанщиков (Барабанщиков, 2011), интенсивное развитие методов измерения и обработки данных, математизация знания привели к изменению инструментария и технологий экспериментальной работы, существенно расширяющих возможности исследования. В настоящее время существует тенденция использовать для психологической диагностики и профайлинга результаты наблюдения естественного поведения человека в различных условиях.

С 1990-х годов началось повсеместное распространение возможности выхода в сеть Интернет для рядовых граждан, что повлекло за собой почти неограниченный доступ пользователей к информации и коммуникации друг с другом. В 2004 г. появилась социальная сеть «Facebook», и с того момента социальный и социально-психологический опыт большей части населения развитых стран существенно расширился (Ледовая, 2017). В настоящее время, по приблизительным оценкам, доступ к сети Интернет имеет 54,4% жителей Земли, примерно от 35% в Африке до 95% в Северной Америке, а это в сумме более 4 млрд человек. В России уровень проникновения Интернета оценивается в 76,1%. 2,23 млрд человек ежемесячно пользуются возможностями «Facebook», и это число сильно увеличивается с каждым годом (Facebook Inc. Company..., 2018). Помимо «Facebook», есть и другие социальные сети, которые получили широкое распространение как по всему миру, так и в отдельных странах. Исследователи отмечают, что социальные сети способствуют удовлетворению потребностей в самопрезентации, кооперации, коммуникации и социализации людей (Данина, 2012).

В России «Facebook» явно уступает по популярности социальной сети «ВКонтакте», ежемесячная аудитория которого составляет за тот же период 54,6 миллиона человек, что составляет более 65% проживающих граждан на территории Российской Федерации (Сергеева, 2018). Следует отметить, что данный сетевой сервис в некоторых регионах превзошел по охвату аудитории такие федеральные каналы как «Первый канал» и «Россия 1», что подчеркивает высокий уровень вовлеченности населения в данную сеть.

С начала XXI века для представителей социальных наук стало невозможно игнорировать происходящие перемены в образе жизни, особенностях коммуникации и доступе к информации современных людей. Некоторые группы исследователей изучают новые формы коммуникации в социальных сетях, исследуют положительные и отрицательные последствия внедрения новых технологий в жизнь человека.

Однако социальные сети могут выступать не только как предмет исследования, но и как инструмент сбора информации совершенно нового типа – следов, которые оставляют пользователи в социальных сетях. Пространство социальной сети для многих стало привычным и удобным, а следовательно, поведение приобрело естественный характер и стало менее контролируемым. Современные технологии социальных сетей не только облегчают прямую связь между пользователями, но и позволяют размещать контент в рамках их личного профиля. Сетевое пространство предстает перед нами как информационно-психологическое, где тем или иным образом в форме сетевого поведения проявляются индивидуально-психологические характеристики личности. В настоящее время в исследовательской среде подобные данные принято называть «digital footprints» – «цифровые отпечатки» или «цифровые следы».

Цифровые отпечатки в качестве источника информации имеют ряд преимуществ, по сравнению с традиционным материалом психологических опросников, интервью и наблюдением. Имея возможность собирать при помощи специальных программ и затем анализировать «цифровые отпечатки» и реальные продукты деятельности пользователей социальных сетей (тексты постов, фотографии, геотеги, хештеги, списки сообществ и списки «друзей» и т. д.), исследователь получает доступ к данным, которые менее подвержены эффекту социальной желательности, чем при традиционной психодиагностике и являются более экологически валидными.

Информация со страниц конкретного пользователя зачастую является произвольной смесью текста, речи, изображений и видео, распределенной по разным частям глобальной сети. Исходя из этого, первичной задачей является сбор и структурирование всех доступных для фиксации следов деятельности человека в социальных сетях. Реализация данного подхода невозможна без разработки и применения специализированных программных продуктов, позволяющих автоматизировать процесс первичного анализа профиля человека в социальной сети. В настоящее время на российском и мировом рынке представлен ряд сервисов, имеющих подобный функционал.

Использование социальных сетей как базы для психологических исследований предоставляют более широкий доступ к неограниченному количеству испытуемых. Ограничением может выступать только финансирование для рекламы и распространенность сети Интернет на той или иной территории или для той или иной категории лиц.

Из преимуществ данного способа сбора психологических данных можно отметить увеличение размеров выборки и существенное сокращение времени исследования.

Из ограничений данного вида сбора данных можно отметить невозможность контролировать факторы окружающей среды, в которой происходит опрос, сложность избежать намеренного искажения пользователями информации о себе в профиле, проблематичность заполнения слишком длинных опросников и что немаловажно, использование данных из социальных сетей поднимает новые вопросы исследовательской этики в онлайн-среде (Ледовая, 2017). Многие из этих ограничений преодолимы за счет качественной преобработки первичных данных.

Недостаток исследований сетевого поведения пользователей российского сегмента сети Интернет обусловили предметную область и задачи нашего эмпирического исследования.

Материалы и методы

Выборочную совокупность составили 120 пользователей сети «ВКонтакте». Возраст испытуемых составлял от 16 до 25 лет, что соответствует границам юношеского возраста. Выборка включала в себя пользователей, получающих или имеющих высшее образование, среди которых 45% мужчин и 55% женщин.

Для изучения особенностей личности участников исследования применялись опросник К. Леонгарда—С. Шмишека «Методика изучения акцентуаций личности», адаптация краткого пятифакторного опросника личности TIPI-RU» (Сергеева, 2016), адаптация методики диагностики личностных черт Темной триады опросник Т.В. Корниловой и др. «Темная Дюжина» (Методика диагностики личностных черт..., 2015).

Сетевое поведение изучалось с помощью специально разработанной авторской анкеты и данных, полученных в результате оцифровки отдельных элементов профиля сети «ВКонтакте». От всех участников было получено согласие на обработку персональных данных и на использование открытой информации сетевого профиля в исследовательских целях.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием языка статистических вычислений R v. 3.5.3 (2019-03-11) — «Great Truth». Использован факторный анализ (метод главных компонент), регрессионный анализ, непараметрический критерий Манна–Уитни.

Результаты

По результатам исследования были выделены наиболее популярные социальные сети в молодежной среде: «Youtube» (41,7%), «WhatsApp» (39,2%), «Instagram» (42,5%) и «ВКонтакте» (49,2%).

Реальные фотографии используют 97,1% пользователей. Что касается добавления в друзья, то молодежь относится к этому с осторожностью и добавляет в основном только знакомых (мужчины — 52,7%; женщины — 44,4%), 52,4% женщин добавляют не только знакомых, но и представителей некоторых услуг (доставка товаров, интернет-магазины, салоны красоты и т. п.). Самостоятельным поиском друзей занимается мужская часть значительно больше, чем женская (25,5 и 1,6% соответственно).

В среднем, как мужчины, так и женщины общаются в сутки с 4–7 пользователями. Пересылают переписки «только в крайних случаях» 36,4% (мужчины) и 44,4% (женщины), а «иногда» пересылает переписку 43,6% мужской выборки и 41,3% женской. На вопрос о том, пересылают ли испытуемые переписки, носящие секретный характер, в большинстве был получен ответ о том, что таких переписок не ведется. Половина выборки не переживает за взлом аккаунта (54,17%), часть беспокоится, но очень редко (22,50%) и часть беспокоится иногда (22,50%).

С помощью анализа профиля мы получили данные о том, какую аватарку выбирают пользователи. По ряду аспектов были выделены определенные гендерные различия. Как мужчины, так и женщины (41,8 и 50,8% соответственно) в качестве аватарки выбирают портретную фотографию. У мужчин в 5,5% случаев наблюдается отсутствие главной фотографии (аватарки), среди женщин такой особенности сетевого поведения не выявлено. Чаще всего фотографии, на которых не видно собственное лицо, выкладывают женщины (19%). Среди мужских профилей достаточно часто (в 20% случаев) в качестве аватарки использована не собственная фотография.

Проверка гипотезы о влиянии определенных личностных черт на особенности сетевого поведения подразумевала проведение регрессионного анализа полученных данных. Одним из требований регрессионного анализа является отсутствие сильных корреляцион-

ных связей между независимыми переменными. Для решения проблемы мультиколлинеарности был проведен факторный анализ показателей шкал личностных опросников с использованием метода главных компонент (вращение факторных осей Varimax).

В результате факторного анализа выделено пять независимых фактора, которые в дальнейшем были использованы в качестве независимых переменных для проведения регрессионного анализа: «Экстраверсия», «Возбудимость», «Эмотивность», «Добросовестность» и «Педантичность».

В ходе регрессионного анализа выявлена взаимосвязь интенсивности сетевых коммуникаций с такими личностными детерминантами как Экстраверсия и Добросовестность: чем выше показатели Экстраверсии и Добросовестности у женщин, тем больше количество друзей, с которыми происходит регулярное общение в сети.

Выявлена взаимосвязь особенностей репрезентации личности в сети с такими факторами, как Эмотивность и Экстраверсия: чем выше показатели Экстраверсии у мужчин и женщин, тем чаще они используют личные фотографии в профиле социальной сети, и чем выше показатель Эмотивности у мужчин, тем чаще они делают репосты записей своих сетевых друзей.

Показано, что обеспокоенность собственной кибер-безопасностью и соблюдением этических норм связана с такими факторами, как Добросовестность у мужчин, Возбудимость и Экстраверсия у женщин: чем выше показатели Добросовестности у мужчин, тем реже они пересылают личную переписку с друзьями кому-либо, в том числе носящую секретный характер; чем выше показатели Экстраверсии и Возбудимости у женщин, тем чаще они пересылают кому-либо сообщения переписки, носящие секретный характер.

Обсуждение результатов

Социальные сети имеют широкое распространение в современном мире. Данные, которые пользователь выкладывает в открытый доступ, формируют его личный профиль, который может служить источником информации об особенностях его личности. Анализ сетевых пользователей представляет собой достаточно доступный и современный способ сбора данных для проведения психологического исследования.

Данные, полученные в результате нашего исследования, можно сопоставить с результатами исследования команды Михаила Ко-

сински (Kosinski, 2013, 2015), в ходе которого были выявлены связи языковых проявлений, свойственных пользователям социальных сетей с различными психологическими особенностями или определенными демографическими характеристиками. В нашем исследовании аналогично удалось выявить связь личностных особенностей и сетевого поведения пользователей.

Помимо этого, результаты основного исследования можно сопоставить с исследованием Д. Клюмпера (Kluemper, 2012), целью которого была проверка возможности на основе анализа профиля в социальной сети «Facebook» определить личностные особенности пользователя. Автор, как и мы, пришел к выводу о том, что ряд личностных особенностей отражается в сетевом поведении. Им также были получены данные о том, что высокие показатели Экстраверсии положительно связаны с количеством «друзей» у человека в социальной сети, а люди с высоким уровнем Доброжелательности проявляют осторожность в ведении сетевой переписки.

Таким образом, мы можем говорить о том, что ряд базовых свойств личности проявляется в различных особенностях сетевого поведения молодежи. Использование данных, полученных путем анализа социальных сетей для решения задач профайлинга, имеет под собой научную основу, и данный метод может рассматриваться как альтернативный или дополнительный источник информации о личности. Мы полагаем, что проведенное исследование является еще одним шагом к созданию методики или технологии, которые смогут выступать в качестве научно обоснованного инструмента диагностики личностных черт на основании анализа сетевого поведения человека. Технологии такого рода в настоящий момент крайне востребованы в кадровых службах, в правоохранительных структурах, а также могут выступать в качестве перспективного исследовательского инструмента.

Литература

- Барабанщиков В. А.* Экспериментальный метод в психологии // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 4–16.
- Данина М. М., Шалыпин А. А.* Социально-психологический аспект исследования социальных сетей в Интернете // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 19. С. 16–33.
- Ледовая Я. А., Тихонов З. В., Боголюбова О. Н.* Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения че-

- ловека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. № 3. С. 193–210.
- Корнилова Т. В.* и др. Методика диагностики личностных черт Темной триады: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 90–112.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф.* Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 138–154.
- Сергеева Ю.* Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. URL: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie>.
- Facebook Inc. Company Info // Facebook newsroom, 2018. URL: <https://newsroom.fb.com/company-info>.
- Kluemper D. H.* Social networking websites, personality ratings and the organizational context: more than meets the eye? / D. H. Kluemper, P. A. Rosen, K. W. Mossholder // Journal of Applied Social Psychology. 2012. V. 42. № 5. P. 1143–1172.
- Kosinski M., Matz S. C., Gosling S. D.* Facebook as a research tool for the social sciences // American Psychologist. 2015. V. 70. № 6.
- Kosinski M., Stillwell D., Graepel T.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. Т. 110. № 15. P. 5802–5805.

Personal determinants of youth network behavior

A. V. Khavylo, I. V. Lobankova
Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga

Personal network behavior is the source of psychological data of a new type. It is advisable to use “footprints” in social networks for psychological profiling tasks. The involvement of the population in social networks is growing every year and the network becomes a natural environment for humans. There is now a conceptual and technical capability, as well as the prospects for the use of network profiling as part of the provision of professional psychological selection.

Keywords: social networks, network profiling, forensic psychological examination, digital fingerprints, network behavior.

Временная перспектива и экономические аттитюды (сравнительное исследование представителей российской и японской молодежи)

Ю. В. Честюнина, Е. В. Забелина

Челябинский государственный университет, Челябинск
chestyunina@list.ru
katya_k@mail.ru

В статье проводится анализ результатов исследования, целью которого стало изучение специфики взаимосвязи временной перспективы и экономических аттитюдов у российской и японской молодежи. Исследование проводилось на выборке студентов региональных российского и японского университетов. Объем выборки составил 540 чел. В результате, в обеих выборках зафиксировано наибольшее количество взаимосвязей между экономическими аттитюдами и шкалой «Будущее». Было обнаружено, что восприятие своего прошлого как негативного у российских и японских студентов связано с негативными установками в сфере экономики и, наоборот, восприятие собственного прошлого как позитивного положительно связано с финансовым оптимизмом в обеих выборках. Наибольшую разницу во взаимосвязях экономических аттитюдов и временной перспективы между российскими и японскими студентами можно констатировать в представлениях о настоящем. Сравнительно большее количество связей между показателями временной перспективы и экономических аттитюдов у японских студентов может свидетельствовать о том, что они в большей степени ощущают влияние времени в экономическом поведении.

Ключевые слова: глобализация, временная перспектива, экономические аттитюды, российская молодежь, японская молодежь.

Изучение понятия «время» в современной науке стимулировало создание множества теорий, рассматривающих широкий круг проблем, в рамках которых анализируются взаимосвязь времени

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00201А.

и человека, а также порождаемая этой взаимосвязью особая реальность. Потребность в познании психологического времени и возможностей организации времени человека в условиях глобализации, роста темпа жизни и расширения пространства активной деятельности человека, с одной стороны, и развитие общих знаний о времени – с другой, обуславливают активизацию исследований этого феномена, его роли и значения в жизни человека, понимания его людьми из разных культур, отношения к нему и путей его оптимальной организации. Временная перспектива непосредственно объясняет то, как человек воспринимает свое настоящее, прошлое и будущее. В концепции Ф. Зимбардо (Зимбардо, Бойд, 2010) временная перспектива определяется как постоянная черта личности, включающая восприятие настоящего, прошлого и будущего, имеющая ситуационные характеристики, поскольку на нее могут воздействовать культурные, социальные, религиозные и возрастные особенности человека, его семейное и экономическое положение, уровень его образования и другие факторы.

Анализ современных процессов глобализации позволяет сделать вывод о разнонаправленности и множественности трактовок этого понятия. В. С. Жидков и К. Б. Соколов отмечают наличие пяти основных аспектов глобализации: информационный, политический, экономический, технологический, экологический (Жидков, Соколов, 2005). Все аспекты глобализации взаимосвязаны и оказывают влияние, как на восприятие времени, так и на восприятие экономической реальности. Усиление взаимозависимости в мире проявляется в формировании глобальной экономики и глобальной культуры. Следует подчеркнуть гомогенизирующее влияние глобальной культуры (распространение универсальных ценностей) на актуализацию интереса к локальному (национальные культуры, этнические особенности и т. д.) (Кононова, 2009). Исходя из этого, было инициировано исследование, целью которого стало изучение специфики взаимосвязи временной перспективы и экономических аттитудов у российской и японской молодежи. В рамках данного исследования авторы попытались ответить на вопрос о том, как восприятие времени (временная перспектива) связано с восприятием экономической реальности и различается ли эта связь в разных культурах в период глобализации.

Методы и методики исследования

Исследование временной перспективы проводилось с помощью методики Ф. Зимбардо «Опросник временной перспективы» в адаптации

А. Сырцовой (Сырцова, 2008). Данная методика направлена на диагностику системы отношений личности к временному континууму. Опросник включает пять основных показателей: фактор восприятия негативного прошлого, фактор восприятия позитивного прошлого, фактор восприятия гедонистического настоящего, фактор восприятия фаталистического настоящего и степень ориентации на будущее (наличие у личности целей и планов на будущее).

Выявление особенностей экономических аттитюдов проводилось с помощью «Опросника экономических аттитюдов» (Дейнека, Забелина, 2018). Опросник направлен на изучение проявлений экономико-психологической адаптации (Дейнека, 1999), которая находит отражение, в частности, в экономических аттитюдах. Для того чтобы комплексно охарактеризовать поле экономических аттитюдов личности, в него были включены различные сферы экономического поведения: собственника (отношение к деньгам, к собственности, сберегательное и инвестиционное поведение), потребителя, предпринимателя и наемного работника.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Исследование проводилось на выборке студентов региональных российского и японского университетов. Объем выборки составил 540 чел.: 293 студента в возрасте от 18 до 23 лет из России, из которых 75 юношей, 218 девушек, и 247 студентов-японцев, в возрасте от 18 до 24 лет, из которых 121 юноша, 126 девушек. Все студенты обучаются на очной форме факультетов гуманитарного направления: российские студенты – представители факультетов права, экономики, управления, журналистики, Евразии и Востока; японские студенты обучаются на факультетах общественных и гуманитарных наук (liberal arts and social study).

Описание и анализ полученных результатов

Результаты корреляционного анализа, выполненного отдельно в каждой выборке (русской и японской), показали следующее: шкала «Негативное прошлое», выражающая степень неприятия собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований, у российских юношей и девушек отрицательно коррелирует с ценностью самостоятельных экономических достижений ($r=-0,127$, $p=0,03$). Как у российской ($r=0,1$, $p=0,002$), так и у японской ($r=0,126$, $p=0,02$) молодежи неприятие собственного прошлого связано с негативным отношением к предпринимателям. У японских

юношей и девушек восприятие собственного прошлого как негативного положительно связано со стремлением к сбережению ($r=0,120$, $p=0,02$) и с осознанием потребительской иррациональности ($r=0,128$, $p=0,02$) и отрицательно коррелирует с уверенностью в будущем ($r=-0,173$, $p=0,002$) и финансовым оптимизмом ($r=-0,188$, $p=0,001$). Таким образом, можно предположить, что восприятие своего прошлого как негативного у российской и у японской молодежи связано с негативными установками в сфере экономики, побуждает студентов быть более осторожными, выбирать пассивные стратегии экономического поведения, а также может препятствовать активным действиям, связанным с риском (например, с открытием собственного дела).

Восприятие собственного прошлого как позитивного, как у российской ($r=0,184$, $p=0,002$), так и у японской ($r=0,180$, $p=0,001$) молодежи, положительно связано с финансовым оптимизмом. Степень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт способствует развитию, положительно коррелирует с убежденностью в том, что благотворительность (пожертвование средств) – это неотъемлемая часть богатства у японских ($r=0,168$, $p=0,002$) и у русских ($r=0,217$, $p=0,01$) девушек и юношей. Позитивное прошлое выступает ресурсом для финансовой деятельности и достижений в выборках обеих стран, при этом оно создает условия для работы в направлении общего социального благополучия, а не только индивидуального обогащения.

Представители японской молодежи, отличающиеся позитивным восприятием собственного прошлого, уверены в будущем, благодаря сбережениям ($r=0,121$, $p=0,02$), активны и рациональны в банковской сфере ($r=0,188$, $p=0,001$). Чем выше у японских юношей и девушек степень принятия собственного прошлого, тем больше они уважают людей, которые всего добились в жизни сами ($r=0,148$, $p=0,008$). Таким образом, позитивное восприятие прошлого у японской молодежи связано с активностью, рациональностью, уверенностью в экономической сфере. Возможно, здесь играет роль бережное отношение к своим традициям, за счет чего создается ощущение стабильности и уверенности в настоящем и будущем.

Шкала гедонистического настоящего у российских юношей и девушек не выявила связей с экономическими аттитюдами. В отличие от этого, представители японской молодежи, которые видят в настоящем позитив и необходимость наслаждаться текущим моментом, отличаются в экономической сфере готовностью инвестировать ($r=0,169$, $p=0,002$), активностью и рациональностью в бан-

ковской сфере ($r=0,128$, $p=0,02$) и в сфере недвижимости ($r=0,127$, $p=0,02$). Чем выше у японских юношей и девушек показатель гедонистического отношения к настоящему, тем больше они уважают людей, которые всего добились в жизни сами ($r=0,263$, $p=0,001$). Также для представителей японской молодежи с гедонистическим восприятием настоящего характерен финансовый оптимизм ($r=0,141$, $p=0,01$), осознание потребительской иррациональности ($r=0,141$, $p=0,01$) и убежденность в том, что благотворительность (пожертвование средств) — это неотъемлемая часть богатства ($r=0,217$, $p=0,001$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что гедонистическое восприятие настоящего связано у японских юношей и девушек с активностью, рациональностью, оптимизмом, благотворительностью и уважением к чужим заслугам. Можно предположить, что «рациональный» гедонизм и жизнь «здесь-и-теперь» характерна для японцев как культурная черта, а социальные и экономические условия в Японии способствуют этому (низкие проценты по кредитам на образование, востребованность молодых специалистов, высокий уровень заработной платы и др.).

У российских юношей и девушек восприятие настоящего как фаталистического, при котором оно видится независимым от воли личности, изначально predetermined, а личность как подчиненная судьбе, отрицательно связано с ценностью самостоятельных достижений ($r=-0,148$, $p=0,01$). Таким образом, можно сформулировать предположение о том, что вера российской молодежи в фатализм лишает желания проявлять самостоятельность. Иные связи с «фаталистическим настоящим» зафиксированы у японцев. Представители японской молодежи, которые видят настоящее predetermined, характеризуются стремлением к сбережению ($r=0,187$, $p=0,001$), уверенностью в будущем благодаря сбережениям ($r=0,115$, $p=0,03$), финансовой грамотностью ($r=0,122$, $p=0,02$), готовностью инвестировать ($r=0,141$, $p=0,01$), осознанием потребительской иррациональности ($r=0,209$, $p=0,001$). Чем больше у японских юношей и девушек выражено «фаталистическое настоящее», тем выше у них выражена готовность работать за большой доход, даже в ущерб своему здоровью ($r=0,134$, $p=0,01$) и призванию ($r=0,155$, $p=0,005$). Японской молодежи, убежденной в фатализме происходящих событий, свойственна уверенность в том, что благотворительность (пожертвование средств) — это неотъемлемая часть богатства ($r=0,132$, $p=0,01$). Таким образом, фатализм как философия жизни японцев не ограничивает их в экономической сфере, а, напротив, готовит их к жизни в любых условиях, что проявляется в желании усердно работать, даже в ущерб

своему здоровью и призванию, в стремлении откладывать сбережения, инвестировать, развивать финансовую грамотность.

Как у российской ($r=0,228$, $p=0,001$), так и у японской ($r=0,229$, $p=0,001$) молодежи фаталистическое восприятие настоящего связано с негативным отношением к предпринимателям. Вероятно, убежденность в собственном бессилии над жизненными событиями порождает непонимание и недоверие к предпринимательству как к деятельности, направленной на преодоление внешних обстоятельств и самостоятельное управление своей жизнью.

Юноши и девушки из России, ориентированные на будущее, отличаются большей финансовой грамотностью ($r=0,140$, $p=0,01$) и финансовым оптимизмом ($r=0,136$, $p=0,02$). Чем выше у представителей российской молодежи выражена ориентация на будущее, чем больше у них целей и планов, тем более для них характерна уверенность в будущем, благодаря сбережениям ($r=0,168$, $p=0,005$). Таким образом, временная перспектива будущего у российской молодежи связана с образованием в финансовой сфере.

У японских юношей и девушек ориентация на будущее связана со стремлением к сбережениям ($r=0,116$, $p=0,03$), рациональностью покупок ($r=0,209$, $p=0,001$), потребительской активностью ($r=0,223$, $p=0,001$) и ценностью самостоятельных достижений ($r=0,242$, $p=0,001$). Чем выше у представителей японской молодежи выражена ориентация на будущее, чем больше у них целей и планов, тем менее для них характерна убежденность в том, что делать банковские вклады бессмысленно, так как все проценты «съедает» инфляция ($r=-0,139$, $p=0,01$). Таким образом, представления о будущем у японских юношей и девушек ассоциируются, прежде всего, с рациональным потреблением и накоплением сбережений.

Как у российской ($r=0,137$, $p=0,02$), так и у японской ($r=0,136$, $p=0,01$) молодежи ориентация на будущее связана с активностью и рациональностью в банковской сфере. Ориентированные на будущее студенты обеих стран задумываются о том, как более выгодно формировать сбережения.

Выводы

Таким образом, подводя итоги вышеизложенного, можно сделать ряд выводов относительно взаимосвязи временной перспективы с восприятием экономической реальности, характерной как для японской, так и для российской молодежи. Во-первых, восприятие своего прошлого как негативного, полного боли и разочарований как у россий-

ской, так у японской молодежи, связано с негативными установками в сфере экономики и побуждает молодых людей быть более осторожными, выбирать пассивные стратегии экономического поведения. Во-вторых, восприятие собственного прошлого как позитивного, наоборот, как у российской, так и у японской молодежи, положительно связано с финансовым оптимизмом и может рассматриваться как ресурс для финансовой деятельности и достижений. В-третьих, в обеих выборках больше всего взаимосвязей экономических аттитюдов зафиксировано со шкалой будущее, что подтверждает наблюдения о мотивационном потенциале будущего (Нюттен, 2004) в экономическом поведении. В обеих выборках ориентация на будущее связана с активностью и рациональностью в банковской сфере, а также ассоциируется с образованием в финансовой сфере.

Наряду с общими моментами, можно констатировать и различия во взаимосвязи временной перспективы и экономических аттитюдов у российской и японской молодежи. Наибольшую разницу между российскими и японскими студентами можно констатировать по отношению к настоящему. Если шкала «гедонистического настоящего» у российских юношей и девушек никак не связана с экономическими аттитюдами, то у японских юношей и девушек она связана с активностью, рациональностью, оптимизмом, благотворительностью и уважением к чужим заслугам. Российские и японские студенты совершенно по-разному воспринимают фаталистическое настоящее. Если для российской молодежи вера в фатализм – это повод не проявлять никаких самостоятельных усилий, то для жителей Японии фатализм как философия жизни не ограничивает их в экономической сфере, а, напротив, готовит их к жизни в любых условиях, что проявляется в желании работать даже в ущерб своему здоровью и призванию, в стремлении формировать сбережения, инвестировать, развивать финансовую грамотность и пр.

Выявленные различия между японской и российской выборками позволяют сделать вывод о том, что глобализация в экономической сфере носит внешний характер, не затрагивая глубинный культурный и психологический пласт. Особенно ярко эти различия проявились в отношении к настоящему – фаталистическому и гедонистическому, в котором видны признаки культурных традиций изучаемых народов. Выявленные взаимосвязи временной перспективы (особенно перспективы будущего) и экономических аттитюдов позволяют делать вывод о психологическом времени как ресурсе личности, обуславливающим различные стратегии ее поведения, в том числе в экономической сфере. Данная взаимосвязь имеет важ-

ное практическое значение – через коррекцию временной перспективы (восприятие своего прошлого как позитивного, планирование будущего и осознание возможностей в настоящем) молодые люди могут проявлять себя более эффективно как агенты экономической реальности.

Литература

- Дейнека О. С.* Экономическая психология: социально-психологические проблемы. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Дейнека О. С., Забелина Е. В.* Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.05.2019).
- Жидков В. С., Соколов К. Б.* Искусство и общество. СПб.: Алетейя, 2005.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Кононова Т. М.* Взаимодействие культур и трансформации культурных универсалий в глобальной информационной цивилизации // Социально-культурная деятельность в региональном пространстве: тенденции, процессы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2009. С. 19.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
- Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

Time perspective and economic attitudes (comparative research of the russian and japanese youth)

Yu. V. Chestyunina, E. V. Zabelina
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

In the paper, the results of the study of the specifics of correlations of time perspective and economic attitudes at the Russian and Japanese youth are carried out. The research was conducted on the sample of students (N=540) from the regional Russian and Japanese universities. As a result, in both samples the greatest number of interrelations between economic attitudes and a scale “Future” was found. It was revealed that perception of the past

as negative at the Russian and Japanese students associated with negative attitudes in the sphere of economy and, on the contrary, perception of past as positive associated with financial optimism in both groups. The greatest difference in correlations of economic attitudes and time perspective between the Russian and Japanese students was shown in regards to the present. More associations between indicators of time perspective and economic attitudes at the Japanese students demonstrate that they feel more influence of time in economic behavior.

Keywords: globalization, time perspective, economic attitudes, Russian youth, Japanese youth.

Субъективная оценка уровня дохода людьми пенсионного возраста в условиях стареющего общества

Ю. В. Честюнина, Я. Н. Сизова, М. В. Овчинников

Челябинский государственный университет, Челябинск
chestyunina@list.ru
sizoval59@yandex.ru
psy@csu.ru

Исследование посвящено изучению роли объективных факторов в субъективной оценке уровня дохода людьми пенсионного возраста. Рост числа лиц старшего поколения актуализирует вопросы улучшения уровня их жизни, благополучия, одним из важных аспектов которого является субъективная оценка доходов. Проведенное исследование и полученные в результате данные позволяют заключить, что самооценка материального благополучия складывается не из внешних, объективных переменных (рабочий статус, уровень образования, состояние здоровья), а зависит от других показателей, личностных особенностей, субъективного восприятия собственной жизни. Подробное изучение факторов, влияющих на самооценку пенсионерами экономического благополучия, способствует созданию механизмов положительной оценки индивидом окружающей его социально-экономической среды.

Ключевые слова: стареющее общество, оценка уровня дохода, пенсионный возраст, рабочий статус, субъективное благополучие.

Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения является серьезной и актуальной проблемой на сегодняшний день, порождающей ряд последствий социального и экономического характера. Модель демографического старения общества предполагает сокращение рождаемости с одновременным увеличением продолжительности жизни. Стареющему обществу характерны дисбаланс соотношения между числом работающих и неработающих людей, а также рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание. К 2050 г., согласно про-

---

Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 19-013-00447.

гнозам Организации Объединенных Наций, 22% всего населения будут пенсионерами, а в развитых странах на каждого работающего индивида будет приходиться по пенсионеру.

Рост числа людей пенсионного возраста актуализирует вопросы улучшения уровня жизни лиц старшего поколения, благополучия пожилых людей. Важными показателями благополучия населения старшего возраста являются: состояние здоровья, возможности трудовой активности, соблюдение его прав в разных сферах, включенность в социум, а также уровень доходов и его субъективная оценка. Л. И. Анцыферова среди внутренних условий, влияющих на качество развития в поздние годы, выделяет целый перечень таких особенностей. Это – «сохранение и дальнейшее развитие прежней позитивной, хорошо организованной идентичности, сохранение и реализация своей позиции субъекта жизни, уверенность в себе, рост способности к самоанализу и саморефлексии; способность расширять свое будущее за счет постановки лично значимых целей, предуготовленности к антиципируемым событиям, умение противостоять навязываемым социумом негативным мнениям» (Анцыферова, 2001, с. 98).

Субъективные индикаторы качества жизни индивида предполагают оценку последней степени собственной удовлетворенности жизнью. В основе самооценки собственного уровня дохода могут быть, с одной стороны, объективная жизненная ситуация, реальное положение дел и, с другой стороны, личностные характеристики субъекта, особенности его восприятия происходящих событий. Р. М. Шамионов отмечает, что чувство богатства и чувство бедности в большей степени субъективны, связаны, прежде всего, с уровнем личной удовлетворенности жизнью, с субъективным благополучием субъекта, нежели с реальным финансовым положением (Шамионов, 2008). Исследуя проблему бедности, К. Муздыбаев отмечает, «субъективное чувство бедности способствует формированию специфической самоконцепции личности (восприятия себя, своего социального статуса и т. п.), особых социальных ожиданий и аттитюдов людей» (Муздыбаев, 2001, с. 6). Актуальность изучения представлений людей о собственном материальном положении обусловлена тем, что данные представления опосредуют повседневное экономическое поведение, определяя личностную направленность, мировоззрение, систему ценностей человека (Хашенко, 2004).

Целью данного исследования является определение субъективной оценки доходов людьми пенсионного возраста, а также ее связи с рядом объективных показателей: рабочий статус, уровень образования и состояние здоровья. Объем выборки исследования составил

164 чел., средний возраст респондентов – 67 лет. Среди принявших участие в исследовании были 50 мужчин, 100 женщин и 14 чел., которые не указали свой пол. Для определения степени личной удовлетворенности уровнем дохода людьми пенсионного возраста применялась модифицированная шкала уровня субъективного дохода Фенэма в адаптации О. С. Дейнека. Респондентам предлагалось оценить уровень своего дохода по семибалльной шкале: «свожу концы с концами», «низкий», «ниже среднего», «средний», «выше среднего», «высокий», «очень высокий». Переменная «уровень образования» включала ответы: «начальное», «общее среднее», «среднее профессиональное», «высшее». Переменная «рабочий статус» включала следующие ответы: «официально трудоустроен», «работаю неофициально», «работаю неполный день», «подрабатываю время от времени», «не работаю». С целью сравнения имеющихся распределений между собой были построены таблицы сопряженности и вычислены коэффициенты сопряженности Пирсона.

Подвергнув анализу полученные результаты исследования уровня собственного дохода людей пенсионного возраста, можем отметить, что среди ответов преобладает вариант «средний» (4% опрошенных пенсионеров). Данную оценку собственных доходов можем интерпретировать как приемлемый: денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды. 43% респондентов оценивают свои доходы на уровне физиологического существования: денег с трудом хватает на продукты питания, коммунальные расходы, необходимые лекарства (31% – уровень доходов «ниже среднего», 12% – уровень доходов «низкий»). Сводят концы с концами, денег не хватает даже на продукты питания шести процентам опрошенных пенсионеров. Следует отметить, что 5% опрошенных лиц пожилого возраста оценивают уровень собственного дохода выше среднего, а 2% опрошенных – как высокий и очень высокий, т. е. как достаточный, чтобы ни в чем себе не отказывать.

Таким образом, исследование показало, что примерно у половины опрошенных пенсионеров получаемых доходов с трудом хватает лишь на физиологическое обеспечение собственного существования. Следующий вопрос, который был задан в анкете, связан с оценкой собственного рабочего статуса. На сегодняшний день отмечается тенденция уменьшения процента работающих пенсионеров, тем не менее, согласно полученным данным, 44% респондентов отвечают, что имеют постоянную работу, а 10% – подрабатывают время от времени. На вопрос о наличии работы 46% опрошенных ответили, что не работают.

В результате проведенного исследования взаимосвязи между рабочим статусом и субъективной оценкой уровня дохода не было обнаружено значимой связи ($\chi^2=4,796$, $p=0,964$). То есть вне зависимости от наличия или отсутствия работы пенсионеры по-разному оценивают степень собственного дохода. Наличие работы не всегда обеспечивает как реальное материальное благополучие, так и субъективную удовлетворенность жизнью. Кроме заработной платы на уровень доходов пенсионеров могут влиять пенсия и наличие материальной помощи от родственников и близких людей. Также люди пенсионного возраста могут иметь личные накопления и дополнительные источники дохода (натуральный доход от продуктов, выращенных на даче или в подсобном хозяйстве, аренда жилья и др.).

Следующий этап исследования заключался в изучении связи удовлетворенности пенсионеров собственными доходами с уровнем их образования. Качество и уровень образования расценивается в современном мире как важнейший ресурс в развитии личности и ее творческого потенциала, рассматривается как один из факторов социальной и экономической эффективности и конкурентоспособности (Антипьев, Маркова, 2011). Среди опрошенных людей пенсионного возраста почти половина имеет высшее образование (48%), треть респондентов отмечает, что имеет среднее профессиональное образование (35%), и пятая часть респондентов оказались со средним общим и начальным образованием (12 и 5% соответственно). В данном исследовании взаимосвязь между субъективной оценкой пенсионерами своего дохода и уровнем образования не была обнаружена ($\chi^2=23,029$, $p=0,189$). Это свидетельствует о том, что наличие того или иного образования не способно обеспечить личность ресурсами, необходимыми для изменения особенностей субъективного восприятия уровня своего дохода. Данный вывод подтверждается результатами, полученными в исследовании Ю. Р. Чистякова, И. А. Гартмана, О. А. Забродоцкой, где отмечается, что «доходы в большей степени зависят от принадлежности к той или иной сфере деятельности, чем от уровня образования» (Чистяков, Гартман, Забродоцкая, 2012, с. 431).

В исследовании Л. А. Поповой и Е. Н. Зориной отмечается тесная связь занятости пенсионеров Республики Коми с возрастом и уровнем образования (Попова, Зорина, 2015). Подвергнув анализу полученные нами результаты, также можем отметить взаимосвязь между уровнем образования респондентов и рабочим статусом ($\chi^2=14,511$, $p=0,02$). Среди работающих пенсионеров 23% имеют высшее образование, 15% – среднее профессиональное, а 6% – среднее общее

образование. В группе респондентов, ответивших, что подрабатывают время от времени, 3% опрошенных имеют среднее профессиональное образование и 7% – высшее профессиональное образование. Среди респондентов без профессионального образования 11% не работают (5% опрошенных имеют начальное образование, 6% – среднее общее образование). 17% пенсионеров со средним и 18% с высшим профессиональным образованием отмечают, что не работают на данный момент. Так, трудовая активность пожилых людей обусловливается уровнем образования пенсионеров. Продолжающаяся трудовая деятельность лиц пенсионного возраста предоставляет возможность приносить пользу своим близким и обществу, является одним из способов увеличения уровня их доходов.

Также нами была изучена взаимосвязь между субъективной оценкой личного дохода и состоянием здоровья респондентов (субъективная оценка). Результаты, полученные в ходе анкетирования, свидетельствуют об удовлетворительной самооценке состояния здоровья большей частью опрошенных пенсионеров (66%). Плохое и очень плохое состояние собственного здоровья отмечает меньшее число участников опроса (13 и 1% соответственно). Среди респондентов 22% считают свое здоровье хорошим и отличным (20 и 2% соответственно). При статистическом анализе связи между самооценкой материального благополучия и оценкой состояния собственного здоровья значимых связей выявить не удалось ($\chi^2=18,379$, $p=0,784$).

Полученные данные говорят о том, что субъективная оценка уровня дохода складывается не из рассматриваемых внешних, объективных переменных (рабочий статус, уровень образования, состояние здоровья), а, скорее всего, связана с личностными особенностями людей, определяется внутренними факторами, субъективным восприятием своей жизни. Исходя из этого, можем предположить, что самооценка экономического благополучия, ощущение бедности или ощущение богатства являются субъективно обусловленными, связаны с индивидуальными особенностями человека. И. О. Корошко указывает, что уровень удовлетворенности собственной жизнью не меняется при росте доходов, «полностью удовлетворенные жизнью люди встречаются и среди наиболее бедных слоев населения, которые адаптировались к обстоятельствам своей жизни, свыклись с социальной незащищенностью и неспособностью изменить ситуацию» (Корошко, 2009, с. 330). Р. М. Шамионов подчеркивает, «что не только субъективное благополучие связано с экономическим положением субъекта, но и экономическое положение связано с субъективным благополучием» (Шамионов, 2008, с. 96). Подробное

изучение факторов, влияющих на самооценку пенсионерами экономического благополучия, позволит создать механизмы положительной оценки индивидом окружающей его социально-экономической среды, что, в свою очередь, приведет к снятию социального напряжения и активной социальной и профессиональной самореализации людей позднего возраста.

Данные выводы являются предпосылкой дальнейшего эмпирического исследования субъективного благополучия и жизненных ценностей у представителей старшего поколения в стареющем обществе. Ожидаемые в ходе исследования результаты позволят создать методы работы с представителями пенсионного возраста, максимально учитывающие их потребности, интересы, представления и ценности, способствующие их гармоничной интеграции в экономические отношения.

Литература

- Антипьев А. Г., Маркова Ю. С.* Основные тенденции развития образования в глобализирующемся мире // Вестник Пермского университета. Сер. «Философия. Психология. Социология». 2011. № 3 (7). С. 116–122.
- Анциферова Л. И.* Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 86–99.
- Корокошко И. О.* Влияние уровня дохода на субъективное благополучие личности (обзор отечественных и зарубежных социально-психологических исследований) // Психология XXI века: сборник материал V Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2009. С. 330–335.
- Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 5–32.
- Попова Л. А., Зорина Е. Н.* Уровень жизни пенсионеров республики Коми: динамика показателей и субъективные оценки // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (22). 2015. С. 110–118.
- Хащенко В. А.* Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 32–49.
- Чистяков Ю. Р., Гартман И. А., Забродецкая О. А.* Связь уровней образования и дохода: причины и последствия несоответствия // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1 (09).

Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.

Subjective assessment of the level of income of pensioners in an ageing society

Yu. V. Chestyunina, Ya. N. Sizova, M. V. Ovchinnikov
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

The research is devoted to the study of the role of objective factors in the subjective assessment of the income level of people of retirement age. The increase in the number of the older generation actualizes the issues of improving their standard of living, well-being, one of the important aspects of which is the subjective assessment of income. The study and the resulting data suggest that the self-assessment of material well-being does not consist of external, objective variables (working status, level of education, health status) but depends on other indicators, personal characteristics, subjective perception of one's own life. A detailed study of the factors affecting the self-assessment of pensioners economic well-being contributes to the creation of mechanisms for a positive assessment of the individual's social and economic environment.

Keywords: aging society, income assessment, retirement age, working status, subjective well-being.

Раздел VI

ЛИЧНОСТЬ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ: ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ

Характеристика внутренней картины дефекта у младших школьников с нарушениями зрения

Т. Н. Адеева

Костромской государственный университет, Кострома
adeeva.tanya@rambler.ru

Статья посвящена проблеме развития личности в условиях дизонтогенеза. Анализируется феномен внутренней картины дефекта (ВКД) младших школьников с нарушениями зрения как фактор и механизм личностного развития. Внутренняя картина дефекта понимается как составляющая Я-концепции личности. Предполагается, что специфика компонентов ВКД в соотношении с личностными и социальными факторами позволит определить особенности развития личности, возможные проблемы адаптации. Физический компонент ВКД содержит противоречия, выражающиеся в недостаточной оценке детьми ограничений в повседневной деятельности. Эмоциональный компонент представлен двумя вариантами реагирования: игнорированием дефекта и компенсаторной реакцией. Мотивационный компонент имеет содержательную специфику в группе детей с тяжелыми нарушениями зрения, характеризуется наличием мотива выздоровления. Определены варианты личностных профилей детей, связанные с содержанием компонентов внутренней картины дефекта.

Ключевые слова: внутренняя картина дефекта, нарушения зрения.

Актуальность исследования проблемы внутренней картины дефекта обусловлена необходимостью изучения специфики развития личности в условиях дизонтогенеза, поиска факторов, влияющих на развитие личности, социальную адаптацию и самореализацию людей с ограниченными возможностями здоровья, определения ими

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00768а.

жизненных целей, построения жизненного пути. Социальная интеграция и активность личности, в числе прочих детерминант, определяются особенностями формирования самосознания, Я-концепции личности. Специфика ситуации ограниченных возможностей здоровья характеризуется высокой значимостью и взаимовлиянием биологических, социальных, психологических условий развития личности, находящих свое отражение, в том числе, в феномене внутренней картины дефекта (ВКД). Понимая вслед за Л. И. Анцыферовой развитие как «системно-целостный процесс», важно определить факторы, способствующие выходу личности как системы на новый, вероятно, более высокий, интегрированный уровень функционирования (Анцыферова, 1978). Являясь внутриличностной структурой, внутренняя картина дефекта одновременно рассматривается как механизм развития личности и как фактор, способствующий или препятствующий успешной адаптации и преодолению (профилактике) рисков развития. Как внутриличностная структура ВКД должна иметь определенные этапы формирования, связанные с этапами онтогенеза; а также полидетерминируемые уровни, варианты развития, взаимосвязанные с особенностями адаптации личности.

Основопологающими для исследования стали положения о системном характере нарушений, социальной природе дефекта (Выготский, 1983), принцип развития как базового способа существования психики, положение о непрерывности, безграничности, сложной детерминации процесса развития посредством преломления внешних воздействий через внутренние условия (Анцыферова, 1978, 2006), а также положения концепции о внутренней картине болезни (Николаева, 1987).

Анализ научных работ показал некоторую односторонность и эпизодичность исследований. Чаще всего изучение ВКД идет через изучение Я-концепции личности. Во многих случаях основное внимание уделяется эмоциональному компоненту Я-концепции и ВКД определяется как вариант реакции на дефект (Гайдукевич, 2011). В ряде работ соотносится самооценка и степень выраженности нарушения развития, исследуется влияние личностных и социальных факторов на становление самооценки (Быкова, Тихомирова, Кинс, 2017; Bowen, 2010; Papadopoulos, 2014; Pinguart, Pfeiffer, 2013). Небольшое количество исследований посвящено особенностям ВКД при различных вариантах дизонтогенеза (Быкова, Тихомирова, Кинс, 2017; Черепкова, 2011). В целом отмечена недостаточная системность исследований в данной области и, часто, противоречивость результатов.

В данном исследовании ВКД понимается как составляющая Я-концепции, особенности ВКД должны иметь отражение в компонентах Я-концепции. ВКД понимается как комплекс представлений, знаний, переживаний субъекта по поводу имеющегося дефекта. Исследование имело несколько задач: определение особенности Я-концепции детей с нарушениями зрения; изучение содержания компонентов ВКД, выявление индивидуально-личностных характеристик ребенка, возможно, влияющих на специфику ВКД. Работа является частью большого исследования, представлена часть результатов.

Выборку исследования составили 30 чел. — дети младшего школьного возраста с нарушениями зрения (25 чел. слабовидящие, острота зрения которых — 0,05–0,2; практически слепые с остротой зрения до 0,04–5 чел.). Средний возраст — 9 лет. Исследование проводилось индивидуально.

Используемые методики: методика «Расскажи о себе» А. М. Щетининой (2000); беседа «Изучение внутренней картины дефекта» Т. Н. Адеевой (2018); Детский многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (адаптация Э. М. Александровской, И. Н. Гильяшевой, 1978).

Ответы детей обработаны с использованием метода контент-анализа, кластерного анализа.

Определены следующие особенности Я-концепции детей с нарушениями зрения. Физический компонент: у младших школьников сформировано, в целом, положительное представление о своих физических характеристиках. Только 17% детей обращают внимание на собственную медлительность, неловкость, затрудненность движений. При оценке Я-деятельностного 42% респондентов отрицают возможность справиться с любым видом деятельности без посторонней помощи, 5% респондентов выражают сомнения, а 53% детей полностью уверены в собственных силах.

Высокий уровень самооценки, самопринятия отмечен у 33,3% младших школьников. Он проявляется в позитивной оценке ребенком всех сторон своего «Я» как с собственной позиции, так и с позиций других людей. Средний уровень самооценки определяется примерно у 50% детей. Большую часть сторон образа «Я» ребенок осознает с позитивной позиции и лишь отдельные качества считает в себе плохими. Низкий уровень самооценки, когда преобладает негативно-эмоциональный тон оценки себя и ребенок ссылается на низкую оценку его качеств взрослыми, отмечен у 16,7% детей.

Высокий уровень осознания своего «Я», характеризующийся возможностью самостоятельно (или с незначительной помощью взрос-

лого) называть и аргументировать те или иные качества своего «Я», отмечен примерно у 75% младших школьников с нарушениями зрения. Низкий уровень осознания собственного «Я», проявляющийся трудностями характеристики себя, отсутствием аргументации ответов, отмечен примерно у 25% младших школьников с нарушениями зрения.

Далее была определена специфика компонентов внутренней картины дефекта младших школьников с нарушениями зрения. Сенситивный компонент: большинство детей отмечает хорошее самочувствие, отсутствие дискомфорта, периодическую утомляемость от физических нагрузок. Страхи детей носят, скорее, возрастной характер или связаны с личностными особенностями, прошлым опытом (страх темноты, высоты, болезни). Примерно у 30% детей присутствуют такие ответы: *«...боюсь, когда живот болит... Испугалась ночью, когда я заболела, высокая температура была»*. Около 10% детей отмечают страх внешних воздействий: *«Боюсь песен громких, и когда пугают...»*.

В большинстве случаев младшие школьники с нарушением зрения оценивают свое физическое состояние (физический компонент) как хорошее, характеризуют себя как достаточно сильных, ловких, быстрых. Около 22% детей указывают на собственную медлительность и трудности выполнения повседневной деятельности. Противоречия в характеристике физического компонента проявляются при определении детьми ограничений, с которыми они сталкиваются. Даже при наличии выраженных зрительных нарушений 42% детей отдают предпочтения подвижным играм, отрицают трудности ориентировки и передвижения в пространстве. В то же время более 50% детей отмечают, что не играют в подвижные игры, выбирая для себя настольные, сюжетно-ролевые или компьютерные игры. Школьники объясняют выбор невозможностью выполнить игровые действия страхом получить травму, реже – отсутствием интереса к подвижным играм. Достаточно типичны такие ответы, в которых объясняется, почему ребенок не играет в подвижные игры: *«в прятки, не успеваю спрятаться и нехорошо ишу»* (мальчик, 8 лет); *«в догонялки, потому что я медленная и нагрузка большая»* (девочка, 9 лет); *«в жмурки, ориентироваться не могу с закрытыми глазами, мне надо что-то трогать»* (девочка, 8 лет).

У младших школьников с нарушениями зрения наибольшие затруднения (26% опрошенных) наблюдаются при выполнении физических упражнений (прыжки, приседания), требующих удержания равновесия и координации движений. Некоторые дети указывают

на трудности в обучении: *«Не успеваю делать упражнения по русскому языку»*. Причины своих неудач дети либо затрудняются назвать, либо связывают их с отсутствием двигательных умений и сложностью предъявляемых заданий. Ни один ребенок не связывает имеющиеся у него трудности со зрительной патологией.

Когнитивный компонент: около 60% детей имеют общие представления о причинах возникновения зрительных нарушений, в большинстве случаев связывая их с негативным воздействием различных технических средств, с воздействием яркого света: *«Если на солнце долго смотреть, ослепнешь, или фонариком светить в глаза»*. Также объясняют нарушения зрения повышенной нагрузкой на глаза. Почти 70% детей могут довольно точно назвать причину нарушения, функциональный или органический дефект: *«У меня в правом глазу нет хрусталика»*, *«Подхватил болезнь — воспаление»*, *«Глаз косит правый»*.

Основным видом профилактики дети традиционно считают ограничение использования персональных технических средств, а эффективными коррекционными средствами называют операцию, использование очков, выполнение лечебных мероприятий и посещение врача.

Наименьшую осведомленность младшие школьники с нарушениями зрения обнаруживают в сфере знаний об ограничениях, связанных с дефектом. Дети не называют особенностей зрительного режима при выполнении какой-либо деятельности, почти 80% детей выбирают профессии, основываясь на собственном интересе, не учитывая специфики деятельности. Например, выбирают профессии парикмахера, полицейского, пожарного: *«Парикмахером. Смогу, я уже маму заплетаю»*. Такая оценка своих возможностей связана, скорее, с возрастом детей.

В процессе изучения эмоционального компонента ВКД были выявлены некоторые особенности отношения ребенка к существующему у него зрительному нарушению. Интересно, что только дети, имеющие выраженное нарушение зрения, в характеристике своих отличий упоминают о здоровье: *«Я как все, но по здоровью не очень»*, *«ростом, зрением отличаюсь»*. Этот тип реакции на зрительный дефект можно назвать компенсаторным. Дети осознают наличие у себя нарушения, чувствуют его влияние на свою деятельность, но стремятся восполнить имеющиеся недостатки с помощью сохранных возможностей. В первую очередь, делая упор на свое интеллектуальное и личностное развитие.

Большая часть детей указывает только на внешние отличия: *«кожей, волосами»*, *«нос кривой»*. Многие дети указывают на индивиду-

альные качества личности, такие как ум, характер или способности (тонкий слух). Около 30% младших школьников отмечают отличия в интересах, например, «люблю спортом заниматься». Слабовидящие школьники не находят у себя значимых отличий от других людей. Они считают себя обычными, достаточно физически и интеллектуально развитыми, здоровыми. Около 25% слабовидящих младших школьников полностью довольны собой и не хотят ничего менять в себе, а еще 25% слабовидящих младших школьников изъявляют желание изменить состояние своего здоровья: «сделать операцию на глаза», «редко болеть», «быть здоровым», «хотел бы вернуть зрение, походку». У слабовидящих детей по отношению к своему дефекту, в большинстве случаев, наблюдается личностная реакция по типу игнорирования. Такой тип реакции, возможно, обусловлен недостаточной критичностью мышления в данном возрасте, степенью проявления дефекта. Кроме того, значимым фактором, влияющим на формирование данного варианта отношения, может являться социальный фактор. Дети обучаются в школе для людей со зрительными нарушениями, где физическая среда и процесс взаимодействия построены с учетом потребностей ребенка со зрительной патологией.

Мотивационный компонент ВКД был изучен в финальной части опроса. Исследование показало, что всех детей устраивает их настоящее место учебы, и они хотели бы продолжать обучение в данной школе. А также школьники стремятся осваивать и другие виды деятельности: спорт, музыку, творчество, что указывает на формирование определенной мотивации у детей и их стремление к индивидуальному, личностному и физическому развитию.

Одним из основных вопросов беседы является вопрос о скрытых желаниях детей. Полученные ответы показали, что большинство детей беспокоит их материальное благополучие. Они желают обеспечить себя новыми вещами, игрушками и денежными средствами. Лишь около 25% опрошенных упоминают об имеющемся дефекте зрения и выражают желание избавиться от него.

Изучение личностных особенностей детей показало следующие результаты. При подсчете средних значений факторов по методике Р. Кеттелла выявлены наибольшие показатели по факторам Е (доминирование, независимость – 6,5), F (беспечность, веселость – 6), I (чувствительность, зависимость – 6), Q (тревожность – 6,2), Q4 (напряженность, фрустрированность – 7). Наблюдаемый личностный профиль довольно противоречив. С одной стороны, дети демонстрируют высокую активность, стремление к лидерству, доминированию. С другой стороны, высокие показатели по факторам Q, Q4

свидетельствуют о трудностях реализации энергии, наличии большого количества опасений, ожидании неудач. На основе результатов статистической обработки данных методики Р. Кеттелла с помощью кластерного анализа, всех опрошенных можно разделить на два кластера (группы). Первую группу составили 17 чел., вторую — 10 чел. Дети с более выраженными нарушениями зрения преимущественно вошли в первую группу (4 чел.). Во втором кластере преобладают более высокие значения по факторам С (уверенность), Н (социальная смелость), Q3 (самоконтроль). Одновременно наблюдаются более низкие показатели по факторам F (беспечность, веселость), D (не терпеливость, реактивность). Данный факт, на первый взгляд, может свидетельствовать о более высоком потенциале социальной адаптации в данной группе респондентов. Далее в работе была предпринята попытка определения специфики компонентов ВКД у детей разных групп. Здесь не получено однозначных результатов, подтверждающих большие возможности успешности социальной адаптации детей второй группы. Не выявлено значительных расхождений при характеристике детьми обеих групп физического и сенситивного компонентов ВКД. Большинство школьников положительно оценивают свое соматическое состояние и индивидуальные физические качества. При сравнении содержания когнитивного компонента у респондентов обеих групп отмечено, что большинство опрошенных первой группы осведомлены о конкретных причинах собственного зрительного дефекта. У детей второй группы знания о причинах зрительной патологии носят более стереотипный характер, связываются детьми с воздействием различных технических средств: компьютера, планшета, телефона. Эмоциональный компонент ВКД: реакция по типу компенсации более характерна для детей первой группы, что связано с выраженностью дефекта. Реакция по типу игнорирования наблюдается преимущественно во второй группе (75% респондентов группы). Содержание мотивационного компонента в первой группе более разнообразно, включает в себя материальный мотив, мотив здоровья, мотив получения «суперспособностей». Мотивационная сфера детей второй группы представлена мотивом улучшения материального благосостояния.

Таким образом, некоторые компоненты ВКД у младших школьников с нарушением зрения имеет свои специфические черты.

- Физический компонент характеризуется некоторыми противоречиями. На специфические особенности физического развития указывают лишь дети с более глубокими зрительными

ми нарушениями. Слабовидящие школьники отмечают наличие затруднений при выполнении разных видов деятельности, но не связывают их с наличием дефекта.

- Когнитивный компонент: школьники имеют достаточно формальные представления о причинах зрительной патологии, не всегда соотносимые с их индивидуальным случаем. Наименьшую информированность дети имеют в сфере ограничений, связанных с дефектом.
- Эмоциональный компонент ВКД представлен двумя вариантами реакций. Слабовидящие школьники демонстрируют игнорирование дефекта. Для школьников с более грубыми нарушениями зрения характерна реакция компенсации.
- Мотивационный компонент: влияние зрительного дефекта на мотивационную сферу детей можно отметить в группе слепых. В группе слабовидящих детей влияние зрительного дефекта на мотивацию не отмечается.

Определены варианты личностных профилей детей, связанные с содержанием компонентов внутренней картины дефекта. Дети, имеющие более выраженную степень дефекта, демонстрируют большую наполненность компонентов ВКД. Вопрос о взаимосвязи варианта ВКД и успешности адаптации требует дальнейшей проработки.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1978.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Быкова Е. В., Тихомирова А. В., Кинс О. А.* Особенности внутренней картины дефекта подростков с легкой и умеренной интеллектуальной недостаточностью // Общество: социология, педагогика, психология. 2017. № 8. С. 47–52.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5: Дефектология. М.: Педагогика, 1983.
- Гайдукевич Е. А.* Проблема внутренней картины дефекта в специальной психологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vnutrenney-kartiny-defekta-v-spetsialnoy-psihologii> (дата обращения: 18.03.2018).

- Николаева В. В.* Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1987.
- Черепкова Н. В.* Внутренняя картина дефекта детей с дефицитарным типом дизонтогенеза // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 5. С. 124–125.
- Bowen J.* Visual impairment and its impact on self-esteem // British Journal of Visual Impairment. 2010. Т. 28. № 1. P. 47–56.
- Papadopoulos K.* The impact of individual characteristics in self-esteem and locus of control of young adults with visual impairments // Research in Developmental Disabilities. 2014. № 35. P. 671–675.
- Pinquart M., Pfeiffer J. P.* Identity development in German adolescents with and without visual impairments // Journal of Visual Impairment & Blindness. 2013. Т. 107. № 5. P. 338–349.

Characteristics of the internal pattern of the disorder of primary school of children with visual impairment

T. N. Adeeva

Kostroma State University, Kostroma

The article is devoted to the problem of personality development in the conditions of dysontogenesis. The phenomenon of the internal pattern of disorders (IPD) of primary school children with visual impairment as a factor and mechanism of personal development is analyzed. The internal pattern of disorder is understood as a component of the Self-concept of personality. It is assumed that the specificity of the IPD components in relation to personal and social factors will determine the features of personal development, possible problems of adaptation. The physical component of the IPD contains contradictions, expressed in the lack of children's assessment of restrictions in daily activities. The emotional component is represented by two response options: ignoring the defect and compensatory reaction. The motivational component has substantial specificity in the group of children with severe visual impairment, characterized by the presence of a motive for recovery. The variants of personal profiles of children associated with the content of the components of the internal pattern of disorder are determined.

Keywords: internal defect pattern, visual impairment.

Развитие проактивного совладающего поведения первокурсников с помощью рефлексивного тренинга

А. А. Бехтер

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск
behter2004@mail.ru

В статье обоснована проблема проактивного совладающего поведения у первокурсников и необходимость его развития. Целью данной статьи является описание возможностей развития проактивного совладания первокурсников с помощью рефлексивного тренинга. Автором выдвинута гипотеза, предполагающая, что рефлексивный тренинг может выступать в качестве средства оптимизации параметров проактивного совладающего поведения (антиципационной состоятельности, прогнозирования, копинг-стратегий, превентивного преодоления). В статье описаны этапы эксперимента, указаны методы и методики исследования, цели тренинга. Показано, что после эксперимента произошла положительная динамика таких параметров как «антиципационная состоятельность», «аналитичность», «превентивное преодоление», что говорит об эффективности рефлексивного тренинга.

Ключевые слова: проактивное совладающее поведение, первокурсники, рефлексивный тренинг.

Большое внимание в современной практической психологии уделяется техникам, ориентированным на личностный рост и преодоление трудной жизненной ситуации. Сама неожиданность трудной ситуации усиливает ее негативную значимость для человека и порождает массу дополнительных отрицательных эмоций, препятствующих поиску успешных путей совладания (Анцыферова, 2006). Л. И. Анцыферова в своих работах указывает на то, что необходимо искать формы работы, которые бы были направлены на развитие специфической стратегии «антиципирующего совладения» и «предвосхищающей печали», так как в этом случае человек может заранее наметить способы предотвращения несчастливых поворотов судьбы (Анцыферова, 1994).

Первокурсники только начинают свой профессиональный путь; зачастую они испытывают тревожность и неуверенность по поводу будущего, сомневаются в своих силах и способностях. Это может приводить к ситуациям дезадаптации, снижению мотивации к обучению в вузе. Поэтому важно развивать или оптимизировать проактивное совладание именно на первом курсе, чтобы снизить различные дезадаптационные состояния у студентов. Более того, с помощью разных направлений тренинговой работы (в том числе и рефлексивного тренинга) происходит развитие профессионально важных качеств, что способствует успешному саморазвитию.

Наши прошлые исследования подтвердили связь между рефлексивностью и совладающим поведением, поэтому в настоящем исследовании мы предприняли попытку развить проактивное совладающее поведение с помощью рефлексивного тренинга (программы занятий, содержащей рефлексивные техники прошлого опыта и будущих событий) (Бехтер, 2014).

Предмет исследования – рефлексивный тренинг как средство развития проактивного совладания у первокурсников. Принимая во внимание принцип непрерывного развития личности и зависимость развития личности от меры ее собственной активности (Анцыферова, 2006), мы опираемся на предположение о том, что проактивное совладающее поведение можно развивать в специально организованных условиях тренинговой работы, если сам человек проявляет заинтересованность и стремится к результату.

Теоретическими основами исследования выступили: субъектный подход, где системообразующим фактором проактивного совладания и совладающего поведения является сам субъект (Анцыферова, 2006; Совладающее поведение..., 2008; и др.), теория проактивного копинга личности (Старченкова, 2009; Ялтонский, 2010; Greenglass, Schwarzer, 2010); акмеологический подход, где совладающее поведение является частью профессионального саморазвития (Бехтер, 2014).

Проактивное совладающее поведение исследуется сравнительно недавно. Тема проактивности и проактивного совладающего поведения хорошо проработана в зарубежной психологии. В целом, проактивное совладающее поведение представляет собой целый комплекс поведенческих моделей. Этот комплекс сочетает в себе инициативность, находчивость, целенаправленность, активное воздействие на ситуацию, а также находчивость и упорство в преодолении трудностей (Greenglass, Schwarzer, 2010).

В отечественной психологии понятие проактивного совладания разрабатывается немногочисленными авторами (В. М. Ялтонским,

Е. С. Страченковой, А. И. Ерзиным и др.). С точки зрения В. М. Ялтонского, проактивное совладание рассматривается как комплекс процессов, при помощи которых люди предвосхищают или обнаруживают потенциальные стрессоры и действуют заранее, с целью предупреждения их влияния пока еще не возникла трудная ситуация (Ялтонский, 2010).

Эти исследования позволили нам определить проактивное совладающее поведение как антиципирующее поведение, ориентированное на предвосхищение возможных трудных ситуаций. Для реализации проактивного совладания включаются процессы антиципации, интуиции, прогнозирования, рефлексии. Проактивный уровень совладающего поведения связан с постановкой и достижением личностно-значимых целей в отдаленном будущем, а также с предугадыванием вероятных преград для их достижения (Старченкова, 2009). Можно выделить основные уровни проактивного совладающего поведения: когнитивный (саморефлексия и антиципация) и личностно-мотивационный (самоэффективность, автономия, инициативность, упорство в достижении целей) (Ерзин, 2014).

Целью работы является описание возможностей рефлексивно-го тренинга в развитии проактивного совладания первокурсников.

Задачи исследования

1. Рассмотреть теоретические подходы к исследованию проактивного совладания первокурсников и его развитию.
2. Выделить критерии оценки проактивного совладания у первокурсников.
3. Подобрать методы исследования проактивного совладания.
4. Разработать рефлексивный тренинг, направленный на оптимизацию проактивного совладания у первокурсников.
5. Провести программу рефлексивного тренинга, оценив проактивное совладание первокурсников до и после программы.
6. Проанализировать результаты и сделать выводы.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы, конкретизация понятий, обобщение и сравнение теоретических подходов к проблеме; психодиагностические методики – опросник «Проактивное совладающее поведение» (в адаптации Е. С. Старченковой), копинг-тест Р. Лазаруса, тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) В. Д. Менделевича, тест «Способность к прогнозированию» Л. А. Регуш, методика «Уровень рефлексивности» А. В. Карпова; метод психолого-педагогического экс-

перимента, а также групповые методы работы (дискуссия, ролевая игра, рефлексивные техники); методы математической статистики (критерий знаков), программа Statistica v. 10.

База исследования: Психологический центр ТОГУ г. Хабаровск. Общее число участников – 26 чел. в возрасте 17–19 лет. Тренинг проводился один раз в неделю (с февраля по май 2019 г.), продолжительностью два академических часа, всего проведено 16 занятий. Участников для эксперимента мы отобрали из группы 40 чел., обучающихся по направлению «Психолого-педагогическое образование» профиль «Специальная психология». Общие принципы отбора в группы: возраст – 17–19 лет, смешанный гендерный состав, наличие трудных жизненных ситуаций в анамнезе (заявляемых или проработанных психологом), мотивация к участию в тренинге (высокая или низкая), показатели проактивного совладающего поведения.

В экспериментальную группу нами были отобраны 13 первокурсников (8 девушек и 5 юношей), которые проявили высокий интерес к предстоящему тренингу. При этом 5 чел. из них обращались к психологу в первом семестре по проблемам трудных жизненных ситуаций, им было рекомендована работа в малой группе с рефлексивной направленностью.

В контрольную группу попали 13 чел. (9 девушек и 4 юноши), проявивших интерес к исследованию проактивного совладания и согласившихся заполнить тесты, но не желающих участвовать в тренинге. Из этих первокурсников 4 чел. обращались за помощью к психологу в первом семестре, им также была рекомендована групповая работа по развитию ресурсов совладания. Мотивация этих первокурсников ограничивалась желанием узнать результаты теста по параметрам проактивного совладания. В период эксперимента в экспериментальной и контрольной группе не зарегистрировано обращения к психологу.

Малое количество участников экспериментальной группы обусловлено спецификой самого рефлексивного тренинга, который насыщен упражнениями на рефлексивное оценивание событий, написание эссе, обсуждение в группе своих чувств и мыслей, работой над перспективным планированием. Обсуждение (рефлексивный шерринг) требует времени, чтобы каждый из участников был выслушан и получил обратную связь, поэтому данный тренинг не подходит для больших групп. Оптимальное количество участников от 10 до 15 чел.

Эксперимент состоял из трех этапов: первый (диагностический), второй (экспериментальный), третий (результатирующий).

Первый этап. До программы тренинга нами была проведена психологическая диагностика респондентов экспериментальной и контрольной групп. Результаты показали, что в целом первокурсники экспериментальной группы обладают невысоким уровнем общей рефлексивности и прогнозирования, сниженным уровнем антиципационной состоятельности, что согласовывалось с невысокими баллами по шкалам «Превентивное преодоление», «Рефлексивное преодоление». Результаты диагностики контрольной группы позволили заключить, что данные студенты превосходили экспериментальную группу по параметрам прогнозирования (на 10%), превентивного преодоления (на 15%), проактивного совладания (на 5%). Показатели антиципационной состоятельности были схожи, за исключением временной (у контрольной группы они выше на 0,9%). Уровни рефлексивности не отличаются друг от друга.

Второй этап. При разработке программы по развитию проактивного совладания мы выделили упражнения и техники, ориентированные на развитие рефлексии, прогнозирования, целеполагания и антиципационной состоятельности. Эти показатели отражают направленность в будущее, целевую ориентацию как способность ставить краткосрочные и долгосрочные цели, позитивную мотивацию на основе восприятия личностью кризисных ситуаций как возможностей для роста, а также активное использование, прежде всего, ресурсов самой личности, а также ее социального окружения.

При создании программы рефлексивного тренинга мы ориентировались на развитие таких качеств первокурсников, как общая рефлексивность, целеполагание, прогнозирование, ответственность, уверенность в себе, анализ жизненных ситуаций и антиципационная состоятельность. Среди основных задач рефлексивного тренинга можно выделить: расширение представлений о проактивном совладающем поведении, формирование навыков рефлексии в отношении ресурсов собственного совладания, в том числе и проактивного, создание мотивации для развития личностных ресурсов проактивного совладания, отработку навыков проактивного совладания в ходе моделирования трудных жизненных ситуаций и ситуаций профессионального развития.

Третий этап. После проведенного тренинга в экспериментальной группе повысилась *временная* антиципационная состоятельность и *общая* антиципационная состоятельность. Мы статистически с помощью критерия знаков проверили различия в экспериментальной группе до и после тренинга. Основными различиями на уровне

$p \leq 0,01$ ($Z=2,218$) стали показатели превентивного преодоления копинга бегство – избегание и общей антиципационной состоятельности. Остальные параметры не изменились.

При сравнении экспериментальной и контрольной групп получились следующие результаты: экспериментальная группа после проведенного нами тренинга превосходит контрольную группу по шкалам «Проактивное преодоление», «Превентивное преодоление», «Поиск инструментальной поддержки» (по средним баллам). Это говорит о том, что экспериментальная группа обучилась процессу целеполагания, умеет предвосхищать вероятные стрессоры, а также оценивать свои возможности по их устранению, и при необходимости могут обратиться за советом, получить обратную связь от социального окружения. Статистический анализ не подтвердил вышеуказанных параметров, но выделил совершенно другой показатель – «Аналитичность» в составе антиципационной состоятельности на уровне $p \leq 0,05$. Мы считаем, что это значимый показатель, отражающий совокупность таких свойств, как рефлексивность, антиципация в конкретной ситуации.

После тренинга в экспериментальной группе, по сравнению с контрольной, заметно возрос показатель «Конфронтация», что говорит о том, что группа начинает активно (возможно, где-то и агрессивно) решать проблемы, отстаивать свои собственные интересы. Шкала «Бегство–избегание» незначительно понизилась, но все так же остается лидирующим копингом поведения в экспериментальной группе. Мы объясняем это тем, что многим первокурсникам открылось осознание собственной ситуации «безысходности» (проживание в семье алкоголиков или созависимые отношения), которую они только начали рефлексировать и не могут решить в ближайшее время. Но факт этого осознания мы уже признаем результатом, в этом смысле бегство–избегание всего лишь отсрочка времени перед выходом из трудной ситуации.

Полученные результаты согласуются с данными наблюдения за участниками тренинга. Это дает нам возможность сделать заключение о том, что при создании определенных условий (тренинга) можно научить студентов предвосхищать трудную ситуацию, которая может произойти в ближайшем будущем.

Проведенное экспериментальное исследование позволило сформулировать ряд выводов: *во-первых*, проактивное совладающее поведение – это комплекс поведенческих паттернов, при помощи которых личность предвосхищает или обнаруживает потенциальную трудную ситуацию и начинает действовать заранее, с целью пред-

упреждения ее влияния; *во-вторых*, при сравнении экспериментальной группы до и после тренинга был выявлен положительный сдвиг (повышение) таких показателей, как превентивное преодоление, общая антиципационная состоятельность, временная антиципация, копинг бегство—избегание; при сравнении экспериментальной и контрольной групп выявилось статистически значимые различия по показателю «Аналитичность»; *в-третьих*, возрастание показателей по шкалам «Конфронтация» и «Бегство—избегание» является признаком позитивной динамики группы в данной ситуации.

Таким образом, при создании определенных условий (тренинга) можно развивать показатели проактивного поведения первокурсников: прогнозирование, виды проактивного совладания, способность к анализу ситуации (аналитичность). При овладении рефлексивными техниками повышается способность к антиципационно-превентивному способу совладания и общей аналитичности.

Как пишет Л. И. Анцыферова, индивид учится антиципации только на трудной ситуации и склонен к «когнитивной репетиции» (Анцыферова, 1994). Разделяя эту точку зрения, мы можем подготовить первокурсников к навыкам рефлексивного оценивания трудной ситуации и собственного поведения, чтобы «когнитивная репетиция» будущего протекала более осмысленно и планомерно.

Литература

- Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Бехтер А. А. К вопросу о проактивности в совладающем поведении студентов вуза // Проблемы высшего образования: Материалы Международной научно-методической конференции. Хабаровск, 10–12 апр. 2019 г. / Под ред. Т. В. Гомза. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. С. 344–347.
- Бехтер А. А., Гагарин А. В. Оптимизация совладающего поведения будущего психолога путем развития рефлексивности личности // Акмеология. 2014. № 1–2. С. 37–40.
- Ерзин А. И. Проблема проактивности в психологии здоровья // *НВ: Психология и психотехника*. 2014. № 1. URL: <http://e-notabene.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Старченкова Е. С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. «Психология. Социология. Педагогика». 2009. № 2–1. С. 198–205.

Ялтонский В. М. Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2010. № 1. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 28.05.2019).

Greenglass E., Schwarzer R. The proactive coping inventory (PCI) / R. Schwarzer (Ed.) // Advances in health psychology research. 2010 (CD-ROM). URL: http://userpage.zedat.fuberlin.de/~gesund/publi-cat/ehps_cd/health/greenpci.htm (дата обращения: 25.05.2019).

The development of proactive coping behavior of first-year students using reflective training

A. A. Bekhter

Pacific National University, Khabarovsk

The article substantiates the problem of proactive coping behavior in first-year students and the need for its development. The purpose of this article is to describe the possibilities of developing proactive coping of first-year students with the help of reflexive training. The author put forward a hypothesis suggesting that reflexive training can act as a means of optimizing the parameters of proactive coping behavior (anticipation, forecasting, coping strategies, preventive overcoming). The article describes the stages of the experiment, the methods and techniques of research, training objectives. The positive dynamics of such parameters as “anticipation consistency”, “analyticity”, “preventive overcoming” after the experiment indicates the effectiveness of reflexive training.

Keywords: proactive coping behavior, first-year students, reflexive training.

Имплицитные представления об оскорблении

А. А. Бузина

Институт психологии РАН, Москва
super-alex@mail.ru

Отмечается отсутствие четкого определения стрессора «оскорбление» и единого подхода к его соотношению с понятием «эмоциональное насилие» в научной литературе. Приводятся аргументы в пользу обращения к имплицитным (обыденным) представлениям для конкретизации понятия «оскорбление» и характеристик данного стрессора. В результате исследования, участниками которого стали 70 чел. (средний возраст — 39 лет), были получены два списка дескрипторов, относящихся к трудным жизненным ситуациям «оскорбление» и «эмоциональное насилие» соответственно. С помощью контент-анализа и экспертной оценки данных дескрипторов была подтверждена гипотеза об общем смысловом содержании указанных понятий. Одновременно были выделены черты, специфические для каждой из указанных ситуаций, проведено разграничение понятий «оскорбление» и «эмоциональное насилие».

Ключевые слова: оскорбление, эмоциональное насилие, стрессор, трудная жизненная ситуация, посттравматический стресс, имплицитные представления, обыденные представления.

В ряду стрессоров (чрезвычайных, угрожающих психологической безопасности личности ситуаций) выделяется такое явление, как оскорбление. С одной стороны, оскорбление — широко распространенное негативное воздействие, с проявлениями которого (например, насмешками, бранью, придиорками, угрозами, умалением достоинства) на протяжении жизни не раз сталкивается большинство людей. С другой стороны, в научной литературе по-

---

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00011.

нятие «оскорбление» недостаточно конкретизировано и часто используется идентично с такими терминами, как «эмоциональное насилие», «психологическое насилие», «эмоциональная агрессия», «моральная жестокость». В англоязычной литературе для понятий «оскорбление» и «насилие» нередко используется один термин – «abuse».

Оскорбление зачастую представляется сравнительно легким видом негативного эмоционального воздействия, ведь оно не предполагает непосредственного причинения физического вреда (хотя зачастую и сопровождает его), а также не оставляет видимых последствий. Тем не менее, еще Р. Лазарус и А. Делонгис обращали внимание на то, что, помимо драматических, способных в корне изменить жизнь человека событий, стресс могут вызывать и так называемые «повседневные неприятности» («daily hassles»), изо дня в день раздражающие человека, вызывающие беспокойство и снижающие самооценку (Lazarus, DeLongis, 1983).

Также выделяя повседневные неприятности в числе факторов, вносящих немалый вклад в биографический стресс личности, Л. И. Анцыферова отмечала недостатки упрощенного определения трудных жизненных ситуаций, при котором последние понимаются как обстоятельства жизни, требующие действий и условий, находящихся на границе адаптивных возможностей индивида или даже превосходящих имеющиеся у него резервы. По мнению ученого, при определении жизненных трудностей необходимо учитывать то, что именно делает ситуацию стрессовой, – ту ценность, которая в определенных условиях может быть потеряна или уничтожена (Анцыферова, 1994).

Очевидно, что в ситуации оскорбления под угрозу попадает личностная и социальная идентичность человека, его чувство собственного достоинства, Эго-идентичность. Оскорбление, особенно то, что приобретает хронический характер, способно самым негативным образом сказаться на представлении человека о самом себе, развить у него склонность к виктимному поведению, привести к психологической депривации. В числе самых серьезных психологических последствий оскорбления – развитие посттравматического стресса (Харламенкова, 2016).

Очевидно, что конкретизация понятия «оскорбление» в психологической науке будет способствовать лучшему теоретическому осмыслению проблематики воздействия этого стрессора и, как следствие, выработке наиболее эффективных практических мер борьбы с последствиями данного негативного воздействия.

Соотношение понятий «оскорбление» и «эмоциональное насилие» в научной литературе

Представляется целесообразным разделить негативного воздействия эмоционального характера, которое принято именовать «эмоциональным насилием» (в научной литературе синонимично с этим понятием используются также термины «психологическое насилие», «эмоциональная агрессия» и «моральная жестокость») на активный и пассивный виды: оскорбление и пренебрежение. Именно такое разделение используется в пункте 26 Опросника травматических ситуаций (LEQ), разработанного Дж. Норбеком (J. S. Norbeck) (1984), И. Сарасоном, Дж. Джонсоном, Дж. Сигель (I. G. Sarason, J. H. Johnson, J. M. Siegel J. M.) (1978) и адаптированного на русский язык Н. В. Тарабриной (Тарабрина, 2007).

Е. Н. Волкова, рассматривая вопросы насильственных действий в отношении детей, выделяет эмоциональное насилие (постоянное или периодическое словесное оскорбление, обвинения, угрозы, запугивания, унижения достоинства) и психологическое пренебрежение ребенком (Волкова, 2007). Заслуживает внимания и рассмотрение категории «оскорбление» в правовой науке. Так, оскорбление, как и прочие действия, отрицательным образом сказывающиеся на психике человека, принято относить к психологическому насилию. Оскорбление может носить вербальный и невербальный характер (к невербальным оскорблениям можно отнести, в частности, определенные жесты, плевки) (Сидорова, 2017).

Поскольку единый подход к определению стрессора «оскорбление» и его соотношению с понятием «эмоциональное насилие» в научной литературе не выработан, для уточнения и дифференциации терминов необходимо обратиться к имплицитным (обыденным) представлениям о данных ситуациях. По мнению К. А. Абульхановой, представления, взаимодополняя или противореча друг другу, создают целостную «картину действительности». При этом понятия тесно связаны с личностью, они выделяют существенные характеристики контекста, в котором находится субъект (Абульханова, 2002).

Анализ имплицитных представлений об оскорблении и эмоциональном насилии

Гипотеза исследования представляла собой предположение о том, что имплицитные (обыденные) представления об оскорблении и эмо-

циональном насилии схожи, имеют общее смысловое содержание, причем понятие «эмоциональное насилие» шире и включает в себя проявления оскорбления.

Участниками исследования стали 70 чел. (средний возраст – 39 лет): 52 женщины и 18 мужчин. Респонденты были разделены на две группы (в каждой группе: средний возраст – 39 лет, по 26 женщин и 9 мужчин). Опрос проводился на анонимной основе путем предъявления участникам исследования специально разработанных инструкций. Одной группе предлагалось представить ситуацию оскорбления, другой – ситуацию эмоционального насилия, после чего участники исследования приводили несколько слов или словосочетаний, которые в их представлении характеризуют данные ситуации.

Методы исследования

Полученные в результате опроса участников исследования два списка характеристик ситуаций оскорбления и эмоционального насилия соответственно были подвергнуты контент-анализу. Были учтены наиболее частотные характеристики, после чего определены и исключены синонимы. Далее два списка дескрипторов были предъявлены для оценки экспертам – дипломированным специалистам в области психологии. Три эксперта рассматривали характеристики ситуации оскорбления, три других эксперта – характеристики ситуации эмоционального насилия.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных пакетов Excel, Statistica 10.

Результаты и их обсуждение

Анализируя ситуацию оскорбления, участники исследования привели 167 ассоциаций. Для ситуации эмоционального насилия было приведено 138 ассоциаций. Для каждой из ситуаций участники исследования приводили характеристики как вербального поведения (например, «оскорбительные слова», «крики», «насмешки» для ситуации оскорбления и «насмешки», «прозвища», «обидные слова» для ситуации эмоционального насилия), так и видов негативного воздействия, которые могут носить невербальный характер (например, «недоверие», «измена», «отторжение группой» для ситуации оскорбления и «равнодушие», «игнорирование», «высокомерие» для ситуации эмоционального насилия).

Сопоставление позволило выделить в двух списках дескрипторов 46 одинаковых по смыслу характеристик (в частности, «обида», «злость», «унижение», «измена», «хамство», «гнев», «отчаяние», «бессилие»). Стоит отметить, что в целом представления о негативном эмоциональном воздействии соответствуют характеристикам, выделяемым в научной литературе (так, среди характеристик оскорбления – «конфликт», «присутствие осуждения», «попранное достоинство», среди характеристик эмоционального насилия – «угрозы», «жесткая критика», «обесценивание»).

Характеризуя ту или иную трудную жизненную ситуацию, участники исследования выделяли по три группы дескрипторов:

- характеристика ситуации («вражда», «отчуждение», «непонимание»);
- поведение агрессора («несправедливые обвинения», «неприятие чужого мнения, доводов», «провокация на отрицательные эмоции»);
- переживания жертвы («слезы», «боль», «страх»).

Тем не менее, в ответах участников исследования присутствует и некоторая неопределенность: ряд дескрипторов можно отнести к любой из двух или даже всех трех названных групп. Например, «нападение» может служить как характеристикой ситуации, так и действием агрессора, а дескриптор «борьба» в равной степени может описывать ситуацию, поведение агрессора и желание, возникающее у жертвы в ответ на негативное эмоциональное воздействие.

Для более точного распределения дескрипторов по категории применялась экспертная оценка. Обращает на себя внимание то, что эксперты оценивали дескрипторы эмоционального насилия единодушно и однозначно, также разделив их на три группы: относящиеся к ситуации, действиям агрессора и эмоциям жертвы. При этом один из экспертов разделил группу «Действия субъекта эмоционального насилия» на две подгруппы: активные (туда вошли такие характеристики, как, например, «агрессия», «хамство», «унижение») и пассивные («непризнание заслуг», «неуважение», «невнимание со стороны близких»). Представляется, что подобное разделение подчеркивает широту и разносторонность понятия «эмоциональное насилие», которое охватывает все виды негативного эмоционального воздействия.

Экспертная оценка дескрипторов оскорбления была не столь однозначной, хотя все эксперты выделили группу, которую условно можно определить как «Эмоции пострадавшего» (в нее вошли такие

характеристики, как, например, «горечь», «раздражение», «отчаяние»). Один из экспертов выделил внутри этой группы пассивные эмоции, характеризующие угнетенность («бессилие», «ощущение своей никчемности», «беспомощность»), и эмоции динамического характера, свойственные человеку, который борется с агрессором («злость», «жажда мести», «даю отпор обидчику...»). Подобное разделение подчеркивает, что состояние жертвы оскорбления могут сопровождать признаки, которые принято включать в психопатологические симптомы межличностной сензитивности (заниженная самооценка, ощущение человека, что он хуже всех) и паранойальности (радикальные проявления злости, жажда мести).

Также все эксперты выделили группу дескрипторов, описывавших ситуацию оскорбления. Некоторые группы выделялись двумя экспертами: в частности, характеристики субъекта оскорбления («эгоизм», «безразличие», «упрямство»), поведенческие реакции («желание сбежать», «беспомощность», «чувство, что никто за тебя не вступится»), формы оскорблений («очкарик», «неумеха», «оскорбительные слова»), а также группа «Другое» (дескрипторы, толкование которых неоднозначно или затруднительно).

К группам, выделенным каким-либо одним экспертом, относятся следующие: «Теоретическое определение» («очень грубое нарушение личных границ», «конфликтная ситуация»), «Характеристики осуждаемого» («белая ворона», «пытается слишком выделиться», «изгой»), «Поведение агрессора» («наглость», «злоба», «жестокость», «ложь»), «Моральная категория» («справедливость», «истина», «решение или его поиск»).

Стоит отметить, что ситуация эмоционального насилия рассматривалась участниками исследования шире ситуации оскорбления. Последняя характеризовалась, как правило, активными негативными действиями эмоционального характера («злость», «ситуация агрессивная», «нападение», «агрессор», «нападки»). В понятие же эмоционального насилия, помимо активных действий («выговор», «жестокое обращение», «ссора», «угрозы») включались пассивные проявления («высокомерие», «игнорирование», «подозрительность»). Кроме того, к ситуации эмоционального насилия относились разные виды негативного воздействия, в частности, «газлайтинг», «манипулирование», «детская истерика в отношении родителей», «действия тихой сапой», «подчинение», «навязывание своих принципов», «ироничное отношение».

Очевидно, что ситуация эмоционального насилия в обыденном представлении включает в себя самые разнообразные формы нега-

тивного эмоционального воздействия, тогда как ситуация оскорбления характеризуется большинством участников исследования как агрессивная, связанная с нападениями, враждой, выяснением отношений, конфликтом. Таким образом, ситуация оскорбления рассматривается узко, как одно из проявлений эмоционального насилия.

Вместе с тем, анализ наиболее частотных характеристик из двух списков позволяет выявить дескрипторы, в равной мере относящиеся и к оскорблению, и к эмоциональному насилию. Это, в частности, «насмешки», «унижение», «обида», «бессилие». Совпадение ряда характеристик в двух списках позволяет сделать вывод о близком по смыслу содержании понятий «оскорбление» и «эмоциональное насилие».

Заключение

Результаты контент-анализа и экспертной оценки дескрипторов позволили подтвердить гипотезу о схожести имплицитных (обыденных) представлений об оскорблении и эмоциональном насилии, их общем смысловом содержании. Справедливым представляется и предположение о том, что понятие «эмоциональное насилие» шире и включает в себя проявления оскорбления.

Контент-анализ и экспертная оценка полученных в ходе исследования дескрипторов позволяют определить оскорбление как антропогенное негативное эмоциональное воздействие, вербальное и/или невербальное, носящее умышленный, намеренный характер и имеющее целью умалить чувство собственного достоинства человека, унижить его, нанести вред его самооценке и представлениям о себе.

Проведенное исследование позволило сформулировать определение стрессора «оскорбление», дополнить его характеристики, разграничить данную ситуацию и ситуацию эмоционального насилия.

Литература

- Абульханова К. А.* Социальное мышление личности // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности: Материалы Юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.

- Волкова Е. Н.* Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 44–47.
- Сидорова И. В.* Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
- Тарабрина. Н. В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М.: Когито-Центр, 2007.
- Харламенкова Н. Е.* Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 193–214.
- Lazarus R. S., DeLongis A.* Psychological stress and coping in aging // American Psychologist. 1983. V. 38. № 3. P. 245–254.

Implicit representations about insult

A. A. Buzina

Institute of Psychology RAS, Moscow

There has been a lack of clear definition of the stressor “insult” and absence of unified approach to its relationship with the concept of “emotional abuse” in the scientific literature. The arguments for referring to implicit (ordinary) representations to concretize the concept of “insults” and the characteristics of the given stressor are offered. The research involved 70 people (average age – 39 years), we have got two lists of descriptors related to concepts “insult” and “emotional violence”. With the help of content analysis and expert evaluation of these descriptors the hypothesis about the common semantic content of these concepts was confirmed. At the same time the distinction between “insult” and “emotional violence” was drawn, the specific features of each of them were identified.

Keywords: insult, emotional abuse, stress factor, hardship, posttraumatic stress, implicit representations, ordinary representations.

К вопросу о психологических факторах выживаемости больных злокачественными новообразованиями

*Е. А. Евстафеева, Е. В. Забелина,
И. В. Пономарева, Д. А. Циринг*

Челябинский государственный университет», Челябинск
evgeniy-eg@mail.ru; katya_k@mail.ru
ivp-csu@yandex.ru; l-di@yandex.ru

В работе представлены результаты теоретического анализа в отечественной и зарубежной психологии проблемы влияния психологических факторов на выживаемость и течение заболевания у больных злокачественными новообразованиями. Указывается высокая социальная значимость и актуальность изучения данной проблемы. Наряду с медицинской практикой полученные научно обоснованные данные позволят использовать субъективные психологические факторы в работе с онкобольными для улучшения их качества жизни. Под выживаемостью понимается время, в течение которого пациент после выявления злокачественного новообразования остается в живых. Под течением болезни традиционно понимается эволюция фаз (стадий) болезни и ее проявлений. На данный момент обнаруживается дефицит системных, междисциплинарных, лонгитюдных подходов, учитывающих влияние различных типов переменных и их сочетание на выживаемость и течение болезни у онкологических пациентов. Не ставились вопросы о том, какие психологические факторы способствуют выживанию пациентов на протяжении долгого времени. Результаты исследований влияния психологических факторов на развитие онкозаболеваний неоднозначны. Предлагается системно-субъектный подход в исследовании психологических факторов выживаемости и течения болезни у больных злокачественными новообразованиями.

Ключевые слова: больные злокачественными новообразованиями, преодоление онкозаболевания, выживаемость, течение болезни, психологические факторы выживаемости и течения болезни.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00426.

Во второй половине XX столетия в психологии обозначилась проблема совладания личности с трудными ситуациями. Одним из аспектов изучения данной проблемы является исследование личностных характеристик, которые способствуют или препятствуют индивиду совладать с ситуациями, угрожающими его жизни, здоровью, самоуважению, смыслу существования (Анцыферова, 1994).

В онкопсихологии актуальным является изучение того, каким образом человеку, знающему о злокачественном новообразовании, удастся справиться с ситуацией, угрожающей его жизни и здоровью. Какие субъектные и личностные характеристики онкобольных влияют на выживаемость и течение болезни, к каким стратегиям прибегают эти люди, чтобы совладать с трудной жизненной ситуацией?

Имеющиеся сегодня в онкопсихологии научные исследования позволяют предположить, что субъектные, личностные особенности, стратегии совладания личности с трудными ситуациями и другие психологические факторы могут оказывать влияние на выживаемость и течение заболевания у больных злокачественными новообразованиями. Психологические исследования в этом направлении создают научные основы, позволяющие использовать субъективные психологические факторы, наряду с медицинской практикой, в работе с онкобольными для улучшения их качества жизни и совладания с трудной жизненной ситуацией.

Проблема выживаемости и эффективности лечения при заболеваниях злокачественными новообразованиями представляет собой одну из центральных проблем онкопсихологии, достаточно новой научной области, возникшей на стыке психологической науки и онкологии. С конца XX века ведутся исследования психологических, поведенческих и социальных факторов, которые могут влиять на заболеваемость и смертность вследствие онкологических заболеваний.

В настоящее время обнаружен дефицит системных, междисциплинарных, лонгитюдных подходов, учитывающих влияние различных типов переменных и их сочетание на выживаемость и течение болезни у онкологических пациентов. Под выживаемостью понимается время, в течение которого пациент после выявления злокачественного новообразования остается в живых. Под течением болезни традиционно понимается эволюция фаз (стадий) болезни и ее проявлений.

Исследования психологических параметров у пациентов с онкологическими заболеваниями различных типов и модификаций ведутся уже несколько десятков лет, однако интерес к этой теме у ученых всего мира не только не ослабевает, но увеличивается. Одним

из свидетельств этому служит выделение онкопсихологии (и психонкологии) в отдельную научную дисциплину. Значительное число исследований демонстрирует высокую долю влияния психологических факторов на течение заболевания и его результат (выживаемость). В зарубежной психологии даже введено понятие психологической адаптации к раку (Pool, 2009). Несмотря на возрастающий интерес к данной проблеме, круг психологических феноменов, изучаемых в этой сфере, достаточно ограничен. В мировой психологической науке широко распространены исследования тревоги (Bronner, Nguyen, Smets et al., 2018; Bussmann, Vaganian, Kush et al., 2018; Saritas; Ozdemir, 2018), депрессии (Geue, Brähler, Faller et al., 2018; Komarkova, Blatny, Jelinek et al., 2013) как реакции на заболевание. Серьезным ограничением подобного рода исследований является факт невозможности проверки гипотезы о ситуативном или устойчивом (личностном) характере данных феноменов у пациентов в силу отсутствия первоначальных срезов (до заболевания).

Достаточное количество работ посвящено позитивным феноменам как ресурсам для преодоления заболевания. В частности, изучается уровень надежды на выздоровление у пациентов с онкологическими заболеваниями (Martins et al., 2018), копинг-стратегии (Bronner, Nguyen, Pankrath, Weissflog, Mehnert et al., 2018; Komarkova, Blatny, Jelinek et al., 2013; Osin, Pankrath, Niederwieser et al., 2018), субъективное благополучие и метакогнитивные убеждения (Toffalini, Veltri, Cornoldi, 2015).

Существуют исследования, предметом которых является роль социального окружения, социальной поддержки пациентов, у которых был диагностирован рак (Osin, Pankrath, Niederwieser et al., 2018; Pankrath, Weissflog, Mehnert et al., 2018).

В России охват проведенных исследований по данной проблеме значительно уже, чем в Европе и США. В отечественной психологии данная проблема находится во многом на первичной стадии разработки. Существует дефицит системных исследований психологических факторов течения болезни. Не ставились вопросы о том, какие психологические факторы способствуют выживанию пациентов на протяжении долгого времени. Диагностируемые психологические переменные (депрессия, копинг-стратегии, социальная поддержка) диагностированы, как правило, один раз в начале заболевания, что не позволяет ответить на вопрос о том, имеют ли они усиливающее воздействие по каскадному принципу на другие факторы риска, или имеют значение сами по себе. Вместе с тем изучать психологические факторы в отрыве от других, очевидно влияющих

на состояние пациента с данным диагнозом, неверно. Однако количество исследований, выполненных совместно специалистами различных наук (медиками, биологами, психологами, психотерапевтами, социологами и др.), чрезвычайно незначительно.

Кроме того, результаты исследований влияния психологических факторов на развитие онкозаболеваний неоднозначны. Существуют исследования, показывающие, что депрессия (а точнее, чувство беспомощности и безнадежности) в совокупности с отсутствием социальной поддержки при взаимодействии с биологическими факторами прогноза могут влиять на течение заболевания. Однако остается нерешенным вопрос о том, каким именно образом осуществляется это влияние: напрямую через иммунный статус или косвенно, через рискованное поведение или сотрудничество в период лечения.

Проведенный анализ современного состояния проблемы влияния психологических факторов на течение болезни и выживаемость у онкологических пациентов высвечивает ряд методологических и эмпирических пробелов в этом вопросе. Самым главным из них является дефицит системных, междисциплинарных, лонгитюдных подходов, учитывающих влияние различных типов переменных и их сочетания на течение болезни и выживаемость у онкологических пациентов. Методологическим основанием исследования психологических факторов выживаемости и течения болезни у больных злокачественными новообразованиями могут выступать ряд научных подходов. Предлагаем системно-субъектный подход в исследовании психологических факторов выживаемости и течения болезни у больных злокачественными новообразованиями.

Системно-субъектный подход, являясь вариантом субъектного подхода в психологии, рассматривает категорию субъекта в эволюционно-генетической парадигме. Субъект с позиций системно-субъектного подхода — это системообразующий фактор сложной многоуровневой психической организации. Являясь носителем психического и раскрывая его во взаимодействии с миром, субъект демонстрирует авторство собственной жизни, деятельности, общения и переживаний (Сергиенко, 2011). В рамках системно-субъектного подхода субъект понимается как качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, центр согласования всех психических процессов, позволяющий осуществлять жизнедеятельность человека через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. В субъекте как единой метасистеме психика предстает в своем единстве, в субъекте же раскрывается индивидуальность человека. Субъект в контексте системно-субъектного подхода

выступает стержнем психической организации, в то время как личность – стержневой структурой субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, субъект же выступает в роли исполнительного звена, которое реализует это содержание в конкретных жизненных условиях посредством функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Когнитивная функция субъекта имеет одновременно и когнитивную, и экзистенциальную природу и заключается в понимании человеком окружающего мира, опосредованном смысловыми образованиями, представлениями, моделями этого мира. Регулятивная функция субъекта – это контроль поведения как основа саморегуляции человека. Контроль поведения выступает как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий. Коммуникативная функция субъекта реализуется в субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях. Системно-субъектный подход задает контур данного исследования, состоящий в рассмотрении единства субъектных и личностных образований. Положения системно-субъектного подхода позволяют исследовать особенности системы психической организации больных со злокачественными новообразованиями в их связи с выживаемостью и течением болезни в целом.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Bronner M. B., Nguyen M. H., Smets E. M. A., van de Ven A. W. H., van Weert J. C. M.* Anxiety during cancer diagnosis: Examining the influence of monitoring coping style and treatment plan // Psycho-oncology. 2018. V. 27. P. 661–667. doi: 10.1002/pon.4560.
- Bussmann S., Vaganian L., Kusch M., Labouvie H., Gerlach A. L., Cwik J. C.* Anxiety and emotion regulation in cancer patients // Psychotherapeut. 2018. V. 63. P. 194–203. doi: 10.1007/s00278-018-0283-3.
- Geue K., Brähler E., Faller H., Härter M., Schulz H., Weis J., Koch U., Wittchen H.-U., Mehnert A.* Prevalence of mental disorders and psychosocial distress in German adolescent and young adult cancer patients // Psycho-Oncology. 2018. V. 27. Is. 7. P. 1802–1809.

- Komarkova I., Blatny M., Jelinek M., Kepak T.* Absence of depressive symptoms in childhood cancer survivors: Posttraumatic growth or depressive adaptive coping style? // *Ceskoslovenskapsychologie*. 2013. V. 57. P. 542–553.
- Martins A. R., Crespo C., Salvador A., Santos S., Carona C., Canavarro M. C.* Does Hope Matter? Associations among self-reported hope, anxiety and health-related quality of life in children and adolescents with cancer // *Journal of clinical psychology in medical settings*. 2018. V. 25. P. 93–103. doi: 10.1007/s10880-018-9547-x.
- Osin R., Pankrath A. L., Niederwieser D., Dohner H., Honig K., Vogelhuber M., Mehnert A., Weissflog G., Ernst J.* Dyadic coping of patients with haemato-oncological diseases and their partners: discrepancy indexes and association with social support and psychological distress // *Psychotherapie psychosomatische medizinische psychologie*. 2018. V. 68. P. 55–65. doi: 10.1055/s-0043-110137.
- Pankrath A. L., Weissflog G., Mehnert A., Niederwieser D., Dohner H., Honig K., Gundel H., Vogelhuber M., Friedrich M., Ernst J.* The relation between dyadic coping and relationship satisfaction in couples dealing with haematological cancer // *European journal of cancer care*. 2018. V. 27. doi: 10.1111/ecc.12595.
- Pool G.* Psychological interventions in cancer // *Psychologie & Gezondheid*. 2009. V. 37. P. 276–287. doi: 10.1007/BF03080416.
- Saritas S. C., Ozdemir A.* Identification of the correlation between illness perception and anxiety level in cancer patients // *Perspectives in psychiatric care*. 2018. V. 54. P. 380–385. doi: 10.1111/ppc.12265.
- Toffalini E., Veltri A., Cornoldi C.* Metacognitive aspects influence subjective well-being in parents of children with cancer // *Psycho-oncology*. 2015. V. 24. P. 175–180. doi: 10.1002/pon.3622.

To the question about the psychological factors of survival in patients with malignant tumors

E. A. Evstafeeva, E. V. Zabelina, I. V. Ponomareva, D. A. Tsiring
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

The paper presents the results of theoretical analysis of the problem of psychological factors influence on the survival and course of the disease in patients with malignant tumors in domestic and foreign psychology. The high social importance and relevance of the study of this problem is indicated. The obtained evidence-based data will allow to use the subjective psychological factors, along with medical practice, in working with cancer patients

to improve their quality of life. Survival refers to the time during which the patient remains alive after the detection of a malignant tumor. The course of the disease is traditionally understood as the evolution of the phases (stages) of the disease and its manifestations. At the moment, there is a shortage of systemic, interdisciplinary, longitudinal approaches that take into account the influence of different types of variables and their combination on the survival and course of the disease in cancer patients. The question about what psychological factors contribute to the survival of patients over time has not been put yet. The results of studies of the influence of psychological factors on the development of cancer are ambiguous. A system-subjective approach to the study of psychological factors of survival and course of the disease in patients with malignant tumors is proposed.

Keywords: patients with malignant neoplasms, overcoming cancer, survival, course of the disease, psychological factors of survival and course of the disease.

Жизнестойкость и копинг-стратегии в контексте диагностики профессионального здоровья летчиков

М. Е. Зеленова*, *А. А. Лекалов***, *В. С. Лим***, *Е. В. Костенко***

* Институт психологии РАН, Москва
mzelenova@mail.ru

** Филиал №1 ФГКУ «ГВКГ им. акад. Н. Н. Бурденко» МО РФ, Москва
lek150@yandex.ru; 7cvkag@mail.ru; costenko.lena@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление внутренних ресурсов, способствующих купированию стресса и сохранению профессионального здоровья специалистов, занятых в экстремальных и опасных видах труда (на примере военных летчиков). В качестве ресурсов стрессоустойчивости субъекта труда рассматривались конструктивность копинг-стратегий, уровень профессионализма и особенности жизнестойкости («hardiness»). Состояние физического здоровья определялось по результатам врачебного обследования. Наполненность жизни стрессогенными событиями и диагностика уровня психологического благополучия (наличие признаков негативных психических состояний) осуществлялись на основе стандартизированных психологических тестов. Установлено, что профессионализм и жизнестойкость являются самостоятельными группами ресурсов преодоления субъекта труда, работающего в экстремальных условиях среды. Конструктивность копинг-стратегий выступает в качестве комплементарной переменной, тесно связанной как с жизнестойкостью личности, так и профессиональной компетентностью.

Ключевые слова: стресс, профессиональное здоровье, внутренние ресурсы совладания, профессионализм, конструктивность копинг-стратегий, жизнестойкость.

Введение

Проблема профессиональной надежности, работоспособности и сохранения профессионального здоровья специалистов, выполняю-

---

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием № 0159-2017-0001.

ших задания в опасных и экстремальных условиях среды, по-прежнему является одной из центральных проблем психологии труда. Ее различные аспекты традиционно исследуются в рамках адаптивно-гомеостатического подхода, изучающего психофизиологические возможности человека, резервы организма, обеспечивающие успешность адаптации к вредным воздействиям. Изучение адаптивных ресурсов индивида не как биологической системы, а как субъекта деятельности, представлено в работах А. А. Алдашевой, В. А. Бодрова, Л. Г. Дикой, А. Б. Леоновой, В. И. Медведева, Л. И. Моросановой и других ученых, рассматривающих особенности психической регуляции функциональных состояний и поведения человека, роль мотивации и характеристик личности в обеспечении качества труда в экстремальных условиях.

Анализируя работы, посвященные поведению человека в трудных ситуациях, Л. И. Анцыферова выделяет психологию «совладания» («coping behavior») как самостоятельное психологическое направление, возникшее в XX веке на базе эмпирических и теоретических исследований, направленных на поиск «конструктивных, неконструктивных и самопоражающих стратегий в драматических жизненных условиях», выявление характеристик, «которые либо способствуют, либо препятствуют индивиду совладать с ситуациями, заключающими в себе угрозу человеческим ценностям: жизни, здоровью, самоуважению, смыслу существования» (Анцыферова, 1994, с. 3).

В настоящее время большинством ученых «совладающее поведение» рассматривается как особый вид социального поведения, позволяющего человеку преодолевать трудные жизненные ситуации путем привлечения социальных и субъектных ресурсов, регуляторных психических механизмов, способов и приемов (Журавлев, Крюкова, Сергиенко, 2008). Научно-понятийный аппарат, используемый при изучении вопросов стресса, включает такие понятия как «преодоление», «совладание», «копинг-поведение», «копинг-стратегии», «копинг-стили». Считается, что совладающее поведение может иметь разный уровень осознанности, а стили и стратегии преодоления в значительной степени детерминированы индивидуально-личностными свойствами индивида. При описании личностных характеристик, связанных с уровнем стрессоустойчивости субъекта деятельности, широко используются такие конструкты как «жизнестойкость», «адаптационный потенциал», «личностный потенциал» и др. Их диагностика осуществляется на базе соответствующих ме-

тодических разработок и тестов (Бодров, 2006). В психологии труда среди ресурсов преодоления особо подчеркивается значение профессиональной квалификации субъекта деятельности, уровень его профессионализма и подготовленности (Алдашева, 2012; Зеленова, Захаров, 2014; Постылякова, 2005; и др.).

Несмотря на длительную историю, эмпирическое изучение вклада конкретных ресурсов в процесс преодоления, проблема комплексности и специфика актуализации ресурсов в разных видах труда, продолжает оставаться актуальной и находится в центре внимания исследователей (Иванова, Леонтьев, Осин и др., 2019). Особую значимость диагностика «копинг-поведения» получает при решении задач, связанных с подготовкой и отбором специалистов для работы в социально-ответственных профессиях, где субъект деятельности подвержен влиянию вредных физических и психических факторов. Результативность и надежность труда в данном случае во многом определяется стресс-резистентностью специалиста, его способностью качественно выполнять работу, несмотря на физические и психические перегрузки (Бодров, 2001).

Профессия военного летчика относится к числу социально-ответственных видов труда и по уровню стресса занимает верхние строки в рейтингах стрессогенности профессий. Среди критериев надежности и профессиональной пригодности летчиков, В. А. Пономаренко особо отмечает квалификационный уровень и способность к саморегуляции, рассматривая их неотрывно от личности летных специалистов и состояния профессионального здоровья («природной основы профилактики аварийности») (Пономаренко, 2014). Согласно статистике, 47% случаев аварий являются следствием квалификационных «ошибок пилота» и происходят по причине «отказов здоровья», связанных с его нарушениями и хронической усталостью. Совершенствование врачебно-летней экспертизы предполагает дополнение ВЛК методами, позволяющими диагностировать психологические составляющие профессионального здоровья. Разработка такого рода методических комплексов осуществляется в гражданской и военной авиации (Бодров, Зеленова, Лекалов и др., 2012; Зеленова, Лекалов, Костенко, 2016; и др.). Представленное эмпирическое исследование проводилось в рамках совместной темы ИП РАН и Филиала № 1 ФГКУ «ГВКГ им. ак. Н. Н. Бурденко» МО РФ» и направлено на изучение профессиональных и индивидуально-личностных ресурсов профессионала, позволяющих сохранять здоровье в экстремальных условиях летной деятельности.

Участники и методы исследования

В исследовании приняли участие военные летчики (n=82), проходившие ВЛК с целью подтверждения профессиональной пригодности по критериям состояния здоровья. Выявлялись основные показатели социально-демографического, профессионального и медицинского статуса респондентов. Психологическое тестирование включало следующие методики:

1. «Шкалу стрессогенности событий» (ШСС) Холмса–Page;
2. «Шкалу психологического стресса» (PSM-25) Л. Лемура, Р. Тессе, Л. Филлиона;
3. «Опросник выявления профессионального выгорания» (МВІ) К. Маслач, С. Джексон;
4. Опросник «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А. Б. Леоновой, С. В. Величковой;
5. Методику «Степень хронического утомления» (СХУ) А. Б. Леоновой, И. В. Шишкиной;
6. «Тест жизнестойкости» (ТЖ) С. Мадди;
7. Опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS).

Оценка профессионального статуса летчиков включала учет основных характеристик летной деятельности – «классности», «стажа» и «общего налета часов». Показатель «классность» является наиболее значимым индикатором мастерства и отражает уровень летной подготовки, сформированность навыков, знание теории, умение решать полетные задачи в соответствии с нормативами. Классность имеет следующие уровни: «3-й класс», «2-й класс», «1-й класс», «мастер, снайпер».

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программ SPSS. Применялись методы: сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни), корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), факторный анализ (метод главных компонент). Уровень достоверности – $p < 0,05$.

Результаты исследования

Обработка данных методик, диагностирующих наличие признаков негативных психических состояний (стресса, выгорания, утомления и сниженной работоспособности) показала, что летчики хорошо справляются с экстремальными условиями труда. В 95,8% случаев

мы зафиксировали «высокий уровень» сопротивляемости стрессу. В профессиональных ситуациях во время выполнения заданий 46,3% летчиков испытывают психическую напряженность «умеренной» степени. Показатели выгорания «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» у 66,6% летчиков также имеют «низкую» степень выраженности, что касается «редукции личных достижений», то низкие баллы зафиксированы лишь у 35,3% респондентов.

Опасным нарушением профессионального здоровья летчиков считается утомление, которое является основой аварийности в 10% случаев. По результатам обработки установлено, что у летчиков наблюдаются отдельные признаки утомления по шкале СХУ, однако у 43,5% летных специалистов установлена «умеренная» степень сниженной работоспособности и утомления в полете. Основные проявления сниженной работоспособности наблюдаются по шкалам ДОРС «сниженное самочувствие», «физиологический дискомфорт», «нарушения эмоционально-аффективной и мотивационной сферы».

Дальнейший анализ предполагал выявление взаимосвязей негативных психических состояний с социально-демографическими и профессиональными характеристиками летчиков, а также конструктивностью копинг-стратегий и уровнем жизнестойкости. С этой целью был проведен корреляционный анализ и сравнение групп, сформированных в зависимости от выраженности стресса, выгорания, утомления в соответствии с нормативами соответствующих методик.

Данные корреляционного анализа показали, что признаки хронического утомления у летчиков нарастают со стажем, объемом и сложностью профессиональной деятельности. Выявлено, что признаки выгорания по шкале «деперсонализация» (МВІ) усиливаются с возрастом, а «редукция личных достижений» в меньшей степени наблюдается у имеющих семью и детей летчиков. Что касается симптомов стресса, то их взаимосвязь с возрастом и стажем не достигает уровня статистической достоверности.

Соматическое здоровье летчиков находится в обратной связи с количеством детей в семье, стажем, возрастом, а также показателями летной загруженности и общей стрессонаполненности жизни — чем больше возраст, стаж, «налет часов» и количество эмоционально-значимых событий, тем ниже уровень здоровья респондентов.

Анализ матрицы интеркорреляций показал, что конструктивность преодолевающего поведения (индекс КСПП) находится в обратной связи с уровнем стресса, выгорания, хронического утом-

ления и сниженной работоспособности. Чем более активные и про-
социальные стратегии («Ассертивные действия», «Вступление в со-
циальный контакт», «Поиск социальной поддержки») представлены
в преодолевающем поведении летчиков, тем выше показатели стрес-
соустойчивости, психического равновесия и субъективного благо-
получия. Установлено также, что шкалы SACS тесно связаны с по-
казателями профессионального статуса – «стажем», «налетом часов»
и «классностью». Чем выше эти характеристики, тем чаще летчики
в ситуациях преодоления опираются на социальную поддержку и ре-
же используют «Асоциальные действия». Статистически достоверные
различия при делении выборки по величине КСПП получены отно-
сительно суммарного индекса PSM-25, показателей СХУ «Наруше-
ние эмоциональной сферы» и «Снижение мотивации», шкал ДОРС
«Утомление» и «Монотония» и шкал МБИ «Эмоциональное истоще-
ние» и «Деперсонализация». Уровень негативных проявлений вы-
ше у летчиков из группы с «низкой степенью» конструктивности ко-
пинг-стратегий по SACS. Сопоставление летчиков с разным уровнем
конструктивности КСПП по шкале ШСС не выявило достоверных
различий в уровне стрессонаполненности жизни в быту и на службе.

Установлено, что негативные состояния у летчиков находится
в тесной связи со шкалами жизнестойкости теста С. Мадди, диагно-
стирующего личностные предикторы стрессоустойчивости индиви-
да. Получено, что чем выше показатели внутреннего неблагополучия
по шкалам ДОРС, СХУ, PSM-25 и МБИ, тем ниже значения суммар-
ного и частных показателей по ТЖ С. Мадди. Состояние физичес-
кого здоровья оказалось в наибольшей степени связано с компонен-
том жизнестойкости «контроль», отражающего степень уверенности
человека в своей способности определять течение жизни. Компо-
нент жизнестойкости «принятие риска», характеризующий актив-
ную позицию индивида, направленность на взаимодействие с дру-
гими и отношение к стрессовым ситуациям как жизненному опыту,
выступил в качестве наиболее дифференцирующего группы по сте-
пени выраженности внутреннего неблагополучия и дискомфорта.

Анализ взаимосвязей профессионализма летчиков с уровнем
психической напряженности, жизнестойкости и особенностями
копинг-стратегий показал следующее. Летчики верхних и нижних
классностей по данным сравнительного анализа имеют одинаковый
уровень физического здоровья. При этом у высококлассных специ-
алистов ниже показатели выгорания по шкале МБИ «Деперсонали-
зация» – меньше выражены симптомы эмоциональной отстранен-
ности, безразличия, агрессии и раздражительности. Установлено,

что чем больше летный стаж и «общий налет часов» (опыт работы и степень загруженности), тем выше показатели хронического утомления. При этом профессионалы более работоспособны в полете по сравнению с летчиками нижних степеней классности – у них ниже уровень психофизиологического истощения и пресыщения, реже возникает дискоординация под влиянием перегрузок (ДОРС). Сравнительный анализ групп в зависимости от уровня профессионализма показал, что высококлассные профессионалы в ситуациях стресса реже используют неконструктивные копинг-стратегии (импульсивные, асоциальные, непрямые и осторожные действия).

Результаты факторного анализа уточнили и подтвердили основные взаимозависимости. Применение метода главных компонент с последующим варимакс-вращением позволило получить пятифакторную матрицу (73% совокупной дисперсии). Первый фактор получил название «Профессионализм» (23,41%). С высокими факторными весами в него вошли характеристики профессионального статуса «налет часов», «классность» и «стаж», а также такие социально-демографические характеристики как наличие семьи и детей. Второй фактор двухполюсной определяется суммарным индексом теста С. Мадди «Жизнестойкость» (18,4%). Показатели PSM-25, МВИ и ДОРС составили противоположный полюс данного фактора. Это означает, что чем выше уровень жизнестойкости, тем меньше выражены симптомы общей психической напряженности и выгорания, а также «стресс» и «утомление» на рабочем месте. Третий фактор «Пресыщение» (13,84%) составили шкалы ДОРС «пресыщение» и «монотония» характеризующие негативные переживания, связанные с преобладанием стереотипных и простых заданий. Четвертый фактор «Стрессонаполненность жизни» (10,01%) назван в соответствии с ведущей шкалой – суммарным индексом опросника ШСС и подтверждает выявленные ранее взаимосвязи стрессогенности жизни с уровнем хронического утомления (индекс ИХПУ) и конструктивностью копинг-стратегий (индекс КСПП SACS). Пятый фактор «Здоровье» (7,29%), отражает обратную связь соматического здоровья респондентов с признаками утомления и выгорания («редукция личных достижений»), импульсивностью поведения в трудных ситуациях (SACS), и прямую – с семейным статусом летчиков.

Заключение

Таким образом, на основе применения нескольких методов статистики были выявлены значимые взаимосвязи между показателями

профессионального здоровья летчиков, с одной стороны, и такими характеристиками как профессионализм, жизнестойкость и конструктивность преодолевающего поведения. Установлено, что чем выше уровень жизнестойкости и эффективность копинг-стратегий, тем ниже уровень стресса, выгорания и утомления летных специалистов. Показатели профессионального статуса летчиков («стаж», «налет часов» и «классность») достоверно связаны с показателями хронического утомления, сниженной работоспособности и выгорания, а также особенностями преодолевающего поведения. Уровень профессионального мастерства («классность») коррелирует со шкалами ТЖ «принятие риска» и «контроль», отражающими наличие внутреннего контроля, стремления испытать себя и веру в свои способности достигать поставленные цели. Показатели соматического здоровья тесно связаны с признаками утомления, профессиональной мотивации (шкалой МВІ «редукция личных достижений») и «Импulsивностью» (шкала SACS) и семейным положением летчиков.

По итогам исследования можно сделать вывод, что профессионализм и жизнестойкость являются самостоятельными и в значительной степени независимыми группами ресурсов преодоления субъекта труда, работающего в экстремальных условиях среды. Конструктивность копинг-стратегий в данном случае выступает в качестве комплементарной переменной, тесно связанной как с жизнестойкостью, так и профессиональной компетентностью индивида.

Полученные в исследовании результаты могут быть учтены в ходе разработки комплекса психологических методик для обследования летчиков в рамках врачебно-летной комиссии.

Литература

- Алдашева А. А.* Индивидуальные стратегии экологического поведения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 31–36.
- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
- Бодров В. А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2001.
- Бодров В. А., Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Сиваш О. Н., Таяновский В. Ю.* Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клинико-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.

Вып. 4 / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 381–415.

Журавлев А. Л., Крюкова Т. Л., Сергиенко Е. А. Основные направления психологических исследований совладающего поведения (вместо предисловия) // *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы* / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 7–19.

Зеленова М. Е., Захаров А. В. Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих // *Социальная психология и общество*. 2014. Т. 5. № 2. С. 50–70.

Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Костенко Е. В. Диагностика психологического здоровья летчиков в практике врачебно-летной экспертизы // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 3 (51). С. 114–121.

Иванова Т. Ю., Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Рассказова Е. И., Кошелева Н. В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // *Организационная психология*. 2018. Т. 8. № 1. С. 85–121.

Пономаренко В. А. Теоретические и экспериментальные данные о профилактике безопасности полета. М.: Когито-Центр, 2014.

Постылякова Ю. В. Ресурсы совладания со стрессом в разных видах профессиональной деятельности // *Психологический журнал*. 2005. Т. 26. № 3. С. 35–43.

Hardiness and coping strategies in the context of the diagnostics of professional health of pilots

M. E. Zelenova*, A. A. Lekalov**, V. S. Lim**, E. V. Kostenko**

* Institute of Psychology RAS, Moscow

** Psychophysiological laboratory, Branch No. 1 FGKU “GVKG Burdenko MO RF”; Moscow

The article presents the results of empirical study aimed at identifying internal resources that help relieve stress and preserve the professional health of specialists engaged in extreme and dangerous types of work (for example, military pilots). The constructiveness of coping strategies, the level of professionalism and the characteristics of hardiness were considered as the resources for stress tolerance of specialists. The state of physical health was determined by the results of medical examination. The fullness of life stressful events and diagnostics of psychological well-being level (the presence of

signs of negative mental states) were carried out on the basis of standardized psychological tests. It was found that professionalism and hardiness were independent groups of coping resources of the subject of labor, working in extreme environmental conditions. The constructiveness of coping strategies in this case acts as complementary variable, which is closely related to both the hardiness and professional competence of the individual.

Keywords: stress, professional health, internal resources of coping, professionalism, constructive coping strategies, hardiness.

Мотивационные детерминанты жизнестойкости личности

Е. А. Карпова

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург
dr.karpova@mail.ru

Статья раскрывает содержание понятия «жизнестойкость». Основное внимание сосредоточено на взаимосвязи жизнестойкости и динамичных образований личности. Проанализированы основные компоненты жизнестойкости. Определены конкретные факторы, оказывающие влияние на выбор стратегии поведения личности в ситуациях неопределенности. Рассмотрены различные ситуации, в которых личность вырабатывает индивидуальный способ реализации своей активности. Акцентируется внимание на значимых взаимосвязях жизнестойкости и мотивационного профиля. Определены мотивационные факторы и их взаимосвязь с жизнестойкостью.

Ключевые слова: жизнестойкость, личность, мотивационный профиль, стратегии поведения, совладающее поведение.

Жизнестойкость представляет собой важный ресурс развития личности, который способствует преодолению проблем, стрессов, кризисных ситуаций, с которыми сталкивается человек в процессе своей жизнедеятельности. Понятие жизнестойкости было введено С. Мадди и С. Кобейза. Жизнестойкость личности включает три основания: вовлеченность, контроль и принятие риска (Maddi, 1999). Высокие показатели по всем трем составляющим жизнестойкости дают уверенность в том, что и в реальной ситуации человек легко преодолеет трудности, справится с запутанными сложными обстоятельствами. Рассмотрим более подробно основные составляющие данного феномена.

Вовлеченность представляет собой заинтересованность и полное погружение в процесс деятельности с целью найти или создать что-то полезное, интересное или мотивирующее для себя или дру-

гих. Вовлеченность проявляется также и в том, что человек получает удовлетворение от процесса и результата этой деятельности.

Для контроля характерна убежденность в том, что любое действие позволяет человеку повлиять на результат происходящего, пусть даже это действие не идеально и успех окончательно не гарантирован. Сформированная компетенция контроля помогает человеку самостоятельно выбирать и следовать своему жизненному маршруту. Диаметрально противоположным поведением является беспомощность, слабая целеустремленность и информированность.

И наконец, принятие риска — это уверенность человека в том, что действия в условиях неопределенности, отсутствия необходимой информации или навыков, несмотря ни на что, будут способствовать его развитию. Вполне вероятно, что это произойдет благодаря знаниям, которые он получит из приобретенного практического опыта. Рассматривая свою жизнь как способ получения новых знаний и нового опыта, человек приобретает уверенность действовать и в незнакомых для него ситуациях или в ситуациях ограниченной информации (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Стратегии совладания с трудными ситуациями как правило, формируются под влиянием выраженности того или иного компонента в общей структуре жизнестойкости. Процесс социализации оказывает заметное влияние на уровень жизнестойкости и имеет тенденцию к изменениям в любом возрасте (Карпова, Воронина, 2013).

Жизнестойкость играет ведущую роль при выборе алгоритма действий и поведения человека в проблемной ситуации. Жизнестойкость помогает избежать когнитивного диссонанса и справиться с различными дилеммами.

Высокий уровень жизнестойкости позволяет преодолеть отрицательное воздействие стрессовых ситуаций. В кризисных ситуациях человека остается активным и сохраняет свои убеждения. Активность личности в осуществлении жизненной стратегии проявляется как способность к балансу между желаемым и необходимым, личным и социальным. В свою очередь, такой баланс устанавливается благодаря проявлению инициативы и ответственности (Карпова, Кукулите, Чумаков, 2018).

В различных ситуациях личность вырабатывает индивидуальный способ реализации своей активности, при котором и происходит распределение инициативы и ответственности. Однако жизнестойкость не всякий раз соотносится с активным преобразованием ситуации. Даже обладая абсолютной уверенностью в том, что со-

бытия не выходят из-под контроля, человек может занять пассивную позицию и не иметь психологических ресурсов для воздействия на ход жизни.

По мнению Л. И. Анцыферовой, внутренний мир личности — это сложная система способов субъективной переработки личностью тех ситуаций, в которые личность попадает или тех, которых она намеренно ищет. Это может быть связано с желанием человека стать активным участником каких-либо событий, а также повлиять на ход этих событий (Анцыферова, 1981).

Данное положение отражено и в работах Е. П. Белинской, которая отмечает, что совладание с трудными жизненными ситуациями следует рассматривать как динамический процесс, который актуализируется под влиянием ситуации и личностных особенностей субъекта. В результате формируется комплексная когнитивная оценка ситуации в целом, которая включает в себя как интерпретацию субъектом ситуации, так и его представления о себе в этой ситуации (Белинская, 2009).

Успешность когнитивного оценивания зависит от уверенности человека в способности контролировать события окружающего мира. К критериям оценивания Л. И. Анцыферова относит: умение регулировать негативные чувства и аффекты; способность актуализировать свой жизненный опыт; развивать уверенность. Главным результатом когнитивного оценивания является заключение человека о подконтрольности актуальной ситуации и уверенности в ее трансформации. Воспринимая ситуацию как подконтрольную ему, он использует конструктивные стратегии, преобразующие ситуацию (Анцыферова, 1994).

Жизнестойкость актуализирует наши внутренние мотивы, формирует определенную систему мотивации. Структурированный взгляд на проблему исследования мотивационного поля личности представлен в концепции Ш. Ричи и П. Мартина. Представленная концепция подкреплена инструментом исследования мотивационного профиля личности. Мотивационный профиль личности представляет собой индивидуальное сочетание наиболее и наименее актуальных потребностей для конкретного человека.

Авторы концепции выделили двенадцать мотивационных факторов, в числе которых представлены: материальные поощрения; условия труда; четкое структурирование работы; социальные контакты; долгосрочные, стабильные, доверительные отношения; признания со стороны других людей, стремления к достижениям; необходимость влиятельности и власти; креативность; разнообразие

при выполнении трудовых операций; самосовершенствование и развитие; интересная и полезная работа (Ричи, Мартин, 2004).

В 2017 г. мы провели исследование, целью которого явилось исследование проблемы жизнестойкости и ее взаимосвязи с мотивационным профилем личности. Гипотезой исследования стало предположение о наличии взаимосвязи между жизнестойкости и факторами мотивации личности.

В качестве метода исследования использовался опрос и методы математической статистики. В качестве инструментария применялась методика изучения мотивационного профиля личности (Ш. Ричи и П. Мартин) и Тест жизнестойкости С. Мадди.

В результате исследования мы определили общий уровень жизнестойкости. И у женщин, и мужчин были зафиксированы средние результаты жизнестойкости, а именно – 78,62 и 90,01 балла соответственно. Составляющие жизнестойкости: вовлеченность и контроль, также имеют средние показатели. В группе женщин вовлеченность – 32,5; контроль – 29,01 балла. В группе мужчин вовлеченность – 37,06; контроль – 33,39 балла. Зафиксированы статистически значимые различия у мужчин и женщин по показателю «принятие риска», 19,61 и 17,72 балла.

Наиболее выраженными факторами мотивационного профиля у женщин являются: интересная работа, материальное вознаграждение и структурирование работы. Для мужчин наиболее важными факторами являются такие как материальное вознаграждение, интересная работа и разнообразие деятельности.

В результате корреляционного анализа было определено, что в группе женщин существует положительная взаимосвязь между показателем жизнестойкости «вовлеченность» и мотивационными факторами «признание» ($r=0,548$, $p\leq 0,05$) и «креативность» ($r=0,468$, $p\leq 0,05$). Реализация мотивационного фактора «признание» во многом будет зависеть от индивидуальности человека, поскольку разные люди нуждаются в различных формах признания. Контроль способствует достижениям ($r=0,515$, $p\leq 0,05$), а принятие риска, в свою очередь, имеет взаимосвязи с такими факторами как «достижения» ($r=0,472$, $p\leq 0,05$), «креативность» ($r=0,595$, $p\leq 0,01$) и «самосовершенствование» ($r=0,482$, $p\leq 0,05$).

В группе мужчин зафиксированы положительные корреляционные связи между таким показателем жизнестойкости как принятие риска и разнообразие в деятельности ($r=0,506$, $p\leq 0,05$), что, по-видимому, свидетельствует о постоянной необходимости переключаться на что-то новое. Логично предположить, что жесткое планирование

деятельности практически исключает риск, в то же время постоянные перемены инициируют приток новой энергии и создание новых инициатив.

Принятие риска имеет взаимосвязь и с креативностью ($r=0,561$, $p \leq 0,05$). Потребность быть креативным, это всегда риск: нестандартные решения, не всегда принимаются социумом, а их автор часто подвергается критике. Однако, укрепление уверенности в своем творчестве, создает хорошие предпосылки для повышения общего уровня жизнестойкости.

Общий показатель жизнестойкости мужчин имеет взаимосвязи с разнообразием ($r=0,493$, $p \leq 0,05$) и креативностью ($r=0,569$, $p \leq 0,05$).

Наиболее выраженными факторами мотивационного профиля у женщин являются: интересная работа, материальное вознаграждение и структурирование работы. Для мужчин наиболее важными факторами являются такие факторы, как материальное вознаграждение, интересная работа и разнообразие деятельности.

Жизнестойкость, как показало исследование, имеет корреляционные взаимосвязи с такими мотивационными факторами как креативность, признание, интересная работа, разнообразие в деятельности. Таким образом, можно констатировать, что жизнестойкость действительно является системообразующим фактором личности, и она взаимосвязана с мотивационными факторами. Можно также отметить, что проделанная работа в этом направлении позволяет наметить вектор исследований более широкого содержательного плана, позволяющий решать стратегические задачи.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Анциферова Л. И.* Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
- Белинская Е. П.* Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2019).
- Карпова Е. А., Воронина М. Ф.* Ресурсные факторы жизнестойкости // Социология и право. 2013. № 3 (20). С. 5–11.
- Карпова Е. А., Кукулите Т. Г., Чумаков Н. А.* Дискурс о жизненных стратегиях личности // Современные научные исследования

в сфере педагогики и психологии: Сборник результатов научных исследований. Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. С. 893–899.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией: Учеб. пособие для вузов / Пер. с англ. под ред. Е. А. Климова. М., 2004.

Maddi S. Early antecedents of hardiness // Consulting Psychology Journal. Spring 1999. V. 51. № 2. P. 106–117.

Motivational determinants of personality hardiness

E. A. Karpova

St Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, St Petersburg

The article reveals the content of the concept of “hardiness”. The focus is on the hardiness and dynamic formations of the individual. The main components of hardiness are analyzed. The specific factors that influence the choice of strategy of personality behavior in situations of uncertainty are identified. Various situations are considered in which a person develops an individual way for realizing his activity. Attention is focused on significant relationships of hardiness and motivational profile. Motivational factors and their relationship with hardiness are defined.

Keywords: hardiness, personality, motivational profile, behavior strategies, coping behavior.

Отношение молодых людей к трудным жизненным ситуациям: ментальная репрезентация и совладающее поведение

М. А. Крылова

Костромской государственной университет, Кострома
marinakrilova82@gmail.com

Статья посвящена ментальной репрезентации и совладающему поведению в трудной жизненной ситуации у молодых людей. Целью нашего исследования стало изучение представлений о трудной (стрессовой) ситуации молодыми людьми. Определены ситуации, которые оцениваются как наиболее трудные, стрессовые. Проведен анализ когнитивного состава понятия «трудная жизненная ситуация» и данных проективной рисуночной методики. На основе корреляционного анализа делается вывод о том, что при положительной оценке трудных жизненных ситуаций молодые люди чаще используют продуктивные способы совладающего поведения — планирование решения проблемы и положительную переоценку событий. При отрицательных оценках респонденты склонны к бегству—избеганию и конфронтативному копингу.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, когнитивная оценка, совладающее поведение, трудная жизненная ситуация, стратегии совладания.

На современном этапе развития психологической науки в целом и психологии личности в частности, интерес к исследованиям в области совладания, поведения человека в трудных, проблемных, стрессовых ситуациях, все больше возрастает. Основные исследования проводятся по таким направлениям, как: факторы совладающего поведения и их взаимодействие; типология стресса и совладания (виды стрессовых ситуаций и копинг-стратегий); модели ресурсов совладающего поведения (социальные, когнитивные); динамика и развитие совладающего поведения в онтогенезе (в том числе, передача и «наследование» паттернов копинга); совладание индивидуального и коллективного субъекта (в том числе диадический копинг

в семье); кросс-культурные исследования стресса и совладания; совладание со стрессовыми состояниями, возникшими в близких отношениях (Крюкова, 2013). Однако работ, касающихся ментальной репрезентации трудной жизненной ситуации (далее ТЖС), на наш взгляд, существует недостаточно. Из наиболее известных можно выделить работы О. В. Александровой, Е. В. Битюцкой, Т. Л. Крюковой, С. А. Хазовой. Между тем изучение субъективной оценки человеком ТЖС, построение ее образа может являться актуальной проблемой психологии стресса и совладающего поведения, психологии развития и психологии личности. Это обусловлено тем, что в исследованиях чаще применяется термин «когнитивная оценка», который, на наш взгляд, несколько уже, чем «ментальная репрезентация», так как включает в себя осознанное оценивание субъектом стрессовой (трудной) ситуации, тогда как ментальная репрезентация включает в себя и бессознательный, эмоциональный компонент, который проявляется в рисунках респондентов.

Одним из основных понятий данного исследования является «ментальная репрезентация». Э. Бейтс определяла термин «репрезентация» как «вызывание в памяти различных процедур действия для оперирования с объектом при отсутствии перцептивного подкрепления со стороны объекта» (Бейтс, 1984). Вслед за М. А. Холодной под ментальной репрезентацией мы понимаем построение образа с оценкой ситуации. В зависимости от происходящего она может изменяться посредством интеллектуальных «усилий» человека (Холодная, 2002).

На основе сказанного выше мы проанализировали представления субъекта о ТЖС, выделили ключевые признаки в оценке существующих и предполагаемых проблем. В связи с этим одной из задач нашего исследования стало изучение представлений о трудной (стрессовой) ситуации молодыми людьми.

Для изучения специфики ментальной репрезентации использовали следующие психосемантические методики:

1. Словесное описание трудной жизненной ситуации.
2. Когнитивный состав понятия (в данном задании дается инструкция: написать прилагательные, которые описывают понятие ТЖС).
3. Проективный рисунок с инструкцией: нарисовать в образной форме ТЖС с учетом наиболее важных, существенных характеристик.
4. Семантический дифференциал оценки трудных жизненных ситуаций (составлен для целей исследования).

Для изучения поведения человека в ТЖС был использован Опросник способов совладания (ОСС) Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988) в адаптации Т. Л. Крюковой и др. (2003).

Выборка: 122 чел. в возрасте от 19 до 35 лет. Средний возраст – 26,4 года.

Вначале хотелось бы отметить те ситуации, которые представляются молодыми людьми как субъективно трудные (общее количество ответов составило 122). С помощью контент-анализа были предварительно определены 5 типов ситуаций, касающихся определенных признаков. Это конкретное указание на ситуацию; общее описание ситуации; описание с точки зрения последствий ситуации; описание с точки зрения усилий, прикладываемых человеком; описание с точки зрения поддержки других людей.

1. Общее описание ситуации присутствует в 33,6% ответов респондентов: *«...ситуация, когда человек не в состоянии решить проблеме...»* (Антон, 26 л.); *«...в которой очутился из-за независящих от тебя причин...»* (Елена, 25 л.).
2. Описание ТЖС с точки зрения усилий, вкладываемых человеком (22,95%): *«...сложная, но если приложить определенные усилия...»* (Дарья, 24 г.); *«...нужно затратить для решения много ресурсов...»* (Михаил, 21 г.).
3. Конкретное указание на ситуацию (21,31%): *«Человек стал инвалидом после аварии...»* (Влад, 20 л.); *«Самая трудная жизненная ситуация – это смерть. Все остальное – это мелкие неприятности, ну может быть не мелкие, но неприятности»* (Ирина, 35 л.).
4. Описание ТЖС с точки зрения последствий (17,21%): *«...произошла трагедия (смерть), повлекшая за собой трудности в существовании; когда человек не может позволить себе жить в удовольствие. Когда духовно тяжело жить без этого человека...»* (Анастасия, 27 л.); *«...может закончиться суицидом...»* (Галина, 20 л.).
5. Описание ТЖС с точки зрения поддержки других (4,9%): *«...не может справиться без помощи других...»* (Ирина, 29 л.); *«...когда ему некому помочь»* (Виктор, 27 л.).

В словесных (вербальных) описаниях респонденты часто описывают свой личный опыт, ситуации, которые происходили с ними в прошлом и присутствуют в повседневной жизни: на работе, дома, у знакомых, в общественных местах. Описывая ситуации, респондент анализирует событие (дает когнитивную оценку) с точки зрения влияния стрессовой ситуации, ее последствий, ресурсного вклада в преодоление трудностей конкретного человека.

Интерес представляют рисуночные метафоры. Получено 85 рисунков. Которые были обобщены следующим образом:

- 1) *Преодоление препятствия, принятие решения* (22,35%) – ямы, высокие стены, помещения, не имеющие выхода.
- 2) *Болезнь, инвалидность, смерть* (17,64%) – больница, машина скорой помощи, медицинские принадлежности.
- 3) *Метафоричность* (16,47%) – проекция трудных/стрессовых ситуаций через изображение явлений природы (молнии, поражающие людей, дождь, увядающие растения и др.).
- 4) *Одиночество* (14,11%) – детский дом, вокзал, где спит ребенок.
- 5) *Работа, безработица, финансовые трудности* (9,41%) – закрытый завод, перед которым стоят люди, отсутствие денежных средств на еду, неудовлетворение от работы.
- 6) *Стихийные бедствия* (9,41%) – обвал жилого дома, пожар.
- 7) *Крик о помощи* (5,88%) – изображение через символы: знаки восклицания, сигнал «SOS».
- 8) *Поломка техники* (4,7%) – взрывающийся компьютер, сломанный автомобиль.

В отличие от вербальных описаний ситуация в рисуночных метафорах не всегда представляется как однозначная и конкретная; часто можно заметить, что на бумаге отображаются более глобальные проблемы: безработица, природные катаклизмы, разрушения, сиротство.

Те молодые люди, которые связывают ТЖС с ее решением, преодолением, изображают человечков в ямах, тупиках, пытающихся найти способ выбраться из данного положения – либо самостоятельно, либо с помощью других людей. Это может свидетельствовать о том, что они не пытаются избегать трудностей, но стараются разрешать возникающие проблемы.

Респонденты, отображающие на бумаге медицинские принадлежности, инвалидные коляски, могилы, чаще всего сами переживают эту ситуацию в данный момент времени, либо пережили ее в прошлом. Именно поэтому, как нам кажется, на рисунках изображаются конкретные детали этой ситуации.

Конкретное указание на трудности присутствует в описаниях проблем на работе, при финансовых затруднениях, являющихся, на наш взгляд, временными трудностями, которые можно решить, приложив определенные усилия.

Метафорический характер изображения увядающих растений, которые нужно в обязательном порядке поливать, подкармливать,

состоит в необходимости дальнейшего роста и поиске помощи. Представляется, что это действительно может означать то, что в ТЖС человеку нужна поддержка со стороны, возможно, помощь специалистов, значимых других для преодоления возникшей трудности, так как не всегда личность может найти «выход» самостоятельно. Молодые люди, изображающие человека, которого поражает молния, либо находящегося под дождем, в одиночестве, скорее всего, испытывают трудности в общении, что для конкретного индивида также является трудной жизненной ситуацией.

Пожар, разрушения, взрывы, катастрофы рисуют молодые люди, которые, возможно, ассоциируют ТЖС с глобальными проблемами общества, не затрагивающими их лично.

Анализ прилагательных (общее количество слов – 957) позволил выделить следующие категории:

- 1) *Сила воздействия* (35,52%) – тяжелая, изнуряющая, жесткая, сложная, утомительная, слабая и др.
- 2) *Эмоциональный фон* (15,77%) – отрицательная, горькая, неприятная, огорчающая, нервная, любопытная и др.
- 3) *Временные характеристики* (13,68%) – неожиданная, чрезвычайная, рутинная, запущенная, закономерная, глобальная, повторяющаяся и др.
- 4) *Безопасность* (12,95%) – опасная, конфликтная, аварийная, беспощадная, полезная, неопытная и др.
- 5) *Разрешимость* (12,95%) – решаемая, преодолимая, сложно разрешимая, запутанная, меняющаяся и др.
- 6) *Прогнозируемость* (9,1%) – безысходная, неблагоприятная, личная, безнадежная, жизненная, интересная и др.

В когнитивном составе понятия значительно преобладают оценки, связанные с тем, какое воздействие на человека оказывает жизненная ситуация: сильное, либо слабое. Это, в свою очередь, может повлиять на своевременное реагирование на ситуацию, а в дальнейшем – на положительное решение возникшей проблемы. Для респондентов важна и эмоциональная составляющая, включающая отрицательные и положительные эмоции, тревожность. Это может свидетельствовать о том, что от контроля своего эмоционального состояния зависит адекватное принятие решений в стрессовой ситуации. Далее положительный исход в ТЖС связывается с временными характеристиками (характер возникновения, длительность и частота происходящих событий), безопасностью и разрешимостью возникающей проблемы.

При составлении семантического дифференциала нами были взяты те универсальные характеристики (сила, активность, эмоциональность, отношение и т.д.), которые присутствуют в большинстве исследований трудных ситуаций с использованием данного метода (Ч. Осгуд, О. В. Александрова, М. А. Холодная). Респонденты анализировали ТЖС, которую обозначали самостоятельно как важную для себя на данный момент времени, либо произошедшую с ними в ближайшем прошлом (не позднее, чем 1 месяц назад), и она соответствовала той, что представлена в Опроснике способов совладания (процентное соотношение жизненных ситуаций указано ниже).

На основе эмпирических данных, полученных при обработке семантического дифференциала, были сделаны следующие выводы. В описании трудных жизненных ситуаций молодыми людьми наиболее часто встречаются характеристики, относящиеся к разрешимости/неразрешимости и значимости проблемы: «значимая» ($M=4,7$; $SD=1,8$, где M – среднее значение, SD – стандартное отклонение), «разрешимая» ($M=4,5$; $SD=1,8$), «жизненная» ($M=4,5$; $SD=1,8$), «личная» ($M=4,3$; $SD=2,1$). Наименьшую роль играют шкалы, в которых присутствуют прилагательные, характеризующие силу и положительную переоценку ситуации: «слабая» ($M=1,5$; $SD=1,3$), «маленькая» ($M=1,9$; $SD=1,5$), «спокойная» ($M=2,0$; $SD=1,3$), «радостная» ($M=2,0$; $SD=1,4$), «хорошая» ($M=2,0$; $SD=1,8$). Среднее значение было выявлено по шкалам, относящимся к безопасности преодоления трудностей: «обнадеживающая» ($M=2,9$; $SD=2,2$), «определенная» ($M=3,6$; $SD=2,2$), «безопасная» ($M=3,6$; $SD=2,2$), «меняющаяся» ($M=3,9$; $SD=2,0$).

Здесь на первый план выходят характеристики, связанные с разрешением и значимостью проблемы, а также ситуации, которые характеризовались как личные, т.е. касающиеся самого молодого человека, а не его окружения. В целом видна положительная оценка возникших трудностей, что позволяет сделать следующий вывод: описываемые ситуации либо были успешно преодолены, либо не вызвали у респондентов сильных негативных последствий.

Далее мы соотносили выделенные оценочные характеристики ситуации со стратегиями совладания.

Трудные жизненные ситуации, которые оценивались в Опроснике способов совладания, были связаны у молодых людей с *работой* (22,13%) (не выполнение распоряжений руководства, отказ от дополнительной нагрузки, не связанной с должностной инструкцией, перевод на другое рабочее место, конфликты с клиентами и др.), бо-

лезню/смертью близкого (15,57%), ссорой/разлукой с близким человеком (14,75%), проблемами в учебе (12,29%), поломкой техники, авариями (9,01%), переездом (9,01%), финансовыми трудностями (8,19%), и другими проблемными ситуациями (9,01%).

При анализе перечисленных выше ситуаций чаще выбирались такие стратегии совладания, как: планирование решения проблемы ($M=64,11$; $SD=20,83$), самоконтроль ($M=59,8$; $SD=19,61$) и поиск социальной поддержки ($M=59,7$; $SD=22,37$). Реже использовалось дистанцирование ($M=41,57$; $SD=19,7$), конфронтативный копинг ($M=42,92$; $SD=18,41$) и бегство-избегание ($M=44,7$; $SD=22,88$).

В результате корреляционного анализа ($p \leq 0,05$) наибольшее количество взаимосвязей обнаружилось у стратегии совладающего поведения «бегство–избегание». Корреляции выявлены с такими оценками ситуации, как: «плохая» ($r=0,192$), «пессимистическая» ($r=0,197$), «агрессивная» ($r=0,221$), «скучная» ($r=0,240$), «устойчивая» ($r=0,246$), «безнадежная» ($r=0,264$), «сложная» ($r=0,279$), «тревожная» ($r=0,327$), «опасная» ($r=0,336$), «жесткая» ($r=0,345$), «мертвая» ($r=0,348$), «тяжелая» ($r=0,362$), «неопределенная» ($r=0,394$), «обидная» ($r=0,405$), «неразрешимая» ($r=0,421$). В данном случае мысленные и поведенческие усилия по уходу от проблемной ситуации предпринимаются молодыми людьми тогда, когда ситуация вызывает негативные эмоции и наиболее сильно воздействует на человека.

Конфронтативный копинг, т. е. агрессивные усилия по изменению ситуации, выбирается тогда, когда ТЖС представляется как: «сложная» ($r=0,188$), «безнадежная» ($r=0,214$), «тревожная» ($r=0,250$), «неопределенная» ($r=0,260$), «грустная» ($r=0,264$), «скучная» ($r=0,272$), «опасная» ($r=0,288$), «плохая» ($r=0,288$), «тяжелая» ($r=0,301$), «неразрешимая» ($r=0,306$), «жесткая» ($r=0,316$), «мертвая» ($r=0,324$), «обидная» ($r=0,372$).

Планирование решения проблемы связано с оценкой ситуации с точки зрения возможного положительного исхода, сложности, изменения, разрешимости. Планирование решения проблемы коррелирует с оценками: «яркая» ($r=0,199$), «определенная» ($r=0,207$), «оптимистическая» ($r=0,228$), «простая» ($r=0,231$), «уравновешенная» ($r=0,246$), «радостная» ($r=0,261$), «разрешимая» ($r=0,278$), «безопасная» ($r=0,288$), «жизненная» ($r=0,291$), «гибкая» ($r=0,336$), «легкая» ($r=0,352$), «обнадеживающая» ($r=0,357$).

Положительная переоценка выбирается тогда, когда ситуация наполняется личностным смыслом. Она связана со следующими характеристиками: «оптимистическая» ($r=0,192$), «разрешимая» ($r=0,198$), «гибкая» ($r=0,204$), «полная» ($r=0,225$), «жизненная» ($r=0,231$), «без-

опасная» ($r=0,243$), «яркая» ($r=0,265$), «интересная» ($r=0,283$), «радостная» ($r=0,338$), «обнадеживающая» ($r=0,431$).

Используя стратегии совладания в повседневной жизни, молодые люди склонны прибегать к проблемно-фокусируемым усилиям по изменению сложных ситуаций, обращаясь, если требуется, к помощи и поддержке других людей.

При положительной оценке ТЖС молодые люди чаще используют продуктивные способы совладающего поведения – самоконтроль, планирование решения проблемы и положительную переоценку событий, способствующую росту человека как личности. При отрицательных оценках респонденты склонны к избеганию, уходу от проблем.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Ключевыми признаками трудной/стрессовой ситуации, от которых зависит ее положительный исход, являются у молодых людей: сила воздействия, эмоциональный фон, временные характеристики, безопасность и разрешимость.
2. ТЖС у респондентов связаны в основном с работой, учебой, здоровьем и разногласиями с близкими людьми.
3. Совладание с трудностями сопряжено с планированием решения проблем, контролем над сложившейся ситуацией и поиском поддержки со стороны значимых людей.
4. Наибольшее количество взаимосвязей между совладающим поведением и оценкой трудной жизненной ситуации выявлено в таких стратегиях совладания, как бегство-избегание, конфронтативный копинг, планирование решения проблемы и положительная переоценка.

Литература

- Бейтс Э. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика: Сборник статей. М.: Прогресс, 1984. С. 50–102.
- Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова: Основной выпуск. 2013. Т. 19. № 5. С. 184–188.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

Attitudes of young people to difficult life situations: mental representation and coping behavior

M. A. Krylova

Kostroma State University, Kostroma

The article is devoted to mental representation and coping behavior of young people in difficult life situations. The aim of our research was to examine the representations and evaluation of a difficult (stressful) situation by young people. We identified situations that were defined as the most difficult, stressful. The analysis of the cognitive composition of the concept “Difficult life situation” and the projective drawing technique were carried out. On the basis of a correlation analysis, it was concluded that with a positive evaluation of DLS, young people more often used productive ways of coping behavior – planning of problem solving and positive reassessment of occasions. With negative evaluations, respondents were prone to escape-avoidance and confrontational coping.

Keywords: mental representation, cognitive assessment, coping behavior, difficult life situation, coping strategies.

Когнитивно-поведенческие маркеры средней зрелости (40–60 лет): готовность к переменам и стратегии межличностных отношений

Т. Л. Крюкова, О. Р. Воронцова

Костромской государственной университет, Кострома
tat.krukova44@gmail.com
olga_voroncova_p@mail.ru

Жизнь поколения «neither young, nor old» (ни молодые, ни старые) в транзитивном обществе, характеризующемся нестабильностью, неопределенностью ценностей и норм, нередко сопровождается отрицанием любых изменений, неготовностью к переменам и сложностями построения близких межличностных отношений. В статье рассматриваются результаты изучения таких эмпирических референтов субъективного зрелости как личностная готовность к переменам, уровень интеллекта и стратегии межличностных отношений (все имеют невысокие значения). Утверждается, что когнитивно-поведенческие маркеры субъективного зрелости средней зрелости, которые выводятся с их помощью, достаточны для определения средней зрелости, хотя и ставят ряд следующих неотложных вопросов о предотвращении негативных зрелостных изменений, в том числе, в сфере совладания со стрессом.

Ключевые слова: субъективный зрелость, когнитивно-поведенческие маркеры, готовность к переменам, стратегии отношений.

Учитывая растущую популяцию стареющих зрелых, существует необходимость лучше знать факторы, улучшающие качество жизни пожилых людей (Center for Disease..., 2017). Изменения в зрелости, отношениях, системах поддержки и социальной идентичности неизбежны на протяжении жизни. Множество исследований в западной науке направлено на уменьшение негативных последствий изменений в результате старения, а также гарантированное улучшение качества жизни (Bowling, Liffе, 2011). Безусловно, представления о зрелости и поколенной принадлежности, идентичности имеют со-

---

Исследование имеет финансовую поддержку РФФИ, проект № 18-013-01005.

циально-экономическое и культурно-историческое происхождение, так же, как и понятия половой (и гендерной), расовой, религиозной принадлежности, несмотря на существующую биологическую детерминацию процесса старения.

Вызовы нового мира — «текучей современности», «транзитивного общества» — касаются всех поколений. Но если для молодого поколения настоящее время — это привычная часть мира, в котором они родились, то для людей в возрасте 45–60 лет, численность которых на 1 января 2018 г. составляла 40373 тыс. чел. (29% населения России), с высокой вероятностью характерны потеря чувства нового, отставание от жизни как результат ускорения темпов развития общества. В настоящее время в мировой психологической науке заметна тенденция перемещения центра исследования с раннего онтогенеза на период взрослости, где изучается личность зрелого человека (Анцыферова, 2006).

Л. И. Анцыферова еще в 1990-е годы противопоставляла деформированное развитие личности конструктивным силам человека, убеждения в том, что фактором противодействия регрессу, деформации, преждевременному старению служат осмысленная субъектность, конструктивно преобразующая деятельность человека, исключают негибкие и самопоражающие стратегии жизни. Новые линии развития порождает не возраст сам по себе, а рефлексия собственного жизненного опыта, умение совладать с трудными обстоятельствами, меняющими жизнь (Анцыферова, 1998).

В нашем исследовании мы называем данную возрастную когорту поколением «*neither young, nor old*» (ни молодые, ни старые). В ней доминируют поколение X, условия формирования которого связаны с социально-экономической и политической эпохой, начиная с холодной войны, застоя, перестройки, войны в Афганистане; социальными явлениями как СПИД, наркотики, ориентация на массовое потребление, коррупция и т. д. Представителям этого поколения присущи высокая работоспособность и производительность, настойчивость и усердие, стремление сделать карьеру, высокий уровень образования, стремление быть успешными, но зачастую не поиск новых путей, а использование проверенных маршрутов. Именно это поколение знает жизнь вне эры Интернета. Их важная установка — «меньше перемен» (Крюкова, 2017). Слишком стремительные перемены в обществе ведут к негативным переживаниям жизненных событий теми субъектами, кому недостает адекватного понимания и принятия перемен как вызова или области завтрашнего жизненного стиля.

Субъективный возраст относится к тому, насколько молодым или старым ощущает себя человек, по сравнению со своим реальным биологическим возрастом (Kastenbaum, Durbin, Sabatini et al., 1972). Кроме того, обычно принимаются во внимание такие факторы, как удовлетворенность жизнью, частота и интенсивность физических и когнитивных симптомов старения, а также представления, установки и страхи о процессе старения (El Habre, 2018). По мнению Е. А. Сергиенко, субъективный возраст имеет большее значение для оценки психологического здоровья человека, чем хронологический возраст. Оценка субъективного возраста человеком неоднородна: наблюдается либо идентичная оценка своего хронологического возраста, либо тенденция к его занижению или завышению, так называемая *возрастная иллюзия* (Сергиенко, 2018). Данные, полученные при личном обследовании на большой выборке условно здоровых белых американцев (1315 чел.), говорят, что 18% участников исследования в возрасте 55–70 лет чувствуют себя моложе своих лет в среднем на 5,24 года (El Habre, 2018, p. 140).

Опираясь частично на модель субъективного возраста Р. Кастенбаума, мы выделили 4 показателя средней взрослости (Kastenbaum, Durbin, Sabatini et al., 1972): *уровень развития мышления* (как показатель интеллектуального возраста); *стратегии межличностных отношений* (как показатель социально-психологического возраста); *оценка общего самочувствия* (как показатель психо-биологического возраста); *показатель готовности к переменам* (как показатель эмоционального-психологического возраста).

Целью данной статьи является подтверждение идеи о том, что ряд данных показателей, выраженных через выделенные в предыдущих исследованиях эмпирические референты, являются достаточными когнитивно-поведенческими показателями субъективного возраста средней взрослости. В качестве эмпирических референтов сейчас выступают установки личности на стратегии межличностных отношений (социально-психологический аспект); уровень личностной готовности к переменам (эмоционально-психологический аспект) и уровень развития мышления (интеллектуальный показатель возраста).

Выборка

В эмпирическом исследовании участвовали 110 испытуемых: 60 в возрасте от 40–50 лет, из них 35 женщин и 25 мужчин, и 50 чел. в возрасте 50–60 лет, из них 25 женщин и 25 мужчин, давших добровольное

согласие принять участие в исследовании. Это люди с разным уровнем образования (половина имеет высшее образование), семейным положением (три четверти женаты/замужем), сферами деятельности (две трети занимаются умственным трудом), одна треть имеют дачи (характеристика жизненного стиля), почти все имеют детей/внуков. Общая совокупность респондентов ($n=110$) была разбита на 4 выборки, где N1 – люди 40–50 лет ($n=60$, средний возраст – $44,7 \pm 2,8$); N2 – люди 50–60 лет ($n=50$, средний возраст – $56,2 \pm 3,1$); N3 – мужчины 40–60 лет ($n=50$, средний возраст – $49,1 \pm 8,2$); N4 – женщины 40–60 лет ($n=60$, средний возраст – $51,5 \pm 7,5$).

Методы

Для оценки когнитивно-поведенческих показателей субъективного возраста средней зрелости выделены следующие эмпирические референты: установки и стратегии межличностных отношений, личностная готовность к переменам. Применялся Опросник межличностных отношений Шутца – ОМО в адаптации А. А. Руквишниковой; опросник «Личностная готовность к переменам» (PCRS – *Personality change readiness survey*), А. Rollnik и др. в адаптации Н. А. Бажановой, Г. Л. Бардиера; уровень интеллектуального развития определялся с помощью прогрессивных матриц Равена (*Raven Progressive Matrices*). Дополнительно проводилось интервью о готовности к переменам; оценка субъективного возраста человека с помощью «Приема одного вопроса»: «Иногда люди чувствуют себя старше или моложе своих лет (своего возраста). На сколько лет вы чувствовали себя за прошедший месяц?» (El Habre, 2018).

Результаты и их обсуждение

Среднегрупповой показатель уровня интеллекта в выборках N1 и N2 составил $107 \pm 13,3$ и $101 \pm 15,5$ соответственно, что указывает на снижение показателя IQ с возрастом и ростом неоднородности выборки. В группах N3 и N4 среднегрупповой показатель уровня интеллекта составил $110 \pm 13,6$ и $97 \pm 11,1$ соответственно, что говорит о том, что у женщин уровень IQ ниже, чем у мужчин.

По установкам на стратегии межличностных отношений почти все показатели – находиться в обществе других людей (Ie), желание, чтобы другие проявляли интерес к индивиду и принимали его в свое общество (Iw), подчиняться другим в отношениях (Sw), устанавливать близкие отношения с другими (Ae), желание, чтобы

другие устанавливали глубокие эмоциональные отношения с индивидом (Aw) — имеют пограничные баллы, исключение составляет показатель Се — выраженное поведение в области «контроля», который принимает высокое значение у респондентов группы N1 и низкое значение у респондентов группы N2 ($p < 0,01$). Это означает, что чем старше индивид, тем чаще он избегает принятия решений и ответственности, а чем моложе, тем больше не боится брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью в создании и поддержании отношений. По личностной готовности к переменам обнаружен *низкий* уровень развития шести из семи свойств: страстность, оптимизм, смелость/предприимчивость, адаптивность, уверенность и толерантность к двусмысленности; находчивость у респондентов группы N1 имеет средний уровень выраженности. Прослеживается явное снижение показателей с увеличением возраста. Различия между выборками N1 и N2 по параметрам *страстность и смелость/предприимчивость* значимы ($p < 0,01$). Диагностика субъективного возраста с помощью «Приема одного вопроса» показала, что участники группы N1 при среднем возрасте по паспорту 44,7 года, дают себе 32 года (–12,7 года), в группе N2 при среднем возрасте по паспорту 56,2 года, дают себе 43 года (–13,2 года). Таким образом, присутствует иллюзия снижения своего хронологического возраста, одним из объяснений чего служит идея о реализованности/нереализованности личности в разных сферах жизнедеятельности. Считается, что тенденция оценивать себя моложе своего хронологического возраста нарастает после 25 лет, особенно значительна после 50 лет, достигая 16 лет у пожилых людей. Е. А. Сергиенко отмечает, что более молодой субъективный возраст в более позднем возрасте — универсальный и подтвержденный кросс-культурный феномен (Сергиенко, 2018, с. 562–563).

Сравнивая выборки по полу, прослеживается примерное равенство всех показателей выбора стратегий межличностных отношений, за исключением показателя Sw — *контроль и влияние на индивида извне* ($Cw_{жен} = 5,8$, $Cw_{муж} = 4,1$) ($p < 0,01$). Это может означать, что мужчины неохотно принимают контроль над собой в отличие от женщин средней зрелости, которые, видимо, имеют более выраженную потребность в зависимости.

В исследовании личностной готовности к переменам у мужчин и женщин обнаружен *низкий* уровень развития шести из семи свойств этого конструкта (менее 21 балла), кроме параметра *находчивость* у женщин, который имеет средний (оптимальный вариант) уровень развития (22–26 баллов). Это говорит о низкой личной готов-

ности к переменам у обоих полов, при этом *находчивость*, как умение находить выход из сложных ситуаций, обращаться к новым источниками для решения новых проблем развита выше – на среднем уровне у женщин. Сравнение выборок показало, что различия показателей у мужчин и женщин по шести свойствам не значимы (по критерию Манна–Уитни), а значимы лишь по параметру *находчивость* ($p < 0,02$). Оценка субъективного возраста с помощью «Приема одного вопроса» показала, что участники группы N3 при среднем возрасте по паспорту 49,1 года, дают себе 38 лет (–11,1 года), в группе N4 при среднем возрасте по паспорту 51,5 года, дают себе 44 года (–7,5 лет). Обнаруживается, что «видней мужская красота в морщинах!» (из интервью).

Далее наше исследование коснулось показателей межличностных отношений (ОМО), не описанных ранее. С возрастом индивид меньше стремится *принадлежать* к различным социальным группам, склонен их избегать, так как не чувствует себя хорошо среди людей: так, доля людей с низким уровнем показателя *принадлежать* выросла, а с высоким – снизилась. 40% мужчин и 16% женщин 40–60 лет имеют высокий индекс по показателю «*принадлежать*» (Ie), что предполагает, что мужчина хорошо чувствует себя среди людей и будет активнее стремиться принадлежать к различным социальным группам, чем женщина. Человек средней зрелости осторожен в установлении близких/дружеских отношений и проявлении теплых чувств к другим: доля людей с низким уровнем показателя *стремление к близости* выросла, а с высоким – снизилась ($p < 0,04$).

Выводы

Можно резюмировать, что ряд когнитивных факторов, среди которых – личностная готовность к переменам, уровень интеллекта и стратегии межличностных отношений, опосредованные социокультурным контекстом ситуаций перемен, полом и возрастом, являются достаточными показателями субъективного возраста средней зрелости. Все они имеют невысокие значения в нашем исследовании, что означает необходимость и актуальность нахождения способов, как снизить негативные последствия изменений в результате старения. Мы предположили, что невысокие значения когнитивно-поведенческих маркеров субъективного возраста средней зрелости также связаны с особым показателем адаптации – недостаточным совладанием со стрессами перемен, что и планируем проверить на следующем этапе исследования. Тем более что конструктивные

силы развития эволюционно присущи человеку и определяют противодействие неблагоприятным социальным воздействиям и непродуктивному старению (Анцыферова, 1998, с. 60).

Литература

- Анцыферова Л. И.* Условия деформаций развития личности // Психология личности: новые исследования / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 38–66.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Карбанова О. А.* Семейное психологическое консультирование: теория, практика, образование // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 104–107.
- Крюкова Т. Л.* Совладание как когнитивная адаптация к изменениям // Материалы съезда Российского психологического общества / Сост. Л. В. Артишева; под ред. А. О. Прохорова, Л. М. Попова, Л. Ф. Баяновой и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 1. С. 31–34.
- Сергиенко Е. А.* Субъективный возраст человека – расширение понятия возрастной идентичности // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 561–591.
- Bowling A., Liffе S.* Psychological approach to successful ageing predicts future quality of life in older adults // Health & Quality of Life Outcomes. 2011. V. 9 (1). P. 13–22.
- Center for Disease Control and Prevention (2017, January 31). Healthy Aging. doi: <https://www.cdc.gov/aging/mentalhealth/depression.htm>.
- El Habre Y. S.* Aging well: how subjective age, playfulness and depression influence quality of life among older adults // Electronic theses and dissertations. 2018. doi: <https://stars.library.ucf.edu/etd/5805>.
- Kastenbaum R., Durbin V., Sabatini P., Arrt S.* The ages of me: toward personal and interpersonal definitions of functional aging // Aging and Human Development. 1972. № 3 (2). P. 197–211. doi: 10.2190/TUJR-WTXK-866Q-8QU7.

Cognitive-behavioral markers of middle adulthood (40–60 years old): readiness to change and interpersonal relations strategies

T. L. Kryukova, O. R. Vorontsova

Kostroma State University, Kostroma

The life of the so called “neither young, nor old” generation in a transitive society, having instability and uncertainty of values and norms is often accompanied by the denial of any changes, unavailability for personal change and difficulties in creating close relationships. The article discusses the results of such empirical referents of average adulthood subjective age study as personal readiness for change, intelligence level and interpersonal relations strategies in the context of changing situations. It is argued that the cognitive-behavioral markers of subjective age, which are derived with their help, are sufficient to determine the age of average adulthood, although they raise a number of urgent questions about prevention of negative age-related changes, coping with stress included.

Keywords: average adulthood, subjective age, cognitive-behavioral markers, readiness for change, interpersonal relations strategies.

Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания

Е. В. Куфтяк

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва
elena.kuftyak@inbox.ru

В статье описываются результаты исследования соотношения механизмов психологических защит и стратегий совладания на разных этапах онтогенетического развития, а также реактивного и проактивного копинга в контексте психологического здоровья. В исследовании принимали участие 548 чел. на разных этапах возрастного развития (младший школьный, подростковый и юношеский возраст) и 154 молодых людей в возрасте от 17 до 23 лет. Показано, что первый фактор с наибольшими процентами объяснимой дисперсии во всех исследуемых группах составили копинг-стратегии, что указывает на приоритет в преодолении трудностей с помощью выбора специфических когнитивных и поведенческих стратегий совладания. Второй фактор выявил важность механизмов психологической защиты в сохранении внутреннего психологического гомеостаза. Третий фактор включает поведенческие и эмоциональные усилия, необходимые для управления собой или окружением, чтобы приспособиться к напряженным и конфликтным ситуациям. Установлено, что в группе с низким уровнем психологического здоровья наблюдается большее количество корреляционных связей между стратегиями реактивного и проактивного копинга, чем в группе с высоким уровнем психологического здоровья.

Ключевые слова: совладающее поведение, механизмы психологической защиты, проактивный копинг, взросление, психологическое здоровье.

Проблематика совладания и в зарубежной, и в отечественной психологии сегодня однозначно является междисциплинар-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-36-00038.

ной, будучи широко представлена в таких ее предметных областях как психология личности, клиническая психология, психология развития и социальная психология (Стресс, выгорание, совладание..., 2011). Именно в них накоплен наибольший массив данных в области дифференциации конструктивных и деструктивных стратегий преодоления жизненных трудностей человеком и понимания ментальных ресурсов совладания, о роли в этом процессе особенностей восприятия человеком самой трудной ситуации.

Достаточно дискуссионной остается вопрос, касающийся соотношения бессознательных и сознательных механизмов в поведении человека. Анализ исследований показывает, что механизмы психологической защиты и совладающее поведение включены в процесс, который приводит к адаптивным реакциям индивида (Сергиенко, 2010; Kramer, 1998). Адаптационный процесс, по мнению Ф. Крамер, объединяет психологические защиты и копинг-поведение как механизмы, способствующие удовлетворению индивидуальной потребности в адаптации к реальности (Cramer, 2015). Современные данные убедительно показывают, что стратегии копинг-поведения и механизмы психологической защиты являются взаимосвязанными элементами единой системы психологических механизмов адаптивного поведения (Куфтяк, 2010, 2016).

На сегодняшний день большинство исследований в области совладающего поведения сконцентрировано на событиях прошлого, центрируясь на изучении закономерностей когнитивной оценки трудной ситуации (Frydenberg, 2014). Однако ряд исследователей ссылается на будущие события (Aspinwall, Taylor, 1997). При доминирующем внимании к когнитивной оценке ситуации очевидным становится недооценка такого факта, указывающего на то, что каждый способ совладания опирается на предыдущий опыт переживания человеком трудностей. Соответственно, это ставит вопрос об активности человека, которую он может проявить до возникновения трудной ситуации. Так, специфическое восприятие потенциальных трудных ситуаций как вероятных событий в будущем указывает на существование проактивного, ориентированного на будущее, совладания (Greenglass, 2002). Ориентируясь на современное понимание копинг-поведения, различают реактивное (наступающее в ответ на появление объективного или субъективного стрессора) и проактивное (возникающее как попытки предвидеть будущие жизненные трудности) совладание. Согласно зарубежным авторам (там же), проактивный копинг отличается от реактивного по следующим показателям. Во-первых, проактивный копинг реализуется

на самой начальной стадии взаимодействия личности с ситуацией, когда трудная ситуация еще не возникла, в то время как реактивный копинг направлен на восстановление психологического равновесия после трудных ситуаций. То есть при проактивном копинге когнитивная оценка человеком своих ресурсов (необходимых для совладания) превалирует над оценкой самой ситуации. Во-вторых, в случае реактивного копинга стрессовая ситуация оценивается человеком как угроза, а при проактивном совладании трудная ситуация воспринимается положительно, в качестве вызова.

Итак, в *первой серии* исследований в качестве цели исследования мы сформулировали определение соотношения механизмов психологических защит и стратегий совладания на разных этапах онтогенетического развития. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что существуют закономерности взаимоотношений между защитными механизмами и копинг-стратегиями в контексте онтогенеза.

Во *второй серии* исследований нами были изучены взаимосвязи реактивного и проактивного копинга в контексте психологического здоровья. Было сделано предположение о том, что существует специфика соотношения реактивных и проактивных копинг-стратегий с учетом сохранности психологического здоровья.

Выборка и методики исследования

Для проверки поставленной гипотезы мы применяли комплекс методов. С целью определения выраженности психологических защит использовались опросники «Индекс жизненного стиля» (LSI, 1979; Е. С. Романова, Л. Р. Гребенников) и «Опросник стилей защиты» (DSQ 40, 1993; Е. В. Куфтяк), у младших подростков «Карта оценки детских защитных механизмов» (Р. Плутчик, модификация Е. В. Чумаковой). Совладающее поведение изучалось с помощью методики «Опросник о способах совладания» (WCQ, 1988; Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляева), «Юношеская копинг-шкала» (Э. Фрайденберг, Р. Льюис, адаптация Т. Л. Крюковой), «Опросник копинг-стратегий школьного возраста» (N. Ryan-Wenger, 1990; И. М. Никольская, Р. М. Грановская). Для изучения стратегий проактивного копинга использовалась методика «Опросник проактивного копинга» (Greenglass, Schwarzer Taubert) в адаптации Е. П. Белинской.

Выборку первой серии исследования составили 548 чел. Среди них 165 детей младшего школьного возраста (72 мальчика, 93 девочки, М=10,2 года); 157 детей подросткового возраста (64 мальчика, 93

девочки, $M=13,6$ года); 226 респондентов юношеского возраста (девушек – 111 чел., юношей – 101, $M=18,1$ года). Выборку второй серии исследований составили 154 студента (81,8% девушек) различных специальностей в возрасте от 17 до 23 лет ($M=18$) из разных вузов г. Москвы.

Результаты исследования и их обсуждение

В первой серии исследования с использованием факторного анализа была изучена взаимосвязанность конструкторов механизмов психологической защиты и копинг-стратегий. Факторный анализ осуществлялся методом главных компонент с последующим Varimax-вращением. Факторный анализ применялся в трех группах выборки на разных возрастных этапах – младшего школьного, подросткового и юношеского возраста, в первых двух выборках было выделено пять факторов, юношеской выборке – шесть. Анализ результатов показывает, что все исходные признаки сводятся к 5–6 факторам с суммарным процентом объясненной дисперсии от 52 до 62,7%.

В первый фактор с наибольшими процентами объяснимой дисперсии во всех группах вошли копинг-стратегии, но стратегии в каждой возрастной группе имеют специфику в объединении сходных осознанных действий, близких по смыслу. Кроме того, в группах младших школьников и подростков в фактор вошли механизмы психологических защит.

Первый фактор у младших школьников с учетом максимальных нагрузок можно назвать *«Избегание трудных ситуаций»*. Фактор включает переменные: поиск духовной поддержки, рефлексивный уход, игнорирование информации и переживаний, деструктивные эмоциональные реакции, пассивное отвлечение. В оппозицию перечисленным переменным добавляется формирование реакции ($-0,48$). Вероятно, такое поведение в проблемных ситуациях оправдано в связи с недостаточным жизненным опытом преодоления трудностей.

У подростков первый фактор можно назвать *«Преобразующие стратегии»*. В данный фактор с наибольшими факторными нагрузками вошли: позитивный фокус, работа и достижения, стремление принадлежать, фокусирование на решение проблемы, ставка на близких людей, активный отдых, беспокойство, поиск социальной поддержки, отвлечение. В оппозицию перечисленным переменным добавляется вытеснение ($-0,45$). Вероятно, фактор уловил нестабильность данного возраста, внутренний поиск разрешения ролевых конфликтов, построение личностной идентичности. Подростки готовы обратит-

ся за поддержкой и одобрением к другим людям, но одновременно связывают получение поддержки с совместным активным отдыхом и релаксацией. А при несовладании с проблемной ситуацией игнорируют неприятные переживания. Выявленное сочетание таких различных стратегий свидетельствует о том, что совладающее поведение у подростков является подвижным, допускает альтернативы.

Первый фактор в юношеской группе можно назвать «*Осознанные стратегии*». Этот фактор определяет осознанные стратегии поведения в трудной ситуации.

Итак, первый фактор указывает на преодоление трудностей с помощью выбора специфических когнитивных и поведенческих стратегий совладания.

Во второй фактор с наибольшими процентами объяснимой дисперсии в группах младшего школьного и юношеского возраста вошли механизмы психологической защиты, а в подростковой группе — непродуктивные стратегии совладания.

У младших школьников с наибольшими нагрузками вошли механизмы: проекция, замещение и отрицание. С учетом максимальных нагрузок фактор можно назвать «*Базисные адаптивные реакции*». Так, эти защитные механизмы составляют базис для формирования наиболее сложных и зрелых видов психологических защит.

У молодых людей во второй фактор с наибольшими нагрузками вошли: рационализация, юмор, отрицание, подавление, антиципация, диссоциация, сублимация. С наименьшей факторной нагрузкой вошла переменная обесценивание (0,43). В целом, данный фактор в юношеской выборке можно назвать «*Зрелые психологические защиты*». По данным Дж. Вейлланта, зрелые механизмы формируются в возрасте от 12 до 19 лет. Они связаны с развитием мышления и воображения, так логикой легче управлять, ввиду ее чрезмерной пластичности, поэтому защиты, преобразующие когнитивную информацию, доминируют и легче срабатывают.

У подростков во второй фактор вошли переменные с положительными знаками: несовладание, разрядка, уход в себя, игнорирование. Вошедшие в фактор копинг-стратегии соответствуют *несовладанию*.

В целом, второй фактор характеризует важность механизмов психологической защиты в сохранении внутреннего психологического гомеостаза и стабильности в модели восприятия мира. В периоды нестабильности (кризисов) подростки предпочитают ориентироваться на осознанные действия, даже если они не приносят результата.

В третий фактор у младших школьников и четвертый — у подростков вошли с положительным знаком показатели копинг-стра-

тегий, ориентированных на эмоциональное отреагирование напряженных ситуаций и уровня переживания гнева к школе (когнитивная шкала). С учетом максимальных нагрузок фактор можно назвать как «*Осознанное управление гневом*». Выделение данного фактора, вероятно, указывает на связь шкал опросника, что свидетельствует о важности негативных переживаний в связи со школой и несомладания с ними.

Третий фактор у подростков получил название «*Приспособление к трудным ситуациям*» в связи с вошедшими в его состав копинг-стратегиями и механизмами психологической защиты. С наибольшими факторными нагрузками вошли: общественные действия, профессиональная помощь, регрессия, духовность, реактивное образование, отрицание. С наименьшими нагрузками вошли: компенсация, социальный ресурс, позитивный копинг, интеллектуализация.

У молодых людей в третий фактор вошли показатели выраженности механизмов психологических защит с положительными знаками: проекция, пассивная агрессия, аутистическая фантазия, соматизация, замещение, изоляция, псевдоальтруизм. Этот фактор включает *инфантильно-манипулятивные защитные механизмы*.

Так, третий фактор указывает на определенные поведенческие и эмоциональные усилия, которые необходимо проявить для управления собой или окружением, чтобы приспособиться к напряженным и конфликтным ситуациям. Младшие школьники склонны к эмоциональному реагированию в трудных ситуациях, подростки приспособляются, обращаясь за поддержкой к социальному окружению, преобразуя или искажая содержание мыслей, действий, а молодые люди пассивно манипулируют окружающими людьми.

Четвертый фактор, в целом, характеризует эмоциональное и поведенческое приспособление детей на разных возрастных этапах к напряженным ситуациям. Младшие школьники приспособляются за счет управления социальным ресурсом и преобразуя содержание мыслей, действий (Фактор «*Приспособление к трудным ситуациям*»), а подростки – за счет эмоционального реагирования. Для молодых характерно обращение к базисным адаптивным механизмам, составляющими основу для формирования наиболее сложных и зрелых видов психологических защит.

Пятый фактор младших школьников образуют 3 следующих показателя: эмоциональные контакты с целью получения поддержки (0,77), активно-деятельностное отвлечение (0,67), позитивный копинг (0,50). Эти нагрузки переменных позволяют его интерпретировать как фактор «*Преобразующие стратегии*». Фактор свиде-

тельствует о том, что для респондентов характерно обращение к продуктивным копинг-стратегиям, но, вероятно, ввиду отсутствия жизненного опыта у младших школьников, они обращаются к ним редко.

Пятый фактор в пространстве механизмов психологических защит в группе подростков был назван нами фактором «*Инфантильно-манипулятивных механизмов*». Этот фактор представлен связями с четырьмя следующими показателями: чудо (0,67), самообвинение (0,38), замещение (0,33), проекция (0,23). Так, манипулятивные защиты, определяющие пассивную позицию в ситуации, или вовсе вера в то, что все само собой образуется, в ряде случаев актуализируется комплексом стратегий, а также может сочетаться с самообвинением.

Шестой фактор, выделенный в группе молодых людей, назван нами как фактор механизмов по выработке противоположностей. Этот фактор представлен следующими механизмами психологической защиты: реактивное образование, формирование реакции, аннулирование.

Таким образом, установлена онтогенетическая закономерность соотношения бессознательных и сознательных механизмов поведения в структуре адаптивного поведения. С возрастом сознательные механизмы доминируют в структуре адаптивного поведения, уменьшается доля использования бессознательных механизмов, возрастает использование зрелых защитных механизмов.

Во второй серии исследований для проверки гипотезы выборка была разделена на две группы по показателю Индекс психологического здоровья (ИЗ) методики А. Антоновского «Шкала чувства связности», включающая 29 утверждений ($M=122$): группа молодых людей с низким уровнем психологического здоровья ($n=73$) – респонденты с $ИЗ < 121$ балла и группа молодых людей с высоким уровнем психологического здоровья ($n=81$) – респонденты с $ИЗ > 123$ баллов.

Используя критерий Спирмена, мы проанализировали корреляционные связи между стратегиями реактивного и проактивного копинга. Исследование связи между реактивным и проактивным-копингом с учетом уровня психологического здоровья показало, что в группе с низким уровнем психологического здоровья наблюдается больше корреляционных связей между стратегиями реактивного и проактивного копинга, чем в группе с высоким уровнем психологического здоровья. Большое количество практикуемых копинг-стратегий, вероятно, играет компенсаторную роль в процессе адаптации к стрессовой ситуации, а выраженная стратегия «Противостояние» позволяет предположить, что им необходимо прилагать

больше усилий и особую настойчивость для успешной адаптации к стрессовому воздействию.

К стратегиям, которые имеют наибольшее количество связей у группы с низким уровнем психологического здоровья, относятся «Поиск социальной поддержки», «Самообвинение», «Фантазирование», «Избегание». Вероятно, люди с низким уровнем психологического здоровья недостаточно уверены, что способны справиться с трудностями своими силами, а потому склонны избегать решения проблемы или обращаться за поддержкой к социальному окружению и внешним силам.

Лица с низким уровнем психологического здоровья чаще выбирают защитные копинг-стратегии (фантазирование, избегание), по сравнению с группой с сохранным психологическим здоровьем. Лица с высокими показателями психологического здоровья чаще воспринимают трудную ситуацию как источник позитивного опыта (проактивный копинг), по сравнению с группой с низким уровнем здоровья.

Заключение

Таким образом, установлена онтогенетическая закономерность соотношения бессознательных и сознательных механизмов поведения в структуре адаптивного поведения. С возрастом сознательные механизмы доминируют в структуре адаптивного поведения, уменьшается доля использования бессознательных механизмов, возрастает использование зрелых защитных механизмов. Реактивный и проактивный копинг играют ресурсную или компенсационную роль в зависимости от состояния психологического здоровья. У лиц с низким уровнем здоровья максимально используются как проблемно-ориентированный тип совладания, так и защитные копинг-стратегии, выполняя компенсационную роль в поддержании благополучия и здоровья. В группе с сохранным здоровьем модель копинга более адаптивна за счет выбора эффективных стратегия (проблемно-ориентированных стратегий, ориентации на самоконтроль).

Итак, исследования в области совладающего поведения сменили вектор направленности от последствий стресса к положительным сторонам человеческой психики, что приближает процесс совладания к направлению позитивной психологии с положительными эмоциями, здоровьем и благополучием и выдвигает на первый план значимость того, что важно быть активным, а не реактивным в совладании с трудностями.

Литература

- Куфтяк Е. В.* Психологическое здоровье и защитные механизмы (психологические защиты и совладание) в детском возрасте // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.05.2019).
- Куфтяк Е. В.* Совладающее поведение супружеской пары: динамика и структура // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 17–24.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения и защитные механизмы // Психология совладающего поведения: Материалы II Международной научно-практической конференции. Кострома, 23–25 сент. 2010 г. В 2 т. / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хацова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. Т. 1. С. 65–67.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Aspinwall L., Taylor S.* A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // *Psychological Bulletin*. 1997. V. 121 (3). P. 417–436.
- Cramer P.* Defense Mechanisms: 40 Years of Empirical Research // *Journal of Personality Assessment*. 2015. V. 97 (2). P. 114–122.
- Frydenberg E.* Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes // *Australian Journal of Psychology*. 2014. V. 66. P. 82–92. doi: 10.1111/ajpy.12051.
- Greenglass E.* Proactive coping and quality of life management / E. Frydenberg (Ed.) // *Beyond coping: meeting goals, vision and challenges*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 37–62.
- Kramer U.* Coping and defense mechanisms: What's the difference? // *Journal of Personality*. 1998. V. 66 (6). P. 91–94.

Coping behaviour in growing up: interrelation of defense mechanisms, reactive and proactive coping

E. V. Kuftyak

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

The article marks the research outcomes of the ratio between mechanisms of psychological defense and coping strategies at different stages of the ontogenetic development, and also reactive and proactive coping within the psychological health context. In this research 548 individuals at various levels of age development (primary school, adolescence and youthful) and

young people from age 17 to 23 were engaged. It is illustrated that the coping strategies have amounted the first factor with the highest percentages of the explained variance in all research groups, indicating the priority in overcoming the challenges through the choice of specific cognitive and behavioural coping strategies. The second factor has highlighted the value of psychological protection mechanisms in the conservation of inner psychological homeostasis. The third factor involves behavioural and emotional efforts needed for herself/himself and environment management to adapt to stressful and conflict situations. It is reported that the higher number of correlations between strategies of reactive and proactive coping are in the group of people with low level of psychological health rather than in the group of high level psychological health individuals.

Keywords: coping behaviour, defense mechanism, proactive coping, growing up, psychological health.

Личность в трудных жизненных ситуациях: преемственность идей

Д. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова

Институт психологии РАН, Москва
d.a.nikitina@yandex.ru
nataly.kharlamenkova@gmail.com

Прослеживается преемственность изучения проблемы личности в трудных жизненных ситуациях в научных работах Л. И. Анцыферовой и в исследованиях авторов настоящей статьи. Представлена часть результатов комплексного исследования, посвященного изучению эмоционально-личностных особенностей людей, переживания которых были связаны с постановкой диагноза «менингиома» — доброкачественной опухоли, растущей из паутинной оболочки головного мозга. Проверено предположение о наличии тесной связи признаков посттравматического стресса и психопатологической симптоматики, как психологических последствий воздействия стрессора высокой интенсивности, с некоторыми личностными особенностями — депрессивностью, застенчивостью, эмоциональной лабильностью, и дополнительно — с невротичностью и раздражительностью. Показано, что эти личностные особенности вызывают трудности при адекватном эмоциональном реагировании на события и, наряду с другими факторами, способствуют развитию негативных симптомов у части пациентов с диагнозом «менингиома».

Ключевые слова: посттравматический стресс, личностные особенности, психопатологическая симптоматика, угрожающее жизни заболевание, менингиома, депрессивность, эмоциональная лабильность, застенчивость.

Представление о личности как об открытой системе сформировалось в персонологии (Г. Оллпорт) и гуманистической психологии (К. Роджерс) вследствие возрастающего интереса к ее сущности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00324.

ным проявлениям — к построению отношений с другими людьми, стремлению к познанию и постижению мира. В работах Л. И. Анцыферовой интерпретация личности как «относительно самостоятельного и активного компонента более широких систем» была неотъемлемо связана с осознанием того, что личность — это сложно иерархически организованный субъект, развивающийся диахронически (Анцыферова, 1982, с. 140). Л. И. Анцыферова отмечала, что характер отношений между компонентами иерархической системы (по типу компенсации, дополнения, соподчинения и др.) настолько разнообразен, что позволяет личности успешно функционировать в самых разных жизненных ситуациях, быть пластичной, адаптироваться к трудностям, а также продолжать развиваться даже в экстремальных условиях среды.

Тем не менее, как известно, тяжелые жизненные ситуации вызывают у личности наибольшие психологические проблемы, нарушающие привычный уклад жизни и требующие от человека изменения существующей у него «теории мира». Л. И. Анцыферова писала, что под влиянием аффекта сознание резко сужается и концентрируется на негативных аспектах события; исключение из поля зрения важной информации становится препятствием, мешающим изменить ситуацию к лучшему. В качестве ресурсов совладания с травмирующим воздействием трудной ситуации автор называет эффективную саморегуляцию и социальную помощь (Анцыферова, 2004, с. 101).

Сказанное выше не утратило своей значимости и сегодня, хотя статья, посвященная переосмыслению, преобразованию трудных ситуаций, была опубликована почти четверть века назад (Анцыферова, 1994). Актуальным остается вопрос о причинах несовладания личности с трудными жизненными обстоятельствами.

В современных психологических исследованиях некоторые личностные особенности (например, эмоциональная лабильность, невротичность, замкнутость, враждебность и др.) рассматриваются в качестве предпосылок развития психопатологических симптомов и других психологических последствий воздействия на человека интенсивных стрессоров (Тарабрина, Быховец, 2014; Kopala-Sibley, Klein, Perlman et al., 2017; Stanton, Rozek, Stasik-O'Brien et al., 2016), причем важным оказывается не столько установление прямой связи между личностными особенностями и психопатологическими симптомами, сколько обоснование этой связи посредством выделения механизмов развития негативных последствий психотравматизации.

По нашему мнению, стремление личности к эмоциональной изоляции от окружения (депрессивность, застенчивость) или трудности,

связанные с адекватным эмоциональным реагированием на события (невротичность, эмоциональная лабильность), можно рассматривать в качестве предикторов появления психопатологической симптоматики и признаков посттравматического стресса.

Цель исследования – выявление связей между личностными особенностями, психопатологической симптоматикой и признаками посттравматического стресса у людей, оперированных по поводу доброкачественной опухоли головного мозга.

Гипотеза исследования – психопатологическая симптоматика и признаки посттравматического стресса наиболее выражены при высоких значениях депрессивности, невротичности, застенчивости и эмоциональной лабильности как личностных особенностях, указывающих на проблемы эмоционального реагирования на события и обстоятельства жизни.

Методики исследования

1. *Фрайбургский многофакторный личностный опросник* (Freiburg Personality Inventory, FPI) предназначен для диагностики особенностей личностных характеристик респондента. В исследовании использовалась модифицированная версия опросника, разработанная и адаптированная А. А. Крыловым и Т. И. Ронгинской (Теоретические и прикладные вопросы..., 1995).
2. *Опросник выраженности психопатологической симптоматики* (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R). Шкалы опросника: соматизация, обсессивность–компульсивность, межличностная сензитивность, депрессивность, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм. Шкалы второго порядка: общий индекс тяжести симптомов, индекс симптоматического дистресса, общее число утвердительных ответов. Опросник создан в 1975 г. Леонардом Р. Дерогатисом (L. R. Derogatis). В исследовании использовалась адаптированная версия (Тарабрина, 2001).
3. *Шкала оценки влияния травматического события* (ШОВТС) (Impact of Event Scale – IES-R) применяется с целью диагностики степени выраженности посттравматического стресса (ПТС), включая его симптомы: вторжение, избегание, физиологическую возбудимость. Кроме отдельных показателей ПТС, методика позволяет оценить и общий уровень переживания последствий воздействия стрессора высокой интенсивности (Интегральный показатель, ИТ) (Тарабрина, 2001).

Для статистического анализа данных был применен программный пакет Statistica v. 10. Статистическая обработка данных включала расчет коэффициента корреляции Спирмена (r).

В данной работе представлена часть результатов комплексного исследования, которое реализуется на базе Национального медицинского исследовательского центра нейрохирургии им. академика Н. Н. Бурденко, в рамках договора с Институтом психологии РАН. Первичный отбор пациентов (по критерию – наличие минимального когнитивного дефицита) проводится группой психиатров НМИЦ нейрохирургии им. академика Н. Н. Бурденко под руководством доктора медицинских наук, главного научного сотрудника О. С. Зайцева. Исследование включает в себя два этапа, на каждом из которых пациент проходит индивидуальное комплексное психологическое обследование при участии группы психологов, специалистов лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН.

Участники исследования

Респонденты с диагнозом доброкачественная опухоль паутинной оболочки головного мозга «менингиома» в постоперационном периоде, с наличием минимального когнитивного дефицита. Общее число респондентов – 39 чел., из них – 34 женщины и 5 мужчин в возрасте от 30 до 70 лет ($Me=53$). Перед участием в исследовании все респонденты подписывали информированное согласие.

Результаты исследования

Данные предыдущих исследований (Тарабрина, Харламенкова, Никитина, 2015) показали, что угрожающие жизни заболевания, включая опухолевые заболевания мозга и мозговых оболочек, являются стрессором высокой интенсивности, причем у части респондентов обнаруживается высокий уровень психотравматизации (до 76 баллов по Интегральному показателю методики ШОВТС), коррелирующий с клинической картиной посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

В отечественной и зарубежной науке дискуссионным остается вопрос о том, почему только часть людей, которая переживает воздействие стрессора высокой интенсивности, имеет признаки психотравматизации; обсуждаются причины, вызывающие интенсивный и посттравматический стресс (ПТС). Одно из предположений

состоит в том, что некоторые личностные особенности могут выступать предикторами развития посттравматического стресса. В связи с этим особо актуальным является вопрос об изучении механизмов развития негативных последствий психотравматизации путем анализа сопряженности особенностей личности, психопатологической симптоматики и ПТС.

Интерпретация корреляционных связей, устанавливаемых между переменными, допускает их обсуждение в терминах психологических механизмов, хотя и не может выступать неоспоримым фактом. Тем не менее, объяснение выявленных зависимостей позволяет лучше понять специфику изучаемого конструкта, ядром которого выступает личность с ее неповторимым жизненным опытом.

В исследуемой группе пациентов, оперированных по поводу менингиомы, наиболее тесная связь установлена между *невротичностью, депрессивностью, застенчивостью, эмоциональной лабильностью* (методика FPI) и *всеми* психопатологическими симптомами (методика SCL-90-R) – соматизацией, обсессивно-компульсивными расстройствами, интерперсональной чувствительностью, депрессией, тревожностью, враждебностью, навязчивыми страхами, паранойдностью и психотизмом. Иными словами, каждая из перечисленных выше личностных особенностей оказалась связанной со всем перечнем психопатологических симптомов (p от $1 \cdot 10^{-6}$ до 0,04).

При появлении в профиле личностных характеристик респондента высоких показателей по шкале *раздражительность* (методика FPI), наиболее выраженной становится такая психопатологическая симптоматика (методика SCL-90-R) как обсессивно-компульсивное расстройство, интерперсональная чувствительность, депрессия, тревожность, враждебность, навязчивые страхи, паранойдность (p от $3 \cdot 10^{-5}$ до 0,048).

Личностные особенности *общительность* и *открытость* сопряжены только с отдельными психопатологическими симптомами: общительность – с показателями интерперсональной чувствительности, открытость – с интерперсональной чувствительностью и обсессивностью–компульсивностью. Наличие отрицательной связи между показателями общительности и интерперсональной чувствительности косвенно указывает на трудности общения из-за субъективных или объективных проблем, вызванных болезнью. Значимые корреляции некоторых личностных особенностей – спонтанной агрессивности, уравновешенности, реактивной агрессивности, экстраверсии–интроверсии, маскулинность–фемининность, с психопатологическими симптомами выявить не удалось.

Анализ личностных характеристик показал, что регуляция эмоциональных состояний пациентов с диагнозом «менингиома» имеет свои особенности: она проявляется либо в эмоциональной изоляции от окружения (депрессивность, застенчивость), либо в неустойчивости эмоциональных реакций и слабом контроле (невротичность, эмоциональная лабильность, раздражительность).

Дальнейшая верификация гипотезы проводилась при сопоставлении личностных характеристик и групп симптомов посттравматического стресса (ПТС), таких как *вторжение, избегание, физиологическая возбудимость*. По сравнению с двумя остальными группами симптомов, *вторжение* связано только с депрессивностью ($r=0,42$; $p=0,007$) и эмоциональной лабильностью ($r=0,34$; $p=0,03$). Наиболее тесные связи выявлены между *избеганием* и такими личностными особенностями, как депрессивность ($r=0,49$; $p=0,001$), раздражительность ($r=0,39$; $p=0,013$), застенчивость ($r=0,4$; $p=0,01$), эмоциональная лабильность ($r=0,37$; $p=0,02$). Показатели *физиологической возбудимости*, в том числе, нарушение режима сна, гиперболизированная реакция тревоги и испуга на аспекты, связанные с психотравматическим опытом, коррелируют с невротичностью ($r=0,41$; $p=0,009$), депрессивностью ($r=0,6$; $p=5*10^{-5}$), раздражительностью ($r=0,39$; $p=0,01$), застенчивостью ($r=0,4$; $p=0,01$), эмоциональной лабильностью ($r=0,49$; $p=0,001$).

С общим уровнем ПТС сопряжены депрессивность ($r=0,59$; $p=8*10^{-5}$), раздражительность ($r=0,42$; $p=0,007$), застенчивость ($r=0,45$; $p=0,004$), эмоциональная лабильность ($r=0,48$; $p=0,001$). Гипотеза о том, что психопатологическая симптоматика и признаки посттравматического стресса наиболее выражены при высоких значениях депрессивности, невротичности, застенчивости и эмоциональной лабильности как личностных особенностях, указывающих на проблемы эмоционального реагирования на события и обстоятельства жизни, подтвердилась.

Обсуждение результатов

Результаты исследования демонстрируют актуальность и важность учета личностных характеристик человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию. Переживание, связанное с воздействием стрессора высокой интенсивности, в ряде случаев сопровождается тяжелыми психологическими последствиями, а для пациентов с диагностированным онкологическим заболеванием может стать дополнительным фактором, препятствующим успешной реабилитации. Наличие в отечественной и зарубежной психологии данных

о том, что не у всех людей, переживших воздействие интенсивного стрессора, возникают признаки психопатологической симптоматики и ПТС, ставит вопрос о специфике предикторов, способствующих появлению негативных симптомов. Представляется, что такими предикторами могут выступать личностные свойства в их особой конфигурации. Для пациентов с диагнозом «менингиома» — это депрессивность, застенчивость, эмоциональная лабильность и, дополнительно, — невротичность, раздражительность. Выявленные личностные особенности указывают на специфику эмоциональной регуляции этой группы респондентов и могут препятствовать адекватному восприятию социальной поддержки и совладанию с психологическими последствиями переживания воздействия стрессора высокой интенсивности — постановки диагноза «менингиома».

Выводы

1. Показано, что некоторые личностные особенности — депрессивность, застенчивость, эмоциональная лабильность, а также невротичность и раздражительность, могут выступать в качестве предикторов появления выраженной психопатологической симптоматики и признаков посттравматического стресса при постановке диагноза «менингиома».
2. Показатели депрессивности и эмоциональной лабильности сопряжены со всеми группами симптомов ПТС — вторжением, избеганием и физиологической возбудимостью, что указывает на наибольший вклад этих свойств в возможное развитие негативных психологических последствий воздействия стрессора высокой интенсивности — постановки диагноза «менингиома».

Литература

- Анцыферова Л. И.* Системный подход к изучению формирования и развития личности // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982. С. 140–147.
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.* Уровень пост-травматического стресса и психопатологическая симптоматика у больных, оперированных по поводу менингиомы // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3. С. 32–49.
- Теоретические и прикладные вопросы психологии. Ч. II. Прикладные проблемы психологии / Под ред. А. А. Крылова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995.
- Kopala-Sibley D. C., Klein D. N., Perlman G., Kotov R.* Self-criticism and dependency in female adolescents: Prediction of first onsets and disentangling the relationships between personality, stressful life events and internalizing psychopathology // *Journal of Abnormal Psychology*. 2017. V. 126 (8). P. 1029–1043.
- Stanton K., Rozek D. C., Stasik-O'Brien S. M., Ellickson-Larew S., Watson D.* A transdiagnostic approach to examining the incremental predictive power of emotion regulation and basic personality dimensions // *Journal of abnormal psychology*. Oct. 2016. V. 125 (7). P. 960–975.

Personality in difficult life situations: the continuity of ideas

D. A. Nikitina, N. E. Kharlamenkova
Institute of Psychology RAS, Moscow

Continuity of ideas, formulated by L. I. Antziferova on the issue of personality in difficult life situations is discussed in this article. A part of the results of a comprehensive investigation devoted to the study of the emotional and personal characteristics of people whose experiences were associated with the diagnosis of “meningioma”, which is a benign tumor growing from the arachnoid membrane of the brain is presented. The hypothesis about the presence of a close relationship between the signs of post-traumatic stress, psychopathological symptoms and some personality traits – depression, shyness, emotional lability, and additionally – neuroticity and irritability, was verified. It has been shown that these personality traits cause difficulties with an adequate emotional response to events and, along with other, contribute to the development of negative symptoms in some patients diagnosed with meningioma.

Keywords: post-traumatic stress, personality traits, psychopathological symptoms, life-threatening disease, meningioma, depression, emotional lability, shyness.

К вопросу о связи стыда и нарциссизма

Н. А. Польская, М. Д. Цейтлина

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
polskayana@yandex.ru
mariatseitlina@gmail.com

Обобщены результаты исследований связи стыда и нарциссизма. Выделены два аспекта стыда: стыд как психический процесс и стыдливость как характерологическая черта. В структуре нарциссической личности стыд определен как ядерное переживание, «краеугольный камень» аффекта в нарциссизме. Стыд, наряду с гордостью, включен как в эксплицитную, так и имплицитную самооценку нарциссической личности. Специфика саморегуляции нарциссической личности — снижение интенсивности имплицитного стыда и усиление переживания нарциссической гордости. Имплицитный стыд (склонность к переживанию стыда, стыдливость) может рассматриваться в качестве признака нарциссического расстройства личности.

Ключевые слова: стыд, стыдливость, нарциссизм, грандиозность, уязвимость, гордость, самооценка.

Обращение к теме стыда при изучении различных аспектов нарциссизма является традиционным для западных теоретиков и клиницистов (Morrison, 1989; Ronningstam, 2005). Представляя интерес для многих исследователей, феномен стыда при этом не имеет однозначной трактовки.

В данной статье предпринята попытка дифференцировать стыд как эмоциональный процесс и стыдливость как характерологическую черту или свойство личности, а также рассмотреть связь этих психических явлений с клиническим феноменом нарциссизма.

Стыд как предмет клинико-психологических исследований

Стыд является объектом изучения нескольких гуманитарных наук, и интерес исследователей к данному феномену не случаен. Не-

смотря на большое количество исследований, отсутствует общепринятая точка зрения на этот феномен. Стыд традиционно изучается в рамках философии в его связи с этикой, моралью и совестью. Обращение к теме стыда также характерно для антропологии и социологии, где он часто трактуется как регулятивный механизм поведения и культуры.

В психологии исследуются различные аспекты стыда: возникновение стыда в онтогенезе; роль стыда в развитии личности; феноменология, эволюционно-биологические и психосоциальные функции стыда как эмоции; ситуации, вызывающие появление данного переживания; его роль в структуре психических расстройств и симптомообразовании; возможности психологических измерений стыда и др.

Историческая перспектива развития понятия о стыде в клинической психологии преимущественно связана с психоаналитической и когнитивной парадигмами исследований. Согласно представителям психодинамического направления, переживание стыда сопровождается острым неприятным осознанием собственного «Я» или самости, а также переживанием отчужденности и одиночества. Представители когнитивного направления связывали стыд с атрибутивными процессами и самооценкой, соотнося стыд с интерпретацией ситуации самим индивидом, а не с ее внешними параметрами.

В современных исследованиях, фокусирующихся на проблеме стыда в его связи с психопатологией, отчетливо проявляется тенденция рассматривать стыд в качестве эмоции самосознания. Отличительная особенность данного подхода заключается в выделении моральных эмоций или эмоций самосознания в отдельный класс по нескольким признакам. Данные эмоции, в отличие от первичных, онтогенетически развиваются позже базисных, тесно связаны с когнитивной сферой, подразумевают обязательное наличие способности к самосознанию, саморепрезентации и самооценке.

Стыд в структуре психопатологии традиционно рассматривается двояко: в зависимости от целей и задач исследования принято говорить либо об актуальном эмоциональном процессе, эмоции как таковой («state shame»), либо о склонности, предрасположенности к стыду, имплицитном стыде («shame-proneness», «implicit shame»). Это понятие совпадает с определением интернализованного стыда («internalized shame»). Данный термин употребляется для описания процесса, при котором субъект, находящийся во враждебном или регулярно стыдящем его окружении, постоянно терпящий неудачу и испытывающий эмоцию стыда, со временем научается обходиться со стыдом, заменяя его злостью или используя психические защиты.

Стыд подавляется, перестает переживаться и осознаваться, переходя во внутренний план, интернализируется. В этой трактовке стыд более всего соотносится с понятием черты характера или свойства личности, т. е. со стыдливостью.

Истоки нарциссического стыда

В структуре нарциссической личностной патологии стыд занимает центральное место, являясь ядерным переживанием (Morrison, 1989; Ronningstam, 2005). Выделяют два аспекта нарциссизма: грандиозность и уязвимость. Грандиозность берет свое начало в центральном психологическом процессе, лежащим в основе нарциссизма – это отождествление с идеализированным Я; тогда как уязвимость связана с «нарциссической раной» – утратой грандиозности, которая произошла в раннем развитии, и ответом на которую является стыд. Стыд оказывается «краеугольным камнем» аффекта в нарциссизме, будучи и реакцией на нарциссическую рану, и стимулом для грандиозности (Broucek, 1982; Wright, O’Leary, Balkin, 1989).

Диагностические критерии выделения нарциссического расстройства личности (НРЛ) в DSM-5 совпадают с аспектом грандиозности, в то время как нарциссическая уязвимость принимается во внимание в меньшей степени. Однако исследователями подчеркивается, что именно нарциссическая уязвимость, принижение и обесценивание собственной личности являются прямым следствием испытываемого пациентом стыда (Wright, O’Leary, Balkin, 1989; Ronningstam, 2005).

Истоки нарциссического стыда – в истории раннего развития – это ранний опыт переживания пренебрежения, унижения и неприятия, отсутствие надзора, телесные наказания (Barry, Frick, Adler et al., 2007); а также чрезмерные родительские требования и ожидания в отношении ребенка, включая непоследовательность воспитательных практик (Otway, Vignoles, 2006). По сути, нарциссический стыд формируется в структуре переживаний, вызванных столкновением с трудными жизненными ситуациями, с которыми, как писала Л. И. Анцыферова, человек сталкивается на протяжении всего своего жизненного пути (Анцыферова, 1994). В отдельных случаях эти трудности становятся триггером патологии личности.

В ходе психического развития травматический опыт пренебрежения и ненадежной привязанности становится основой расщепления негативных и позитивных представлений о себе, что находит свое выражение в самооценке, которую отличает хрупкость и противоре-

чивость. На эксплицитном уровне ребенок стремится поддерживать идеальный образ себя, тогда как все негативные самопрезентации сохраняются на имплицитном уровне. Подобный раскол в системе самопрезентации – неявное чувство неадекватности, сосуществующее с явным чувством грандиозности, обуславливает уязвимость Я перед угрозами самоуважения (Tracy, Cheng, Martens et al., 2011).

Чтобы поддерживать завышенное чувство самооценки, нарциссическая личность должна принять защитный стиль саморегуляции, отрицая негативный опыт и переоценивая позитивный. Подобное компенсаторное самосовершенствование характерно для людей с высокими показателями грандиозного нарциссизма, демонстрирующими сочетание высокой эксплицитной и низкой имплицитной самооценки (Tracy, Cheng, Martens et al., 2011).

Наряду с формированием системы представлений о себе происходит формирование моральных эмоций, связанных с самосознанием – эмоций стыда и гордости, что приводит к усилению самофокусировки, концентрации внимания, направленной на представления о себе (Buss, 2001). В связи с этим усиливается чувство чрезмерной ответственности за все события, словно каждое событие – это маркер определенных личностных качеств, тест или испытание.

Процесс оценивания события, вызывающего эмоции, например, неудачи, относительно его влияния на фактические или идеальные представления о себе, может привести к переживанию стыда и позора, когда эта неудача связывается с важными целями идентичности и опосредуется установками персональной ответственности за все, что происходит. Эти установки, по сути, когнитивные искажения – они стабильны («Я всегда так делаю»), неконтролируемы («Я не могу не делать этого») и глобальны («Это влияет на все») (Tracy, Cheng, Martens et al., 2011, p. 332).

Аналогичным образом происходит оценка положительных событий – они связываются с собственной уникальностью и избранностью. И если неудачи вызывают переживание позора и стыда, то удачи – чувства грандиозности и гордости. Этот процесс самооценивания обусловлен высокой степенью концентрации внимания на себе.

Таким образом, стыд оказывается вовлеченным в формирование нарциссического характера наряду с гордостью, а нарциссическая уязвимость развивается наряду с нарциссической грандиозностью. Стыд является одним из маркеров процесса самооценивания, специфика которого в неизменной фокусировке нарциссической личности на представлениях о себе и в использовании внешних собы-

тий для проверки собственной значительности. Его сосуществование с гордостью обусловлено нарциссической диссоциацией — расщеплением негативных и позитивных представлений о себе, соотносящихся с имплицитным — глобально негативным Я, и эксплицитным — глобально позитивным и идеализированным Я.

Грандиозность нарциссической личности поддерживается ее позитивными и идеализированными представлениями о себе, а не реальными событиями, поскольку они неконтролируемы. В ответ на риск «вторжения» реальности нарциссическая личность формирует глобальную гордость (гордыню), характеризующуюся высокомерием и эгоизмом, в противовес подлинной гордости, основанной на реальных достижениях. Именно гордыня тесно связана с грандиозными и уязвимыми аспектами нарциссизма; она отрицательно коррелирует как с явной, так и неявной самооценкой (Tracy, Cheng, Martens et al., 2011).

Саморегуляция нарциссической личности направлена на снижение интенсивности переживания стыда и усиление нарциссической гордости, в меньшей мере связанной с достижениями, и в большей мере поддерживаемой представлениями о собственной грандиозности, уникальности и исключительности.

Оценка эксплицитного и имплицитного стыда при НРЛ

Клинические исследования стыда у пациентов с нарциссическим расстройством личности (Ritter, Vater, Rusch et al., 2014) подтверждают гипотезу о том, что стыд — это основная эмоция в структуре данного расстройства. В исследовании К. Ritter с соавторами, проводившемся на немецкоязычной выборке, подвергался диагностике как эксплицитный стыд, так и склонность к переживанию стыда. В эксперименте принимали участие 28 пациентов с нарциссическим расстройством личности, 31 пациент с пограничным расстройством личности и контрольная группа из 34 респондентов без психических заболеваний. Результаты исследования говорят о том, что у пациентов с нарциссическим расстройством личности показатели эксплицитного стыда существенно выше, чем у контрольной группы. Однако у пациентов с пограничным расстройством личности эти показатели еще выше, чем при нарциссизме. Таким образом, переживание пациентами эксплицитного стыда не может служить специфическим критерием определения нарциссического расстройства.

Показатели наличия у испытуемых имплицитного, неосознаваемого стыда и склонности к стыду, как и ожидалось, наиболее высо-

ки именно у пациентов с нарциссическим личностным расстройством. Этот факт объясняется тем, что пациенты с НРЛ используют широкий спектр стратегий для регуляции собственного поведения, в том числе — для избегания переживания эксплицитного стыда; при этом стыдливости пациентам избежать не удается (Ritter, Vater, Rusch et al., 2014). Поэтому предрасположенность пациентов с НРЛ к имплицитному стыду, или стыдливости как личностной черте, может быть релевантным показателем и использоваться в качестве одного из критериев диагностики НРЛ.

Выводы

Изучение проблематики стыда и его связи с нарциссизмом, демонстрирует необходимость разграничения стыда как эмоционального процесса и стыдливости как черты характера или свойства личности. Наибольшее значение для нарциссического расстройства личности имеет именно характерологическая стыдливость. В виду этого, становится актуальным вопрос о границе перехода, превращения эмоционального процесса в состояние, а затем — в предрасположенность и черту характера, и связи данного явления с формированием нарциссической патологии. Наиболее общепринятой на сегодняшний день является точка зрения о расщеплении негативных и позитивных представлений о себе и когнитивных искажениях как своеобразного совладания с внутриличностной противоречивостью.

Стыд, наряду с гордостью, включен как в эксплицитную, так и имплицитную самооценку нарциссической личности. Специфика саморегуляции нарциссической личности заключается в снижении интенсивности имплицитного стыда и усилении переживания нарциссической гордости. Имплицитный стыд (склонность к переживанию стыда, стыдливость) может рассматриваться в качестве признака нарциссического расстройства личности.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3—18.
- Barry C. T., Frick P. J., Adler K. K., Grafeman S. J.* The predictive utility of narcissism among children and adolescents: Evidence for a distinction between adaptive and maladaptive narcissism // Journal of Child and Family Studies. 2007. V. 16. P. 508—521.

- Broucek F. J.* Shame and its relationship to early narcissistic development // The International Journal of Psycho-Analysis. 1982. V. 63. P. 369–378.
- Buss A. H.* Psychological dimensions of the self. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc., 2001.
- Morrison A. P.* Shame: the underside of narcissism. Hillsdale, NY: Analytic Press, 1989.
- Otway L. J., Vignoles V. L.* Narcissism and childhood recollections: A quantitative test of psychoanalytic predictions // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. V. 32. P. 104–116.
- Ritter K., Vater A., Rusch N., Schroder-Abe M., Schutz A., Fydrich T., Lammerers C., Roepke S.* Shame in patients with narcissistic personality disorder // Psychiatry Research. 2014. V. 215 (2). P. 429–437.
- Ronningstam L. F.* Identifying and understanding the narcissistic personality. Oxford University Press, 2005.
- Tracy J. L., Cheng J. T., Martens J. P., Robins R. W.* The emotional dynamics of narcissism: Inflated by pride, deflated by shame // Handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings and Treatments / W. K. Campbell, J. D. Miller (Eds). Hoboken: John Wiley & Sons Inc., 2011. P. 330–343.
- Wright F., O’Leary, J., Balkin J.* Shame, guilt, narcissism and depression: Correlates and sex differences // Psychoanalytic Psychology. 1989. V. 6. P. 217–230.

On the correlation between shame and narcissism

N. A. Polskaya, M. D. Tseytlina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

The present study summarizes the results of empirical research on the correlations between shame and narcissism. Two aspects of shame are discussed: the affect of shame and shame proneness or trait shame. Shame is defined as the core emotion or “keystone” affect in narcissism. Shame, alongside with hubristic pride, shapes explicit and implicit narcissistic self-esteem. Narcissistic self-regulation is characterized by minimizing the intensity of implicit shame and maximizing the experiences of hubristic pride. Implicit shame (shame proneness) may be considered as a prominent feature of NPD.

Keywords: the affect of shame (state shame), shame proneness (trait shame), narcissism, grandiosity, vulnerability, hubristic pride, self-esteem.

Толерантность личности к неопределенности и мотивация исследовательской деятельности аспирантов

А. Б. Салихова

Первый Московский государственный медицинский университет
им. И. М. Сеченова, Москва
salihova.ab@1msmu.ru

Неопределенность стала доминирующей характеристикой современного мира, что рассматривается как вызов личности. Однако неопределенность всегда являлась одновременно условием и предметом исследовательской деятельности. Целью нашего исследования стало выяснение связи толерантности к неопределенности с типом мотивации (внутренней или внешней) для различных видов деятельности аспирантов в университете. Выборку составили 227 аспирантов естественных факультетов Казанского университета. В общей выборке обнаружена прямая связь между толерантностью к неопределенности и внешней мотивацией к различным формам деятельности в университете и обратная – с внутренней мотивацией; т. е. чем выше толерантность к неопределенности, тем больше необходимости во внешних стимулах (вознаграждениях, принуждении) для мотивирования к исследованию, тогда как избегание неопределенности служит источником ее внутренней мотивации. В подгруппе с высоким уровнем толерантности к неопределенности направление связей оказалось обратным: внутренняя мотивация и толерантность к неопределенности были связаны прямо, что позволяет говорить о качественно ином виде мотивации исследования как стремлении к неопределенности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, самодетерминация, внутренняя мотивация, образование, аспиранты.

Современность как эпоха нарастания неопределенности, сложности и разнообразия (Асмолов, 2015; Леонтьев, 2015; Талев, 2012) требует не столько стратегии адаптации, сколько преадаптации к миру (Асмолов, 2015). Это можно сказать как в глобальном плане о переживаемой человеком неопределенности себя в мире,

так и о проявлениях неопределенности в разных жизненных ситуациях и деятельности.

В этом контексте особую актуальность представляет вопрос о ресурсах человека как субъекта в преодолении неопределенности и создании собственных точек опоры в жизни. В качестве такого ресурса рассматривается толерантность к неопределенности (Леонтьев, 2015). В понимании личности Л. И. Анцыферовой (Анцыферова, 2006) внутренние источники становятся как детерминантами ее активности, так и ресурсами в преодолении трудных жизненных ситуаций, т. е. ставится акцент на внутреннюю детерминацию, аналогично развиваемой в зарубежной психологии в концепции самодетерминации (Ryan, Deci, 2017). В этом подходе делался большой акцент на собственной внутренней мотивации человека в регуляции им своей жизни и деятельности. Внутренняя мотивация определяется как свободное включение и участие человека в деятельности по собственной инициативе и при отсутствии внешних требований или подкреплений, т. е. на основе собственного выбора. Внешнюю мотивацию связывают с вынужденным участием в деятельности на основе обязательств, принуждения или давления внешних обстоятельств, ради достижения внешних по отношению к осуществляемой активности целей.

Можно полагать, что, когда человеком движет внутренняя мотивация в опоре на свои источники активности, он может быть эффективнее в ситуациях неопределенности, поскольку может сам создать для себя опору, найти островки определенности в постоянно изменяющемся, неопределенном мире. Как пишет Д. А. Леонтьев, ограничение неопределенности является условием и необходимостью успешности деятельности человека в качестве самодетерминируемого субъекта (Леонтьев, 2015). Совершая выбор, человек преобразует неопределенность и хаос во что-то упорядоченное, создавая себе этим возможность действовать.

Понимание роли толерантности к неопределенности во взаимосвязи как ее детерминант, так и ее следствий, особенно актуально для тех видов деятельности, в которых неопределенность является ее постоянным условием и даже предметом, а именно для исследовательской деятельности. Эффективное включение в исследование подразумевает не только овладение способами деятельности, но и личностное развитие, определенный склад человека как исследователя. Возможно, именно для таких людей характерен не очень распространенный вид реагирования на неопределенность, который Е. Т. Соколова (Соколова, 2015) описывает такими словами, как ра-

дость и азарт от процесса исследования и сопутствующих ему инсайтов, любопытство и удовольствие конструирования новых смыслов. На наш взгляд, такие феномены могут возникать в условиях, когда активность человека задается внутренней мотивацией.

Все вышесказанное дает основания полагать, что мотивация различных видов деятельности студентов на высших ступенях системы образования, готовящей и иницирующей будущих исследователей, может зависеть от толерантности личности к неопределенности.

Вопрос о том, какой вид мотивации – внешняя или внутренняя – преобладает в различных видах деятельности аспирантов университета и как это связано с уровнем толерантности личности к неопределенности, т. е. способности справляться с данными вызовами, стал центральным вопросом данного исследования. Мы предполагаем, что толерантность к неопределенности связана с внутренней мотивацией различных видов деятельности на высших ступенях системы образования. Проверка данного предположения и стала *целью* данного исследования.

Анализируя основные формы деятельности студентов университета на высшей ступени образования, нацеленной на подготовку исследователя, мы выделили два психологически различающихся вида такой деятельности. С одной стороны, в подготовку исследователя включены виды активности, непосредственно направленные на предмет исследования: это сбор и анализ научной литературы по теме исследования, организация исследования, сбор материала, а также его обобщение и анализ в форме научных текстов. С другой стороны, в программу такой подготовки включены виды активности, связанные с коммуникацией в научном сообществе: общение с научным руководителем, коллегами в исследовательской группе или лаборатории, участие в групповых занятиях. Каждый из этих видов деятельности связан с ситуациями, создающими свои качественно различающиеся вызовы неопределенности.

Организация и методы исследования

В качестве инструментария для сбора данных использовались следующие методики.

Русскоязычная версия опросника «Шкала общей толерантности к неопределенности» (MSTAT-1) (Д. Мак-Лейн), адаптированная на русском языке (Леонтьев, Осин, Луковицкая, 2016). Пункты опросника образуют три шкалы исходя из источника предполагаемой неопределенности, оценивая отношение к новизне, к сложным

задачам и к неопределенным ситуациям, и две шкалы исходя из модальности отношений к источникам неопределенности — предпочтение неопределенности (все прямые пункты опросника) и избегание неопределенности (все обратные пункты опросника). Высокие баллы по последней шкале свидетельствуют о тенденции человека не искать возможностей избежать неопределенности (а не наоборот — стремиться избежать ее). Также оценивается общий показатель толерантности к неопределенности.

«Опросник саморегуляции в обучении» (SRQ-L; Black, Deci, 2000). В данную методику в качестве оцениваемых объектов было включено описание форм деятельности аспирантов в университете, а именно: «Написание научных текстов (тезисов, статей и пр.)», «Организация и проведение сбора материала для исследования», «Поиск информации по теме исследования и ее систематизация», «Посещение занятий в университете», «Обсуждение работы с научным руководителем», «Обсуждение работы с коллегами/однокурсниками». Стандартными остались основные пункты, описывающие критерии оценки, три из которых связаны с внутренними причинами активности ($\alpha=0,92$), а два — с внешними ($\alpha=0,88$). Оценивание производилось по шкале от 1 до 5, где высокие баллы отражали более сильную внутреннюю или внешнюю мотивации соответственно. Отдельно рассчитывались баллы для внутренней и внешней мотивации путем усреднения по всем шести видам активности. Кроме того, вычислялся индекс относительной автономии (RAI): разница баллов внутренней и внешней мотивации.

Результаты

Наибольшее количество корреляций как с внешней, так и с внутренней мотивацией, а также показателем автономности мотивации демонстрирует общий показатель толерантности к неопределенности (15 из 18 возможных). Показатель *внешней мотивации* в разных ситуациях исследовательской деятельности студентов связан с толерантностью к неопределенности прямыми связями, тогда как показатель *внутренней мотивации* и индекс автономности мотивации — обратными. Более того, показатель *внешней мотивации* всех видов академической активности значимо и прямо связан как с общей толерантностью к неопределенности (6 из 6 возможных корреляций), так и, в частности, с аспектами предпочтения и отсутствия избегания неопределенности, отношения к новизне и к сложным задачам (35 из 36 возможных корреляций) и чуть менее однозначно с отно-

шением к ситуации неопределенности (4 из 6 возможных корреляций). При этом показатель *внутренней мотивации* показывает связь с элементами толерантности к неопределенности намного реже (13 из 36 возможных корреляций), и все зафиксированные связи являются обратными. Наибольшее количество таких связей внутренней мотивации относится к ситуации «Поиск информации по теме исследования и ее систематизация» (5 из 6 возможных корреляций) и к аспекту отсутствия избегания неопределенности (5 из 6 возможных корреляций). Чуть меньше значимых связей внутренней мотивации с аспектами толерантности к неопределенности обнаружено в ситуациях «Написание научных текстов» (3 из 6 возможных корреляций) и «Организация и проведение сбора материала для исследования» (3 из 6 возможных корреляций). *Индекс автономности мотивации* (RAI), вычисляемый как разница показателей внутренней и внешней мотивации для каждой из изучаемых ситуаций, имеет значимые обратные связи со всеми аспектами толерантности к неопределенности почти во всех ситуациях исследовательской деятельности студентов (30 из 36 возможных корреляций).

Сравнение групп студентов с высокой и низкой толерантностью к неопределенности по показателю *внешней мотивации* к исследовательской деятельности демонстрирует наличие значимых различий для всех оцениваемых ситуаций. Т. е. внешняя мотивация преобладает в этих ситуациях у студентов с высокой толерантностью к неопределенности по сравнению с их менее толерантными к неопределенности коллегами. При этом у студентов с низкой толерантностью к неопределенности значимо выше *внутренняя мотивация* почти ко всем ситуациям исследовательской активности, кроме ситуации «Обсуждение работы с коллегами/однокурсниками». У студентов с низкой толерантностью к неопределенности в процессе их исследовательской деятельности *индекс автономности мотивации* (RAI) также выше, чем у более толерантных к неопределенности студентов, и это различие статистически значимо для всех видов исследовательской активности.

В группе студентов с низкой толерантностью к неопределенности анализ взаимосвязей внутренней, внешней мотивации и индекса автономности мотивации с аспектами толерантности к неопределенности показал незначительное количество таковых. Переменные и направленность их связей повторяет таковые, обнаруженные на общей выборке, однако их крайне малая пропорция в ряду незначимых связей не позволяет рассматривать их всерьез, а сами они могут быть отнесены к категории статистических ошибок.

При высоких показателях толерантности к неопределенности мы видим существенное количество взаимосвязей индекса автономии мотивации (RAI) с толерантностью к неопределенности, что отличает эту группу от группы с низкой толерантностью. В группе студентов с высокой толерантностью к неопределенности, так же, как и в общей выборке, толерантность к неопределенности демонстрирует положительные связи с *внешней мотивацией* исследовательской деятельности, однако таких связей гораздо меньше. Кроме того, эти связи ограничиваются лишь одним типом ситуаций исследовательской активности и одним аспектом толерантности к неопределенности. Так, чем больше толерантность к неопределенности в диапазоне ее высоких значений, тем более выражена *внешняя мотивация* для ситуации «Посещение занятий в университете», и чем более позитивно отношение к сложным задачам, тем больше выражена *внешняя мотивация* при осуществлении исследовательской деятельности.

Однако настоящей неожиданностью в свете предыдущих описанных закономерностей стал результат, согласно которому в диапазоне высоких значений толерантности к неопределенности знак связи внутренней мотивации и показателя автономии мотивации с аспектами толерантности к неопределенности противоположен тому, что был показан для полного разброса значений толерантности к неопределенности. Повышение уровня *внутренней мотивации* исследовательской деятельности связано с большим принятием неопределенности и с более позитивным отношением к ситуациям неопределенности в группе студентов с *высоким уровнем толерантности к неопределенности*. Причем эти связи проявляются в большей степени в отношении тех видов исследовательской деятельности, которые непосредственно направлены на предмет исследования, нежели ситуаций, связанных с обсуждением результатов исследования. Что касается *индекса автономии мотивации* (RAI) исследовательской деятельности, то у высокотолерантных к неопределенности студентов он также выше при более позитивном отношении к неопределенным ситуациям.

Обсуждение результатов

Согласно полученным результатам большинство составляющих общей толерантности к неопределенности значимо связаны с мотивацией различных видов и этапов исследовательской деятельности студентов. При этом направление всех полученных взаимосвязей оказалось противоположным исходно выдвинутому предположению-

ям. *Внешняя мотивация* разных видов и этапов академической деятельности студентов в университете связана с толерантностью к неопределенности прямыми связями по всем изучаемым параметрам, тогда как *внутренняя мотивация* демонстрирует связи гораздо реже и в тех случаях, когда они есть, они являются обратными. Промежуточное положение занимает *индекс автономности мотивации*, и в том случае, когда связи с ним обнаруживаются, они также являются обратными.

Эти результаты в целом противоречат нашему предположению о том, что именно *внутренняя мотивация* может быть прямо связана с толерантностью к неопределенности. Внутренняя мотивация академической деятельности студентов в университете в целом не так сильно связана с толерантностью к неопределенности, тогда как высокий уровень толерантности к неопределенности в большей степени связан с *внешней мотивацией* академической деятельности.

Как видим, внешняя мотивация оказывается очень важной на всех этапах исследования для высокотолерантных к неопределенности студентов. Какие-то внешние рамки, принуждение или награды, становятся для них источником активности в академической деятельности в университете. Внутренняя мотивация академической активности в меньшей степени зависит от уровня толерантности к неопределенности. Результаты свидетельствуют о том, что только выраженное избегание неопределенности связано с высокими значениями внутренней мотивации по всем видам академической деятельности студентов. В наибольшей степени внутренняя мотивация студентов связана с толерантностью к неопределенности для таких видов исследовательской деятельности, как поиск информации об изучаемом предмете, ее анализ и синтез, в том числе в виде написания научных текстов, а также обсуждение работы с научным руководителем, т. е. в таких видах активности, которые в большей степени связаны с созданием определенности из неопределенности. В целом, низкая толерантность к неопределенности может рассматриваться как источник внутренней мотивации в некоторых видах академической активности студентов. Именно невозможность переносить неопределенность становится источником внутреннего побуждения к исследовательской активности как способу перейти от состояний неопределенности к определенности.

Данные результаты в своей кажущейся парадоксальности созвучны полученным нами ранее (Salikhova, Lynch, Salikhova, 2018), согласно которым внутренняя мотивация академической деятельности студентов университета характерна для тех из них, кого ха-

рактирует низкий уровень осмысленности жизни. Т. е. результаты данных двух исследований свидетельствуют о том, что все ассоциируемое с образом эффективного благополучного устойчивого к вызовам современности человека (высокий уровень осмысленности жизни, толерантность к неопределенности) в академической деятельности студентов связано с внешним характером ее мотивации, т. е. ожиданием поощрений или другими способами принуждения. Низкая толерантность к неопределенности порождает внутреннюю мотивацию академической деятельности студентов как стремление за счет исследования преодолеть неопределенность и создать определенность.

Выводы

1. Толерантность к неопределенности тесно связана с внешней мотивацией академической деятельности аспирантов, и эти связи положительны: для аспирантов, которые имеют высокий, а не низкий уровень толерантности к неопределенности, необходимы внешние подкрепления.
2. Внутренняя мотивация академической деятельности аспирантов связана с уровнем толерантности к неопределенности в меньшей степени, чем внешняя мотивация; обнаруженные связи были обратными, т. е. нетерпимость к неопределенности служит источником внутренней мотивации для академической деятельности.
3. Более тесно связана с толерантностью к неопределенности внутренняя мотивация предметно-ориентированных видов исследовательской деятельности по сравнению с коммуникативными компонентами деятельности.
4. При высоком уровне толерантности к неопределенности внутренняя мотивация положительно связана с толерантностью к неопределенности, что позволяет нам говорить о новом качестве мотивации исследовательской деятельности как стремлении расширить горизонты неопределенности.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования

- ния. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
- Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г.* Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016.
- Соколова Е. Т.* Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
- Талев Н. Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: Колibri–Азбука–Аттикус, 2012.
- Black A. E., Deci E. L.* The effects of instructors' autonomy support and students' autonomous motivation on learning organic chemistry: A self-determination theory perspective // *Science Education*. 2000. V. 84. P. 740–756.
- Ryan R. M., Deci E. L.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development and wellness. N. Y.: Guilford, 2017.
- Salikhova N. R., Lynch M. F., Salikhova A. B.* The meaningful and motivational determinants of the scholarly activities of doctoral students // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, IFTE 2018 – 4th International Forum on Teacher Education*. Kazan, 22–24 May 2018 / Ed. R. Valeeva. V. XLV. P. 84–94.

Personal tolerance for uncertainty and research activities motivation of doctoral students

A. B. Salikhova

Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow

Uncertainty has become the dominant characteristic of the modern world, which is seen as a challenge to the individual. However, uncertainty has always been both a condition and a subject of study. The aim of our study was to clarify the relationship between tolerance for uncertainty with the type of motivation (internal or external) for various activities of doctoral students at the university. The sample consisted of 227 doctoral students of natural departments of Kazan University. The general sample shows a direct links between tolerance for uncertainty and external motivation to various forms of activity at the university and the reverse links with internal motivation. That is, the higher the tolerance for uncertainty is, the greater the need for

external incentives (rewards, coercion) to motivate the study is. While avoiding uncertainty is the source of internal motivation to study. In the subgroup with a high level of tolerance for uncertainty, the direction of links turned out to be the opposite: internal motivation and tolerance for uncertainty are directly related, which allows us to talk about a qualitatively different type of motivation for study as a desire for uncertainty.

Keywords: tolerance for uncertainty, self-determination, internal motivation, education, doctoral students.

Роль мотивации и рефлексии в регуляции психических состояний студентов

А. В. Чернов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
albertprofit@mail.ru

В статье представлены результаты исследования роли мотивации в рефлексивной регуляции психических состояний в учебной деятельности студентов. Представлены теоретические подходы к изучению роли мотивации и рефлексии в регуляции состояний человека. В исследовании приняли участие студенты-психологи I курса. В ходе работы диагностировались мотивационные тенденции студентов, их уровень рефлексии, а также характеристики переживаемых психических состояний. В результате исследования показана взаимосвязь различных типов мотивации с подструктурами психических состояний у студентов-психологов. Отмечается роль взаимодействия мотивации социальной полезности и рефлексии в совокупном влиянии на психические состояния студентов-первокурсников. Установлено, что «высокорефлексивные» студенты, мотивированные быть социально полезными, испытывают снижение показателей выраженности психических состояний в ходе учебной деятельности.

Ключевые слова: психическое состояние, рефлексия, саморегуляция, мотивация, учебная деятельность.

Учебная деятельность представляет собой ту сферу деятельности, где значимость мотивационных и рефлексивных факторов в регуляции поведения оказывается наиболее высокой. От специфики мотивации студентов, осознанности действий и их способности к саморегуляции зачастую зависит успешность овладения материалом и становление их как будущих специалистов.

Так, О.А. Конопкин (Конопкин, 1995) подчеркивает роль рефлексии не только на операционно-техническом, но и на мотивационном

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.

уровне регуляции, так как рефлексия дает возможность человеку занять внешнюю позицию относительно самого себя и своих действий, что делает возможным их осознанную регуляцию. В исследованиях саморегуляции психических состояний, проведенных в учебной и профессиональной деятельности И. Х. Мирзиевым (Мирзиев, 2002), была определена роль рефлексии как опосредующего звена между психическими состояниями и регуляторными действиями субъекта. Авторами показано, что эффективность саморегуляции отрицательных психических состояний зависит от различных составляющих сознания: от рефлексии, образа желаемого и актуального состояния, а также мотивации и личностного смысла. Показано, что чем выше уровень рефлексии, тем успешнее протекает регуляторный процесс.

В работах В. В. Лысенко (Лысенко, 2002) выявлено дифференцированное влияние саногенной рефлексии на компоненты саморегуляции и их соотношение, которое обнаружило зависимость от индивидуального потребностного профиля респондентов. Отметим также исследования Д. К. Войтюка (Войтук, 2004), в которых рефлексивный акт выступает в качестве основного способа влияния на состояние готовности личности к профессиональной деятельности. В свою очередь, каждый уровень психологической готовности характеризуется определенной мотивацией, функциональным состоянием и операционными свойствами субъекта деятельности.

В своих исследованиях Д. Куль (Kuhl, 1987) различает ориентацию на действие и на состояние как две альтернативные формы саморегуляции в проблемных ситуациях. Как показали многочисленные исследования, более ориентированные на действие индивиды реализуют большую часть своих намерений по сравнению с теми, кто ориентирован на состояние. В то же время они менее подвержены негативному влиянию ситуаций, порождающих беспомощность, лучше способны усиливать мотивационную привлекательность значимой для них альтернативы, облегчая тем самым принятие решения, и, наконец, они оптимистичнее в отношении ожиданий успеха, сильнее вовлечены в деятельность и гораздо лучше справляются со сложными задачами.

В то же время ряд авторов (Silvia, Eichstaedt, Phillips, 2005), изучая фокусированное на Я внимание, предложили мотивационную модель индивидуальных различий, в основе которого лежит размышление о себе. Самофокусировка исследовалась записью отдельных слов и завершением двусмысленных предложений с местоимениями от первого лица. Ни одно из исследований не подтвердило вза-

имосвязь между сфокусированном на Я внимании и продуктивностью размышления.

В наших более ранних работах показано, что достижение желаемого состояния осуществляется через цепь переходных состояний. Информация о достижении необходимого состояния, т.е. того, насколько переживаемое состояние соответствует искомому, реализуется при помощи обратной связи. Переход от состояния к состоянию происходит при использовании различных психорегулирующих средств и приемов, включенность которых определяется рефлексивными механизмами сознания. Регуляторный процесс совершается при активном участии основных когнитивных процессов (восприятие, представления, мнемические процессы, мышление и др.), интегральных (целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль) и метакогнитивных (метавосприятие, метапамять, метамышление и др.) с опорой на свойства личности (темперамент, характер и др.) и метасвойства. Он малоэффективен в случае отсутствия соответствующей мотивации субъекта и личностного смысла.

При всем многообразии проводимых исследований, они не в полной мере раскрывают роль мотивации в рефлексивной регуляции психических состояний студентов. Для исследования роли мотивации в рефлексивной регуляции состояний была сформирована выборка из студентов 1 курса (40 чел. обоих полов), все студенты Института психологии РАН и образования Казанского федерального университета. Исследование проводилось в ходе семинарского занятия.

В ходе исследования были использованы следующие методики:

1. Методика «Рельеф психического состояния личности» (Методики диагностики и измерения..., 2004).
2. Методика определения уровня рефлексивности А. В. Карпова—В. В. Пономаревой (Карпов, Скитяева, 2005).
3. Методика диагностики мотивационной структуры В. Э. Мильмана, позволяющая выявить имеющиеся у личности мотивационные тенденции, сгруппированные в 7 категорий: жизнеобеспечение, комфорт, общение, социальный статус, общая активность, творческая активность и социальная полезность (Ильин, 2002).
4. Методики диагностики мотивации к достижению успеха и избеганию неудач Т. Элерса (Ильин, 2002).

Для обработки данных, полученных в ходе исследования, были применены следующие методы: методы описательной статистики; мно-

гофакторный дисперсионный анализ (MANOVA) для установления характера влияния особенностей мотивации на рефлексивную регуляцию психических состояний студентов.

Обратимся к основным результатам исследований.

В ходе исследований было установлено, что наиболее типичными состояниями в ходе семинара для студентов 1 курса оказались такие состояния, как заинтересованность (26%), волнение (20%), сосредоточенность (13%) и спокойствие (13%). Также были отмечены состояния утомления (10%), удовлетворенности (10%) и задумчивости (8%).

На основании полученных данных был проведен корреляционный анализ структурных элементов выделенных психических состояний и мотивационных характеристик личности. Выделены значимые взаимосвязи показателей структуры психических состояний и исследуемых параметров у студентов.

Выявленные взаимосвязи подструктур психического состояния и данных параметров позволяют сделать вывод о некоторых тенденциях. На протекание психических процессов у студентов 1 курса влияет избегание неудач ($p \leq 0,011$), причем показатель характеризуется обратной связью, т.е. чем выше избегание неудач, тем более скованно себя чувствует человек, ухудшается сообразительность, плохо сосредотачивается внимание, присутствует чувство неуверенности и зажатости.

Стоит отметить, что для студентов 1 курса также оказались значимыми связи физиологических реакций с такими показателями, как комфорт ($p \leq 0,003$), социальный статус ($p \leq 0,038$), рефлексия текущей деятельности ($p \leq 0,005$). Так, учащиеся 1 курса оказались зависимыми от внешних условий деятельности, организованности процесса и ориентированы на проявление себя, своей социальной значимости.

Переживания студентов имеют взаимосвязь с показателем избегания неудачи ($p \leq 0,044$) и чем больше выражена данная направленность, тем более напряженные переживания они испытывают. Обнаружена связь переживаний с показателями социального статуса и рефлексии текущей деятельности. Так, рефлексия студентов-первокурсников обратно взаимосвязана с переживаниями ($p \leq 0,002$), так же, как и самоконтроль в эмоциональной сфере ($p \leq 0,018$). В связи с этим высокий уровень контроля и рефлексии способствует снижению переживания вялости, скованности, пассивности. Стремление к социальному статусу ($p \leq 0,018$) и признанию, напротив, актуализирует активность и оптимистичность в переживаниях студентов.

Также выявлены взаимосвязи подструктуры «поведение» с такими показателями, как рефлексия текущей деятельности и социальный статус. Так, рефлексия деятельности ($p \leq 0,018$) влияет на поведение обратным образом: с повышением рефлексии преобладают черты пассивности, неустойчивости поведения. Показатель социального статуса студентов 1 курса ($p \leq 0,014$) связан с их поведением, повышая открытость, чувство стабильности и уверенности. Показатель «избегание неудач» обратно связан с поведением ($p \leq 0,024$), что свидетельствует о том, что студенты с преобладанием подобной мотивации ведут себя более закрыто и пассивно.

Таким образом, для студентов-первокурсников наиболее значимыми мотивационными характеристиками, оказывающими влияние на состояние, оказались показатели комфорта, социального статуса и избегания неудач. Однако в ходе изучения мотивационной структуры личности было установлено, что наибольшую выраженность у студентов-психологов имеет мотивация социальной полезности. Данная мотивация отражает преобладание у личности мотивационных установок действовать на благо общества, быть полезным другим людям, проявлять заботу и внимание к окружающим. При помощи многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA) было установлено влияние мотивации *социальной полезности* на рефлексивную регуляцию психических состояний. Было установлено влияние рефлексии текущей деятельности и мотивации социальной полезности на все подструктуры психических состояний.

Отметим, что модель дисперсионного анализа статистически значима на уровне $p \leq 0,0001$ и объясняет около 60% дисперсии средних значений. Взаимодействие показателей рефлексии деятельности и социальной полезности значимо на уровне $p < 0,001$. Установлено влияние рефлексии на психические состояния студентов с разным уровнем социальной полезности. Отметим, что взаимосвязь указанных показателей носит нелинейный характер.

Полученные данные отражают следующие взаимосвязи: у студентов со слабым и средним уровнем мотивации социальной полезности не наблюдается значимых различий в состоянии, оно характеризуется средней интенсивностью. Студенты, мотивированные быть социально значимыми, с повышением уровня рефлексивности, испытывают снижение показателей выраженности состояния. Так, студенты с низким и средним уровнем рефлексии, при низкой или средней значимости социальной полезности обнаруживают более равновесное состояние, чем высокорефлексивные. У этой группы испытуемых стремление быть эффективным, по-

вышенная критичность и требовательность к себе снижает общее состояние.

Таким образом, выявлено, что студенты-психологи 1 курса с высоким уровнем рефлексии при высокой выраженности социальной полезности характеризуются менее интенсивными показателями психических состояний, ухудшением способности к регуляции на всех подструктурах состояния. Наиболее оптимальное соотношение обнаружено у лиц со средним уровнем рефлексии и средней выраженностью социальной полезности.

Литература

- Войтюк Д. К.* Влияние рефлексии на формирование психологической готовности личности к профессиональной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2004.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
- Карпов А. В., Скитяева И. М.* Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Конопкин О. А.* Психологическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Лысенко В. В.* Влияние саногенной рефлексии на компоненты саморегуляции: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Методики диагностики и измерения психических состояний личности / Автор и сост. А. О. Прохоров. М.: Пер Сэ, 2004.
- Мирзиев И. Х.* Особенности саморегуляции отрицательных психических состояний в обыденной жизнедеятельности субъекта: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2002.
- Kuhl J.* Action Control: the maintenance of motivational states / F. Halisch, J. Kuhl (Eds) // Motivation, Intention and Volition. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag, 1987. P. 279–291.
- Silvia P., Eichstaedt J., Phillips A.* Are rumination and reflection types of self-focused attention? // Personality and Individual Differences. 2005. № 38. P. 871–881.

The role of motivation and reflection in the regulation of students' mental states

A. V. Chernov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

The article presents the results of the study of the motivation role in the reflective regulation of mental states in the students' educational activities. Theoretical approaches to the study of the motivation and reflection role in the regulation of mental states are presented. The study involved the first year psychology students. Students' motivational tendencies, their level of reflection, and also the characteristics of the experienced mental states were diagnosed. As a result of the study, the interrelation of various types of motivation with the substructures of mental states was shown. The role of interaction of social utility motivation and reflection in the cumulative effect on the mental states of first-year students was noted. It is established that "highly reflexive" students, motivated to be socially useful, experience a decrease in the severity of mental states in the course of educational activities.

Keywords: mental state, reflection, self-regulation, motivation, learning activity.

Когнитивная регуляция эмоций в структуре интеллектуально-личностного потенциала

М. А. Шестова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
shestovamariya@yandex.ru

В статье представлены результаты адаптации Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла на российской выборке, а также результаты исследования взаимосвязей эмоциональной креативности (ЭК) с когнитивными стратегиями эмоциональной регуляции (СКРЭ) и эмоциональным интеллектом (ЭИ). Выборку составили 310 чел. (166 женщин и 144 мужчины в возрасте от 17 до 43 лет, $M=20,47$; $SD=2,48$) – студенты МГУ им. М. В. Ломоносова. В результате предложен предварительный вариант пятифакторной структуры ОЭК. Положительная корреляция между шкалой ОЭК «Новизна–уникальность» и шкалой «Открытость опыту» по Большой пятерке подтвердила конвергентную валидность ОЭК. Показано, что лица, использующие эффективные стратегии когнитивной регуляции («Позитивная переоценка», «Фокусирование на планировании») набирают высокие баллы по ЭК и ЭИ, а лица, использующие деструктивные стратегии («Обвинение других») обладают низкими баллами по ЭК и ЭИ. Лица, обладающие такой чертой Большой пятерки, как «Согласие» отличаются конструированием эффективных ЭР. Психологическая разумность положительно связана с эффективными СКРЭ и ЭК.

Ключевые слова: эмоциональная креативность, эмоциональный интеллект, эмоциональная сложность, регуляция эмоций, Опросник Эмоциональной Креативности, Краткий опросник Большой пятерки.

Введение

Эмоциональный интеллект (ЭИ), эмоциональная креативность (ЭК), психологическая разумность (ПР) и когнитивные стратегии регуляции эмоций (СКРЭ) рассматриваются как проявления функциони-

рования единого интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова, 2016). ЭИ, ЭК, ПР и СКРЭ в разных аспектах отражают способность личности работать со своими эмоциями.

Дж. Эверилл разработал конструктивистскую теорию эмоций и, исходя из ее ключевых положений, определяет ЭК как способность на основе социальных норм, конструировать новые аутентичные и эффективные эмоциональные реакции (ЭР) (Averill, 1999). Понятие ЭК близко представлениям об ЭИ, фиксирующим опору человека на эмоциональный опыт, включающий эффективное использование эмоций, для чего их необходимо уметь воспринимать и понимать, управлять ими и использовать для повышения эффективности мышления и деятельности. Новизна понятия ЭК раскрывается в шкалах Опросника эмоциональной креативности (ОЭК), разработанного Дж. Эвериллом в 1999 г. Шкалы «Эффективность/Аутентичность» («Э/А») и «Новизна», направлены на раскрытие аспектов креативности в работе с эмоциями, а шкала «Готовность» (в нашем варианте: «Готовность размышлять над эмоциями»), отражает необходимость длительной подготовки для достижения креативности в любой сфере (Averill, 1999). На этапе адаптации ОЭК Дж. Эверилл показал связи между ЭК и чертами Большой пятерки: «Новизна» коррелирует с «Открытостью опыту», а «Э/А» с «Согласием».

Дж. Эверилл пишет, что на описательном уровне наблюдается значительное совпадение понятий эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности; «например, и то, и другое предполагает чувствительность и знание об эмоциях (предрасположенность), а также способность эффективно и достоверно реагировать. Основное различие заключается в потенциале новых реакций в случае ЭК» (Averill, 2004). Таким образом, заключает Дж. Эверилл эмоционально креативные люди должны в некоторой степени обладать эмоциональным интеллектом. Обратное, однако, не обязательно верно: люди, которые обладают ЭИ, по крайней мере, измеренные такими тестами, как MSCEIT (The Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test), не должны быть особенно креативными. Это происходит потому, что MSCEIT является мерой конвергентного, а не дивергентного эмоционального интеллекта.

Когнитивная регуляция эмоций предполагает изучение влияния когнитивных процессов на эмоции и влияние эмоций на протекание когнитивных процессов. Важную роль в этом играет когнитивная оценка. Н. Гранефски с коллегами (авторы методики измерения СКРЭ) полагают, что есть эффективные стратегии, которые измеряются шкалами опросника когнитивной регуляции эмоций: «Пози-

тивная переоценка», «Фокусирование на планировании», «Рассмотрение в перспективе», и деструктивные стратегии к ним относятся, например, шкала «Обвинение других» (Рассказова, Леонова, Плужников, 2011). Гросс и Томпсон не соглашаются с тем, что стратегии априорно можно разделять на эффективные или неэффективные, в случае если стратегии однообразно используются в разных ситуациях они трансформируются в неэффективные (Падун, 2010).

Когнитивная регуляция эмоций – это регуляция эмоций посредством включения познавательных процессов, что делает возможным совладание с эмоциональными переживаниями в трудных жизненных ситуациях. Н. Гранефски и Ф. Крайг считают не совсем правомерным разделение на эмоционально-фокусированный (изменение эмоциональной реакции) и проблемно-ориентированный (изменение ситуации) копинги, так как любая стрессовая ситуация включает одновременно оба типа совладающего поведения, причем эмоционально-фокусированный копинг предшествует проблемно-ориентированному. Эмоциональная креативность предполагает умение работать со своими эмоциональными реакциями, и эта способность порождает новые, аутентичные и эффективные ЭР может помочь личности лучше и эффективнее совладать со своими эмоциями. Психологическая разумность (ПР) понимается как способность личности видеть взаимосвязи между своими чувствами, мыслями и действиями. ПР показывает, насколько человек заинтересован в рефлексии над эмоциональной и интеллектуальной сферами (Новикова, Корнилова, 2014) и насколько для него эффективно обсуждение своих эмоций с другими людьми (что также является примером совладающего поведения). Таким образом, ПР наряду с ЭК (как способностью конструировать эффективные и аутентичные ЭР) делает свой вклад в эффективность работы с внутренним эмоциональным планом и совладанием с эмоциями в трудной жизненной ситуации.

В работах Дж. Майера и П. Саловея ЭИ определялся как способность: «точно воспринимать, оценивать и выражать эмоции; способность получать доступ и/или генерировать чувства, когда они облегчают мышление; способность понимать эмоции и эмоциональные знания; и *способность регулировать эмоции* для содействия эмоциональному и интеллектуальному росту» (Mayer, 1997, с. 10). М. Зейднер с коллегами выдвинули модель, в которой ЭИ рассматривается как сознательная регуляция эмоций (Zeidner, Matthews, Roberts et al., 2003). В нашем исследовании мы опирались на модель ЭИ, разработанную Д. В. Люсиным, где ЭИ понимается как способность: «к по-

ниманию и управлению эмоциями как своими собственными, так и чужими».

Цель: установить взаимосвязи между ЭК, ЭИ и когнитивной регуляцией эмоций. Предварительной задачей стала апробация ОЭК Дж. Эверилла на российской выборке.

Гипотезы предварительного этапа.

1. Связь между конструктом ОЭК «Новизна–уникальность» и чертой Большой пятерки – «Открытость опыту» укажет в пользу конвергентной валидности ОЭК;
2. Существуют различия между мужчинами и женщинами по ЭК.

Гипотезы основного этапа.

1. Лица, использующие эффективные стратегии когнитивной регуляции эмоций, имеют высокий ВЭИ (внутриличностный эмоциональный интеллект) и МЭИ (межличностный эмоциональный интеллект), их эмоциональные реакции эффективны и аутентичны. Лица, использующие деструктивные СКРЭ, имеют низкий ВЭИ, и их ЭР не отличаются эффективностью и аутентичностью.
2. Лица, отличающиеся стремлением к сотрудничеству и дружелюбием (черта Большой пятерки – «Согласие»), способны конструировать эффективные и аутентичные ЭР.
3. Психологическая разумность положительно связана с эффективными СКРЭ и ЭК.

Дизайн

На предварительном этапе (апробация ОЭК) выборку составили 310 человек (N=310 из них 166 женщин и 144 мужчин в возрасте от 17 до 43 лет, M=20,47; SD=2,48). Участники проходили тестирование в групповой форме и заполняли ОЭК в нашем переводе (перевод оценивался двумя экспертами: психологом и лингвистом, так же был осуществлен обратный перевод для проверки сохранности семантики пунктов), и Краткий опросник Большой пятерки КОБП (Корнилова, Чумакова, 2016).

На основном этапе исследования изучались взаимосвязи ЭК с ЭИ и когнитивными стратегиями регуляции эмоций.

Участники исследования: 148 чел. в возрасте от 17 до 35 лет (N=148, M=20; SD=2,9), из них 66 женщин и 82 мужчины – студенты естественнонаучных и гуманитарных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова.

Методики: Опросник ЭМИн; ОЭК (в нашей адаптации), Опросник когнитивной регуляции эмоций ОКРЭ (Рассказова, Леонова, Плужников, 2011), Шкала психологической разумности (ШПР) (Новикова, Корнилова, 2014).

Результаты предварительного этапа

Обработка данных проводилась с использованием статистического пакета IBM SPSS v. 20 и EQS v. 6.4. Для определения факторной структуры ОЭК (N=310) использовалась процедура эксплораторного факторного анализа. В качестве критерия выделения факторов был выбран «критерий каменной осыпи» Р. Кеттелла, так как он оставляет наименьшее количество факторов. Изначально мы планировали подтвердить трехфакторную, авторскую модель ОЭК, но критерий Р. Кеттелла показал 5 факторов, которые хорошо интерпретируются. На российской выборке, фактор «Э/А», предложенный Дж. Эвериллом распался на два: «Эффективность» и «Аутентичность» и появился новый, пятый: эмоциональная сложность «ЭС». Пятый фактор «ЭС» был предложен на основе содержательного анализа пунктов опросника, в него вошли пункты, отражающие сложность и противоречивость эмоционального опыта, например, пункт 9: «Я могу представить себя одиноким, разгневанным и веселым одновременно». ЭС понимается разными авторами как:

- 1) диалектизм и точность в самоотчетах людей об эмоциональных переживаниях;
- 2) эксплицитное, пропозициональное знание об эмоциях в ситуациях;
- 3) как самооценка людьми степени их сложности (Lindquist, Feldman, 2008).

С помощью конфирматорного факторного анализа проверялось две модели: трехфакторная – авторская, и пятифакторная – наша. Для *трехфакторной* модели $\chi^2=1245$; $df=402$; $\chi^2/df=3,0$; CFI=0,683; RMSEA=0,082. Для *пятифакторной* модели $\chi^2=877$; $df=395$; $\chi^2/df=2,2$; CFI=0,819; RMSEA=0,063.

Для хорошо согласованной модели χ^2/df должно быть меньше двух. В нашем случае χ^2/df равно 2,2, что говорит о неполном соответствии модели эмпирическим данным. Поэтому мы можем говорить только о предварительном варианте факторной структуры ОЭК, которая включает в себя 5 факторов («Новизна–уникальность», «Готовность размышлять над эмоциями», «Эффективность», «Аутен-

тичность» и «Эмоциональная сложность»). В результате первая гипотеза принята: в пользу конвергентной валидности ОЭК указала связь между шкалой ОЭК «Новизна–уникальность» и шкалой «Открытость опыту» по КОБП ($r=0,46$, $p<0,001$). Вторая гипотеза также принята: Т-тест показал значимые различия между мужчинами и женщинами по шкалам «ЭС» ($T=-3,33$, $p<0,001$) и «Готовность размышлять над эмоциями» ($T=-2,98$, $p<0,005$), эффект Коэна равен $-0,53$ и $-0,48$ соответственно.

Результаты основного этапа

Первая гипотеза принята, так как ВЭИ и МЭИ действительно положительно связаны с эффективными СКРЭ, а лица, использующие деструктивные СКРЭ, имеют низкий ВЭИ и их эмоциональные реакции не отличаются эффективностью и аутентичностью.

Результаты взаимосвязей ЭИ и когнитивных стратегий регуляции эмоций: МЭИ (межличностный эмоциональный интеллект) положительно взаимосвязан с такими эффективными СКРЭ как «Фокусирование на планировании» ($r=0,30^{**}$, здесь и далее: * $p<0,005$, ** $p<0,001$), «Позитивная переоценка» ($r=0,32^{**}$) и «Рассмотрение в перспективе» ($r=0,32^{**}$). ВЭИ (внутриличностный эмоциональный интеллект) положительно взаимосвязан с эффективными СКРЭ «Фокусирование на планировании» ($r=0,28^{**}$), «Позитивная переоценка» ($r=0,40^{**}$) и «Рассмотрение в перспективе» ($r=0,40^{**}$). И отрицательно взаимосвязан с деструктивной СКРЭ «Обвинение других» ($r=-0,30^{**}$). «Понимание эмоций», измеренное при помощи опросника ЭИИ также демонстрирует положительные корреляции с вышеперечисленными эффективными СКРЭ и отрицательно с деструктивной СКРЭ «Обвинение других» ($r=-0,17^*$).

Результаты взаимосвязей ЭК и когнитивных стратегий регуляции эмоций следующие: «Эффективность» положительно взаимосвязана со стратегиями: «Фокусирование на планировании» ($r=0,28^{**}$), «Позитивная переоценка» и «Рассмотрение в перспективе» ($r=0,26^{**}$), но отрицательно со стратегией «Обвинение других» ($r=-0,20^{**}$). «Аутентичность» и «Готовность размышлять над эмоциями» демонстрирует такие же результаты.

Если мы говорим о взаимосвязях между ЭК и ЭИ, то здесь результаты получились следующие: «Готовность размышлять над эмоциями» положительно коррелирует с МЭИ ($r=0,30^{**}$); «Эффективность» положительно взаимосвязана почти со всеми шкалами ЭИИ; «Аутентичность» отрицательно связана с «Контролем экс-

прессии» ($r=-0,34^{**}$); «Эмоциональная сложность» отрицательно связана с «Пониманием своих эмоций» ($r=-0,34^{**}$), ВЭИ ($r=-0,33^{**}$) и с «Управлением эмоциями» ($r=-0,16^*$).

Вторая гипотеза принята частично: со шкалой КОБП «Согласие» связана только шкала ОЭК «Эффективность» ($r=0,38^{**}$).

Третья гипотеза принята: ПР связана с эффективными СКРЭ и ЭК. Шкалы ШПР «Заинтересованность в сфере переживаний», «Желание и готовность обсуждать переживания» положительно связаны с эффективной СКРЭ «Фокусирование на планировании» ($r=0,21^*$ и $r=0,20^*$, соответственно). «Польза от обсуждения переживаний» и «Желание и готовность обсуждать переживания» отрицательно связаны с деструктивной СКРЭ «Катастрофизация» ($r=-0,20^*$ и $r=-0,22^*$, соответственно).

Результаты корреляций между ПР и ЭК: «Открытость новому опыту» (ШПР) связана со шкалой ОЭК «Новизна» ($r=0,22^*$); «Польза от обсуждения переживаний» с «Эффективностью» ($r=0,30^{**}$) и с «Аутентичностью» ($r=0,29^{**}$); «Желание и готовность обсуждать переживания» положительно связана с «Эффективностью» ($r=0,26^{**}$). «Эмоциональная сложность» отрицательно связана «Доступностью переживаний» ($r=-0,30^{**}$).

Обсуждение

ЭК и ЭИ сходным образом связаны со СКРЭ: лица, конструирующие эффективные ЭР, а также обладающие высоким ЭИ реже обвиняют других и чаще фокусируются на планировании и позитивной переоценке как способах регуляции эмоций. Это говорит о том, что участники, использующие эффективные СКРЭ лучше понимают как свои, так и чужие эмоции, умеют управлять ими, а также эффективно конструируют новые и аутентичные ЭР, и напротив, лица, обладающие низким ВЭИ и ЭК, чаще используют деструктивные СКРЭ, а их новые ЭР не отличаются эффективностью.

Лица, отличающиеся «психологической разумностью», склонны использовать эффективные СКРЭ, а также стремятся обсуждать свои эмоции и чувства, и это обсуждение является для них эффективными (позволяет им открыто говорить о своих подлинных чувствах и эмоциях — проявлять аутентичность) и позволяет легче справляться с трудными жизненными ситуациями.

Отрицательная корреляция ($r=-0,30^{**}$) между ВЭИ и «Эмоциональной сложностью», показывает, что человек может одновременно испытывать разные, в том числе и противоречивые эмоции, но не все-

гда может понять их или контролировать. Лица, которые набирают высокий балл по шкале опросника ЭмИн «Контроль экспрессии», чаще сдерживают сами себя и отказываются от выражения подлинных эмоций.

В пользу конвергентной валидности ОЭК указала также корреляция шкалы ОЭК «Новизна» со шкалой ШПР «Открытость новому опыту» ($r=0,22^*$). Лица, имеющие высокие баллы по шкале «Согласие» описываются как сострадательные, добродушные, стремящиеся к кооперации, а так же они отличаются конструированием эффективных ЭР. Таким образом, установленные связи между ЭК и Большой пятеркой подтверждают полученные ранее результаты (Averill, 1999).

Выводы

1. ОЭК Дж. Эверилла на российской выборке в предварительном варианте имеет хорошо интерпретируемую пятифакторную структуру: «Новизна–уникальность», «Готовность размышлять над эмоциями», «Эффективность», «Аутентичность» и «Эмоциональная сложность».
2. Связь между конструктом ОЭК «Новизна–уникальность» и «Открытостью опыту» как черты Большой пятерки говорит в пользу конвергентной валидности ОЭК.
3. Эффективные СКРЭ сопутствуют лучшему пониманию, управлению эмоциями, а также конструированию новых, эффективных и аутентичных ЭР.
4. Эмоциональный интеллект, психологическая разумность и эмоциональная креативность способствуют использованию эффективных СКРЭ, что позволяет эффективно совладать с трудными жизненными ситуациями.

Литература

- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2019).
- Новикова М. А., Корнилова Т. В.* «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адап-

тация опросника) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 95–110.

Падун М. А. Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 57–69.

Рассказова Е. И., Леонова А. Б., Плужников И. В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2011. № 4. С. 161–178.

Averill J. R. Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // *Journal of personality*. 1999. V. 67. № 2. P. 331–371.

Averill J. R. A tale of two snarks: Emotional intelligence and emotional creativity compared // *Psychological Inquiry*. 2004. V. 15. № 3. P. 228–233.

Lindquist K. A., Feldman L. Emotional Complexity // *The Handbook of Emotions*. 3rd Ed. N. Y.: Guilford, 2008. P. 513–532.

Mayer J. D. What is emotional intelligence? // P. Salovey, D. Sluyter. *Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators*. N. Y.: Basic Books, 1997. P. 3–31.

Zeidner M, Matthews G., Roberts R. D., MacCann C. Development of emotional intelligence: Towards a multi-level investment model // *Human development*. 2003. V. 46. № 2–3. P. 69–96.

Cognitive regulation of emotions in the structure of intellectual personal potential

M. A. Shestova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

This paper gives a description of J. Averill's Emotional Creativity Inventory (ECI) adaptation for the Russian-speaking people and demonstrates relations between emotional creativity, emotional intelligence and cognitive emotion regulation strategies. The sample was comprised of 310 participants – students from Lomonosov MSU (144 male and 166 female) aged between 18 and 32 years old ($M=20,47$; $SD=2,48$). As the result, preliminary version of the five-factor structure of the ECI was proposed; the convergent validity of the ECI was confirmed by positive correlation between scale of the ECI “Novelty–uniqueness” and scale of the TIPI “Openness to experience”. It is shown that persons, who use effective strategies of cognitive regulation (“Positive reappraisal”, “Focus on planning”) have high indexes of EI and EC; persons, who use destructive strategies (“Other–blame”) have low indexes of EI and EC. Persons, who have high indexes in “Agreeableness” – the Big-Five trait, differ in construction of effective ER. Psychological mindedness

correlates positively with effective cognitive emotion regulation strategies and EC. These results can be beneficial for scientists who study EC, EI and PM and for scientists, who need to measure EC.

Keywords: emotional creativity, emotional intelligence, emotional complexity, cognitive emotion regulation strategies, Emotional Creativity Inventory, Big-Five.

Авторы

- Адамян А. А. 467
Адеева Т. Н. 615
Алдашева А. А. 474
Апреликова Н. Р. 501
Арутюнян К. Р. 511
Барабанщиков В. А. 97
Беляева Т. И. 441
Бехтер А. А. 624
Бондаренко И. Н. 150
Будрина Е. Г. 349
Бузина А. А. 632
Бызова В. М. 106
Вавакина Т. С. 484
Васильченко Н. А. 193
Веденеева Е. В. 450
Виленская Г. А. 358
Воловикова М. И. 200
Воронцова О. Р. 672
Гасимова В. А. 123
Гильманов С. А. 367
Головей Л. А. 114
Гришина Н. В. 23
Галкина Т. В. 208
Данилова Ю. Ю. 114
Дорфман Л. Я. 123
Евстафеева Е. А. 640
Елисеева И. Н. 218
Жалагина Т. А. 234, 244
Журавлев А. Л. 11
Забелина Е. В. 596, 640
Зеленова М. Е. 647
Иванкова Д. Л. 376
Ипполитова Е. А. 385
Калугин А. Ю. 133
Карпова Е. А. 657
Кашапов М. М. 392
Кисляков П. А. 494
Китова Д. А. 501
Клементьева М. В. 400
Ковалева Г. В. 123
Ковалева Ю. В. 511
Кондратьев М. Д. 518
Корниенко Д. С. 173
Короткина Е. Д. 244
Короткина Т. И. 525
Костенко Е. В. 647
Костригин А. А. 255
Крылова М. А. 663
Крюкова Т. Л. 672
Куфтяк Е. В. 680
Лебедев А. Н. 31
Лекалов А. А. 647
Леонтьева А. А. 583
Лим В. С. 647
Лобанкова И. В. 588
Лоскутова М. Е. 408

Лупенко Е. А. 97
Мазилев В. А. 261
Матан В. В. 274
Мироненко И. А. 281
Мишкевич А. М. 142
Моросанова В. И. 150
Мурзина Ю. С. 415
Мустафина Л. Ш. 535
Нартова-Бочавер С. К. 156
Немов Р. С. 38
Нестик Т. А. 543, 552
Никитина Д. А. 690
Никитина Е. А. 425
Новикова О. В. 552
Няголова М. Д. 291
Овчинников М. В. 605
Овчинникова Т. Н. 45
Ожиганова Г. В. 54
Олейник Ю. Н. 218
Перикова Е. И. 106
Плющ А. Н. 61
Позняков В. П. 561
Польская Н. А. 698
Пономарева И. В. 568, 640
Прокушенкова О. И. 300
Прохоров А. О. 69
Ребеко Т. А. 164
Руднова Н. А. 173
Рунец О. В. 474
Рябикина З. И. 78
Савина О. О. 433
Салихова А. Б. 705
Самохвалова А. Г. 575
Селиванов В. В. 86
Сизова Я. Н. 568, 605
Синельникова Е. С. 583
Стоюхина Н. Ю. 314
Трушина И. А. 450
Хавыло А. В. 588
Хазова С. А. 441
Харламенкова Н. Е. 11, 690
Холондович Е. Н. 321
Цейтлина М. Д. 698
Циринг Д. А. 640
Чернов А. В. 715
Честюнина Ю. В. 450, 596, 605
Швец Т. А. 457
Шестова М. А. 722
Шляпников В. Н. 180
Шмелева Е. А. 494
Штомпель С. Т. 518
Шунто А. С. 97
Щебетенко С. А. 142
Юров И. А. 337
Якунин А. П. 525
Яценко Д. А. 38

Научное издание

Серия «Методология, история и теория психологии»

**МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ
ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ**

Корректоры – *Л. В. Бармина, А. Книголюбова*

Оригинал-макет, верстка и обложка – *В. П. Ересько*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Тел.: +7 (495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 11.09.19. Подписано в печать 25.09.19

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 45,87. Уч.-изд. л. 38,2

Тираж 200 экз. Заказ 4467

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6